

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия «Филология»
Том 20 (59). №1

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2007

ISBN 5-7763-9818-5
Журнал зарегистрирован 23 ноября 1999 года
Серия КМ №534

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. – главный редактор
Бержанский В. Н. – заместитель главного редактора
Ена В. Г. – ответственный секретарь

Редакционный совет серии «Филология»

Казарин В. П., доктор филологических наук, профессор – (редактор серии)
Богданович Г. Ю., доктор филологических наук, профессор – (редактор выпуска)
Борисова Л. Н., доктор филологических наук, профессор
Киричек П. М., доктор филологических наук, профессор
Меметов А. М., доктор филологических наук, профессор
Новикова М. А., доктор филологических наук, профессор
Орехова Л. А., доктор филологических наук, профессор
Петренко А. Д., доктор филологических наук, профессор
Рудяков А. Н., доктор филологических наук, профессор

Печатается по решению Ученого Совета факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (протокол №4 от 26.12.2006 г.)

© **Таврический национальный университет, 2007 г.**
Подписано в печать 14.02.2007 г. Формат 70x100 ¹/₁₆, 28,7 уч.-изд. л., Тираж 500. Заказ №37
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
Просп. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007.

«Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського».
Науковий журнал. Серія «Філологія». Том 20 (59). №1.
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2007.
Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: просп. Вернадського, 4, м. Симферополь, 95007.
Надруковано у інформаційно-видавничому відділі
Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського.
Просп. Академіка Вернадського, 4, м. Симферополь, 95007.

*Сборник посвящается
80-летию профессора
Олега Михайловича Соколова*

**Олег Михайлович
СОКОЛОВ
(9 января 1927 года – 13 февраля 1993 года)**

Раздел 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ПРОФЕССОРА О. М. СОКОЛОВА
И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

УДК 811.161.1'366.587+373[611-612]+(038)81.28

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ О. М. СОКОЛОВА
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. О. Соколова

В статье в хронологическом порядке охарактеризованы проблемы, входившие в круг научных интересов профессора О. М. Соколова, дан краткий анализ его взглядов по ключевым вопросам морфемики, словообразования, лексикологии, аспектологии, имплицитной морфологии и теории фреймов, очерчены перспективные направления развития его идей.

Ключевые слова: вариантность, глагол, фазовость, оппозиция, префикс, имплицитная морфология, фрейм.

Творческий путь О. М. Соколова в языкознании начался в 1954 г., когда молодой выпускник Ленинградского университета приехал по распределению в старинный сибирский университетский город Томск. Основная специальность, по которой он учился в университете, была «славянская филология», специализация — болгарский язык и литература, диплом защищал по болгарской литературе; дополнительная специальность, которую им добавили на шестом курсе, потому что на славистов не было достаточного количества заявок, — русский язык и литература. Так случилось, что в Томске не было именно слависта, поэтому его взяли прежде всего как знатока болгарского ассистентом на кафедру русского языка историко-филологического факультета. Конечно же, на небольшой кафедре молодому специалисту пришлось вести практически все курсы — от болгарского и современного русского языков до диалектологии, о которой он поначалу имел довольно смутное представление, руководить диалектологической практикой студентов. О диалектологии в жизни О. М. Соколова следует сказать особо, потому что в его взаимоотношениях с этой наукой сложилось отношение к науке вообще.

Дело в том, что к моменту его прихода на кафедру русского языка ее сотрудники долгие годы плодотворно занимались диалектологией, проводя практически все летние месяцы в экспедициях. Был собран обширный и бесценный материал по русским старожильческим говорам Томской области, который впоследствии лег в основу одного из первых специальных диалектных словарей. Носителями этого говора были в основном пожилые люди, преимущественно малограмотные, которых с каж-

дым годом становилось все меньше. Поэтому, если бы та работа не была сделана 50 лет назад, бесценные для науки данные были бы безвозвратно утрачены. И молодой сотрудник присоединился к этой работе, да так активно, что всего через пять лет без аспирантуры и научного руководителя защитил на диалектном материале кандидатскую диссертацию “Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области”. Проблему для изучения он нашел себе сам, приложив опыт “теории морфологического варьирования слова к изучению словообразовательной системы говоров” [14, с. 2], т. е. решив теоретическую проблему грамматики на диалектном материале. В то время это было необычно, поскольку диалект преимущественно изучали на лексическом уровне. Более того, проблема оказалась настолько перспективной, что морфологическую вариантность в Томском университете изучают до сих пор, о чем свидетельствует вышедший несколько лет назад “Словарь вариантной лексики сибирского говора” З. М. Богословской с посвящением О. М. Соколову [2]. Я подробно останавливаюсь на этом факте потому, что он характеризует личность ученого, для которого интересным был сам процесс научного познания, а осуществлять его можно на любом материале. Этот научный оптимизм потом помогал ему всю жизнь, поскольку позволял пропагандировать свои идеи в изданиях любого тематического направления, что было очень важно для ученого, жившего на периферии и не имевшего возможности публиковать книги. И в это же время сформировался стойкий интерес к глагольному словопроизводству, прежде всего префиксальному, что вывело впоследствии на теоретические проблемы категориальной и функциональной грамматики. Если обратиться к списку его трудов, то видно, как постепенно их тематика расширялась от собственно диалектной проблематики к общетеоретической. В 1964 – 67 гг. наконец вышел “Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби” (в 3-х томах), в котором около 1500 статей (в основном посвященных глаголам) написал Олег Михайлович [7], а через 10 лет — два тома дополнения, где он был автором всех глагольных статей [8].

Уже в начале 60-х гг. Олег Михайлович начал всерьез интересоваться собственно грамматической стороной глагольной префиксации, ее связью с категорией вида. Интересно, что именно в это время формируется Ленинградская школа аспектологов, во главе которой стоял Ю. С. Маслов, начинавший свою преподавательскую карьеру в ЛГУ, когда Олег Михайлович был студентом, и выходят публикации, ставшие для аспектологов программными — сборник “Вопросы глагольного вида” [4] и статья Ю. С. Маслова “Система основных понятий и терминов славянской аспектологии” [5]. По оставленным на полях заметкам видно, как внимательно и критически они были прочитаны. Олег Михайлович и Юрий Сергеевич всегда относились друг к другу с большим уважением, обменивались публикациями, о чем свидетельствуют дарственные надписи на книгах, сделанные рукой Ю. С. Маслова.

Проблема тождества и различия языковых единиц как расширение проблемы вариативности, продолжала интересовать Олега Михайловича. Интересно, что его первые публикации по аспектологии и лексико-словообразовательным оппозициям появлялись параллельно, иногда в одном сборнике, однако на некоторое время лек-

сико-словообразовательные оппозиции одержали верх.

Уже рождалась идея матрицы — простой и понятной схемы классификации типов оппозиций двусторонних языковых единиц. Изучая внутреннюю валентность префиксальных глаголов, ученый пришел к выводу, что в словообразовательной системе языка префиксы могут выполнять две взаимосвязанных функции — дифференцирующую и интегрирующую. Если интегрирующая функция словообразовательных аффиксов изучалась довольно активно (словообразовательные ряды, модели и т. п.), то об их дифференцирующей способности только начинали говорить, а проблема морфемной валентности была совсем не разработана. Олег Михайлович предложил называть свойство служебных морфем избирательно соединяться с разными видами мотивирующих языковых единиц в зависимости от их формально-семантических особенностей словообразовательной дивергенцией [10]. Понятие дивергенции в языкознании до этого использовали в глоттогоническом и структурно-диахроническом аспектах (во втором — преимущественно в исторической фонологии). Относительно словообразовательных рядов термин “дивергенция” был впервые употреблен О. С. Ахмановой [1, с. 113], однако скорее не как термин, а как образное выражение. В работах Олега Михайловича конца 60-х – начала 70-гг. дивергентный подход, основанный на оппозиционном анализе, стал методом исследования. Тогда же зародилась идея словаря префиксальной валентности [16]. Матрица позволила свести в единую систему все известные типы лексических оппозиций, выделить промежуточные типы и установить взаимосвязь между разноуровневыми оппозициями (например, лексическими и морфемными). Сущность матрицы состоит в следующем (см. таблицу).

“Матрица состоит из девяти квадратов, полученных в результате последовательного учета различий в форме и содержании языковых единиц. Предполагается учет трех степеней различия в форме и содержании: полное сходство (тождество), частичное сходство, полное различие корневых морфем. В таблице, помещаемой ниже, постепенное нарастание различий в форме обозначено буквами А, В, С, а постепенное нарастание различий в содержании обозначено цифрами I, II, III” [11, с. 12]. Примеры в матрице подобраны на лексическом уровне, однако точно такую же матрицу можно использовать и для оппозиций морфемного уровня. Можно для каждой пары слов с одинаковым морфемным членением (например, для префиксальных глаголов) вывести закономерности морфемно-семантической комбинаторики. Монография “Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка: (Материалы для спецкурса)” [9], вышедшая в Томске в 1972 тиражом 300 экземпляров на ротاپринте, давно стала раритетом, не утратив своего значения до сих пор. Этой проблематике, кроме работ самого Олега Михайловича, посвящен ряд кандидатских диссертаций его учеников, в частности, Г. Ю. Богданович (Бубякиной). Идеи Олега Михайловича по словообразовательной мотивологии воплотились в докторской диссертации М. Н. Янценецкой, к сожалению, тоже очень рано ушедшей из жизни, и ее учениц Н. Б. Лебедевой, Н. Е. Грушко. Я использовала этот подход для украинского языка, на материале украинских отглагольных существительных защитила кандидатскую диссертацию уже моя ученица Л. Н. Колиба-

Матрица

		Ф о р м а		
		А	В	С
Содержание	I	Отношения абсолютного тождества: <i>ключ₁ (от двери) = ключ₁;</i> <i>ключ₂ (к сердцу) = ключ₂;</i> <i>ключ₃ (ручей) = ключ₃</i>	Отношения фонетического и морфологического варьирования: <i>отключить (телефон) =</i> <i>выключить (телефон);</i> <i>исключить (из игры) =</i> <i>выключить (из игры)</i>	Отношения лексической дублетности: <i>заключить (в тюрьму) =</i> <i>зачить (в тюрьму);</i> <i>отключить (свет) = отсоеди-</i> <i>нить (свет)</i>
	II	Отношения семантического варьирования: <i>ключ₁ (от двери) ≈ ключ₂ (к</i> <i>сердцу)</i>	Отношения однокорневой синонимии: <i>ключник ≈ ключарь</i>	Отношения разнокорневой синонимии: <i>отключить (провод) ≈</i> <i>оторвать (провод);</i> <i>заключить (собрание) ≈</i> <i>закреть (собрание)</i>
	III	Отношения омонимии: <i>ключ₁ (от двери) ≠</i> <i>ключ₃ (ручей);</i> <i>зачить (в крепость) ≠</i> <i>зачить (карандаш)</i>	Отношения паронимии: <i>ключица ≠ ключница, ключич-</i> <i>ный ≠ ключевой</i>	Отношения лексической внеположенности: <i>отключить (свет) ≠ отсидеть</i> <i>(на уроке);</i> <i>заключить (в крепость) ≠</i> <i>зачеть</i>

ба. Практически все диссертации учеников Олега Михайловича в той или иной мере используют идею матрицы. Матрица наглядно иллюстрирует особое положение антонимов в лексической системе языка в противовес традиционному противопоставлению “синонимы — антонимы”, определяет место энантисемии (антонимия в пределах полисемии) [19; 22], этому явлению также посвящен ряд работ, в частности, диссертация Л. Е. Бессоновой (на украинском материале — Т. А. Федоренко).

С 1975 г. начинается Симферопольский период в жизни Олега Михайловича. Именно в Симферополе, где не было своего печатного органа, он был вынужден публиковать свои работы, приспособив их тематике разных сборников и конференций, впрочем, это у него неплохо получалось. Практически впервые близко познакомившись с украинским языком лишь после 1975 года (переезда в Симферополь) и не владея им активно, он выступил на конференции “Проблемы сопоставительной стилистики восточно-славянских языков” (Донецк, 1977) с докладом “Стилистическое исследование системы способов действия славянских глаголов”, материалы которого впоследствии вошли в монографию Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР [21]. Известно, что стилистическая система наиболее сложна для восприятия в неродном языке, однако Олег Михайлович справился с задачей блестяще, отметив, например, такую особенность украинского глагола, как невозможность присоединения второй приставки к производному глаголу совершен-

ного вида (СВ) (ср.: рус. синонимические пары *пов'ысыпать* — *повысып'ать*, *повывернуть* — *повывертывать* и др.). Вероятно, сказала славистическая подготовка, полученная в Ленинградском университете, где неприличным считалось не понимать любой славянский язык, не читать на всех славянских языках.

Через некоторое время удалось “пробить” свой сборник (ведь публиковаться нужно было не только профессору!) “Проблемы лексической и категориальной семантики” (1980, 1982). Помню, как “хитро” оформили первые два сборника, поставив на их обложке соответственно буквы “а” и “б”, однако сделать его периодическим изданием так и не разрешили, и в следующих сборниках пришлось даже корректировать название: “Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка” (1983) и “Исследования по семантике” (1987).

После защиты докторской диссертации интерес О. М. Соколова к проблеме семантической комбинаторики не угасал, однако все большее внимание привлекали аспектуальные категории, сложилось свое понимание вида и системы способов действия, основанное на понятии фазовости (фазисности) как неотъемлемой части семантики видового противопоставления. “Фазисность есть не что иное, как определенный тип предельности процесса” [20, с. 4], поэтому “фазисное значение не только не противоречит значению совершенного вида, но может составлять его содержание” [20 с. 5]. В то время ведущим определением сущности видового противопоставления было определение через понятие целостности (комплексности) и непроцессности СВ, противопоставленного нецелостности (некомплексности) и процессности несовершенного вида (НСВ). “Можно согласиться с тем, — пишет автор, — что глаголы СВ обладают инвариантным значением целостности и непроцессности именно потому, что по своему содержанию они обозначают одну из фаз прохождения процесса, выраженного глаголом НСВ” [20, с. 6].

Выделены 4 основных типа фазисных отношений:

1. Начало процесса (состояния) (СВ) — процесс (состояние): *запеть* — *петь*, *надуться* — *дуться на кого-н.*;

2. Завершительная фаза процесса (действия) — процесс (действие): *сверлить* — *просверлить*, *подковывать* — *подковать*;

3. Ограничение процесса некоторой порцией времени, не ведущее к исчерпанности действия вследствие недостижения реального результата: *играть* — *поиграть*, *работать* — *поработать*;

4. Глагол СВ обозначает завершенность действия, не разобщенного с моментом его возникновения во времени, единичного в своем проявлении и противопоставлен регулярной повторяемости, выраженной глаголом НСВ: *прыгать* — *прыгнуть*, *жать (пожимать)* — *пожать (руку)*.

Фазисные отношения могут быть осложнены дополнительными лексическими различиями, однако “какие бы лексически сложные оттенки значений не добавлялись к собственно фазисным, количество основных оппозитивных типов остается стабильным” [19, 9]. Проблемы фазисности и аспектуальности Олег Михайлович активно разрабатывает с середины 70-х гг., поручая изучить отдельные аспекты своим ученикам, благодаря чему защищены кандидатские диссертации многих

аспирантов и сотрудников Симферопольского госуниверситета, а также УДН в Москве, куда Олег Михайлович переехал в 1985 г. И снова, как это было и с матрицей, теория фазового членения глагольного процесса стала методом, благодаря которому можно привлекать все новый и новый языковой материал, а следовательно — создавать новые интересные научные работы.

Еще в Симферополе зародилась идея изучать глагольную семантику не изолированно, а в комплексе с глагольными актантами, связав фазовость с залоговостью. Категория залога в русском языке, как известно, не укладывается в рамки противопоставления “актив — пассив”, поэтому для семантической категории Олег Михайлович предложил название “актантная распределенность глагольной семантики”. Именно эта функционально-семантическая категория позволяет сопоставлять данные разных языков, в частности, русского и украинского, в котором пассивные конструкции с постфиксом – *ся* “в противовес другим славянским языкам, оказались на крайней периферии” [3, с. 243], вследствие чего их вывели из парадигмы конструкций страдательного залога, в то время как в русской грамматической традиции все возвратные глаголы (в том числе и не пассивные) рассматривают под углом зрения этой грамматической категории [6, с. 617 – 618]. С учетом актантной распределенности семантики несложно определить место глаголов так называемого “среднего залога” и взаимно-дистрибутивного способа глагольного действия (*перестреливаться, перестукиваться*) в каждом языке. Первой среди работ по актантной функциональности вышла статья 1983 года “Некоторые функции именных актантов в связи с семантикой русских глаголов” [15]. По этой проблеме также защищен ряд работ, в частности, диссертация А. В. Петрова.

В Москве кафедра, которую возглавил О. М. Соколов, работала в первую очередь с иностранными студентами, для которых русский язык был неродным, и Олег Михайлович сразу же включился в методическую работу, активно используя свои теоретические разработки. Плодотворным оказался и матричный подход, закладывающий основы словообразовательного синтеза, и теория фазовости, дающая ключ к пониманию славянского глагольного вида неславянам, и теория актантной функциональности, а все это вместе стало толчком для создания имплицитной морфологии, т. е. “грамматики, которая описывает скрытые явления” [17, с. 3]. Главную задачу имплицитной морфологии профессор О. М. Соколов видел “в раскрытии функциональной зависимости одних языковых элементов от других. Поэтому имплицитную грамматику следует рассматривать как грамматику зависимостей... Существуют скрытые зависимости между фазово-видовой системой глагола и его залоговой системой, между фазовыми и временными категориями, которые предстоит раскрыть” [17 с. 5]. Если посмотреть на список научных трудов Олега Михайловича последних 10 лет, то становится ясно, что с возникновением новых идей старые не утрачивали своего значения, а в двух брошюрах [12; 17] и монографии, которую нам удалось опубликовать только в 1997 году (хотя, когда Олега Михайловича не стало, рукопись была практически готова), отразились все его разносторонние интересы [18]. В 1991 году вышла статья О. М. Соколова, которая должна была лечь в основу еще одного направления исследования — теории фреймов. “Фрейм — это некото-

рое стереотипное представление о компонентах и структуре ситуации, обозначаемой словом” [23, с. 126]. “Имеются веские основания предполагать, что в русском языке основным конструктором, на базе которого формируется фрейм, является глагол несовершенного вида, а также отглагольный однокорневой субстантив с соответствующей процессуальной семантикой. Несколько иные функции выполняют глаголы совершенного вида. Их семантика более приспособлена для характеристики отдельных фрагментов фрейма, так как почти всегда определяет фазу развития некоторого общего процесса. Однако уже это обстоятельство свидетельствует о том, что и глаголы совершенного вида являются важнейшим лингвистическим конструктором, обслуживающим фреймы” [23, с. 126].

Фреймы формируются на основе определенных закономерных связей. К таким связям относятся:

1. Отношения, определяющие временную последовательность (фазовая детерминация): а) начало — процесс (*закурить — курить*), б) процесс — завершение (*работать — отработать*), в) результат — проявление его как признака (*нависнуть — нависать, разбушеваться — бушевать*), г) длительное действие — его временное прекращение (*сидеть — посидеть*), д) одноразовость — серийность (*подпрыгнуть — подпрыгивать, стукнуть — стучать, крикнуть — кричать*), е) общефактическое — конкретно-фактическое действие (*советовать — посоветовать, рекомендовать — порекомендовать*).

2. Отношения, отражающие причинные связи (каузация), когда объект действия, представленный в одном фрагменте фрейма, становится субъектом в другом его фрагменте (*белить — белеть, топить — тонуть, вешать — висеть*). Элементы каузативности можно наблюдать и в пределах одного многозначного глагола (*оккупировать постепенно — оккупировать полностью, оккупировать несколько лет*).

3. Актантная распределенность семантики, связанная с избирательностью префиксов, характеристика которых направлена на субъект (*заглохнуть — оглохнуть*) и объект (*избить человека, набить морду, забить птицу, убить живое существо, разбить противника, перебить посуду, пробить — о часах*).

4. Таксис (грамматико-временная последовательность событий).

Сопоставление структуры разных фреймов дает возможность обратить внимание на разные аспекты актантной характеристики (схема 1 и схема 2).

Производные от глагола *вешать* характеризуют объект с качественной стороны, а от глагола *висеть* — его “поведение” со стороны временной протяженности. Во втором фрейме различия в префиксальной валентности глаголов практически отсутствуют. Это свидетельствует о том, что “целенаправленное воздействие на объект со стороны действующего лица или среды довольно четко корреспондирует с реальным результатом, отраженным на объекте, а число конечных результатов, зафиксированных при спонтанном развитии процесса, лимитируемо” [23, с. 139].

К сожалению, детально разработать теорию фреймов, исследовать их взаимодействие, отражающее системный характер языка, Олег Михайлович не успел. Этой проблеме посвящена только еще одна его статья [13]. Однако нам остались в

Схема 1.

Структура фрейма 1

вешать -	повесить -	виснуть -	повиснуть -	висеть -	повисеть
	вывесить		зависнуть		провисеть
	развесить		отвиснуть		отвисеть
	навесить				
	навешать				
	перевешать				
	развешать				

Схема 2.

Структура фрейма 2

сушить -	высушить -	сохнуть -	высохнуть
	просушить		просохнуть
	засушить		засохнуть
	обсушить		обсохнуть
	насушить		насохнуть
	пересушить		пересохнуть
	присушить		присохнуть
	посушить		посохнуть
	отсушить		отсохнуть
	усушить		усохнуть
	иссушить		иссохнуть
	пообсушить		пообсохнуть
	досушить		досохнуть
	попросушить		попросохнуть

наследство его работы, написанные, несмотря на обилие плодотворных идей (а возможно, именно благодаря этому), просто, понятно и убедительно. Так же просто, понятно и убедительно он говорил. Тот, кто слушал лекции Олега Михайловича, никогда не забудет их.

Широкая проблематика конференции, посвященной памяти О. М. Соколова, свидетельствует, что его идеи живы и плодотворны.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.
2. Богословская З. М. Словарь вариантной лексики сибирского говора / Под ред. О. И. Блиновой. — Томск, 2000.
3. Вихованець І. Р., Городенська К. Г. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматики укр. мови / За ред. І. Вихованця. — К.: Унів. вид-во "Пульсари", 2004. — 400 с.
4. Вопросы глагольного вида: Сборник / Сост. сб., редакция, вступ. статья и прим. проф. Ю. С. Маслова. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1962. — 438 с.

5. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. — С. 53 – 80.
6. Русская грамматика. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
7. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. — Томск, 1964 – 1967 — Ч.1 – 3.
8. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: (Дополнение). — Томск, 1976 – 1977. — Т. I – II.
9. Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка: (Материалы для спецкурса). — Томск, 1972. — 218 с.
10. Соколов О. М. Вопросы префиксальной дивергенции // Вопросы языка и литературы. — Томск, 1970. — С. 90 – 169.
11. Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Томск, 1971. — 39 с.
12. Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского глагола: Морфемика: Учеб. пособие. — М., 1991. — 77 с.
13. Соколов О. М. Лингвистические аспекты теории фреймов // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы / Межвуз. сб. науч. статей. — Барнаул, 1993. — С. 3 – 14.
14. Соколов О. М. Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1959. — 18 с.
15. Соколов О. М. Некоторые функции именных актантов в связи с семантикой русских глаголов // Исследования лексической и категориальной семантики современного русского языка. — Симферополь, 1983. — С. 3 – 17.
16. Соколов О. М. О построении словаря префиксальной валентности // Вопросы русского языка и его говоров. — Томск, 1976. — Вып.2. — С. 84 – 92.
17. Соколов О. М. Основы имPLICITной морфологии русского глагола: Тексты лекций. — М.: Изд-во РУДН, 1994. — 80 с.
18. Соколов О. М. Основы имPLICITной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 203 с.
19. Соколов О. М. Про дієсловну енантіосемію в російській та болгарській мовах // Проблеми слов'язознавства. — Львів, 1980. — Вип.21. — С. 90 – 97.
20. Соколов О. М. Семантика и парадигматика категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. — Симферополь, 1982. — С. 3 – 18.
21. Соколов О. М. Стилистическая характеристика способов глагольного действия в восточно-славянских языках // Проблемы сопоставительной стилистики восточно-славянских языков. — Киев, 1981. — С. 181 – 195.
22. Соколов О. М. Энантіосемія в кругу смежних явлень // Филол. науки. — 1980 — №6. — С. 36 – 42.
23. Соколов О. М., Пионтковская Т. А. Система лингвистических конструктов, формирующих фреймы на глагольно-предикативной основе // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник, 1991. — М., 1991. — С. 124 – 141.

Соколова С. О. Творча спадщина О. М. Соколова та сучасні проблеми мовознавства.

У статті в хронологічній послідовності схарактеризовано проблеми, що входили до кола наукових інтересів професора О. М. Соколова, дано стислий аналіз його поглядів стосовно ключових питань морфеміки, словотвору, лексикології, аспектології, імпліцитної морфології та теорії фреймів, накреслено перспективні напрямки розвитку його ідей.

Ключові слова: варіантність, дієслово, фазовість, опозиція, префікс, імпліцитна морфологія, фрейм.

Sokolova S. O. The creative heritage of professor O. M. Sokolov and the modern problems of linguistic.

This article is devoted to the chronological review of problems, which were included in a field of scientific interests of professor O. M. Sokolov, to the short analyze of his thoughts about the main questions of morphemic, word-formation, lexicology, implicit morphology and Frame's theory, to the description of perspective ways of the development of his ideas.

Key words: variation, verb, phase, opposition, prefix, implicit morphology, frame.

Стаття постуила в редакцію 27 октябрю 2006 г.

УДК 81'36/373

**ПРЕЛОМЛЕНИЕ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
ПРОФЕССОРА О. М. СОКОЛОВА
В “ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА”**

*Л. Е. Бессонова, Н. Н. Ничик,
А. В. Петров, Л. А. Петрова*

В статье рассматриваются основные научные теории проф. О. М. Соколова, отмечается ценность и значимость его трудов. В этом контексте предлагается описание структуры и содержания учебного пособия, в основу которого положена лексикологическая концепция ученого.

Ключевые слова: научная теория, семантика, семная типология, матрица.

С течением времени лингвистические концепции Олега Михайловича Соколова становятся все более важными с позиции современной научной парадигмы и до сих пор сохраняют актуальность и ценность.

Работы О. М. Соколова всегда вызывали большой интерес коллег и широкой научной общественности. Члены всех кафедр, где он работал, считают, что им создана “научная школа профессора Соколова”. Сегодня, в период научной зрелости, мы проходим его жизненный и творческий путь, определяя основные этапы научной деятельности.

1. В 1957 – 1967 гг. в работах О. М. Соколова, работавшего в Томском государственном университете, формируется *теория словообразовательной продуктивности и структурно-семантической дивергенции*, основанная на идее морфологического членения глагольных основ. Объектом грамматического описания была выбрана лексика старожильческих говоров Томской области. Этому была посвящена и кандидатская диссертация О. М. Соколова “Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области” (1959 г.). Важно отметить, что систематизация и классификация диалектной лексики, представленная в этих работах, вошла отдельным разделом в учебник по диалектологии Р. И. Аванесова. Первым ценным лексикографическим опытом в это время явилось создание “Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби” (1964 – 1967 гг., ч. 1–3), в котором около 1,5 тыс. статей были посвящены описанию глагольной лексики.

2. В последующие годы (1967 – 1977 гг.) О. М. Соколов выдвигает *тезис о том, что тот или иной вид отношений на морфемном уровне частично предопределяет и признак оппозиции на лексическом уровне*, и обосновывает его в ряде работ. Так, в материалах для спецкурса “Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка” ученый отмечает, что “отношения, построенные на признаках морфемных тождеств и различий, представ-

ляют собой синтезированную систему, в которой тот или иной тип на лексическом уровне частично мотивирован типом морфематической оппозиции” [1, с. 9].

В этот период совершенно четко оформляется *идея морфосемантических полей*, которая дала возможность достаточно полно представить явление аффиксальной валентности, или, как отмечал О. М. Соколов, “избирательности, которая в конечном счете зависит от семного состава каждого ЛСВ” [2]. Концепция морфосемантического поля, отражающего гнездовой характер группировки разноаффиксального материала, тяготеющего к единому корневому центру, была использована проф. М. Г. Шкуропацкой в монографии “Деривационное измерение лексики: системный аспект” [3].

3. Большой вклад в изучение лингвистической природы русского и славянского глагола внес О. М. Соколов, разработав *учение о фазовости как лексико-грамматической категории русского глагола* [4]. Фазовость является неотъемлемой частью семантики видового противопоставления — в этом заключается одно из важных положений научной картины мира профессора.

Идеи Олега Михайловича о фазовой детерминации, высказанные в этот период научной деятельности, повлияли на разработку проблем словообразования в отечественной лингвистике. “Концепция фазовости не отменяет тех несомненных достижений, которые достигнуты в области современной аспектологии, — подчеркивал лингвист, — однако в отношении такого сложного объекта, как семантика русского глагола, может и должен применяться полностью оправдавший себя принцип дополнительности, в соответствии с которым объект в разных экспериментальных и теоретических системах может и должен изучаться с помощью различных категорий и понятий” [5, с. 7]. Теория фазовости как лексико-грамматической категории дает возможность по-новому решать спорные вопросы глагольного вида и залога. В издательстве РУДН в 1992 г. вышел первый сборник упражнений, созданный под руководством О. М. Соколова [5]. Сборник составлен с учетом нового понимания сущности категории вида. О. М. Соколов разрабатывал также теорию залоговых отношений, которые, по мнению ученого, определяются через функцию прилегающих актантов: “Функция приглагольных имен зависит от глагольной семантики, средствами которой создается представление о том, что имя, находящееся в той или иной синтаксической позиции, выступает то как представитель активного начала, т. е. является источником действия или признака, генерирует их, то как реальный объект воздействия... т. е. является аккумулятивным актантом” [6, с. 3].

Концепция фазовой членимости глагольного действия и залоговых отношений нашла отражение в кандидатских диссертациях учеников О. М. Соколова [7].

Интерес О. М. Соколова к производному слову проходит сквозь все этапы его научного творчества, охватывая, прежде всего, глагольную лексику. Обращение к механизмам лексико-семантического коррелирования, к проблеме тождества и различия языковых единиц, означало глубокое изучение семантики глагольного префикса, а также логико-семантическое представление смыслового содержания глагола, отраженное в созданной четырехуровневой классификации этой части речи.

4. В работах ученого второй половины 1980-х гг. разработана *теория имплицитной морфологии*, в основу которой был положен семасиологический подход,

т. е. семная комбинаторика. "Семная комбинаторика — это динамический процесс, захватывающий область как лексических, так и грамматических значений", — отмечал О. М. Соколов. Ученый пришел к выводу о том, что разновидности семантических процессов в лексике и грамматике совпадают: "Грамматико-семантические процессы в глаголе могут быть сведены к таким основным разновидностям, как актуализация сем, их наведение, поддержание, усиление, модификация, погашение, нейтрализация и др." [8, с. 4].

Основное содержание имплицитной морфологии О. М. Соколов видел в области скрытой семантической деривации, в свойствах внутренней валентности слова, в экспликации формально-мотивационных отношений. "Имплицитная морфология, — отмечал лингвист, — представляет собой область скрытой грамматики, в которой грамматические по своей природе значения не передаются однозначно какой-либо словоформой или системой словоформ, а обнаруживают себя как определенный тип семантической оппозиции — полисемии или даже омонимии, что эксплицируется обычно различной валентностью..." [9, с. 5].

О. М. Соколов представил новую, оригинальную *концепцию функциональной морфологии*, обозначив основной единицей исследования лексико-семантический вариант в его актуальном употреблении. В соответствии с этим ученый определил место имплицитной морфологии в общей морфологической системе языка, используя принцип "горизонтального параллелизма", который выявляется при сопоставлении структурно-семантических оппозиций разного типа: полисемии, дериваций и лексических континуумов. Несколько кандидатских диссертаций по имплицитной морфологии, написанные под руководством О. М. Соколова, были защищены в Москве в специализированном совете Университета дружбы народов [10].

Ученый стремился отразить те или иные аспекты лексической и категориальной семантики в лексикографической практике. Долгие годы О. М. Соколов работал над "Словарем префиксальной валентности русского глагола", о структуре и содержании которого он отразил в статье "Принципы классификации префиксов в связи с построением словаря префиксальной валентности русского глагола" (Самарканд, 1987). В последние годы жизни О. М. Соколов, разрабатывая проблемы имплицитной морфологии русского языка, отмечал, что "имплицитная морфология во многом должна строиться на основе словарей особого типа: словарей грамматической полисемии и омонимии, а также словарей морфематической валентности и др." [11, с. 205].

5. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. О. М. Соколов активно занимался *теорией фреймов и коммуникативных схем-блоков*, в основе которых лежит мотивирующий лексико-семантический вариант. В этом был поистине новаторский подход к анализу языковых единиц в коммуникативно-грамматическом аспекте. "Методика изучения префиксального словообразования на коммуникативной основе должна строиться с учетом особенностей формирования тех или иных сцен, их отдельных фрагментов", — утверждает ученый [12, с. 18].

Эти теории положены в основу лексикологической концепции Ученого и в дальнейшем были определены как базовые в научных и научно-методических работах его учеников и последователей.

“Светлой памяти нашего учителя и коллеги — профессора О. М. Соколова” — этими словами мы открываем наше пособие *“Практическая лексикология русского языка”* (2006).

Несколько слов о структуре учебного пособия. Пособие состоит из 18 тем, соответствующих основным принципам лексикологической концепции. В рамках статьи их можно условно объединить в 7 блоков:

1. Варьирование как языковое и речевое явление.
2. Лексикография и принципы описания слова в словаре.
3. Лексическое значение слова.
4. Семантическая структура слова.
5. Лексико-семантическая система и ее матричное представление.
6. Параметризация лексики: с точки зрения происхождения, сферы употребления, стилистической дифференциации, активного и пассивного запаса.
7. Фразеологическая система русского языка.

Остановимся на основных научных положениях общетеоретического характера, определяющих *лексикологическую концепцию О. М. Соколова*, нашедших отражение в предлагаемом пособии.

I. Важное место в научном творчестве О. М. Соколова занимает **проблема системных отношений в лексике**.

Особый тип системных отношений нашел отражение в матричном размещении лексических единиц, входящих в ту или иную оппозицию (лексический тип). Разработанная О. М. Соколовым матрица приводится в пособии в Приложении 1.

Ученый отмечал, что “этот способ системной организации лексических единиц важен в том отношении, что дает возможность обозначить новые аспекты таких общеизвестных и употребительных в учебной практике понятий, как синоним, вариант, антоним и т. п.” и далее — несомненное достоинство предлагаемого понимания системы заключается в “обозримости тех отношений, в которые вступают лексические единицы языка” [13, с. 13]. Для характеристики системных отношений выбран прежде всего парадигматический аспект, предусматривающий установление различных внутрилексемных и межлексемных отношений. О. М. Соколов подчеркивал, что “при парадигматическом подходе четкое определение принципов отождествления, сближения и разграничения, дифференциации лежит в основе построения системы лексических противопоставлений” [14, с. 4]. Остановимся на систематизирующих принципах матрицы: “При построении классификации необходимо сосредоточить внимание на принципах градации степени сходства между лексическими единицами одновременно по двум признакам: по смыслу (план содержания) и по форме (план выражения). Названные признаки — важнейшие в процедуре установления лексических тождеств и различий, поскольку известно, что язык является средством материализации мысли в звуковой или в графической оболочке. При построении систематизирующей матрицы примем за основу следующие допущения: по значению лексемы могут находиться в отношениях либо полной идентичности (тождества), либо частичного совпадения, либо полного различия (полного несовпадения). Такие же типы соотносительности можно приписать и форме” [14, с. 5].

В то же время, отмечал О. М. Соколов, какие бы системы в лексике ни моделировались, все они учитывают три основных типа отношений, отражающих объективные свойства языка и речи: парадигматические, синтагматические и деривационные.

Идеи ученого были поддержаны ведущими лингвистами. Матрицу использовали и модифицировали З. Д. Попова и И. А. Стернин в монографии "Лексическая система языка" (Воронеж, 1984). Она помогла в написании кандидатских и докторских диссертаций [15].

Матрицу проф. О. М. Соколова анализируем на лекционных и практических занятиях при изучении лексической парадигматики (темы №10 "Лексическая омонимия в русском языке", №11 "Лексическая синонимия в русском языке", №12 "Антонимия в русском языке", №13 "Явление паронимии в русской лексике") и вариантности (тема №2 "Слово как объект варьирования" и №9 "Семантическая структура слова").

В теме №2 "Слово как объект варьирования" опираемся на положение О. М. Соколова о том, что "при разграничении фонетического и морфологического видов варьирования представляется принципиально важным придерживаться строго определенных понятий относительно различий между фонемой и морфемой; важно также последовательно разграничивать различные языковые уровни, в данном случае — морфематический (варьирование на морфематическом уровне) и лексический (варьирование на уровне слова)" [13, с. 20 – 21].

И далее: "Представляется целесообразным классификацию фонетических вариантов производить с учетом местоположения дифференциальных элементов. Дифференциальные элементы фонетических вариантов могут занимать такое положение в слове, которое исключает возможность их трактовки как двусторонних значимых частей слова — морфем" [13, с. 21]: *кентавр — центавр, кинематограф — синематограф, ноль — нуль* и др.

Данные положения являются базовыми для упр. 1, упр. 3. *Назовите признаки морфологических вариантов слова*, упр. 4. *Найдите в следующих контекстах лексико-семантические варианты слова*, упр. 5. *Объясните, почему пределом варьирования слова является лексическая омонимия; отграничьте лексико-семантические варианты от омонимов*; упр. 7. *Определите типы вариантов слова, объясните стилистические различия между ними*.

Так, задание к упр. 1 сформулировано следующим образом: "Прокомментируйте фонетические варианты слова; отметьте варьирование в корне слова, приставке, суффиксе, в сложных словах на стыке основ". В качестве противочленов рассматриваются пары *бивак — бивуак* ("Живо устраивался бивуак, разводился костер"), *сойтись — сойтися* ("Не сойтися утру с вечером, не ужиться двум добрым молодцам"), *вспоминать — воспоминать* ("Веселья зритель равнодушный, Безмолвно буду я зевать И о былом *вспоминать*"), *Аустерлиц — Австерлиц* ("Померкни, солнце *Австерлица!*"),

двухнедельный — двунедельный, олень — елень (“Уже приюта между скал *Елень* испуганный искал”) и др.

II. Много статей О. М. Соколова посвящено **вопросу о связи морфемной структуры и лексического значения слова**.

Ученый писал, что “невозможно последовательно осуществлять систематизацию лексических единиц, игнорируя их морфематическую структуру. Для русского языка это положение приобретает особую значимость в связи с тем, что семантика многих слов опосредованно мотивирована их морфемным составом” [16, с. 4].

Тезис о связи морфемной структуры и лексического значения слова находит последовательное отражение в пособии начиная с темы №1. *Введение в лексикологию*.

Так, *упр. 1*. Опираясь на данные контексты, прокомментируйте связь лексикологии с ономаσιологией;

упр. 4. Обоснуйте связь лексикологии со словообразованием;

упр. 9. Сформулируйте закон М. В. Панова об идиоматичности слова; найдите производные единицы с идиоматичной семантикой;

упр. 14. На примере следующих однокоренных слов обоснуйте главную проблему лексикологии — проблему лексического значения построены таким образом, чтобы раскрыть связь лексикологии с ономаσιологией и словообразованием, акцентировать внимание студентов на таком важном признаке слова, как идиоматичность, сформулированном М. В. Пановым.

В теме №4 пособия “*Понятие о современной лексико-семантической системе*” отдельно вынесен вопрос об эпидигматических связях лексических единиц.

Цель *упр. 12*. *Проследите эпидигматические связи выделенных лексических единиц в следующих текстах* и *упр. 18*. *В следующем тексте прокомментируйте системные связи глагола танцевать и его производных* заключается в том, чтобы показать, как изменяется лексическое значение слова в зависимости от присоединения к нему словообразовательных морфем: ср. *Сибирь — сибирка, Сибирь — сибирный начальник, Сибирь — сибирщина* (*упр. 12*).

Деривационный фактор в сочетании с синтагматическим обуславливает также появление окказионализмов: ср. *танцевать — вытанцовываться (вытанцовывались дети), танцевать — дотанцевать (дотанцовывать себя)* и др. (*упр. 18*).

В *упр. 9* необходимо проанализировать семантику производного слова с корнем *вор-* в зависимости от синтагматических связей (*воровские глаза, воровская походка, воровской взгляд, воровском блеске молнии, воровские шаги, воровски присвоенные деньги, воровски поглядывать, воровато жевать, вороватая походка*).

В теме №5 пособия “*Лексическое значение слова*” тезис о связи морфемной структуры и лексического значения слова раскрывается в

упр. 7. *Определите слова, у которых внутренняя форма основывается на а) субъективных и б) объективных признаках* (белостоп, взмылить, водо-

рез, вышколить, глазок, горбуша, горчица, громоотвод, занозистый, захребетник, зверский, моретрясение, ишачить, книгоглотатель, козлородник, костенеть);

упр. 8. *Установите признаки, положенные в основу наименования выделенных слов; как они соотносятся с лексическим значением (ёрш, голыдь, линь, стрепет, глухарь, рябчик);*

упр. 9. *Прокомментируйте внутреннюю форму выделенных слов и ответьте на вопрос, всегда ли первоначальный признак участвует в формировании значения слова.*

В упр. 11 и упр. 19 предлагается проанализировать явление народной этимологии, которое демонстрирует стремление носителя языка осмыслить новое, не вполне понятное слово путем его сближения с какими-то другими словами или отдельными морфемами этих слов.

Тезис о связи морфемной структуры и лексического значения слова раскрывается также при изучении парадигматических объединений — паронимов, омонимов, синонимов и антонимов, а также в теме 17. Лексика с точки зрения активного и пассивного запаса (упр. 8, 9 и 14, в которых необходимо прокомментировать семантику и способ образования новых слов) и в теме 18. Понятие о фразеологической системе русского языка (упр. 14 с заданием проанализировать слова, образованные на базе фразеологических единиц).

III. Одной из проблем, которая постоянно привлекала внимание О. М. Соколова, была **проблема поляризации семантических компонентов на внутрисловном и межсловном уровне.**

О. М. Соколов писал: "Одной из существенных особенностей семантической структуры русского слова является поляризованность определенных сем, так называемая антисемность. Антисемность в границах отдельно взятого слова носит скрытый характер, лишь опосредованно выражается формальными средствами языка" [17, с. 66].

Ученый исследовал антисемность лексического, грамматического и словообразовательного типа и пришел к выводу, что поляризация может проявляться в границах отдельного лексико-семантического варианта, выступать как дифференциальный признак различных ЛСВ и даже слов-омонимов.

Приведем примеры: *скороспелка 2 м. и ж. перен.* Человек, слишком рано развившийся, слишком рано и обычно без надлежащей подготовки выступивший на каком-л. поприще; *певичка разг.* 1. Ум.-ласкат. к певичка (о девочках, птицах). 2. *Пренебр.* Певичка, исполнительница легкомысленных, пошлых песенок.

При поляризации всего объема ЛСВ в слове проявляется энантиосемия: *жечь, залечить, одолжить, ослабить, отблагодарить, прокараулить, прогореть, прослушать, разъездить (дорогу)* и др.

Этому явлению О. М. Соколов посвятил ряд статей [18]. Внутрилексемную поляризацию на материале глагольной и именной лексики исследовали также его ученики [19].

Антисемность лежит в основе выделения антонимов. О. М. Соколов определил место антонимов в лексической системе языка, обосновав выделение их только на

основании одного признака — семантического. Этим определяется то положение, что антонимы не имеют самостоятельной клетки в матрице и располагаются в границах между II и III рядом.

В пособии антисемность находит отражение при изучении темы №7. Структура лексического значения (упр. 1, 4, 15), темы №8. Лексическое значение слова в речи (упр. 7), темы №12. Антонимия в русском языке.

О. М. Соколов разрабатывал *проблемы семной типологии*, составной частью которой являются семантические процессы, сопровождающие функционирование как лексических, так и грамматических сем в речи.

Ученый подчеркивал: “Среди особенностей семного функционирования два процесса занимают определяющее положение: процесс актуализации и процесс погашения сем” [20].

Анализируя процесс наведения сем, О. М. Соколов отмечал, что может наводиться отрицательная или положительная сема, противоположная изначальной и порожденная ситуацией высказывания” [20, с. 16].

В качестве примера ученый приводит следующий контекст: “Запах-то какой, *миазма* какая. Так бы съел всю кухню” (А. П. Чехов). Здесь смена оценки направлена от отрицательной к положительной.

Развивая идеи О. М. Соколова в области семного функционирования, мы рассматриваем поляризацию сем как частный случай процесса наведения.

Семное функционирование изучается в пособии в теме №8. Лексическое значение слова в речи. Подобраны разнообразные контексты, которые отражают функционирование сем в речи.

Важным структурным элементом пособия является комплекс приложений (1 – 8), которые представляют собой логически связанную концентрическую систему открытого типа. Прокомментируем их.

Приложение 1. Матрица проф. О. М. Соколова как отражение системности в лексике. Таблица отражения системных отношений в лексике представляет собой ту основу, на которой строится изучение языковых единиц.

Приложение 2. Основные понятия и термины лексикологии.

Приложение 3. Лексический и фразеологический минимумы. Список слов и фразеологических оборотов представляет собой активный перечень лексических единиц, которые студенты проверяют по толковым и фразеологическим словарям. Сведенные в минимумы языковые факты встречаются при изучении различных тем курса и используются на занятиях, что расширяет общую эрудицию и компетенцию студента-филолога.

В *Приложении 4* приводится схема комплексного лексического анализа.

В *Приложении 5* представлены тексты, в которых анализируются слова, выделенные курсивом.

Приложение 6 содержит лабораторные работы, охватывающие ключевые положения лексикологии, лексикографии, фразеологии.

Приложение 7 соответствует требованиям модульного образования.

Завершают систему Приложений (Приложение 8) лингвистические “истории” из

жизни слов и выражений. В основном, в нем представлен материал из современных научно-популярных журналов или мемуаров и дневников писателей.

Таким образом, предлагаемое учебное пособие "Практическая лексикология русского языка" продолжает путь научных идей нашего коллеги и учителя, определяя контуры его многогранного творчества.

Олег Михайлович — удивительная личность, в которой гармонично соединились предельная скромность и доброжелательное отношение ко всем, глубокий ум и тонкий юмор, лингвистическая интуиция и желание указать дорогу своим ученикам.

Список литературы

1. Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка: (Материалы для спецкурса). — Томск, 1972. — 218 с.
2. Соколов О. М. Опыт использования матрицы при изучении морфосемантических полей // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1971. — С. 122–137; он же: Префиксальная валентность русского глагола в аспекте языковой нормы // Культура русской речи в национальных республиках. — Киев, 1984. — С. 95–98.
3. Шкуропацкая М. Г. Деривационное измерение лексики: системный аспект: Монография / Науч. ред. Н. Д. Голев. — Изд-во Алт. ун-та, 2003. — 388 с.
4. Соколов О. М. Семантика и парадигматика категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. — Симферополь, 1982. — С. 3–18; он же: Фазовая детерминация в деривационно-видовых цепях русского глагола // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1982. — С. 55–58; он же: Фазовое варьирование в видовых оппозициях русских глаголов // Филологические науки. 1985. — №4. — С. 46–52; он же: Фазовость как лексико-грамматическая категория русского глагола // Русское языкознание. — 1985. — Вып. 10. — С. 51–58.
5. Методические рекомендации к изучению фазово-видовых значений русского глагола / Авт. кол.: Т. В. Ларина, Э. М. Попова, О. М. Соколов, Е. Я. Титаренко. — М.: Изд-во РУДН, 1992. — 52 с.
6. Соколов О. М. Некоторые функции именных актантов в связи с семантикой русских глаголов // Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка. — Симферополь: СГУ, 1983. — С. 3–17.
7. Первакова И. Способы выражения начальной фазы действия в русском языке (в сопоставлении с польским): Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.20 / Университет дружбы народов. — М., 1987 — 16 с.; Кузнецова М. В. Функциональная характеристика приглагольных именных актантов в позиции подлежащего (на материале многозначных непереходных глаголов несовершенного вида): Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1989 — 16 с.; Титаренко Е. Я. Повторяемость действия в системе аспектологических категорий русского глагола: Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1989 — 16 с.; Ларина Т. В. Устойчивые глагольно-именные словосочетания, выражающие фазовые значения: Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1989 — 16 с.; Озюменко В. И. Семантика и актантная структура каузативных глаголов: Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1994. — 17 с.
8. Соколов О. М. Закономерности семной комбинаторики аспектуального и залогового типа // Функциональное описание русского языка. — М. — 1995. — с. 3–9.
9. Соколов О. М. Имплицитная морфология русского глагола. Морфемика: Уч. пособ. — М.: Изд-во УДН, 1991. — 78 с.

10. Петров А. В. Залоговая семантика в отглагольных именах русского языка: Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1985. — 16 с.; Головач Э. А. Имплицитные особенности морфологии имени прилагательного: Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1992. — 17 с.; Петрова Л. А. Взаимодействие глагольных и именных парадигм во внутрисловной деривационной структуре многозначной глагольной лексемы (на материале глаголов физического действия): Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1992. — 16 с.
11. Соколов О. М. Лексикографические аспекты имплицитной морфологии русского языка // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития. — Симферополь, 1992. — С. 204 – 207.
12. Соколов О. М. Типы актантной распределенности семантики русского глагола // Проблемы глагольной семантики: Памяти профессора О. М. Соколова. — Симферополь: СГУ, 1993. — С. 6 – 18.
13. Соколов О. М. Методические рекомендации к изучению курса “Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного “Раздел: Системно-парадигматические отношения в лексике русского языка”. — М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988. — 46 с.
14. Соколов О. М. Изучение лексики русского языка как системы // Преподавание русского языка в высшей школе. — Киев-Одесса, 1986. — С. 4 – 17.
15. Новикова Т. Ю. Синонимика промежуточных звеньев видовой цепи (на материале возвратных глаголов): Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Днепропетровский государственный университет. — Днепропетровск, 1983. — 24 с.; Бубякина Г. Ю. Морфематически мотивированные глагольные омонимы в русском языке: Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Киевский государственный педагогический институт им. А. М. Горького. — К., 1984. — 24 с.; Семиколонова Е. И. Морфематические транспозиции в лексической системе русского глагола: Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1986. — 16 с.
16. Соколов О. М. Параллелизм структурно-семантических отношений в лексической системе русского языка // Исследования по семантике. — Симферополь, 1987. — С. 4 – 10.
17. Соколов О. М. Некоторые особенности семантической структуры слова в русском языке // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. — Харьков, 1988. — Вып. 2. — С. 66 – 67.
18. Соколов О. М. Наблюдение над словообразовательной энантиосемией в русском и болгарском языках // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. — Томск, 1979. — Вып. 3. — С. 55-64; он же: Энантиосемия в кругу смежных явлений // Филологические науки. — 1980. — №6. — С. 36 – 42.
19. Бессонова Л. Е. Глагольная префиксальная энантиосемия в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Днепропетровский госуниверситет. — Днепропетровск, 1983. — 25 с.; Жаркова Е. Х. Энантиосемия лексико-грамматического и словообразовательного типа в кругу смежных явлений (на материале имен существительных русского языка): Автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 / Университет дружбы народов. — М., 1988. — 14 с.
20. Соколов О. М. Значение семной типологии для преподавания лексики в курсе русского языка как иностранного // Проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. — М., 1989. — С. 5.

Бессонова Л. Е., Ничик Н. Н., Петров О. В., Петрова Л. О. Відбиття лексикологічної концепції професора О. М. Соколова у “Практичній лексикології російської мови”.

У статті розглянуто основні наукові теорії проф. О. М. Соколова, визначається цінність і значущість його праць. У цьому контексті пропонується опис структури і змісту наукового посібника, в основу якого покладено лексикологічну концепцію вченого.

Ключові слова: наукова теорія, семантика, семна типологія, матриця.

Bessonova L. Y., Nichik N. N., Petrov A. N., Petrova L. A. The realization of the lexicological theory of O. M. Sokolov in the "Practical lexicology of the Russian language"

The fundamental scientific theories of Professor O. M. Sokolov, the values and the concernment of his works are considered in the article. The description of the structure and the content of the textbook as the basis of the lexicological conception of the scientist is proposed in this article.

Key words: scientific theory, semantics, seme typology, matrix.

Статья поступила в редакцию 31 октября 2006 г.

УДК 808. 2: 801. 563. 1

**ИССЛЕДОВАНИЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ ДЕВЕРБАТИВОВ
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИМПЛИЦИТНОЙ МОРФОЛОГИИ
О. М. СОКОЛОВА**

Е. Э. Пчелинцева

В статье рассматриваются имплицитные аспектуальные характеристики отглагольного имени действия на примере семантического признака фазовости. Установлено, что языковой аспектуальный потенциал deverbativa формируется под влиянием системных факторов, важнейшие из которых – значение способа глагольного действия и тип предельности мотиватора.

Ключевые слова: имя действия, deverbativ, аспектуальность, фазовость.

В современных лингвистических исследованиях, посвященных отглагольным существительным, принято характеризовать имя действия как синкретичное образование, в котором соединены свойства глагола и существительного — двух наиболее противопоставленных частей речи, воплощающих в своей семантике статику и динамику, “застывшее” и “живое” [4, с. 131]. Такая двойственная природа субстантивов со значением действия определяет специфику их семантических и грамматических признаков, что, по всей видимости, и обуславливает тот факт, что данная категория имен продолжает оставаться объектом пристального внимания лингвистов в исследованиях последних лет¹. Однако вопрос об аспектуальной характеристике имени действия по-прежнему является дискуссионным. Целью настоящей статьи является анализ специфики языковой имплицитной аспектуальной структуры deverbatивов², ее качественные особенности, отличия и сходства с глагольной структурой.

Аспектуальность является достаточно сложным и трудноопределимым элементом семантики deverbatивов, так как даже у самого глагола диапазон семно-грамматического варьирования совершенного и несовершенного вида очень широк, и имплицитность этих значений, по словам О. М. Соколова, достигает высокой степени [9, с. 74]. Тем не менее, аспектуальность является одним из определяющих компонентов глагольного значения, а потому не может не оказывать влияния на семантику отглаголь-

---

¹ Маркова Т. Д. (2003) исследует реализацию “глагольной генетики” субстантивов в контексте. Вяничева Т. В. (2000) анализирует имена действия как одно из языковых средств обеспечения информационной плотности, семантической конденсации в тексте. Градинарова А. А. (1999) осуществила системный сопоставительный анализ русских и болгарских имен действия. Винтонив М., Бакланова Н. (2004) анализируют deverbativ как знак пропозиции в структуре украинского предложения [1, 2, 3, 5, 6]

² Материалом исследования послужили отглагольные имена существительные со значением действия в количестве 5 500 единиц, извлеченные из Словаря русского языка (МАС) под ред. А. П. Евгеньевой, М., 1981–1984, Словаря современного русского литературного языка (ВАС) – М.-Л., 1948–1965, Т.1–17, Сводного словаря современной русской лексики (СССР), М., 1991, Словаря русского языка под ред. С. И. Ожегова, М., 1990.

ных субстантивных образований. В лингвистической литературе проблема “внутренней глагольности” девербативов имеет прямо противоположные — и весьма категоричные — интерпретации. Не приводя относящийся к этому вопросу широкий список работ (см. по этому поводу [8, с. 47]), процитируем лишь полярные точки зрения. Так, по мнению Н. Хомского, “производные (отглагольные) существительные не содержат элементов, которые специфичны для глагола... Это в особенности относится к виду” [12, с. 159]. С другой стороны, по словам И. А. Мельчука, в модели Смысл $\Leftrightarrow$ Текст среди отпредикатных имен, соответствующих предикату Р (ситуаций, актантов, сирконстантов), только имя ситуации не требует специального толкования: имя ситуации, образованное от предиката Р, трактуется как синтаксический дериват лексемы Р, который имеет то же значение, что и сама лексема Р [7, с. 82]. При этом, будучи синтаксическим дериватом, слово сохраняет все свои семантические характеристики, но приобретает иную морфологическую форму — и иные синтаксические функции. Причина такой полярности взглядов, как нам кажется, кроется исключительно в подходе, поскольку отрицательное решение рассматриваемой проблемы в конечном итоге опирается на отсутствие тех или иных формальных показателей. Однако, по справедливому мнению О. М. Соколова, для проникновения в грамматический строй языка формальный подход недостаточен и не дает полной информации [10, с. 11]. Именно такие грамматические значения, которые не имеют однозначного материального выражения, а обнаруживают себя как определенный тип семантической оппозиции (полисемии или омонимии), и являются основным содержанием разработанной О. М. Соколовым имплицитной морфологии. Исходя из этого, в сферу компетенции данного направления входит “дешифровка” грамматических значений слов, используемых в той или иной речевой ситуации, а также изучение семных процессов, возникающих внутри слова. Особый интерес представляют лексические транспозиции, поскольку, меняя свою частеречную принадлежность, некоторые группы слов могут сохранять отдельные грамматические дифференциальные признаки в виде “генетического кода”, становясь при этом объектом имплицитной морфологии [9, с. 10–12]. В таком контексте методологический инструментарий имплицитной морфологии представляется наиболее релевантным поставленной нами задаче.

Значительная часть аспектуальных значений русского глагола получает скрытое грамматическое выражение, то есть представлена как совокупность категориальных компонентов их лексического значения. Данные содержательные характеристики выступают как аргументы, определяющие сочетаемость и другие аспекты взаимодействия глагола со своими партнерами [10, с. 123]. Мы предполагаем, что эти характеристики имплицитно содержатся и в структуре соответствующих имен действия. Поскольку объем статьи не позволяет рассмотреть репрезентацию всех аспектуальных признаков, продемонстрируем особенности транспозиции глагольных аспектуальных сем в имя действия на примере признака фазовости, который является одним из важнейших составляющих аспектуальной характеристики глагола.

Фазовость представляет собой сложную семантическую категорию, тесно взаимосвязанную не только с категорией глагольного вида, но и со значением способа глагольного действия, с семантикой глагольных аффиксов, а также с общим лексиче-

ским значением, которое, очевидно, в значительной степени сохраняется в отглагольных именах действия. Анализ их лексико-грамматической семантики позволяет нам утверждать, что имена действия последовательно выражают фазовые значения, но в редуцированном, по сравнению с глаголами, объеме. При этом определяющим фактором оказывается тип начинательного (финитного) значения. В глаголах выделяется эволютивное и неэволютивное (с разновидностями) значение начала/конца действия [11, с. 185 – 186]. В первом случае присутствует начальный переходный период, имеющий определенную протяженность, в течение которого идет накопление свойств, ведущих к появлению качественно новой ситуации, то есть предел является только потенциальным: *зацветать, загораться, отжигать*. Второе — неэволютивное (контактное)³ значение начинательности/финитности — не обозначает “части действия”, оно называет только сам момент появления или исчезновения действия: *запрыгать, застучать, отжигать, разлюбить*.

Как показывает анализ, потенциал deverbатов в этой области значений ограничен только эволютивным начинательным/финитным значением: *зацветание — * — цветение — отцветание — *; запевание — * — пение, закуривание — * — курение, засыпание — * — сон, загорание — * — горение*. Второе звено глагольной фазовой цепочки, указывающее на момент перехода в стативное состояние (*зацвети*), а также последнее звено — момент прекращения действия (*отцвети*) — в именных коррелятах выпадает⁴. Интересно, что при совмещении в структуре глагола начинательного значения с другими — нефазовыми — ЛСВ, начинательное значение в deverбатывы не транспонируется (или — начинательные ЛСВ не мотивируют deverбатывы). Вполне актуальными для имен действия являются аттенуативное, чрезмерно-продолжительное, оттенки тотального значения, различные оттенки общерезультативной семантики, начинательное же значение отсутствует. Например: снег *запорошил* (начал порошить и покрыл все) > *запорошивание* (начать порошить?, но: = покрыть все, пороша — тотальное значение). Аналогично: *заполаскивание* (начать полоскать?, но: = прополоскать слегка — аттенуативное значение), *заплескивание* (начинать плескать?, но: = покрывать брызгами.), *зативание* (начинать пить?, но: = припивать).

О нерелевантности неэволютивного значения начинательности/финитности для deverбатов свидетельствует тот факт, что при отсутствии в структуре глагола других значений, имена действия от начинательных (а также финитных) неэволютивных глаголов не образуются: *запрыгать, поскакать*⁵, *взречь, взревно-*

⁵ От начинательных глаголов движения с префиксом *по-* образовано 11 deverбатов, но ни один из них не сохраняет значения приступа к действию: *побежать — побег — побегка, повалить — повал, покатить — покать, погнать — погоня, полететь — полет, пойти — поход*, то есть начинательное значение приставки полностью нейтрализуется, остается только значение движения определенным способом, не маркированного с точки зрения фазового признака.

³ Выделяется также неконтактное неэволютивное значение, но в русском языке оно выражается только аналитически. См.: [11, с. 186].

⁴ Исключение составляют каузативные имена *зажигание — зажигание — жжение (горение), заталивание (печи) — затопление — топка, возжигание — возжение — жжение (горение)*, а также *возгорание — возгорение — горение* — они называют все этапы возникновения действия, однако являются малоупотребительными.

вать и пр. Можно было бы предположить, что причина кроется исключительно в приставках, но анализ показывает, что глаголы, не маркированные начинательными приставками, но лексически выражающие контактное неэволютивное значение (*хлынуть, ринуться*), также не образуют девербативов (в отличие от близких по значению моментативов *оговориться, ушибиться, рвануться* и т. д.). Аналогично не мотивируют имен глаголы со значением абсолютного фазового предела *разбиться* (в значении “погибнуть”), *рухнуть* (в то же время, эволютивные глаголы с таким значением могут выступать в качестве мотиватора: *умирать — умереть — умирание*).

На этом примере мы попытались показать, что анализ грамматической семантики имени действия с позиций имплицитной морфологии демонстрирует достаточно четкую имплицитную аспектуальную структуру этой категории имен. Возможности девербатива в области выражения фазовых значений ограничены обозначением части действия в его определенной фазе (эволютивное значение с потенциальной предельностью). Выражение реального временного предела начала и конца действия (неэволютивное значение) является нерелевантным для именной формы⁶ — наличие в глаголе такой семы не допускает образования от него девербатива (за единичными исключениями), а в случае многозначности глагола утрачивается при номинализации.

Список литературы

1. Вінтонів М., Бакланова Н. Девербатив як знак пропозиції у структурі речення// Лінгвістичні студії. Вип. 12, Донецьк 2004. — С. 87 – 90.
2. Вяничева Т. В. Субстантив — субстантивная синлексика современного русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск. — 2000.
3. Градинарова А. А. Семантика отглагольных существительных в русском и болгарском языках (имена на -ние и -не). — София: Евразия, 1999. — 142 с.
4. Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958. — 404 с.
5. Котурова М. П. Информативная плотность в сфере категорий научного текста // Материалы Международной научной конференции “Изменяющийся языковой мир”. Пермь, ноябрь 2001.

⁶ Вместе с тем, фазовое значение в речи выражается не только – и не столько – определенным аффиксом или лексической единицей, а является результатом взаимодействия целого комплекса факторов. В принципе, с помощью средств контекста в девербативе* может выразиться любое фазовое значение (классификация см.: [11. с. 185 – 187]).

1. Контактное неэволютивное (момент появления ситуации, до этого не имевшей места): *Началась (закончилась) работа по восстановлению памятника.*

2. Неконтактное неэволютивное (первые признаки начала действия в эволютивной фазе): *Начало (конец) зацветания тюльпанов – конец марта*

3. Неадвербиальное серийное итеративное (начало проявления идентичных повторяющихся действий): *началось (закончилось) мерное постукивание.*

4. Неадвербиальное серийное константное (начало деятельности, имеющей неординарные проявления): *В 5-летнем возрасте начинается (заканчивается) обучение танцам.*

5. Адвербиальное (изменение условий осуществления ситуации):

– узувальное: *пение стало громче;*

– континуальное: *пение на несколько минут стало громче;*

– итеративное: *начались тренировки на снарядах (имеется ввиду, что до этого были без них).*

6. Маркова Т. Д. Отглагольное имя в аспекте генетической семантики // II Международные Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы: В 2 т. / Под ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. — Т. 1. — С. 159 – 161.
7. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wiener Slawistischer Almanach. —1984. — SBd 14.
8. Пчелинцева О. Е. Семантичний потенціал імен дії у сфері аспектуальності // Мовознавство, 2001, №4, С. 47 – 52.
9. Соколов О. М. Имплицитная морфология русского глагола. Морфемика. М., 1991. — 77 с.
10. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. М., 1997. — 203 с.
11. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. 1987. — 338с.
12. Chomsky N. Some empirical Issues in the Theory of Transformational Grammar // Goals of Linguistic Theory. New York, 1972. — p.159.

Пчелинцева О. Е. Дослідження аспектуальності девербативів у світлі імпліцитної морфології О. М. Соколова.

У статті розглянуто імпліцитні аспектуальні характеристики віддієслівного іменника дії на прикладі семантичної ознаки фазовості. Встановлено, що мовний аспектуальний потенціал девербатива формується під впливом системних чинників, найважливішими з яких є значення способу дії та тип граничності мотиватора.

Ключові слова: імя дії, девербатив, аспектуальність, фазовість.

Pchelintseva E. The investigation of deverbative's aspectuality in the framework of O. M. Sokolov's theory of implicit morphology.

The article deals with the implicit aspectual characteristics of the action verb-derived noun on the example of phase parameter. It is stated that deverbative's implicit aspectual potential is formed under the influence of systemic language factors, the meaning of verb's aspect as well as the type of motivator's limitation being the most important of them.

Key words: action verb-derived noun, deverbative, aspectuality, phase category.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2006 г.

ГЛАГОЛЫ С ПРИСТАВКОЙ РАЗ-//РАС- В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И МЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

В. И. Невойт

Статья посвящена проблеме организации учебного лексического материала при обучении русскому языку как иностранному на примере группы глаголов с приставкой РАЗ- / РАС-. Группа рассматривается как с позиции методики, так и с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: глагол, приставка, лексико-семантическая группа, полевая структура лексической группы.

Задачи продвинутого этапа обучения состоят в усовершенствовании навыков владения языком, что предполагает углубление знаний и умений в области функциональной грамматики, освоение новых вариантов построения фраз и их усложнения, а также существенное пополнение словарного запаса (как активного, так и пассивного). Глагольная лексика на любом этапе обучения является одной из важнейших групп словарного состава языка, так как является основным и самым элементарным носителем предикативности, без которой невозможно построение предложения — главной единицы обучения языку как иностранному. Глаголы представляют собой достаточно многочисленный пласт в составе лексики русского языка: количество исходных (первичных) единиц типа ПИСАТЬ, ЧИТАТЬ, ДУМАТЬ и т. д. увеличивается в результате прибавления к ним многочисленных приставок (например: ПЕРЕПИСАТЬ, ЗАПИСАТЬ, ДОПИСАТЬ и т. п.), а также образования новых видовых пар типа ПЕРЕПИСАТЬ — ПЕРЕПИСЫВАТЬ (процесс так называемой вторичной имперфективации). Освоение такого, достаточно разветвленного, кажущегося неупорядоченным, массива глагольной лексики весьма затруднительно для иностранца. В какой-то мере облегчить этот процесс возможно, превратив проблему во вспомогательный фактор, а именно: используя для организации учебного материала общность словообразовательного элемента у глаголов.

Таким общим словообразовательным элементом, в первую очередь, принято считать корень. В этом случае проводится работа по изучению определённого словообразовательного гнезда (например: ЗНАТЬ — УЗНАТЬ — ПРИЗНАТЬ). Подобная работа активно проводится в группах иностранных учащихся, она, безусловно, полезна и имеет свой положительный результат.

Кроме того, общим словообразовательным компонентом может быть также и суффикс (напр.: -ИРОВА: фотографировать, программировать, демонстрировать и др. или -НУ: крикнуть, свистнуть, брякнуть, двинуть). Однако вычленение из общей массы глаголов, объединённых общим суффиксом, даёт возможность отрабатывать в большей степени грамматические навыки (например: особенности образования форм настоящего времени: фотографировать — фотографирую

или форм прошедшего времени: крикнуть — крикнул, но оглохнуть — оглох). Общий суффикс не является семантически объединяющим элементом.

Третьим структурным элементом слова, способным играть объединяющую роль, являются приставки. Как известно, приставки не только меняют грамматические характеристики глаголов, но и вносят в их значение дополнительные смыслы (срв.: писать — переписать). Иными словами, они имеют определённое лексическое значение. Таким образом, понимая значение приставок, можно определять в наиболее общем (концептуальном) виде значение целой группы слов. Это, с одной стороны, даёт возможность глубже осознать семантику уже известных слов, когда-то просто выученных; а с другой — вместе с контекстом способствует пониманию незнакомого слова, то есть расширяет границы пассивного лексического запаса.

Основой подобной организации учебного материала, предшествующей его методической интерпретации, является изучение указанных лексических объединений с позиций теоретической лингвистики. С этой точки зрения группы глаголов с одинаковой приставкой представляют собой не простой набор слов, а определённым образом организованную микросистему. А исследование семантических модификаций исходной семантики префикса и всего слова в целом, представленные в таких объединениях, небезынтересны и для семасиологии вообще.

Высказанные выше положения попытаемся проиллюстрировать и подтвердить анализом группы глаголов с приставкой РАЗ- / РАС-. Это объединение имеет явно выраженную полевую структуру с семантическим ядром и периферией, внутри которых выделяются подгруппы, которые, в свою очередь, являются микрополями со своим собственным ядром и периферией.

Наиболее общее (концептуальное) значение указанной приставки связано, на наш взгляд, с идеей разделения целого на части. Эта идея в наиболее ярком виде представлена в словах типа: РАЗЪЕДИНЯТЬ, РАЗДЕЛЯТЬ (более общее значение) и РАЗРЕЗАТЬ, РАЗРЫВАТЬ, РАСКАЛЫВАТЬ, РАСЩЕПЛЯТЬ (более конкретные виды этого действия). Сюда же можно отнести и слова РАЗИНУТЬ (рот), РАСКРЫТЬ (глаза), разговорное РАЗЛЕПИТЬ (веки). В несколько отдалённом и в какой-то мере завуалированном виде указанная идея присутствует и в глаголах РАЗВЯЗАТЬ узел или шнурок (какие-то детали были соединены, их разъединили), РАЗМЕНЯТЬ деньги (обычно более крупную денежную единицу делят на более мелкие части), а также РАСЧЁСЫВАТЬ, так как этимологически само слово ЧЕСАТЬ обозначало “расщепление, разделение (срв. ЧЕСНОК назван в связи со своей возможностью разделения на дольки)”. Отсюда вывод: в основе значения глагола РАСЧЁСЫВАТЬ также заложена идея разделения (в данном случае — соединённых волосинок). Таким образом, уже первая описанная подгруппа глаголов с приставкой РАЗ-//РАС-, эксплицирующая исходную концептуальную семантику данного аффикса, представляет собой микрополе. Подобные слова составляют семантическое ядро указанного объединения.

Итак, базовой идеей семантики глагольной приставки РАЗ-//РАС- является идея деления. Однако процесс деления может приводить к разного рода результатам (последствиям), а именно: а) к разрушению, уничтожению чего-либо (например,

РАЗБИТЬ ЧАШКУ или в переносном смысле **РАЗБИТЬ СЕМЬЮ** — это, в первом случае, “уничтожить предмет, сделать его непригодным для выполнения своей функции”, а во втором — “разрушить семью”); б) к увеличению количества чего-либо или площади его распространения (например: **РАЗМНОЖИТЬ ЛИСТОВКИ**, то есть “увеличить количество самих листовок и людей, которые с ними могут ознакомиться” и **РАСШИРИТЬ СФЕРУ ВЛИЯНИЯ**, то есть “увеличить территорию, на которую распространяется влияние”); в) к лучшему пониманию чего-либо в результате разложения его на составные части (например: **РАЗГАДАТЬ ЗАГАДКУ** — “подумать над деталями, признаками чего-либо и понять, что это”). Таким образом, можно выделить три направления семантического дополнения к исходной концептуальной идее деления. Заметим также, что семантический акцент переносится с исходной семантики именно на дополнительные значения, которые начинают доминировать. В соответствии с этим практически весь основной массив глаголов с приставкой РАЗ-//РАС- распределяется по трём указанным группам, а структура всего поля условно в наиболее общем виде выглядит так:

	: → “разрушение, уничтожение чего-либо” (А)
“деление целого на части”	: → “увеличение, распространение” (Б)
	: → “лучшее понимание чего-либо или лучшее выполнение чего-либо” (В)

В свою очередь, каждая из этих групп имеет свои структурные особенности. Так, глаголы группы (А) можно разделить на две части. Первая из них — это слова, которые сохраняют в семантике оба компонента (“деление” и, как результат, “разрушение, уничтожение”): **РАЗБИВАТЬ**, **РАЗВАЛИВАТЬ**, **РАЗЛАМЫВАТЬ**, **РАСПАДАТЬСЯ**, **РАЗЛУЧАТЬ(СЯ)** и подобные. Особенностью другой части слов этой группы является то, что префикс РАЗ-//РАС- у этих глаголов выступает только как выразитель значения “разрушить, уничтожить”: **РАСТОПТАТЬ**, **РАЗОРУЖИТЬ**, **РАЗБАЛОВАТЬ**, **РАЗОРЯТЬ** и др.

Относительно состава группы (Б) также можно сказать, что он неоднороден по степени проявления изначально заложенной в него идеи. Лишь в отдельных словах этой группы в семантике присутствует компонент “деление” и, как следствие, “увеличение, распространение”. Наличие этого компонента можно предположить в глаголах **РАССЫПАТЬ**, **РАССТАВИТЬ**. В основном группа (Б) состоит из слов, сохранивших только компонент “увеличение, распространение” (**РАЗДУВАТЬ**, **РАСПРОСТРАНЯТЬ**, **РАЗНОСИТЬ**, **РАСПУСКАТЬ** слухи, **РАЗЛОЖИТЬ** и под.). В свою очередь, “увеличение” может рассматриваться как “усиление”, “интенсивность”, поэтому логичным представляется включение в эту группу таких слов, как: **РАЗВОЛНОВАТЬСЯ**, **РАЗОЗЛИТЬСЯ**, **РАЗВЕСЕЛИТЬСЯ**, **РАЗБОЛЕТЬСЯ** и т. п. В то же время на первый взгляд несколько странно выглядят здесь слова типа **РАЗГОВАРИВАТЬ**, **РАССКАЗЫВАТЬ**, **РАССВЕТАТЬ**, **РАСЦВЕТАТЬ**, **РАСПРАВЛЯТЬ** крылья и др. Действительно, их словарные определения никак не указывают на увеличение или распространение чего-либо. Однако, осмысливая и представляя себе действия, обозначаемые этими глаголами, мы понимаем, что указанная идея здесь также присутствует, ведь **РАССКАЗЫВАТЬ** — это, по сути,

“расширять круг людей, знающих определённую информацию”, а РАСЦВЕТАТЬ — это “увеличивать степень проявления качества, улучшать его” и т. д.

Вместе с тем в группе (Б) достаточно чётко очерчена подгруппа с семантикой “действие, направленное в разные стороны”. Это, в первую очередь, глаголы движения РАСХОДИТЬСЯ, РАЗЪЕХАТЬСЯ, РАЗБЕЖАТЬСЯ, РАЗЛЕТЕТЬСЯ, РАСПОЛЗТИСЬ. Хотя и весьма условно, но всё же эти слова могут быть включены именно в группу (Б), потому что в конце концов, в результате указанных действий площадь распространения кого- или чего-либо увеличивается.

Группа (В) является относительно немногочисленной. Семантические модификации исходного значения здесь связаны с диффузностью понятия “лучше”, которое в ряде случаев трактуется как “детально”, то есть, например, РАССМОТРЕТЬ — это “внимательно, хорошо, в деталях выполнить действие”, так же и РАССЧИТАТЬ, РАССПРОСИТЬ.

Проблемы семантического структурирования любых групп лексики, в том числе и данного глагольного объединения, связаны, во-первых, с тем, что значение слова нередко затрудняет точное отнесение его к той или иной группе. Например: РАЗБАВЛЯТЬ что-либо чем-либо (разбавлять пиво водой) можно понимать либо как “увеличение объёма”, либо как “уничтожение первичного качества”.

Вторая причина — наличие у слова не только прямого, но и переносного значения. Как правило, лексико-семантические варианты одного и того же слова относятся к разным семантическим группам. Например: РАСТЯГИВАТЬ в значении “увеличивать площадь чего-либо (растягивать брезент)” относится к группе (Б), а этот же глагол в переносном значении “воровать, красть” можно отнести к группе (А), трактуя его с позиций понятия “разрушения, уничтожения”.

Организация материала по такого рода семантическим полям, объединяющим фактором в которых выступает приставка, нашла своё отражение в методических пособиях и учебниках [1]. Работа с такими лексическими группами начинается с того, что в общих чертах преподаватель знакомит студентов с наиболее общей семантической характеристикой группы, то есть с концептуальной идеей, заложенной в значении приставки и возможными направлениями логической модификации этого значения. Предлагая изложенную выше классификацию, преподаватель тем самым перечисляет перечень сем, которые дополняют, уточняют и т. д. общую идею. Таким образом, он вооружает учащихся необходимыми знаниями для проведения последующего анализа, а именно одним из первых заданий для самостоятельного выполнения является следующее: определить значение слова, как вы его понимаете, исходя из контекста и принимая во внимание предыдущую информацию. Логичным после этого будет предложить задание “Вставить вместо точек подходящий по смыслу глагол”, предложив для справки перечень глаголов в большем количестве, чем необходимо, чтобы учащемуся требовалось сделать выбор, также проанализировав семантику. Указанные выше виды заданий носят ярко выраженный интеллектуальный характер. Однако не лишними при работе с этой лексической группой являются и традиционно-универсальные упражнения, то есть предполагающие подбор и замену слов синонимами, антонимами и т. д., что способствует не только

включению изучаемых слов в лексическую систему, но и запоминанию их.

Работа с такими группами глагольной лексики, как показывает практика, является достаточно эффективной, так как она не только значительно расширяет состав активного и пассивного словарного запаса иностранных учащихся, но и поднимает языковое мышление на более высокий уровень, способствует постижению менталитета, особого национального видения, отражённого в изучаемом ими иностранном языке.

Список литературы

1. Якубовская М. Ю. Глагольные префиксы русского языка: значение и особенности употребления: Уч. пособ. по развитию речи для иностранцев, изучающих русский язык. — К., 2004.

Невойт В. І. Дієслова с префіксом РАЗ- / РАС- в лінгвістичному та методичному аспектах. Стаття присвячена проблемі організації учбового лексичного матеріалу при навчанні російської мови як іноземної на матеріалі групи дієслів з префіксом РАЗ- / РАС-. Групи розглядаються як з позиції методики, так і з лінгвістичної точки зору.

Ключові слова: дієслово, префікс, лексико-семантична група.

Nevojt V. I. The verb with prefix РАЗ- / РАС- in linguistic and methodic aspects.

This article is devoted to the problem of organizing of lexical material for studying Russian by foreign students. The verbs with prefixes РАЗ- / РАС- are considered from methodic and from linguistic aspects.

Key words: verb, prefix, lexical-semantic group, area structure of the lexical group.

Статья поступила в редакцию 23 октября 2006 г.

УДК 801.558

ОТ СЕМАНТИКИ СИТУАЦИИ К ТИПУ ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Е. И. Семиколенова

В статье анализируется семантическая классификация русского глагола, разработанная Х. Р. Мелигом. Основные положения этой классификации соотносятся с фазовой концепцией вида, предложенной О. М. Соколовым. Это подтверждает целесообразность выделения фазовых типов видовых противопоставлений.

Ключевые слова: глагол, семантика, классификация, видовая пара, фазовость.

На определенном этапе развития аспектологии стало ясно, что “исчерпывающее описание семантики вида требует широкомасштабного изучения лексической семантики глагола” [6, с. 3]. Другими словами, исследование видовой семантики русского глагола невозможно без учета его лексического содержания.

Семантические классификации глаголов используются в грамматике давно. В литературе существует большое количество классификационных описаний отдельно взятых групп русского глагола. Достаточно назвать такие лексические группы, как глаголы речи, движения, глаголы чувств и эмоционального состояния, путативные глаголы (*считать, полагать*), фактитативные глаголы (*строить, шить, делать*), бытийные глаголы, каузативные и многие другие более мелкие группировки, выделяемых на самых разных основаниях [2, с. 23].

Среди наиболее известных классификаций назовем следующие: “Лексическую классификацию русского глагола” (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) Н. Ю. Шведовой, построенную на материале 35 000 глагольных единиц (значений), отраженных в однотомном толковом “Словаре русского языка” С. И. Ожегова [13, с. 396 – 410], “Фундаментальную классификацию предикатов” Ю. Д. Апресяна, в которой в первую очередь классифицируются глаголы [1, с. 75 – 110]. Кроме того, известен идеографический словарь “Лексико-семантических групп русского глагола” [8], где глагольная лексика представлена в виде трех семантических полей: поле действия, поле состояния и поле отношение, а также лексические классификации глаголов, развиваемые в работах А. А. Уфимцевой, Л. М. Васильева, Э. В. Кузнецовой, Е. В. Падучевой и многих других [7, с. 179 – 472].

Но использовать те или иные лексические классификации при анализе видовой семантики как отдельного глагола, так и видовой оппозиции в целом необходимо достаточно осторожно. Эта мысль неоднократно подчеркивается в работах Н. Ю. Шведовой [13, с. 399]. Исследовательница поддерживает мнение Ю. Караулова, который называет предрассудком реализуемую во многих частных классификациях мысль, “будто систему можно изучать несистемно, когда в качестве объекта исследования выбирается некоторый изолированный фрагмент словарного состава

(в числе примеров — “слова, выражающие понятия *помнить, думать, дрожать* или глаголы *движения, говорения, знания, зрительного восприятия*”... “по принципам “замкнутости” и “естественной (легкой) выделяемости”, и изучаются взаимоотношения составляющих их единиц. При этом результаты подобного анализа не поддаются точной формулировке, их, как правило, трудно использовать другим исследователям, и ценность они представляют только для автора, способствуя расширению его представлений об изучаемом материале” [4, с.172] .

На наш взгляд, это происходит потому, что глаголы, объединенные в одну группу по какому-либо общему лексическому признаку, в большинстве своем называют процессы, различающиеся по своей природе, по характеру динамического признака, его перехода или неперехода в новое состояние, постепенности или скачкообразности такого перехода и т. п. Но прежде всего они различаются по признаку “протекания во времени”. И, как показывают исследования, именно эти семантические особенности глагольных слов влияют на содержание видовых противопоставлений.

Поэтому в середине прошлого века появились классификации нового типа, построенные на иных основаниях. М. Я. Гловинская называет их “универсальными”, т. к. классификационная сетка охватывает все глаголы, в то время как лексические группы не создают разбиения всех глаголов. Во-вторых, в большинстве своем они являются более лингвистическими: в основу многих положено языковое поведение глаголов, в то время как лексические группы ориентированы на более непосредственное отражение действительности [2, с. 23].

Ю. Д. Апресян определяет подобные классификации как “фундаментальные”: “Фундаментальной называется такая классификация лексики, понятия которой имеют универсальный характер, т. е. используются во всех лингвистических правилах — морфологических (категории вида, залога, наклонения), словообразовательных, синтаксических, семантических, прагматических, коммуникативно-просодических, сочетаемостных и других. Из них самыми важными являются семантические правила” [1, с. 76].

Фактически целью их использования являются поиски ответов на два вопроса, заданных Е. В. Падучевой: Можно ли предсказать вхождение глагола в видовую пару, исходя из его лексической семантики? Можно ли вывести семантическое соотношение в видовой паре из лексического значения глагола? [6, с. 90 – 93]. В универсальных классификациях видовая парность связывается:

- с определенными компонентами лексического значения глагола;
- непосредственно с природой процесса, его типом.

Универсальную классификацию первого типа предложил Ю. С. Маслов в статье “Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке” [5, с. 71 – 90], в которой был обоснован тезис о принципиальной связи семантики видовой формы с лексической семантикой глагола. Классификация Ю. С. Маслова ставила своей целью вывести “конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов в русском языке из особенностей их лексической семантики, т. е. из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами процессов”. Возможность или невозможность формирования видовой пары

объяснялась наличием в лексическом значении глаголов компонентов, определяемых как “тенденция”, “попытка”, “осуществление”, “скачок”.

Классификация второго типа, в соответствии с которой видовая парность непосредственно зависит от природы процесса, принадлежит З. Вендлеру. Его работа “Linguistics in philosophy” [18] получила широкое распространение в общей лингвистике и аспектологии. На материале английского языка З. Вендлер показал, что возможность или невозможность образования продолженного времени (Continuous) определяется особенностями природы процесса, названного глаголом. Одним из основных критериев, предложенных З. Вендлером, для классификации глаголов, является критерий “расположения” глагольного действия во времени.

Значительный вклад в развитие теории вида русского глагола внес немецкий аспектолог Х. Р. Мелиг, который, основываясь на уже существующих принципах создания универсальных классификаций, предложил собственный вариант универсальной семантической классификацию глаголов [17].

Прежде всего Х. Р. Мелиг считает важным разграничивать семантику категории вида и семантику описания ситуаций, хотя они тесно связаны между собой, однако представляют различные семантические уровни, которые следует различать и терминологически. Так, для семантической характеристики описания ситуаций Х. М. Мелиг использует термины “трансформативный” и “нетрансформативный”. Трансформативные ситуации обозначают изменение состояния, т. е. переход из предшествующего состояния в последующее:

Художник пишет картину.
Поезд подходит к станции.
Мы поздравляем коллегу с днем рождения.
Судья соревнований жмет руку победителю.

Во временном плане трансформативные ситуации гетерогенны, т. е. такие, начальное и конечное состояния которых не являются идентичными. Другими словами, конечное состояние можно описать, как отрицание исходного. Это происходит, когда:

- один из объектов, участвующих в ситуации, изменяет свои признаковые свойства
- объект в разные временные моменты может существовать или не существовать
- объект, участвующий в ситуации, изменяет пространственное положение и т. п.

Данные описания ситуаций обозначают абсолютное изменение состояния. С достижением конечного состояния подобные ситуации не могут продолжаться:

*Художник написал картину и все еще ее пишет.
* Поезд подошел к станции и все еще подходит.
*Мы поздравили коллегу с днем рождения и все еще поздравляем.
*Судья соревнований пожал победителю руку и все еще жмет.

Х. Р. Мелиг называет такие ситуации абсолютными трансформативными и, соответственно, глаголы, употребляемые в таких ситуациях, абсолютно трансформатив-

ными. В русской аспектологии подобные описания ситуаций, которые предполагают неизбежное прекращение вследствие достижения внутренней, самой природой ситуации предусмотренной границы, называются предельными. В классификации Ю. С. Маслова это глаголы, формирующие видовые пары со значением “процесс (попытка) — скачок”, “процесс (непрерывный эффект) — скачок”, “отсутствие процесса — скачок” [5, с. 71 – 73].

Абсолютным трансформативам противопоставляются относительные трансформативы, представляющие не абсолютное, а относительное изменение состояния, которое может продолжаться:

*Вода в озере мутнеет.
Цены растут.*

Д. Р. Даути [16] называет их “постепенными достижениями”. Существует бесконечное множество промежуточных состояний, по отношению к которым это свойство может увеличиваться или уменьшаться. Все они обозначают ситуации, у которых предшествующее и последующее состояния не являются идентичными, поэтому их также относят к трансформативам, но не абсолютным, а относительным. Глаголы, употребляемые в таких описаниях, определяются как относительно трансформативные:

*Вода в озере помутнела и еще продолжает мутнеть.
Цены выросли и продолжают расти.*

Абсолютные и относительные трансформативы могут быть как моментальными, так и немоментальными. Например, предложение *Игорь осиротел* представляет собой моментальную ситуацию с абсолютным конечным состоянием. Т. к. переход ситуации в новое состояние происходит без промежуточных фаз, моментальные трансформативы не позволяют употребление глагола НСВ в значении процесса: **Игорь сиротел, сиротел и, наконец, осиротел.*

Глаголы, которые употребляются в трансформативных описаниях ситуаций, образуют аспектуальные пары, где глагол совершенного вида обозначает достижение присущей ситуации ингерентной границы. Таким образом, в русском языке аспектуальные пары глаголов, по мнению Х. Р. Мелига, концептуализируют трансформативные ситуации и обладают следующими признаками (см. табл. 1).

Нетрансформативные ситуации не представляют изменения состояния: в любой момент временной протяженности они идентичны сами себе и заполняют временное пространство, в котором осуществляются, однородно и без изменения. Ситуация, которая имеет место в определенный промежуток времени, имеет место и в любой момент этого промежутка [17, с. 591]. После их прекращения новое состояние, не идентичное с исходным, не возникает:

*На столе лежит книга.
Мы живем рядом с вокзалом.
Под окнами шумело море.
С крыши капает вода.*

Нетрансформативные ситуации гомогенны, ингерентной границы они не имеют. Для таких ситуаций действует принцип произвольной делимости на однородные

Таблица 1.

Расположение ситуации во времени	Есть временная граница проявления ситуации	
Характеристика ситуации	Трансформативная гетерогенная	
Характеристика состояния ситуации во времени	Состояние меняется, имеет внутреннюю границу	
Длительность изменения во времени	Немоментальное изменение	Моментальное изменение
Значение глагола НСВ	Употребляется в процессном значении	Не может употребляться в процессном значении
Разновидность видового противопоставления	Аспектуальная (видовая) пара	Аспектуальная (видовая) пара

фазы, который получил название “свойство подынтервалов” (subinterval property) [15, с. 176]. Глаголы, употребляемые в таких ситуациях, называются нетрансформативными. Т. к. нетрансформативные ситуации не имеют внутренней границы, нетрансформативные глаголы аспектуальных пар не образуют. Тем не менее репертуар видовых противопоставлений нетрансформативных глаголов достаточно широк и разнообразен. Так, если аспектуальная пара трансформативных глаголов обозначает временное ограничение трансформативной ситуации и достижение ею ингерентной границы, то видовое противопоставление нетрансформативных глаголов обозначает только временное ограничение однородных ситуаций и фиксирует их отдельные фазы. Такие видовые противопоставления Х. Р. Мелиг называет аспектуальными способами действия, для которых характерны следующие признаки (см. табл. 2).

Таблица 2.

Расположение ситуации во времени	Временная граница проявления ситуации
Характеристика ситуации	Нетрансформативная гомогенная
Характеристика состояния ситуации во времени	Состояние не меняется, не имеет внутренней границы, делится на однородные фазы
Разновидность видового противопоставления	Аспектуальные способы действия

По мнению Х. Р. Мелига, для категории вида в русском языке отнесение описания ситуации к классу трансформативов и нетрансформативов имеет фундаментальное значение, потому что этот критерий определяет способ перфективации и содержание видового противопоставления. Трансформативные глаголы формируют аспектуальную пару, при этом глагол СВ информирует о том, что изменение состояния произошло

или произойдет. Нетрансформативные глаголы аспектуальной пары не образуют, их перфективация осуществляется через аспектуальные способы действия. Они характеризуют гомогенную ситуацию как имеющую временную границу своего проявления, фиксируя одну из ее фаз. Сравнительная характеристика аспектуальных пар трансформативных глаголов и аспектуальных способов действия нетрансформативных глаголов выглядит следующим образом (см. табл.3).

Таблица 3.

Разновидность отношений в видовом противопоставлении	Аспектуальная пара (видовая пара)		Аспектуальные способы действия
Расположение ситуации во времени	Временная граница проявления ситуации		
Характеристика ситуации	Трансформативная гетерогенная		Нетрансформативная гомогенная
Характеристика состояния ситуации во времени	Состояние меняется, имеет внутреннюю границу		Состояние не меняется, не имеет внутренней границы, делится на однородные фазы
Длительность изменения во времени	Немоментальное изменение	Моментальное изменение	Отсутствует
Цель перфективации	Обозначает достижение внутренней границы ситуации		Обозначает отдельные фазы временного континуума

Сравнительная Таблица 3 показывает, что глаголы, противопоставленные по виду, всегда обозначают ситуации, имеющие временные границы своего проявления. Тип такой оппозиции (аспектуальная пара или аспектуальные способы действия), т. е. способ перфективации, зависит от гетерогенности или гомогенности ситуации. Поэтому при определении типа оппозиции основными являются знания о том, меняется ли состояние ситуации в начале и по ее завершении. Отметим, что в терминологии, характерной для русских аспектологических школ, аспектуальная пара соответствует видовой паре. Однако термин “аспектуальные способы действия” нуждается в уточнении. Как известно, он понимается неоднозначно, в аспектологии существуют разные подходы к его интерпретации.

“Аспектуальными способами действия” Х. Р. Мелиг называет противопоставления нетрансформативных глаголов на основании того, что они фиксируют одну из фаз ситуации: начинательную, ограничительную, одноактную. Однако автор ничего не говорит о завершительной фазе, что было бы вполне естественно, ведь фазовость предполагает выделение определенных временных фрагментов процесса от начала до завершения. В этом плане понимание фазовости процесса и способов ее выражения в концепции Х. Р. Мелига лишено цельности.

Для создания цельной концепции, на наш взгляд, необходимо не противопоставлять аспектуальные (видовые) пары “аспектуальным способам действия”, а, наоборот,

искать критерии для их объединения. В данном случае речь идет о фазовом компоненте значения видовых противопоставлений. В соответствии с концепцией, предложенной О. М. Соколовым, фазовость рассматривается как обязательный семантический признак любой глагольной оппозиции: "...любые глаголы, мотивационно связанные между собой, находятся в таких семантических отношениях, которые достаточны для определения фазового предела" [10, с. 48]. Поэтому можно говорить о фазовой константе глагольной пары: ибо "не существует таких видовых оппозиций, в которых не была бы детерминирована фазовость" [11, с. 57]. На этом основании целесообразно перевести оба типа противопоставлений в одну плоскость, ибо таким объединяющим компонентом для них является фазовый компонент.

Если понимать фазовость как продукт отношения между глаголами в любой видовой оппозиции, то видовым парам также свойственно фазовое значение. Речь идет о выражении ими завершительной фазы процесса. "Аспектуальные способы действия" отличаются от видовых пар тем, что обозначают не завершительную фазу, а иные фазы процесса: начинательную, ограничительную, однократную. При этом производные глаголы СВ в оппозициях этого типа повторяют все значения своих производящих, т. е. представляют собой видовые корреляты к нетрансформативным глаголам НСВ, от которых они произведены. Подобное мнение высказывает и американский лингвист С. Дики: "Оппозиции процессно-ограничительного типа представляют собой видовые пары соотносительных неопределенных глаголов несовершенного вида: когда *писать* осмысляется как неопределенное действие, его видовой парой является глагол *написать*" [3, с. 255].

На этом основании мы предлагаем рассматривать "аспектуальные способы действия" в границах корреляции как фазовые видовые пары. Фазовая видовая пара определяется как оппозиция глаголов НСВ — СВ, обладающая одним из фазовых значений, при этом мотивированный глагол не "нагружен" никакими дополнительными оттенками, кроме фазовых [9]. Понятие фазовой видовой пары шире понятия видовой пары, т. к. включает в себя оппозиции различных фазовых типов, но оно, на наш взгляд, не противоречит общему толкованию корреляции, в котором подчеркивается, что корреляция построена "на основании отношений тождества и различия материальных либо функциональных свойств элементов структуры языка" [14, с. 244].

О. М. Соколов подчеркивал, что "концепция фазовости не отменяет тех несомненных достижений, которые имеются в современной аспектологии, но по отношению к семантике русского глагола может и должен применяться принцип дополнительности, в соответствии с которым объект в разных экспериментальных и теоретических системах может и должен изучаться с помощью различных категорий и понятий" [12, с. 7].

Включение в семантические классификации фазового компонента является дополнительным критерием для разграничения типов видовых корреляций. Это придает классификациям логическую последовательность и завершенность и, главное, наиболее соответствует специфике русских глаголов: их объединению в видовые корреляции и деривации, высокоразвитой системе префиксального словообразования.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Языки славянской культуры, 2006.
2. Гловинская М. Я. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998. — С. 125 – 134.
3. Дики С. (Stephen M. Dickey) Где кончается метафора? (О развитии видового префикса *по-* в русском языке) // Русский язык: Исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 254 – 255.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М.: Высшая школа, 1981.
5. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 71 – 90.
6. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
9. Семиколенова Е. И. Фазовые разновидности видовых корреляций как проявление грамматикализации категории вида русского глагола // Ученые записки ТНУ. — Т.19 (58). — 2006. — №3: Филология. — С. 152 – 157.
10. Соколов О. М. Фазовое варьирование в видовых оппозициях русских глаголов // Филологические науки. — 1985. — №4. — С. 46- 52.
11. Соколов О. М. Фазовость как лексико-грамматическая категория русского глагола // Русское языкознание: Республиканский междудементственный научный сборник. Выпуск 10. — Киев: Вища школа, 1985. — С. 51-58.
12. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского глагола. — М.: Изд-во РУДН, 1994.
13. Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Русский язык: Избранные работы. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
14. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
15. Binnick R. I. Time and verb: a guide to tense and aspect. — New York: Oxford University Press, 1991.
16. Dowty D. R. Word meaning and Montague grammar. — Dordrecht: Reidel, 1979.
17. Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени : О категории глагольного вида в русском языке // Revue des Études Slaves, LXVI/3: Paris, 1994. — P.585 – 606.
18. Vendler Z. Verb and Time // Linguistics in philosophy. — Ithaca — New York: Cornell University Press, 1967. — P. 97 – 121.

Семиколенова О. І. Від семантики ситуації до типу видового протиставлення російського дієслова.

У статті аналізується семантична класифікація російського дієслова, яка розроблена Х. Р. Мелігом. Головні положення цієї класифікації співвідносяться з фазовою концепцією виду, запропонованою О. М. Соколовим. Це підтверджує доцільність виокремлення фазових типів видових протиставлень.

Ключові слова: дієслово, семантика, класифікація, видова пара, фазовість.

Semikolenova E. From Semantics of Situations to the Type of Aspect Opposition of Russian Verb.

The article analyzes semantic classification of Russian verb developed by H. R. Mehlig. The main idea of the classification corresponds to the phase concept of aspect developed by O. M. Sokolov. This correspondence emphasizes the importance of isolating phase types of aspect opposition.

Key words: verb, semantics, classification, aspect pair, phase

Стаття поступила в редакцію 31 октября 2006 г.

УДК 811.161.1'367.625

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА И СЕМНО-СЕМЕМНОЙ КОМБИНАТОРИКЕ

Е. Я. Титаренко

Статья посвящена исследованию семантических процессов, происходящих как в структуре глагольного слова, так и на уровне его взаимодействия с контекстом. В результате проведенного анализа выведена семная формула видов русского глагола и описаны процессы семно-семемной комбинаторики.

Ключевые слова: семантика, сема, русский глагол, аспектология, граммема.

В трудах О. М. Соколова слово рассматривается как некая относительно замкнутая система, в которой складываются особые отношения, прежде всего отношения между значениями (семемами и семами). Наиболее распространенной в лингвистике до настоящего времени считается полевая модель языка, в том числе полевая структура лексической семантики, согласно которой она представляет собой систему компонентов — сем, образующих структуру — семему [6 с. 39]. Как известно, поле включает ядро и периферию, поэтому в лексическом значении слова выделяются ядерные и периферийные семы. Ядро значения образуют постоянные, существенные, яркие семы, которые в одном значении (ЛСВ) могут быть ядерными, а в другом — периферийными. Граница между ядерными и периферийными семами размыта, имеется ближайшая и дальнейшая периферия [6 с. 39].

Высказав справедливую критику в адрес существующих классификаций, И. А. Стернин предложил свою классификацию сем, обнаруживающихся в коммуникативных актах и релевантных для коммуникации, по рубрикам “ядерные” и “периферийные”. По отношению к системе языка денотативные семы он разделил на узуальные и окказиональные, системные и личностные, дизъюнктивные и инвариантные. По различительной силе — интегральные и дифференциальные, по степени яркости — яркие и слабые, по характеру выявленности — эксплицитные и скрытые [6].

О. М. Соколов также выделял семы **эксплицитные** и **имплицитные**, **реальные** и **потенциальные**, по содержанию — **лексические** (вещественные) и **грамматические**. “Грамматические семы в составе слова присутствуют как грамлеммы (...). Отличительной способностью грамматической семы является ее абстрактный характер. Грамматическая сема является дифференциальным признаком не только данного слова, но интегрирует и целый ряд ... других лексических единиц, обнаруживая себя в этих словах в эксплицированной форме. Грамматическая сема является элементом грамматической парадигмы, представляя ту или иную грамматическую категорию. Граммеммы различаются по признаку их зависимости от лексического значения” [5 с. 45].

На современном этапе развития семантики и грамматики представляется актуальным более детальное исследование граммема и разведение понятий грамматической семы и граммема. Как отмечает В. А. Плунгян, в русской лингвистике термин *граммема* появился в начале 60-х гг., “окончательные же “права гражданства” он приобрел благодаря А. А. Зализняку” [4 с. 107]. Граммема — это грамматическое значение, в котором воплощается грамматическая категория, основным свойством которой является ее обязательность. Так, для ГК падежа обязательной является каждая падежная граммема. Водораздел между лексическим и грамматическим в значении слова можно проводить по-разному. При одном подходе к определению грамматического значения главной чертой, отличающей его от лексического, считается **обязательность и регулярность** его выражения в языке, другой подход связан с противопоставлением между открытыми и закрытыми классами единиц языка [1 с. 75 – 76]. Класс считается открытым, если он очень большой и легко может быть увеличен, и закрытым, если он сравнительно небольшой и список входящих в него элементов фиксирован. При таком подходе лексическим считается значение элементов, входящих в открытые классы, а грамматическим — элементов, входящих в закрытые классы. Открытые классы составляют корневые морфемы, которые и считаются носителями лексического значения.

В “Лингвистическом энциклопедическом словаре” *граммема* определяется как “компонент *грамматической категории*, представляющий собой по своему значению видовое понятие по отношению к значению грамматич. категории как понятию родовому” [2 с. 117]. Граммема представляет собой единство значения и способов его выражения, в структуре грамматической категории граммема является одним из противопоставляемых рядов грамматических форм. Другое значение термина, как отмечает источник, выступает в тех случаях, когда он используется лишь по отношению к плану содержания и трактуется как элементарная единица грамматического значения, что не противоречит первому значению [там же].

Интересно, замечает В. А. Плунгян, что в морфологии, как ни странно, не существует общепринятого однословного термина для наименования морфемы, выражающей граммема. “Дж. Байби недавно предложила использовать в этом значении специально изобретенный термин “*грам*” (англ. gram). Иногда в этом же значении употребляется и сам термин *граммема*” [4 с. 107]. Мы же предложили ввести специально изобретенный термин “*грамма*” для обозначения грамматических сем, поскольку в русском языке не у всех грамматических категорий есть специальные морфемы для выражения граммема (см. [7] и др. работы автора). Так, категория вида, о которой и будет идти речь в настоящей статье, таких морфем, как известно, не имеет. Однако эта категория обладает **обязательностью** — важнейшим, как уже было сказано, свойством грамматических категорий, предполагающих, что никакие два значения из множества взаимоисключающих грамматических значений одной ГК не должны выражаться в одной словоформе одновременно [4].

Большое значение для развития семантики имела теория семного варьирования и описанные И. А. Стерниным семантические процессы, в числе которых он выделил следующие:

● **актуализация семы** — коммуникативно обусловленное выделение семы в структуре значения, приводящее к восприятию ее как коммуникативно релевантной, входящей в актуальный смысл слова. Актуализироваться может любая сема, как ядерная, так и периферийная. Неактуализованные семы иногда называют погашенными, однако с точки зрения коммуникативного анализа, как отмечает автор, особого процесса *погашения* сем выделить нельзя, сема просто “игнорируется” в речевом акте, т. е. не актуализируется [6 с. 107].

● **усиление семы** — изменение яркости в сторону повышения и **ослабление** — изменение яркости семы в сторону уменьшения являются взаимосвязанными процессами. При формировании актуального смысла в коммуникативном акте усиление яркости одних сем автоматически ведет к ослаблению других, тоже актуализованных, т. к. они становятся менее заметными на фоне более ярких [6 с. 109].

● **расщепление семы** — неполная (частичная) актуализация, которая свойственна эксплицитным семам. Как отмечает автор, этот семантический процесс характерен только для переносного употребления слова [6 с. 110].

● **модификация семы** — контекстуальное переосмысление содержания семного конкретизатора, различается модификация смысловая или модальная.

● **конкретизация семы** — процесс, сопровождающий актуализацию, если сема имеет высокий уровень абстракции, т. к. конкретные семы в конкретизации не нуждаются.

● **поддержание семы** — процесс, выражающийся в вербальной экспликации актуализируемой семы в коммуникативном акте [6 с. 116].

● **наведение семы** — процесс коммуникативного внесения семы в значение. Наводятся семы, отсутствующие в системном значении слова, эти семы относятся к разряду окказиональных. Как замечает автор, наведению тех или иных сем могут способствовать определенные синтаксические конструкции, например, “в конструкциях *идут и идут, платят и платят, просят и просят* наводится сема интенсивности” [6 с. 120]. Иногда нельзя провести четкой грани между наведением семы и актуализацией слабых периферийных сем значения.

О. М. Соколов описал семантические процессы, являющиеся слагаемыми семно-семемной комбинаторики, следующим образом:

● **Актуализация сем** — акцентированное выделение в процессе языкового функционирования одного из потенциальных признаков слова при одновременной перегруппировке других сем [5 с. 68]. Актуализироваться могут лексические, коннотативные и грамматические семы.

● **Поддержание и усиление сем** — актуальные семы того или иного слова находят в тексте подкрепление, выраженное соответствующими словами или даже морфемами. Нередко проявляется в области грамматических сем, например, дублирование лица формой глагольного окончания и местоимения. По О. М. Соколову, поддержание влечет за собой естественное усиление семы [5 с. 72].

● **Наведение сем** — достигается путем помещения слова в такой контекст, где подключаются новые семы, часто неожиданные, в чем проявляется творческое начало в использовании языка. От обычной актуализации сем наведение отличается своей контрастностью, полярной противопоставленностью тому, что содержалось в исходном ЛСВ [5 с. 74].

● **Модификация сем** — при изменениях в семной комбинаторике, определяемых тем, что одни семы актуализируются, а другие погашаются, может происходить и их частичное изменение, модификация. Процесс модификации связывается с изменением удельного веса исходных актуальных и потенциальных сем, в результате чего возникает новое качество [5 с. 77].

● **Погашение сем** — не означает полного их устранения, но всегда, по мнению О. М. Соколова, сопровождает актуализацию сем. Данный процесс следует отличать от нейтрализации дифференциальных сем.

● **Нейтрализация сем** — происходит в том случае, когда лексическая или грамматическая сема одного языкового знака сталкивается с полярной семой другого знака. Примером нейтрализации в области лексических отношений может служить оксюморон (*горячий снег*). Одним из ярких примеров грамматической нейтрализации является нейтрализация видового противопоставления у глаголов (*Кто писал/написал это письмо?*) [5 с. 79].

Разительное несоответствие между усилиями и результатами в изучении вопросов вида русского глагола И. Г. Милославский видит прежде всего в схоластической постановке вопроса о том, какой перечень значений связан с тем или другим видом. Дело в том, пишет он, что вид глагола далеко не всегда может быть извлечен из “внешней оболочки” слова. “Для правильной рецепции глаголов разного вида необходимо определить в русском языке процедуры сложения значений этих глаголов со смыслами, относящимися как к ситуации их употребления в речи, так и к ситуации, обозначаемой в предложении” [3 с. 19]. В этой связи мы и предприняли попытку анализа “процедуры сложения значений глаголов со смыслами” и получили определенные результаты.

Вычленив аспектуально значимые семы и граммы и расположив их, по предложению М. В. Всеволодовой, в виде простой дроби, мы получили формулы видов. В самом общем случае формула СВ такова:

$$\frac{\text{Лим.}}{\text{Ед. Л,}}$$

где Лим. — лимитативность, Ед. — единичность, Л — временная локализованность. Глаголы НСВ, по нашему мнению, в зависимости от своей предельной или непредельной семантики, могут быть представлены следующими формулами:

$$\frac{\text{П//НП}}{\text{Ед. Л // Повт. НЛ}} \quad (\text{читать}) \quad \text{либо} \quad \frac{\text{НП}}{\text{Ед. Л // Повт. НЛ}} \quad (\text{спать}),$$

где **П** — предельность; **НП** — неопределенность; **Повт.** — повторяемость; **НЛ** — временная нелокализованность [7].

Поскольку временная локализованность обуславливает единичность процесса, а временная нелокализованность коррелирует с повторяемостью, то граммa **Ед.** всегда сочетается с граммой **Л**, а граммa **Повт.** — с граммой **НЛ**. Кроме того, повторяемость связана с неопределенностью, поэтому даже глаголы предельной семантики в неограниченно-кратной функции обозначают неопределенный процесс. Следовательно, наборы грамм **Ед. Л** и **Повт. НЛ** взаимоисключают друг друга, как и семы **П//НП** у предельных глаголов. Они не могут быть одновременно актуализованы, хотя могут быть одновременно погашены, нейтральны (как в общефактическом значении НСВ: *Вы читали эту книгу?*). Это можно сравнить с *принципом семафора*, у которого не должен одновременно гореть красный и зеленый свет (если семафор не поломан), однако свет может вообще не гореть, если семафор выключен. Таким образом, граммы **Ед. Л** и **Повт. НЛ** находятся в отношениях конъюнкции, а оба набора между собой — в отношениях дизъюнкции.

Конкретно-процессное значение НСВ связано с актуализацией грамм **Ед. Л**, неограниченно-кратное — с актуализацией набора **Повт. НЛ** (*Вечером он читал книгу — По вечерам он читал книгу*), а общефактическое значение НСВ обусловлено погашением обоих наборов грамм (*Он читал книгу?*).

В глаголах любого вида могут присутствовать и другие семы, например, сема **Одн.** (однократность или одноактность), сема **Ит.** (итеративность) и т. п. Семы в глагольном слове имеются не только у корневой морфемы, носителями собственной семантики являются и префиксы, и суффиксы. Например, у глаголов СВ с суффиксом **-НУ-** сема **Одн.**, присущая суффиксу, включается в лексическое значение, а граммa **Ед.** содержится в грамматической семантике совершенного вида, в результате чего происходит *сложение* этих сем, приводящее к их *усилению* (*шагнуть, крикнуть, ругнуть* и т. п.).

В русском языке существует целый класс глаголов НСВ, у которых в ядро лексического значения входит сема **Ит.**. Это и многоактные глаголы (*шагать, кивать, моргать*), и “глаголы с семой итеративности” (*включать, навещать, появляться*), и глаголы разнонаправленного движения (*ходить, летать, бегать*). Данная сема, будучи ядерной, сохраняется и в производных глаголах СВ* (*прошагать, походить, налетать* и т. п.). Формула этих глаголов такова:

Лим. Ит.
Ед. Л.

Как видим, здесь вступают во взаимодействие сема итеративности и граммa единичности. В результате сема *ослабляется*, т. к. видовой набор СВ всегда актуализован, становится менее яркой. Такие глаголы называют единичный процесс, состоящий из повторяющихся актов, т. е. внутренне расчлененный, дискретный. Мы

---

* Интересно, что собственно глаголы “с семой итеративности”, по нашим наблюдениям, не имеют производных глаголов СВ, кроме видовой пары со значением однократности (*навещать-навещать, случаться-случиться* и т. п.)

классифицировали такой вид повторяемости как “имплицитную внутрисловную повторяемость” [7].

У глаголов НСВ в результате семной комбинаторики может происходить актуализация одного из двух наборов грамм. Например, глагол *навещать* имеет, по нашему мнению, следующую семную формулу:

НП Ит.
Повт. НЛ // Ед. Л.

Здесь сема итеративности поддерживает и усиливает грамму повторяемости, что приводит к актуализации набора **Повт. НЛ** (даже вне контекста) и затрудняет функционирование глагола в ситуации временной локализованности, т. е. *нейтрализует* граммы **Ед. Л.** Сравним: *Друг навещал/ навещает/ будет навещать меня в больнице.* - *Друг лежал/ лежит/ будет лежать в больнице.* И если в форме прошедшего времени первое высказывание (*друг навещал меня*) еще можно трактовать как констатацию факта однократного посещения (общезначительное значение), то в остальных формах времени, так же как и в императиве (*навещай его*), однозначно выражается повторяющееся действие. Употребление глагола СВ *навестить*, имеющего семный набор:

Лим. Одн.
Ед. Л

где сема однократности поддерживает и усиливает грамму единичности, свидетельствует об одноразовом действии: *Друг навестил/ навестит меня в больнице.*

Глаголы типа *навещать*, *повторять*, *случаться*, *появляться* не имеют вторичных имперфективов, что также может быть обусловлено наличием у них ядерной семы итеративности. Дело в том, что суффикс вторичной имперфективации тоже включает сему итеративности, поэтому формула глаголов с этим суффиксом такова:

П//НП Ит.
Ед. Л // Повт. НЛ

В случае актуализации набора грамм **Ед. Л.** сема итеративности погашается и глагол называет конкретный процесс: *Я подписываю это письмо.* В случае актуализации набора **Повт. НЛ** сема **Ит.** усиливается: *Я подписываю все письма.* Очевидно, погашение лексической семы граммой у вторичных имперфективов возможно потому, что эта сема не входит в ядро лексического значения глагола, а содержится в семантике суффикса, поэтому она “слабее” граммы. Сравним с вторичным имперфективом многоактного глагола *подпрыгивать*, у которого происходит сложение сем **Ит.**, имеющих и в лексической, и в суффиксальной семантике, так сказать, **Ит.** в квадрате. Актуализация конкретно-процессного значения этого глагола затруднена и ограничена определенными контек-

стными рамками: *Смотри, он как раз сейчас подпрыгивает*. В минимальном контексте этот глагол называет повторяющееся действие: *мальчик подпрыгивал/ подпрыгивает/ будет подпрыгивать*. То же в императиве: *Подпрыгивай!* Если говорящему необходимо обозначить однократное действие, он употребит СВ: *Подпрыгни!*

Таким образом, важнейшим семантическим процессом является **актуализация** — коммуникативно обусловленное выделение семы в структуре значения, приводящее к восприятию ее как коммуникативно релевантной, входящей в актуальный смысл слова. Актуализироваться может любая сема, как ядерная, так и периферийная [6]. Актуализироваться могут лексические, коннотативные и грамматические семы [5]. У глаголов СВ, имеющих только один набор аспектуально значимых сем и грамм, он всегда актуализован, а у глаголов НСВ, имеющих два набора, есть выбор, от которого и зависит многозначность их функций.

Актуализация одного из наборов грамм приводит к следующим внутрисловным семантическим процессам: **усиление, ослабление, сложение, погашение, нейтрализация**.

Нейтрализация происходит в тех случаях, когда полярные (противоположные) семы и/или граммы сталкиваются внутри слова. Например, *подпрыгнуть* — ядерная сема **Ит.** сталкивается с семой **Одн.**, содержащейся в семантике суффикса, происходит нейтрализация.

Сложение — процесс, когда однородные (одинаковые) семы и/или граммы сталкиваются (собираются) в одном слове. Например: *подпрыгивать* — сема **Ит.** в корне и сема **Ит.** в суффиксе обуславливают многократность.

Усиление — сходные (синонимичные) семы и/или граммы собираются в одном слове. *Подпрыгивать* — семы **Ит.** в квадрате усиливают грамму **Повт.** в формуле НСВ. У глагола *Подпрыгнуть* сема **Одн.** суффикса не только нейтрализует сему **Ит.** корня, но и усиливает грамму **Ед.** в формуле вида, поэтому глагол обозначает однократное действие.

Ослабление — изменение яркости семы или граммы в результате неполного погашения или нейтрализации. *Помахать* — глагол СВ, корень многоактный, т. е. имеет сему **Ит.**, а в наборе грамм есть **Ед.** и **Л.**, которые не могут полностью нейтрализовать эту сему, но ослабляют ее, делают менее заметной, значимой.

Погашение происходит тогда, когда разнородные семы и/или граммы и целые наборы грамм взаимоисключают друг друга. Актуализация одного набора приводит к погашению другого, но не наоборот. Наборы в граммеме НСВ (**Повт.** **НЛ.** и **Ед.** **Л.**) могут быть одновременно погашенными, но никогда не могут быть одновременно актуализованными.

В контексте семы и граммы могут **зачеркиваться, погашаться** либо **поддерживаться, усиливаться**. Например, при наличии лексического показателя кратности глагол СВ обозначает повторяющееся действие: *Друг навещил меня пару раз* — семы **Одн.** и **Ед.** зачеркнуты контекстом. В предложении *Однажды он навещал меня* зачеркнута сема **Ит.**, актуализован набор грамм **Ед.** **Л.** Таким образом, в контексте могут происходить следующие семантические процессы: **под-**

держание, зачеркивание, наведение, модификация, а также *расщепление и конкретизация*.

Поддержание — вербальная экспликация сем или грамм, например: *однажды сказал* (однократность), *родился в прошлом году* (временная локализованность), *сто раз повторяет одно и то же* (многократность) и т. п.

Зачеркивание — процесс, когда контекст противоречит одной из сем или грамм или целому набору, например: *крикнул 3 раза* (Одн. и Ед. зачеркнуты лексическим показателем ограниченной кратности).

Наведение — помещение слова в такой контекст, где подключаются новые семы, часто неожиданные, в чем проявляется творческое начало в использовании языка. От обычной актуализации сем наведение отличается своей контрастностью, полярной противопоставленностью тому, что содержалось в исходном ЛСВ [5].

Модификация — при изменениях в семной комбинаторике может происходить и их частичное изменение, модификация. Процесс модификации связывается с изменением удельного веса исходных актуальных и потенциальных сем, в результате чего возникает новое качество [5].

Выводы. Таким образом, в ходе семно-семемной комбинаторики обнаруживаются семантические процессы как на внутрилексемном, так и на контекстуальном уровне. Если представить семантическую структуру слова в виде поля, имеющего ядро и периферию, в составе которого взаимодействуют лексические семы и граммы (грамматические семы), то в первую очередь в процессе функционирования глагольного слова происходит актуализация определенных сем и грамм. На фоне актуализации проявляются такие семантические процессы, как усиление, ослабление, сложение, погашение, нейтрализация. В высказывании продолжается взаимодействие актуальной семантики слова с контекстом, в результате чего наблюдаются следующие семантические процессы: поддержание, зачеркивание, наведение, модификация, расщепление и конкретизация. Дальнейшее изучение этих процессов представляется весьма перспективным.

Список литературы

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М., 2004. — 352 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
3. Милославский И. Г. Наука о русском языке в постсоветской России // Мир русского слова. — 2001. — №1. — С. 13–23.
4. Плуныян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 384 с.
5. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М., 1997. — 202 с.
6. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985.
7. Титаренко Е. Я. Взаимодействие лексической и грамматической аспектуальности в русском глаголе. — Ученые записки ТНУ. — Т.15(54) — №4: Филол. науки. — Симферополь, 2002 — С. 99–113.

***Титаренко О. Я. Про семантичну структуру дієслівного слова та семно-семемну комбіна-
торику.***

Стаття присвячена дослідженню семантичних процесів, які відбуваються як у структурі дієслівного слова, так й на рівні його взаємодії з контекстом. Результатом аналізу стало виведення семної формули видів російського дієслова та описання процесів семно-семемної комбінарики.

Ключові слова: семантика, сема, російське дієслово, аспектологія, грамема.

Titarenko E. Y. To the semantic structure of the verbal word and combination of sema and semema.

The article concerns the research of semantic processes which take place both at the structure of verbal word and at the level of its interaction with the context. A seminal formula of the aspects of Russian verb is deduced as a result of undertaken analysis and processes that take place in the theory of seminal-sememinal combinations are also described.

Key words: semantics, seme, Russian verb, aspectology, grammeme.

Стаття поступила в редакцію 5 ноября 2006 г.

УДК 811.161.1'367.625

ФУНКЦИОНАЛЬНО ОГРАНИЧЕННЫЕ ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Н. В. Андросюк

В статье рассматриваются двувидовые глаголы ограниченного функционирования в современном дискурсе, среди них выделяется терминологическая, узко специальная, книжная лексика. Глаголы исследуются с помощью фазовых парадигм.

Ключевые слова: двувидовые глаголы, глаголы функционально ограниченные, фазовые парадигмы, префиксация.

Вопрос о статусе так называемых двувидовых глаголов рассматривался многими учёными, однако до сих пор их место в системе видов не определено. Н. В. Перцов указывал на то, что двувидовые глаголы составляют в русском языке приблизительно 3% от общего объёма глагольных лексем [6]. Многие глаголы, заимствованные из других языков, получают в русском языке статус двувидовых. Одним из важнейших является вопрос об устойчивости двувидовости глаголов в современном русском языке.

Целью настоящей статьи является количественный и качественный анализ группы заимствованных функционально ограниченных двувидовых глаголов, описание особенностей их функционирования в современном дискурсе.

Материалом исследования послужили глаголы и примеры употребления двувидовых глаголов в различных стилях речи (около 2000 примеров), выбранных из СМИ, Интернет, научной и художественной литературы, а также фазовые парадигмы двувидовых глаголов.

Традиционно двувидовые глаголы в современном русском языке распределяют на 2 группы: исконно русского происхождения (насчитывает до 40 глаголов) и иностранного происхождения (более 1000 глаголов). По функциональным и стилистическим характеристикам эти глаголы можно разделить на общеупотребительные (примерно 600) и функционально ограниченные (примерно 450) глаголов. Функционально ограниченными двувидовые глаголы являются в силу того, что это:

● **Терминологическая узко специальная лексика** (составляет основную часть глаголов данной группы, 80%): *ранжировать* (мат., о числах, параметрах: *выстраивать/выстроить в порядке, определенном их величинами*), *окклюдировать* (техн., *производить/произвести окклюзию чего-либо (поглощение газов расплавленными или твёрдыми веществами)*), *суспензировать* (физ, техн., *приводить / привести во взвешенное состояние частицы твёрдого вещества*) и др.

● **Книжная лексика** (17%): *фундировать* (*обосновывать / обосновать*), *экстраполировать* (*распространять / распространить выводы,*

полученные из наблюдения над одной частью явления на другую его часть).

● **Устаревшая лексика (3%):** *франкировать* (неприятно поражать / поразить, ошеломлять / ошеломить), *фланкировать* (3. производить / произвести боевые приёмы пикой, сидя на коне), *эскамотировать* (ловко присваивать / присвоить или подменить / подменять).

Количество двувидовых глаголов постоянно возрастает за счёт современных заимствований. Границы между общеупотребительной и функционально ограниченной лексикой подвижны, глаголы переходят из одной группы в другую, незначительная часть уходит в пассив. По нашим данным, функционально ограниченная лексика составляет 43 % от общего количества двувидовых глаголов. Более половины глаголов этой группы — 52% — заимствовано из немецкого языка, 39% из французского, остальные 9 % из английского, итальянского, греческого, латинского, польского языков.

Данная лексика используется преимущественно в научном, а также в публицистическом и в художественном стилях речи (Например: *Оба числа логарифмируем по одному и тому же основанию [www.microchip.ru]. Олимпиада, как событие социально значимое и аккумулирующее массы, всегда была лакомым куском для террористов [“АРТ мозаика”, №31(372), 2004 г]; — Я пальпировала её живот, — заявила Марусяка [Д. Донцова]).*

Семантические преобразования протекают в настоящее время чрезвычайно интенсивно, стремительно расширяется сочетаемость слов, что приводит к быстрому образованию новых значений. Двувидовые глаголы развивают вторичные значения, не всегда отражённые в словарях. В последнее время появились новые значения у таких глаголов, как *санкционировать*, *синтезировать*, *русифицировать*, что уже зафиксировано словарём [13]. Процесс ассимиляции глаголов в русском языке продолжается, и мы выявили новые, ещё не отражённые в словарях значения и у других глаголов. Например:

Депонировать (финансовый и юридический термин) — 1. *Передать / передавать на хранение*; 2. *Вносить/внести депозит* может использоваться как в своём прямом значении: 1...клиентам важно иметь возможность получать и *депонировать* средства прямо в своём отделении банка [www/spsc.ru, 2005]; 2. *Продавцы обычно депонируют* полученные чеки, а не получают по ним наличными [www.libertarium.ru], так и в значении “хранить, накапливать”: *Печень может депонировать* жира намного больше, чем гликогена [http://sportelement.ru, 2005].

Сублимировать (химический термин) — 1. *Производить /произвести сублимацию* (переход вещества из твёрдого в газообразное состояние) [8] в публицистическом дискурсе сохраняет только элемент значения “переход из одного состояния в другое”: “Смог бы *сублимировать* её в творчество, либо через страдания переродился и стал другим человеком [“Столичка”, 2005].

Лессировать (термин искусства) — Наносить / нанести тонкий слой прозрачной краски на высохшие места картины с целью усилить или видоизменить тон [8] в современном дискурсе расширяет своё значение: “Защитный состав бесцветен, что позволяет красить и лессировать оконные блоки в любые тона” [<http://drvo.ru/zast/028>, 2006г.].

Инсинуировать (Книжн.) — Прибегать / прибегнуть к инсинуации (клеветнический вымысел, имеющий целью опорочить) в отношении кого-либо [8] получает значение “порождать, провоцировать”: “Странные фильмы — они порождают беспокойство, инсинуируют тревожные помыслы” [<http://forum.charter97.org/viewtopic>, 2006 г.].

Маркировать (сельскохозяйственный термин) — Проводить / провести маркером борозды для посадки или посева чего-либо [8] в результате префиксации получает новое значение “выделять / выделить, отмечать / отметить маркером текст”: “Для этого нужно промаркировать соседние строки (столбцы), включая первые ячейки” [www.referat-niv.ru, 2006 г.]; “В общем списке отмаркировать их красным, чтоб издали видно было” [www.1ps.ru/forum, 2006 г.].

Более поздние словари фиксируют появление омонимов, а также новых ЛСВ у некоторых двувидовых глаголов, которые в свою очередь также являются двувидовыми. Например,

Трассировать¹ — 1. Намечать трассу. 2. О пуле, ракете, снаряде: оставлять при полёте светящийся след [8].

Трассировать² — фин. Выставлять проводной вексель — тратту [14].

Транспонировать — Муз. Переложить / переложить к.-л. музыкальное сочинение из одной тональности в другую [8].

Транспонировать — 1. Мат. Производить/произвести транспозицию (перестановка заданных элементов, при которых меняются только 2 элемента).

2. Муз. Перенос всех звуков музыкального произведения на определённый интервал вверх или вниз.

3. Лингв. Переход слов из одной части речи в другую [14].

Значительная часть новых терминологических, узко специальных и книжных двувидовых глаголов представлена в словаре Л. П. Крысина [14], а также в словаре Т. Ф. Ефремовой [5]. Однако Е. Н. Ремчукова, например, считает такие глаголы, как лоббировать, муссировать, массировать, корректировать и др. одновидовыми глаголами НСВ [7], хотя в [14, 5] они даются с пометой сов. и несом. Из проанализированных 267 примеров употребления в речи глагола лоббировать мы зафиксировали 255 случаев (95,5%) употребления этого глагола в НСВ, случаи употребления данного глагола в СВ единичны, однако они всё же имеют место. А такие глаголы, как транскрибировать, никелировать, эмитировать¹ и др., отмеченные МАС как двувидовые, в словаре Л. П. Крысина уже даются с пометкой одновидовые глаголы НСВ.

Новые двувидовые глаголы образуются в русском языке путём префиксации (префиксы *пере-*, *ре-*, *анти-* + двувидовой глагол: *культивировать* > *перекультивировать*, *эмигрировать* > *реэмигрировать* *датировать* > *антидатировать* и др.) и суффиксации (существительное + *-ировать*, — *изировать*: *рецепция* > *реципировать*, *синдикат* > *синдицировать*, *пауперизация* > *пауперизировать* и др.).

Наиболее продуктивными в образовании префиксальных видовых пар у двувидовых глаголов, как отмечают многие исследователи и подтверждают наши наблюдения, являются префиксы **ПРО-**, **ЗА-**, **С-** (*мульчировать* (с/х.) — *промульчировать*, *замульчировать*, *капотировать* (авиа) — *скапотировать*, *матрицировать* (типогр.) — *заматрицировать*). А. Н. Тихонов отмечал, что данные приставки принимают активное участие в образовании глаголов совершенного вида от двувидовых глаголов особенно в научно-техническом и книжном стилях (*загудронировать*, *проградуировать*, *саккомодировать* и т. д.) [12]. А. Н. Тихонов [12], Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров [1], В. В. Виноградов [2] говорили о наличии чистовидовых приставок в русском языке, П. С. Кузнецов называл такие префиксы “приставками грамматического значения” [4] М. В. Жуйкова [3] писала о “квазипустых” префиксах, т. е. морфемах с функцией экспликации, С. О. Соколова [10] справедливо отмечает, что чёткая граница между чисто видовыми и лексически наполненными префиксами отсутствует, много явлений имеет переходный характер, в результате чего все префиксальные глаголы совершенного вида можно отнести либо к глаголам с преобладанием аспектуального, либо собственного лексического значения. Так, по мнению А. Н. Тихонова, М. В. Жуйковой, грамматическое значение совершенного вида, которое даёт приставка **ЗА-** в глаголах с суффиксами **-изовать**, **-изировать** имеет словообразовательный оттенок, который характеризуется как “полнота охвата чего-нибудь действием или положением” (*заинвестировать*, *заинкубировать* и т. д.) , а в глаголах с приставкой **ПРО-** просматривается один из важнейших компонентов значения этой приставки — “тщательность совершения действия” (*проинъецировать*, *проинтегрировать* и т. д.) Приставка **С-** имеет дополнительное значение “собирания, составления” (*скондиционировать*, *сконвертировать* и т. д.). Приставка **ПЕРЕ-** является одной из наиболее продуктивных словообразовательных приставок и чаще всего указывает на “совершение действия снова” (*перемаркировать*, *перелитографировать*, *перемодифицировать* и т. д.) [3,12].

Учитывая данные словарей последних лет и наш анализ функционирования двувидовых глаголов с префиксами в речи, мы можем констатировать, что 55% глаголов имеют префиксальные образования. Однако большая часть таких глаголов имеет единичные случаи употребления с той или иной приставкой, и только небольшое их количество (такие глаголы, как *проградуировать*, *провакцинировать*, *заактировать*, *скалькировать*, *сконвертировать*, *затонировать* и некоторые другие) функционируют в современном русском языке наравне с беспрефиксными глаголами. Случаев преодоления двувидовости в результате префиксации в

группе функционально ограниченных глаголов отмечено не было.

Е. Я. Титаренко предлагает рассматривать глаголы, в т. ч. и двувидовые, при помощи фазовых парадигм [11] (в основе лежит лексико-грамматическая теория фазовости О. М. Соколова [9]). Полная фазовая парадигма любого глагола включает 4 направления фазовости: начало процесса — процесс; процесс — конец/результат процесса; процесс — ограничение процесса и единичность — повторяемость процесса. Анализ фазовых парадигм функционально ограниченных двувидовых глаголов показывает, что 45% глаголов данной группы имеют минимальную парадигму, состоящую только из двух глаголов: видовой пары совершенного и несовершенного вида. Отношения между этими глаголами складываются по трём направлениям: начинательно-процессное, процессно-завершительное, многократно-однократное значение. Наиболее широко представлено у этих пар результативное значение (58%). Например, процессно-завершительное.

Адсорбировать — Физ., хим. Произвести (производить) адсорбацию (поглощение частиц газа или растворённого вещества поверхностным слоем жидкого или твёрдого вещества) [8].

Адсорбировать (НСВ) → адсорбировать (СВ)

Начинательно-процессное: *Иммобилизовать* — Мед. Создать (создавать) неподвижность (покой) повреждённой или больной части тела [8].

Иммобилизовать(СВ) → иммобилизовать (НСВ)

Однократно-многократное: *Антиципировать* — Книжн. Предвосхитить (предвосхищать), произвести (производить) антиципацию (предугадывание событий, преждевременное наступление событий) [8].

Антиципировать (НСВ) ↔ антиципировать (СВ)

Немного более половины функционально-ограниченных глаголов (55%) имеют также префиксальные дериваты, однако следует отметить, что употребление одной трети этих глаголов с приставками в настоящее время весьма ограничено. Это такие глаголы, например, как *аннексировать*, *инкубировать*, *крокировать*, *вотировать*, *яровизировать*, *азотировать*, *кодифицировать*, *инсинуировать*, *аккомодировать* и др. Большинство глаголов данной группы имеет одностороннюю фазовую парадигму (87%), выражающую преимущественно процессно-завершительные отношения (71%). Например,

Гудронировать — (сов. также загудронировать).

Покрыть/покрывать гудроном. Загудронировать — сов. к гудронировать [8].

гудронировать (НСВ)

→ гудронировать (СВ)

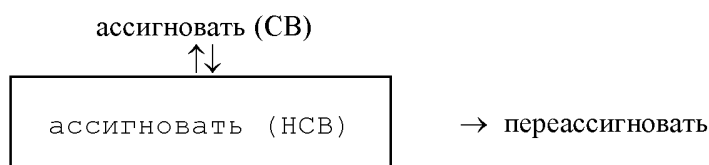
→ загудронировать

На наш взгляд, это происходит потому, что значительную часть слов данной группы составляет терминологическая лексика, представленная в основном пре-

дельными глаголами НСВ, стремящимися к реализации предела (СВ).

Количество глаголов, имеющих фазовую парадигму, состоящую из двух или трёх направлений фазовости — незначительно (13%). Например:

Ассигновать — *Выделить / выделять определённые денежные средства на какие-либо цели. Переассигновать* — *сов. Ассигновать снова, изменить ассигнование чего-либо* [8].

Подавляющее большинство глаголов моносемантичны (87%). Полисемантические глаголы, имеющие 2 или 3 ЛСВ, чаще всего являются терминами разных наук, например, *нотифицировать*, *аккредитовать* (*дипломатический и финансовый термин*), *экстрагировать* (*химический и медицинский термин*), *редуцировать* (*биологический, филологический и технический термин*), *депонировать* (*финансовый и юридический термин*), *дислоцироваться* (*военный и геологический термин*), *иммунизировать* (*медицинский и юридический термин*) и т. д. В некоторых случаях один из ЛСВ имеет переносное значение, тем самым расширяя границы своего употребления, например, **препарировать**: 1. *Обрабатывать / обработать животный или растительный организм с целью изготовления из него препаратов.* 2. **перен.** *Приготовить / готовить что-л. с какой-л. целью, соответствующим образом обрабатывая;* **торпедировать**: 1. *Атаковать торпедой, поражать / поразить торпедой.* 2. **Горн.** *Взорвать / взрывать заряд взрывчатого вещества в буровой скважине.* 3. **перен.** *Оказывая сильное противодействие, помешать / мешать осуществлению чего-либо, сорвать / срывать что-л. ;* **камуфлировать**: 1. **Воен.** *Осуществить / осуществлять камуфляж.* 2. *Маскировать средствами камуфляжа.* 3. **перен.** *Прикрыть какими-л. действиями, высказываниями истинный характер чего-то* [8].

Выводы. Таким образом, группу функционально ограниченных двувидовых глаголов составляют глаголы, заимствованные из других языков. Процесс заимствования продолжается. Функционально ограниченные двувидовые глаголы расширяют сферу своего употребления путём проникновения в публицистический, художественный стили речи, развивают новые значения, вплоть до распада полисемии и развития омонимии.

Процесс перфективации двувидовых глаголов, характерный больше для общепотребительной лексики, затронул также и лексику терминологическую, узко специальную и книжную. Такие префиксы, как *про-*, *за-*, *от-*, *с-* могут образовывать новую, параллельно существующую видовую пару: *диагностировать* — *проди-*

агностировать, камуфлировать — закамуфлировать, фрезеровать — отфрезеровать, калькировать — скалькировать и др. Несмотря на образование префиксальных глаголов совершенного вида от двувидовых глаголов, функционально ограниченные двувидовые глаголы остаются двувидовыми, так как образованные от них перфективные глаголы имеют отличные (иные) лексические значения, в результате префиксации глаголы не перестают функционировать в качестве двувидовых. Исследования, проведённые украинскими аспектологами, свидетельствуют о том, что данное положение характерно и для украинского языка [9]. Такие префиксы, как *а -*, *анти -*, *пере-*, *де-* дают новую двувидовую пару: *визировать — авизировать, датировать — антидатировать, литографировать — перелитографировать, монополизовать — демонополизовать, дислоцироваться — передислоцироваться* и др.

Большинство двувидовых глаголов ограниченного функционирования моносемантически. Все ЛСВ полисемантических глаголов, включая и вновь образованные, являются двувидовыми. Анализ фазовых парадигм двувидовых глаголов ограниченного функционирования показал, что с точки зрения словообразовательной валентности эти глаголы обнаруживают тенденцию к закрытости или минимальной разветвлённости своих парадигм: 45% не имеют дериватов, 51% имеет 1 – 2 деривата и лишь 4% насчитывает свыше 3 дериватов в фазовой парадигме. Большинство из проанализированных глаголов (93%) имеют только одно направление фазовости в парадигме, причём 63% из них — это процессно-результативные отношения.

Список литературы

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. — М., 1945.
2. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. — М., 1972.
3. Жуйкова М. В. Типологія власне-видових дієслівних опозицій у сучасній українській мові: Автор. дис. ... к. ф. н., Львів, 1997. — 16 с.
4. Кузнецов П. С. Современный русский язык. Морфология. — М., 1952.
5. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — М.: Рус. яз., 2000. — 1029 с.
6. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 280 с.
7. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2005. — 329 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х томах/ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. — М.: Рус. яз., 1999. — 702 с.
9. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 202 с.
10. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. — Київ: Наукова думка, 2003. — 282 с.
11. Титаренко Е. Я. Об особенностях двувидовых глаголов в современном русском языке // Культура народов Причерноморья. -№37, январь, 2003, — С. 182 –188.
12. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. — М.: Academia, языки народов России, 1998, — 280 с.

13. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. // Под редакцией Г. Н. Склиаревской. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Изд-во “Фолио — Пресс”, СПб, 2002. — 700 с.

14. Толковый словарь иноязычных слов. / Л. П. Крысин. — М.: Рус. яз., 2000. — 856 с.

15. Чубань Т. В. Особливості видової співвіднесеності дієслів у сучасній українській мові: Автор. дис. ... к. ф. н., К., 1997. — 25 с.

Андросюк Н. В. Функціонально обмежені двовидові дієслова у сучасному російському дискурсі.

У статті розглядаються двовидові дієслова обмеженого функціонування у сучасному дискурсі, серед них виділяється термінологічна, вузько спеціальна, книжна лексика. Дієслова досліджуються за допомогою фазових парадигм.

Ключові слова: двовидові дієслова, дієслова функціонально обмежені, фазові парадигми, префіксація.

Androsyuk N. V. Two aspects verbs with the limited function in the contemporary Russian discourse.

The article deals with the functional limited two aspects verbs in the contemporary discourse among them we point out terminology narrow specialized and literary vocabulary. The verbs are investigated with the faze paradigm.

Key words: two aspects verbs, verbs with the limited function, paradigm of faze, prefixes.

Стаття поступила в редакцію 10 ноября 2006 г.

УДК 811.161.2'367.625

ОСОБЛИВОСТІ ФАЗОВОЇ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДІЄСЛІВ З ПРЕФІКСОМ ЗА-

О. О. Кагал

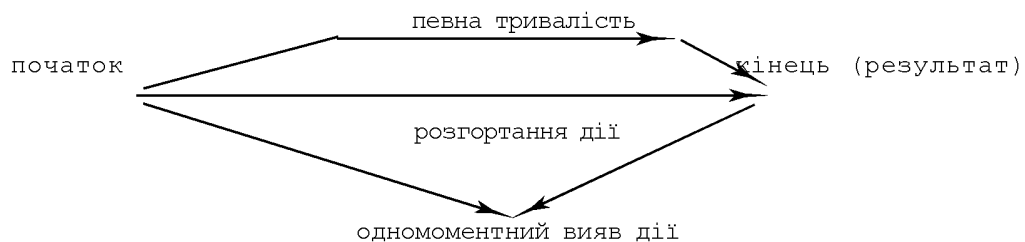
У статті проаналізовано особливості похідних дієслів з формантом *-за*, визначено основні фазові функції цих дієслів, схарактеризовано умови нейтралізації починального значення і виникнення однократного, описано явище дієслівної енантіосемії.

Ключові слова: фазовість, початкова функція, результативна функція, однократність, енантіосемія.

В українській мові, як і в інших слов'янських мовах, префіксація тісно пов'язана з перфективацією, оскільки приєднання префікса до базового дієслова недоконаного виду (НДВ) зазвичай, надає йому значення доконаного виду (ДВ). Серед диференційних ознак ДВ однією з основних є результативність, досягнення результату дії, названої мотиватором. Але, окрім результативності, префікси можуть надавати дієсловам й інші фазові значення, зокрема початку дії, результативного початку, однократності або певної тривалості дії. В українському мовознавстві вкрай мало досліджень, присвячених зміні фазової функції похідного дієслова, спричиненій префіксацією. Адже префікси не лише змінюють лексичне значення вихідного дієслова, а й модифікують його аспектуальну характеристику, зокрема впливають на фазову функцію.

Услід за О. М. Соколовим ми розглядаємо фазовість як „вираження обмеження процесності тією чи тією часовою межею в діапазоні від моменту виникнення (початку) до завершеності (закінчення)” [6: 128]. Зазначимо, що відстань ця, від початку до кінця, може бути як тривалою, так і короткою, майже миттєвою. Таким чином, модель розгортання дії можна уявити як обмежений початковою і кінцевою границею процес, з можливістю відновлення чи повторення (див. малюнок). А зіставлення постійного, безперервного процесу з цим виокремленим періодом у його конкретній реалізації дає змогу визначити фазове значення. І саме в опозиції ДВ — НДВ це фазове значення виявляється найяскравіше.

Схема розгортання процесу

В українському мовознавстві поняття фазовості використовують переважно для систематизації родів дієслівної дії*, однак як семантична категорія це поняття значно ширше. Фази дії можуть бути вираженими синтетичним (дериваційним афіксом), аналітичним (спеціальним дієсловом, контекстно) або синтетично-аналітичним способом. Беззаперечно, у способах формування фазовості будь-якого процесу дуже важливу роль відіграють префікси. Префікс *за-* привертає увагу тим, що у межах однієї лексеми може регулярно виражати щонайменше 2 фазові значення — початку та завершення.

Метою нашої статті є визначення та характеристика саме фазових функцій похідних дієслів з префіксом *за-* та їхніх особливостей.

За об'єкт дослідження обрано дієслова ДВ з префіксом *за-* та їхні безпосередні мотиватори. Предметом дослідження стали фазові функції похідних дієслів, встановлені відносно їхніх мотиваторів.

Матеріал дослідження — дієслова з префіксом *за-*, відібрані зі „Словника української мови” в 11 томах та Лексичної картотеки Інституту української мови НАН України, а також з художніх творів українських письменників тощо.

Детальний опис української дієслівної префіксальної системи наведено в монографії С. О. Соколової „Префіксальний словотвір дієслів сучасної української мови” [7], де виділено такі значення префікса *за-*:

1) Просторове, різновидами якого є переміщення, рух до певної точки: а) на певну відстань (*І в темну пущу раз я заблукав* (І. Франко); *Зайти світ за очі*); б) всередину чогось (*Костик заскочив до вбиральні, прожогом засунув за коцюблі руки під холодну воду і завмер, перестрашено прислухаючись до крижаних перетягів...* (К. Москалець)); в) за якийсь предмет (*Так забігла [Катруся] аж додому, але боячись іти до хати, залізла під пліт* (Н. Кобринська)); г) на певний час, мимохідь (*Я, може, згодом прийду, мені справді треба до матері зайти на який час* (Леся Українка)).

2) Значення початку дії (*Як зацвіте та калина — на весь луг запахне* (С. Васильченко)).

3) Результативне значення: а) результат поширення дії на якийсь площі (*Тротуарчики найближчим часом замостимо і заасфальтуємо* (В. Земляк)); б) результат надмірної дії, переважно негативний (*Заносити плащ до дірок*); в) результат додаткової дії (*З'їла того ранку Юліна шматок хліба, запила його квасним молоком* (С. Скларенко)); г) досягнутий результат (*Дістав [Лаврін] із сумки марлю й забинтував собі руку* (О. Донченко)).

Специфіка дієслівної префіксації полягає в тому, що приєднання префікса до дієслова НДВ здебільшого змінює його граматичну характеристику, а саме — надає йому значення ДВ. Таким чином, певна семантика префікса, з одного боку передає словотвірне значення, а з іншого, є компонентом аспектуальної характеристики дієслова [7: 63-67]. Отже, запропонований перелік словотвірних значень префікса *за-* дає змогу виділити таке основне аспектологічне функціональне навантаження цього форманта:

* Праці українських граматистів А. П. Грищенка [8], А. П. Загнітка [3], В. М. Русанівського [9], К. Г. Городенської [2], І. Р. Вихованця [2], С. О. Соколової [7].

1. Початкова функція:

1. а. Значення власне початку дії, співвідносно з фазовим дієсловом *почати*. Сюди зараховують неграничні дієслова звучання та мовлення, різноспрямованого руху, процесу та стану (якісної та динамічної ознаки) на зразок *заспівати, заохати, заговорити, зашептати, зацвісти, застрибати, зазеленіти, замріяти, заплакати, зачервоніти* тощо, напр.: *Христя затопила в печі; солома зразу запалала* (Панас Мирний); *Зорі замерехтіли на оксамитовому небі* (Р. Іванчук); *Закучерявились дерева, зазеленіли широкополі... лани* (Остап Вишня); *Зрешистю, попереду ї справді заголубіло — лежала між городів та дерев тонка та звинна річка* (В. Шевчук). Репрезентує початковий РДД.

1. б. Початково-результативне значення — дієслово фіксує увагу на початку стану або процесу, який настав як результат зміни ситуації, тобто дія існує далі як постійно наявний стан: *закохати, зачутти, завдовіти, заволодіти* тощо, напр.: *Гнівні і болісні ревності заволоділи Федором* (М. Руденко); *Цвіти мої біленькі, прекрасні, Діти мої маленькі, безщасні! Чом ви, цвіти, рано забілили, Я, молода, завдовіла, Діти мої малі посиротіли* (Нар. лірика) Представляє початково-результативний РДД.

2. Результативна функція:

2. а. Результат дії, передбаченої мотиватором (дієслівною основою): *заморозити, замотати (щось), забити (когось), законспектувати, забруднити, законсервувати, зашифрувати, засилосувати, задобрити, замутити* тощо, напр.: *Він дописав листа, вклав його у конверт, старанно заклеїв і написав адресу* (А. Головка); *Мати насипала в миску пригорщу жовтуватого, як солома, кукурудзяного борошна, запарила його* (Л. Юхвід); *Щоб залаштувати справу, .. пані вїттову треба задобрити подарунками* (С. Чорнобривець). Представляє загальнорезультативний РДД.

2. б. Результат дії (частіше негативний), виконаної з великою інтенсивністю та ускладнений додатковим лексичним значенням: *зацілувати, загодувати, заносити одяг до дірок*, напр.: — *Газети акуратно підшиваються.. Знаєте, — даси кому газетку — зачитають до дірок* (Остап Вишня). Представляє інтенсивно-результативний РДД.

2. в. Результат дії, поширеної на частину об'єкта або виконаної з невеликою інтенсивністю: *замити (частину чогось), запрати (пляму), замалювати (зробити ескіз малюнку)* тощо, напр.: *Перебуваючи в Києві, Т. Шевченко вирішив замалювати всі його визначні місця.* (Літ. Укр.); — *Запери чохла та комір, примаж тією водою челюсті, то буде все по твоїй волі, — порадила Солоха* (Л. Яновська); *Рубін узяв мітлу, замів біля порога* (І. Сенченко). Представляє пом'якшувальний (атенуативний РДД).

2. г. Результат дії, виконаної після іншої дії, напр.: *Хліба з сіллю поїмо, А водою зап'ємо.* (Я. Щоголів); — *Принеси чарочку та солоненького чогось заїсти* (З. Тулуб); *Загризти сухариком.* Виражає повторну дію.

Крім фазових значень початку чи кінця дії, префікс *за-* передає також значення однократного вияву дії. **Однократність** дії — це вираження значення і початку, і кінця, що збігаються в одному моменті свого існування. Дієслова з формантом *за-*, які

можуть виражати однократність дії, умовно можна поділити на дві групи.

До I групи належать починальні дієслова, що виражають значення однократності лише за відповідного контексту. Фазове перетворення відбувається, якщо у конструкції поруч із дієсловом стоїть **лексичний конкретизатор**, який вказує на сам вияв дії та на її раптовість чи швидкоплинність, напр.: *Іван стукнув чаркою об стіл, гекнув, **закректав** якомсь химерно, потім схопився зі стільця* (І. Нечуй-Левицький). У дієслові *закректав* відбувається нейтралізація починальності дії завдяки тому, що контекст речення подає цю дію як однократну, логічне доповнення переліку одноактних дій — *стукнув, гекнув, **закректав***. Дієслово *зачути* також може втрачати свою починальну функцію і позначати однократний вияв дії у випадку коли передає значення „отримати певну інформацію, довідатись про щось, прочути”, напр.: *Як **зачули**, що в Князівці казали, так де й розум узявся* (А. Головка); *Як тільки **зачули** [селяни] про те, що їм загрожує, одразу кинулися ховатися хто де, а їх завертали, збивали кіньми в гурти, турлом гнали на сільський майдан* (О. Гончар). Одноразовий вияв дії відбувається також в конструкціях, де наявний **третій компонент з об'єктною функцією**, тобто, поруч з дієсловами мовлення, звучання розташоване слово або вислів, який маніфестує, що саме промовлено або мало звуковий вияв, найчастіше це спостерігаємо в діалогах, напр.: — *Стій!! Стріляти буду! — **загорлавив** Гнат, добуваючи з кишені револьвер* (Гр. Тютюнник); — *Добрі смішки, коли повипивав горілку з усіх бутлів! — **загримала матушка*** (І. Нечуй-Левицький); — *Мільтон, тубо! Мегі, назад! — **попанськи, вишукано загаркавив сердитий голос*** (М. Стельмах); — *Та чого ти дивишся? Бий! — **загорлав** Масло. — Хлопці! Женько! Вольдемар! — Але хлопці ніби не чули цього вигуку* (А. Хижняк). Часто нейтралізація початку дії відбувається через саму природу ситуації, що репрезентується як моментальна, напр.: *Ми й собі як **закричимо** “ура”* (крикнемо один раз) *аж наче нас підіймає вгору від того крику* (Гр. Тютюнник); *О. Хведор зареготавсь, аж одна дитина **закричала** спросоння* (скрикнула один раз і продовжила спати) (І. Нечуй-Левицький).

До II групи зараховують дієслова експліцитної граничності, до семантики яких формант *за-* вносить сутовидове значення, що виражається в одноактності процесу. Це додаткове значення однократного вияву виникає у дієслів типу *бажати, рятувати, знати, пропонувати*, напр.: *Натомлена важкими думками голова [Катрі] не здужала з до слуханням справлятися, натруджене болістю серце **забажало** спочину* (П. Мирний); *Зробився Турн несамовитий, Ярився, лютував неситий, Троянської крові **забажав*** (І. Котляревський); *Сергій **запропонував** піти в парк* (О. Гурейв); — *Оце б зараз гармоніста сюди гукнути, — **запропонував** хтось із гостей* (А. Шиян); [Кміта:] — *Та, може, я вас хоч порадою **зарятую** в нужді* (І. Нечуй-Левицький); *А проте — **всетаки, спасибі велике Вам, що Ви **зарятували** і мене*** (П. Мирний); ... *був жорстокий бій з численним гайдамацьким загоном, в якому гайдамаки зазнали поразки* (С. Скляренко); *Чи так би шлях мій завершився? Душа б зазнала цих тортур, Якби на світі залишився мій Сад Нетанучих Скульптур?!* (Л. Костенко); — *На Чукотку летимо, мамо, в Анадир. Аме-*

риканський льотчик кругосвітній там зазнав аварії (О. Довженко).

Здатність префікса **за-** передавати протилежні за своєю природою значення (початку — кінця дії) породжує явище енантіосемії, яке яскраво спостерігаємо, порівнюючи похідні однієї основи. Енантіосемія — це розвиток поляризованих значень у семантичній структурі однієї мовної одиниці, що розвивається внаслідок певної відносності крайніх точок чого-небудь, протилежно спрямованих дій тощо. Те, що з одного погляду чи напрямку спостереження, відліку, є початком чи глибоким минулим, з протилежного погляду може видаватись кінцем чи майбутнім [8: 172-175]. Приєднуючись до безпрефіксного дієслівного мотиватора, формант **за-** наповнює його протилежними фазовими значеннями **початку** чи **кінця** дії, які можна розмежувати лише в контексті.

Протилежні фазові значення в межах однієї лексеми можуть виникати за двох умов: 1. +-/++; 2. +-/++-. Дієслівна енантіосемія може бути двох типів: 1 — за розбіжності значень префікса лише ++/+-; 2 — за розбіжності морфолого-семантичних варіантів основи-мотиватора і префікса +-/++.

Перша група прикладів демонструє енантіосемію, зумовлену різними значеннями префікса та об'єктною спрямованістю дієслова. Так, префікс **за-** надає лексемі *говорити* два протилежних значення: 1) *заговорити* — почати говорити, розмовляти, вести бесіду (початкова функція), напр., *Потім до жінки заговорив* [Іван]: — *А знайди лишень, Маріє, мішок* (А. Головка); 2) *заговорити* — когось (людину), результат розмови, бесіди (результативна функція), напр.: *Доктор Івановський заговорить пацієнту, тим часом професор Трембовський напише записку до психіатричної і пошле її з такої* (Ю. Смолич); *Тільки тоді, коли голова комісії сказав: „Досить”, я пожалкував, що... так мало дали говорити. А міг би, здавалось, заговорити всю комісію* (Ю. Збанацький). Дієслово **плакати**: *заплакати* — почати плакати (початкова функція) та *заплакати* — плачучи, змочити щось слізьми (результативна функція), пор.: *І я заплакав, жаль малому Було сіроми-сироти* (Т. Шевченко); *Десь заплакала дитина, і одразу почувся тихий колисковий спів матері* (В. Кучер) та *Засвітали козаченьки В похід з полуночі, — Заплакала Марусенька Свої ясні очі* (Укр. лір. пісні); *Зсохла, зів'яла, заплакала очі, не збуду смутку, а ні в день ні в ночі* (М. Чубинський); *Заплакала вроду* та ін.

Друга група демонструє енантіосемію, зумовлену різними морфолого-семантичними варіантами дієслова, наприклад, **бити** з префіксом **за-**. Перше значення початку дії, безоб'єктна функція — *забити* (почати бити) та друге значення результату дії, об'єктна функція — *забити* (завдавати комусь побиття, довести тварину до смерті), пор.: *Забити в бубни край села, Заграла музика* (І. Гончаренко); *Десь піднісся вгору туман, і свіжий низький бриз забив у паруси* (Ю. Яновський) та *Вдарив Іван мечем, забив хижого яструба, а сам пішов далі* (А. Шиян); *Чайченко руками забив вогонь* (М. Стельмах); ... *вхопив палицю Іван, прицілився добре та як шпурне палицею в упиря — й забив його до смерті* (Казки Буковини).

Отже, похідні дієслова з префіксом **за-** можуть виконувати **початкову** (початковий РДД, початково-результативний РДД) та **результативну** (загальнорезультатив-

ний РДД, інтенсивно-результативний РДД, пом'якшувальний (атенуативний РДД), повторну дію) фазові функції. А також, за відповідного контексту, можуть виражати функцію однократного вияву дії. У фазовому функціонуванні похідних дієслів з формантом **за-** виникає явище енантіосемії, що з'являється внаслідок збігу протилежної ФФ за тотожності основи-мотиватора.

Список літератури

1. Безпояско О. К., Городенська К. Г., Русанівський В. М. Граматика української мови. Морфологія. — К.: Либідь, 1993. — 335 с.
2. Вихованець І. Р., Городенська К. Г. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматика укр. мови / За ред. Вихованця І. — К.: Унів. вид-во "Пульсари", 2004. — 400 с.
3. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови. Морфологія: Монографія. — Донецьк: ДонНУ, 1996. — 437 с.
4. Методические рекомендации к изучению фазово-видовых значений русского глагола. Для филологических факультетов университетов. / Авт. кол.: Т. В. Ларина, Э. П. Попова, О. М. Соколов, Е. Я. Титаренко. — М.: Изд-во РУДН, 1992. — 52 с.
5. Соколов О. М. Семантика и парадигматика категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. — Симферополь: СГУ, 1982. — С. 3 – 18.
6. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М.: Изд. Рос. универ. дружбы народов, 1997. — 203 с.
7. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові: — К.: Наукова думка, 2003. — 283 с.
8. Сучасна українська літературна мова / За ред. А. П. Грищенка. — Вид. 2-ге, перероб. і доп. — К.: Вища школа, 1997. — 493 с.
9. Українська мова: Енциклопедія. — 2-ге вид-во., виправ. і доп. — К.: Вид-во "Українська енциклопедія" ім. М. П. Бажана, 2004. — 824 с.
10. Федоренко Т. А. Энантіосемия в современном украинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ин-т языковедения АН УССР — К., 1989. — 17 с.
11. Червоножка В. С. Енантіосемія в сучасній болгарській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.03 / Інститут української мови НАН України. — К., 2002. — 20 с.

Кагал Е. А. Особенности фазисной характеристики функции глаголов с приставкой ЗА-

Статья посвящена анализу особенностей производных глаголов с формантом ЗА-, охарактеризованы условия нейтрализации начинательного значения и возникновения однократного, описано и явление энантіосемии.

Ключевые слова: фазовость, начинательная функция, результативная функция, однократность, энантіосемия.

Kaghal Y. A. The specialties of the phase characteristic of function the verbs with the prefix ZA-

The article is devoted to the analysis of derivative verbs with prefix -ZA, is designated the basic functions of these verbs, process of education of unitary phases and the phenomena enantiosema is described.

Key words: phase, initial function, productive function, unitary action, enantiosema.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2006 г.

УДК 811.161.2'367.622

ЯВИЩЕ ДИВЕРГЕНЦІЇ У СФЕРІ ВІДДІЄСЛІВНОГО ІМЕННИКОВОГО СЛОВОТВОРУ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Л. М. Колібаба

У статті вилучено сутність явища словотвірної дивергенції на матеріалі віддієслівних іменників сучасної української мови.

Ключові слова: дивергенція, віддієслівний іменник, багатозначність, дієслово-мотиватор, лексико-семантичний варіант, суфікс.

Складність проблеми словотвірної мотивації полягає в тому, що формально-структурна похідність (мотивованість) не завжди збігається з семантичною. У процесі семантичного розвитку як мотиватор, так і мотиват можуть мати кілька значень, не завжди співвідносних між собою. Семантика багатозначного мотиватора часто не повністю транспонується в семантику мотивата і навпаки — мотивовані одиниці спроможні розвивати додаткові значення, відсутні в значеннєвій парадигмі мотиватора. Така асиметрія словотвірних співвідношень багатозначних одиниць та їхніх мотиватів спричиняє потребу вивчення умов продукування похідних одиниць та особливостей формування їхньої семантики.

Значеннєву структуру полісемантичного дієслова утворює сукупність лексико-семантичних варіантів (ЛСВ), кожен з яких може активно мотивувати похідні віддієслівні іменники (ВДІ) або навпаки — виявляти словотвірну інертність. Причини такої “вибіркової” реалізації дериваційного потенціалу формально тотожних одиниць пов’язані з явищем словотвірної дивергенції. Об’єднані спільністю форми, окремі ЛСВ, як і омоніми, виявляють розбіжності семантичного плану, унаслідок чого частково подібні або різні значення дієслова-мотиватора, виражені тотожним звуковим комплексом, мотивують різні за формою похідні утворення (те саме словотвірне значення опредметненої дії чи опредметненого стану, суб’єкта дії, носія стану, інструменталія, локатива передають ВДІ з різними суфіксами).

Уперше поняття дивергенції стосовно словотвірного рівня російської мови використала О. С. Ахманова [1, с. 113]. Явище дивергенції на матеріалі російської мови дослідив і докладно обґрунтував ще в 70-ті роки О. М. Соколов, указавши на його важливість для вивчення наявних у мові системних зв’язків [9, с. 117 – 118]. Цікаво, що для позначення того самого мовного явища “вибіркового поєднання морфем із іншими мовними сегментами (словами й основами), зумовленого сукупністю найрізноманітніших факторів” [9, с. 1] учений використав різні означення: *дивергенція структурно-семантична, морфолого-семантична, морфемно-семантична, словотвірна* [7; 8; 9]. Таке варіювання назв свідчить, що дивергенція — одне з широкомасштабних, фундаментальних (поряд із конвергенцією та нейтралізацією)

мовних явищ, властиве різним рівням та одиницям мови. За висновками О. М. Соколова, “термін “дивергенція” подібно до термінів “граматика”, “словотвір” можна вживати не лише для позначення відношень та зв’язків між мовними одиницями, але й для найменування розділу мовознавства про ці зв’язки” [9, с. 1]. Згодом поняття “дивергенція” та “конвергенція” щодо словотвору використовують у своїх працях інші російські лінгвісти [3]. В українському мовознавстві проблема дивергентних відношень залишається маловивченою. Окрім дослідження С. О. Соколової [10], дивергенція в україністиці ще не була предметом спеціального розгляду.

Мета нашого дослідження — з’ясувати основні умови вияву дивергентних відношень у сфері віддієслівного іменникового словотвору сучасної української мови та проаналізувати особливості їхньої реалізації на формальному та семантичному рівнях. На формальному рівні явище словотвірної дивергенції представлено властивістю афікса (словотворчого форманта похідного утворення) вибірково поєднуватися з однією із формально тотожних одиниць-мотиваторів. На семантичному рівні ця вибіркковість зумовлена переважно лексико-граматичними ознаками мотиватора і є показником закономірностей, що функціонують у сфері структурно-семантичної мотивації.

Найефективнішим методом вивчення дивергентних відношень є опозиційний аналіз у поєднанні з компонентним (семним) аналізом. Сутність опозиційного аналізу на рівні дивергенції багатозначних дієслів та дієслів-омонімів полягає в послідовному зіставленні значень одиниць-мотиваторів, що не розрізняються формою, — ЛСВ полісемічних дієслів або значень дієслів-омонімів. Послідовне зіставлення формально тотожних, але семантично розбіжних одиниць-мотиваторів, дає змогу якнайточніше виявити їхні імпліцитні семантико-граматичні ознаки, що безпосередньо впливають на здатність бути мотиватором.

На семантичному рівні явище дивергенції пов’язане з реалізацією словотвірного потенціалу багатозначного дієслова — здатністю мотивувати різні типи ВДІ (з семантикою опредметненої дії чи опредметненого стану, суб’єкта дії або носія стану, предмета та місця) або лише окремі з них. Кількість мотивованих девербативів та їхні семантичні різновиди залежать передусім від валентних можливостей дієслова-предиката, зумовлених особливостями його семантичної організації. Іменниковий блок словотвірної парадигми дієслова відображає реалізацію дієслівних валентностей, заповнення відкритих “придієслівних іменникових місць”. За умови реалізації вибіркових афіксальних зв’язків обома протичленами опозиції спостерігаємо повні дивергентні відношення, напр., *чинити*₁ (робити що-небудь) → *чинення*₁, але *чинити*₂ (обробляти шкури тварин) → *чинення*₂, *чиньба*; *збирати*₅ (марки, листівки) → *збиральник*, але *збирати*₉ (піднімати із землі) → *збиральник*, *збирач* та ін. Під час неповних дивергентних відношень тільки один компонент опозиції реалізує сполучувальні властивості у заданому напрямку, тоді як інший має ознаку “нульової” валентності, пор.: *палити*₂ (стріляти з вогнепальної зброї) → *пальба*, але *палити*₁ (непокоїти, мучити) → ∅; *косити*₁ (траву, збіжжя) → *косіння* // *косовиця*, але *косити*₂ (бути косооком) → ∅; *пустувати*₁ (бавитися) → *пустун*, але *пустувати*₂ (бути пустим) → ∅; *жати*₁ (зрізати біля кореня) → *жаття*, *жнець*,

жатка, але *жати*₂ 1 (стискати з силою) → ∅; *залити* 1 (заповнювати певний простір рідиною) → *залиття*, але *залити* 6 (вигадувати) → ∅; *віддавати* 11 (тільки НДВ. Мати присмак) → ∅, але *віддавати* 4 (вручити комусь що-небудь) → *віддавання*; *доспівати*₁ (1. Достигати. 2. Переслідувати) → *доспівання*, але *доспівати*₂ (пісню до кінця) → ∅; *м'яти* 1 (перетворювати в рідку масу) → *м'яття*, *м'яльник*, *м'яло* // *м'ялиця* 1, *м'яльня*, але *м'яти* 5 (**перен.** нерішуче, повільно говорити) → ∅, *затоплювати*₂ (покривати водою який-небудь простір) → *затоплювання*, але *затоплювати*₃ (**рідко.** сильно бити кого-небудь) → ∅ та ін.

Загалом, у результаті аналізу структурних і граматичних ознак, семантичних, словотвірних і стилістичних характеристик дієслів-мотиваторів (ЛСВ та омонімів) можна виокремити такі їхні семантичні ознаки, що є релевантними для продукування іменникових девербативів та виникнення дивергентних відношень*: 1) лексичне значення (належність до певної лексико-семантичної групи); 2) семіологічні властивості (співвідношення денотативних і сигніфікативних, конкретних та абстрактних сем у значенні); 3) релятивність семантики, суб'єктно-об'єктні характеристики (наявність суб'єкта, об'єкта дії, їхні типи); 4) аспектуальні характеристики (граничність дії, видова характеристика, рід дієслівної дії); 5) стилістичне маркування; 6) словотвірні особливості (походження, словотвірна будова). Формальна будова основимотиватора теж не завжди пристосована для поєднання з афіксами, унаслідок чого з'являються перешкоди для сполучення морфем (структурний тип основи, префіксація, довжина слова та ін.).

Формальний рівень вивчення дивергентних відношень у сфері словотвірної мотивації ґрунтується на дослідженні властивості афіксальних морфем (префіксів та суфіксів) вибірково поєднуватися з різними видами мовних одиниць-мотиваторів (коренів, основ, слів) залежно від формально-семантичних якостей останніх. Афікси в цьому випадку є маркерами, які увиразнюють відмінності (формальні, семантичні або формально-семантичні), закладені в основі-мотиваторі. За дивергентного підходу (на відміну від конвергентного) афіксальні морфем виконують диференційну функцію, тому О. М. Соколов запропонував називати їх афіксальними диференціаторами [6, с. 20; 7, с. 96], а Є. Ю. Гінзбург — диференціалами [3, с. 170 – 171]. Афіксальні диференціатори послідовно використовують під час опозиційного аналізу як показники, маркери позитивної чи негативної “реакції” компонентів лексичної опозиції на сполучуваність.

У сфері віддієслівного іменникового словотвору афіксальними диференціаторами є транспозиційні суфікси на позначення опредметненої дії чи опредметненого стану: *-ни***-, *-(e)ни*-, *-(i)ни*-, *-∅*-, *-тт*-, *-іт*-, *-от*-, *-б*-, *-н*-, *-оц*-, *-нин*-, *-тв*-, *-неч*-, *-ин*-, *-аці*-, *-ізаці*- / *-изаці*-, *-фікаці*-, *-аж* та мутаційні суфіксальні морфемі зі значенням суб'єкта-діяча чи носія стану: *-ець*-, *-ник* / *-івник*-, *-льник*-, *-ач*-, *-тель*-, *-ар*-, *-ій*-, *-ок*-, *-ун*-, *-ак*-, *-атор*-, *-ер* / *-ор*-, *-ант* / *-ент*; предмета (знаряддя, інструмента, засобу дії, результату, наслідку тощо): *-ник*-, *-ач*-, *-ець*-, *-нок*-,

* Докладніше про це див.: Колібаба Л. М. Асиметрія словотвірних співвідношень багатозначних дієслів та іменникових девербативів. – К., 2005. – 349 с.

** Суфікси ВДІ у статті оформлено за графічним принципом.

-л-, -ун-, -к-(-анк-, -арк-, -ачк-, -івк-, -йк-, -лк-, -тк- та ін.), -ак-, -в- / -тв-, -ниц-, -ин-, -атор, -ат, -ер / -ор; зрідка місця дії (частини простору, приміщення): -ник, -к- / -анк-, -арн-, -льн-, -ищ / -бищ-, -овищ-, -ниц-. Формально тожні дієслівні основи неоднаковою мірою поєднуються з афіксами цих типів, нерідко виявляючи ознаки словотвірної інертності, “нульової” чи “порожньої” валентності.

Про неформальний характер іменникових суфіксів виразно свідчить їхня вибірковість стосовно основ дієслів-мотиваторів, неспроможність взаємодіяти з усіма їхніми значеннями. Наприклад, *стріляти 1* (з рушниці) → *стріляння* // *стрільба*, але *стріляти 5* (словами) → *стріляння*, а не *стрільба* (словами); *різати 2* (вбивати) → *різання* // *різанина* // *різня*, але *різати 10* (на іспитах) → *різання*, а не *різанина*, *різня* (на іспитах) і под. Вибір дериваційного суфікса для оформлення мотивованого іменника регулює низка чинників, основним серед яких є семантичний. Кожен суфікс поєднується лише з певним колом дієслівних основ, тому дослідження умов реалізації валентних можливостей суфіксальних морфем дає змогу передбачити потенційні слова.

Співіснування у мові кількох спільнокорених різносуфіксальних девербативів із однаковим словотвірним значенням на зразок *пристосовування* // *пристосування*, *випадання* // *випадіння*, *розчищення* // *розчищення*, *виділення* // *виділення*, *кропіння* // *кроплення*, *розбивання* // *розбиття*, *захищення* // *захищення* // *захист*, *ходіння* // *ходьба*, *регулювання* // *регуляція*, *мірник* // *мірятьник*, *збиральник* // *збирач*, *визвольник* // *визволитель* і под. спричинене дивергентними функціями суфіксальних морфем. У сфері віддієслівного іменникового словотвору ці функції полягають передусім у переданні аспектуальних ознак мотиваторів — видових значень та семантики родів дієслівної дії. Суфікси синтаксичних девербативів можуть позначати протяжність дії в часі, її повторюваність чи безперервність, результативність, одноактність, інтенсивність, масштабність вияву, кількісні характеристики, семантику дії (як сукупності мікродій) чи стану. Суфікси лексичних дериватів найчастіше відображають ступінь узагальнення значення, а також стилістичне та експресивне забарвлення.

Отже, у віддієслівному іменниковому словотворі сучасної української мови з-поміж інших явищ спостерігаємо функціонування словотвірної дивергенції, сутність якої полягає в здатності формально тождних, але семантично розбіжних мотиваторів реалізувати неоднакові дериваційні можливості. У вузькому розумінні явище дивергенції підпорядковане компетенції словотвору, оскільки передбачає вивчення словотвірної мотивації та словотвірного потенціалу дієслова, семантичних відношень у парах “дієслово-мотиватор → іменник-мотиват”. Проте в широкому значенні поставлена проблема “прогнозує” увагу до таких мовних явищ, як взаємовідношення між змістом і формою мовних одиниць, взаємодія лексичної та словотвірної семантики, закономірності морфемної валентності, змістова імпліцитність, лексико-семантичні типи відношень, варіантність мовних одиниць, граматичні категорії дієслова та ін. Загалом, за спостереженнями О. М. Соколова, дивергентні відношення — це зв’язки і залежності, що існують між лексичними одиницями з погляду морфології та між явищами морфології з погляду лексики [227, с. 114].

Список літератури

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957. — 295 с.
2. Безпояско О. К., Городенська К. Г. Морфеміка української мови. — К.: Наукова думка, 1987. — 211 с.
3. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. — М., 1979. — 264 с.
4. Городенська К. Г. Реалізація семантичного потенціалу дієслів у синтаксичних дериватах // Словотвірна семантика східнослов'янських мов. — К.: Наукова думка, 1983. — С. 102 – 113.
5. Клименко Н. Ф. Про закономірності сполучуваності афіксів сучасної української мови // Мовознавство. — 1968. — №6. — С. 28 – 32.
6. Соколов О. М. О принципах структурно-семантической дивергенции в лексике // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. 2 лингв. конф. — Новосибирск, 1969. — Вып. 2. — Ч. 1. — С. 19–21.
7. Соколов О. М. Вопросы префиксальной дивергенции // Вопросы языка и литературы. — Томск, 1970. — С. 90 – 169.
8. Соколов О. М. О факторах, определяющих внутреннюю валентность глагольных лексических единиц // Актуальные проблемы русской лексикологии: Докл. лингвистич. конф. — Томск, 1971. — Ч. 1. — С. 10 – 17.
9. Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. — Томск, 1972. — 218 с.
10. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. — К.: Наукова думка, 2003. — 288 с.

Колібаба Л. М. Явление дивергенции в сфере отглагольного словообразования существительных современного украинского языка.

Статья посвящена толкованию сущности явления дивергенции на материале отглагольных существительных современного украинского языка.

Ключевые слова: дивергенция, отглагольное существительное, многозначность, глагол-мотиватор, лексико-семантический вариант, суффикс.

Kolibaba L. N. Phenomenon divergence in the sphere of word-formation of the verbal nouns of the modern Ukrainian language.

The article is devoted to the interpretation of phenomenon divergence in the sphere of word-formation of the verbal nouns of the modern Ukrainian language.

Key words: divergence, verbal noun, polysemy, verb-motivator, lexical-semantic variant, suffix.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2006 г.

*Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Филология». Том 20 (59), №1. 2007 г. С. 73 – 78.*

УДК 811.161.2:001.4

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАЗВАНИЯМИ МЕСЯЦЕВ, ДНЕЙ НЕДЕЛИ И ИХ ПРОИЗВОДНЫМИ

Т. Г. Яременко

Глаголы с лексическим значением времени формируют периферию функционально-семантического поля темпоральности. Однако до сих пор они недостаточно исследованы ни с точки зрения их денотативно-сигнификативного значения, ни в аспекте деривационных связей, что обуславливает актуальность этого исследования.

Ключевые слова: семантика, темпоральность, поле, вербатив.

Исследования темпоральных отношений в русском и близкородственных ему языках основаны на понимании языка как системно-структурного образования. Тезис “язык — система взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц” стал своеобразной теоретической доминантой современных лингвистических исследований, предопределяя комплексные подходы к изучению языковых явлений. С точки зрения системного исследования лексического материала огромный интерес представляют лексикологические и семасиологические постулаты А. А. Потебни, который считал, что “изменение значений слов определяется закономерными связями семантических групп в общей системе языка” [5, с. 218].

Благодаря активизации системно-языкового подхода на современном этапе стало возможным развернуть функционально-грамматические исследования собственно темпоральных единиц (А. В. Бондарко, М. В. Всеволодова, Д. Г. Ищук и др.). Однако вопрос о глаголе с лексическим временным значением разработан только частично, поскольку эта часть речи привлекала внимание исследователей с точки зрения его видо-временных характеристик (Е. Н. Прокопович, С. О. Соколова, Н. П. Шумарова, Р. Эберенц и др.), как ядро функционально-семантического поля темпоральности (А. В. Бондарко и др.). Ввиду этого особо актуальным представляется исследование формально-семантических связей между названиями временных отрезков и их производными.

Рассматривая способы выражения временных отношений в русском литературном языке, М. В. Всеволодова выделяет ряд классов и подклассов лексических носителей семантики времени. Среди них — исторически сложившиеся подклассы названий месяцев и дней недели [2, с. 29 – 32].

Задачей данной работы является исследование формально-семантических связей, организуемых в русском языке за счет словообразовательного и семантического развития темпоральных подклассов “названия месяцев” и “названия дней недели”.

Мотиваторами эксклюзивных словоупотреблений в русском языке (как в системе литературной, так и в региональных подсистемах) являются темпоральные су-

ществительные — названия месяцев. Данная тематическая группа — это денотативно и сигнификативно ограниченная микропарадигма, которую формирует определенное, исторически сложившееся число (12) номинаций: *январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*. Они по-разному участвуют в глагольном словопроизводстве и дальнейшем продлении словообразовательных цепочек. Осуществление выборки из лексикографических источников и словаря художественной литературы дает основания утверждать, что свой деривационный потенциал в речи реализуют темпорлексемы *февраль, май, сентябрь, октябрь*. При этом мотивированные ими производные не являются нормативными единицами, поскольку сферой их употребления остаются народные говоры или художественная речь (авторские окказионализмы).

Скоррелированность действия “проводить определенный промежуток времени” с конкретным временным отрезком *сентябрь* находит выражение в безличном глаголе *сентябрить* — “об осенней дождливой погоде” [8, с. 269]. В этом смысловом ракурсе слово встречается в художественной речи: “*Но уже сентябрило. Аисты двинулись к нильской далекой воде*” (М. Луконин); “*Я пропускаю лето и перехожу к осени, к первым ее дням, когда уже начинает «сентябрить»*. Увядает земля, но еще впереди «бабье лето» с его последним ярким, но уже холодным, как блеск слюды, сиянием солнца” (О. Гладов). Отсутствие собственно языковых ограничений объясняет эпизодическое появление аналогичных единиц, мотивационно связанных с названиями других месяцев: “*Как землю нашу октябрит Закон свершения чудес*” (Е. Шевелева); “*Февраль оглох, февраль февралит, февраль пустился на обман*” (Н. Полякова). Приведенные примеры подтверждают тезис о том, что “в языке художественной литературы, особенно в поэзии, деривационные возможности наименований промежутков времени расширяются. Возможность появления производных глаголов в данном случае объясняется их семантической емкостью, яркой образностью, способностью к метафоризации” [14, с. 294].

В словаре В. Даля представлена также форма безличного глагола *заоктябриться* — “насупиться, нахмуриться, стать пасмурным” [3, с. 610]. Несмотря на соответствие действующим деривационным моделям (ср. *засеребриться*), сегодня данная лексема практически вышла из речевого употребления. В то же время в современном художественном дискурсе как новообразованный окказионализм встречается не фиксируемый лексикографическими источниками глагол *засентябрить* (ср. *заосенеть*), о лексическом значении которого можно судить только по контекстному окружению: “*Засентябрило за окном, проходит осень, а жизнь обманет нас, обманет и не спросит*” (из песни).

В анализируемой лексико-тематической группе “названия месяцев” наибольшей словообразовательной активностью отличается субстантив *май* — возможно, ввиду его наиболее широкого функционального диапазона и очевидных этимологических связей с аналогичными славянскими лексемами. Ср.: укр. *май* — “те саме, що травень” [11, с. 597], белор. *май*, болг. *май*, с.-хорв. *мај*, польск. *maj*. Срезневский отмечал функционирование этого слова уже в XI в., в частности, оно фиксируется в

“Послесловии” к Остромирову Евангелию 1056 – 1057 гг. и других памятниках [13, с. 101].

В “Словаре русских народных говоров” отражен производный вербатив *маевать*. Он образован по продуктивной для темпоральных глаголов модели и в речевой практике реализует значение “устраивать загороднюю прогулку-пикник первого мая; устраивать маевку” [9, с. 291].

Для определения полноты / неполноты наполнения СГ, мотивированного субстантивом *май*, обратим внимание на особенности словообразовательного развития существительного *май* в близкородственном украинском языке. В его лексической системе существует мотивационно связанный со словом *май* глагол несовершенного вида *маювати*, семантическая выразительность которого подтверждается поэтическими словоупотреблениями типа “*Струмок серед гаю, як стрічка. На квітці метелик, мов свічка. Хвилюють, маюють, квітують поля — добридень тобі, Україно моя!*” (П. Тичина). Можно сделать вывод о том, что процессуальный признак, доминирующий в семантической структуре глагола, находит более выразительную экспликацию именно в украинской словообразовательной цепочке. Это убедительно подтверждает возможность заполнения данной лакуны в русской лексической системе.

Таким образом, можно утверждать, что количество производных глаголов, мотивированных названиями месяцев, в литературном языке минимально. Обычно в данном типе словопроизводства участвуют номинативы, “содержащие в своей семантике своеобразные модификации или конкретизации общего темпорального значения, которые сводятся к выделению характерных признаков обозначаемого времени” [14, с. 294]. Наиболее продуктивными с точки зрения реализации словообразовательного потенциала являются субстантивы *февраль, май, сентябрь, октябрь*.

Как отмечает А. В. Кравченко, “основной единицей измерения времени от ранних этапов развития человеческой культуры (и, соответственно, языка) по настоящее время был день” [4, с. 14]. Проблемность изучения лексико-тематической группы “названия дней недели” определяется, в частности, ее внутренней замкнутостью: количество номинаций соответствует количеству дней недели, дублированных названий не существует. При этом почти все названия рабочих дней недели (кроме существительного *суббота*) обладают прозрачной внутренней формой. Три номинации являются производными от числительных: *вторник* (“второй будний (рабочий) день недели”), *четверг* (“четвертый день недели (начиная с понедельника)”), *пятница* (“пятый день недели, меж четверг и субботы [3, с. 554]). Легко реконструированным морфолого-синтаксическим способом образуется существительное *понедельник* = по-недель-ник ← “после недели”.

Как известно, в литературном языке для описания процесса протекания или провозждения определенного дня недели используются описательные конструкции типа *прожить понедельник, провести среду*. Синтетические формы выражения такой семантики, которые соответствовали бы закону языковой экономии, для литературной системы не характерны — МАС не фиксирует ни одного глагольного про-

изводного, мотивированного названием дня недели, они функционируют только на уровне народной речи.

Вовлечение в словопроизводство слов лексико-тематической группы “названия дней недели” возможно благодаря использованию суффиксов, которые в литературном языке с этими основами не сочетаются. При этом не все номинации названной ЛТГ могут служить мотиваторами глагольного словообразования: “с помощью суффикса *-нича(ть)* образуются глаголы, связанные с определенными религиозными обычаями” [14, с. 294].

Общую модель “основа глагола + суффикс *-нича(ть)*” репрезентируют непреходные глаголы несовершенного вида *понеделничать* (“поститься, кроме среды и пятницы, еще и по понедѣльникамъ”) [3, с. 286], *вторничать* (“поститься по вторникам”) [9, Вып. 6, с. 231], *средничать* (“постничать по средамъ”) [3, с. 176 – 177], *пятничать* (“поститься по пятницамъ”) [3, с. 554]. Ср.: “*И средничает, и пятничает, и понеделничает, а вся в греху!*” (пословица).

Интерпретируя этнолингвистический смысл действия, обозначаемого глаголом *понеделничать*, В. П. Сомов указывает на особенность его религиозного значения: “*понеделничать* — поститься по понедельникам из особого усердия, так как православной церковью определены два дня для поста — среда и пятница” [12, с. 763]. Лексикализация данного смыслового оттенка находит наиболее активное отражение в народной речи и языке художественной литературы: “*Кто понеделничаетъ, возрадуется заступничеству Архангела Михаила*” (нар. поверье); “*Не взыщи, дорогой гость... Сегодня я ем постное. Ты, может быть, не понеделничашь, Юрий Дмитрич?*” (М. Загоскин); “*На себя-то посмотрели бы: только что понеделничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь*” (А. Островский).

Не связано с религиозным мировоззрением русского народа региональное (псковское) словоупотребление *понеделничать* — “не выезжать на лов рыбы в понедельник” [9, Вып. 29, с. 256]. Смысловая отдаленность от основного лексического значения позволяет предположить вычленение его как самостоятельного ЛСВ. По квалификативным смысловым признакам он коррелирует с лексемами *понеделовать* — “гулять по понедѣльникамъ, о рабочихъ” [3, с. 286], *понеделковать* — “не работать по понедѣльникамъ, праздновать” [3, с. 286].

Дальнейшее развитие СЦ, мотивированных рассматриваемыми названиями дней недели, стимулирует образование отглагольных субстантивов с общим словообразовательным значением “действие, названное мотивирующим глаголом”. К этой микропарадигме относим девербативы *понеделничанье* [3, с. 286]; *средничанье* [3, с. 176 – 177], *пятничанье* [3, с. 554].

Реализация деривационного потенциала субстантива *суббота* осуществляется в несколько ином направлении, что обусловлено его этимологическими и семантическими особенностями.

Словообразовательная цепочка, мотивированная субстантивом *суббота* актуализируется как четырехкомпонентная микропарадигма:

суббота → субботничать → субботничанье
→ субботствовать → субботствование

Таким образом, можно утверждать, что актуальная для словопроизводства рассмотренных глаголов *понеделничать, вторничать, средничать, пятничать* модель “основа глагола + суффикс -нича(ть)” сохраняет продуктивность также при образовании глагола от субстантива *суббота*.

Указанные в схеме производные, мотивированные названием дня недели *суббота*, не кодифицированы в словарях литературного словоупотребления, оставаясь на периферии русской лексической системы. Правомерность их функционирования подтверждают диалектологические источники. Ср. у В. Даля: “**Субботничать**, праздновать день суботній, какъ жиды и суботники; // поститься по суботамъ. —**чанье**, дѣйств. по гл. **Субботствовать**, праздновать день суботній, какъ повелѣно ветхозавѣтникамъ. **Суботствованье**, дѣйств. по гл.” [3, с. 353].

Рассмотренные темпоральные глаголы, мотивированные названиями месяцев и дней недели, представляют значительный интерес не только в функционально-стилистическом аспекте, но и с точки зрения их денотативно-сигнификативного значения, а также их деривационных связей. Это связано с тем, что глаголы как носители значения времени прежде всего воспринимаются как морфологические единицы. Вместе с тем изучение и описание темпоральных глаголов является необходимым этапом в ходе формирования языковой картины мира.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л., 1984.
2. Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 282 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. / М.: Русский язык, 1981.
4. Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке. // Российская Академия Наук. Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. — 1996. — 3 том 55. — С. 38–47.
5. Потебня А. А. Мысль и язык. Эстетика и поэтика. — М., 1976.
6. Русская грамматика: (В 2-х т.) / Редкол.: Н. О. Шведова (гл. ред.) и др. — М.: Наука, 1980.
7. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.-Л.: Наука, 1948–1965.
8. Словарь русских говоров Приамурья. — М.: Наука, 1983.
9. Словарь русских народных говоров: Вып. 1-23. — Л.: Наука, 1965–1987.
10. Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. испр. и доп. — М., 1981–1984.
11. Словник української мови: В 11 т. — К.: Наук. думка. 1970–1980.
12. Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. — М., 1996.
13. Срезневский. И. И. — Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. — М.: Книга, т. 1–3. — 1989.
14. Юсупова Н. Словообразование глаголов от темпоральных существительных // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент: Укитувчи, 1985. — С. 291–295.

Яременко Т. Г. Формально-семантичні відношення між назвами місяців, днів тижня та їх похідними.

Дієслова з лексичним значенням часу формують периферію функціонально-семантичного поля темпоральності. Однак вони й досі недостатньо досліджені як із погляду їх денотативно-сигніфікативного значення, так і в аспекті дериваційних зв'язків, що й визначає актуальність цієї розвідки.

Ключові слова: семантика, темпоральність, поле, вербатив.

Yaremenko T. G. Formally – semantic relations between names of months, days of the week and their derivatives.

Verbs with lexical meaning of time form a periphery of a functional -semantical field of temporality. However they are not investigated till now neither from the point of view of their denotative -significative meaning not from the point of view of their derivative connection, which causes actuality of our investigation.

Key words: semantics, temporality, field, verb(ative).

Стаття поступила в редакцію 17 октября 2006 г.

**РАЗДЕЛ 2.
ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ТЕРМИНОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ.
СЕМАНТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА**

УДК 81“367.635

ПЕРЕКЛАДНІ ФРАЗЕОЛОГІЧНІ СЛОВНИКИ В УКРАЇНІ

Ю. Ф. Прадід

Стаття присвячена описанню історії перекладної фразеології в Україні. У статті відзначається, що початок української фразеології, у т. ч. і перекладної, були закладені задовго до того, як почали вживатися терміни фразеологізм, фразеологічна одиниця, фразеографія. Перші ж фразеологічні праці в Україні з'явилися лише в II пол. XX ст. Серед них був і словник перекладного типу К. Т. Баранцева. Досягнення перекладної фразеології в Україні за півстоліття — це фундаментальні перекладні англійський і німецький словники, чотири російські словники, два з яких тлумачні, і по одному – угорський і кримськотатарський.

Ключові слова: фразеологія, фразеографія, лексикографія, переклад, словник.

Основи української фразеології закладені ще у XVIII ст., коли фразеологічні одиниці (далі ФО) почали описуватися у фольклорних збірках. Починаючи з XIX ст. і аж до 50-х років XX ст. ФО фіксуються у лексикографічних і пареміологічних працях.

До найдавніших пареміологічних зібрань належить українсько-російський словник “Фразы, пословицы и приговорки малороссийские”, доданий до “Граматики малороссийскаго нарѣчя” О. Павловського (1818 р.). Упорядник в алфавітному порядку подав стійкі вислови української мови, переклавши їх російською мовою, іноді подаючи тлумачення. О. Павловський першим із учених звернув увагу на явище синонімії у сфері фразеології. Формуючи синонімічні ряди ФО в українській мові, він обмежується при перекладі їх російською мовою чи то словом, чи то словосполученням, чи то ФО, чи то цілим реченням, що тлумачить значення цілого ряду, а не окремої ФО. Незважаючи на невеликий за обсягом розділ праці О. Павловського майже через 150 років П. Й. Горецький назве цей невеличкий розділ “першою цінною спробою збирання і публікації фразеологічного матеріалу української мови” [1].

Серед лексикографічних праць I пол. XX ст., в яких найповніше описано фразеологічний склад української мови, необхідно назвати “Словарь української мови” за редакцією Б. Д. Грінченка (1907 – 1909). Словник отримав високу оцінку з боку наукової громадськості у свій час, але, на цьому слід обов’язково наголосити, не втратив свого наукового значення і понині. Л. Г. Скрипник із приводу словника

Б. Д. Грінченка зазначає: “Перше, що впадає в око при розгляді фразеології цього українсько-російського словника, — значно вища, ніж у попередніх лексикографічних працях, наукова (зведена до певної системи) організація матеріалу, а це свідчить про добру обізнаність Б. Грінченка з лінгвістичною природою фразеологічних одиниць, про знання методики їх опрацювання в лексикографічній спадщині української та інших мов” [2].

Отже, як бачимо, початки української фразеографії були закладені задовго до того, як почали вживатися терміни *фразеологізм*, *фразеологічна одиниця*, *фразеографія*.

Про українську і східнослов'янську фразеографію як окрему галузь науки про мову учені почали говорити лише в кінці 60-х – на поч. 70-х років ХХ ст. «Народилася нова галузь мовознавства — фразеографія, яка визначається як теорія і практика укладання фразеологічних словників», — констатувала, наприклад, Л. Г. Скрипник ще у 1973 р. [3]. Однак, на превеликий жаль, сьогодні доводиться наголошувати на тому, що навіть у другому виданні енциклопедії “Українська мова” (2004 р.) немає окремої статті “Фразеографія”, яку лише частково замінює стаття “Фразеологічний словник” [4]. Відсутня така стаття і в іншій фундаментальній праці — термінологічній енциклопедії „Сучасна лінгвістика” О. О. Селіванової, що побачила світ у цьому році [5].

Лише в 60-і роки ХХ ст. з'являються перші фразеографічні праці. Цікаво, що першим фразеологічним словником в Україні став саме словник перекладного типу — “Фразеологічний словник англійської мови з українськими відповідниками” К. Т. Баранцева [6], що побачив світ у 1956 р. і охоплював близько 7 тис. стійких висловів. Протягом наступних років учений продовжував його вдосконалювати. Підсумком багаторічної роботи згодом став “Англо-український фразеологічний словник”, про який мова піде нижче.

Дещо пізніше, з вересня 1958 р. на сторінках часопису „Прапор”, що виходив у Харкові, почав друкуватися ще один словник перекладного типу — “Російсько-український фразеологічний словник”, укладений І. Вирганом і М. Пилинською [7]. Понад дванадцять років це видання публікує названий словник, в основу реєстру якого лягли російські ФО, зафіксовані в “Словаре современного русского литературного языка” в 17 томах [8], а пізніше і в “Фразеологическом словаре русского языка” за редакцією О. І. Молоткова [9]. Укладачі свідомо розширили реєстр словника не тільки прислів'ями, приказками, крилатими висловами, але й словами, що відзначаються певними особливостями граматичних зв'язків у російській та українській мовах. Щоб уникнути критики, автори словника, у разі видання його окремою книгою, мали намір уточнити його назву — “Російсько-український словник фразеологізмів, типових синтаксичних та інших сполук”, — про що самі писали в 10 номері часопису “Прапор” за 1971 рік [10]. Майже через тридцять років цей словник таки побачив світ під назвою “Російсько-український словник сталих виразів”. До реєстру словника в алфавітному порядку вноситься спільний компонент, тобто ключове слово, а біля нього подаються усі можливі стійкі вислови, т. ч. і ФО, з українськими відповідниками, іноді з синонімами, стилістичною харак-

теристикою, що робить словник зручним для користування [11]. “Словник за ред. М. Наконечного, — стверджує В. Д. Ужченко, — не тільки фіксація контрактивних мовних одиниць, а й лексикографічна праця широкого діапазону. Вона охоплює величезну джерельну базу, становить собою науково вивіреним тезаурус української етнолінгвістики, лінгвокультурології, лінгвогносеології, соціопсихолінгвістики” [12].

У кінці 60-х років ХХ ст. в Україні побачило світ фундаментальне видання — “Англо-український фразеологічний словник” К. Т. Баранцева [13], який вище згадувався. У реєстр словника, крім власне ФО, внесено прислів'я, приказки, крилаті вислови, всього близько 30 тис. мовних одиниць. Цей словник є не тільки перекладним, але й має окремі риси словника тлумачного типу. Крім того, його автор, К. Т. Баранцев, намагається супроводжувати ФО англійської мови історико-етимологічними коментарями [14].

У 1971 р. з'являється “Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник” І. С. Олійника та М. М. Сидоренка, у якому в алфавітному порядку наводяться 7 тис. українських та 6,5 тис. російських ФО з найуживанішими лексико-граматичними варіантами, вказівкою на функціонально-стилістичне та емоційно-оцінне значення [15]. Укладачі словника використали численні лексикографічні та фразеологічні джерела, крім української і російської мов ще англійської, болгарської, польської, збірки прислів'їв і приказок, крилатих слів. Незважаючи на окремі недогляди (надмірність уживання діалектних і рідковживаних відповідників, введення до реєстру виразів, які навіть не є ФО, іноді неточність російських відповідників тощо), словник тривалий час був єдиним довідковим виданням із фразеології в Україні [16]. Невипадково, через сім років зі змінами, уточненнями й доповненнями цей словник було перевидано.

Своєрідним продовженням згадуваної вище праці І. С. Олійника та М. М. Сидоренка став “Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник” цих авторів, що побачив світ 1991 р. [17], а згодом перевиданий у Харкові у видавництві “Прапор” у 1997 р. Близько 6 тис. найуживаніших в українській мові ФО з їх російськими відповідниками налічує реєстр першої частини словника і стільки ж приблизно друга, російська, частина з українськими відповідниками. За підрахунками В. Д. Ужченка, із 71 словникової статті видання 1978 р., наприклад, на літеру “А” в тлумачному словнику залишилося лише 27 [18]. Цей словник якоюсь мірою є й синонімічним, бо інколи до одного ФО добирається кілька відповідників іншою мовою. Час від часу до ФО подаються ремарки, що вказують на граматичні особливості, стилістичні характеристики, сферу поширення, частоту вживання.

У 80-і роки ХХ ст. в центрі уваги українських учених продовжують перебувати проблеми, пов'язані з удосконаленням практичних засад укладання перекладних фразеологічних словників. У цей час з'являються дві фразеологічні праці такого типу — “Німецько-український фразеологічний словник” у 2-х томах В. І. Гаврися і О. П. Пророченка [19] і “Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь” В. І. Лавера, І. В. Зиканя [20].

“Німецько-український фразеологічний словник” В. І. Гаврися і О. П. Пророченка містить понад 30 тис. стійких висловів німецької мови, у т. ч. ФО, і досі залишаючись

найповнішим зібранням фразеологічного матеріалу німецької мови. Цікаво, що при укладанні цього словника автори використали не лише матеріал фразеологічних словників німецької, української та російської мов, але й матеріали картотеки “Словника сучасної німецької мови”, які надали їм у користування учені тодішньої НДР, результати опитування близько 200 інформантів. Кожна стаття словника містить численні ремарки, які характеризують значення, конотацію і структуру стійкого вислову. Словник дає змогу користувачеві одержати відомості про багатозначність ФО, історію їх виникнення, сферу вживання, синонімічні їй вирази тощо. Вперше при укладанні двомовного фразеологічного словника більшість словникових статей супроводжується ілюстративним матеріалом, взятим із художніх творів німецьких, австрійських і швейцарських письменників [21].

Першим і поки що єдиним в Україні тримовним словником є “Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь” ужгородських учених В. І. Лавера й І. В. Зиканя, що побачив світ понад двадцять років тому. Словник містить біля 4 тис. найуживаніших російських стійких висловів, у т. ч. і ФО, з українськими й угорськими відповідниками. У словникових статтях подається граматико-стилістична характеристика стійких висловів, а російські одиниці супроводжуються ще й ілюстративним матеріалом. Ця праця, безперечно, має важливе практичне значення, є безцінним джерелом фактичного матеріалу для тих, хто досліджує проблеми порівняльної і зіставної фразеології і фразеографії.

Досягнення в теорії і практиці фразеографії другої половини ХХ ст. створило передумови для підготовки тематичних фразеологічних словників. Тематико-ідеографічний аспект описання ФО дозволяє якоюсь мірою «деформалізувати» алфавітне подання статей, прийняте в більшості словників. Ще В. І. Даль, відстоюючи принцип саме тематичного, а не алфавітного розташування прислів'їв і приказок, підкреслював, що він створює «— цілісну картину, в якій є глибший зміст і значення, ніж у поодиноких замітках» [22]. 1994 р. в Україні з'явилася перша фразеографічна праця, побудована за тематико-ідеографічним принципом — “Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека” Ю. Ф. Прадіда [23]. Слід наголосити на тому, що цей словник належить до словників комбінованого типу, бо є не лише ідеографічним, але й перекладним і тлумачним. У словнику представлено 414 українських і 339 російських ФО, об'єднаних у 13 тематичних розрядів. Він містить характеристику як тематичного розряду взагалі, так і його кожної ФО з тлумаченням і багатим ілюстративним матеріалом, який відбиває її функціонування в українській та російській мовах.

І, насамкінець, у 2004 р. побачив світ в Україні ще один словник комбінованого типу — “Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь” відомого ученого-фразеолога А. М. Емірової, який є і перекладним, і навчальним, і синонімічним. Словник містить 900 ідіом російської мови і їх 600 кримськотатарських відповідників — еквівалентів і аналогів. У словникових статтях подається граматико-стилістична характеристика російських і кримськотатарських ФО, наводяться синонімічні ряди в обох мовах.

Таким чином, висловлені вище міркування дозволяють резюмувати:

1. За останні півстоліття українська перекладна фразеографія досягла помітних успіхів у своєму розвитку — побачили світ сім двомовних і один тримовний словники. Отже, маємо на сьогодні фундаментальні перекладні англійський і німецький словники, чотири російські словники, два з яких тлумачні, і по одному — угорський і кримськотатарський.

2. Перекладним фразеологічним словникам, як, власне, і всім фразеологічним словникам, що побачили світ в Україні в кінці 50-х – на початку 80-х років ХХ ст., властива одна серйозна вада — неточно визначений критерій добору фразеологічного матеріалу, а звідси й нечітко окреслений реєстр словника взагалі. Пояснити це можна тим, що фразеографи у той час змушені були йти попереду теоретиків фразеології.

3. У 70-і роки ХХ ст. у фразеографічну практику входить правило — на підтвердження функціонування в мовленні тієї чи іншої ФО подавати ілюстрації з творів художньої літератури, рідше публіцистики, — яким при укладанні перекладних словників уперше скористалися автори “Німецько-українського фразеологічного словника” В. І. Гаврись і О. П. Пророченко.

4. “У підготовці багатомовних видань, — як слушно відзначає В. Д. Ужченко, — свої складнощі, зокрема, проблема “неперекладності”, вибір еквівалентів, явище інтерференції в близькоспоріднених мовах, дискусійні питання розходжень між “еквівалентами” ФО (за змістом, внутрішньою структурою, зовнішньою формою й стилістичними ознаками) [24].

Список літератури

1. Горєцький П. Й. Історія української лексикографії. — К., 1963. — С. 46.
2. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови. — К., 1973. — С. 235.
3. Скрипник Л. Г. Зазн. праця. — С. 245.
4. Українська мова: Енциклопедія. — 2-е вид., виправ. і доп. — К., 2004. — С. 773 – 774.
5. Селіванова Олена. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава, 2006. — 716 с.
6. Фразеологічний словник англійської мови з українськими відповідниками
7. Вирган І., Пилинська М. Російсько-український фразеологічний словник // Прапор. — 1958. — №9. — 1971. — №10.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.; Л., 1948 – 1965.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — М., 1967. — 543 с.
10. Прапор. — 1971. — №10. — С. 112.
11. Вирган І., Пилинська М. Російсько-український словник сталих виразів / За ред. М. Ф. Наконечного. — Харків, 2000. — 864 с.
12. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологія сучасної української мови. — Луганськ, 2005. — С. 341.
13. Англо-український фразеологічний словник / Укладач К. Т. Баранцев. — К., 1969. — 1052 с.
14. Детальніше про словник К. Т. Баранцева див. рецензію: Скнар В. Англо-український фразеологічний словник / Укладач К. Т. Баранцев // Мовознавство. — 1972. — №1. — С. 88 – 91.

15. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / Укладачі І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. — К., 1971. — 447 с.
16. Детальніше про словник І. С. Олійника і М. М. Сидоренко. див. рецензію: Москаленко Н. А. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / Укладачі І. С. Олійник, М. М. Сидоренко // Українська мова і література в школі. — 1971. — №11. — С. 90 – 93.
17. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. — К., 1991. — 400 с.
18. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Зазн. праця. — С. 343.
19. Німецько-український фразеологічний словник: В 2-х т. / Укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко. — К., 1981.
20. Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь / Укладачі В. І. Лавер, І. В. Зикань. — К.; Ужгород, 1985. — 371 с.
21. Детальніше про словник В. І. Гаврися і О. П. Пророченко див. рецензію: Левицький В. Німецько-український фразеологічний словник: У 2 т. / Укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко // Мовознавство. — 1982. — №3. — С. 74.
22. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1957. — С. 28 – 29.
23. Прадід Ю. Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь. — Симферополь, 1994. — 252 с.
24. Емірова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. — Симферополь, 2004. — 175 с.
25. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Зазн. праця. — С. 329.

Прадід Ю. Ф. Переводные фразеологические словари в Украине.

Статья посвящена описанию истории переводной фразеологии в Украине. В статье отмечается, что начала украинской фразеологии, в т. ч. и переводной, были заложены задолго до того, как начали употребляться термины фразеологизм, фразеологическая единица, фразеология. Первые же фразеологические труды в Украине появились только во II пол. XX ст. Среди них был и словарь переводного типа К. Т. Баранцева. Достижения переводной фразеологии в Украине за полвека – это фундаментальные переводные английский и немецкий словари, четыре русских словаря, два из которых толковые, и по одному – венгерский и крымскотатарский.

Ключевые слова: фразеология, фразеология, лексикография, перевод, словарь.

Pradid Ju. F. The Translated Phraseological Dictionaries in Ukraine.

The article is devoted to the research of the development of the Ukrainian translated phraseological lexicography during two centuries: from the early 19 c. till the early 21c. The history of the development of the lexicographic description of the idioms is correlated with the formation of phraseology as the branch of the linguistics.

Key words: phraseology, phraseological lexicography, lexicography, translation, dictionary.

Статья поступила в редакцию 14 ноября 2006 г.

УДК 811:37.02

СИНЕРГЕТИКА И ЛИНГВИСТИКА: МОДА ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА ЗНАНИЯ?

В. А. Маслова

Статья посвящена развитию идеи о возможности синергетики как научного направления оказывать влияние на создание новой парадигмы филологических исследований.

Ключевые слова: синергетика, фракталы, семантическое пространство, оппозиция, поэтический язык.

Кризис лингвистики как науки налицо, о чем свидетельствует, например, ее неспособность решить насущную проблему: построить модель диалога “человек — компьютер”. Попытки такие многожды предпринимались, но результат известен.

На диалог человека накладывается его воспитание, традиции культуры, его психосоматическое состояние в момент разговора, симпатии и антипатии и т. д. Человек окружен многими реалиями, которые он наследует, хранит и создает часто бессознательно и пользуется ими интуитивно. В вербальной коммуникации человека с человеком видна лишь вершина этого айсберга.

А кто сказал, что именно речевой диалог может быть единственным в диалоге “человек — человек”? Уже сейчас много примеров, когда люди понимают друг друга с полуслова, а то и вообще без слов: это диалог профессионалов, близких людей, любящих друг друга; высокое искусство тоже “говорит” языком небольшого числа символов.

А что если методы других наук перенести в лингвистику? Этим как раз и занимается синергетика. Попытки такого рода в лингвистике уже предпринимались при структурализме. Лингвистику пытались превратить в точную науку. Диалог гуманитария и математика один известный математик назвал “любовными играми слепых в зарослях крапивы”. При общей заинтересованности представителей обеих наук — сплошь и рядом возникает непонимание и неприятие.

Конечно же, мы всегда должны помнить, что существует опасность применения точных методов в антропной сфере, где человек непредсказуем, рефлексивен, окружен национальной культурой с ее традициями и т. д.

Что же даст синергетика лингвистике? Для начала попытаемся договориться о терминах, являющихся основными в новом направлении. Прежде всего, это *синергетика, теория диссипативных структур и фракталы*.

Синергетика (от греч. “синергена” — содействие, сотрудничество). Это мощное научное направление, объединяющее теорию сложных систем, теорию хаоса, теорию катастроф, теорию самоорганизации и т. д. В последние десятилетия такой синтез начался спонтанно в силу логики развития самой науки, интеграции ее дисциплин.

Но синергетика отличается от стыковых наук, т. к. она опирается не на пограничные, а на внутренние точки различных наук. Например, согласно теории катастроф су-

ществуют предкризисные явления, которые выражаются в критическом замедлении характерных ритмов системы, в увеличении амплитуды возможных флуктуаций. Эта модель, хорошо известная в физике фазовых переходов, сейчас нашла свое применение в экономике, психологии, искусствоведении т. д. Так, перед экономическим кризисом наступает хорошо известное состояние стагнации, когда характерные периоды оборота капитала заметно увеличиваются. Эти же эффекты можно наблюдать в явлениях природы — затишье перед бурей, в процессе творчества, в создании поэтических образов и т. д.

Достижения синергетики: она обогатила современную науку рядом принципиально новых представлений о хаосе, неустойчивости, самоорганизации. За последние 15 лет в издательстве Шпрингер в серии “Синергетика” вышло около 70 томов под редакцией профессора Штутгартского университета Германа Хакена, которому принадлежит и сам термин. В гуманитарных университетах России уже ряд лет преподается дисциплина “Концепция современного естествознания”, основанная на синергетической методологии [Буданов, 1996].

Объединение естественных и гуманитарных наук, которое влечет за собой синергетика, это объединение по сути двух культур, которые должны обогатить друг друга, дать целостное восприятие мира. Это опыт единения человека с природой и космосом. Для одних наук характерен рациональный способ постижения мира, для других в основном — интуитивно-образный. Их диалектическое единство заключается в том, что ни одна из них не самодостаточна и, согласно теореме Курта Геделя о неполноте, рано или поздно не сможет развиваться без привлечения методов и результатов другой. Поэтому синергетическое мировидение обладает большим междисциплинарным потенциалом. Так, например, Слово — это воплощение Божественного разума, идея вселенной, мыслящей, сознающей самое себя. Человек говорящий есть глас вселенной, с т. зр. С. Булгакова, в нас говорит мир, звучит голос вселенной. Современная наука доказала наличие глубинного изоморфизма всего в мире — живого и неживого, т. е. доказала то, что шестым чувством чувствовали поэты и писатели. Так, М. Пришвин, восхищаясь красотой кристаллов замерзшей воды, писал, что они близки по форме к растениям, что “связь между теми и другими формообразованиями очевидна”. К. Э. Циолковский также писал, что “Вся Вселенная жива, но сила чувствительности проявляется во всем блеске только у высших животных”. Кто из нас не видел, как Земля сама залечивает свои раны: на месте бывших карьеров сами собой возникают поля. Синергетика убедительно демонстрирует нам, что в самом фундаменте природы, как живой, так и неживой, заложен принцип инь-янь. Физик Н. А. Бульенков переоткрыл идею древних о воде как первооснове мира. Он доказал, что вода является основой для конфигурационного строения сложных структур природы, в том числе и биологических.

Однако прямой перенос достижений синергетики в лингвистику представляется нам трудоемким и долгим. Одна из первых ласточек в Белоруссии — работа А. Е. Михневича [Михневич, 2004]. Она парадоксальна в следующем смысле: чтобы ее понять, нужно знать больше, чем в ней написано. Например, нужно знать, что такое диссипативные структуры; это следующее явление: в открытых системах, обменивающихся с окружающей средой потоками вещества или энергии, однородное ста-

ционарное состояние равновесия может терять устойчивость и необратимо переходить в неоднородное стационарное состояние. В рамках данного процесса А. Е. Михневич и рассматривает понятия значения и смысла.

Для современной лингвистики характерны приблизительные и упрощенные представления о сложной структуре и типологии семантических пространств. Покажем это на примере. Понимание оппозитивности как важнейшего принципа мышления, культуры и языка берет начало в трудах Пифагора и Гераклита, затем Гумбольдтом и Соссюром переносится на язык. “В языке нет ничего, кроме оппозиций”, — писал Ф. де Соссюр. Таковы оппозиции *внутреннего — внешнего, высокого — низкого, мужского — женского, далекого — близкого* и т. д. Это простые оппозиции, в которых каждый ее член равноправен, т. е. равен другому. Но есть и иные оппозиции: фон — фигура, материал — форма. Так, понятие фигуры предполагает наличие фона, но не наоборот: фон может существовать и без фигуры. Это сложные оппозиции, при исследовании которых необходим синергетический подход. Такова оппозиция “значение — смысл”, рассмотренная в работе А. Е. Михневича.

Но мы знаем, насколько важен синтез этих оппозиций. Как он происходит? Как оппозиции переходят в дополнительность (см. “принцип дополнительности” Н. Бора)? В языке происходит интересная и необъяснимая на первый взгляд вещь: в нем независимо и спонтанно от носителей языка происходит самоорганизация, объединение членов оппозиций в единое гармоническое целое, т. е. синергетический переход оппозиций в дополнительность внутри кооперативного целого. Особенно это характерно для поэтического языка. Например, в языке известны противопоставления (оппозиции) *человек — конь (лошадь)*, по принципу дополнительности возникает слово *всадник* (человек на лошади). Вот как использует и преобразует эти понятия М. Цветаева: с одной стороны, символ коня она использует для обозначения поэта, т. е. человека: *Пожирающий огонь — мой конь*. Или:

*И безудержно — мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошлого за пачкой пачку...*

С другой стороны, она подчеркивает абсолютную спаянность коня со всадником, невозможность их отдельного существования. Так, в письме Р. Рильке (май 1926 г.) она пишет: “Райнер! Следом посылаю книгу “Ремесло”, там найдешь ты святого Георгия, который почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их и не называю. Твой всадник! Ибо всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник — оба вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник: **ВСАДНИК**” (7, 60). Таким образом, *лошадь — всадник* — это сложная разноуровневая оппозиция. На первый взгляд, между простой оппозицией *лошадь — человек* и сложной *лошадь — всадник* нет разницы. Но М. Цветаева как тонкий интуитивный лингвист ее почувствовала и экстериоризовала для нас.

Теперь о термине *фракталы*. Физик Б. Мандельброт [Mandelbrot, 1977] обратил внимание на то, что довольно широко распространенное мнение, будто размерность является внутренней характеристикой тела, неверно. В действительности размер-

ность объекта зависит от наблюдателя, точнее от связи объекта с внешним миром: клубок ниток с далекого расстояния кажется маленьким шариком и т. д. Здесь язык не обманывает нас: весь пространственный отсчет ведется от наблюдателя: налево, направо, вверху, внизу, под боком...

Синергетику интересуют общие закономерности развития и функционирования систем любой природы, т. е. она призвана играть роль метанауки, подмечающей и изучающей общий характер закономерностей, которые частные науки считали только “своими”.

Применения синергетики. 1. Она способна помочь выйти из кризиса системе образования, кризис в которой обусловлен в том числе узко прагматическими установками, ориентацией на узко дисциплинарный подход без горизонтальных связей, ориентацией на жесткое разграничение гуманитарных и естественных наук. Следствием такого разграничения становится фрагментарность в видении реальности. Мы страдаем от неспособности охватить комплексность проблем, понять связи между объектами, находящимися для нашего фрагментарного сознания в разных областях. Отсюда необходимость усилить фундаментальность образования, дающего целостное видение природы, человека и общества в контексте междисциплинарного диалога. Но вводить это нужно осторожно: помнить о врожденных склонностях людей, которые делятся на лево- и правополушарных.

2. Построить новую теорию языка, основанную на синергетике, это будет нелинейная теория языка, основанная на шероховатостях, алогизмах в языке, которые как раз и являются носителями нелинейности. Такая теория ждет своих Пригожиных и Мандельштамов.

3. Особый интерес представляет синергетика для исследования поэтического языка. Основная идея здесь — понимание поэтического языка как нелинейной динамической системы. Если использовать при его описании принцип синергетики, то объект может быть непротиворечиво описан со взаимоисключающих друг друга точек зрения. Например, рассмотреть поэзию в аспекте интерпретации оппозиции *смысл* — *бессмыслица*. Одно описание будет ориентировано на аномальные факты, другое от них должно абстрагироваться. Поскольку на второй аспект ориентируется традиционная лингвопоэтика, остановимся на первом. Здесь можно дифференцировать чисто языковые аномалии и логические противоречия (бессмыслицы). Ю. Д. Апресян их разграничивает так: “Критерием того, что бессмысленная или логически противоречивая фраза правильна в языковом отношении, служит отсутствие в языке альтернативного способа выражения той же самой мысли, который воспринимался бы носителями языка как более правильный” [Апресян, 1995, с. 609]. К логическим противоречиям мы не относим сюжетную фантастику, а предлагаем исследовать лишь “фантастику языка” (по Я. И. Гину) и экзотику узуса.

Языковые аномалии возникают в результате игнорирования запрета самого языка. Например, в “Седьмом стихотворении” А. И. Введенского, представителя обэриутов, есть такая фраза: *рысь женилась*. Здесь мы наблюдаем заполнение пустого места ущербной глагольной парадигмы, которая дала нарушение лексической сочетаемости, но правильность грамматического согласования сохранилась.

Логическое противоречие — это такое отклонение от узуальной реализации языковой системы, которое не затрагивает самой системы и обнаруживается на основе нашего знания о мире. Примером может служить строка стихотворения М. Цветаевой “Уединение: уйди...”: *В уединении груди —/ Справляй и погребай победу...* Именно о поэзии можно сказать в духе Ж. Делеза — “нонсенс дарует смысл”.

Поэтический язык постоянно озабочен тем, чтобы высказать то, что лежит за пределами самого языка, выразить некую до-словесную реальность. Например, поэт О. Мандельштам, еще до философа М. Бубера, который считается первооткрывателем проблемы, показал нам, что подлинный диалог — чудо, он происходит на доязыковом уровне:

*Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.
... Да обретут мои уста
Первоначальную немому —
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста*
(Silentium, 1910)

М. Цветаева также чувствовала тайну безмолвия:

*Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, —
Да разве я то, говорю,
Что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.*

Таким образом, простая оппозиция *говорить* — *молчать* превращается здесь в сложную. Такой подход позволяет увидеть сложное устройство семантических пространств. Вероятно, если наш обычный язык пульсирует между одномерием и разномерием, то язык поэтический более склонен использовать разномерие. Дрейф языковых значений происходит в сторону экспликации архетипических черт нашего сознания. *Знать на черте губ* — здесь использовано народное представление о том, что ребенок еще в утробе способен “говорить” и “понимать” мир, а затем при рождении ангел запечатывает ему уста, и ребенок потом до конца дней носит эту “печать ангела”: бороздку между носом и губами.

А. А. Кобляков вводит понятие “трансмерность” [Кобляков, 2005], которое позволяет фиксировать в сравниваемых объектах разнородность качеств. Он показывает, что все логические парадоксы возникают при некорректном сравнении разномерных объектов (*Я сплю; я лгу* и т. д.). Следовательно, трансмерность — некий модельный элемент, ответственный за механизмы становления и самоорганизации [Аршинов, Свирский, 1994, с. 43].

Но поэт видит трансмерность оппозитивных отношений, он интуитивно чувствует их, ибо, как и всякий человек, он погружен в язык как самоорганизующуюся среду жизнедеятельности.

Здесь в процессе синтеза оппозиции, формирования разноразмерных пар сложных оппозиций, язык проявляет свойства открытой нелинейной среды, способной к самоорганизации, к синтезу, к спонтанному переходу на более сложный уровень структурной организации.

И здесь впереди физика, которая уже отделила классические системы (линейные) от динамических (нелинейных) — И. Пригожин и Л. Мандельштам. Добро и зло — тоже носит нелинейный динамический характер. Семантические пространства этих оппозиций едины, непрерывны, но не гомогенны. Составляющие их субпространства разноразмерны.

По Ю. С. Степанову, филиация идей — световой луч, по которому дух и разум человека осторожно ступает, поднимаясь все выше и выше. Пожелаем А. Е. Михневичу набрать здесь небывалую высоту, а мы пойдем вслед.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Избранные труды в 2 т. М., 1995, т. 2.
 Аршинов В. И. Когнитивные стратегии синергетики // Онтология и эпистемология синергетики. М., ИФРАН, 1997.
 Аршинов В. И., Свирский Я. И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994.
 Буданов В. Г. Синергетические стратегии в образовании // Философские проблемы образования. М., 1996.
 Кобляков А. А. Синергетика, язык, творчество // www.eboog/e.ru
 Михневич А. Е. Значение — смысл: диссипативный процесс // Вестник МГУ, сер. 9, филология. 2004, №5.
 Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Мир, 1984.
 Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1987.
 Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1981.
 Mandelbrot B. B. Fractals. San Francisco: W. H. Freeman and Co. 1977.

Маслова В. А. Синергетика та лінгвістика: мода чи нова парадигма знання?

Статтю присвячено розвитку ідеї о можливості синергетики як наукового напрямку впливати на створення нової парадигми філологічних досліджень.

Ключові слова: синергетика, фракталі, семантичний простір, опозиція, поетична мова.

Maslova V. A. Synergetics and linguistics: the fashion or the new paradigm of the knowledge?

The article is devoted to the development of the idea about the possibility of synergetics as the scientific direction to have an influence on the philological researches.

Key words: synergetics, fractals, semantic space, opposition, poetic language.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2006 г.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ПОЭЗИИ

Е. Ю. Муратова

Статья посвящена специфике функционирования языкового знака в поэзии. Рассматривается вопрос о знаковой принадлежности фонемы в поэтическом языке; анализируется особое проявление соотношений “язык – реальная действительность” и “язык – речь” в поэтических текстах; исследуется специфика эпидигматических отношений в поэтическом языке.

Ключевые слова: языковой знак, поэзия, поэтический язык.

Природа и сущность языкового знака являлась и является предметом исследований многих ученых, но однозначного и общепринятого определения категории значения языкового знака до сих пор не существует. Объективной причиной этому является глобальность и крупномасштабность понятия значения, базирующегося на неисчерпаемости и постоянных изменениях как внешнего мира, так и человеческого сознания, а субъективной — то, что проблема значения, именно в силу его глобальности, может рассматриваться с разных точек зрения и решаться различными способами.

Неоднозначным является в науке ответ на вопрос о том, какие языковые единицы являются языковыми знаками. Э. Бенвенист, Д. Ричардс, С. Огден, С. Ульман, В. А. Звегинцев, А. И. Смирницкий и др. считают только слово языковым знаком, поскольку оно имеет все виды отношений, необходимых для возникновения знаковой ситуации. Другие лингвисты языковыми знаками считают все двусторонние единицы языка — морфемы, слова, словосочетания и предложения (Ф. Де Соссюр, Ч. Моррис, Л. Блумфилд, Л. Ельмслев, А. Мартине, В. Г. Гак, отечественные языковеды). С развитием теории коммуникации получила распространение точка зрения, что языковыми знаками являются коммуникативные единицы — слово, предложение, текст, т. к. их объединяет дискретность, самостоятельность функционирования, многоплановость, цельность, единство формы и содержания, значения и значимости; они поддаются аналитическому и синтетическому исследованию, проявляют себя с позиций статики и динамики (структуры и функционирования) в качестве самостоятельных элементов речевой коммуникации и языкового процесса.

В последние десятилетия все серьезнее отстаивается точка зрения о знаковой принадлежности фонемы. Так, Ю. С. Маслов, Л. М. Васильев считают фонемы знаками в силу того, что фонемы обладают различительной, дистинктивной функцией. Наличие у слов фонетического значения (т. е. наделение фонем знаковыми признаками) доказывал Р. Якобсон [1]. Фонетическую значимость, звукознаковый смысл слов, предложений, стихотворных текстов раскрывает А. П. Журавлев [2], замечая, что “речь идет не о жестком законе, а лишь о тенденции, о стремлении формы и содержания слов к взаимному соответствию” [3]. Идеи А. П. Журавлева развивают В. В. Левицкий и И. Черепанова. В частности, В. В. Левицкий [4] в своей монографии

доказывает, что в словах, обозначающих нечто маленькое, преобладают одни фонемы, а в словах, обозначающих нечто большое — другие. Информация, связанная непосредственно со звуками языка в некоторых случаях выступает на первый план и определяет собой восприятие значения слова. Это доказывают многочисленные эксперименты, проведенные по методу Ч. Осгуда (семантическое шкалирование), подтверждающие единообразие реакций носителей языка на определенное звучание, не связанное напрямую с языковым значением слов.

Особенно явно фонетическое значение, в частности, фонетический символизм, проявляется в поэтическом языке. В поэзии слова, сходные по звучанию, могут сближаться и по значению, внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной. В результате исторически подлинная этимология слова может переосмысливаться, происходит наращение смысла или полное его изменение, но за счет фонетического сближения слов измененный смысл доступен пониманию воспринимающего. Например, у М. Цветаевой [5]: 1) *Сверхбессмысленнейшее слово: Рас — стаемся. — Одна из ста? Просто слово в четыре слога, За которыми пустота;* 2) *Короткая спевка / На лестнице плёвкой: / Низов голосовка / не спевка, а сплёвка: / Торопкая склёвка;* 3) *Заблудшего баловня вопль: домой! Дитя годовалое? “Дай” и “мой”!* 4) *Челюскинцы! Звук — Как сжатые челюсти... 5) Я — хранитель твоему перу: / Возращу и возвращу сторицей;* 6) *От великого богатства / Заступи, заступник, заступ;* 7) *Как меня — даже ты, что три года охаживал! — / Обходить научился сторонкой.* Звуковые связи между словами в поэтическом тексте являются фактором смысловой многоплановости, которая вызывается неожиданным сопоставлением слов, близких по своему звуковому составу: 1) *Пуниш и полночь. / Пуниш — и Пушкин, / Пуниш — и пенковая трубка / Пышущая. Пуниш — и лепет / Бальных башмачков... 2) Восхищенной и восхищенной, Сны видевшей среди бела дня...*

В некоторых случаях в поэзии могут объединяться две разные по смыслу, но близкие по звучанию лексемы в одну, например, у Цветаевой: *глубизна, спортсмедный, беженство*. Такого рода окказионализмы, основанные именно на созвучии, а не на со-значении лексем являются серьезным аргументом в пользу существования фонетического смысла в поэтических текстах: *Томики поставив в шкафчик — / Посмешаете ж его, / Беженство свое смешавши / С белым бешенством его.* Объединение М. Цветаевой в цикле “Стихи к Пушкину” слов *бегство* и *бешенство* в гибриде *беженство* изменяет и усиливает морально-оценочную антитезу между поэтом и его критиками. Аналогично в цикле “Стихи к сыну” соединение двух лексем *спортсмен* и *медный* в одну — *спортсмедный* создает совершенно новый образ и генерирует новый смысл: *Не быть тебе нулем — / Из молодых, да вредным, / Ни медным королем, / Ни попросту спортсмедным лбом, / Ни слепцом путей — коптителем кают, / Ни парой челюстей, которые жуют...* Е. В. Невзглядова предлагает называть возникающий при звуковом повторе смысл в стихотворной речи “несобственным” смыслом [6]. Его существование автор доказывает стилистическим экспериментом — заменой у В. В. Маяковского словосочетания *изумрудов безумий* на

аметистов безумий, при этом поэтический, “несобственный” смысл фактически утрачивается. Как думается, аналогичные эксперименты (напр.: *Ром и полночь./ Ром — и Пушкин/ Ром — и пенковая трубка...* и под.) всегда покажут утрату “несобственного”, т. е. возникающего на фонологическом уровне смысла, что именно и доказывает его существование.

В последние десятилетия в языкознании утверждается диалектическая точка зрения на существование фонетического значения, т. е. на произвольность / непроизвольность языкового знака, которую кратко можно выразить словами Б. А. Плотникова: “Результаты конкретного и отвлеченного мышления выражаются с помощью соответственно фонетически мотивированных и немотивированных форм языка, который во всех случаях сохраняет способность гибко и чутко отражать постигаемую человеческим сознанием действительность” [7].

Основной функцией словесного знака является его способность быть средством обобщенного и опосредованного представления окружающего и внутреннего мира человека. Для поэтического языка соотношение “язык — реальная действительность” несколько иное, поскольку, как писали прагматологи, организующий признак искусства — это направленность не на означаемое, а на самый знак. Если в различных областях общения языковой знак является отражением действительности, носителем информации о ее предметах и явлениях, то в поэзии языковой знак сам является информацией, сам предстает предметом. В прозаической форме речи собственно языковое воплощение языкового знака (через означающее) является вторичным, подчиненным, поскольку главной функцией для него является отражение внеязыковой действительности; в поэтическом тексте языковая материализация языкового знака является первичной: в поэзии все признаки означающего являются значимыми, актуальными, его языковая форма самодостаточна и не является прямым отражением внеязыковой действительности. Так, в поэзии наблюдается своеобразное “имянаречение” объектов восприятия и осмысления, характеристика предметов и явлений окружающей действительности может ломать привычный ассоциативный ряд, тем самым рождая новые образы и смыслы, например: *голодные ребра, гранитные колена, грустный, бешеный рот, бранные руки, лживая кровь, вероломные жилы, восковые слезы, страстный, смертный пот, незрячая рука, высокопарные уста, крылатая нога, праведнические ладони*.

Специфическое, опосредованное автором отражение окружающего и внутреннего мира человека в поэзии проявляется по-разному, в частности, раскрывается через взаимопроникновение вещественно-предметного мира и внутреннего мира человека. Например, эпитеты, характеризующие человека, его внутренний и внешний мир, в поэтическом тексте становятся определителями любых явлений: *смуглое солнце, грешные просторы, обезглавленные гербы, прокаженный бубенец, нищий дым, страстная колея, трепещущие ступеньки, нежная комната, героические громы, светлый посох, глухонемая тайна, вероломное шампанское, вольнолюбивая мачта, сонные кресла, жесткосердный июль. Плац, прихотливый, как руно / Плац, преклоняющий колена. И наоборот: легкая наглость, простоволосая радость, застенчивая низость, умиленное бессилье, голубокая память, божественное равнодушие, ве-*

сенная радость, календарная ложь, смуглая совесть, офицерская прямота, зверская лень. “Положение знака в системе поэтического текста, — писал Я. Славинский, — определяет другой знак, обоснованием значения служит другое значение, а не внеязыковая ситуация. Обесценение “мира” как контекста для знака увеличивает роль языкового контекста” [8]. Как иллюстрацию к сказанному приведем примеры из М. Цветаевой, в которых соположение в рамках одной стихотворной строки однокоренных слов восстанавливает в слове те смыслы и семантические связи, которые им в языке уже утрачены: *Так — в памяти — глаза закрыв, / Без памяти — люблюсь Вами.* В выражении *любить без памяти — без памяти* имеет значение *очень сильно*, но не включает собственно сему *память*. А у Цветаевой в данном контексте актуализируется именно сема *память*. Аналогичное восстановление утраченных этимологических смыслов, благодаря контексту, можно наблюдать в строках: *Заочность: за оком лежащая явь... , Победоносец, победы не вынесший.*

В настоящее время выделяется три вида внутриязыковых отношений, или системно-языковых значимостей знака: синтагматические, парадигматические и эпидигматические. “Третье структурное измерение семантики” — эпидигматика — проявляется в факте семантической производности слова, формирующем его семантическую структуру, что выявил и исследовал Д. Н. Шмелев [9]. Эпидигматические отношения широко представлены в поэтическом языке, хотя часто они, во-первых, эксплицитно не выражены, во-вторых, “работают” наряду со многими другими особенностями поэтического языка, поэтому требуется особый анализ для их выявления. Например: *Очи — в узь, / Щеки — в гляну. / — Ну и гусь! / — Ну и Ганс!* Ирония М. Цветаевой зиждется на глубинных языковых связях и ассоциациях, а именно — на паронимическом созвучии немецких слов: *gans* — “гусь” и *Hans* — собственное имя; на фразеологических связях русского слова “гусь”: *ну и гусь, что за гусь, хорош гусь*; на фразеологических и словообразовательных связях немецких слов: *handseln* — “подтрунивать, дразнить”, *Hanswurst* — “шут, паяц, скоморох”. Кроме того, немецкое слово *Ганс* является и знаковым аналогом русского имени *Иван*: и *Ганс*, и *Иван* — традиционные герои фольклора. В итоге “гусь” и “Ганс” оказываются семантически взаимосвязаны: каждая лексема раскрывает необходимый дополнительный смысл другой; актуализируется эта связь посредством контекста. Причем читающий данное стихотворение может не знать немецкого языка, в таком случае одна из ассоциативных цепочек для него утрачивается, но благодаря фонетическому созвучию данных слов и связанных с ними фразеологических ассоциаций основная семантическая связь между ними для реципиента остается в силе.

Семантическая категория значения представлена и в языке, и в речи. Осмысление знака, означивание языковой единицы осуществляется через две стадии: семиотическую и семантическую, о чем писал Э. Бенвенист [10]. Семиотический способ связан с первичным знакообразованием, знак существует в том случае, если опознается как означающее всей совокупностью членов языкового коллектива и если у каждого вызывает в целом одинаковые ассоциации и представления; семантический же способ означивания порождается речью. Семиотическое, т. е. знак, должно быть узнано, семантическое, т. е. речь, должно быть понято.

Роль речевой деятельности в процессе образования языкового значения отмечали многие исследователи: "... исторически факт речи всегда предшествует языку" [11], "... ничто не существует в языке, не будучи испытанным раньше в речи" [12]; "Если говорить о творческом аспекте языка, то нельзя не признать совершенно очевидного факта, что все творчество идет через речь. Речь — источник всего того субъективного, что проникает в объективную систему языка, она — канал, по которому человеческая практика входит в язык..." [13]. Наблюдается осмысление динамического, а не статического характера отношений между языком, мышлением и объективной действительностью, поскольку именно через речевую деятельность постоянно происходит раскрытие старого опыта и приращение новых знаний.

Отношение "язык — речь" особым образом проявляется в поэтическом языке. На любой поэтический текст, в отличие от прозаического, накладываются дополнительные ограничения: метро—ритмические нормы, особая организация фонологического уровня и т. д. Казалось бы, это должно привести к значительному росту избыточности (т. е. возможности предсказания последующих элементов текста) и к уменьшению его информативности. По законам логики и теории информации это должно быть именно так. По этому поводу Ю. М. Лотман очень тонко и не без юмора замечает: "Если бы существование поэзии не было бесспорно установленным фактом, можно было бы с достаточной степенью убедительности показать, что ее не может быть" [14]. В поэзии же, несмотря на все объективные ограничения, наблюдаются как раз обратные тенденции: рост информативности и уменьшение избыточности. Одно из объяснений этого кроется в особенностях дихотомии "язык — речь" в поэтическом языке. В системе естественного языка различаются два типа элементов: соотнесенные с внеязыковой реальностью (имеющие семантическое значение) и формальные (имеющие только внутриязыковое значение). В поэтическом языке любые элементы могут приобретать семантический характер, получая дополнительные значения: для поэтических текстов характерна даже семантизация таких изначально несемантизированных языковых уровней, как фонетика, графика, пунктуация, ритмомелодическая структура; и главное, единицы речевого уровня в поэтическом языке могут возводиться в ранг значимых. "В поэзии все без исключения становится содержанием — каждый, даже самый ничтожный элемент формы строит смысл, выражает его: размер, расположение и характер рифм, соотношение фразы и строки, соотношение гласных и согласных, длина слов и предложений, и многое другое..." [15]. Именно этот механизм дает возможность поэзии не быть избыточной и при этом оставаться максимально информативной.

Список литературы

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–230.
2. Журавлев А. П. Фонетическое значение. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
3. Журавлев А. П. Звук и смысл. — М.: Просвещение, 1991. — С. 5.
4. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. — Черновцы: Изд-во Черновиц. ун-та, 1973.
5. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. Текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994–1995.

6. Невзглядова Е. В. О звуке в поэтической речи // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова. — Л., 1971. — с. 392 – 399.
7. Плотников Б. А. Основы семасиологии / Под ред. А. Е. Супруна. — Мн.: Выш. школа, 1984. — с. 26.
8. Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: “за” и “против”. Сб. статей. — М.: Прогресс, 1975. — С. 266.
9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973. — С. 55.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
11. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. 1933 // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М., 1977. — С. 57.
12. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. — М., 1963. — С. 324.
13. Звегинцев В. А. Язык и общественный опыт (К методологии генеративной лингвистики) // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. — М., 1970. — с. 303.
14. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. — Л.: Просвещение, 1972. — С. 34.
15. Эткинд Е. Материя стиха. — СПб., 1998. — С. 69.

Муратова О. Ю. Специфіка функціонування мовного знака в поезії.

Стаття присвячена специфіці функціонування мовного знака в поезії. Розглядається питання про знакову належність в поетичній мові: аналізується особливе виявлення співвідношень: „мова – реальна дійсність” та „мова – мовлення” в поетичних текстах; досліджується специфіка епідигматичних відношень в поетичній мові.

Ключові слова: мовний знак, поетичний знак.

Muratova H. Y. Language sign functioning specificities in poetry.

The article concerns language sign functioning specificities in poetry. The issue of sign-oriented characteristics of phoneme in poetic text is scrutinized; the peculiarities of correlation “language - reality” and “language – speech” in poetic texts, as well as epidigmatic relations in poetic language are analyzed.

Key words: language, sign, poetry, poetic language.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2006 г.

УДК 81.161.1

ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАУЗАЛЬНЫХ ВЕРСИЙ В ПЛАНЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Т. А. Яценко

Статья посвящена исследованию взаимодействия каузальных эпистемических версий и его роли в семантике и архитектонике текста. Объектом анализа является текст Эпилога романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”.

Ключевые слова: каузация, модальность, эпистемическая модальность, дискурс, роман “Мастер и Маргарита”.

Каузальная версия понимается нами как одно из возможных причинных объяснений одного и того же факта, явления, события и соотносится с логическим понятием гипотезы, а также с понятием “частичной, или неполной причины” [7, с. 85; 6, с. 159].

Понятие версии неразрывно связано с понятием модальности, тоже заимствованным лингвистикой из логики, где оно трактуется как оценка высказывания, данная с той или иной точки зрения [6, с. 110 – 111].

В современной лингвистике модальность рассматривается как одна из категорий текста, с включением объективной и субъективной модальности (Ш. Балли, В. В. Виноградов, Т. В. Шмелева, Б. В. Хрычиков и др.).

Для нашего исследования принципиально важной представляется трактовка модальности не только как языкового, но и как речевого явления [1; 2; 3; 5; 9; 12; 14]. Именно на уровне изучения семантики дискурса возможно выявление “палитры модальной семантики”, пределы которой не ограничиваются только предложением [3, с. 34].

Актуальность исследования каузальных версий в плане модальности обусловлена обращением современной лингвистики к антропологическому принципу анализа дискурса. **Новизна** нашего подхода к анализу модального плана дискурса заключается как в самом объекте исследования (каузальные версии), так и в представлении эпистемических версий в пределах целостного текста с учетом лексико-грамматических особенностей их выражения. **Объектом** исследования являются эпистемические каузальные версии. **Материалом** исследования послужил Эпилог романа М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита” [4].

Цель работы: выявить контекстуальное взаимодействие каузальных эпистемических версий и его роль в семантике и архитектонике текста.

Проведенный нами ранее анализ каузальных версий в дискурсах разных типов (художественный, мемуарно-дневниковый, публицистический) показал их соотношение с разными типами модальности, среди которых особое место принадлежит аксиологической, деонтической и эпистемической.

Эпистемические модальности относятся к знанию, убеждению и связаны с истинностной характеристикой. Соответственно предметом лингво-эпистемологических исследований является гносеологическая функция языка, т. е. знание, информированность субъекта речи об объектах речи. Феномен репрезентации знания может быть представлен в триаде “эпистемический мир — эпистемическое состояние — эпистемический модус” [10].

Эпистемический мир понимается А. Н. Приходько как индивидуальная система знаний говорящего, его информационный запас и одновременно его ментальный тезаурус, его индивидуальная картина мира. Если оперировать понятиями лингвоконцептологии, то эпистемический мир может быть представлен как индивидуальная концептосфера.

Эпистемический модус связан с актуализацией отдельных фрагментов эпистемического мира в момент речи и находит отражение в том, как говорящий оценивает истинность своего высказывания. Весьма существенно для исследования каузальных версий в плане эпистемической модальности положение Б. Рассела о различиях в понимании истинности суждений в логической и эпистемологической теории, согласно которому в логической теории все суждения либо истинны, либо ложны, а в эпистемологической теории при отсутствии доказательств “за” или “против” они не могут быть истинными или ложными [11, с. 328]. Таким образом, для эпистемического модуса необходимой оказывается и каузальная аргументация автора высказывания. Эпистемическое состояние представляется как конфигурация информационных структур, которая возникает в ходе восприятия человеком физической реальности.

Интересный материал для прослеживания взаимодействия различных эпистемических версий дает эпилог романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”. Он может быть условно разделен на три части: “Следствие по делу Воланда и его свиты”, “Изменения в жизни людей, пострадавших от фантастических событий”, “Жизнь и сны профессора Понырева”. Каждая из этих частей характеризуется определенным модальным планом.

При всей фантастичности произошедшего оно названо автором романа “фактом” т. е. событием, которое действительно имело место: *Но факт все-таки, как говорится, остается фактом, и отмахнуться от него без объяснений никак нельзя: кто-то побывал в столице* (с. 402).

Итак, перед нами — факт-следствие, неопределенность каузатора (*кто-то*) и необходимость причинного истолкования в высшей степени аномальных событий. Выдвигаются различные причинные версии, характер которых непосредственно зависит от определенных установок субъектов мнения, представленных обобщенно: “представители следствия и опытные психиатры”, “наиболее развитые и культурные люди”, “люди толпы” и сам автор текста.

Обратим внимание на характерное для советской системы единство мнений “опытных психиатров” и “представителей следствия”, именно им принадлежит официальная версия о действиях “невиданной силы гипнотизеров”. Эпистемиче-

ский модус уверенности, пронизывающий “официальную версию”, вступает в драгикомическое противоречие с самой природой фантастических событий, не поддающихся рациональному каузальному объяснению. Полное отсутствие “логических опор” компенсируется “объяснениями”, характеризуемыми как “толковые” и “неопровержимые” (с. 404). Именно последнее из определений передает сущность “официальной версии”: ее невозможно *опровергать*, а тем более *опровергнуть*.

“Официальная версия” рассчитана на абсолютное понимание (*в свете таких объяснений решительно все понятно*), не оставляющее места для сомнений, она преподносится как истина. Именно *преподносится*, потому что, как справедливо замечено А. Н. Приходько, “понимание в ракурсе эпистемологии — это не столько показатель успешности декодирования речевого акта реципиентом, сколько свойство самого речевого акта, то есть сигнал того, как говорящий квалифицирует то, что он наблюдает в жизненном мире, а, наблюдая, воплощает в слове” [10, с. 23].

М. Булгаков саркастически представляет “проницательность” и “неопровержимость” официальных объяснений фантастического происшествия, многократно повторяя лексемы, связанные с семантикой `объяснения`: *объяснить, было объяснено, объяснения*. Объяснения претендуют на универсальность: *и все это было объяснено*.

Эпистемический модус “достоверного знания” передается также глагольной формой *установили* и устойчивым сочетанием *на самом деле*. Все мнимое и смещенное “научно” объясняется силой внушения. *Представители следствия и опытные психиатры установили, что члены преступной шайки или, может быть, один из них (преимущественно подозрение в этом падало на Коровьева) являлись невиданной силы гипнотизерами, могущими показать себя не в том месте, где они на самом деле находились, а на позициях мнимых, смещенных. Помимо этого, они свободно внушали столкнувшимся с ними, что некие вещи или люди находятся там, где на самом деле их не было, и наоборот, удаляли из поля зрения те вещи или людей, которые действительно в этом поле зрения имелись.*

В свете таких объяснений решительно все понятно и даже наиболее волновавшая граждан, ничем, казалось бы, не объяснимая неуязвимость кота, обстрелянного в квартире №50, при попытках взять его под стражу (с. 404).

Неопровержимость объяснений подкрепляется модальной рамкой реальности (*на самом деле, действительно*) и уверенности (*натурально, конечно*). Эпистемическая модальность полной уверенности вступает в какой-то степени в противоречие с мнением граждан, которых наиболее волновала “ничем (...) не объяснимая неуязвимость кота” (модусное состояние непонимания), но официальным следствием опровергается сама реальность этого события: “кот на люстре”

переводится в модус ирреальности с помощью модального слова *казалось бы*.

В последующем фрагменте текста модальность уверенности подкрепляется наличием двойного отрицания (*никакого кота не было; никто и не думал отстреливаться*), а также специальными модальными словами-усилителями *натурально* и *конечно*: *Никакого кота на люстре, натурально, не было, никто и не думал отстреливаться, стреляли по пустому месту, в то время как Коровьев, внушивший, что кот безобразничает на люстре, мог свободно находиться за спиной стрелявших (...). Он же, конечно, и поджег квартиру, разлив бензин* (с. 404 – 405).

Неопровержимость официальной версии не поколеблена и тем фактом, что вся шайка во главе с Воландом, несмотря на немедленные и энергичные меры властей, исчезла бесследно. И здесь выдвигается любимая следствием официальная версия: *“бежал за границу”*, после которой следует короткая ироничная ремарка автора: *но и там нигде не обозначился* (с. 402).

Вторая версия каузального объяснения фантастических событий принадлежит другому, тоже обобщенному субъекту — “людям толпы”. Если официальная версия имеет номинации: “точка зрения следствия” и “объяснение”, соответствующие ее “рациональному, научному” характеру, то версия “людей толпы” именуется “слухами” и формулируется предельно лаконично: “нечистая сила”.

Само слово *слух* в данном употреблении содержит сему ‘недостоверность’: *слух* в значении ‘известия, сведения, достоверность которых не установлена’ [МАС, т. IV, 145]. В анализируемом фрагменте текста этот компонент семантики слова развивается и усиливается повторами и авторской оценкой, скрывающей иронию: “**самые невероятные слухи**”, которые “**даже тошно повторять**”: *О том, что в течение долгого времени по всей столице шел **тяжелый гул самых невероятных слухов**, очень быстро перекинувшихся и в отдаленные и глухие места провинции, и говорить не приходится, и слухи эти даже тошно повторять* (с. 401 – 402). Внимание читателя акцентируется на продолжительности действия этой версии, именуемой “слухами”, и на ее мгновенном распространении на большом пространстве.

Собственно субъект этой версии так и не назван непосредственно, его метонимическим именованьем выступает локус — названия сферы распространения версии: *в очередях, в трамваях, в магазинах (...)* Само представление сферы распространения версии значимо не только многокомпонентностью перечислительного ряда, свидетельствующей о ее популярности, но и самим характером называемых локусов (это места, где собираются “люди толпы”). Не случайно также именование этой версии “шепотом”, так как, находясь в оппозиции к официальной версии, она не имеет права на открытое распространение: *Шепот “Нечистая сила...” слышался в очередях, стоявших у молочных, в трамваях, в магазинах, в квартирах, в кухнях, в поездах, и дачных и дальнего следования, на станциях и полустанках, на дачах и на пляжах* (с. 402).

Эпистемическая модальность недостоверности представленной версии, помимо указанных выше языковых средств, выражается также в позиции третьего субъекта, именуемого автором иронично: “наиболее развитые и культурные люди”. Показательно, что именно “культурные люди”, наравне с “опытными психиатрами”, вполне разделяют официальную версию следователей: *Наиболее развитые и культурные люди в этих рассказах о нечистой силе, навестившей столицу, разумеется, никакого участия не принимали и даже смеялись над ними и пытались рассказчиков образумить (...)* Культурные люди стали на точку зрения следствия: работала шайка гипнотизеров и чревоушателей, великолепно владеющая своим искусством (с. 402).

Для выражения эпистемического модуса уверенности “культурных людей” в своей правоте используются разнообразные языковые средства. Семантика отрицания их участия в распространении “слухов” усиливается двойным отрицанием (*никакого участия не принимали*), наличием модального слова *разумеется* и употреблением глагола *смеяться (над кем)* в значении ‘насмехаться, издеваться над кем-, чем-л.’, данная семантика подкрепляется усилительной частицей *даже*.

Желание опровергнуть ложную версию о “нечистой силе” передается сочетанием модального глагола *пытались* с глаголом *образумить*. В лексическое значение глагола *образумить* ‘Убедить, заставить одуматься, быть благоразумным’ входит сема ‘каузировать благоразумие’, что в контексте описываемых инфернальных событий приобретает комический характер.

Заметим, что усилительная частица *даже* относится к обоим предикатам (*даже смеялись над ними и пытались рассказчиков образумить*), называющим каузирующие действия, направленные на “неразумных” субъектов “неофициальной версии”.

Каким же образом представляется версия самого автора? Сам по себе вопрос может показаться на первый взгляд странным, потому что весь текст романа, за исключением рассказа о Понтии Пилате, написан от лица автора, а события при всей их фантастичности выражены в плане реальной модальности.

Но в анализируемой части Эпилога М. Булгаков прибегает к своеобразному приему мистификации: он начинает играть роль законопослушного “лояльного гражданина” и, соответственно, **не может не согласиться** с официальной версией: *объяснения эти нельзя не признать и толковыми, и неопровержимыми* (с. 404). Он и Воланда называет “именующий себя Воландом”, что ставит под сомнение его реальность. “Лояльный гражданин” дает положительную аксиологическую оценку мерам, принятым следствием: *Меры к ее поимке как в Москве, так и за пределами ее далеко были, конечно, приняты немедленные и энергичные (...)* (с. 402). Версия о бегстве за границу характеризуется как “совершенно естественная”, то есть вполне логичная.

Но за этой гиперболизированно положительной оценкой действий властей скрывается сарказм автора, проявляющийся прежде всего в передаче мысли о фальси-

фицированности “успехов следствия”: никто не пойман, “злоумышленники” исчезли бесследно.

Позиция автора проявляется и в последующем изложении цепи причин и следствий. Последовательность каузально связанных событий (и ситуаций), выстроенных в причинную цепь, достаточно полно описана и в логических, и в лингвистических исследованиях (Б. Рассел, Т. Ван Дейк, А. Вежбицкая, Анна Зализняк и др.). В исследуемом нами материале причинная цепь оказывается чрезвычайно важной для понимания одного из многих ракурсов сюжета и в то же время оригинальна по своей структуре.

Речь пойдет о **жертвах**, связанных с “чудовищным делом”. Кроме погибших Берлиоза и бывшего барона Майгеля, сотен сведенных с ума людей, к ним можно причислить и две тысячи человек, которые вышли из Варьете нагишом, а также, по “совершенно правильной мысли следствия”, загипнотизированных и похищенных бандой Маргариту Николаевну и ее домработницу Наташу. *“Да, были жертвы, и эти жертвы требовали следствия”*, — заключает автор и продолжает повествование о “других жертвах”: *“Но были и еще жертвы, и уже после того, как Воланд покинул столицу, и этими жертвами стали, как это ни грустно, черные коты (с. 402).”*

В контексте повествования омонимичные *следствие*¹ ‘то, что вытекает, следует из чего-либо, вывод или результат, последствие’ и *следствие*² ‘в уголовном процессе: собирание и проверка доказательств по уголовному делу, необходимых для его правильного разрешения’ [МАС, т. IV, 134] совмещаются и складываются в единую каузальную цепь: наличие жертв (причина) вызывает следствие² (‘расследование’), которое является следствием¹ (‘результатом’) наличия жертв, в свою очередь следствие² становится причиной появления новых жертв. Эта причинная цепь, построенная на парадоксальном сближении омонимов, приводит к формированию понятия ‘жертвы судебного следствия’, вполне понятного читателю в контексте Эпилога, но не вербализованного автором.

Повествование о “новых жертвах” структурируется как парадоксальное. Вначале речь идет о наименее значительных жертвах “репрессий”: обычных котках, единственным основанием для истребления которых было сходство по цвету с котом Бегемотом. Своеобразным “мостиком” к человеческим жертвам становится фантазмагорическая сцена поимки и доставки в милицию кота “бдительным гражданином”. Жертвы среди черных котков, каузаторами истребления которых являются исключительно бдительные граждане, а также аксиологическая оценка этих событий автором описаны достаточно подробно (с. 402 – 404). Невинные жертвы среди котков вызывают не только грусть и сострадание, но и негодование против существ, более сильных, чем они.

В то же время информация о человеческих жертвах, где каузаторами репрессии являются следственные инстанции, вмещается всего в три абзаца. Авторская аксиологическая оценка событий отсутствует. В начало первого абзаца намеренно включается семантика неопределенности (*некоторые неприятности, кое-*

кого из людей) и прием мейозиса (*незначительные неприятности*). Из последующих фраз становится понятен авторский сарказм: под “неприятностями” подразумеваются “аресты” и “задержания”, “причинным основанием” которых явилось также “сходство”, на сей раз фамилии с номинациями *Воланд* и *Коровьев*: *Кроме котов, некоторые незначительные неприятности постигли кое-кого из людей. Произошло несколько арестов. В числе других задержанными на короткое время оказались: в Ленинграде — граждане Вольман и Вольпер, в Саратове, Киеве и Харькове — трое Володиных, в Казани — Волох, а в Пензе, и уж совершенно неизвестно почему, — кандидат химических наук Ветчинкевич ... Правда, тот был огромного роста, очень смуглый брюнет.*

Попались в разных местах, кроме того, девять Коровиных, четыре Коровкина и двое Караваевых (с. 404).

Текстовая информация об аресте Ветчинкевича представляет интерес для анализа движения по шкале эпистемического состояния от “не понимаю” до “осознаю”. Вначале ситуация ареста Ветчинкевича является начисто лишеной каузального объяснения, что выражается в словосочетании *уж совершенно неизвестно почему*. Но само представление об аномальности ситуации базируется на алогичной основе: три начальные буквы его фамилии, в отличие от его товарищей по несчастью, не составляют элемента *ВОЛ*, наличие которого по сходству с *Воланд*, с точки зрения официального следствия, является достаточным аргументом для ареста. Таким образом, модус “не понимаю” основывается на парадоксальном объяснении. Но последующее движение к модусу “осознаю” (отсутствии рациональной квалификации, но готовность принять версию) представляется еще более парадоксальным.

Магия “сходства” его внешности (“огромного роста, очень смуглый брюнет”) на сей раз, очевидно, с котом Бегемотом (а может, здесь закодировано и иное опасное сходство) делает возможным и в этой характеристике усмотреть достаточное основание для ареста.

Мир действий и мотиваций следствия, представляющего “официальную версию”, “несомненную и научно обоснованную”, является читателю не менее ирреальным, чем мир Воланда и его свиты.

Первая часть Эпилога завершается фразой: *Итак, почти все объяснилось, и кончилось следствие, как вообще все кончается* (с. 406). И после нее модус текста авторского повествования снова резко меняется. Вторая часть представляет собой нарративный текст, содержащий информацию о жизни тех, кто пострадал от Воланда и его свиты, и она строится в плане эпистемической модальности уверенности в полной реальности произошедших событий. Из множества действующих лиц, упоминаемых в этой части (Жорж Бенгальский, Варенуха, Степа Лиходеев, Римский, Алозий Могарыч и др.) только Никанор Иванович Босой вспоминает о произошедшем как о событиях фальсифицированных: *Все это только снилось Никанору Ивановичу под влиянием поганца Коровьева* (с. 408).

В завершающей фразе этой части вновь акцентируется внимание на **реальности** описанных ранее событий: *Да, прошло несколько лет, и затянулись правдиво описанные в этой книге происшествия и угасли в памяти* (с. 409). Следующая за ней фраза, построенная как парцелированная конструкция с повторяющимся отрицанием: *Но не у всех, но не у всех*, — подготавливает читателя к восприятию третьей, заключительной части Эпилога.

Она посвящена профессору Ивану Николаевичу Поныреву, бывшему поэту Ивану Бездомному. Временная модальность этого фрагмента текста представлена как циклически повторяющееся настоящее: *Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним* (с. 409). Для него былые события, а главное — открытие “иного мира” — не ушли в область прошлого.

При описании состояния Ивана Николаевича особого внимания заслуживает столкновение двух типов “знания”, при этом каждый из них в плане эпистемической модальности маркируется как достоверный: *Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает. Он знает, что в молодости он стал жертвой преступных гипнотизеров, лечился после этого и вылезился. Но знает он также, что кое с чем он совладать не может. Не может он совладать с этим весенним полнолунием* (с. 409).

Надо сказать, что семантика выражения *Я знаю* в аспекте взаимодействия интенциональных состояний и речевых актов неоднократно обсуждалась в лингво-философских исследованиях (Ш. Балли, В. Ван А. Куайн, Г. Фреге, Н. Малком и др.). Глубокое исследование этого выражения в функции верификатора правоты писателя (на материале идиолекта Євгена Маланюка) представлено в работе Е. А. Семенец [13, с. 78 – 88].

Но в исследуемом фрагменте текста М. Булгакова акцент делается именно на столкновении знания логического, рационального и знания метафизического. Думается, что здесь нет оснований для разграничения концептов Знание и Вера (Считается, что концепт Вера распадается на две составляющие — ВЕРЮ и УБЕЖДЕН [8; 10]). Модальный оператор *он знает* не связывается и с речевым актом, он представляет только интенциональное состояние.

Если говорить об иерархии модально-эпистемической достоверности, то метафизическое знание занимает более высокую позицию. Для Ивана Николаевича метафизическое знание в определенной степени совпадает с подсознанием: его неудержимо влечет на то место, которое связано не только с таинственной встречей, но и с началом сомнений в своей материалистической правоте. Интуиция ведет его к решетке особняка, где жила Маргарита: *Профессор не знает, что влечет его к решетке и кто живет в этом особняке, но знает, что бороться ему с собой в полнолуние не приходится* (с. 410).

Метафизическое знание открывает возможность проникновения в иные миры. В ночь весеннего полнолуния он видит один и тот же сон, он слышит голоса, стра-

дает, мучительно кричит, а потом “спит Иван Николаевич со счастливым лицом”. Увиденное во сне поражает четкостью восприятия: “неестественное освещение (...) как это бывает только во время мировых катастроф”, изменение выражения лица человека “в белом плаще с кровавым подбоем” “из надменного в умоляющее”, и то, что глаза его спутника “почему-то улыбаются”.

В этом фрагменте текста не представлено контекстуальное взаимодействие между повторяющимися глаголами *видеть*, *слышать* и *знать*. Но зрительное и слуховое восприятие во сне — это внутреннее видение и внутреннее слышание, которые также сродни метафизическому знанию.

Таким образом, можно сделать следующий **вывод**: анализ целостного художественного текста в аспекте эпистемической модальности позволяет не только выявить взаимодействие разных модальных планов, но и понять их роль в архитектонике, семантике и отчасти — в поэтике текста.

Перспективы исследования видятся в системном анализе различных модальных планов каузальных объяснений в рамках текстов, принадлежащих дискурсам разных типов.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
2. Большакова, Н. И. Языковое оформление модальных категорий на материале писем М. Цветаевой и Б. Пастернака. — Дис. ... канд. филол. н. — Киев, 1993. — 246 с.
3. Брицин, В. М. Модальна семантика дискурсів як один із напрямів семантико-синтаксичних досліджень // ‘Mega Ling’ 2006 Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій / Ред. В. А. Широков, С. С. Дікарева. — Сімферополь: “ДиАйПи”. — С. 34.
4. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — Симферополь: Таврия, 1994. — 414 с.
5. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
6. Горский, Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров; под ред. Д. П. Горского. — М.: Просвещение, 1991. — 208 с.
7. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — М.: Наука, 1975. — 720 с.
8. Лауфер, Н. И. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. — М.: Наука, 1993. — С. 105–110.
9. Мусієнко, В. П. Проблема істинності лінгвістичних знань // Мовознавство. — 2000. — №2/3. — С. 11–16.
10. Приходько, А. Н. Высказывание в модально-эпистемическом аспекте // Культура народов Причерноморья. — 2003. — №42. — С. 21–27.
11. Рассел, Б. Исследование значения и истины. — М.: Идея-пресс, 1999. — 400 с.
12. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учеб. пособие / Е. А. Селиванова. — Киев: Брама, 2004. — 336 с.
13. Семенець, О. О. Синергетика поетичного слова. — Кіровоград: Імекс ЛТД, 2004. — 338 с.
14. Хинтикка, Я. Информация, причинность и логика восприятия // Вопр. философии. — 1975. — №6.

Яценко Т. А. Дискурсивне дослідження каузальних версій у аспекті епістемічної модальності.

Статтю присвячено дослідженню взаємодії каузальних епістемічних версій та її ролі у семантиці та архітектоніці тексту. Об'єктом аналізу є текст Епілогу роману М. Булгакова "Майстер та Маргарита".

Ключові слова: каузація, модальність, епістемічна модальність, дискурс, роман "Майстер та Маргарита".

Yashchenko T. A. The Discourse Research of the Causal Versions in the Epistemic Modalities Aspect.

The article is devoted to the research of the causal epistemic versions interplay and its role in the text semantics and architectonics. The object of the analysis is the text of the epilogue of the novel "The Master and Margarita" by M. Bulgakov.

Key words: causation, modality, epistemic modality, discours, the novel "The Master and Margarita".

Стаття поступила в редакцію 2 ноября 2006 г.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП В АСПЕКТЕ ЕГО СМЫСЛОВОЙ ИНФОРМАТИВНОСТИ

Л. А. Араева, А. В. Проскурина

Статья посвящена рассмотрению коммуникации как акта “понимания”. Словообразовательный тип представлен в коммуникативном аспекте. Основное внимание уделяется выявлению имплицитных процессов смыслопорождения, влияющих на формирование смысловой многомерности словообразовательного типа.

Ключевые слова: коммуникация, семиотическое пространство культуры, словообразовательный тип.

Существование человека невозможно без знаков и знаковых систем, которыми он пользуется в процессе общения. Коммуникативная функция заключается в способности знаков аккумулировать и передавать информацию, источником которой служит многообразие окружающей действительности. Акт коммуникации предусматривает познавательную активность человека, стремящегося “раскрыть” мир: “Коммуникация — чередование того, что мы знаем, с тем, чего мы не знаем” [11, с. 15]. Ситуация незнания инициирует протекание познавательной деятельности как апперцепционного процесса, проявляющегося в формировании нового представления на базе предшествующего опыта. Включение опыта в структуру познания свидетельствует о его культурной обусловленности, ибо культура — это “знаковая система, концентрирующая человеческий опыт и развивающаяся по законам памяти, когда прошлое не уничтожается и не уходит в небытие, а подвергается отбору и смысловому кодированию, переходит на хранение с тем, чтобы при определённых условиях вновь заявить о себе” [5, с. 22]. “Человек в своей жизнедеятельности определяется не биологическими кодами, а различными типами опыта, зафиксированными и передаваемыми с помощью кодов культуры, в том числе и языка” [8, с. 15]. Язык есть “сгусток семиотического пространства культуры” [5, с. 250], в котором он функционирует. “Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка” [Там же]. Следовательно, если функция культуры состоит в структурной организации мира, то, соответственно, функция языка в ситуации общения — в трансляции культурной информации в форме сообщений, пропозициональных по своей сути. Такое взаимодействие двух семиотических систем — культуры и языка — регламентируется особыми правилами, или нормами. Нормативность реализуется за счёт оппозиций в культурном пространстве, обладающих одинаковыми возможностями быть выбранными языком, что предопределяется обстоятельствами, в которых разворачивается коммуникация, — ситуациями, наделяющими сообщение смыслом.

Языковую коммуникацию через категорию смысла можно рассматривать как “понимание” в аспекте её детерминации интенциональностью сознания культурно-

го субъекта. По словам А. Ф. Лосева, “понять вещь — значит её соотнести с тем или иным её окружением и представить её себе не просто как её саму, но в свете окружения, в свете той или другой вещи или момента из этого окружения” [4, с. 290]. В акте понимания происходит проникновение в ситуации смыслопорождения, символического обмена, участниками которых выступают вещь и инобытие (сознание). В результате “смыслового” общения вещь в сознании приобретает бесконечное множество модусов своего существования, что приводит к образованию разветвлённой системы сцеплений смыслов, получающих пропозициональную репрезентацию на словообразовательном уровне языка, имеющем коммуникативную направленность.

Словообразование как один из механизмов осуществления коммуникации “принимает участие в формировании различных смысловых слоёв высказывания, создавая разные типы словообразовательной семантики” [9, с. 5]. “В силу того, что словообразовательные процессы являются типизированными, строятся по аналогии, а типизация может быть разной степени абстракции — от грамматико-словообразовательной до лексико-словообразовательной” [1, с. 12] — каждый тип словообразовательной семантики отражает определённые виды связей культурно значимых предметов и явлений “осмысленной” культурным субъектом внеязыковой действительности и демонстрирует свойственные сознанию культурного субъекта способы “работы” с ними. Наличие разнонаправленных способов “работы” сознания с той или иной вещью обусловлено аксиологичностью человеческого познания, ориентированного на членение мира с точки зрения категории ценности. Оценивая какой-либо факт действительности, субъект культуры выносит оценочное суждение о нём, выявляющее не только его естественное, не зависящее от человека бытие, но и прагматическую значимость бытия. Иными словами, акт аксиологической деятельности ограничивает сферу возможных ситуаций, в которых потенциально способна участвовать вещь до вхождения в сознание, путём включения её в систему культурно значимых оппозиций. “Оппозиция, держащаяся на различии, — такова структура всякой коммуникации” [11, с. 14]. “Противопоставление и различение заставляют неизвестное всплывать из глубин неведомого” [Там же, с. 15], придавая ему смысловую завершённость. Так как для возникновения смысла необходимо присутствие одного из членов оппозиции и “отсутствие другого становится значимым только в присутствии какого-то присутствия” [Там же, с. 14], то оказывается релевантным говорить о двух типах культурной информации, передаваемой и организуемой в упорядоченную систему языковыми знаками (в т. ч. словообразовательными единицами языка) и получающей развёртывание посредством оценочных суждений: (1) информации эксплицитной, (2) информации имплицитной. Оба типа информации отражают нюансы действия акта семиозиса как механизма формирования культурно-смысловой ёмкости вещи, фиксируемой в смысловой структуре языковых единиц. Однако если эксплицитная информация представляет собой продукт знания, приобретённого и реализованного в определённые, актуальные для субъекта культуры моменты процесса познавательной деятельности, то имплицитная информация — совокупность знаний, которые могут быть реализованы во множестве вариантов потенциально значимых чередующихся ситуаций сознания субъекта культуры. Учитывая одновременное

сосуществование онтологических модусов вещи как реально, так и потенциально значимых в сфере сознания, правомерно выделять этапы становления и взаимодействия субъектно-объектных отношений, обуславливающих реализацию смысловой многомерности словообразовательного типа (далее СТ). Поскольку “в словообразовательном акте так же, как и в оценочном суждении, совершается тот же процесс мыслительной операции и устанавливаются те же причинно-следственные связи между явлениями действительности, как и в любом оценочном высказывании: здесь происходит то же сопоставление и так же даётся логическая квалификация и оценка явлений, подлежащих словообразовательному детерминированию, как и в предикативных конструкциях” [2, с. 8], то целесообразно рассматривать семантическую организацию типа, в нашем случае — СТ “С + – ИН(а)”, как пропозициональную сеть лексико-словообразовательных значений (далее ЛСЗ), несущих разную информативную нагрузку, заданную многоаспектностью семантики мотивирующих единиц.

Мотивирующее пространство отождествляется с совокупностью мотивирующих единиц, гетерогенных по своей семантике, в силу чего участвующих в конкретных культурных ситуациях, что провоцирует их объединение в рамках ценностно значимых семантических категорий: “объекты растительного мира”, “представители животного мира”, “явления природы”, “естественное пространство”, “водное пространство”, “напитки”, “кушанье”, “предметы быта”, “одежда”, “органы и части тела животного, человека”, “времена года”, “положение в пространстве”. Выделенные семантические категории, определяющие смысловые сферы мотивирующего пространства, соответствуют иерархической организации семиотического пространства культуры. Так, категория “объекты растительного мира” в культуре обладает ценностной отмеченностью, потому что растения вовлечены в сферу познавательной и практической деятельности культурного субъекта, являясь носителями социально значимых качеств. Как показывает анализ ЛСЗ в составе словообразовательно-пропозициональных значений (далее СПЗ), из всего многообразия возможных отношений между растениями и людьми в фокус внимания культурного субъекта попадают те “модели общения”, которые актуализируются в ситуациях разной семиотической направленности. Человек выращивает растения для удовлетворения своих потребностей в условиях реальной действительности на отведённом для этого месте, что обуславливает образование дериватов с ЛСЗ “поле, засаженное определённым видом сельскохозяйственных культур” (*ржанина* (Пск., Твер.); *гороховина* (Карел.)). После уборки с полей растения нуждаются в обработке с помощью специального устройства, отсюда наличие дериватов с ЛСЗ “устройство для определённого объекта” (*колосовина* — ряд жердей, на которые укладывали снопы для просушки (Смол.)). Наибольшую ценность для субъекта культуры растения представляют в аспекте их способности служить средством для изготовления чего-либо. Об этом свидетельствует наличие ЛСЗ, объединённых в рамках СПЗ “результат по средству изготовления”: “суп по ингредиенту” (*гороховина* (Карел.)); “каша из определённого продукта” (*горбузятина* — каша из тыквы (Брян.)); “хлеб из определённой муки” (*аржанина* (Свердл.)); “одежда по материалу изготовления” (*коноплянина* (Ср. Урал.)); “обувь по материалу изготовления” (*берестина* (Карел.));

“ткань, изготавливаемая из сырья” (*альнянина* (Смол.)); “посуда из определённого материала” (*берестина* (Приам.)); “предметы быта по материалу изготовления” (*соснина* — лучина (Дон.), *лозина* — ручка из лозы (Нвсб.)); “дрова из определённого материала” — (*березина* (Карел., Смол.)); “помещение по материалу изготовления” (*мшевина* (Перм., Урал.)). В силу того, что объекты природного мира, произрастая в совокупности друг с другом, занимают часть пространства, становится важным словообразовательно маркировать городьбу, построенную около гороха, с помощью деривата *гороховина* (Ср. Урал.). Помимо включения растений в ситуации, характеризующие их бытие, сопряженное с деятельностью человека, ряд ЛСЗ иллюстрирует их участие в ситуациях, обусловленных присущими им свойствами: “естественное пространство по произрастающему на нём объекту” (*мошачина* (Пск.)); “глина по месту расположения” (*ивина* (Яросл.)); “гриб по месту произрастания” (*подореховина* (Подмоск.)); “ботва растений” (*бобовина* (Волог.), *картовина* (Алт.)); “ствол дерева” (*березина2* (Карел.)); “заросли определённого вида деревьев” (*орешина* (Смол.)); “растение, сходное по форме с другим растением” (*грибина* — конец огурца (Пск.)); “часть тела человека, сходная по форме с растением” (*грибьячина* — губа (Брянск.)). Таким образом, смысловая структура дериватов, функционирующих в пределах СТ, — результат работы закона ассоциаций идей, согласно которому “идеи, представления, имеющие что-либо общее, взаимно притягиваются, комбинируются друг с другом” [3, с. 31] и, следовательно, приводят к актуализации пропозиций, один из компонентов которых отражает ракурс осмысления растений в сознании субъекта культуры сквозь призму их ценностной значимости. Мотивирующие единицы, принадлежащие категории “растительного мира”, выполняют функцию *средства, объекта и места* в глубинных структурах, регламентирующих направления процессов смыслообразования и репрезентирующих смысловую ёмкость дериватов: *средство — действие — объект, результат — действие — средство, место — действие — объект (функционально значимый), объект — действие — объект, объект — действие — место (характеризующего типа)*. Каждая из пропозиций, по-разному аспектируя культурно значимые ситуации, уточняет, конкретизирует смысловое содержание образа вещи, соотносимое с определённым состоянием сознания. Так как сознание текуче и “информационный объём и границы мира могут сужаться и расширяться” [7, с. 264], то пропозициональные суждения лишь очерчивают контур развёртывания ситуаций, намекая на наличие в смысловой структуре дериватов находящихся в имплицитном виде отношений, в которые вступают объекты растительного мира с другими объектами и людьми. Информация, извлекаемая из аксиологически ориентированных высказываний, вскрывает потенциальную принадлежность растений к пересекающимся сферам культурного пространства через указание на их взаимосвязь с другими участниками ситуаций. В ситуациях приготовления пищи растения оказываются связанными с продуктами питания и напитками (*брюквина* — похлёбка с брюквой. — “Сделаю вам брюквину, можно с маслом” (Пск.); *тыквина* — плод растений семейства тыквенных. — “Из неё варили, пирожки стряпали” (Свердл.); *горбузятина* — пшённая каша с тыквой. — “Горбузятина — горбузы с пшеном варили, наливали молоко” (Брян.)).

В ситуации пошива одежды растения участвуют совместно с лицом, для которого она предназначена (*коноплянина* — одежда из конопляного холста. — “Коноплянина была, мужики носили” (Волог.). В ситуации изготовления предметов быта растения устанавливают отношения с предметами быта (*березина* — полено из берёзы. — “Деду, что в ум взбрѣдет, то и делает, вон каку березину в печь притащил” (Карел., Смол.)), с овощными культурами (*берестина* — берестяная посуда. — “Лук солили в берестине” (Приамур.)), с постройками (*берестина* — мочалка. — “С берестины мыли избы” (Карел.)), с насекомыми (*липина* — липовое бревно, палка. — “Лежит куча липин. Подай-ка лучину, комаров отгоню” (Смол.)), с частями тела животного (*лозина* — ручка из лозы на рукоятке косы. — “Лозина — маленькая ручка из лозы, привязывали к пупку” (Нвсб.)). В ситуации обработки растений значимой становится их соотнесённость с различными приспособлениями (*колосовина 2* — ряд жердей, на которые укладывали снопы для просушки. — “Вырыли яму, ставили печку, рядом делали настил из жердей. На эту колосовину клали снопы и сушили” (Смол.)), с животными и птицами (*колосина* — отходы после обмолотки зерна. — “Колосину-то скотине кормили; она с зёрнышками, их курицы выгребут (Карел.).

Таким образом, словообразовательный тип, аккумулируя и транслируя культурно значимую информацию, являет собой пространство осуществления коммуникации между вещью и сознанием человека, организуемое посредством системы реализованных и потенциальных смыслов. Представленное в статье направление исследования семантического наполнения словообразовательного типа особенно значимо при изучении русского языка иностранцами.

Список литературы

1. Араева Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования // Лингвистика как форма жизни. — Кемерово, 2002. — С. 4 – 24.
2. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М., 1998. — 236 с.
3. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию. — М., 1998.
4. Лосев А. Ф. Имя вещи // А. Ф. Лосев Бытие. Имя. Космос. — М., 1993. — 957 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. — СПб., 2000. — 704 с.
6. Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. — М., 1997.
7. Переверзев К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространства. — М., 2000. — С. 255 – 267.
8. Пигалев А. И. Культура как целостность (методологические аспекты). — Волгоград, 2001. — 462 с.
9. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования (русское производное имя). — Томск, 1996. — 218 с.
10. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы В. фон Гумбольдта. — М., 2003. — 217 с.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб., 1998. — 432 с.

Араева Л. А., Проскурина А. В. Словотворчий тип в аспекті його змістової інформативності.

Стаття присвячена розгляду комунікацій як акта розуміння. Словотвірний тип показується в комунікативному аспекті. Основна увага приділяється виявленню імпліцитних процесів смислопородження, впливаючих на формування смислової багатомірності словотворного типу.

Ключові слова: комунікація, семіотичний простір культури, словотвірний тип.

Araeva L. A., Proskurina A. V. Word-formation type in aspect of its semantic informativity.

This report considers communication as an act of “comprehension”. The wordformational type is presented in communicative aspect. In the focus of our attention is the investigation of implicit processes directed to genesis of the meanings and that influence forming semantic difficulty of wordformational type.

Key word: communication, semiotic sphere of culture, wordformational type.

Стаття поступила в редакцію 09 ноября 2006 г.

*Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Филология». Том 20 (59), №1. 2007 г. С. 113 – 118.*

УДК 81'272(075.3) (477.75)

УЧЕБНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ КРЫМА: В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова

Учебные словари для полиэтничного Крыма должны отвечать полилингвальной модели обучения, создание которой требует наличия параллельных учебных текстов. К решению задачи приближают трехязычный русско-украинско-крымскотатарский тематический базовый словарь и лингвокраеведческий словарь о Крыме с параллельными текстами на трех языках.

Ключевые слова: учебный словарь, полиэтничный регион, модель обучения, полилингвальное обучение, лексический минимум, параллельный текст.

В том, что изучение языка как родного, так и неродного обязательно предполагает использование словарей, не сомневается никто. Но представление о словаре как о важном *средстве* обучения неродному/иностранному языку сформировалось сравнительно недавно — в 60-е годы XX столетия после происшедшего разделения лексикографии на учебную и неучебную.

Рождение учебной лексикографии, обеспечивающей представление оптимального запаса слов, способствующего адекватному речевому поведению учащегося в иноязычной среде, связано с появлением педагогической лингвистики, которая максимально отвечает потребностям обучения языку как средству передачи своих и восприятию чужих информационных состояний [4]. Таким образом, педагогическая лингвистика предполагает ориентированное описание языковой системы, обусловленное методическими целями и потребностями. Это означает необходимость постоянного изучения и анализа реальных и потенциальных потребностей учащихся для повышения качества учебно-педагогической литературы. В наш прагматичный век внедрение в практику новых идей, концепций, создание оптимальных учебных материалов представляется наиболее **актуальным** для современной методики преподавания различных дисциплин.

Ведущим принципом при обучении языкам по-прежнему остается принцип активной коммуникативности. Современное направление модернизации содержания языкового образования предполагает создание соответствующих учебных пособий, построенных на основе коммуникативно-деятельностного подхода. Такие учебники должны исходить из приоритетов ученика, то есть быть антропоцентричными и стимулировать его речемыслительную деятельность на родном и неродном языках. В учебных книгах в качестве основных дидактических принципов реализуются доступность, повторяемость материала и его актуальность, эмоциональное восприятие, обеспечиваемое занимательностью и проблемностью при постановке учебной задачи.

Эти важные требования встают перед всеми создателями современных учеб-

ников по языку. Дополнительные задачи возникают перед авторами учебной лингвистической литературы, адресованной учащимся полиэтничных школ, где проблемы обучения языку напрямую связаны с проблемами межнациональных отношений.

В Украине таким полиэтничным регионом, как известно, является Крым. Здесь сама этническая структура населения диктует направление педагогических и методических поисков в образовательной системе, задача которой осуществлять эффективное воздействие на состояние поликультурной среды.

В условиях тесных языковых и культурных контактов особо важное место отводится процессу формирования цивилизованных норм взаимопонимания и сотрудничества народов, связанных давними традициями совместного проживания и взаимодействия в различных жизненных сферах. Начало этому процессу должно быть положено уже в самом раннем школьном возрасте, когда происходит становление личности ребенка. И здесь немаловажную роль играет правильно выстроенная система лингвистического образования с учетом запросов полиэтничной среды, предполагающей полиязычие. «Именно педагогический (воспитательный и образовательный) личностный подход к формированию личности человека требует того, чтобы ребенок-ученик имел возможность опираться не на одну, единственную и «неповторимую», языковую систему, мог оперировать не одним, а двумя или несколькими языками, чтобы научиться пользоваться разными средствами общения, обеспечивающими формирование толерантной поликультурной личности» [2, с. 51].

Для того, чтобы это стало реальностью, в первую очередь, необходим тесный контакт таких наук, как педагогическая лингвистика, лингвокультурология, методика преподавания родного и неродного/иностранного языков, а также учет опыта билингвального обучения [2]. На сегодняшний день в Крыму нет не только учебников на двух/трех языках с параллельными текстами, но и научной разработки теоретических основ таких учебников. Отсутствуют и специально подготовленные учителя, владеющие двумя/тремя языками и методикой преподавания этих языков как родных и как неродных. Решение перечисленных проблем потребует прежде всего немало времени для проведения целого ряда исследований, написания качественно новых учебников и их апробации, а также для подготовки учителей, владеющих методикой билингвального/полилингвального обучения. Но другого пути корректного разрешения этой образовательной задачи мы не видим. Поэтому при планировании методического обеспечения всей работы по формированию лингвистической и культурологической компетенций учащихся целесообразно руководствоваться понятием перспективы — отдаленной и ближайшей.

На наш взгляд, изучение трех — русского, украинского и крымскотатарского — доминирующих в Крыму языков должно начинаться уже в начальной школе. Здесь полезно было бы использовать методический опыт билингвального обучения в младших классах в школах Республики Армения. Этот опыт показывает, что «в результате начального обучения формируются достаточно прочные

речевые навыки и умения на двух языках, создаются две вполне автономные языковые системы, которыми учащиеся могут пользоваться “по потребности”. Также обеспечивается возможность получения детьми дальнейшего образования на каждом из языков по выбору обучаемого (или его родителей), создается база для более легкого овладения другими языками (третьим, четвертым и т. д.)” [2, с. 51].

Первым шагом на пути к созданию учебной литературы, учитывающей общегосударственные и региональные методические запросы, является написание ряда учебных словарей, отвечающих задачам полилингвального обучения. Под учебным словарем нами понимается “книга, содержащая упорядоченный по тому или иному принципу перечень слов, отвечающая методическим требованиям, оформляемая, как правило, в виде одного небольшого по формату тома и обеспечивающая быстроту и легкость наведения справок” [1, с. 5]. Если говорить об учебной лексикографии для полилингвального обучения в полиэтничной среде, то она должна удовлетворять методические запросы, касающиеся параллельного обучения двум/трем (для Крыма — русскому, украинскому и крымскотатарскому) языкам. Кроме того, в процессе обучения должен использоваться не только би-/полилингвальный, но и поликультурный потенциал учащихся. А это означает необходимость создания такого учебного лексикографического произведения, которое обеспечит быстрый доступ к информации культуроведческого и краеведческого характера, представленной параллельно на всех изучаемых языках.

В этом направлении нами и осуществлялась лексикографическая практика, результатом которой явились два учебных словаря, открывающих серию регионально обусловленных лексикографических произведений, способствующих формированию лингвокультурологической компетенции школьников Крыма.

Первым был написан лингвокраеведческий словарь “*Полуостров Крым от А до Я*” / при участии Л. А. Парамошкиной/. По своему жанру он восходит к лингвострановедческим словарям, но с учетом специфики описываемого региона отличается от них более широким представлением сопряженных с Крымом исторических реалий, что помогает учащимся и всем читателям понять, как волею истории Крымский полуостров оказался на перекрестке путей мировой цивилизации. В нашем словаре содержатся сведения о географии, природе, истории, культуре, населении Крыма. Кроме того, описаны отдельные персоналии и реалии, которые можно рассматривать как широкий исторический контекст для событий, важных в истории Крыма.

Цель словаря — дать сведения о достопримечательностях, памятных местах полуострова, об исторических личностях и народах, которые оставили заметный след в истории полуострова и цивилизации в целом; познакомить с историей наиболее известных и интересных крымских городов. При этом мы не стремились дать исчерпывающую информацию о той или иной реалии, но, помня о задачах словаря и его адресате, хотели отразить лишь основное, что позволило бы учащимся осознать собственную роль в сохранении и передаче уникального культурного наследия Крыма.

Словарь содержит 280 единиц (слов и словосочетаний), которые можно разделить на три группы:

1) топонимы (географические названия), включающие в себя гидронимы (названия морей, заливов, бухт, рек и т. д.), ойконимы (поселения), оронимы (горы, хребты), спелеонимы (пещеры), агронимы (территории, области, районы) и др.;

2) персоналии;

3) некоторые характерные реалии, типичные для Крыма.

При составлении словарных статей были использованы научные словари, популярные справочные издания, специальная литература по краеведению, вышедшая в разные годы, газетные публикации и т. д.

Главной задачей при методической обработке полученных сведений было для нас сделать их максимально удобными с точки зрения извлечения заложенной в них информации. С этой целью весь лексический массив словаря организован по принципу гипертекста.

На данном этапе работы существуют русская и украинская версии словаря, планируется также создание крымскотатарского синхронного текста. Наличие таких параллельных синхронных текстов на трех языках позволит учителям-словесникам использовать их с самыми разнообразными методическими целями (перевод, сопоставительный анализ близкородственных и неблизкородственных языков, развитие навыков связной речи на трех языках и т. п.). Преимуществом такого представления информации — дублирование на втором/третьем языках — является, с одной стороны, закрепление содержания, а с другой — возможность выразить это содержание языковыми средствами разных языков, причем тематическое дублирование позволяет полностью сосредоточиться на лексико-грамматической стороне текста, продуцируемого на втором/третьем языке.

Не менее важным аспектом образовательного процесса в поликультурном регионе является создание атмосферы для полилингвизма. Стремление к изучению языков, как отмечалось выше, должно воспитываться уже начальной школой и поощряться обществом. Для этого учителям нужна качественно новая методическая база, без которой невозможно организовать сам процесс обучения. Первой попыткой ответа на такой методический запрос является трехязычный русско-украинско-крымскотатарский учебный базовый тематический словарь с рабочим названием *“Шире круг”*. Нами разработаны концепция словаря и его русскоязычная часть.

Исходя из практических целей обучения, мы не ставили перед собой задачи выявления и описания всех смысловых групп, присутствующих в лексической системе языка. Нами были выделены только те, которые более существенны с точки зрения обучающего потенциала и их участия в адекватном отражении реальных жизненных ситуаций. В результате анализа различных классификаций, представленных как в отечественных, так и в зарубежных учебных идеографических словарях, мы получили список тем, который можно считать удовлетворяющим методические запросы. Безусловно, это не единственно возможная система расположения лексики по тематическим группам в учебном словаре, поскольку в

этом вопросе мы полностью солидарны с В. В. Морковкиным, считающим, что “при построении идеографического словаря решающее значение приобретает мировоззрение самого лексикографа” [3, с. 14].

В круг тем, отобранных для описания, вошли: 1. Человек; 2. Общество; 3. Работа, занятие, свободное время; 4. Окружающий мир; 5. Время, пространство, количество. Далее каждая из пяти тем разбивается на подтемы, а каждая подтема раскладывается на тематические доминанты. Общее число тематических доминант составляет 185 слов-центров, вокруг которых группируются связанные по смыслу лексические единицы (свыше 4000 слов).

В центре всей классификации находится человек, являющийся центром-стремительной силой, собирающей вокруг себя все то, что содержится в картине мира, все ее фрагменты, зафиксированные в его сознании с помощью слов. Такой подход к лексикографированию дает возможность весь отобранный лексический массив представить в виде элементарной схемы-образа, которая в доступной форме демонстрирует учащимся устройство и содержание учебного тематического словаря. Сама схема наглядно показывает, как постепенно расширяется пространство, окружающее человека, по мере его выхода за пределы себя. Концентричность расположения тематических групп в пределах расширяющихся пространств хорошо укладывается в идею познания окружающего мира ребенком. При таком подходе нетрудно привести учащегося к мысли о многоликости мира, о том, что этот мир говорит на разных языках, что знать и понимать язык и культуру соседа интересно и полезно, потому что при всем разнообразии языков и культур носители их связаны едиными узами, живут под одной крышей многонаселенного многоэтажного дома на единой для всех планете Земля.

Заложенная в словаре система мелких шагов, с помощью которых предлагается продвигаться по пути изучения трех языков, делает весь процесс усвоения новой лексики вполне обозримым и осознаваемым, а тематические доминанты способствуют дозированному представлению лексического материала на уроках развития речи.

Хотим также отметить, что создание трехязычного учебного тематического словаря важно не только само по себе, но и позволяет в дальнейшем решать на его основе ряд не менее важных сопутствующих задач современной лингводидактики. Прежде всего, результатом нашей лексикографической практики станет появление трех универсальных лексических минимумов: русского, украинского и крымскотатарского языков. В перспективе такие тематически организованные словники могут послужить хорошей базой для создания украинско-, русско-, крымскотатарско-иноязычных словарей, а также учебников и учебных пособий по этим языкам, если они рассматриваются в практике преподавания в качестве иностранных.

Серия региональных учебных словарей может быть дополнена сборником идиом на трех языках; кратким топонимическим словарем, объясняющим школьникам наиболее интересные и известные топонимы Крыма; этнографичес-

ким словарем, содержащим сведения об истории, быте, традициях, обрядах и праздниках различных народов, населяющих Крымский полуостров. Это могут быть не только собственно словари, но и лексические пособия словарного типа, включающие в себя элементы учебного словаря и практического пособия, оснащенного методическим аппаратом, обеспечивающим усвоение лексического материала.

Вывод. Учитывая трудоемкость самого процесса словарного производства, стоит создавать только такой минимум региональных учебных словарей, который найдет реальное применение в школьной практике и будет способствовать успеху межкультурной коммуникации в полиэтничной среде Крыма.

Список литературы

1. Денисов П. Н. Учебная лексикография: итоги и перспективы. / Проблемы учебной лексикографии. — М.: МГУ, 1977. — с. 4 – 22.
2. Есаджян Б. М. К проблеме освоения понятий “билингвизм” и “билингвальное обучение”. // Мир русского слова. — 2003. — №4 (17). — с. 47 – 53.
3. Морковкин В. В. Идеографические словари. — М.: МГУ, 1970.
4. Морковкин В. В. Рассуждение о некоторых лингвистических понятиях в прикладном аспекте. // Русский язык за рубежом. — 1979. — №6.

Балашова І. Г., Новикова Т. Ю. Навчальна лексикографія у поліетнічному середовищі Криму: у пошуках рішення.

Навчальні словники для поліетнічного Криму повинні відповідати полілінгвальній моделі навчання, створення якої потребує наявності паралельних навчальних текстів. До рішення цієї задачі наближають тримовний російсько-українсько-кримськотатарський тематичний базовий словник та лінгвокраєзнавчий словник про Крим із паралельними текстами на трьох мовах.

Ключові слова: навчальний словник, поліетнічний регіон, модель навчання, полілінгвальне навчання, лексичний мінімум, паралельний текст.

Balashova I. G., Novikova T. Y. Teaching-orientated lexicography in the multi-ethnic environment of the Crimea: searching for solutions.

Teaching-orientated dictionaries for the multi-ethnic Crimea must correspond to a multi-language model of teaching. To establish this model it is necessary to have language-parallel teaching texts. Towards this aim are being worked out: a three-language, Russian-Ukrainian-Crimeatartarian, thematic basic dictionary and a language-orientated dictionary of Crimean local studies the texts of which are presented parallelly in the three languages.

Key words: teaching-orientated dictionary, multi-ethnic region, model of teaching, multi-language teaching, basic dictionary, parallel text.

Статья поступила в редакцию 14 ноября 2006 г.

УДК 81”367.635

**НЕПОВНОЗНАЧНІ ЛЕКСИЧНІ КОМПЛЕКСИ (НЛК),
СПІВВІДНОСНІ З ЄДНАЛЬНИМИ СПОЛУЧНИКАМИ,
В АСПЕКТІ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНИХ ВЛАСТИВОСТЕЙ**

Л. В. Бутко

У роботі здійснюється дослідження форми вираження і внутрішньої організації неповнозначних лексичних комплексів, співвідносних з єднальними сполучниками, виявляються та описуються моделі, за якими відбувається їхнє творення, встановлюються системні зв'язки досліджуваних елементів.

Ключові слова: неповнозначний лексичний комплекс, єднальний сполучник, семема, модель структури.

Службові частини мови характеризуються великою частотністю вживання у текстах різних стилів і жанрів [6, с. 66; 5, с. 17]. У мовознавстві побутує думка, що “майже кожне четверте слово у мовленнєвому потоці є службовим” [8, с. 34]. Проте саме службові слова є найменш дослідженими. Особливо це стосується, як слушно наголошується у теоретичних працях з лінгвістики, таких службових частин мови, що складаються з двох або більше графічних слів [6, с. 66].

Щодо сполучників, то їхнє значення у мовленні надзвичайно важливе, а процеси поповнення є різноманітними [12, с. 515; 1, с. 301]. Наразі в українському мовознавстві приділяється особлива увага цьому морфологічному класу з огляду на зміни у функціонуванні сполучників, що стали помітними з початку 90-х рр. ХХ ст. в українській мові [4, с. 7]. Уникнення обстеження сполучників спричинить неповноту висновків про динамічні властивості мовної системи.

Як відомо, функціональне призначення сполучників полягає у вираженні синтаксичних зв'язків та різних типів семантико-синтаксичних відношень у складному, рідше — у простому ускладненому реченні. Сполучники виражають два типи синтаксичного зв'язку між предикативними частинами складного речення: сурядний, поєднуючи граматично рівноправні частини або їхні конденсати — переважно однорідні члени речення, і підрядний, пов'язуючи граматично нерівноправні предикативні частини, залежно від чого їх поділяють на сполучники сурядності, або сурядні сполучники, та сполучники підрядності, або підрядні сполучники [4, с. 7]. Серед сурядних сполучників виділяються єднальні [12, с. 516; 7, с. 42].

Хоча у теоретичному мовознавстві вироблено номінацію, дефініцію та сформульовано основні риси цієї частини мови, існує інший підхід, що надає сполучнику статусу морфеми [3, с. 30]. Наприклад, І. Р. Вихованець, наголошуючи на синтаксичному призначенні цих „нечастиномовних елементів”, подає синтаксико-функціональну інтерпретацію вищезазначеної „так званої службової частини мови”. Вчений наголошує на вдалому традиційному виокремленні сполучника, але вважає помилковим

його зарахування до частин мови, стверджуючи, що сполучник — це „різновид слів-морфем, аналітичних синтаксичних морфем, який поєднує підрядним і сурядним зв'язками компоненти переважно в межах складного речення і передає відповідні синтаксичним зв'язкам семантико-синтаксичні відношення” [2, с. 6].

Розширення класу сполучників переважно відбувається внаслідок об'єднання двох і більше компонентів. Саме складені сполучники є найменш вивченими в україністиці. У класичних граматичних студіях лише виокремлюються складені сполучники, що є похідними або вторинними, і констатуються найпоширеніші утворення [12, с. 515; 1, с. 301; 11, с. 305].

Метою пропонованої статті є виявлення закономірностей формування НЛК, співвідносних з єднальними сполучниками, здійснення різнобічного аналізу властивостей форми вираження і внутрішньої організації зазначених елементів. Досягнення зазначеної мети сприятиме наближенню вирішення загальної проблеми щодо статусу одиниць проміжної форми існування, зокрема неповнозначних лексичних комплексів, співвідносних зі сполучниками, української мови.

Матеріалом зазначеного дослідження є сполучники, точніше, НЛК, співвідносні з єднальними сполучниками, що складаються із більш як одного графічного слова і характеризуються стійкістю, спільністю функціонування, незмінною формою і у мовленнєвому потоці мають один словесний наголос [9, 4].

Єднальних сполучників у досліджуваному матеріалі виявлено 26 одиниць.

Переважною більшістю компоненти НЛК, співвідносні зі сполучниками, не піддаються однозначній частиномовній кваліфікації. Так, наприклад, елемент **як**, що входить до складу значної кількості досліджуваних одиниць, може належати до класу прислівників, сполучників чи часток [10].

У зв'язку з цим цей і подібні компоненти НЛК у пропонованій праці параметризуватимуться через співвідношення з ознаками тих частин мови, у ролі яких вони здатні функціонувати. Наприклад: компонент **як** — прислівник-сполучник-частка.

Сполучник **ні...ні** вживається для приєднання відокремлених членів речення і для поєднання самостійних речень [12, с. 517]. Сильніше заперечення виражає сполучник **ані...ані**, властивий більше народно-розмовній мові [12, с. 517]. Комплекси являють собою двокомпонентні моделі структури з однаковими початковими компонентами і однаковими синтагматично пов'язаними компонентами I кроку розгортання: компонентами НЛК **ні...ні** є частки, а **ані...ані** — сполучники-частки. Причому компоненти цих сполучників “не втрачають значення заперечних часток” [9, с. 519]. Напр.: *І знову не буде у думках моїх **Ні** мук, **ні** страждань, **ні** плачу...* (М. Рильський); *Не хотів **ані** дружити, **ані** дома жити — чумакував* (Марко Вовчок).

“Виступаючи в усіх стилях і жанрах писемної та усної мови”, сполучник **і...і** “використовується для зв'язку різноманітних синтаксичних одиниць” [12, с. 517]. Цей НЛК також репрезентує двокомпонентну модель структури з однаковими компонентами — сполучником **і**: *Любив він такі ночі без вечірні, **і** цю тишу, **і** якусь таємничість, гармонію у всій природі* (О. Гончар).

Поліфункціональний сполучник **та й (і)** приєднує член речення, що підкреслює результат попередньої дії, і член речення із значенням додавання. На структурному рівні його з розглянутими НЛК об'єднує кількість компонентів. Початковим компо-

нентом структури є займенник-сполучник-частка **та**, а компонентом I кроку розгортання структури сполучник **й**, що має фонетичний варіант. Ця одиниця, заступаючи єднальний сполучник **і**, “урізноманітнює використання у реченні сполучні засоби, а також сприяє побудові милозвучної фрази” [4, с. 8]. Напр.: *Задзвонили до церков — та й дзвони ж! Аж і досі у вухах гуде!* (Г. Квітка-Основ'яненко); *Данило Підпригора сходить з дороги і прямує навпростець, на болото: так набагато ближче додому, та й коли за ним здумають погнатися Погиба з Бараболею — сюди не наважаться піти* (М. Стельмах).

Структури комплексів **а також (також)** і **також (також)**, як так само є двокомпонентними (схеми відповідно сполучник-частка — прислівник і прислівник — прислівник-сполучник-частка). Причому структура комплексу **а також (також)** є вихідною для структури синонімічного йому комплексу **а також (також) і (й)** (схема сполучник-частка — прислівник — сполучник). НЛК **також (також)**, як репрезентує двокомпонентну модель структури, початковим компонентом якої є прислівник **також (також)**, а компонентом розгортання структури — прислівник-сполучник-частка **як**. Сполучники є синонімічними і служать для приєднання однорідного члена речення: *Хочеться мені хоч одним оком поглянути ще на Італію, а також побути на селі* (М. Коцюбинський); *Виїздили ми зранку на машині, оглядали всі цікаві місця ... учора також, як усіма цими днями, ми вирудилися в мандрівку* (Ю. Яновський); *Як відомо, реформа 1861 року в Росії, а також і в Україні, дала початок ліквідації феодально-кріпосницького ладу.* (З газети).

Для приєднання однорідного члена речення також слугують синонімічні сполучники **і так само й а так само <і (й)>**. Хоча комплекси утворено способом ланцюгового нанизання компонентів, на рівні структури вони все ж відрізняються кількістю компонентів: відповідно три і чотири і початковим компонентом: відповідно сполучник і сполучник-частка. Компонент III кроку розгортання структури НЛК **а так само <і (й)>** є факультативним, тобто він може бути відсутнім у структурі, не вносячи змін у загальну семантику комплексу: *Він [збірник], я певний, благополучно дійде до мене і так само благополучно буде перехований од тих, кому його не треба читати* (М. Коцюбинський); *У представників друкованих засобів масової комунікації, а так само й інших ЗМК, було багато запитань до місцевого голови.* (З газети).

Аналог сполучника **до того ж** приєднує член речення або речення з додатковим повідомленням. Структура є похідною від структури прислівникового комплексу із семантикою міри **до того**: *Була [свекруха] стара вже, до того ж змучена тяжкою працею та недостатками* (Марко Вовчок); — *Офіцери, — сказав головнокомандуючий, і холодний дроз пробіг по офіцерських спинах, до того невпізнаний був голос генерала* (О. Довженко). Модель НЛК є трикомпонентною з ланцюговим нанизанням компонентів, початковим компонентом якої є прийменник, синтагматично пов'язаний із компонентом I кроку розгортання — займенником-прислівником-часткою, що за допомогою II кроку синтагматичного зв'язку може об'єднуватись із часткою-сполучником.

Займенник-прислівник-частка **того** здатен функціонувати у якості компонента I кроку розгортання структури також і у структурі аналога сполучника **мало того**,

що, який приєднує частину речення, що містить більш значну інформацію, й у структурі аналога сполучника **нема (немає) того, щоб**, який приєднує інфінітивний зворот, у якому бажана дія, але така, що не може відбутися, замінюється реальною дією головної частини. Причому початковим компонентом структури НЛК **мало того, що** є прислівник **мало**, а НЛК **нема (немає) того, щоб** — дієслово **нема (немає)**. Компонентом II кроку розгортання структури є відповідно займенник-сполучник-частка **що** і сполучник **щоб**: *Мало того, що були несприятливі погодні умови, так ще й організатори не спрацювали* (З газети); — *Руки пообриваєш, носячи! Нема того, щоб хурку найняти: як на того коня валять — носи!* (Панас Мирний).

Аналог сполучника **в (у) тому (тім) числі <й>** приєднує член речення, що є частиною цілого. Комплекс репрезентує чотирьохкомпонентну структуру (схема прийменник — займенник-прислівник — іменник — сполучник): *Хлопець досить успішно склав екзамени з усіх предметів, у тому числі з української мови* (Г. Тютюнник); *Дехто рішається йти, і ми в тім числі* (Г. Хоткевич).

Прийменник **в (у)** здатен об'єднуватись у моделі більш складної структури, як, наприклад, **в (у) такій мірі, в (у) якій**. Цей аналог сполучника і сполучник **оскільки.., остільки** є синонімічними: з'єднують частини складносурядного речення при їхньому тісному взаємозв'язку, урівноваженні. НЛК **в (у) такій мірі, в (у) якій** утворює єдину у цій семантичній групі НЛК, співвідносних із сполучниками, п'ятикомпонентну модель, початковим компонентом якої є прийменник **в (у)**, синтагматично пов'язаний із компонентом I кроку розгортання — займенником **такій**, який пов'язаний із компонентом II кроку розгортання іменником **мірі**, об'єднаним із компонентом III кроку — прийменником **в (у)**, що за допомогою IV кроку формування структури пов'язаний із займенником **якій**: *За подіями на презентації кореспонденти слідували у такій мірі, в якій їм дозволяла охорона* (З газети). Структура ж НЛК **оскільки.., остільки** є двокомпонентною, початковим компонентом якої є сполучник, а компонентом I кроку розгортання структури сполучник-прислівник: *Я не забуду, як ти раз написала мені: “оскільки мое почуття до тебе безпосереднє, остільки воно не свідоме...”* (Леся Українка).

“Різні відтінки єднального значення передаються за допомогою подвійних сполучників: як... так і, не тільки... а і (й), не тільки... але і (й), які увиразнюють характер відношень між поєднуваними словами. Ці сполучники здебільшого вживаються у науковому й публіцистичному стилі” [12, с. 517].

Сполучник **як.., так** з'єднує частини речення, дії, суб'єкти яких зіставляються. Структура комплексу (схема прислівник-сполучник-частка — прислівник-частка-сполучник) є вихідною для структури синонімічного йому комплексу **як.., так і** (схема прислівник-сполучник-частка — прислівник-частка-сполучник — сполучник): *З очеретів чути голос соплки, ніжний, кучерявий, і як він розвивається, так розвивається все в лісі* (Леся Українка); *Як російська, так і європейська критика, все частіше звертає своє око на наше письменство, ставить йому свої вимоги* (М. Коцюбинський).

Сполучники **не лише.., але й (і); не лише.., а й (і); не тільки.., але й (і); не тільки.., а й (і)** є синонімічними і з'єднують однорідні члени, з яких дру-

гий є більш суттєвим. Структури НЛК є чотирикомпонентними з початковим компонентом часткою **не** і компонентом III кроку синтагматичного зв'язку сполучником **й (і)**. Структури цих НЛК є похідними від структур НЛК, співвідносних із частками, **не лише і не тільки**. Компонентами I кроку розгортання структури комплексів **не лише.., але й (і) і не лише.., а й (і)** є частка-сполучник **лише**, а комплексів **не тільки.., але й (і) і не тільки.., а й (і)** — прислівник-сполучник-частка **тільки**. Компонентами II кроку розгортання структури комплексів **не лише.., а й (і) і не тільки.., а й (і)** є сполучник-частка **а**, комплексів **не лише.., але й (і) і не тільки.., але й (і)** — сполучник-вигук-частка **але**: *Як би це добре було, коли б я не тільки спочив, а і вивіз собі матеріал для роботи* (М. Коцюбинський).

Сполучники **не стільки.., а; не стільки.., але; не стільки.., як; не так.., як** також з'єднують однорідні члени речення, з яких другий є більш важливим, суттєвим. Причому всі ці НЛК мають чотирикомпонентну структуру з ланцюговим на низуванням компонентів, початковим компонентом якої є частка **не**. У структурах НЛК **не стільки.., а; не стільки.., але; не стільки.., як** компонентом I кроку формування є прислівник-займенник **стільки**, а компонентами II кроку — відповідно сполучник-частка **а**, сполучник-вигук-частка **але**, прислівник-сполучник-частка **як**: *Його звинувачували не стільки в тому, що він зробив, а в тому, що міг зробити* (З газети); *Пронюхала Мишва, що вже нема Котів, Та швидше до мішків — І почала хазяйнувати, — Не стільки їсти, як псувати* (Л. Глібов). Комплекс **не так.., як** має структуру, яку можна відобразити у вигляді схеми частка — прислівник-частка-сполучник — прислівник-сполучник-частка: *Не так тії вороги, Як добрії люди — І окрадуть жалкуючи, Плачучи осудять* (Т. Шевченко).

Частка **не** і прислівник-частка-сполучник **так** здатні об'єднуватись у одиниці складнішої структури, наприклад у синонімічні сполучники **не так щоб.., а і не так щоб.., але**, які з'єднують однорідні члени, вносячи відтінок невизначеності в оцінку ознаки, стану. НЛК у своїй структурі мають однакову кількість компонентів і однакові початкові компоненти і компоненти I і II кроків формування структури, компонентами ж III кроку є сполучник-частка **а** і сполучник-вигук-частка **але**: *Пропозиції вносилися не так щоб регулярно, але по суті* (З газети).

Отже, нами виявлено 26 НЛК, співвідносних із еднальними сполучниками. Схеми їхньої будови мають багато спільного і відмінного. До складу усіх структур входять переважно три нарізно оформлені компоненти, яких виявлено 10 (**мало того, що; не стільки.., але**); чотирикомпонентних одиниць 8 (**а так само <і (й)>; не лише.., але й (і)**); двокомпонентних — 7 (**а також (також); як.., так**); п'ятикомпонентних — 1 (**в (у) такій мірі, в (у) якій**). Компонентами одиниць за морфологічними ознаками є прислівники-частки-сполучники — 14 (**так, як**), частки — 12 (**не**), сполучники-частки — 12 (**а, ані**), сполучники — 11 (**і (й), оскільки**), прийменники — 4 (**в (у), до**), прислівники — 4 (**мало, також**), прислівники-займенники — 4 (**стільки, тому (тім)**), займенники-прислівники-частки — 3 (**того**), сполучники-вигуки-частки — 3 (**але**), займенники — 2 (**такій, якій**), іменники — 2 (**числі, мірі**), займенники-сполучники-частки — 2 (**та, що**), дієслова — 1 (**нема**), прислівники-сполучники — 1 (**остільки**). У класичних граматич-

них студіях зазначається, що в цілому НЛК, співвідносні зі сполучниками, утворилися шляхом поєднання переважно відмінкових форм займенника **той** зі сполучниками **що** і **щоб** і прислівником **як** [12, с. 515; 1, с. 301; 11, с. 306]. Щодо досліджуваних НЛК, співвідносних з єднальними сполучниками, то найчисельнішими компонентами є частка **не** (10) і сполучник **і (й)** (10).

З'ясовано, що до складу НЛК, співвідносних із питальними частками, можуть входити однакові за морфологічними ознаками слова: сполучники (**і... і**), частки (**ні... ні**), сполучники-частки (**ані... ані**), прислівники-частки-сполучники (**як... так**).

Моделі НЛК, співвідносних з єднальними сполучниками, більш складної структури можуть бути похідними від інших, з менш складною структурою. Причому на рівні семантики вони є синонімічними. Наприклад, структура комплексу **а також (також) і (й)** є похідною від структури комплексу **а також (також)**; структура **як..., так і** — від структури **як..., так**.

Серед неповнозначних лексичних комплексів, співвідносних з єднальними сполучниками, виявлено НЛК (**до того ж**), структура якого є похідною від структури прислівникового комплексу із семантикою міри (**до того**), і НЛК (**не лише..., але й (і); не лише..., а й (і); не тільки..., але й (і); не тільки..., а й (і)**), структури яких є похідними від структур НЛК, співвідносних із частками (**не лише і не тільки**).

Структурно-семантичний аналіз усієї системи неповнозначних лексичних комплексів, співвідносних із сполучниками, дозволить сформулювати уявлення про шляхи поповнення і тенденції розвитку цього класу одиниць у системі української мови.

Список літератури

1. Безпояско О. К., Городенська К. Г., Русанівський В. М. Граматика української мови. — К.: Либідь, 1993. — 334 с.
2. Вихованець І. Р. Студії про частини мови: Термінологічний аспект // Українська термінологія і сучасність. Випуск VI. — К.: вид-во Київ. нац. економ. ун-ту, 2005. — С. 3–7.
3. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. — К.: Наукова думка, 1988. — 255 с.
4. Городенська К. Г. Функціональні зони сполучників в українській науковій мові // Українська термінологія і сучасність. Випуск VI. — К.: вид-во Київ. нац. економ. ун-ту, 2005. — С. 7–13.
5. Леденёв Ю. И., Хворостухина Э. П. Пропедевтическое изучение служебных слов // Русский язык в школе. — 1971. — №3. — С. 17–20.
6. Лучик А. А. Роль сполучень, еквівалентних слову, у структурній організації речень // Актуальні проблеми синтаксису. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 85-річчю проф. І. І. Слинька. — Чернівці, 1997. — С. 66–71.
7. Медведев Ф. П. Система сполучників в українській мові: Короткий нарис. — Харків: вид-во Харк. держ. ун-ту, 1962. — 87 с.
8. Петерсон М. Н. О частях речи в русском языке // Вопросы грамматического строя. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 27–43.
9. Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. — М.: Рус. яз., 1991. — 254 с.
10. Словник української мови: В 11 т. — Т. 1-11. — К.: Наук. Думка, 1970–1980.

11. Сучасна українська літературна мова / За ред. М. Я. Плющ. — К.: Вища школа, 2001. — 429 с.
12. Сучасна українська літературна мова. Морфологія / За ред. І. К. Білодіда. — К.: Наукова думка, 1969. — 581 с.

Бутко Л. В. Неполнозначные лексические комплексы (НЛК), соотнесенные с соединительными союзами, в аспекте структурно-семантических свойств.

В работе производится исследование формы выражения и внутренней организации неполнозначных лексических комплексов, соотнесенных с соединительными союзами, определяются и описываются модели, по которым происходит их образование, устанавливаются системные связи исследуемых элементов.

Ключевые слова: неполнозначный лексический комплекс, соединительный союз, семема, модель структуры.

Butko L. V. Semi-meaningful Lexical Complexes (SLC) Correlating to the Copulative Conjunctions in the Aspect of Structural and Semantic Features

The article deals with the research of forms of expression and inner structure of semi-meaningful lexical complexes correlative to the copulative conjunctions. The structural models as well as system links of the investigated elements are also determined and described.

Key words: semi-meaningful lexical complex, copulative conjunctions, sememe, structural model.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2006 г.

УДК 801.541.2

СЕМАНТИКА МЕТАСЕМАНТИКИ

А. Н. Гордей

При помощи геометрического метода объясняется приоритет модели мира над языковой картиной мира, излагаются начала теории автоматического порождения архитектуры знаний, предлагается алгебраический аппарат для исчисления семантических примитивов, приводятся примеры формального описания информационного фрагмента русской глагольной семантики в зависимости от суперпозиции процессов познания.

Ключевые слова: модель мира, внутренний код, стереотип, языковая картина мира, семантический примитив, семантическая аксиома.

*Определите значения слов и вы избавите
человечество от половины его заблуждений.*

Декарт

Нужно исправить имена... Ведь если не подходит имя, то неуместно его толкование; коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле...

Конфуций

Бурное развитие во второй половине XX века электронно-вычислительной техники в итоге привело к тому, что наука получила в свое распоряжение еще примитивную, но уже показательную модель информационных процессов, предшествующих интеллектуальной деятельности. До изобретения ЭВМ рассуждения о взаимосвязи языка и мышления в философии, психологии, языкознании и других смежных науках носили гипотетический характер. Стало ясно, что интегральные схемы компьютера, какими бы сложными они ни были, не могут работать без программного обеспечения, точно также мозг человека, каким бы совершенным он ни был, не в состоянии функционировать без врожденного интеллекта. Подтверждением тому является наличие у трехлетнего ребенка знаний о мире, срок обучения которым во много раз превышает продолжительность его жизни. Такое возможно, если допустить, что интеллект ребенка на начальном этапе познания не столько создает новые «файлы», сколько активизирует вложенные, иными словами, ребенок не столько приобретает знания, сколько «вспоминает» о них. Отсюда понятно, почему возрастание объема информации в эпоху научно-технического прогресса не увеличивает сроки подобного «обучения». Как же в дальнейшем пополняются знания?

Человек воспринимает мир органами чувств. Снятая ими копия мира поступает в интеллект, который распознает ее благодаря врожденной способности выделять и кодировать повторяющиеся элементы¹ с опорой на исходный набор первичных понятий

¹ Об элементах представления см.: Мартынов В. В. Семиологические основы информатики. Мн., 1974.

о мире или *стереотипов*. Присваивая каждому элементу определенный внутренний код [8; 10], интеллект формирует на подсознательном уровне вторичные понятия или *стереотипы стереотипов*. Например, в зрительном образе стола и стула повторяется одна и та же деталь, выступающая в качестве опоры несущей поверхности. Распознавание этой детали создает метастереотип ножки. Сравнивая стереотипы и выводя из одних стереотипов другие, интеллект выстраивает *модель мира*, от степени развития которой зависит его способность автоматически решать задачи. Например, если человека попросят принести молока в пластмассовом футляре из-под очков, он удивится сомнительной просьбе, но поймет, что при желании ее можно выполнить, потому что футляр — это емкость, молоко — это жидкость, а емкости свойственно заключать в себе жидкость. Если затем его спросят, что произойдет, если футляр с молоком ударить о пол, то человек тут же ответит, что футляр разобьется, а молоко разольется. В своем выводе он будет настолько уверен, что даже не попытается его проверить, хотя никогда не сталкивался с подобным на практике. Еще одной хорошей иллюстрацией того, что работа интеллекта на подсознательном или досознательном уровне опирается на внутренний код и построенную с его помощью модель мира, является поведение животных. Они не располагают человеческим языком, однако их интеллект также в состоянии решать довольно сложные задачи. Например, собака не повторяет зигзаги преступника, а гонится за ним по кратчайшему расстоянию, мгновенно вычисляя разницу скоростей. Кошка не будет прыгать за птицей, если она далеко. Лисица распознает стеклянную преграду, а муха — нет. Животные по-разному реагируют на взрослых людей и детей. Приходилось быть свидетелем неоднократных соревнований в беге между двухлетним ребенком и собачкой за место у деда на коленях. Если удача улыбалась ребенку, то собачка пыталась сорвать с него тапочки и затащить их под стол, ребенок с плачем бросался на поиски, а собачка — с радостью на его место. Если первой оказывалась собачка, то уже ребенок тащил собачью миску под стол. Как видим, прежде чем связно говорить, дети выучиваются не только ходить, но и кое-что понимать.

Однако без языка человеку все же не обойтись. Он не может долго терпеть, чтобы непонятно откуда взявшаяся мысль непрестанно терзала его, а хочет сам управлять интеллектуальным процессом. Для этого ему нужен язык, который, декодируя часть модели мира, обеспечивает к ней доступ сознанию. В результате возникает *языковая картина мира*². Значения языковых знаков нечетки³ и неопределенны⁴, но благодаря поддержке модели мира этот недостаток не слишком ощущим, зато

² О модели мира и языковой картине мира см. также: Гордей А. Н. Части языка вместо частей речи // Язык. Глагол. Предложение. Смоленск, 2000. С.258–271; Он же. Парадигма частей языка // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно, 2003. С.173–179; Он же. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Гродно, 2005. С.32–35; Он же. Лингвистическая пропедевтика // Беларусь в современном мире. Минск, 2006. С.226–229.

³ См.: Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976; Міхневіч А. Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мн., 1976; Pike K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. The Hague-Paris, 1967.

⁴ О феномене языковой неопределенности см.: Мартынов В. В. Категории языка. М., 1982; Он же. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Мн., 2001.

появляется возможность минимальным количеством языковых средств обозначать максимальное количество понятий, что очень удобно сознанию. Язык — это сплошные метафоры: 'стоять под дверью', 'жить под Москвой', 'сесть на диету', 'забить гол', 'пробить дырку', 'переступить с ноги на ногу', 'варить кашу', 'выйти из себя', 'есть руками' и т. д., поэтому без критического отношения к языку, без осознания того, что в основе мышления лежит внутренний код, а **язык является, прежде всего, средством сознательного управления интеллектуальной деятельностью, протекающей, главным образом, на подсознательном уровне**, что именно внутренний код конструирует модель мира, которая затем интерпретирует язык, и что лишь благодаря жизненному опыту мы правильно понимаем фразы, типа *варить кофе в кофейнике* и *варить кофе в кабинете*, — без осознания всего этого — вряд ли удастся добиться непротиворечивости и сопоставимости семантических описаний конкретных этнических языков, заметить за их разнообразием единство глоттогонического процесса.

Раз в своей жизнедеятельности человек в основном полагается на зрение, ему, как говорится, «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», приоритет геометрических образов модели мира над языковыми легко проследить на конкретных геометрических примерах [9, с. 120]. Пусть 'прямоугольник' обозначает стол (такова форма его поверхности, которая сразу привлекает внимание), а 'квадрат', соответственно, — стул. Тогда первые три варианта комбинаторики на рис. 1 декодируются как: 'обеденный стол' (I), 'кабинет начальника' (II), "аудитория" (III).

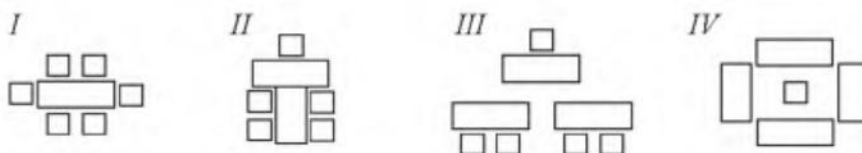

Рис. 1.

Комбинаторика (IV) однозначной расшифровке не поддается, поскольку изображенное соположение столов и стульев в модели мира не является стереотипным, т. е. мы не только не сталкивались с подобной ситуацией в жизни, но и накопленный опыт подсказывает, что перед нами, скорее всего, бессмысленный текст, ибо непонятно, каким образом могут быть использованы столы сидящим на стуле, да и добираться до стула придется, перелезая через столы.

Любопытно, что различие между моделью мира и языковой картиной мира первыми почувствовали писатели и научились обыгрывать его в художественных целях. Сказанное подтверждают два примера из английской и русской прозы XIX – XX веков. Роман М. Булгакова "Собачье сердце", Швондер Преображенскому: "Пришли к вам после общего собрания жильцов дома, на котором стоял вопрос... — Кто на ком стоял? — крикнул Филипп Филиппович, — потрудитесь излагать ваши мысли яснее". Сказка Л. Кэрролла "Алиса в Стране чудес", перевод фрагмента Ю. Данилова: "— Глупости! — рассердилась Мышь... — Как я от них устала! Этого просто не вынести! — А что нужно вынести? — спросила Алиса. (Она всегда готова была услужить.) — Разрешите, я помогу! — И не подумаю! — сказала обиженно

Мышь... — Болтаешь какой-то вздор! Ты, верно, хочешь меня оскорбить!”

Что же касается большинства языковедов, то вникнуть в обсуждаемую проблематику им мешает известная лингвистическая трудность, на которую неоднократно указывали Л. Ельмслев и У. Вейнрейх, а именно: совпадение объекта и инструмента исследования — в обоих случаях естественного языка [7; 3; 4]. Такое совпадение при потере бдительности исследователя неизбежно приводит к смешению теории с метатеорией и, как следствию, к логическому парадоксу Рассела⁵. В результате возникает иллюзия противоречивости языка, а на деле противоречивой оказывается теория языка. Наука заканчивается там, где начинается противоречие, поэтому Э. Бенвенист, размышляя над парадоксальностью языка, утверждал: “Вообразить существование такой стадии в развитии языка, пусть сколь “первобытной”, но тем не менее реальной и “исторической”, когда какой-либо предмет *обозначался бы* как таковой и в то же время как любой другой и когда *выражаемое* отношение было бы отношением постоянного противоречия, отношением непринадлежности к системе отношений, когда все было бы самим собой и одновременно чем-то совершенно иным, следовательно, ни самим собой ни другим, — значит вообразить чистейшую химеру” [1, с. 122 – 123].

Неизбежность коллизий при интуитивном описании языковой семантики, которые проявляются, прежде всего, в семантических парадоксах⁶, кругах⁷ и тавтологиях⁸, хорошо понимали Ю. Д. Апресян и его последователи. Еще в 1972 году А. Вежбицка в своей книге “Семантические примитивы” писала: “Теоретическая семантика, если она действительно стремится к познанию и подробной фиксации семантической структуры человеческой речи, не может остановиться на полпути. Она должна довести минимизацию (*reduction*) до конца, до тех пор, пока она не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, которые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению” [2, с. 244]. Однако выполнение заявленной программы столкнулось с непреодолимыми препятствиями,

⁵ Содержание парадокса: «Множество есть собрание объектов. Большинство множеств не являются элементами самих себя. Множество всех котов, например, не является элементом самого себя, потому что оно само не кот. Возможны, однако, и такие множества, которые принадлежат сами себе как элементы, а например, множество всех множеств. Рассмотрим теперь множество А всех таких множеств Х, что Х не есть элемент Х. Согласно определению, если А есть элемент А, то А также и не есть элемент А, и если А не есть элемент А, то А есть элемент А. В любом случае А есть элемент А и А не есть элемент А» (цит. по: Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М., 1971. С. 7).

⁶ Пример семантического парадокса Греллинга: «Прилагательное называется *автологическим*, если свойство, которое оно обозначает, присуще ему самому. Прилагательное называется *гетерологическим*, если свойство, которое оно обозначает, ему самому не присуще. Так, например, прилагательные «многосложный», «русский» являются автологическими, а прилагательные «односложный», «французский» — гетерологическими. Рассмотрим прилагательное «гетерологический». Если это прилагательное гетерологично, то оно негетерологично, если же оно негетерологично, то оно гетерологично. Итак, в любом случае прилагательное «гетерологический» является гетерологическим и негетерологическим одновременно» (цит. по: Мендельсон Э. Введение в математическую логику... С. 7–9).

⁷ Пример семантического круга в Словаре русского языка С. И. Ожегова (М., 1984): «Уверить. То же, что убедить (в 1 знач.)» (с. 713). «Убедить. 1. Заставить поверить чему-н.» (с. 712). Перекрестный анализ толкований значений слов показал, что семантический круг наступает после пяти вхождений. См.: Русский семантический словарь. М., 1982.

⁸ Пример семантической тавтологии в Словаре русского языка С. И. Ожегова: «Увеличить. Сделать больше» (с. 713). «Уменьшить. Сделать меньше» (с. 722).

потому что семантические примитивы пытались найти в языке, а их следовало искать в модели мира, для чего ее необходимо было отделить от языковой картины мира и представить геометрически. Каким образом формализация стереотипов модели мира проясняет семантику языковых знаков, мы показали в теории автоматического порождения архитектуры знаний [5; 6]. Прежде, чем перейти к ее основным положениям, напомним знаменитое высказывание Г. фон Рейхенбаха о геометрии: “Базис ее был задан геометрическими аксиомами, из которых были выведены все теоремы. Великое практическое значение этой конструкции состоит в том, что она обеспечила геометрии такую достоверность, которой не достигала до этого ни одна наука... Геометрия стала, таким образом, примером доказательной науки, образцом научной строгости, которая с тех пор была признана идеалом каждой науки” [11, с. 18].

Пусть R^3 с трехмерное евклидово пространство, в котором находятся восемь замкнутых и четыре открытых шара. Открытые шары не пересекаются. Каждый открытый шар содержит в себе два замкнутых, причем один замкнутый шар вложен в другой. Вложенный замкнутый шар меньше заключающего его замкнутого шара. Замкнутый шар, заключающий вложенный замкнутый шар, меньше открытого. Каждый вложенный замкнутый шар имеет замкнутый граничный шаровой слой. Каждый замкнутый шар, заключающий вложенный замкнутый шар, имеет граничную сферу. Открытые шары границы не имеют (рис. 2):

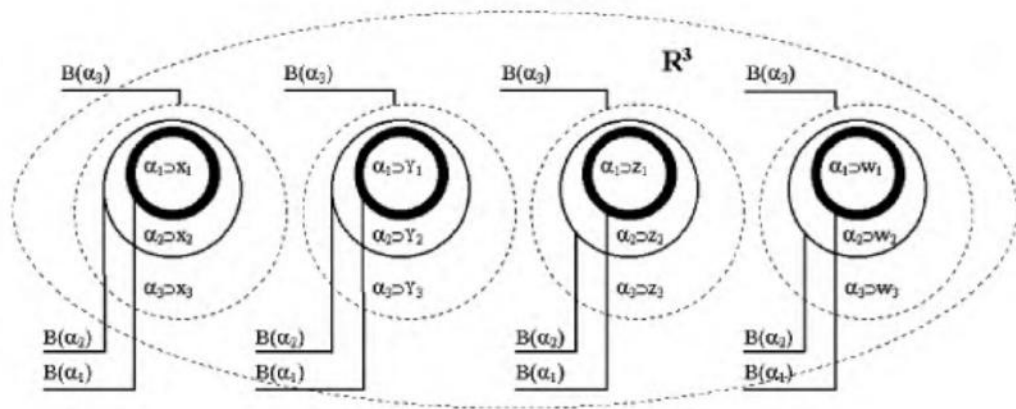

Рис. 2.

$\alpha_1 \subset \alpha_2 \subset \alpha_3 \subset R^3$, $\alpha = X, U, Z, W$; $X \cap U \cap Z \cap W = \emptyset$;

α_1 и α_2 — замкнутые шары, α_3 — открытый шар;

$B(\alpha_1)$ — замкнутый граничный шаровой слой;

$B(\alpha_2)$ — граничная сфера;

$B(\alpha_3) = \emptyset$.

На геометрических объектах вводятся следующие операции:

1) операция продления (символ — ‘крышка’): $\bar{\alpha}_1$ — продление α_1 до α_2 ($\bar{\alpha}_1 = \alpha_2 \setminus \alpha_1$), $\bar{\bar{\alpha}}_1$ — продление продления α_1 до α_3 ($\bar{\bar{\alpha}}_1 = \alpha_3 \setminus \alpha_2$);

2) некоммутативная операция совмещения α_1 и продлений α_1 (символ * ‘звездоч-

ка'): $\alpha_1 * \bar{\alpha}_1 = \bar{\alpha}_1$ — преобразование α_1 в продление $\bar{\alpha}_1$, $\bar{\alpha}_1 * \alpha_1 = \alpha_1$ — преобразование продления α_1 в α_1 ;

3) операция взятия внутреннейности α_1 и продлений α_1 (символ $\sim$ 'волна'): $\tilde{\alpha}_1 = \alpha_1 \setminus V(\alpha_1)$, $\tilde{\bar{\alpha}}_1 = \bar{\alpha}_1 \setminus V(\bar{\alpha}_1)$, в случае α_1 — это отбрасывание граничного шарового слоя, в случае $\bar{\alpha}_1$ — отбрасывание граничной сферы.

Вводятся следующие правила:

1) построения —

$X * \bar{X}$;

$(X * \bar{X}) * \bar{Y}$;

$((X * \bar{X}) * \bar{Y}) * \bar{Y}$;

$((((X * \bar{X}) * \bar{Y}) * \bar{Y}) * \bar{Y}) * Y$ и т. д.;

2) сокращения —

$(((((X * \bar{X}) * \bar{Y}) * \bar{Y}) * Y) * \bar{Y}) * \bar{Y} = ((X * \bar{X}) * \bar{Y}) * \bar{Y}$ — допускается выбрасывание из середины выражения индивидов, если это не влияет на результат выражения;

3) преобразования —

$(\alpha_1 * \bar{\alpha}_1) * \bar{\alpha}_1 \rightarrow \alpha_1 * (\bar{\alpha}_1 * \bar{\alpha}_1)$ — общее правило преобразования,

$((X * \bar{X}) * \bar{Y}) * \bar{Y} \rightarrow (X * (\bar{X} * \bar{Y})) * \bar{Y} \rightarrow X * ((\bar{X} * \bar{Y}) * \bar{Y}) \rightarrow X * (\bar{X} * (\bar{Y} * \bar{Y}))$ — правило преобразования сокращенного выражения⁹.

Пусть элементы множества α_1 представляют ядра предметов, элементы множества продления α_1 — оболочки предметов, элементы множества продления продления α_1 — среды предметов. Ядро, его оболочка и среда образуют статическую микросистему α_3 , ядро и его оболочка — подсистему α_2 микросистемы α_3 . Оболочка есть постоянное ближайшее окружение ядра, среда — его переменное ближайшее окружение. Ядро, его оболочка и среда образуют статическую микросистему α_3 , ядро и его оболочка — подсистему α_2 микросистемы α_3 . Статическая микросистема α_3 переводится в динамическое состояние при слиянии ядра с его оболочкой. Примером перевода статической системы в динамическую может послужить активизация земной поверхности вследствие вулканической деятельности (совмещения глубинных слоев Земли с ее поверхностью). Динамическая система оказывает воздействие на ближайшие к ней статические системы. В рассматриваемой модели мира процесс развивается слева направо от микросистемы X_3 к микросистеме W_3 . Непосредственным инициатором процесса в микросистеме X_3 и перевода ее в динамическое состояние является ядро X , которое выступает в роли *субъекта* действия. Оболочка предмета Y , на которую направлено действие, выполняет роль *объекта*, оболочка ядра X , при помощи которой осуществляется действие, — *инструмента*, среда предмета Y , при содействии которой протекает действие, — *медиатора*. В процесс последовательно вовлекаются от двух до семнадцати индивидов, от двух до четырех микросистем, причем распределение ролей между микросистемами аналогично распределению ролей между индивидами: микросистема X_3 выполняет роль *составного*

⁹ Более подробно о формализованной стороне теории автоматического порождения архитектуры знаний см.: Гордей А. Н. Дедуктивная теория языка. Мн., 1998. С. 8-21.

субъекта, микросистема W_3 — *составного объекта*, ближайшая к X_3 микросистема Y_3 выполняет роль *составного инструмента*, ближайшая к W_3 микросистема Z_3 — *составного медиатора*. При совмещении индивидов и микросистем происходит передача импульса от активного индивида к пассивному, от динамической микросистемы к статической. Поглощая активный индивид и воспринимая его импульс, пассивный индивид активизируется, статическая микросистема динамизируется. Очередность совмещения индивидов, как и последовательность перетекания импульса от активного индивида к пассивному, в выражениях отмечена круглыми скобками.

Постулируется параллелизм и симметрия физических и информационных процессов: для передачи информации необходим информационный носитель, который оказывает на объект физическое воздействие, вместе с тем по изменениям, происходящим в предметах после их физического взаимодействия, можно судить о характере самого взаимодействия. Выдвижение в процессе на первый план физической или информационной составляющей производится наблюдателем. Учитывая требование формализованной теории в одно-однозначном соответствии между представлением и содержанием, для разграничения выражений, описывающих физический или информационный процесс, используется оператор взятия внутренности. Сокращенное выражение с оператором взятия внутренности у первого индивида передает информационный процесс, без оператора взятия внутренности — физический.

Вводятся семантические аксиомы (правила интерпретации типовых совмещений индивидов). Перечислим некоторые из них:

$\alpha_1 * \bar{\alpha}_1$ после $\alpha_1 * \bar{\alpha}_1$ (совмещение α_1 со своей оболочкой) — *истоцать* α_1 ;

$\bar{\alpha}_1 * \bar{\alpha}_1$ после $\alpha_1 * \bar{\alpha}_1$ при:

$\alpha_1 = \alpha$ (совмещение α со своей средой) — *аннигилировать* α ;

$\alpha_1 = \alpha, \beta$ (совмещение α со средой β) — *перемещать* α ;

$\bar{\alpha}_1 * \bar{\alpha}_1$ после $\tilde{\alpha}_1 * \bar{\alpha}_1$ при:

$\alpha_1 = \alpha, \beta$ (совмещение внутренности α со средой β) — *транслировать* α ;

$\bar{\alpha}_1 * \alpha_1$ после $\alpha_1 * \bar{\alpha}_1$ (совмещение оболочки α_1 с α_1) — *формировать* α_1 ;

$\tilde{\alpha}_1 * \tilde{\alpha}_1$ после $\alpha_1 * \bar{\alpha}_1$ (совмещение внутренности оболочки α_1 с внутренностью α_1) — *реанимировать* α_1 и др.¹⁰.

После того, как неконвенциональность семантического двойника¹¹ для геометрической модели мира задана, т. е. значение не приписывается формуле, а выводится из ее структуры, можно приступать к толкованию слов и формализации этапов познания¹²:

$$((\tilde{X} * \bar{X}) * \bar{Y}) * \bar{Y} \rightarrow (\tilde{X} * (\bar{X} * \bar{Y})) * \bar{Y} \rightarrow \tilde{X} * ((\bar{X} * \bar{Y}) * \bar{Y}) \rightarrow \tilde{X} * (\bar{X} * (\bar{Y} * \bar{Y})) \rightarrow$$

воспринимать   запоминать   осмысливать   понимать

¹⁰ Более подробно о семантической стороне теории автоматического порождения архитектуры знаний см.: Гордей А. Н. Дедуктивная теория языка... С. 22-27.

¹¹ Термин заимствован из: Wolniewicz B. A Formal Ontology of Situations // Studia Logica. 1982. Т. 41. № 4.

¹² Ср. с общепринятыми теориями отражения мира в сознании.

$$\begin{aligned} \rightarrow ((\tilde{X} * \bar{X}) * \bar{Y}) * \tilde{Y} &\rightarrow (\tilde{X} * (\bar{X} * \bar{Y})) * \tilde{Y} \rightarrow \tilde{X} * ((\bar{X} * \bar{Y}) * \tilde{Y}) \rightarrow \tilde{X} * (\bar{X} * (\bar{Y} * \tilde{Y})) \rightarrow \\ &\text{перенимать} \quad \text{заучивать} \quad \text{обдумывать} \quad \text{усваивать} \\ \rightarrow ((\tilde{X} * \bar{X}) * \tilde{Y}) * \bar{Y} &\rightarrow (\tilde{X} * (\bar{X} * \tilde{Y})) * \bar{Y} \rightarrow \tilde{X} * ((\bar{X} * \tilde{Y}) * \bar{Y}) \rightarrow \tilde{X} * (\bar{X} * (\tilde{Y} * \bar{Y})) \dots \\ &\text{прочувствовать} \quad \text{созерцать} \quad \text{переживать} \quad \text{изведывать} \end{aligned}$$

В заключение отметим то, что изложенная в статье точка зрения обосновывает один из возможных способов исчисления семантики. Несмотря на то, что этот способ по ряду показателей превосходит аналоги, он не исключает их, подобно тому, как геометрия Евклида не исключает геометрии Лобачевского — критика одной дедуктивной теории с позиций другой лишена содержания. Языковая семантика многогранна и допускает различные способы формализации. Однако, подобно геометриям, все способы должны быть непротиворечивы и эффективны в решении стоящих перед ними задач, и те, кто спорят с этим, по меткому выражению Г. фон Рейхенбаха, лишь «путают строгость метода с ограниченностью цели» [11, с. 16].

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика: Антология. М., 2001.
3. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1970.
4. Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981.
5. Гордей А. Н. Дедуктивная теория языка. Мн., 1998.
6. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Мн., 1998.
7. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960.
8. Мартынов В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Мн., 2001.
9. Мартынов В. В. Семиологические основы информатики. Мн., 1974.
10. Мозговые коды психической деятельности. Л., 1977.
11. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985.

Гордей А. Н. Семантика метасемантики.

За допомогою геометричного метода пояснюється пріоритет моделі світу над мовною картиною світу, висловлюються основи теорії автоматичного породження архітектури знання, пропонується алгебраїчний апарат для вирахування семантичних примітивів, приводяться приклади формального описування інформаційного фрагмента російської дієслівної семантики в залежності від суперпозицій процесів знання.

Ключові слова: модель світу, внутрішній код, стереотип, мовна картина світу, семантичний примітив, семантична аксіома.

Gordey A. N. Semantic of metasemantic.

The priority of the «world model» to the «language picture of the world» is explained with geometric methods. The principles of the Theory of Knowledge Architecture Automatic Formation are stated, and algebraic tools for the calculus of semantic primitives are determined. The examples of formal description of the information segment of the Russian verbal semantics are given according to their dependence on the superposition of the cognitive processes.

Key words: world model, inner code, stereotype, language picture of the world, semantic primitive, semantic axiom.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2006 г.

УДК 811.161.1'42

БОЛЕЛЬЩИК КАК СУБЪЕКТ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА (ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ)

И. Е. Дубчак

В статье проанализировано поэтическое творчество поклонников фигурного катания. Болельщики представлены в качестве субъекта спортивного дискурса, выражающего и определяющего его концептуальную сторону.

Ключевые слова: дискурс, спортивный дискурс, субъект дискурса, концепт.

Спорт привлекает внимание исследователей не только как явление культуры (А. Сарна, В. Зверева, М. Уваров, П. Слотердейк, В. Д. Юнгханс), но и как лингвистически интересная сфера человеческой жизни. Многочисленные работы, выполненные в русле системного подхода (З. Буляж, Ф. Шалгин, Н. Андреев, В. Забржицкий, С. Кондрашкина и др.) сменяются новыми исследованиями коммуникативной, лингвокультурологической, лингвосомиотической направленности (К. Величко, И. Новикова, А. Зильберт, Б. Зильберт, М. Гампер), что в конечном итоге позволяет рассматривать спорт как основу особого типа институционального дискурса.

Описывая различные явления спортивного дискурса (далее СД), ученые лишь частично затрагивают проблему субъекта речевой деятельности. В. И. Карасик называет СД в ряду других типов институциональных дискурсов и указывает, что «ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации» [5, с. 7]. А. Б. Зильберт отмечает тенденцию к сращению спортивного дискурса с масс-медийным [2, с. 45] и в связи с этим выделяет базовую пару «журналист — читатель/слушатель/зритель» [2, с. 50]. В качестве примеров сферы функционирования СД ученый приводит: печатные спортивные массовые издания, спортивные рубрики ежедневных неспортивных газет, а также различные виды спортивных программ на радио и телевидении [там же]. Однако электронные средства массовой информации остались вне поля внимания исследователя, в то время как их анализ позволит уточнить и расширить круг участников коммуникации в спортивном масс-медийном дискурсе, что и обусловило актуальность данного исследования.

СД в интернете существует в различных жанрах (обсуждение статей, специализированные форумы, чаты и др.), большинство из которых позволяет проявлять себя прежде «пассивному» клиенту институционального дискурса. Общение болельщиков, фанатов, любителей, случайных людей на спортивные темы ранее чрезвычайно трудно было зафиксировать, теперь же они сохраняются в электронном виде и представляют ценный материал для исследования. А. Б. Зильберт указывает на персональность, т. е. на неинституциональность подобного общения: «часто именно в бытовом дискурсе тематическое содержание общения относится к сфере спорта» [1,

с. 106]. Однако добровольность и желательность контактов, взаимодействие разных культурных слоев и неограниченность выбора потенциальных собеседников в электронной коммуникации [7, URL] противоречат традиционным критериям бытового дискурса (близкая социальная дистанция и/или вынужденное общение [1, с. 106]). Если институциональное общение требует подготовленности (вплоть до специального образования [3, с. 58]), а пользователи, высказывающиеся на форумах, считают себя достаточно компетентными, чтобы судить о поведении спортсменов, то общение на форумах, посвященных спорту, также принадлежит СД как институциональному.

Особого внимания заслуживает творчество болельщиков какого-либо вида спорта. Литературное произведение “захватывает и художественно преломляет” [8, URL] актуальные проблемы, концепты дискурса, поэтому анализ поэзии поклонниц фигурного катания позволит выявить ККМ этого вида спорта. Поскольку “совокупность высказываний осуществляется в определенных условиях, но и сами производят те обстоятельства, при которых они могут состояться” [6, URL], то творчество болельщиков имеет не только эксплицирующую, но и конститутивную функцию в СД.

В данной статье впервые представлен анализ речи болельщиков, фанатов как важных участников СД. Объектом изучения стало творчество поклонниц А. Ягудина и Е. Плющенко на сайтах www.yagudin.spb.ru/cr.php и <http://plushenko.ru/poetry.html>. Предмет включает в себя проявления спортивного дискурса как сложного единства языковой формы, значения и действия. Задачи исследования: 1) определить создаваемый авторами образ фигуриста; 2) выделить типичные и частные атрибуты; 3) уточнить типичное отношение автора-повествователя к объекту описания.

Поэтическое творчество болельщиков представляет собой особую разновидность спортивного дискурса, объединяющую в себе черты институционального и личностно-ориентированного дискурса, а именно бытийного. Авторы пытаются раскрыть свой внутренний мир посредством разветвленной системы образов. Несмотря на довольно невысокий художественный уровень большинства стихотворений надо отметить, что встречаются отдельные случаи сильного “смыслового прорыва” [4, URL], имеющего черты глубокой философичности и мифологичности. С другой стороны, творчество болельщиков сохраняет принадлежность к спортивному дискурсу, поскольку в нем регулярно артикулируются реалии спорта: оценки, названия элементов, зрители, судьи, соперники и т. д.

Едва ли не самым распространенным мотивом в творчестве поклонниц является мотив божественности. С ним связаны мотивы, представленные приблизительно в равной мере: богоизбранность, богоподобность, кумир (идол), космизм, молитва. Божественность осмысливается синкретично, объединяет христианскую, античную и языческую (в обрядовом и мифопоэтическом аспектах) картины мира.

К христианскому пониманию Бога тяготеют следующие мотивы: 1) молитва Богу за фигуриста: *Молюсь я за тебя, молюсь...* 2) безгрешность, чудотворность и способность прощать грехи: *...Её (его улыбку — прим. И. Д.) уви-*

дети способен слепой... 3) богоизбранность или божественный дар: ... Голос Бога в сердце слышишь...

С античным представлением о божественности спортсмена связано участие и особенно победа на Олимпийских играх: *... Ты теперь Олимпийских богов чемпион... Большая роль здесь также играет идея пантеизма. В таком случае фигурист представляется как новый, другой бог, чаще всего бог льда или бог для поклонников: ... Ты — Бог на льду... ... Мальчик, кто Вы, светлоокий// Новый бог?..*

Обрядовый компонент языческой картины мира представлен в мотиве поклонения кумиру и в мотиве клятвы: *... Ты сейчас подобен Богу, // Мы поклоняемся тебе!... Я клянусь над огнём свечи... Интересным с точки зрения психологии болельщиков является осознание некоторыми авторами ложной божественности кумира: ... На льду ты — икона, а в жизни — дубина... Мифопоэтическое представление о Боге воплощается в мотивах космизма: ... В движениях весь мир сокрыт... ... Вселенная в его глазах... ... Кто на твой облик невечный поставил// Эту печать бесконечной Вселенной?*

Мотив божественности, с одной стороны, через мотив ангелоподобности соединяется с мотивами птицы, полета, высоты; с другой стороны, посредством образа “владыки” связан с типичными для творчества поклонниц мотивами “король”, “принц” и др.

Птицеподобность воплощается не только в сравнении “руки — крылья” и “полетности, воздушности” движений. В отдельных случаях появляется мотив “свободы/несвободы”: *... Ты птица, ты вольная птица... ... Как тесен для тебя арены круг!// Ты здесь, как будто в клетке, ведь ты — Птица!..* Мотив полета варьируется: от реалистического: *... прыжок — полет.// И замирает вздох... — до метафорического: ... Ты взлетаешь к высотам небес...*

“Король” — типичный образ в творчестве поклонниц. В основе своей имеет мотивы завоевания и/или покорения: льда, соперников, зрителей, всего мира. Золотая медаль ассоциируются с восшествием на престол, церемония награждения — с коронацией, соревнования — со сражением. Вариации образа: лорд, принц, герой, рыцарь и подобные. В редких случаях авторами осознается относительность и непостоянство титула “король”, власть толпы над ним: *Толпа кричит: «Ты Бог!» Как трудно не поддаться, // Не крикнуть вслед ей «Да» и не взойти на трон... ... Но не тебя они, а Короля встречали, // Просто в тот миг для них тем Королем был ты...*

Гениальность, талант фигуриста находят свое отражение в образах искусства. Спортсмен в таком случае предстает как “актер”, “художник”, “одинокий странник-музыкант”, “поэт совсем другого мира”. Для него лед — сцена, “картина, ещё не написанная... бумага для будущей книги”.

Фигурист в концептуальной картине мира поклонниц — существо сказочное, волшебник, который творит чудеса и сам является чудом, сказочный мальчик-принц и пленник Снежной Королевы-Зимы: *Зима его украла... ... Он сам со снежинкой в сердце живет... ... Принц ледовый, прекрасный и гордый...*

Мотивы сна, мечты продолжают цепочку образов нереального мира. Они включают, в основном, надежду на встречу с объектом обожания. Но может быть и наоборот — реальная встреча кажется сном. Однако сон может стать бредом, безумием, а мечта — обманом, миражом: ... *Твое имя — мое наваждение, // Все, что сказано выше — безумство...* Интересно, что осознание призрачности своей любви встречается гораздо чаще, чем амбивалентность других мотивов (по сравнению с мотивами божественности — в 12 раз, с мотивами “король, принц” — в 5 раз).

Очень типичным именно для фигурного катания является лейтмотив “свет, тепло — холод, лед”. По периодичности возникновения он значительно превышает частотность мотивов “сон, мечта”, равен всему комплексу мотивов “Бог/Король” и уступает лишь признаниям в любви, т. е. объективации отношений “болельщик — спортсмен”.

Первая часть диады — мотивы света и тепла — обычно проявляются в образах луча, звезды, солнца, огня. Лишь в редких случаях эти образы возникают автономно, обычно они противопоставлены тьме и холоду. Интересны также переходные состояния — мотивы сумерек (рассвет/закат).

“Луч” чаще всего появляется в мотивах “луча света в темном царстве”. В прямом значении это свет софитов на показательных выступлениях: ... *Зал темный. В луче света ты встаешь...* К метафорическому значению данного образа примыкает образ “света в конце туннеля” и подобные: ... *Ты свет дневной в безмолвной ледяной ночи...*, где ночь — обыденный мир.

Важным для понимания авторефлексии поклонниц является противопоставление “Он — свет, тепло, Она — тьма, холод”: ... *Он солнце и звезды, а я — пустота...*

Мотив звезды реализуется в творчестве поклонниц в трех вариантах: в стандартной номинации шоу-бизнеса — *звезда, суперзвезда*; в образе звезды путеводной: ... *Его звезда тебе дорогу осветила...*; в прямом смысле “небесное тело”, которое имеет существенное мифопоэтическое значение — играет роль свидетелей признания в любви, символизирует связь с неземным, принадлежность Космосу: ... *Тощие кошки с задумчивым взглядом // Смотрят на звезды глазами твоими...*

Мотив сумерек реализуется как время сна, мечты (брета, обмана), переходности, хаоса: ... *Вместе навстречу рассвету идем // Сквозь злые сумерки ада...* Расставание ассоциируется с закатом, угасанием (искры, звезды, огня — ЕГО), встреча — с рассветом.

Лед в творчестве поклонниц является 1) реальным местом соревнований, 2) врагом, соперником, напарником, 3) атрибутом душевной жизни спортсмена. Особого внимания заслуживают два последних значения. ... *Холодный лед, бездушный, неживой, // Застыл, как смерть, до твоего прихода...* Задача и функция спортсмена — оживить и покорить его, сделать союзником.

С третьим значением “лед — атрибут душевной жизни спортсмена” связаны мотивы холода, зимы, снега. Материал исследования именно в этой реализации

мотива дает наибольшую степень индивидуализации образов конкретных фигуристов. Если мотивы огня и тепла разнятся незначительно (Плющенко 2:1 Ягудин), то в поэзии, посвященной Ягудину, мотивы “холод, лед, зима” в 9 раз превышают частотность тех же мотивов у Плющенко. Предположительно, причиной такого дисбаланса стали следующие события и явления в жизни фигуриста: “Зима” — короткая программа и часть показательных выступлений на Олимпийских играх-2002; “фирменная” дорожка шагов с выбиванием зубцами коньков осколков льда ... *Снежных искр каскад// Из-под лезвий летит...*; психологическая установка тренера (запрет на женитьбу, сдержанность в общении с поклонниками — “лед в сердце”); отъезд из России (расставание — холод и тьма).

Другим средством индивидуализации является перечисление образов, воплощенных фигуристами в программах: “Sex-bomb” и “Кармен” у Плющенко, “Гладиатор” и “Маска” у Ягудина.

Необходимо отметить, что мотивы, проанализированные в данной работе, проявляются не только в творчестве болельщиков (поэтическом, прозаическом, изобразительном). Сами фигуристы активно используют эти мотивы для создания запоминающегося номера: “Скрипач” Е. Плющенко, “Скрипачка” Е. Ляшенко, “Ангел” К. Костнер, “Ave Maria” Т. Тотьмяниной и М. Маринина, “Лебедь” Дж. Вейра, “Король Артур” С. Ламбьеля. Полнота раскрытия образа достигается с помощью хореографии, костюма, соответствующих характеру музыки.

Самым мощным количественно, но и самым бедным с точки зрения выразительности мотивом в поэзии фанатов являются отношения “спортсмен — болельщик”. Лишь в редких случаях осознается слепая сила и капризность толпы. Большая часть стихотворений посвящена признанию в любви: 1) типичной поклонницы — кумиру; 2) особенной, не похожей на других, именно той, которая действительно любит своего героя и пойдет за ним на край света; 3) той, которая единственная поймет Его как человека и предложит искреннюю дружбу: ... *Я не поклонница, я твоя подруга...*

Итак, творчество болельщиков в спортивном дискурсе имеет эксплицирующую и конститутивную функцию. В творчестве поклонниц главными объектами описания являются: спортсмен (типичные репрезентации — птица, Бог, король, человек искусства), отношение к нему автора (почитание, любовь, дружба). Для поэзии фанаток характерен крайний субъективизм, исповедальность. Индивидуализация образов спортсменов прослеживается в мотивах “тепло, огонь — холод, лед”. Спортсмен характеризуется позитивно, исключения крайне редки и высказываются в форме шуток. Субъектами дискурса в данном жанре являются: поклонница-автор (реальный агент), поклонники-читатели (реальный клиент) и спортсмен (гипотетический клиент).

Анализ творчества болельщиков не только расширяет круг субъектов спортивного дискурса, но и может служить материалом для исследований в области психологии. Речевое поведение болельщиков требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.19. М., 2001. — с. 103 – 112 — www.philol.msu.ru/~diskours/jsk_19.
2. Зильберт Б. А., Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.17. М., 2001. — с. 45 – 55. — www.philol.msu.ru/~diskours/jsk_17.
3. Иванов Л. Ю. Теоретический аспект исследования дискурса и текста в применении к области специальных коммуникаций // Вісник Харківського університету ім. В. Н. Каразіна №520, Серія Філологія, вип. 34. — Харків, 2001. — с. 57 – 61.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000а. — с. 5 – 20 — <http://www.vspu.ru/~axiologi/vik/vikart10.htm>.
5. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса //Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. — С37 – 64. — <http://www.vspu.ru/~axiologi/vik/vikart9.htm>.
6. Осика Ю. Л. Речь как событие и бытие в речи — anthropology.ru/ru/texts/osika/speech.html
7. Шевченко И. Высеков П. «Я» в дискурсе виртуальности. — Критика и семиотика. Вып. 1–2, 2000. С. 19 – 25 — www.nsu.ru/education/virtual/cs12shevchenko.htm.
8. Gamper M. Wiederholung der Wiederholung. Sport-Literatur als Diskurskritik — www.entwuerfe.ch/entwuerfe23/text3.html.

Дубчак І. Є. Вболівальник як суб'єкт спортивного дискурсу (поетична творчість в інтернет-комунікації).

В статті проаналізовано поетичну творчість шанувальників фігурного катання. Вболівальники представлені в якості суб'єкту спортивного дискурсу, який відображає та визначає його концептуальну складову.

Ключові слова: дискурс, спортивний дискурс, суб'єкт дискурсу, концепт.

Dubchak I. E. The fan as a subject of sportive discourse (poetry in the internet communication).

In this article the analysis of the poetry of figure skating fans is being given. The fans are presented as a subjects of sportive discourse that express and identify it's conceptual part.

Key words: discourse, sport's discourse, subject of discourse, concept.

Стаття поступила в редакцію 27 октября 2006 г.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. С. Жулинская

В статье анализируются способы включения и характер функционирования интертекстуальных ссылок в художественном тексте. Исследуются стилистические и жанровые особенности интертекста в творчестве автора.

Ключевые слова: интертекст, мир писателя, чужое слово, интертекстема.

Постановка проблемы. В последние десятилетия интересы лингвистов сконцентрировались на исследовании антропоцентрического характера современного языкового существования.

“Изучение национальной языковой картины мира, попытки взглянуть на дискурс с точки зрения когнитивных структур, развитие концептуального подхода к явлениям языка — все это даст нам новое осмысление лингвистических событий, а вместе с тем иное понимание человеческой коммуникации” [2, с. 303].

Художественный текст как объект коммуникации и, одновременно, источник информации, концентрирует в себе энергию коммуникативного, философского, познавательного, эмоционального, эстетического, этнокультурного пространств. И потому бесконечно количество его интерпретаций: текст хочется перечитывать, обдумывать, переосмысливать, находить в нем соответствующие нынешнему мировосприятию строки.

В современных исследованиях отмечается, что тексты, являясь открытой системой, существуют в общем когнитивном пространстве. Феномен открытости текста традиционно рассматривается в связи с категорией интертекстуальности.

В литературном пространстве автора художественного текста слышны многие голоса, способствующие созданию текстового полифонизма, прослеживается явное желание автора сохранить коды предшествующей, ценной для него, литературы. Таким образом, мы можем говорить о существовании в художественных текстах интертекстуальных связей, разнообразных по форме и происхождению, и считать текст очагом интертекстуальности.

Актуальность исследования. Современные направления лингвистических исследований интертекста концентрируются вокруг трех ключевых моментов: определение текста-источника, способ включения интертекстом в авторский текст и их функции в новом тексте. Любой художественный текст, рассматриваемый с позиции интертекстуальности, содержит в себе бесконечное поле других текстов, соотношенных с ним в рамках определенной языковой схемы.

Цель исследования: установление форм и функций интертекстуальных связей в художественном тексте. Это поможет исследователю-лингвисту не только

адекватно интерпретировать текст, — поскольку интертекст является мощной интерпретирующей системой, — но и объяснить многообразие смысловых оттенков слова в художественной речи, в чем состоит **новизна исследования**.

В современной текстологии общепризнанным является тот факт, что интертекстуальность — одна из важнейших стратегий текстопостроения, свойственная любому художественному тексту, который поддается интерпретации. Интертекстуальность — межтекстуальный фрейм, обеспечивающий понимание всех смыслов художественного текста. Границы определения термина “интертекстуальность” до сих пор достаточно размыты, не существует единой классификации интертекстуальных ссылок, однако уже сейчас можно рассматривать эту категорию не как чисто лингвистическую, но как понятие, находящееся на стыке когнитивных наук — лингвистики и психологии. Этот тезис базируется на признанной идее “бытия” текста на границе сознаний автора и читателя, а понимание возникает в результате интерпретации текста.

Интертекст — отражение мировоззренческих ориентиров писателя, интерпретация всех ассоциативных отсылок, скрыто и явно содержащихся в тексте. В основе этого понятия лежат идеи о диалогичности текстов М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта и других ученых, признающих тот факт, что текст существует в общем когнитивном пространстве и считающих диалог формой бытия личности.

Суть интертекстуальности состоит в том, что новые акты творчества совершаются на языке, в материале, на фоне и по поводу ценностей той традиции, из которой они возникают и которую имеют целью обновить. Интуиция и творческий талант писателя создают диалог и вовлекают в него адресата текста.

И. В. Арнольд в работе “Проблемы интертекстуальности” высказывает мнение о том, что в сознании отдельной личности существует тезаурус, своеобразный словарь усвоения текстов, в котором отражается знание индивида о различных проявлениях культуры.

Современная наука о языке для обозначения данной интер-акции одновременно с термином “интертекстуальность” использует такие термины как “феномен прецедентности”, “чужое слово”, “сверхтекстовые связи”, “межтекстовая коммуникация” и другие.

Художественный текст — это общая память автора и читателя. В литературном слове соприкасаются текстовые плоскости, в точках пересечения которых и функционируют интертекстуальные включения различной формы и смысловой насыщенности, являющиеся “хранителями и передатчиками индивидуального знания “для себя”, социального знания для социума и культурного знания” [6, с. 12].

В процессе исследования интертекстуального пространства в произведениях И. С. Шмелева обнаруживается разнообразный пересказ народных текстов, обращение к пушкинскому слову и к произведениям русской и европейской классической литературы, философский интертекст и чрезвычайно емкое и плотное включение текстов религиозного дискурса.

Необходимо отметить, что невозможно подробно рассмотреть все интертекстемы в рамках одной статьи. Поэтому мы попытались сделать общий обзор форм и

характера включения литературного и религиозного интертекста в творческое наследие И. С. Шмелева.

Литературный интертекст. В шмелевском Тексте отчетливо слышен диалог с русской литературной традицией. Диалог этот ведется на различных уровнях, с помощью разнообразных языковых средств. Наиболее часто И. С. Шмелев включает в свои произведения интертекстемы из произведений А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Нередки ссылки на тексты Н. Лескова, Ф. Достоевского, А. Чехова, А. К. Толстого, Н. Некрасова, а также немало включений из произведений классиков мировой литературы: Ж. Верна, Э. Гофмана, Э. По, Данте, Ж. Санд, В. Гете, Ч. Диккенса, Д. Дефо.

Очень интересен характер включения: среди ссылок можно видеть прямые и варьируемые цитаты, асимметричные цитаты, многочисленные упоминания авторов, названий и имен главных героев произведений, аллюзии, имена-символы, эпиграф, повторение синтаксических конструкций.

По мнению И. М. Богоявленской, для художественного текста XIX – XX вв. было характерно философское начало. “... век двадцатый, со свойственной ему тенденцией к размыванию границ литературных жанров, соединил сказку с легендой, сказом, фельетоном, антиутопией и т. д. В лучших своих образцах сказка приблизилась к фольклору, но не столько к его духу, сколько к букве, мироощущению” [3, с. 14]. Как отмечает исследовательница, в художественном тексте начала XX века изображались приметы не только материальной, но и духовной разрухи дореволюционного времени. И это напоминало о вечном.

Прокомментируем некоторые интертекстемы.

В романе “Пути небесные” много именных цитат, или, по классификации Г. Г. Слышкина, упоминаний: “Мысль о кристаллике (яде) становилась все заманчивей. “Ничего не откроется, а “лопух вырастет”, верно сказал тургеневский Базаров!..” (с. 287). Здесь представлена мозаика цитат, восходящая к одному прецедентному тексту — роману И. С. Тургенева “Отцы и дети”. Во-первых, прямая цитата — слова главного героя романа Е. Базарова — медика-нигилиста, убежденного в том, что нет никакой жизни после смерти. Эта мысль в данный момент близка герою Шмелева, и он заимствует ее у Тургенева вместе с образом и фамилией персонажа, высказавшего ее. Кроме того, мы видим указание на автора текста — “тургеневский” — это еще один уровень включения прецедентного текста, вариант ссылки “текст о тексте”. Для читателей шмелевского времени, да и для большинства современных, не составит труда восстановить образ Базарова, вспомнить его мировоззрение и, таким образом, понять, в каком душевном и нравственном состоянии находился герой романа “Пути небесные”. Совершенно ясно, что автор ввел цитату и упоминания в свой текст намеренно, рассчитывая на определенную реакцию адресатов текста.

Эпиграф к роману “Лето Господне” был взят из незавершенного стихотворения А. С. Пушкина (1830 г.):

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам* (с. 283).

“Две основные функции эпитафия — информативная и формоопределяющая — по сути, представляют собой функциональные комплексы, — утверждает Н. А. Кузьмина. — Эпитафия чаще всего совмещает разные типы информации: о мире, о творческом субъекте, о произведении” [5, С. 148 – 149].

Однако эпитафия может не упростить, а усложнить восприятие текста реципиентом, если он не подготовлен к пониманию той информации, которая заложена в эпитафии и в самом тексте. Понимание и толкование смысла эпитафия возможно после прочтения всего текста, но может случиться так, что текст будет понят при раскрытии смысла эпитафия.

Особое значение эпитафию придает его необязательность.

Зная, что И. С. Шмелев писал роман “Лето Господне” в эмиграции, можно предположить, что родное пепелище — это советская Россия, в которую писатель не может возвратиться, а отеческие гробы — могилы отца, матери и, возможно, безвестная могила сына, к которым рвалась его душа. Смертью отца завершается роман, замыкая связь с эпитафией.

Все произведения И. С. Шмелева пронизывает *религиозный интертекст*, отличающийся высокой прецедентной плотностью, эмоциональной насыщенностью и разнообразием форм включения.

“Везде Христос”, — сказал писатель в романе “Лето Господне”. И доказывает это своим творчеством.

Религиозная лексика, цитирование книг Священного писания и богослужебных текстов, аллюзии на библейские события и жития святых, упоминания имен-символов религиозного дискурса, названия православных праздников, собственные молитвы, составленные по подобию уже существующих в литургической практике, стилизация, повторение синтаксиса религиозных текстов — богатейший пласт православной культуры открывается нам в произведениях И. С. Шмелева. Это — тема для отдельного глубокого исследования.

И все же хотелось бы привести несколько примеров и показать, как функционирует библейский интертекст у писателя.

Доктор в “Солнце мертвых” пророчесствует наступающее безверие, упоминая самую важную для христиан молитву, данную им Спасителем:

“Я привык по часам ложиться, а теперь... как я могу без четверти в десять? И потому бессонница. И память слабнет. Я вам говорил, что недавно забыл, как читается “Отче наш”... Вы представьте только, что все забудут, как читается “Отче наш”?! Помойка ведь надвигается. И уходит из этой помойки — в ничто!!” (с. 58).

И тот же ужас безверия: *“В Проповеди Нагорной продают камсу ржавую на базаре, Евангелие пустили на пакеты...”* (с. 64).

В рассказе “На пеньках” главный герой, ведущий повествование, мыслит евангельскими образами: *“Неведомый гениальный мастер, чистый сердцем — такие Бога узрят, — чудесным резцом своим дал всеобъемлющее, свое: чаяния, сомнения, муки и веру-радость. Дал вдохновенно-трогательную поэму исканий духа”* (с. 264).

Здесь — варьированная цитата одной из заповедей Блаженства, сказанных Христом в Нагорной проповеди и повторяющихся за каждой литургией: “Блаженны чистыми сердцем, яко тии Бога узрят”.

Обширнейший религиозный интертекст представлен в романах “Лето Господне”, “Богомолье”, “Пути небесные”, в повести “Неупиваемая Чаша”. Погружение в религиозный дискурс начинается здесь уже с заглавий. Заглавие не просто настраивает на определенное восприятие текста, оно содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию. Интертекстуальная ссылка в заглавии передает не весь набор возможных ассоциаций с прецедентным текстом, а только те из них, которые являются контекстуально обусловленными, становясь своеобразным мостиком между литературными и авторскими мирами.

“Лето Господне” — слова из Священного писания. Христос, придя в Назарет, читает пророчество Исайи (111, 1,2): *“Дух Господень на мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное”* (Лк. 4, 14-19). В этих словах — глубинный смысл романа. Лето — время спасения, течение жизни, показанное Шмелевым в богослужебном круге, в череде православных праздников.

“Богомолье” — заглавие отсылает нас к православной традиции отправляться по святым местам для молитвы, покаяния и очищения.

“Пути Твоя, Господи, скажи ми, и стезям Твоим научи мя” (Пс. 24, ст. 4), “Открой ко Господу путь Твой, и уповай на Него, и Той сотворит” (Пс. 36, ст. 5), “Рех: сохраню пути Моя, еже не согрешати ми языком моим...” (Пс. 38, ст. 2) — этот ряд цитат из Псалтири, в которых упоминается Божий, небесный путь, можно было бы продолжить. В заглавии “Пути небесные” — суть романа: через борьбу духа и плоти, через преодоление греха, гордыни и тьмы — к жизни с Богом.

“Неупиваемая Чаша” — название существующего в православии образа Пресвятой Богородицы. И. С. Шмелев в своем замечательно стилизованном сказе предложил свою историю создания иконы, показал нравственную силу человека. Неупиваемая Чаша — это еще и духовная красота, исчерпать которую невозможно.

Важным для писателя элементом создания образов является речь персонажей. Религиозными текстами более всего насыщена речь Горкина из романов “Лето Господне” и “Богомолье” и Дариньки — главной героини романа “Пути небесные”. Примечательно, что эти персонажи — мало образованные, скромные — незаметно наставляют, ведут по путям Божиим других людей: Горкин — маленького Ваню, рабочих, Даринька — Виктора Алексеевича, Вагаева, всех, кто прислушивается к ее

словам. И потому любое включение в их речь существенно, оно влияет на жизнь многих, в том числе и читателей:

“Метельную эту ночь Дарья Ивановна отметила в “записке к близким”:

“Душе моя, душе моя, возстани, что спиши, конец приближается”.

Приближается конец сна моего. Как в страшном сне обмякают ноги, так и тогда со мной. Я вязла, уже не могла бороться, и меня усыпляло сладко, как усыпило в метельную ночь, когда мы мчались от одной ямы на другую. “Боже мой, к Тебе утреннюю: возжажда Тебе душа моя” (с. 360).

В “записке” две прямые цитаты, соответствующие душевному состоянию героини: первая — из покаянного канона Андрея Критского, читаемого в Первую неделю Великого поста. Вторая — из псалма, звучащего в храмах ежедневно на утрене.

А вот Горкин рассказывает Ване о Троице:

“... Завтра вся земля именинница. Потому — Господь ее посетит. У тебя Иван-Богослов ангел, а мой — Михаил Архангел. У каждого свой. А у земли-матушки сам Господь Бог, в Пресвятой Троице... Вот и поют так завтра: “Кто-о Бог Ве-лий, яко Бо-ог на-аш? Ты еси Бо-ог, тво-ряй чу-де-са-а!” (с. 351).

Троичный стих — заимствование из Псалтири — благодаря рассказу старого плотника наполняется для мальчика смыслом, откладывается в его памяти на всю жизнь. Так в душу человека входят истина и православная культура.

Выводы. Итак, чужое слово — это способ приобщения к традиции, вхождение в другие тексты, в культурное пространство, и в этом качестве оно дает толчок к смыслообразованию.

Интертекстуальные связи в художественном тексте интересны и с точки зрения текстообразования, и с точки зрения текстовосприятия. С одной стороны, прецедентные тексты помогают выявить важные стороны текста, с другой стороны, в процессе исследования при наложении смыслов фактически создается новый текст.

То, как и зачем И. С. Шмелев употребляет чужое слово, раскрывает многое в интенции его собственного слова.

Чем более интеллектуально развит читатель, чем обширнее его языковая компетенция, тем глубже понимание текста, тем увереннее движется он от явных — к глубинным его слоям.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / научный редактор Г. Е. Бухаркин. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — 444 с.
2. Бессонова Л. Е. Языковая личность как система в русском дискурсе // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений / Под ред. Н. О. Рогожиной, В. В. Химика, Е. Е. Юрнова. — СПб.: Политехника, 2003. — С. 303 – 306.

3. Богоявленская И. М. Сказочно-публицистический стиль в эпопее И. Шмелева “Солнце мертвых” // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. — Вып. 3(60). — Симферополь: “Крымский архив”, 1998. — С. 13 – 23.
4. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в 17-20 веках. — М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2003. — 1056 с.
5. Кузьмина Н. А. Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов/Перм. ун-т.-Пермь, 1999. — С. 217 – 235.
6. Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. — Вып.7. — Новосибирск, 2004. — с. 11 – 20.
7. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
8. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. — №1. — с. 106 – 111.

Текстовые источники:

1. И. С. Шмелев. Лето Господне // Избранное. — М., 1989. — С. 283 – 671.
2. И. С. Шмелев. На пеньках // Пути небесные: Избранные произведения. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 248 – 281.
3. И. С. Шмелев. Неупиваемая чаша // Избранное. — М., 1989. — С. 184 – 239.
4. И. С. Шмелев. Пути небесные // Пути небесные: Избранные произведения. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 281 – 585.
5. И. С. Шмелев. Солнце мертвых // Пути небесные: Избранные произведения. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 23 – 154.

Жулинська Г. С. Інтертекстуальність та засоби реалізації в художньому тексті.

У статті аналізуються засоби включення та функції інтертекстуальних включень у художньому тексті. Досліджуються стилістичні та жанрові особливості інтертексту у творчості письменника.

Ключові слова: інтертекст, світ письменника, чуже слово, інтертекстема.

Zhulinska A. S. Intertextuality and workshop for Implementors in the fictions.

In the paper is analyzed directions for use and functioning character insertion of intertext in the fictions.

Key words: intertext, writer's within, hearsay rule, intertextem.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2006 г.

УДК 811.161.1-115/116.3

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЯДРА В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОГРАФИИ

Р. В. Забашта

В статье охарактеризованы основные подходы к выделению лексического ядра и определены принципы идеографической компрессии с функциональных позиций исходя из системы семантем. **Ключевые слова:** функция, семантема, статистический параметр, концептуальный параметр, ядро, периферия.

Особый интерес исследователей системности лексики к идеографии в последние десятилетия обусловлен отсутствием в русистике и украинистике тезаурусов, характеризующихся высокой степенью содержательной эксплицированности семантической системы, и рядом экстралингвистических причин, среди которых прежде всего следует назвать развитие электронных технологий и — как следствие — увеличение объемов информации. По словам И. В. Денисенко, “необходимость оперативной автоматической обработки больших текстовых массивов, которая возможна лишь при четкой систематизации данных, делает чрезвычайно актуальной проблему создания тезаурусов, а именно, методику их составления [3, с. 124]. Определение масштабов лексической целостности, которая становится объектом описания, представляется исходным методическим шагом. В соответствии с этим проблема выбора конкретной целостности может быть решена с учетом универсальных категорий “единичное — особенное — всеобщее” следующим образом: 1) исследование особенностей значения номинативных единиц на уровне индивидуальной речи (текстовый уровень); 2) исследование функциональных частей (лексических групп) системы (уровень типов, строения языка); 3) исследование содержательных закономерностей языка на метауровне его существования [10; 7]. Обращение к третьему (применительно к лексикографической теории и практике — идеографическому) из названных вариантов предполагает рассмотрение ряда сложных вопросов, без решения которых невозможно описание лексики. Во-первых, проблема объекта описания как конкретной целостности, семантического класса, члены которого выступают в качестве разнофункциональных единиц, однако характеризующихся некоторыми общими субстанциональными признаками (интегральными семами); во-вторых, определение той части метасистемы, номинативные средства выражения которой являются ядерными в структуре языка и значимыми для его носителей; в-третьих, проблема формализации полученных результатов в зависимости от конкретного методического запроса. Отметим здесь, что поскольку целью настоящей статьи является определение принципов выделения лексического ядра с функциональных позиций, то решение первой и третьей из указанных выше проблем будет осуществлено факультативно при рассмотрении конкретного материала.

Выделение лексического ядра представляет собой одну из наиболее актуальных проблем не только теоретической лингвистики, но и областей применения результатов лингвистических исследований (речь идёт прежде всего о проектах по созданию компьютерных баз данных, а также особой отрасли кибернетики по моделированию искусственного интеллекта). Проблема идеографического описания всего Словаря естественного языка (практически необозримое количество словозначений лексического состава, насчитывающего более 300 тысяч слов и выражений в русском языке) заставляет исследователей искать альтернативные способы лексикографирования, среди которых получила своё распространение тенденция по созданию кратких тезаурусов.

Как в отечественной, так и зарубежной лингвистике очень широкий диапазон интерпретаций получили такие термины, как активный словарный запас (*active vocabulary*), лексический минимум, основной словарный фонд, ядерный словарь, ядерные лексемы, центральные элементы языковой системы и др. Представляется необходимым рассмотреть различные концепции лексикографической компрессии, позволяющие получить лексический минимум, и тем самым выяснить, что понимают исследователи под выше указанными терминами.

Понятия лексического ядра и периферии не получили однозначного определения в лингвистике, однако возможным представляется перечислить некоторые общие критерии их разграничения. Среди основных критериев разграничения ядерных и периферийных лексических единиц выделяют следующие: а) ядро лексикона свободно используется во всех сферах общения; б) ядро не обладает оттенком архаичности или новизны; в) ядро представлено стилистически нейтральными единицами; г) ядерные единицы обладают развитой системой значений; д) центральные слова достаточно просты по своему морфологическому составу; е) они обладают достаточно широкой сочетаемостью; ж) они обладают высоким словообразовательным потенциалом и некоторые др. [6, с. 77; 12, с. 21]. Примечателен тот факт, что даже такой подробный перечень признаков гипотетически ядерных лексических единиц не даёт ещё оснований для формирования минимума средств номинации на функционально-семантических основаниях.

Традиционно проблема вычленения лексического минимума поднималась в прикладном аспекте, в частности, в теории и практике преподавания языка (как родного, так и иностранного), реже — в аспекте общетеоретическом (например, для изучения истории развития лексического строя). Обращаясь к данной проблеме, И. А. Галуцких подразделяет на пять основных групп подходы к выделению и изучению центральных элементов языковой системы в зависимости от цели исследования и сферы применения: 1) исследования, направленные на решение коммуникативных задач (*Basic English* Чарльза Кея Огдена, проекты в рамках “*world English*”, “*nuclear English*” Р. Квирка, “коммуникативное ядро языка” М. Мордиано, М. Стаббс и др.); первоначально идея вычленения лексического ядра связывалась только с необходимостью развития коммуникативной способности у детей (списки слов, состоящие из 850 единиц), однако в дальнейшем подобные исследования стали теоретически обобщаться, что привело к разрешению проблемы лексического ядра путём отбора частотных и общеупотребительных элементов, используемых всеми

говорящими на определённом языке и понятных большинству его носителей; 2) лексикографические проекты, результатом которых стало создание целого ряда словарей минимумов (A Basic English-Shona Dictionary Д. Дейла (7000 слов), Definition Vocabulary М. Уэста (1500 слов), “Лексическая основа русского языка” В. В. Морковкина и др.); главным принципом отбора слов для таких словарей стала частотность их употребления; 3) работы, связанные с выработкой метаязыка лексикографических дефиниций (Р. Картер, А. Вежбицкая, А. А. Залевская, Н. О. Золотова и др.); данное направление связывается как с идеей существования ядерных лексем (А. А. Уфимцева), представляющих собой высокочастотные слова, которые усваиваются в первые годы жизни ребёнка, отражают самые ёмкие понятия, посредством которых устанавливается ассоциативная связь между любыми двумя словами, что и позволяет им играть роль метаязыка словарей, так и с идеей семантических примитивов (А. Вежбицкая), представляющей собой способ формализации значения при помощи предельных смыслов; 4) историко-лингвистические исследования, имеющие своей целью определение единиц, наиболее значимых в аспекте языковой эволюции, причём в английской традиции частотность последовательно отождествляется с устойчивостью; 5) исследования, в рамках которых толкование лексического ядра положено в основу метода глоттохронологии (Моррис Сводеш); ядерными элементами (200 или 100 слов, отобранными по принципу частотности) считаются лексеммы, наличие/отсутствие которых в языке свидетельствует об определённом этапе в развитии родственных языков [2, с. 72 – 73].

Очевиден тот факт, что исследователи, преследуя различные цели вычленения некоего лексического ядра, руководствуются только показателями частотности (статистический метод) и общеупотребительности (социолингвистические методы). Данные показатели, однако, характеризуют номинативные единицы с точки зрения их функционирования в речи. Об этом говорят сами термины “общеупотребительная лексика” (регулярно употребляемая большинством носителей языка) и “актуальная лексика” (т. е. лексика, необходимая для общения с окружающими в официальной обстановке, в быту, для понимания текстов средней трудности при чтении газет, журналов, для понимания передач по телевидению, радио т. п.) [9, с. 3]. Следовательно, лексика исследуется в аспекте реализации коммуникативной функции, но не номинативной, именуемой функцией, то есть формирование корпуса лексического минимума ведётся исходя из примата функционального качества, не объясняющего назначение Словаря как целого (быть средством хранения и выражения идеального знания, “картины мира”), а констатирующего способность его элементов передавать информацию. При этом первостепенная для идеографического описания характеристика единицы по степени принадлежности семантической системе, указание адреса в языковой структуре (системной ценности), упускается из виду по неоправданным причинам.

Фундаментальным понятием функциональной идеографии является понятие семантемы — инвариантной семантической единицы, представляющей собой сложное единство сигнификата и средств его выражения (слов и словосочетаний). Необходимо подчеркнуть, что в данном случае целью выделения лексического ядра становится определение номинативных средств выражения основного социальноемного знания, иными словами, те единицы, при помощи которых говорящий мог бы описа-

тельно продуцировать новые средства именованя того денотата, имя для которого отсутствует в его идиолекте (однако при этом он бы находил идентификатор, входящий в лексический минимум, способный задать адрес данной единицы в структуре семантической системы).

Выделение лексического ядра, то есть номинативных элементов в функции экспликаторов семантем, следовательно, должно быть реализовано с учётом системного качества единицы подсистемы номинации: "...ценность семантемы оказывается результатом взаимодействия двух составляющих: с одной стороны, смысловыми парадигматическими, или семно-иерархическими закономерностями строения лексической группы; с другой — коммуникативной значимостью для языкового коллектива" [11, с. 66]. Следует отметить, что исследователи активной части лексикона в основном концентрируют своё внимание на изучении второй стороны Словаря, используя статистические и социолингвистические методы при описании языковых единиц. При этом принцип классификации номинативных единиц по тематическим рубрикам без учёта структуры семантической системы приводит по сути дела к "исчезновению" объекта описания как целостности, представляющей итог постижения языковым коллективом определённого фрагмента действительности.

По мнению Ю. Н. Караулова, в разделе идеографических моделей "Человек" наименее разработанным является синоптический узел "Социальные институты" [4, с. 33 – 38], поэтому описание данного фрагмента Словаря является наиболее важным не только при исследовании ядерной лексики, но в общетеоретическом плане — определении содержательных закономерностей строения языка на метауровне. Ф. С. Бацевич и Т. А. Космеда в работе "Очерки по функциональной лексикологии" (1997) исследуют часть названного лексического класса — агентивные имена морально-этической оценки, понимая агентивные имена (персонификативы), "во-первых, как имена, называющие того, кто производит действие, во-вторых, имена, называющие "деятеля", который обладает конкретной качественной характеристикой и является носителем "свойств или признаков" [1, с. 210]. Принимая данное определение, обратимся к рассмотрению лексического класса "Человек как общественное существо (лицо)", в частности, того, каким образом этот класс представлен в "Кратком толковом словаре (для иностранцев)" (1978).

Лексический класс "лицо" представлен 92 семемами, список которых был получен методом сплошной выборки. В их число мы не включаем такие семемы, как администрация-2, бригада-3, делегация-0 (номера лексико-семантических вариантов даны по словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [13]) и др., поскольку эти единицы находятся на периферии класса и обозначают группы лиц, обладающие некоторыми новыми свойствами, не присущими отдельным членам этих групп. Главной нашей задачей было определение набора идентификаторов, при помощи которых представляется возможным построить иерархию семантем. Как показал анализ семем, использование только статистического параметра при определении лексического ядра не позволяет построить такую иерархию. Так, семема автор-0, толкуемая как 'создатель какого-н. произведения', даёт указание только на интегральный компонент 'создатель', однако невозможность существования таких словосочетаний, как *автор здания*, *автор ребёнка* и др., требует дальнейшего оп-

ределения дифференциального компонента для моделирования семантических оппозиций в структуре сигнификатов, гиперонимом которых выступает семантема, эксплицируемая словом *автор*. Обращение к толкованиям слов *создатель*, *произведение*, *творчество* позволило определить семантему, эксплицируемую словом *автор* как ‘создатель ценностей’, отграничив дифференциальные компоненты ‘материальная ценность’ и ‘духовная ценность’. При этом создатель-1 нами толкуется как ‘лицо, сделавшее, произведшее что-н. новое’ (в “Кратком толковом словаре (для иностранцев)” идентификатор *создатель* отсутствует, что делает невозможным моделирование системности). Другой пример: обладающая высокой степенью тематичности семема агроном-0, толкуемая как ‘специалист по агрономии’ (специалист-0 — ‘лицо, получившее профессию’), не может быть идентифицирована в рамках данного словаря, поскольку не эксплицирован дифференциальный компонент в структуре семантемы *профессия* ‘род трудовой деятельности, требующий специальной подготовки’, позволяющий отграничить семантему *работник*, являющуюся гиперонимом семантемы *специалист* (работник-2 — ‘человек, работающий в какой-н. сфере трудовой деятельности’). Другой пример: примечательно, что в словаре присутствует слово, эксплицирующее семантему *артист*, однако отсутствуют гипонимы *актёр*, *балерина*, *комедиант* и некоторые другие, характеризующиеся высокой степенью коммуникативной значимости (данные единицы входят в идеографическую часть словаря “Лексическая основа русского языка” (2004) [5]) (равно как и *фотоаппарат*, *фотографировать*, *фотография*, — но отсутствие слова *фотограф*; как *бокс*, — но отсутствие слова *боксёр* и т. п.). В данном контексте удачно, на наш взгляд, привести слова Л. А. Новикова, отмечавшего, что лексическая система “как бы распадается на относительно самостоятельные, “самоорганизующиеся” функциональные подсистемы, которые определяются типовыми (тематически ограниченными) ситуациями” [8, с. 413]; при этом важно понимать, что как коммуникативная значимость единиц, предназначенных выражать элементы типовых ситуаций, так и системный статус семантем (степень принадлежности системе, уровень иерархии), — два качества одной сущности, а именно: ядра номинативной подсистемы.

Таким образом, не только статистическая, но и концептуальная параметризация должны стать основными принципами выделения лексического ядра в том случае, если цель идеографического описания видится не в классификации слов по семантическим классам, а моделировании фрагмента “картины мира”. Представляется необходимым также обращение к более полным словарям русского и украинского языков с тем, чтобы, во-первых, процесс идеографической компрессии материала осуществлялся не только по показателю частотности, но и по показателю концептуальному уже исходя из предварительного списка семем, что позволит избежать появления лакун в модели семантических оппозиций, и, во-вторых, провести описание лексического ядра русского и украинского языков в контрастивном аспекте.

Список литературы

1. Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. — Львов: Свит, 1997. — 392 с.

2. Галуцких И. А. Сопоставительный анализ принципов выделения ядра лексической системы и подходов к его изучению // X Международная конференция по функциональной лингвистике: Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации. Сборник научных докладов. — Ялта: Доля, 2003. — С. 72–74.
3. Денисенко И. В. Идеографическое описание существительных украинского языка (на материале существительных ЛСГ “Человек” // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.] — Гродно: ГрГУ, 2005. — С. 124–128.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1976. — 355 с.
5. Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. — М.: ООО “Издательство АСТ”; ООО “Издательство Астрель”; ООО “Гранзиткнига”, 2004. — 872 с.
6. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. — М.: Наука, 1980. — 160 с.
7. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. — К.: Знання, 2004. — 326 с.
8. Новиков Л. А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. — М.: Изд-во РУДН, 2001. — 672 с.
9. Розанова В. В. Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев). — М.: Русский язык, 1978. — 227 с.
10. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. — Симферополь: Таврия-плюс, 1998. — 224 с.
11. Рудяков А. Н. Функциональная семантика. — Симферополь: Таврия, 1992. — 154 с.
12. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля — К, 2006. — 716 с.
13. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003 (электронная версия).

Забашта Р. В. Принципи виділення лексичного ядра в функціональній ідеографії.

У статті надані характеристики основних підходів до виділення лексичного ядра та встановлено принципи ідеографічної компресії з функціональних позицій виходячи із системи семантем.

Ключові слова: функція, семантема, статистичний параметр, концептуальний параметр, ядро, периферія.

Zabashtha R. V. Principles of picking out a lexical basis in functional ideography.

The article gives characteristics of the main approaches to picking out a lexical basis and it is defined the principles of ideographic compression in functional paradigm using system of semantems.

Key words: function, semantem, statistics parameter, conceptual parameter, basic, periphery.

Статья поступила в редакцию 06 ноября 2006 г.

УДК 81'1.001

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. ТИПОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ

И. М. Заславская

Статья посвящена проблемам типологии речевых жанров.

Ключевые слова: речевой жанр, типология жанров, разговорная речь, высказывание, модель.

Понятие речевого жанра еще недавно мало использовалось в науке, однако в последнее время приобрело широкую популярность: сегодня термин не просто входит в филологический оборот, но можно уже говорить о его исключительной плодотворности [17]. Более того, следует отметить, что “жанрологический” подход все больше претендует на лидерство и универсализм [7]. Но, несмотря на наличие большого количества работ по языковым жанрам и частично как следствие этого, до сих пор не выработано единого определения основной единицы исследования, открытыми остаются вопрос типологии речевых жанров и принципы их описания.

Целью данной статьи является рассмотрение различных подходов к решению проблемы типологии и признаков речевого жанра.

Е. Я. и А. Д. Шмелевы отмечают, что “важным положением современной лингвистики стало представление о том, что речевая деятельность осуществляется в форме отдельных речевых действий (речевых актов), или, если пользоваться понятием, введенным в научный обиход М. М. Бахтиным, речевых жанров: вопросов, приказов, просьб, шуток или доносов” [16, с. 17].

Из существующего множества направлений концепции жанра можно выделить две крупные группы:

1. Традиционные концепции, в основе которых лежит классическое определение жанра (от Аристотеля и Буало). Термин “жанр” происходит от латинского *genus*, фундаментального понятия в логике Аристотеля и в его системе классификации сущего (большой частью биологического), где принципы классификации основаны на действительных отношениях между вещами в природе.

При таком подходе термин “жанр” понимается очень узко (только применительно к художественной литературе в рамках теории литературы; “жанр литературный — исторически складывающийся тип литературного произведения” [10, с. 106]). Важно отметить и то, что понятие речевого жанра родилось в исследованиях поэтического языка (в работах В. Виноградова, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Б. Шкловского). Подытоживая разнообразную аналитическую информацию относительно изучения жанров, С. Ф. Овчаренко [12, с. 6] формулирует ряд представлений о жанре, ставших общепризнанными, почти аксиоматическими. Во-первых, это представление о нормативной функции жанра в процессе построения и восприятия художественных произведений, которое устанавливает своеобразные правила “жанровой игры”. Во-вторых,

это представление о единичном жанре как об определенном элементе системы жанров, имеющей своеобразную субординационную структуру. В-третьих, это представление о социокультурной детерминированности жанровых форм и жанровых систем. В-четвертых, жанр осмысливается как элемент морфологии искусства, в литературоведении — как элемент генологии (т. е. жанроведения; термин используется в частности Ф. Бацевичем). В-пятых, жанр понимается как художественная форма особого рода, которая имеет своеобразные принципы соотношения с содержанием художественного произведения.

В последнее время ученые все чаще определяют жанр как своеобразную форму осмысления реальности.

2. Другая точка зрения изложена в концепциях речевых жанров М. М. Бахтина и его последователей: а) общие исследования по теории жанра (Н. Д. Арутюнова, Е. А. Земская, В. Е. Гольдин, Л. А. Капанадзе, Т. Г. Винокур и др.); б) исследования речевых жанров через общие и повторяющиеся признаки, которые соотносятся с нормой, т. е. речевой жанр функционирует как определенные ожидания для слушающих и модель сознания для говорящих; эти исследования изучают высказывания — предложения, высказывания — сверхфразовые единства, высказывания — тексты (В. В. Дементьев, Т. В. Матвеева, М. Ю. Федосюк и др.); в) исследования речевого жанра как модели, которая накладывается на действительность и служит инструментом научного описания (работы Т. В. Шмелевой и ее учеников).

М. М. Бахтин определил речевые жанры как “относительно устойчивые, тематические, композиционные и стилистические типы высказываний” [2, с. 242]. По мнению ученого, “речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические). Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (то есть приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого”. Речевые жанры формируются исторически в процессе коммуникативной деятельности людей, используются ими как готовые образования: “если бы речевых жанров не существовало и мы не владели ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно”. По подсчетам Т. В. Шмелевой, М. М. Бахтин в своих работах называет около 30 речевых жанров, в частности таких, как беседа (салонная, застольная, интимно-дружеская, интимно-семейная), бранное слово, бытовой рассказ, военная команда, возражение, выражение увлечения, одобрения, деловые документы, дневник, ответ, письмо, пословица, пожелание, приветствие, осуждение, похвала, поздравление, приказ, протокол, прощание, публицистическое выступление, речь, роман, согласие, сочувствие, шутка, научный трактат, интимные шутки, вопрос [18, с. 64]. Ф. С. Бацевич указывает, что уже этот перечень позволяет говорить об отсутствии непротиворечивых критериев выделения речевых жанров, поскольку в нем как однородковые приводятся, например, прощание, возражение, одобрение, ответ и т. п., которые могут быть составляющими такого комплексного речевого жанра, как беседа, а также протокол, согласие и т. п. [3, с. 71].

Отталкиваясь от статьи М. М. Бахтина “Проблема речевых жанров”, ученые развивают теорию речевых жанров, пытаются уточнить понятие самого термина. Одни исследователи разрабатывают теорию жанра, т. е. обращают внимание на структуру, основные черты речевого жанра, выстраивают его модели (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, Т. В. Шмелева и мн. др.), другие пытаются связать речевой жанр с типом текста и способом членения текста на относительно устойчивые составляющие (Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская, В. А. Салимовский, Н. Н. Трошина и др.).

В последнее десятилетие появились исследования по описанию отдельных речевых жанров (Я. Т. Рытникова; Ю. В. Щурина); непосредственное использование понятие речевого жанра нашло в работах по изучению корпоративного общения (Л. З. Подберезкина), общения в городском транспорте (Л. А. Киселева), в педагогической науке и дидактической практике (Т. А. Ладыженская) и т. д.

Об актуальности проблемы речевых жанров может свидетельствовать формирование самостоятельного научного направления — жанроведения (В. В. Дементьев и многие другие). Жанры речи анализируются в герменевтическом (Г. И. Богин), когнитивном (А. Г. Баранов), лингвopsихологическом (М. Л. Макаров, К. Ф. Седов), речеведческом (Т. В. Шмелева), системнолингвистическом (М. Ю. Федосюк), стилистическом (В. А. Салимовский) аспектах. Учеными исследуются как отдельные речевые жанры, например, ссора (М. Ю. Федосюк), комплимент, колкость (К. Ф. Седов), утешение, убеждение и уговоры (М. Ю. Федосюк), проработка (С. Ю. Данилов), анекдот (Е. Я. и А. Д. Шмелевы), портрет человека (Н. А. Седова), поздравление (О. С. Шлапаков), похвала и порицание (И. Г. Дьячкова) и др., так и сочетания жанров в сложных коммуникативных образованиях, например, в светской беседе, в семейном общении, в религиозной сфере, даже в “ситуации винопития” (В. В. Дементьев; М. Л. Майданова; Я. Т. Рытникова). Изучается также функционирование речевых жанров в профессиональных и возрастных группах (М. Ю. Федосюк; Е. Н. Гуц), особенности речи города (специфика городского общения) (Л. А. Шкатова).

Как отмечает Т. В. Матвеева, понятие речевого жанра сейчас трактуется двойственно: во-первых, как типовая разновидность текстов и, во-вторых, как ситуативно-типичное высказывание [11, с. 65 – 70].

Опыт описания конкретных участков речевого общения включает в себе как необходимость дискутировать по основополагающим жанроведческим вопросам, так и намерение на общих основаниях построить типологию жанров.

В соответствии с современными теоретическими представлениями, термин “речевой жанр” понимается как феномен речевой действительности, модель сознания.

Жанр реализуется как целесообразно организованный линейный языковой ряд (текст). Поэтому выделение языковых признаков жанра начинается с определения функционально обусловленной языковой системы в тексте. Характерные признаки функционального стиля оказываются в большей или меньшей мере в каждом из жанров одного стиля, не характеризуя, однако, целиком ни одного из них. Тексты, объединенные по признаку общей композиции в один жанр, отличаются в содержательном аспекте. Композиционные признаки жанра носят структурный характер (в отличие от материальных качественно-количественных языковых признаков).

Вслед за Е. Я. и А. Д. Шмелевыми, представляется целесообразным отличать речевой жанр от текста, используемого в составе речевого жанра. «Один и тот же текст может использоваться в составе различных речевых жанров. В то же время важно подчеркнуть, что мы идентифицируем речевой жанр именно на основе признаков используемого в его составе текста; поэтому, чтобы понять специфику того или иного речевого жанра, необходимо определить, какие ограничения накладываются на тексты, способные использоваться при реализации этого жанра» [16, с. 19].

Речевые жанры имеют свою историю: они появляются, исчезают, видоизменяются и заимствуются. Речевые жанры диффузны по своей природе, то есть в одном жанре могут воплощаться черты разных жанров, что, таким образом, приводит к осложнению классификации речевых жанров.

Первым попытку разработать типологию речевых жанров осуществил М. М. Бахтин. Он предложил два параметра классификации:

- 1) разделение речевых жанров на первичные и вторичные;
- 2) размежевание стандартизованных (приветствие, сообщение) речевых жанров, на которые говорящий не оказывает личное воздействие, и свободных жанров речи (рассказ, жалоба, утешение), существующих в устном общении.

М. М. Бахтин по форме реализации делил жанры на устные и письменные, соотнося их с первичными и вторичными. Ученый также начинал разработку диалогических и монологических речевых жанров.

В последнее время стало традиционным разграничение речевых жанровых образований различного масштаба, оформленных в тексты разной протяженности.

Согласно И. Н. Борисовой, речевой жанр — «это форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [4, с. 32]. Жанр коммуникативного события (застолье, семейная беседа, урок, семинар, защита диссертации, лекции и т. п.) предполагает композитивность своего речевого жанра: целостное коммуникативное событие может состоять из последовательности коммуникативных эпизодов, воплощенных в (диалогических и монологических — малых, простых, одноактных, элементарных, частных) речевых жанрах. Л. А. Капанадзе специально для разговорной речи вводит понятие «малого жанра» — микроструктуры, которая выделялась в определенной языковой общности как ограниченное речевое клише, сводимое к микродиалогу или реплике. Исследователь противопоставляет их «более крупным фрагментам обиходно-бытовой речи: семейному диалогу, домашнему рассказу и др.» [8, с. 232 – 233]. Т. В. Шмелева различает по критерию композитивности одноактные и многоактные речевые жанры [18, с. 59]. Я. Т. Рытникова рассматривает семейную беседу как жанровый тип текста, выделяя в нем более мелкие речевые образования, описываемые как тактики речевого поведения, соотносимые, на наш взгляд, с первичными речевыми жанрами [13]. М. Ю. Федосюк разграничивает комплексные и элементарные речевые жанры [15, с. 76]. А. Г. Баранов вводит членение первичных и вторичных речевых жанров на сложные и простые: «первичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту», соотносятся в классификации автора с категорией текста [1, с. 8 – 9]. В. Е. Гольдин отмечает, что сложное речевое событие, имеющее комплексный характер и складывающееся из более частных речевых событий [6, с. 27]. К. Ф. Седов пользуется терминами «гипержанр» или «гипер-

жанровое событие”, обозначающими макрообразования на более высоких (чем в случае жанра) уровнях абстракции речевой деятельности: “это такие речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров” [14, с. 19]. Ст. Гайда противопоставляет сложные жанры простым [5, с. 110]. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, продолжая сложившуюся традицию, разграничивают среди первичных речевых жанров макрожанры (жанровый континуум) и микрожанры, вводя это членение как основание для классификации жанров разговорных речевых произведений [9].

Т. В. Шмелевой [18] была разработана модель речевого жанра. Она выделила семь ситуативных признаков речевого жанра:

1. Коммуникативную цель.
2. Образ автора.
3. Образ адресата.
4. Образ прошлого.
5. Образ будущего.
6. Параметр диктумного содержания.
7. Языковое воплощение.

Коммуникативная цель (намерение / интенции общения) — этот признак соответствует понятию “речевого замысла” у М. М. Бахтина и является базовым понятием в теории речевых жанров. Цель выделяется в качестве первого жанрообразующего признака. Прямые реализации речевого жанра предполагают возможность отражения показателей коммуникативного намерения в языковой структуре высказывания: “*хочу попросить*”, “*приказываю*”, “*требую*”, “*у меня есть пожелание*”, “*вот тебе мой совет*”, “*можно спросить*” и т. п. Коммуникативная цель в теории речевых жанров является главным жанрообразующим элементом. Этот же признак в теории речевых актов Дж. Р. Серль называет “интенциональность” (intentionality).

Концепция автора — проявляется в таких аспектах, как статус, авторитет, полномочия, заинтересованность, осведомленность. Как известно, выбор формы речевого акта в составе речевого жанра зависит от их социального статуса. Отношения между адресатом и адресантом могут быть симметричными и асимметричными. Симметричными могут быть отношения между людьми, обладающими одинаковым социальным статусом (интеракция “друг — друг”). В случае асимметричных ролей коммуниканты находятся в подчинительных отношениях (интеракция “начальник — подчиненный”).

Концепция адресата [2, с. 276] — предполагает наличие некоторых обязательных условий (презумпций) коммуникативного облика адресата: предварительных знаний о ситуации, а также “энциклопедических” знаний — представлений о мире и принципах общения. М. М. Бахтин в своих исследованиях указывал на важность отношений говорящего и слушающего.

Фактор / образ прошлого — наличие коммуникативного прошлого может иметь жанрообразующее значение.

Фактор / образ будущего — определяет следование одних жанров за другими: “высказывание с самого начала строится с учетом <...> ответных реакций, ради

которых оно, в сущности, и создается” [2, с. 275]. Результат речевого жанра может соответствовать намерениям автора, а может отражать те или иные степени отклонения от замысла автора — в этом случае возникают разного рода незапланированные коммуникативные эффекты. Например, результатом неудачной реализации речевого жанра шутки могут быть реплики типа: “дурацкая шутка”, “не смешно”, “твои шутки неуместны”, “этим не шутят” и т. п.

Фактор прошлого и фактор будущего, функционирующие в совокупности, определяют динамический аспект структуры речевого жанра. Для речевых жанров характерны предшествующие и последующие эпизоды общения (образ прошлого и образ будущего). С точки зрения образа прошлого, выделяют речевые жанры “реактивные” (такие, которые появляются после определенных речевых жанров) и инициальные, начинающие общение. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий.

Событийное содержание (иными словами — параметр диктумного содержания) — “предметно-смысловая исчерпанность”, по М. М. Бахтину, — диктумная часть высказывания.

Языковое воплощение — каждый жанр располагает определенными средствами формального выражения (грамматическими, лексическими и др.).

Современное состояние исследований, использующих понятие речевых жанров как одно из наиболее плодотворных на сегодняшний день, позволяет говорить о выделении и становлении жанроведения (генологии) как особого раздела филологической науки, а также признать необходимость применения термина “речевой жанр” в самых различных областях филологии. В данном аспекте коммуникативный подход представлен конструктивно и может углубить наши знания о речевых жанрах разных типов.

Литература

1. Баранов А. Г. Когнитивность текста: К проблеме уровней абстракции речевой деятельности // Жанры речи. Вып. 1. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 4 – 12.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. — С. 237 – 289.
3. Бапевич Ф. С. Вступ до лінгвістичної генології. — К.: Видавничий центр “Академія”, 2006.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. — М.: КомКнига, 2005.
5. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Вып. 2. — Саратов: Колледж, 1999. — С. 103 – 112.
6. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Вып. 1. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 23 – 34.
7. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типологии речевых жанров // Жанры речи. Вып. 1. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 34 – 43.
8. Капанадзе Л. А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. — М.: Наука, 1988. — С. 230 – 234.
9. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. — М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 1999.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.

11. Матвеева Т. В. К лингвистической теории жанра // Collegium. — Киев. — 1995. — №1 – 2. — С. 57 – 65.
12. Овчаренко С. В. Проблема жанру у класичній та некласичній естетиці. Автореферат дис... докт. філософських наук. — К., 1999.
13. Рытнікова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург: Арго, 1996. — С. 94 – 115.
14. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного явления языковой личности // Жанры речи. Вып. 2. — Саратов: Колледж, 1999. — С. 13 – 26.
15. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: “утешение”, “убеждение”, “уговоры” // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург: Арго, 1996. — С. 73 – 94.
16. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. — М.: Языки славянской культуры, 2000.
17. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 88 – 98.
18. Шмелева Т. В. Речевой жанр: Опыт общелингвистического осмысления // Collegium. — Киев. — 1995. — №1 – 2. — С. 57 – 65.

Заславська І. М. Мовленнєві жанри в сучасній лінгвістиці. Типологія та особливості.

Стаття присвячена проблемам типології мовленнєвих жанрів.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, типологія жанрів, розмовна мова, висловлювання, модель.

Zaslavskaya I. M. Speech genres in contemporary linguistics. Typology and peculiarities.

The article deals with the speech genres typology problem.

Key words: speech genre, genre typology, colloquial speech, utterance, model.

Стаття поступила в редакцію 9 листопада 2006 г.

УДК 811.161.1'373.45

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю. А. Клипатская

В статье рассматриваются коммуникативная значимость и функциональные особенности заимствованных неологизмов в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: коммуникативное ядро, коммуникативная парадигма, заимствования, концепт, политический дискурс.

Заимствование языковых единиц является одним из самых ярких и активных процессов, происходящих в современном русском языке, начиная с середины 80-х годов XX столетия. Данное языковое явление всесторонне изучается и анализируется исследователями в разных аспектах: как историческое отражение языковых контактов (Э. Ф. Володарская, М. А. Брейтер), как своеобразная языковая мода, “иноязычный потоп”, вызванный снятием “железного занавеса” (В. Г. Костомаров), как потребность посттоталитарного социума (Л. П. Крысин), нуждающегося в импорте концептов (В. И. Карасик), как воспроизведение иноязычных прототипов в иной языковой среде (А. К. Казкенова) и др.

Интенсификация процесса заимствования на рубеже XX – XXI вв., отмечаемая всеми без исключения исследователями русской лексики, получает различные оценки относительно количества и качества заимствуемых слов, особенностей их освоения, уместности в речи, их взаимоотношений с исконной и ранее заимствованной лексикой и пр.

Считаем принципиально важным отметить, что, хотя заимствований много во всех сферах функционирования русского языка и они бесспорно являются одним из характерных факторов изменившейся коммуникативной парадигмы, есть дискурсы, для которых насыщение заимствованными лексическими единицами стало определяющей чертой. Именно к таким дискурсам относится политический, который в последние десятилетия подвергся наиболее коренной перестройке, о чем свидетельствует значительное обновление его коммуникативного ядра, перераспределение в нем активных и пассивных лексических единиц.

Ученые называют разные релевантные для современного состояния языка социальные факторы, влияющие на его развитие (см. раб. И. А. Стернина), а на современном этапе приведшие к смене коммуникативной парадигмы. В связи с этим политический дискурс является в последние годы объектом пристального и разностороннего внимания лингвистов (см. раб. Г. Г. Почепцова, Ф. С. Бацевича, С. Н. Андрусив, Е. И. Шейгал, А. Н. Баранова, Т. В. Юдиной, А. П. Чудинова, П. Н. Денисова, О. И. Воробьевой, А. Ю. Шевченко, М. В. Ильина, В. З. Демьянкова, К. Е. Петрова и др.).

В лингвистической литературе наряду с понятием “политический дискурс” употребляются и другие дефиниции (“общественно-политическая речь”, “агитационно-политическая речь”, “язык общественной мысли”, “политический язык” и пр.). Вслед за голландским лингвистом Т. ван Дейком под политическим дискурсом принято понимать класс речевых жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков — это те жанры, которые принадлежат сфере политики (см. Дейк Т. А. ван). Основным системообразующим критерием для выделения политического дискурса может служить тематический определитель цели “борьба за власть” [3, с. 9].

Наиболее ярко динамику политических трансформаций украинского общественного сознания передают различные массовые (печатные, электронные) периодические издания.

Материалом данной работы служат русскоязычные украинские масс-медийные тексты (более 300), которые отражают политическую жизнь в Украине.

Целью настоящей статьи является выявление функциональных особенностей заимствованных лексических единиц и их роли в современном русском политическом дискурсе.

Исследователи называют функциональные особенности заимствований без учета типа дискурсов, т. е. говорят о номинативной функции, всегда присущей иноязычным неологизмам, о прагматической функции и др., которые будут одинаковыми в разных дискурсах. Если же учесть частотность употребления заимствованных лексем, их удельный вес в политических текстах, то становится понятным, что функциональные особенности заимствований определяются не функцией слов, а их значимостью в политическом дискурсе, влиянием иноязычной лексики на коммуникативное ядро, что влечет за собой изменение всей коммуникативной парадигмы. С этим связана актуальность данной работы, основная задача которой показать коммуникативную значимость и функциональные особенности заимствованных неологизмов в рамках разных дискурсов, в данном случае политического.

Коммуникативное ядро дискурса обычно в нормальных условиях характеризуется определенной устойчивостью, но на современном этапе развития языка, связанном со сменой коммуникативных систем, специалисты по коммуникативной лингвистике отмечают его проницаемость и изменчивость за счет заимствований, что обусловлено изменившимися социальными факторами. В поле зрения разных исследователей новой русской лексики попадают приблизительно одни и те же слова (около 100), но удельный вес этих иноязычных лексем необычайно велик: в выборке из 300 текстов такие иноязычные неологизмы, как *рейтинг*, *истеблишмент*, *мониторинг*, *нюсмейкер*, *маргинальный*, *креатура*, *имидж (партии, политика, страны)* и др. встречаются практически в каждом. Например: “Сейчас Виктору Ющенко Юлия Владимировна нужна в союзниках, как никто со времен Майдана. Объединением с ней он достигнет укрепления своего влияния в парламенте, сможет восстановить “оранжевый” *имидж*, ..., и, кроме того, получит еще одного сильного “кризисного менеджера”.”//Деловая столица. — №41(283). — 2006. — с. 2; “Изо всех сил “донц-

кие” стараются сделать свое присутствие в украинском политическом *истеблишменте* цивилизованным.”//Власть денег. — №39(102). — 2006. — с. 8; “С момента последнего подобного исследования прошло около трех месяцев, и за это время *рейтинги* президента Виктора Ющенко, Юлии Тимошенко и спикера Верховной рады Владимира Литвина резко упали, что, как считают эксперты, во многом является результатом политического кризиса.”//Корреспондент. — №34(173). — 2005. — с. 14.

Особого внимания при анализе политического дискурса заслуживают случаи, которые В. И. Карасик обозначил как импорт концептов, где под концептом понимается “ментальное образование, опирающееся на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании” [2, с. 212]. Заимствованный концепт манифестирует новый способ смотреть на мир, концептуализировать его. Потребность в новой концептуализации политической действительности связана с ее полным обновлением.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что заимствованные концепты выделяют те смысловые объекты, которые прежде отсутствовали в общественном сознании. Так, в политике возникла необходимость выделить и обозначить такие определенные культурно обусловленные человеческие представления как *пиар*, *импичмент*, *харизма*, *инаугурация*, *шоу* и др. Например: “В украинском законодательстве подробности процесса *импичмента* не прописаны.”//Корреспондент. — №37(176). — 2005. — с. 28; “Все законопроекты о люстрации, внесившиеся после *инаугурации* Ющенко, были подготовлены радикал-националистами и писались так, чтобы быть заваленными в парламенте.”//Без цензуры. — №22(167). — 2006. — С. 7; “И даже если в нынешних условиях отнять от потенциального либерального блока *харизму* Ющенко и радикальную оппозицию власти, результат все равно может оказаться вполне приличным (о парламентских выборах).”//Столичные новости. — №18 – 19. — 2006. — с. 7.

Удельный вес новых иноязычных концептов при их сравнительной немногочисленности настолько значителен, что может считаться определяющей чертой коммуникативного ядра политического дискурса. Следует избегать оценочных характеристик по отношению к заимствованным концептам, так как потребность в них вызвана экстралингвистическими причинами и отражает глобальное переустройство политической сферы Украины.

Большую роль в формировании коммуникативного ядра политического дискурса играют перенаименования уже имеющихся в языке лексем. Коммуникативная значимость перенаименований достаточно велика. Они тесно связаны с импортом концептов тем, что корректируют взгляд на политическую систему. И нужно заметить, что такая замена далеко не тождественна. Ср.: “встреча глав государств” и “*саммит*”, “председатель Верховного Совета” и “*спикер*”, “районная исполнительная власть” и “*муниципалитет*”, “составитель текстов речей” и “*спичрайтер*”, “прессконференция” и “*брифинг*”, “согласие” и “*консенсус*” и др. Заимствованные лексемы в данных примерах, во-первых, имеют другой объем значения и, во-вторых, являются более компактным, близким к терминологизированному выражению, способом обозначения определенного понятия. Например: “... Президент выступает со всевозмож-

ными бесчисленными и весьма дорогостоящими инициативами проведения слушаний, конференций, *брифингов* и “круглых столов”, подписания соглашений и меморандумов.”//Наша газета +. — №3. — 2006. — с. 4; “Главный успех *спикера* — высокий рейтинг доверия граждан.”//Корреспондент. — №32(171). — 2005. — С. 12.

Коммуникативному ядру свойственно определенное соотношение активных и пассивных лексических элементов. За счет заимствованных неологизмов, которые перешли из пассивного словарного запаса в актив, происходит их перераспределение. Слова возвращаются в актив с изменением коннотации. Так, лексемы *лобби*, *оппозиция*, *протекция* и др. в связи с переориентацией системы утратили отрицательный оттенок значения. Ср., например: “*лобби* (англ. lobby — кулуары), система контор и агентов монополий при законодательных органах США, оказывающих давление на законодателей и чиновников” [Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. — М., 1983. — С. 719]. В современном политическом дискурсе *лобби* (и производные от него *лоббизм*, *лоббист*, *лоббирование*) имеет нейтральную коннотацию: “Именно наличие представителей разных сфер бизнеса и представителей однородного бизнеса как раз сводит к минимуму возможность *лоббирования* кем-то собственных интересов.”//2000. — №31(327). — 2006. — С. А6; «Страна без *оппозиции* обречена на деградацию.” (Владимир Литвин, спикер Верховной Рады Украины, заявил, что одной из насущных проблем считает формирование в новом украинском парламенте сильной оппозиции.)”//Корреспондент. — №40 (179). — 2005. — С. 14. На данном примере можем увидеть, что *оппозиция*, воспринимающаяся ранее остро и отрицательно, в современном политическом устройстве страны — явление вполне нормальное и необходимое для существования демократического строя.

Перераспределение лексических единиц в коммуникативном ядре повлекло за собой актуализацию в современном русском политическом дискурсе таких заимствований, как *коалиция*, *пикет* (*пикетировать*), *олигарх*, *губернатор*, *прессинг*, *кулуары*, *стагнация*, *легитимный*, *легальный* и др. Эти лексемы были зафиксированы в словарях, но находились на периферии коммуникативного ядра. Теперь в связи с трансформациями в обществе повысилась их коммуникативная значимость и они переместились в центр лексической системы политического дискурса. Например: “Вместе с тем, рассказывая о ходе консультаций в отношении создания парламентской *коалиции*, руководитель аппарата Верховной Рады выразил убеждение, что “до конца июня в Украине будет новое правительство.”//Голос Украины. — №101(3851). — 2006. — С. 1; “Вскоре после выборов Виктор Ющенко уволил *губернаторов* — членов УНП Василия Червония и Евгения Жовтяка.”//Столичные новости. — №24. — 2006. — С. 4; “Но мы знаем, что в случае политического заказа юристы президента найдут необходимые правовые формулировки, которые придадут *легитимность* сугубо политическому решению (заявляет Е. Кушнарев, заместитель руководителя парламентской фракции Партии регионов).”//2000. — №31 (327). — 2006. — С. А6.

Итак, в результате анализа нашей выборки можно утверждать, что иноязычные заимствования (перенаименование, перераспределение, импорт концептов) в лексической системе политического дискурса отличаются повышенной коммуникативной зна-

чимостью и находятся в центре коммуникативного ядра. Степень их коммуникативной активности, вызванная объективными социальными факторами, делает иноязычные неологизмы определяющей частью современного русскоязычного политического дискурса в Украине.

Список литературы

1. Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. — М.: БГК им. И. А. Бодуэна Де Куртене, 2000.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.
3. Кочкин М. Ю. О манипуляции в современном политическом дискурсе. //Языковая структура и социальная среда. — Волгоград, 2000 // <http://66.249.93.104>.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1998.
5. Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка к. XX в. Языковые изменения. — СПб., 1998.
6. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — М.: Ридерз Дайджест, 2004.
7. Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка. // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Вып. 2. Язык и социальная среда. — Воронеж: ВГТУ, 2000. — С. 4 – 16.

Клипатська Ю. О. Функціональні особливості запозичень у сучасному російському політичному дискурсі.

В статті розглядаються комунікативна значущість та функціональні особливості запозичених неологізмів в межах політичного дискурсу.

Ключові слова: комунікативне ядро, комунікативна парадигма, запозичення, концепт, політичний дискурс.

Klipatskaya Yu. A. Functional Characteristics of Borrowings in Modern Russian political Discourse.

The article considers communicative importance and functional features of borrowed neologisms in the frame of political discourse.

Key words: communicative nuclear centre, communicative paradigm, borrowings, concept, political discourse.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2006 г.

ГИПЕРТЕКСТ И ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Л. Ф. Компанцева

Автор обосновывает ключевое значение понятий гипертекст и виртуальный дискурс для теории Интернет-коммуникации; рассматривает когнитивно-прагматическое содержание предлагаемых единиц; определяет параметры их дифференциации.

Ключевые слова: гипертекст, виртуальный дискурс, Интернет-коммуникация, ризома, креолизованность.

Гипертекст и виртуальный дискурс — ключевые понятия теории Интернет-коммуникации, дифференциация которых необходима для формирования терминосистемы этой новой области лингвистических исследований.

Цель нашей статьи — определить соотношение понятий *гипертекст* и *виртуальный дискурс*. **Задачи статьи:** обосновать ключевое значение понятий *гипертекст* и *виртуальный дискурс* для теории Интернет-коммуникации; рассмотреть когнитивно-прагматическое содержание предлагаемых единиц; определить параметры их дифференциации.

Гипертекст и виртуальный дискурс — ключевые понятия электронной коммуникации, относящиеся к разным уровням ее организации. Гипертекст — к функционально-структурному уровню, виртуальный дискурс — к коммуникативно-прагматическому.

Виртуальный дискурс — понятие относительно новое для современной лингвистики. Мы определяем его как коммуникативное событие Сети Интернет, коммуникативную ситуацию, зафиксированную в гипертексте; системный процесс корреляции символически-речевого общения виртуальных коммуникантов, способ представления виртуальных языковых личностей в единстве психологических, социальных, национальных, этических и др. характеристик.

Понятие *гипертекст* было введено в науку Т. Нельсоном в 60-х годах для обозначения текстов, имеющих электронную форму (См.: [12], [13]). Гипертекст рассматривался как принципиально новый способ организации информационных технологий и новый метод публикации. По Дж. Лэндоу, гипертекст представляет собой блоки текстов и электронные связи между ними; соединяет отрывки дискурса с образами, картами, диаграммами и звуком так же легко, как и с другими отрывками текста, что позволяет расширить само понимание текста и вывести его за пределы лишь вербальной реализации [11]. “Под гипертекстом я понимаю непоследовательное письмо, текст, который ветвится и позволяет читателю сделать выбор, текст, который лучше читать на интерактивном экране. В популярном понимании это последовательность текстовых отрывков, соединенных связями, предоставляющими читателю различные направления” [11]. Эта же идея взаимосвязи вербальных и невербальных компонен-

тов в организации гипертекста отмечена и другими исследователями. “Гипертекстовый документ — это документ, который обеспечивает ясную визуальную связь с другими документами; и в пространстве компьютерного гипертекста, выбирая ссылку (связь) в одном документе, вы переходите к другому документу” ([8]. Перевод — Е. Галичкиной).

Web-энциклопедия вводит термин гипертекст в понятийную структуру организации сетевой коммуникации и определяет его как “*метод* организации текста, графические и другие виды информации, соединенные между собой как внутри одного документа, так и среди множества документов. Пользователи могут следовать за ссылками не в линейной организации, линия за линией, страница за страницей, а в желаемом порядке” ([10]. Перевод наш — Л. К.).

В последних исследованиях по виртуальной коммуникации российских и украинских авторов понятие гипертекста рассматривается в функционально-структурном ключе. Так, Е. Галичкина, под гипертекстом понимает “текст и систему команд или дополнений к нему, которые позволяют осуществлять ряд операций: стирать, выделять и т. д. . . . Гипертекст включает вспомогательный инструментарий, позволяющий ускорить получение нужной информации. Имеются в виду графические средства выделения информации (параграфемика) в виде шрифтов разного типа, сопровождающие знаки, в том числе идеограммы, полимодальные рубрики — фрагменты мелодии, видеоклипа, динамического образа” [4, 49]. Ф. О. Смирнов определяет гипертекст как сложное соотношение частного и целого, отличающееся, прежде всего, “нелинейным характером развертывания информации” и анализирует основные структурные элементы гипертекста — *узлы и ссылки*. *Узел* определяется исследователем как “линеаризованный отрезок гипертекста, своего рода отдельная глава” [7, 119]. *Ссылки* трактуются как “отрезки текста (отдельные слова, словосочетания, предложения и т. д.), выполняющие функции гипертекстовой связи. Переход по ссылке осуществляется посредством нажатия мышью на маркированную область текста. В этом случае пользователь обращается к содержанию другого текста, связанного с данным по смыслу” [7, 119]. В структурно-функциональной интерпретации гипертекста существуют некоторые неразрешенные вопросы, что свидетельствует о не устоявшейся еще парадигме гипертекстового знания. Так, возникает вопрос о границах текста внутри гипертекста. Например, что считать текстом отдельной веб-страницы: только ли текстовое содержание самой страницы или же все тексты, на которые ведут ссылки с этой страницы? Что такое высказывание в форуме: отдельная реплика пользователя, либо целая нить (thread), объединенная определенной темой, либо весь текст форума?

Сегодня весьма тщательно разрабатывается идея *креолизованности* гипертекста, что предполагает включенность в него собственно буквенных, образно-зрительных и образно-слуховых компонентов. Креолизованный текст компьютерной коммуникации содержит несколько обязательных дополнений: картинки, аудио- и видеовставки, графические изображения. В. И. Карасик отмечает, что в результате развития среды “мультимедиа” (выход на зрительные и слуховые образы, хранимые в памяти и воспроизводимые по заданию пользователя) меняется традиционное представ-

ление о тексте [5, 344]. По мнению исследователя, можно говорить о расширении текста до семиотического концепта, включающего зрительный образ в статическом и динамическом исполнении (картинка и фильм), звуковое сопровождение и собственно текст в виде титров [5, 344]. Е. Е. Анисимова определяет креолизованный текст как “особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата” [1, 73]. Креолизованный текст и гипертекст, тем не менее, представляют собой различные феномены. Креолизованные тексты входят в состав гипертекста, организованы по его функционально-структурным принципам, но обладают дополнительной “паралингвистической активностью” [2].

Для гипертекста важна идея взаимосвязи всех текстов в структуре единого гипертекста, что позволило Дж. Лэндоу и Р. Болтеру назвать гипертекст “технологическим апофеозом интертекстуальности” [9]. Концепции *ризома* и *интертекстуальности* становятся значимыми для понимания структурной организации гипертекста. Понятие ризомы было введено в науку Ж. Делезом и Ф. Гваттари, оно заимствовано из ботаники и означает “понятие корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов” [4]. Концепция ризомы объясняет возникновение множественности, множественность служит основой интертекстуальности. “Множественное — *его нужно сделать*, но, не прибавляя каждый раз превосходящее измерение, а наоборот, наиболее простым способом, посредством умеренности на уровне измерений, которыми мы располагаем. Ризома как подземный стебель (*tige*) абсолютно отлична от корней и корешков. Луковицы, клубни — это ризомы [корневища]. Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни. В ризоме есть лучшее и худшее: картофель и пырей, сорняк. Животное и растение, пырей — это трин-трава” [106]. Описанные Гваттари и Делезом свойства ризомы полностью совпадают с характеристиками интертекстуальности. “Принципы сцепления и гетерогенности: любое место ризомы может и должно быть присоединено к любому другому её месту. Это очень отличается от дерева или корня, которые фиксируют место, порядок. Лингвистическое древо Хомского начинается в точке *S* и действует далее по дихотомии. В ризоме наоборот — каждая черта не отсылает с необходимостью к лингвистической черте: семиотические звенья любой природы связаны здесь с самыми разными способами кодировки, биологическими, политическими, экономическими звеньями и т. д., пуская в ход не только регистры различных знаков, но также и статусы положений вещей” [4]. Таким образом, *интертекстуальность* можно определить как размывание границ текста, в результате которого он лишается законченности и закрытости, становится внутренне неоднородным и множественным. Все признаки интертекстуальности — децентрированность, множественность, цитатность, деперсонализация автора — присутствуют в гипертексте и могут быть объяснены при помощи концепции ризомы. Основу языка *html* составляют ссылки на существующие ранее источники, т. е. цитаты.

Интертекстуальность определяет семиотику и когнитивно-прагматическую глобальность гипертекста. “Ризома непрестанно соединяет семиотические звенья организации власти, обстоятельства, отсылающие к искусству, наукам или классовой борьбе. Семиотическое звено напоминает клубень, связывающий очень разные акты: лингвистические, но также перцептивные, мимические, жестуальные, когитативные: не бывает ни языка в себе, ни универсальности языка (language), но есть состязание диалектов, *ratios*, жаргонов и специальных языков” [4].

Сегодня ряд исследователей Интернета обращаются к концепту ризомы, который может служить образом постмодернистского мира, где отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия. Видимо, выбор данной категории для анализа Сети обусловлен тем, что в современной философской литературе нет альтернативного понятия, которое могло бы так четко передать сущность сетевых технологий и одновременно указать на их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры постмодерна.

Таким образом, интертекстуально-ризомная организация гипертекста обуславливает многократную репродукцию текста и является одной из коммуникативно-прагматических основ организации виртуального дискурса. В то же время в Сети существует большое количество веб-страниц, к которым по тем или иным причинам не обращаются пользователи, такие страницы, по замечанию М. Ю. Кочкина, “являют собой «кладбища» неживших текстов” [6, 92]. Автор указывает две причины этого явления: 1) “мертвые” тексты не были достаточно интегрированы ссылками в основное “тело” гипертекста, т. е. не содержали достаточно “общих мест” с документами более раннего происхождения; 2) “общая информационная энтропия в Сети”, функциональный распад дискурса по прошествии определенного времени, то есть “сейчас мало кого интересуют тексты четырехлетней давности, т. к. многие из них по тем или иным причинам утратили свою актуальность, другие — перекочевали в более новые веб-страницы” [6, 92].

Таким образом, взаимодействие между гипертекстом и виртуальным дискурсом отнюдь не однозначно и не однонаправлено: 1) они относятся к разным уровням организации сетевой коммуникации — структурно-функциональному и коммуникативно-прагматическому; 2) актуальность и востребованность тех или иных страниц гипертекста определяют прагматическую организацию дискурса; 3) если виртуальный дискурс — это коммуникативное событие, то гипертекст — фиксация в виртуальном времени и пространстве самого факта того или иного коммуникативного события, коммуникативной ситуации; 4) дискурс включает гипертекст, формируется на его основе; в то же время создает новые ответвления гипертекста — дискурсы, застывшие в текстах; 5) механизмы функционирования гипертекста основаны на коммуникативной целесообразности, поскольку реципиент гипертекста сам конструирует его структуру. Например, пользователь может в процессе ознакомления с гипертекстом последовательно совершать переходы по ссылкам, итогом чего будет либо возврат к начальному тексту, либо полное отдаление от него, что позволяет воспринять значительный текстовый массив. “Коммуникативные стратегии, характеризующие, перемещение участника электронной коммуникации в гипертексте, не поддаются строгой фиксации” [6, 121]. В то же время функционирование *виртуального дискурса* оп-

ределяется коммуникативно-прагматическими механизмами: для его возникновения и функционирования важны такие составляющие как коммуникативная стратегия и тактика, корреляция символически-речевого общения виртуальных коммуникантов, способ представления виртуальных языковых личностей и др.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопр. языкознания. — 1992. — №1. — С. 71 – 79.
2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студентов вузов / Е. Е. Анисимова. — М.: Academia, 2003. — 122 с.
3. Галичкина Е. Н Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках. — Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2001. — 208 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. — <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М: ИТДГК “Гнозис”, 2002. — 333с.
6. Кочкин М. Ю. Сети Интернета, или территория смерти // Вестник СНО. — Волгоград, 2000. — №15. — С. 91 – 95.
7. Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках. Дис. ... канд. фил. наук. — Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2004 — 222 с.
8. Discover the World Wide Web with your Sportster. Sec. ed. — USA: Sams. Net Publishing, 1996. — 198p. — P. 4 – 10.
9. Internet Student's Dictionary. — <http://raven.ubalt.edu/staff/Mou/throp/hypertext/Intertextuality10133.html>.
10. Hypertext — Web Encyclopedia. — <http://cs-structure.inr.ac.ru/cs-bin/findcits2.py?key1>.
11. Landow G. P. Hypertext. The Convergence of Contemporary Critical theory and Technology. Computer publication, 1992. — <http://dynaweb.stg.brown.edu/projects/hypertext/>.
12. Nielsen J. Hypertext & Hypermedia. — London: Academic Press, 1990. — 296 p.
13. Nielsen J. Multimedia, Hypertext und Internet : Grundlagen und Praxis des elektronischen Publizierens. — Braunschweig: Vieweg, 1996. — 492 p.

Компанцева Л. Ф. Гіпертекст та віртуальний дискурс.

Автор запроваджує ключові значення понять гіпертекст та віртуальний дискурс для теорії Інтернет-комунікації; розглядає когнітивно-прагматичний зміст запропонованих одиниць; установлює параметри їхньої диференціації.

Ключові слова: гіпертекст, віртуальний дискурс, Інтернет-комунікація, різота, креолізованість.

Компанцева Л. Hypertext and Virtual Discourse.

The author highlights the key meanings of the notions hypertext and virtual discourse for the Internet Communication theory; analyses the cognitive and pragmatic content of the proposed units, defines the parameters of their difference.

Key words: hypertext, virtual discourse, Internet communication, , intertextual, creolization.

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2006 г.

УДК 81'42:81'373

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Н. М. Лебедева, Е. С. Посылина

В данной статье изучается процесс детерминологизации в корпоративном дискурсе на основе анализа социальной лексики.

Ключевые слова: детерминологизация, корпоративный дискурс, жаргон, сленг.

Цель статьи — показать явление детерминологизации в корпоративном дискурсе. Исходя из цели исследования необходимо решить следующие задачи: уточнить понятие корпоративного дискурса и детерминологизации; объяснить их корреляцию; подтвердить динамику процесса детерминологизации.

Постановка проблемы. Лингвисты сходятся во мнении, что *корпоративный язык* или *корпоратив* представляет собой определенный язык людей, объединенных социальными и профессиональными интересами [1, с. 115; 5, р. 304; 6, р. 311 – 312]. Исследования ученых показывают, что в корпоративном дискурсе, наряду с нейтральной и профессиональной лексикой, используется специализированный, зачастую достаточно ограниченный, так называемый *корпоративный* пласт лексики, свойственный среде данного коллектива (“*language congrua*” [7, р. 3]). Он отражает стиль языкового общения в корпоративных компаниях, понятный только их сотрудникам и являющийся одним из признаков корпоративной культуры. Это своеобразное “эсперанто для внутреннего потребления”, позволяющее коллегам идентифицировать себя с фирмой, выделить людей своего круга и работать для создания ее имиджа. Говорящий знает значения слов, употребляемых в корпоративной сфере общения, если он знает те реалии и понятия, которые данные слова обозначают, то есть здесь необходимо знание экстралингвистической ситуации, в которой происходит общение. Таким образом, корпоративный дискурс предполагает влияние экстралингвистических факторов (прагматических, социокультурных, психологических) на использование лексики членами корпоративных компаний с целью демонстрации своего статуса, ранга и образа жизни.

В связи с тем, что в корпоративном дискурсе сочетаются как общеупотребительная, так и терминологическая лексика, в нем можно наблюдать такое явление как *детерминологизация*, то есть расширение терминами своих значений [4, с. 77; 2, с. 195 – 196; 7, р. 2]. Для того, чтобы понять динамику этого процесса в данном дискурсе, необходимо учитывать социальные факторы, которые способствовали возникновению корпоратива. Известно, что при открытии первых офисов зарубежных компаний в нашей стране (начало 90-х гг.) западные менеджеры столкнулись с целым рядом проблем: от политической и экономической нестабильности до “конфликта менталитетов”. Преодолеть последнее противоречие можно было дву-

мя способами: либо топ-менеджмент компании должен долго постигать славянский менталитет, либо славянские нации — особенности корпоративного дискурса. Второй путь оказался более простым. Первые сотрудники транснациональных корпораций, начиная свою карьеру, дали мощный импульс распространению корпоратива. Впоследствии они переходили в национальные компании, перенося туда и специфическую корпоративную лексику. Они делали это достаточно активно, желая таким образом подчеркнуть свой статус и, следовательно, способствовали распространению корпоративных слов и выражений (“*language congruа*” [7, p. 3]).

В корпоративной лексике английского, русского и украинского языков кроме собственно терминологии, выделяют также такие группы как жаргон и сленг [1, с. 115]. Рассмотрим каждую из этих групп подробнее. *Жаргон* подразумевает язык социальной и профессиональной группы, который отличается от общеразговорной лексики особым набором слов и выражений [1, с. 115]. Это условный язык, понятный только в корпоративной среде. Например, термин *shape* — “образец, модель, шаблон” → *shaper* — “занятый конкретным делом”.

Сленг включает в себя лексику разговорного типа, которая используется в пределах профессиональных групп [2, с. 183]. Несмотря на то, что сленг возник как язык достаточно узкой группы коллег, он выходит за рамки рабочего процесса, хотя начиналось все с желания профессионалов понимать друг друга с полуслова (например, *tycoon* — “промышленный или финансовый магнат” [3, с. 781] → *tycoonography* — “a biography of a business tycoon”).

Фактический материал показывает, что жаргону и сленгу, которые употребляются в корпоративном дискурсе, свойственно явление детерминологизации. Так, в предложении “*The Internet business model needs a reboot*”, термин *reboot*, образованный в результате конверсии (to reboot → a reboot: V → N), употребляется не с узко специализированным значением “shutting down and restarting an operating system”, но в более широком смысле “starting something afresh” [7, p. 3]. Явление детерминологизации в корпоративном дискурсе можно рассмотреть на примере слова *cosmopolitan* (или *cosmopolite*). “Космополит” употребляется в английской языке в значении “someone who has travelled a lot and feels at home in any part of the world” [5, p. 306]. В русском языке оно имеет значение “тот, кто имеет частые контакты с внешней средой, является источником новой информации, ездит в командировки”. Постепенно оно стало употребляться в широком значении “a cosmopolitan person, belief, opinion etc shows a wide experience of different people and places”. Например: “Brigitta has such a cosmopolitan outlook on life” [5, p. 306]. Следовательно, термины, попадая в корпоративную среду, могут расширять свое значение.

На наш взгляд представляется, что основными причинами детерминологизации терминов в корпоративном дискурсе являются следующие. Во-первых, следует учесть тот факт, что некоторым корпоративным терминам свойственны оценочные коннотации, благодаря которым они могут переходить в общеупотребительную лексику и сленг, например: *x-rated* (about films terribly vulgar and cruel). Во-вторых, возможно также устаревание самого понятия и выход его из системы понятий корпоративной сферы или появление другого, более точного термина для обозначения опре-

деленного понятия. Многие корпоративные термины стали достоянием общеупотребительного словаря за счет расширения их значений, чему способствовало перенесение сферы их употребления из специальных текстов. Так, за словом закрепилось новое значение, которое иногда заслоняло первоначальное и становилось ведущим, основным. В целом семантическая структура слова значительно усложнялась, поскольку на специальное значение наслаивалось общеупотребительное [7, р. 3-4]. Так, например: слово *халтура* (церковный термин со значением “служба по покойнику, отпевание”) перешло в жаргон в качестве своеобразной метафоры: служба по покойнику → кража в квартире, где находится покойник → легкая нажива, в отличие от налетов, связанных с риском. Метафорическое употребление этого слова было заимствовано корпоративным жаргоном: *халтурить*, *халтурщик*, *халтура*. Носители языка могут способствовать распространению этого явления для упрощения необходимого процесса коммуникации с коллегами, отсюда яркость, эмоциональность, легкая “запоминаемость” детерминологизированной лексики. Например, биологический термин *plant* (“растение, саженец”) в корпоративном дискурсе может употребляться в значении “производитель идей, но необязательно хорошо контактирующий с другими людьми”, а слово *aggressive* (“нападающий, агрессивный”) [3, р. 14] — в значении “энергичный, настойчивый”: “An aggressive marketing campaign”. Или: “A successful businessman has to be aggressive” [5, р. 26].

Выводы. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что 1) корпоратив представляет собой своеобразное смешение пластов лексики. В нем присутствуют термины как обязательные составляющие, а также жаргон и сленг. 2) Наряду с этим наблюдается детерминологизация терминов корпоративного дискурса. Часть терминов утрачивают свой специальный характер и активно употребляются в других сферах общения. Многие корпоративные термины, усвоенные общеупотребительным языком, получили расширенное значение. Частое применение их к фактам общественной жизни приводит к генерализации специального, терминологического значения (такое значение сохраняется лишь в строго регламентированной корпоративной лексике). Данное утверждение свидетельствует о том, что детерминологизация в корпоративной лексике отражает процесс развития разговорного языка.

В перспективе дальнейшего исследования — анализ и составление модели корпоративного дискурса.

Список литературы

1. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. — К.: Вища школа, 1984. — 248 с.
2. Мостовий М. І. Лексикологія англійської мови. — Х.: Основа, 1993. — 256 с.
3. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. — 7-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2000. — 880 с.
4. Galperin I. R. Stylistics. — Moscow: Higher School, 1977. — 336 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Third edition. — Longman, 1995. — 1668 p.
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — Oxford–United Kingdom, 2005-2006. — 1692 p.

7. www.pdf2html.spiritofanime.com/pdf2html.php?url=http://www.id.cbs.dk/~jh/files/TKE05_final.pdf

Лебедева Н. М., Посиліна К. С. Детермінологізація в корпоративному дискурсі (на матеріалі соціальної лексики).

Дана стаття вивчає процес детермінологізації у корпоративному дискурсі на основі аналізу соціальної лексики.

Ключові слова: детермінологізація, корпоративний дискурс, жаргон, сленг.

Lebedeva N. M., Posylina K. S. Determinologisation in Corporative Discourse (on the Basis of Social Vocabulary).

The article focuses on the process of determinologisation in corporative discourse. Its aim is to analyse the generalization of meaning in social vocabulary.

Key words: determinologisation, corporative discourse, jargon, slang.

Стаття поступила в редакцію 30 октября 2006 г.

УДК 811.161.1: 001.8

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Н. А. Лобачева

В статье рассмотрены особенности диахронического и исторического аспектов изучения терминологии. Первый подход предполагает исследование развития профессиональной подсистемы и ее элементов; второй заключается в изучении системных отношений, которые складываются в процессе формирования специальной лексики.

Ключевые слова: терминология, диахронический аспект исследования, исторический подход.

Проблема изучения терминологии в историческом и диахроническом аспектах была и остается актуальной. Многочисленные работы лингвистов Л. Л. Кутиной, Н. В. Васильевой, Н. Б. Мечковской, Л. П. Рупосовой, Г. П. Снетовой, О. В. Борхвальдт и др. посвящены отдельным специальным подъязыкам, их статусу, источникам и способам формирования, семантическим процессам в терминологии и профессиональной лексике [8, 4, 10, 12, 14, 2]. Такие исследования предполагают использование исторического либо диахронического подхода.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности диахронического и исторического аспектов исследования русской терминологии.

С середины 80-х годов XX в. в подъязыке лингвистики наблюдается семантическое расхождение прилагательных “исторический” и “диахронический”. Так, Ю. Н. Караулов в работе “Русский язык и языковая личность” утверждает, что “диахроническое и историческое ... не являются полными синонимами; диахрония как понятие сугубо логическое начисто лишена национального переживания и тем самым противостоит собственно истории” [7, с. 42].

Н. В. Васильева также разграничивает данные понятия, мотивируя свою точку зрения тем, что эти аспекты исследования “обслуживают” различные группы проблем: “... 1) все, что связано с историей терминов, терминосистем и терминологических полей (исторический подход) и 2) все, что связано с историей специальных текстов (диахронический подход)” [4, с. 19 – 20].

Как известно, факты прошлого могут изучаться как на коротких хронологических срезах, в синхронии, так и в диахронии. По мнению Г. Гийома, **диахронический подход** к истории специальной лексики предполагает изучение “диахронии синхронных состояний” [5]. При таком подходе к изучению специальной лексики учитывается, что любая синхронная система является следствием предыдущей, что в каждый отдельно взятый момент истории того или иного подъязыка мы имеем дело с начавшимися изменениями предыдущей системы. Р. А. Будагов отметил: “В самой синхронии как бы присутствует диахрония, каждое синхронное состояние языка обусловлено предшествующим же синхронным состоянием” [3, 29].

Таким образом, диахрония — это особый аспект исследования, суть которого заключается в изучении “исторической последовательности развития отдельных языковых явлений и развития системы в целом” [11, с. 97], который дает возможность выявить перспективные средства образования терминов и выходящие из употребления модели.

В последнее время диахронические исследования терминов различных областей знания становятся актуальными в связи с вниманием специалистов к вопросам теории познания, т. к. изучение истории развития терминологий может явиться одним из наиболее действенных средств исследования исторического развития процесса познания в целом. Другими словами, такое изучение терминологии дает возможность не только повысить надежность рекомендаций по упорядочению терминологий и образованию новых терминосистем, но и установить пути и особенности развития научной мысли, приобретая таким образом большое культурное, социальное и научное значение.

По мнению С. В. Гринева, с помощью диахронических исследований, в том числе с привлечением данных смежных с лингвистикой наук (антропологии, этнографии, истории науки и техники, всеобщей истории), “...можно установить время и особенности зарождения и развития терминологий, поскольку формирующиеся в настоящее время терминологии будут во многом повторять этапы их развития; выявить общие тенденции развития терминологий и факторы, определяющие это развитие, а также тенденции в отношении к специальной лексике и попытках ее упорядочения” [6, с. 106].

В. М. Лейчик утверждает, что “на основе диахронического подхода к термину, объединяемого с логико-гносеологическим подходом, выделяются этапы номинации (обозначения) специального понятия, включающие: а) период первоначального обозначения того понятия, когда фигурируют предтермины, в которых преобладают признаки языкового субстрата; б) этап терминологизации — вовлечения нетерминов в лексику языка для специальных целей; в) период адекватного обозначения понятия в системе понятий, когда фигурируют собственно термины, в которых признаки языкового субстрата ослаблены” [9, с. 27].

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что такой подход означает необходимость подробного анализа по крайней мере двух синхронных срезов, сопоставление которых даст возможность диахронического представления объекта. Собственно диахроническими исследованиями русской терминологии были работы Л. Л. Кутиной, О. Н. Трубачева, Л. И. Божно и др. Так, Л. Л. Кутина в книге “Формирование терминологии физики в России” обращает внимание на большую распространенность в научном языке вариантности, именно диахроническое исследование терминологии позволяет дифференцировать понятия синонимии и вариантности [8].

О. Н. Трубачев полагает, что диахронический анализ позволяет разграничивать слова, которые употребляются в роли терминов, от изначально существующих терминов [15]. Л. И. Божно, подведя итог диахроническим исследованиям терминологии, на примере закона многостороннего использования языковых средств показал

пути взаимодействия лексических средств при формировании терминологических систем [1, с. 28].

Исторический подход предполагает "... рассмотрение явлений с точки зрения их возникновения и развития в связи с конкретными условиями их существования" [13, с. 690 – 691]. Такой аспект изучения специальных наименований в отличие от описания истории значений общеупотребительных лексем предполагает определение особенностей начальных этапов формирования различных терминологий, выявление лингво-хронологических срезов и закономерностей развития специальных подязыков, изучение процессов специализации общеупотребительной и диалектной лексики, определение в составе специальной лексики русского языка различных генетических пластов, этимологическая характеристика специальных наименований и др., что входит в задачи исторического терминоведения.

Не вызывает сомнений тот факт, что данная лингвистическая отрасль тесно связана с исторической лексикологией. Их основное отличие заключается в объекте исследования: историческое терминоведение изучает становление и развитие тех системных отношений, которые складываются в процессе формирования специальной лексики, а также историю отдельных терминов. Другими словами, эта отрасль знаний ограничивает сферу своих интересов исключительно рамками специальных подсистем языка, в состав которых входят особым образом организованные специальные наименования, в то время как объектом исследования исторической лексикологии является словарный состав всех типов и форм языка прошлых эпох.

По мнению Н. В. Васильевой, проблематика исторического терминоведения также близка к исторической лексикологии, т. к. обе научные отрасли языковедения устанавливают "биографии слов-терминов". Однако, в отличие от исторической лексикологии, для терминоведения более актуальным является логико-понятийный и социокультурный аспекты исследования [4, с. 19 – 20]. Следует отметить, что историческая лексикология и историческое терминоведение поначалу развивались синкретично, лишь к 80-м годам XX в. четко обозначилась специфика каждой из этих научных отраслей. Так, специалисты в области исторической лексикологии обращаются к специальной лексике русского языка XI – XVII вв. для решения специфических задач, таких как выявление диалектных зон, определение роли различных генетических пластов лексики в процессе формирования общенационального словаря, решение проблем языкового состояния той или иной эпохи, установление общих тенденций развития словарного состава русского языка, характеристики словарного состава отдельных памятников донациональной письменности различных жанров и т. п. Раскрытие данных вопросов мы находим в исследованиях В. И. Гончарова, Н. В. Адамчук, Э. Н. Болониной, Н. И. Клыпа, Н. М. Никитенко, Т. В. Стась, Л. Ю. Астахиной, С. С. Волкова, Ю. И. Чайкиной и др. Однако изучение специальной лексики для этих ученых — не цель, а средство для решения поставленных задач.

Появлению первых историко-терминоведческих работ предшествовала публикация ряда фундаментальных историко-лексикологических трудов В. В. Виноградова,

Ф. П. Филина, П. Я. Черных, в которых большое внимание уделялось исследованию терминологической и профессиональной лексики русского языка донациональной эпохи. Большой заслугой этих ученых было утверждение взгляда на “терминологическую лексику” прошлых эпох как на функциональные единицы естественного языка, а также постановка проблем, которые стали ключевыми для исторического терминоведения 50 – 80 гг. XX в.: взаимодействие общего языка и его профессиональных подсистем, сходство и различие общеупотребительного и терминологического слова, роль специальной лексики в процессе становления словарного состава национального языка.

Итак, диахронические исследования терминологий русского языка предполагают исследовательский подход, который предусматривает изучение развития каждого из элементов специального подязыка, изменений профессиональной подсистемы в целом. Суть исторического подхода к изучению специальной лексики заключается в описании становления и развития тех системных отношений, которые складываются в процессе формирования специальной лексики, а также в рассмотрении истории отдельных терминов.

Список литературы

1. Божно Л. И. Научно-техническая терминология как один из объектов изучения закономерностей развития языка // Филологические науки. — 1971. — №5. — С. 23 – 28.
2. Борхвальдт О. В. Историческое терминоведение в теории и практике. — Красноярск: РИО КГПУ, 2001. — 148 с.
3. Будагов Р. А. История слов в истории общества. — М.: Добросвет — 2000. — 254 с.
4. Васильева Н. В. Терминоведение: исторический и диахронический аспект // Терминологические чтения (Цикл 2): Проблемы языков для специальных целей, научной и профессиональной коммуникации. Ч. 1. Киев, 1991. С. 19 – 20.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. 2-е изд., испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 222 с.
6. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1993. — 309 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 261 с.
8. Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. — Л.: Наука, 1966. — 287 с.
9. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: КомКнига, 2006. — 256 с.
10. Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. — Минск: Изд-во БГУ, 1984. — 160 с.
11. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1985. — 400 с.
12. Рупосова Л. П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке. — М.: МОПИ, 1987. — 80 с.
13. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Русский язык (Под ред. А. П. Евгеньевой). — М., 1999. — Т.1.: А-И. — 702 с.
14. Снегова Г. П. Русская историческая терминология: Учеб. пос. — Калининград: КГУ, 1984. — 86 с.
15. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции. — М.: Наука, 1966. — 416 с.

Лобачова Н. О. Діахронічний та історичний аспекти дослідження російської термінології.

У статті розглянуто особливості діахронічного та історичного аспектів вивчення термінології. Діахронічний підхід полягає в дослідженні розвитку кожного з елементів терміносистеми, змін професійної підсистеми в цілому. Історичний аспект вивчає розвиток системних відношень, які складаються в процесі формування спеціальної лексики.

Ключові слова: термінологія, діахронічний аспект дослідження, історичний підхід.

Lobacheva N. A. The diachronical and historical aspects of the researching of Russian terminology.

The article deals with the peculiarities of diachronic and historical aspects of terminology studying. The first approach presupposes the research on development of professional subsystem and its elements; the second one studies the system processes of special lexis forming.

Key words: terminology, diachronic aspect of research, historical aspect of research.

Стаття поступила в редакцію 22 октября 2006 г.

УДК 81'243

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ УКРАИНСКИХ ЛЕКСЕМ “ПОМАРАНЧЕВЫЙ”, “МАЙДАН” В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. И. Николенко

В статье рассматривается функционирование украинских лексем “помаранчевый”, “майдан” в русском языке, в частности, в дискурсе масс-медиа. Определены основные значения, которые данные лексемы приобрели в ходе политических событий современной Украины.

Ключевые слова: украинизм, лексема, сема, язык масс-медиа.

Язык как социальное явление отражает в себе все политические, экономические, культурные и другие изменения. В связи с демократическими преобразованиями общества и суверенизацией государств одним из решающих условий для успешного развития национального возрождения и сохранения народов с самобытной культурой является сохранение, функционирование и развитие их родных языков.

В современном мировом сообществе, с одной стороны, наблюдается всеобщая тенденция к слиянию культур разных народов в общечеловеческую, а с другой, еще острее в данной ситуации встает вопрос о сохранении отдельных самобытных национальных культур. Каждый этнос и каждый язык в условиях всеобщего взаимопроникновения и взаимовлияния включает механизмы сопротивления против стирания национальных особенностей, против утраты национальных исторических ценностей и культурного наследия. Подобное же явление наблюдается и в развитии языков как части и основы национальных культур.

Кроме общественных изменений в мире, коренные преобразования произошли в Украине и в Российской Федерации, языковых контактах украинского и русского языков. В советский период это были отношения между национальным языком и языком межнационального общения, в настоящее время в Украине — отношение между государственным (украинским) и языком национального меньшинства (русским, согласно Закону України про ратифікацію Європейської хартії регіональних мов або мов меншин). В последние годы усилилось взаимодействие украинского и русского языков. Изучение этого взаимодействия на современном этапе является одной из важнейших проблем украинского и русского языкознания.

Целью статьи является исследование и описание функционирования украинских лексических элементов “помаранчевый” и “майдан”, отражающих политические процессы современной Украины, в русском языке.

В задачи статьи входит рассмотрение основных значений лексем “помаранчевый” и “майдан” и определение “новых” значений, приобретенных данными словами в ходе политических событий в Украине последних лет.

Материалом исследования послужили русскоязычные тексты СМИ (“Зеркало недели”, “Коммерсантъ”, “Украинская газета” и другие в период с конца 2004 г. по 2006 г.).

Отметим, что заимствования из украинского языка в лингвистической литературе называются по-разному. Например, И. Н. Кошман, вслед за Ю. Н. Карауловым, Л. П. Крысиным, различает собственно заимствования и “иноязычные вкрапления”, которые “не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка”, в тексте они часто не меняют своего графического облика [5; 8]. Включение языковых единиц на украинском языке в русские тексты, следовательно, называются украинскими вкраплениями [5]. Еще одно название заимствований из одного языка в другой — контактемы, под которыми понимаются иноязычные элементы (слова, словосочетания, морфемы), появившиеся в русском языке в результате контактов с другими языками, т. е. конкретные речевые реализации лексико-семантического взаимодействия языков [1]. Контактемы связаны с преодолением “ситуации безэквивалентности”. Большинство исследователей все заимствования из украинского языка в русский называют **украинизмами**. Этот термин традиционно используется в работах, посвященных изучению языка русских писателей Украины, или писателей — выходцев из Украины. Ярким примером могут служить исследования языка Н. В. Гоголя (например, работа В. В. Виноградова “Язык Гоголя”). Этим же термином оперирует Н. Г. Озерова, исследуя русскую газетную речь [6], Т. А. Космеда и С. О. Саакян, рассматривая украинизмы в словаре В. Даля [4].

Под **украинизмами** мы понимаем транслитерированные коррелятивные и дифференциальные украинские лексические единицы, функционирующие в русском языке. Среди этих лексем есть слова различного происхождения: исконно украинские, старославянизмы, сохранившиеся в украинском, но не функционирующие в современном русском и белорусском языках, а также заимствования (полонизмы, тюркизмы и т. д.), для которых украинский стал языком-посредником. Мы отдаем предпочтение этому термину, так как он более широк по сравнению с терминами ‘заимствования’, ‘вкрапления’ и ‘контактемы’. Мы считаем, что термин ‘украинизм’ включает в себя и украинское заимствование (например, лексема *хата*, активно используемая в русском языке), и украинское вкрапление (лексеммы *мова*, *самостийный*, *помаранчевый*, которые употребляются только если речь идет об Украине и не входят в словарный состав русского языка).

В последнее время в современной лингвистике немало внимания уделяется проницанию украинской лексики в русскую. Большое количество украинизмов появилось в русской речи не только на территории Украины под влиянием политических событий, а именно: президентских выборов (ноябрь 2004 г.), оранжевой революции, выборов в парламент Украины (март 2006 г.) и другие. Эта лексика связана с названиями политических партий и выбором символики этих партий (оранжевый цвет партии “Наша Украина” и бело-голубой “Партии регионов), событиями, произошедшими в ходе выборов и т. д.

К таким украинизмам можно отнести лексеммы *Майдан* (*Майдан Незалежности*), *помаранчевый*, *так!*, *ганьба*, *незалежный* и др.

Предметом нашего описания являются лексические единицы *помаранчевый* и *Майдан*, употребляемые в русской речи без перевода.

Рассмотрим функционирование лексемы *помаранчевый*. Слово *помаранчевый* переводится на русский язык как оранжевый. Этот цвет был взят в качестве символа партией “Наша Украина”. В момент президентских выборов эта партия и “Партия регионов” были конкурирующими, так как их лидеры были главными кандидатами на пост президента Украины. Синие-белые щиты “Партии регионов” появились еще задолго до выборов. Внутренняя неудовлетворенность навязчивой информацией, напряженность в обществе в целом требовали положительной разрядки. Так появился “помаранчевый” — цвет, уравнивающий синий. Психологи выстраивают ассоциативный ряд, соотносимый с оранжевыми характеристиками: “энергетический, энергичный, созидательный, демонстративный, стремительный” и т. д. Отметим, что в дальнейшем этот цвет стал также цветом украинской “революции” — “помаранчевой революции”.

Слово *помаранчевый* ← *помаранч(а)* является заимствованием из немецкого языка (*померанець* от нем. pomeranze “горький сорт апельсинов” от итал. pomo “яблоко” и agancia “апельсин”). Такое же происхождение русского слова *оранжевый* (от orange — апельсин). Слово *померанець* “субтропическое вечнозеленое дерево семейства рутовых с оранжево-красными горьковатыми плодами” [7; т.10; 1166] и прилагательное от него *померанцевый* “1. относящийся к померанцу; 2. имеющий цвет кожуры померанца; оранжево-красный” известны и русскому, и украинскому языкам. Эти лексические единицы зафиксированы также в Толковом словаре В. И. Даля [2; т. 3; 271]. Интересна параллель, приведенная В. И. Далем: *померанцевый цвет, ранжевый, рудожелтый, жаркой*. Однако в XX веке в украинском языке произошло изменение звуковой формы лексемы *померанець*. В Словаре украинского языка, собранного редакцией журнала “Киевская старина”, под ред. Б. Д. Гринченко, изданном в 1908 г. зафиксировано слово *померанець* в значении “апельсин” [8; 294]. А в Словаре украинского языка, изданном в 1976 г., рассматриваемая нами лексема уже зафиксирована как *помаранч(а)* (“1) субтропічне вічнозелене цитрусове дерево родини рутових; 2) плод цього дерева; 3) розм. те саме, що апельсин”), *помаранчевий* (“1) прикм. до помаранча; 2) який має колір шкіри помаранчі; оранжево-червоний”) [9; т. 7; 113]. Отметим также, что произошла огласовка *e-a*: *померанцевый* — *помаранчевый*. И, возможно, именно с этим связано то, что в русскоязычных СМИ украинская лексема *помаранчевый* употребляется как *померанчевый*.

В украинском языке существует несколько лексем, обозначающих оранжевый цвет: *оранжевий, жовто-гарячий и помаранчевий* (красно-оранжевый). Но в качестве символа названной партии было выбрано именно слово *помаранчевый*. Возможно, потому, что этот оттенок оранжевого цвета ближе к красному — “цвету революции”, эмоционально насыщенному.

В современном русском языке для обозначения оранжевого цвета используется только лексема *оранжевый*, несмотря на то, что в словаре зафиксирована и лексическая единица *померанцевый*. Поэтому, как мы думаем, лексема *помаранчевый* (*померанчевый*), известная многим языкам (*белорус.* помяранцавы, *польск.* pomarańczowy и др.), в том числе и русскому, в котором она появилась в XVII веке [10; 55], в настоящее время (после событий в Украине) воспринимается

носителями русского языка как украинизм, так как получило определенную коннотацию. Возможно, в сознании русскоязычных жителей Украины и ближнего Зарубежья сема “наименование цвета” в слове *помаранчевый* стала не ядерной, а периферийной. Ядро рассматриваемой семемы заняла сема “относящийся к оппозиции, революционный”.

В ходе исследования нами были выявлены следующие случаи функционирования слова *помаранчевый*:

1) если речь идет о партии “Наша Украина” и ее сторонниках; о коалиции, в состав которой вошли партии “Наша Украина”, БЮТ и др. — т. н. помаранчевой коалиции (*“помаранчевая коалиция”* (“Трибуна”, 06.022.2006), *“помаранчевая команда”*, *“помаранчевые силы”* (там же); *“помаранчевые революционеры”* (“Коммунист”, 08.06.2005); *“помаранчевое лакейство”* (“Коммунист”, 8.06.2005); *“помаранчевый раскол”* (о расколе “помаранчевой коалиции”) (“Украинская правда”, 12.09.2005); *“помаранчевый политикум”* (“Украинская правда”, 29.08.2006);

2) в контекстах, описывающих украинскую “революцию” (*“Помаранчевая революция”* (“2000”, 29.04.-05.05.2005)), события, относящиеся к ней (*“Украина <...> на глазах у всего мира “померанчево” простилась со своим недемократическим прошлым ...”* (“Украинская правда”, 13.01.2005). Интересны лексические сочетания, описывающие эти события: *“померанчевый шабаш”* (“Украинская правда”, 21.01.2005); *“померанчевый путч”* (“Коммерсантъ”, 28.12.2004); *“помаранчевый бунт”* (“Наш Донецк”, 10.11.2005).

Если проследить хронологию употребления данной лексемы в текстах СМИ, то можно выявить, что с течением времени (2004 – 2006 г. г.) актуализировались различные семы лексического значения слова *помаранчевый*, менялась его эмоционально-экспрессивная окраска и контексты употребления. Изначально лексема *помаранчевый* имела положительную коннотацию, актуализировались семы: цвет активности, энергии, внутреннее бурление общества, стремление к динамике. Находим подтверждение в СМИ: *“Заснеженный Киев, многотысячный Майдан, полыхающий оранжевым цветом, — это незабываемо. Летописцы и исследователи творящейся на наших глазах “элегантной” революции, ... отдадут должное символике <...>, а именно: оранжевому (по-украински звучит красиво — померанчевому) цвету”* (“ЗН”, 4-10.12.2004); *“Померанчевый колор стал интернациональным цветом победы”* (“ЗН”, 22-28.01.2005).

Со временем в зависимости от того, кто освещает события — сторонники или противники “помаранчевых сил”, — цель использования лексемы *помаранчевый* менялась, при этом сама лексема обретала то положительную, то отрицательную коннотацию (*“У министров “помаранчевый” бред ...”* (УРА-Информ, 23.10.2006 (<http://www.ura-inform.com/ru/politics/2006/10/23/nsny/>)).

В настоящее время произошло разделение сфер функционирования синонимичных лексем *оранжевый* и *помаранчевый*. *Оранжевый* в русском дискурсе используется как номинация цвета и иногда в рассмотренных выше “новых” значениях, тогда как лексема *помаранчевый* — только в рассмотренных нами значениях.

Интересно употребление рассматриваемой лексемы в метафорических конструкциях. Примером может послужить заголовок статьи *“Помаранжевая прививка от революции”* (“Украинская правда”, 29.08.2006). Так охарактеризована сама “помаранжевая революция”. Автор раскрывает это в статье: *“Прививка от революции — так я (автор статьи) называю помаранжевый Майдан. Бескровный государственный переворот предотвратил то, что могло случиться на самом деле. Настоящую революцию”*.

Кроме лексемы *помаранжевый*, в текстах русскоязычных СМИ, часто употребляется слово *майдан*. Как отмечает Н. Н. Арват, национально-культурная картина мира современной Украины пополнилась яркими реалиями, в числе которых первой является *Майдан*. Она понимается всеми с полуслова, ибо отражает общественно-политическое событие огромной важности и серьезных последствий. Слово *Майдан* вошло в русский язык без перевода и употребляется в значении акции народного противостояния [1; 157].

Лексическая единица *майдан* (от тюрк. *maidan* “ровное, свободное место; площадь”, которое берет свои корни в араб. яз. *maidan, mainan* от *mada* “быть движимым” [7; т. 6; 499]), как и *помаранжевый*, известна и русскому, и украинскому языкам. В БАСе отмечены следующие значения этого слова: 1) *обл.* базарная площадь, открытое место, где собирается народ (в станице, казацкой деревне); *устар.* у казаков — станичный круг, сходка; 2) *устар.* и *обл.* место, площадка для выгонки дегтя, производства поташа и др.; лесная смолокурня; 3) *в воров. жаргоне* — тайный кабак или игорный дом; также сама карточная игра; 4) *в археологии* — особый вид курганов, древних могил, обычно раскопанных сверху [7; т. 6; 499]. Как видим, все значения даны с пометами *обл.*, *устар.* и др., что позволяет говорить о том, что данная лексема не используется активно или вообще не используется в современном русском языке. Это подтверждается и пометами, данными к значениям лексемы *майдан* в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, которые отмечают, что ее употребление в русском языке ограничивается областью южных диалектов или она включается в тексты, описывающие украинские реалии. В современном украинском языке иная ситуация. В Словаре украинского языка даны почти те же значения, что и в БАСе, за исключением 3-го, но преобладающее значение “велике незабудоване місце в селі або місті; площа” не имеет никаких помет [9; т. 4; 597]. Это подтверждается и тем, что лексическая единица *майдан* активно используется в украинском языке наряду с наименованием *площа* (площадь) (центральная площадь Киева — Майдан Незалежности и другие майданы в разных городах и селениях Украины).

Возможно, раньше лексическая единица *майдан* входила в активный словарный запас носителей русского языка, чему свидетельствуют данные Толкового словаря В. И. Даля, в котором дано большое количество значений рассматриваемой лексемы, к тому же с различными пометами: *ниж.*, *в Сиб.*, *юж.* [2; т. 2; 290].

Имя собственное Майдан Незалежности, или Майдан Независимости, давно используется в русской речи и в текстах СМИ как прямая номинация: *“После обращения к прессе победитель и его команда отправились на майдан Незалежности”* (“Независимая газета”, 27.12.2004). Употреблялась также и кон-

денсированная форма номинации — *Майдан*: “*На майдане утром царили постреволуционная вялость и апатия*” (“Коммерсантъ”, 28.12.2004).

Благодаря событиям осени 2004 г. лексема *майдан*, как отмечает И. Н. Кошман, “ассоциируется не только с определенным киевским пространством, но и с местом проведения активных протестных акций. Ассоциативный компонент “место протеста” делает возможным употребление номинации *майдан* в обобщенном значении” [5; 192].

Таким образом, часто стало именоваться лексической единицей *майдан*:

1) место проведения протестных манифестаций: “... он (Ющенко) “выходил на *майданы* и расписывал” гражданам Украины светлое европейское будущее ...” (“2000”, 29.04.-05.05.2005);

2) сама протестная манифестация, протест: (“Если кому-то захочется организовать *майдан* в России, мы привезем 30 тысяч турок!” (“Собеседник”, 16-22.03.2005); “Белорусский *майдан*. Хроника двух дней” (“Деловая газета”, 22.03.2006); “Витренко обещает устроить “*майдан*” под ЦИКом” (rodrbnosti. ua, 05.04.2006); “Лозунги *Майдана* — в жизнь!” (“ЗН”, 22-28.01.2005); “воздух *Майдана*” (“Столичные новости”, 30.11.-6.12.2004); “ценности *Майдана*” (“ЗН”, 10-16.12.2005); “17 дней *Майдана*” (“ЗН”, 22-28.01.2005);

3) участники протеста: “начатое *Майданом* движение” (“ЗН”, 22-28.01.2005); “Голос *Майдана*” (“ЗН”, 22-28.01.2005); “*Майдан* все подхватывает на лету” (“ЗН”, 4-10.12.2004); “... сегодня *Майдан* также должен требовать...” (“Фраза”, 22.11.2005); “... оправдать доверие *майданов*” (“ЗН”, 22-28.01.2005).

Перечисленные значения лексемы *майдан* являются результатом метонимизации и на ее основе символизации.

Отметим также, что слово *майдан* в украинских СМИ употребляется с нейтральной коннотацией, а в российских — чаще с негативной.

Выводы. При употреблении украинизмов *помаранчевый* и *майдан* в русской речи актуализируются не основные значения этих слов, а периферийные, “новые”, которые приобретены данными лексемами в ходе политических событий Украины последних лет. Часто это метонимические значения.

Включение в русскую речь не только рассмотренных в настоящей статье, но и других украинских лексем (*незалежный*, *ганьба*, *мова* и т. п.) является отражением языковой ситуации в Украине.

Литература

1. Арват Н. Н. Сопоставительное изучение русского и украинского языков в аспекте языковой картины мира. // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школах и высших учебных заведениях Украины: Сб. науч. тр. — К., 2005. — с. 157
2. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. В 4-х т. — М., 1990;
3. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья. // Вопросы языкознания. — М., 1992. — №6.
4. Космеда Т. А., Саакян С. О. Украинизмы в словаре В. Даля. // Російське слово в українському тексті. Українське слово в російському тексті. — Львов, 1998.

5. Кошман И. Н. О функционировании украинских вкраплений. // Русский язык и литература. Проблемы изучения и преподавания в школах и высших учебных заведениях Украины: Сб. науч. тр. — К., 2005. — С. 190–194.
6. Озерова Н. Г. Украинизмы в русской газетной речи на рубеже тысячелетий. // Русский язык и литература в учебных заведениях. — 2002 г. — №5 — с. 2–4.
7. Словарь русского языка. В 17-ти т. — М.-Л., 1960.
8. Словарь української мови. В 4 т. Т. 3. — К., 1909.
9. Словарь української мови. В 13 т. — К., 1976.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т.2. — М.: Русский язык, 1994.

Ніколенко Н. І. Про функціонування українських лексем “помаранчевий”, “майдан” в російській мові.

У статті розглядається функціонування українських лексем “помаранчевий”, “майдан” у російській мові, зокрема, в дискурсі ЗМІ. Визначені головні значення, які ці лексеми придбали внаслідок політичних подій сучасної України.

Ключові слова: українізм, лексема, сема, мова ЗМІ.

Nikolenko N. I. The function of the words “pomarancheviy” and “maydan” in the Russian language.

In the article it is examining the functioning of the Ukrainian words “pomarancheviy”, “maydan” in Russian language, and in particular in mass-media discourse. The basic meanings that was acquired by these lexical units in consequence of the political events in the modern Ukraine are defined.

Key words: ukrainisms, lexical unit, discourse of mass-media.

Статья поступила в редакцию 14 ноября 2006 г.

УДК 81'373.612

ЗНАК И СТЕРЕОТИП В СТРУКТУРЕ ДЕФИНИЦИЙ РУССКИХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

А. Н. Овчинникова

В статье предлагается результат дефиниционного анализа наименований лица в семиологическом аспекте. Процедура установления стереотипов позволяет непротиворечиво описывать семантику производного слова. Понимание слова (знака) опирается на модель мира (скрытое знание). Данное положение концептуально связано с теорией семантического кодирования В. В. Мартынова и основаниями комбинаторной семантики, сформулированными А. Н. Гордеем.

Ключевые слова: семиология, комбинаторная семантика, производная семантика, знак, стереотип.

Исследование процесса образования слов как второй сигнальной системы непосредственно связано с возникновением мысли, формализованной в понятия. Семиология является той областью знания, которая позволяет определить закономерности перехода от **сигналов**, обозначающих представления, к **знакам**, обозначающим понятия. “До настоящего, формально-логического, мышления мысли возникали не формализованные в понятия, а как комбинирование слов, которые ведут за собой другие слова, как попытки непосредственно зафиксировать проходящий перед нашим сознанием поток образов и т. д.” (А. Н. Колмогоров) [4, с. 20]. Задача теории семантической информации — проследить механизм выкристаллизования слов как сигналов, несущих в себе комплекс образов; задача решается нами в аспекте семантической типологии порождения знаков.

Исходя из аксиом различения и порождения, сформулированных В. В. Мартыновым [4], **сигнал** — это единица, отображающая представление в целом (типа эскимосского *qana* ‘падающий снег’), а **знак** — единица, отображающая повторяющиеся элементы представлений, полученные путем сравнения. “При сравнении представлений выделение их повторяющихся элементов, которые гносеологически адекватны понятиям, возможно только при посредстве названия. Без знаков невозможны понятия. Понятие “дым” получает свое материальное воплощение только в знаке *дым*. В представлении о дыме отсутствует “дым вообще” — без цвета, без формы и т. д. Представление — нерасторжимый комплекс. Его элементы могут быть выделены лишь путем абстракции. Лишь путем абстракции мы можем мыслить о цвете без предмета и о предмете без цвета” [4, с. 50 – 51]. Представления различаются непосредственно (без помощи языка), однако для того, чтобы описать их, необходимы знаки. Таким образом, знак ограничивает разнообразие мира и является инструментом познания, репрезентируя гносеологическую функцию языка.

Знак *обладает* номинативностью. Номинативность знака обуславливает его внеситуативность. В отличие от знака, предложение (сигнал) не может быть внеситуативным. Слово и предложение различаются как, соответственно, **знак** и **сиг-**

нал. “Язык возникает тогда, когда система сигналов преобразуется в систему знаков, т. е. когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций), и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается” [5, с. 18]. Например, предложение *Этот актер хорош в любой роли* “сигнализирует” о конкретной ситуации, как и предложение *Это хороший актер*, тогда как знаки *актёр* и *хороший актёр* внеситуативны. Номинативная функция знака проявляется также в его способности выступать как переменный (временный) или постоянный признак в зависимости от позиции, т. е. в функции актуализатора или модификатора. **Актуализатор** – временный признак в центральной позиции: *Человек грустно оглянулся на родной дом; Они пьют кофе по утрам*. **Модификатор** — постоянный признак в одной из маргинальных позиций: *Грустный человек оглянулся на родной дом; Они пьют утренний кофе*.

Объединение представлений о любом фрагменте действительности происходит путём нахождения и установления **стереотипов**. В терминах *комбинаторной семантики* (А. Н. Гордей) **стереотип** — закодированный интеллектом повторяющийся элемент в **копии мира**. “Комбинаторная семантика — лингвистическая дисциплина, изучающая отношение языка к модели мира, в отличие от философии, призванной изучать отношение модели мира к миру. Под семантикой понимается также содержание стереотипов, значения знаков и смысл предложений” [1, с. 35].

Обратимся к концептуальным основаниям *комбинаторной семантики*. Человек воспринимает мир органами чувств. Снятая ими **копия мира** поступает в интеллект, который распознает ее благодаря врожденной способности выделять и кодировать повторяющиеся элементы представления. Присваивая каждому элементу определенный **внутренний код**, сравнивая **стереотипы** и выводя из одних стереотипов другие, интеллект выстраивает **модель мира (скрытое знание)** [1].

Понимание знака возможно благодаря опоре на модель мира. Благодаря поддержке модели мира появляется возможность минимальным количеством языковых средств обозначать максимальное количество понятий. Однако использование одного и того же знака (слова) для передачи **сигнала** о конкретной ситуации (предложения) приводит к метафоризации языка. Не случайно исконные метафоры (*красна девица, рубаха парень, душа нараспашку, живота не жалеть, мать сыра земля* и мн. др.) вызывают значительные трудности в понимании языка инофонами — носителями иной модели мира. Модель мира – это *врожденная* способность интеллекта воспринимать и понимать окружающий мир во всех его проявлениях; следовательно, понимание мира и особенно его культурных феноменов не может не быть связано с генетической памятью этноса (именно, повторим, в силу врожденного характера интеллекта).

Стереотипы — это первичные понятия о мире, которые формируются интеллектом на подсознательном уровне. Интеллект строит модель мира двумя способами: *декларативным* (перечислением стереотипов) и *процедуральным* (процедурой порождения стереотипов). Процедуральное представление позволяет разделить стереотипы на индивиды и их признаки. “**Индивид** — разновидность стереотипа как

отдельной сущности в выделенном фрагменте мира; **признак индивида** — разновидность стереотипа как *свойства* отдельной сущности в выделенном фрагменте мира или процесса (акции), в котором эта сущность участвует” [1, с. 34].

В лексических микросистемах стереотипам может присваиваться функция семантических эквивалентов (на уровне метаязыка – семантических множителей). При формальных различиях все элементы лексических микросистем имеют одинаковый семантический эквивалент. Компонентный анализ дефиниций выявляет, например, семантический эквивалент *тот, кто* для производных наименований лица. В сочетании с модификатором (постоянным признаком индивида) данный фрагмент дефиниций регулярно представляет производную семантику, выступая знаком-носителем определенного содержания. Например: **кляузник** ‘*тот, кто занимается кляузами*’; **крамольник** ‘*тот, кто занимается крамолой*’, **склочник** ‘*тот, кто занимается склоками*’ [6] и др. Содержанием знака является стереотип. О том, что дефиниции эксплицируют именно стереотипы, свидетельствуют их преобразования по модели “знак” + “модификатор(ы)” = “новый знак”. Сравнивая модель “человек” + “охота, охотиться” = “охотник” и дефиницию слова **охотник** ‘человек, занимающийся охотой’ [6] (= тот, кто занимается охотой), выводим стереотип “[любой], *кто охотится* [постоянно] — охотник”.

Знание (модель мира) формируется на основе чувственного восприятия предметов с учетом *пространственно-временных* отношений — это процедуральное представление знания. “Процедуральное представление знания дает возможность рассматривать процессы, в которых участвуют предметы, как их переменные или постоянные признаки, например, если *врач в лесу рубит дерево*, то это значит, что в данный момент времени *он является не врачом, а дровосеком*, и наоборот, если *некто постоянно лечит людей*, то *этот некто – врач*” [2, с. 36].

Представление знания *без учета пространственно-временных* отношений является декларативным. Декларативно семантика слова описывается рядом словарных значений. Например:

Лекарь *устар.* и *простореч.* ‘То же, что врач’.

Врач ‘лицо, имеющее высшее медицинское образование и право лечения больных; лекарь, доктор (в просторечии)’.

Сопутствующие дефиниции деривационно родственных слов: **лекарничать** *простореч.* ‘Заниматься лечением, не имея специальной подготовки’; **лекарство** ‘занятие лекаря; лечение больных’; **врачевать** *устар.* ‘1. *Перех.* Лечить. || *Перен.* Исцелять. 2. *Неперех.* Заниматься лечением, оказывать врачебную помощь’; **врачевание** ‘лечение; врачебное искусство’ [6].

Процедурально слово представляет информацию об индивиде в сжатом, компрессированном виде: $N R(x)$, где N – индивид, R – отношение, x – признак индивида. В результате семантической конденсации дефиниции выводим стереотип “тот [любой], кто имеет отношение к признаку индивида”. На данном этапе следует различать свойство и функцию индивида. Переменный признак индивида переходит в постоянный, в результате получаем свойство. Например, в случае *лекарь* (*тот, кто*

лечит) → *лечащий*: ‘лечить’ — функция, ‘лечащий’ — свойство, ‘лекарь’ — индивид.

Семантика слова включается в модель мира как содержание знака и как информация об отдельной сущности в выделенном фрагменте мира — индивиде, с присущими ему признаками (постоянными или временными).

Процедура установления стереотипов позволяет типизировать словообразовательную семантику производного имени. Становится несущественным характер дистрибуции суффиксов, например, по типу тех основ, к которым они присоединяются. Важно вычленить то общее, что объединяет производные слова, формально образованные от основ разных частей речи и с помощью разных суффиксов.

“На определенном уровне абстракции производное слово и его дефиниция могут рассматриваться как семантически тождественные единицы” [3, с. 62], но сравнительно со своей семантической дефиницией производное слово отличается от нее тем, что содержит либо скрытое указание на тип фиксируемого отношения, либо на его характеристики [3, с. 99].

Концептуально попытка установить знаковость фрагмента дефиниций *тот, кто* опирается на тезис: “Семантическое расчленение объективного мира связано с вычленением отрезков действительности, которые требуют наименования. Через этот процесс словообразование включается в общую теорию номинации. Человек, обладающий определенными представлениями об объективной действительности, нуждается в означивании феноменов объективной действительности средствами языка” [7, с. 3].

Проблема лексикографического описания производных единиц связана с отсутствием однородности в передаче словообразовательной семантики, и, конечно, дефиниции в разных словарях разные. Но именно на фоне этой неоднородности особую ценность представляют факты совпадения разных дефиниций производного слова по интерпретируемому фрагменту действительности — стереотипу. Дефиниционный анализ, неизбежно связанный с лексикографической практикой, направлен на выработку непротиворечивых принципов описания производной семантики. Процедуральный подход к анализу производной семантики представляется нам наиболее целесообразным, поскольку позволяет решить проблему несоответствия толкования производного слова (дефиниции) его формальной структуре. Например: *сплетник* ‘тот, кто сплетничает’, но *кляузник* ‘тот, кто занимается кляузами’.

Считаем, что посредством знака *тот, кто* осуществляется компрессия семантической информации о стереотипе. Номинативный статус данного знака доказывается через регулярное соотношение с дефинициями производных слов.

Список литературы

1. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / Отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. — Гродно: ГрГУ, 2005. — С. 32 – 35.
2. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. — Минск: Белгосуниверситет, 1998. — 156 с.

3. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
4. Мартынов В. В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. — Минск: Наука и техника, 1966. — 147 с.
5. Мартынов В. В. Семиологические основы информатики. — Минск: Наука и техника, 1974. — 192 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.-Л.: Наука, 1948 – 1964. — ТТ. I – XVII.
7. Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982. — С. 3 – 44.

Овчинникова А. М. Знак і стереотип у структурі дефініцій російських похідних слів.

У статті пропонується результат дефініційного аналізу найменувань особи у семіологічному аспекті. Процедура встановлення стереотипів дає можливість несуперечливо описувати семантику похідних слів. Розуміння слова (знака) спирається на модель світу (приховане знання). Дане положення концептуально зв'язано з теорією семантичного кодування В. В. Мартинова і основи комбінаторної семантики, сформульовані Гордеєм.

Ключові слова: семіологія, комбінаторна семантика, похідна семантика, знак, стереотип.

Ovchinnikova A. N. Sign and stereotype in the structure of Russian derived words.

The article exhibits the results of the definition analysis of nominations denoting a person conducted in semiological aspect. The procedure of the inventory of stereotypes allows to consistently describe the semantics of a derived word. Comprehension of a word (sign) rests on the model of the world (hidden knowledge). This postulate is conceptually connected with V. V. Martynov's theory of semantic encoding and the basics of combinatory semantics formulated by A. N. Gordey.

Key words: semiology, combinatory semantics, derivative semantics, sign, stereotype.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2006 г.

УДК 811.161.1' 373.2

СЕМАНТИКА АРТИОНИМОВ КАК ЕДИНИЦ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Т. И. Плужникова

Статья посвящена анализу семантической структуры артионимов – названий произведений изобразительного искусства как специфических коррелятов невербальных знаков. Эти виды онимов ранее не были объектом лингвистического исследования.

Ключевые слова: артионим, невербальный знак, семантика.

В русской ономастике давно сложилась общая теория имен собственных (А. Суперанская, Н. Подольская, Е. Отин и др.), которая опирается на множество практических разработок онимов различных разрядов. Однако есть разряд имен собственных, до сих пор не ставших объектом специального исследования: даже в библиографическом классификаторе для этой группы слов нет самостоятельного обозначения. Имеются в виду артионимы — имена собственные, которые представляют собой названия произведений изобразительного искусства (живописи, графики, пластики) [5, с. 38], являясь подклассом идеонимов — названий, связанных с духовной культурой.

Специфичность этих онимов состоит в том, что, как все наименования, они представляют собой “нарицательные существительные или сочетания слов. При этом нарицательное существительное не утрачивает своего лексического значения, а лишь изменяет свою функцию” [4, с. 461], обозначая не фрагмент объективной реальности, а другой знак, посредством которого уже обозначена эта реальность, — картину.

Какие же квалификаторы реального мира, отраженного художником, находят выражение в подписи к картине? В данном случае речь идет не о том, что изображено на полотне, а что обозначено, поскольку это не всегда одно и то же, в связи с чем в 1914 г. на выставке “Футуристы, лучисты, примитивисты” неизвестный автор написал в альбом М. Ф. Ларионову эпиграмму на картину Д. Бурлюка “Зимняя баня”:

*Пальцем, выпачканным в сажу
(В бане не был я давно),
Я все мажу, мажу, мажу
Терпеливо полотно.
И нечистый плод исканий
Называю “Зимней баней”.*

Исследование артионимов с точки зрения того, какие квалификаторы объективной реальности избираются, позволит установить значимость тех или иных характе-

ристик этой реальности для данного человека, для художников определенного направления, для какой-либо эпохи и т. д. с соответствующей проекцией в систему языка и речи. Мы не ставим перед собой такой цели и не регламентируем себя ни жанровыми, ни хронологическими, ни личностными рамками. Наша задача — систематизировать артионимы лишь на основе семантических признаков этих трансфункциональных языковых единиц с учетом актуализации их архисем с возможностью впоследствии соотнести семантику вербальных знаков (слов) и невербальных (картин). Нами проанализировано 817 названий картин, находящихся в государственной Третьяковской галерее, написанных в разное время художниками разных направлений, работавших в разных жанрах. Для номинации созданного им произведения художник может выбрать слово (“*Индиец*” В. В. Верещагина, 1871 – 1872), словосочетание (“*Кокандский солдат*” — он же в то же время), предложение (“*Нападают врасплох*” — он же, 1871). Естественно, у портретистов названия картин отличаются от названий пейзажистов и маринистов, но в данном случае это не суть важно, поскольку нам надо установить в целом денотативную основу артионимов.

Среди них выделяются несколько групп.

I. Субъектные артионимы используются, если обозначается человек. Это может быть мужчина или женщина любого возраста (“*Моя няня*”, Н. Н. Ге, 1867; “*Старик*”, А. Е. Архипов, 1883); лицо может характеризоваться по национальности (“*Афганец*”, В. В. Верещагин, 1867 – 1868; “*Турчанка*”, Н. П. Брюллов, 1832), по роду занятий (“*Пряха*”, А. Г. Венецианов, 1830-е; “*Монахиня*”, В. М. Баруздина, 1893), по социальному положению (“*Крестьянка*”, С. А. Виноградов, 1890; “*Крестьянин*” А. В. Васнецов*; “*Король*” А. И. Бенуа, 1906), по политическим убеждениям: “*Большевик*” (Б. М. Кустодиев, 1920), по внешним данным: “*Красавица*” (Б. М. Кустодиев, 1915), по имени (“*Захарка*”, А. Г. Венецианов, 1825; “*Иван Петров*”, А. М. Васнецов, 1883; “*Алёнушка*”, он же) и т. д.

Отметим, что к указанной группе мы не относим названия картин, в которых присутствует слово-классификатор по жанру, например, *портрет*. В этом случае художник обозначает, прежде всего, именно жанр, то есть имеет место первичная номинация: “*Портрет неизвестной с девочкой*” (П. В. Басин, 1822), “*Автопортрет*” (А. В. Волков, 1868). Картины, выполненные в жанре портрета, чаще имеют названия, содержащие оба компонента: с функцией первичной номинации и с функцией вторичной номинации. Крайне редко название может содержать указание лишь на жанровую принадлежность данного произведения изобразительного искусства, но, как правило, “стремится к экспликации” и название того, кто / что изображен/о. Например, Анри Матисс (Франция) в Осеннем салоне 1913 года выставил холст под названием “*Портрет*”, однако в дальнейшем эта картина стала известна под названием “*Портрет жены художника*”. В любом случае, семантика “главного” слова в артиониме не позволяет зачислить его в разряд субъектных.

* Если дата написания картины не указана, значит, она не известна искусствоведам и не фиксируется в каталогах.

Если в названии картины обозначаемое получает лексически эксплицированную качественную или количественную характеристику, артионим определяется как квалитативно-субъектный или квантитативно-субъектный.

1. Квалитативно-субъектные артионимы всегда неоднословные. Определительная часть в них может быть выражена прилагательным — “Слепой старик” (А. Е. Архипов, 1883), причастием — “Девушка, кормящая голубей” (В. Н. Бакшеев, 1887), именем существительным — “Девушка с агавой” (В. Э. Борисов-Мусатов, 1897).

2. Квантитативно-субъектные артионимы указывают на дискретное количество обозначенных персон, которое может быть обозначено с помощью числительного: “Два факира” (В. В. Верещагин, 1867 – 1868), “Два еврея” (он же, 1881 – 1883) — или быть имплицировано в описательной конструкции: “Отец и сын” (П. Д. Корин, 1931). Артионим может содержать указание на количество как противопоставление единичности и множественности, что выражается формой множественного числа: “Бабы” (С. А. Виноградов, 1893), “Богатыри” (А. В. Васнецов, 1898). Логично предположить, что, поскольку значение единичности выражается формой единственного числа, то разряд собственно субъектных артионимов является, по сути, тоже квантитативно-субъектным. Однако заметим, что в форме единственного числа окончание синкретично, оно выражает значение не только числа и падежа, но и рода, не вступая по этому признаку в оппозицию с другими формами. Формы же множественного числа маркированы как единственные морфологические единицы, указывающие на исчисляемую совокупность предметов без указания на их конкретное количество.

3. В том случае, если в названии картины содержится указание и на количество изображенных персон, и на их качества, то артионимы можно квалифицировать как кванти-квалитативные: “Два мальчика, удящие рыбу” (С. М. Воробьев, 1837), “Три царевны подземного царства” (А. В. Васнецов, 1875).

II. Обстоятельственные артионимы составляют достаточно большую группу, в пределах которой выделяются названия, по максимально общему значению определяемые как темпоральные и локативные*.

1. Темпоральные артионимы обозначают те или иные временные отрезки, в частности, времена года: “Зима” (Н. В. Досекин, М. В. Добужинский, 1909; Н. Н. Дубовской и др.), “Весна” (П. А. Брюллов, 1875; В. К. Бяльницкий-Бируля, 1911; С. А. Виноградов, 1902 и др.), “К весне” (М. Х. Аладжалов, 1900), “Лето” (К. Ф. Гун, 1871 и др.), “Осень” (С. А. Виноградов, 1901 и др.) — или конкретные месяцы различных сезонов, например, “Октябрь” (С. А. Виноградов, 1901). В силу того, что топологическим свойством времени является относительность временных границ того или иного события (а сезон тоже событие во времени), а также условная закреплённость его на временной оси, существуют понятия “ранняя / поздняя осень (весна, зима, лето)”, “начало / конец осени (весны, зимы, лета)”, что отражено в соответствующих артионимах: “Ранняя весна” (В. К. -

* К сожалению, в данном случае нельзя избежать терминологической омонимии, поскольку в морфологии термин локативный используется в значении “местный падеж”.

Бяльницкий-Бируля), “*В конце зимы*” (он же) “*Начало сентября*” (Л. Ф. Пищалкин).

В названии может быть обозначено время суток: “*Утро*” (П. В. Басин, К. Ф. Богаевский, 1910); “*Рассвет*” (Н. Н. Ге), “*Вечер*” (С. А. Виноградов, 1902; А. Я. Волосков), “*К вечеру*” (Е. Н. Виллиан, 1897), “*Сумерки*” (Н. Н. Дубовской, 1897), “*Ночь*” (В. И. Денисов, 1901), “*К ночи*” (М. А. Врубель, 1900), “*Наступление ночи*” (Ф. А. Васильев).

2. Локативные артионимы составляют два разряда.

К первому относятся артионимы, условно названные топографическими, поскольку авторы картин для их обозначения использовали топонимы, например, названия гор — “*Казбек*” (А. М. Васнецов, 1893), рек — “*Кама*” (он же, 1895), озер — “*На Валааме*” (П. П. Джогин, 1865), городов — “*Псков*” (П. П. Верещагин, 1876). Географические объекты могут быть обозначены и соответствующим апеллятивом: “*Горы близ озера Иссык-куль*” (В. В. Верещагин, 1867-1868), “*Река*” (М. Х. Аладжалов), “*Деревня*” (С. Н. Аммосов).

Второй разряд представлен локусными артионимами. К ним относятся обозначения того или иного места в природе: “*Берег моря*” (К. Ф. Богаевский, 1907), “*Под тенью сосен*” (В. Э. Борисов-Мусатов, 1904), “*Под березами*” (И. Э. Грабарь, 1904), в населенном пункте: “*Деревенская улица*” (Ф. А. Васильев, 1868), в помещении: “*В комнатах*” (М. Ф. Давыдов, 1834), “*В храме*” (Ф. Я. Алексеев, 1820), “*В усадьбе*” (С. А. Виноградов), “*Овальная зала старого Эрмитажа*” (К. П. Беггров) (в каталоге 1952 г. картина значится под названием “*В картинной галерее Старого Эрмитажа*”).

Значительную группу составляют артионимы, совмещающие оба основания номинации и поэтому названные нами топо-локусными: “*Внутренность двора с садом. Лоджия в Венеции*” (Ф. Я. Алексеев, 1776) (эта картина упоминается в литературе и под названием “*Лестница в Академии художеств в Венеции*”), “*В окрестностях С. Преста., во Франции*” (К. Ф. Гун, 1865), “*Предместье Рима*” (И. Г. Давыдов, 1856), “*Улица в Вильно*” (М. В. Добужинский, 1910), “*На берегах Днепра*” (А. М. Васнецов, 1887 – 1888).

Отметим, что к группе локативных артионимов мы не относим названия, включающие слово-классификатор *пейзаж*, на том же основании, что и артионимы со словом *портрет* (см. выше).

III. Предметные артионимы. Предлагаемый для обозначения этой группы артионимов термин сразу ориентирует на то, что номинируется “всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств и мышлением как нечто существующее особо” [1, 958]: “*Жемчужина*” (М. А. Врубель, 1902), “*Кукла*” (М. В. Добужинский, 1905), “*Стога*” (И. О. Дудин, 1908), “*Березки*” (А. Я. Головин, 1908-1910), “*Флоксы*” (он же, 1911).

Особую подгруппу в этом разряде составляют артионимы, в которых обозначены животные и птицы, то есть предметы одушевленные: “*Волы*” (Е. К. Врангель), “*Гималайский пони*” (В. В. Верещагин, 1874 – 1876), “*Овцы*” (В. И. Денисов), “*Лебедь*” (М. А. Врубель, 1901).

Поскольку обозначаемые предметы тоже могут характеризоваться с точки зрения количества и качества, среди артионимов этой группы выделяются квалитативно-предметные: “*Пустынный берег*” (Н. Н. Дубовской, 1890), “*Дедушкин фрак*” (Н. Я. Грибков, 1871) и квантитативно-предметные: “*Пароход со шлюпкой*” (Н. Н. Гриценко), “*Лодки*” (Ф. И. Рерберг, 1904).

IV. Событийные артионимы, как это следует из их определения, обозначают некое событие или ситуацию, которые, естественно, протекают во времени, поэтому названия этой группы можно было бы назвать и **процессуальными**: “*Бегство*” (Б. П. Виллевальде, 1854), “*Преферанс*” (В. М. Васнецов, 1897), “*Беседа за прялкой*” (М. А. Васильев, 1884).

V. Следовательно, в артионимах находят отражение такие реалии, как человек во времени и пространстве, те предметы, которые его окружают, и те события, в которых он принимает участие. Кроме того, существует некий идеальный мир, мир фантазии, который не может быть не воспроизведен в картинах и соответственно в их названиях. Эти артионимы определяются как **образные**. “*Гармония*” (В. Э. Борисов-Мусатов, 1900), “*Мотив без слов*” (он же, 1905), “*Осенняя песнь*” (он же в то же время), “*Аллегорическое изображение зимы в виде старика, греющего руки у огня*” (В. Л. Боровиковский).

Выделение последнего разряда может вызвать возражения на том основании, что, с одной стороны, все артионимы образные, поскольку обозначают образ, созданный художником, с другой, — семантика слов, входящих в эти названия картин, самая различная, что не дает основания для их группирования. Да, действительно, образный компонент присутствует в семантике всех артионимов, что является их дифференциальным признаком в ряду других онимов: отличительной чертой денотатов всех идеонимов, включая артионимы, является “образность, художественность, идеальность” [5, с. 25]. В них обязательно присутствуют семы, относимые Т. А. Лисицыной к новому функциональному типу словесного значения — художественному, которое соотносится с образно-эстетическим понятием, развившемся на базе обиходного [2, с. 133]. В артионимах, которые мы квалифицируем как образные, эти семы актуализируются, становясь ядерными, что и позволяет выделять этот разряд на том же основании, что и остальные.

Предложенная классификация включает лишь основные, “каркасные” разряды и предполагает их комбинаторику, что позволит выделить группы таких артионимов, как субъектно-предметные, темпорально-локативные, предметно-темпоральные и т. д. Все это составляет перспективу исследования и будет изложено в следующей статье.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка /Под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург: Норинт, 2003.
2. Лисицына Т. А. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Исследования по семантике. — Уфа, 1983. — С. 128 – 136.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1988.
4. Русская грамматика: В 2-х т. — Т.1. — М.: Наука, 1982.

5. Суперанская А. В. Апеллятив — онома. // Имя нарицательное и собственное. — М.: Наука, 1978. — С. 5–33.

Плужникова Т. И. Семантика артіонімів як одиниць вторинної номінації.

Стаття присвячена аналізу семантичної структури артіонімів – назв творів образотворчого мистецтва як специфічних корелятивів невербальних знаків. Цей різновид онімів раніше не досліджувався.

Ключові слова: артіонім, невербальний знак, семантика.

Pluzhnikova T. I. Semantic of artionims as words for second nomination.

This article is dedicated to the artionims's analysis of semantic structure as the names of fine arts as a correlates' specific kinds of non-verbal signs. These kinds of onims have never been as an object for the linguistic research.

Key words: artionim, non-verbal sign, semantic.

Стаття постуила в редакцію 14 ноября 2006г.

УДК 81' 42:504.06

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА (на материале научно-технического и поэтического дискурсов)

Н. С. Руденко

В статье рассматриваются особенности функционирования экологических концептов с негативным значением в дискурсах разного типа на материале научно-технического и поэтического дискурсов.

Ключевые слова: дискурс, концепт, экология, контекстуальный анализ.

Актуальность. В современном обществе экологические проблемы приобретают все большее значение, с каждым днем занимая все более важное место в жизни людей. Поэтому экологическая тематика и проблематика, выходя за пределы узкоспециальной сферы употребления, затрагиваются в различных типах текста / дискурса (научном, учебном, публицистическом и даже художественном), привлекая внимание как экологов, так и политиков, журналистов, социологов, философов. Этим объясняется интерес к данной области и со стороны специалистов-лингвистов. В частности, украинскими учеными исследованы лингвокогнитивные особенности коммуникации в сфере экологии [7] и формирование украинской экологической терминологии [6]. Однако по-прежнему остается актуальным исследование экологического дискурса в функциональном, интеркультурном и переводческом аспектах.

Постановка проблемы. Под экологическим дискурсом современные исследователи понимают совокупность вербальных и невербальных актов, которые используются для вербализации знаний об окружающей среде с целью влияния на общественное мнение. Макротема экологического дискурса — окружающая среда и общественное мнение о ней [7, с. 5]. Его единицам выступают экологические термины-концепты — трехкомпонентные образования, включающие в себя фактуальный, ценностный и образный компоненты [3, с. 77; 9, с. 67]. Если моделировать экологическую концептосферу в статике [9, 10], можно отметить, что экологические термины-концепты организованы особым образом: 1) по лежащим в их основе ядерным понятиям они подразделяются на технически ориентированные / социально-ориентированные [4], 2) по отсутствию / наличию в их структуре аксиологического компонента они делятся на нейтральные / аксиологически маркированные; 3) по качеству их оценочного компонента они могут быть позитивным / негативным, что и определяет их место в шкале экологических ценностей / антиценностей. Динамические характеристики экологических концептов можно выявить, анализируя особенности их функционирования в разных типах текста / дискурса.

Цель данной работы — сопоставить особенности функционирования экологических концептов с негативным значением (концепт “экологическая катастрофа” и сопут-

ствующий ему концепт “ядерная зима”) в англоязычных текстах, относящихся к дискурсам разного типа. Для этого целесообразно использовать методiku контекстуального анализа [13] на текстовом и гипотекстовом уровнях, прибегнув к анализу композиционного, хронологического, характерологического и лексико-семантического контекстов, а также символическую интерпретацию [8, с. 108].

Материалом для сопоставительного анализа послужили раздел монографии “Environmental Science and Technology” “Nuclear winter” [11, с. 310 – 312] и стихотворение Дж. Гордона Байрона “Тьма” (“Darkness”) [12, с. 559 – 560]. На первый взгляд поэтический дискурс не имеет ничего общего с дискурсом экологическим. Однако привлечь его для анализа нам позволил, прежде всего, тематический критерий: состояние мира, описанное Байроном, полностью соответствует тому, как по современным научным прогнозам будет выглядеть мир, если произойдет экологическая катастрофа и наступят ее последствия. Стихотворение было написано в 1816 году, еще до появления экологической науки, однако такой выбор представляется оправданным, поскольку мы рассматриваем данный текст не с позиции творчества поэта или художественного метода, а в аспекте восприятия современным адресатом.

1. Научно-технический дискурс

Композиционный контекст. Композиция научно-технического текста традиционна: она представляет собой логическое развитие темы от посыла через аргументы к выводу. В композиционной структуре присутствуют такие присущие научным типам текста /дискурса композиционно-логические элементы как дефиниция ключевого концепта, его признаки, последствия и перспективы. Выражающий ключевой концепт термин “nuclear winter” вынесен в заголовок и затем повторяется во всех сильных позициях: инициальной, медиальной и финальной, образуя рамочную конструкцию.

Хронологический контекст. Обратившись к хронологу, мы видим, что место действия “ядерной зимы” — весь мир, в частности геосфера, биосфера и особенно атмосфера, о чем свидетельствуют упоминания и о Земле в целом (vast areas of the Earth’s world), о земной атмосфере (atmospheric effects, stratosphere), и о конкретных местах, находящихся в разных ее уголках (Japan, Dresden, Tambora). Однако в качестве мест особого риска выделены “industrial and military targets consisting largely of combustibles” (“промышленные и военные объекты, состоящие главным образом из воспламеняющихся материалов”).

Что касается времени действия, то это и сегодняшний день (при раскрытии заявленного в заголовке понятия), и прошлое (когда говорится о событиях, последствия которых могли вызвать “ядерную зиму”), и будущее, при описании ее последствий. Об этом свидетельствуют соответствующие грамматические формы, маркеры времени и упомянутые в тексте конкретные даты.

Характерологический контекст. Главными “действующими лицами” являются, во-первых, сама ядерная зима как одно из возможных проявлений экологической катастрофы, а во-вторых, все традиционные сферы окружающей среды (атмосфера, биосфера, геосфера, гидросфера), а также и антропосфера, то есть люди, их деятельность и созданная ими техносфера, потому что все они станут “объектами” экологической катастрофы и ядерной зимы как одного из ее проявлений.

Лексико-семантический контекст. Его первая особенность — терминологическая насыщенность текста. Характерным является тематически заданное многократное использование термина “nuclear winter”. Кроме того, говоря о ядерном оружии — главном факторе, который может вызвать ядерную зиму, — автор использует такие терминологические сочетания, как nuclear blast, nuclear exchange, nuclear weapons, military explosives, carpet bombing, explosive force и т. д. При описании “механизма” ядерной зимы используется собственно экологическая терминология, например, radioactive fission products, scattering of sunlight by particles, combustion products, fixation of nitrogen. Поскольку научно-технический дискурс достаточно жестко регламентирован, в данном тексте отсутствует стилистически маркированная лексика, однако используются определения, содержащие оценочность в своей семантике, и, соответственно, выражающие отношение автора к описываемому явлению (например, catastrophic, tragic, dramatic, astoundingly, unimaginable, drastically). Они выступают как дополнительное средство выражения негативного значения смежных концептов “ядерная зима” и “экологическая катастрофа”.

2. Поэтический дискурс

Композиционный контекст. Композиция стихотворения, как и в научно-техническом дискурсе, представляет собой логическое развитие темы. Тема элегии — тьма, опустившаяся на мир и разрушившая его — вынесена в заголовок и в той же форме повторяется и в сильной финальной позиции, образуя рамочную конструкцию. Внутри этой “рамки” разворачивается цепь событий, которые можно интерпретировать как признаки экологической катастрофы, а именно, наступившей ядерной зимы: темнота, холод, пожары, голод, смерть всего живого, превращение земли в пустыню и, как мощный финальный аккорд, окончательное воцарение тьмы.

Хронотопный контекст. Место и время действия задаются первой строкой стихотворения: “I had a dream, which was not all a dream” (“Я видел сон, который не был сном”). Применяя символическую интерпретацию [5], можно сказать, что хронотоп описывается оппозицией сон / явь, которая организует как пространство, так и время (ирреальное в противопоставление реальному). То есть все события-признаки катастрофы существуют в “не своем” ирреальном времени / пространстве.

Характерологический контекст. Главное “действующее лицо” стихотворения — Тьма. Она персонифицируется (“Darkness ... She was the Universe”). Об этом свидетельствуют заглавная буква в ее наименовании и личное местоимение “she”, употребляемое только применительно к одушевленным объектам женского рода. Актуализируя негативно отмеченные члены символических оппозиций космос / хаос, свет / тьма, жизнь / смерть, тьма олицетворяет победу хаоса над космосом. Таким образом на первый план выдвигаются эсхатологические мотивы канонической картины конца света.

Лексико-семантический контекст. Его главные особенности задаются типом текста / дискурса. Поэтому разумеется, что терминов, связанных с концептами “экологическая катастрофа” и “ядерная зима” в поэтическом дискурсе нет, и было бы трудно их ожидать. Стихотворение насыщено экспрессивными и образными средствами (эпитетами, метафорами, сравнениями, маркированной лексикой, которая относит-

ся к поэтическому стилю). Их главная функция — создать яркий художественный образ и через его призму выразить негативную оценку описываемых событий-признаков наступившей экологической катастрофы. Но все эти выразительные и образные средства сосредоточены именно там, где поэт описывает признаки мировой катастрофы. Таким образом, описывая те же по сути явления, что и ученый, с помощью усиления тропичности поэт как бы “помещает” читателя в них, заставляет его все это пережить.

Выводы. Подводя итог сказанному выше, отметим, что функциональные особенности экологических концептов обусловлены типом текста / дискурса. Для дискурсов, где доминирует информативная функция (научно-технический), фактуальный компонент концепта будет облигаторным, аксиологический — вариативным, а образный, который в таких дискурсах не реализуется — маргинальным. В дискурсах, где доминирует художественная функция — облигаторными являются образный и ценностный элементы экологических концептов, а фактуальный — вариативным. В зависимости от типа текста / дискурса экологические концепты актуализируются по-разному: в информативно-ориентированных типах текста / дискурса они реализуются прежде всего с помощью соответствующих терминов, в эстетически ориентированных — через признаки, представленные на разных текстовых уровнях с помощью образных средств. Иными словами, и интуиция поэта, и рациональный анализ ученого выделяют одни и те же ключевые концепты с той лишь разницей, что выражены они с помощью разных средств, поскольку тип дискурса задает разные механизмы воздействия на читателя. Таким образом, на основе доминирующей функции можно выстроить парадигму типов текстов экологического дискурса от информационно-ориентированных к эмотивно-ориентированным, что и составит перспективы дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. — К.: Дух и литера, 2000. — 450 с.
2. Журавлева Т. А. Особенности терминологической номинации. — Донецк: АООТ Торговый дом “Донбасс”, 1998. — 253 с.
3. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75 – 80.
4. Новикова М. А. Семинар по теории и практике перевода и прикладной культурологии. — Электронная версия. — Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2003 – 2006.
5. Новикова М. А., Шама И. Ю. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале “Вечеров на хуторе близ Диканьки” Н. В. Гоголя и их английских переводов). — Запорожье: Сп “Верже”, 1996. — 172 с.
6. Овсейчик С. В. Формування української екологічної термінології: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01. — Київ, 2006. — 19 с.
7. Розмаріца І. О. Лінгвокогнітивні особливості комунікації у сфері екології (на матеріалі сучасної англійської мови): Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.04. — Київ, 2004. — 20 с.
8. Руденко Н. С. Методики аналізу екологічних термінів-концептів // Матеріали Третьої Всеукраїнської наукової конференції “Актуальні проблеми перекладознавства та методики навчання перекладу”. — Харків: Константа, 2005. — С. 108 – 109.

9. Руденко Н. С. Экологические термины-концепты с негативным значением: когнитивно-культурологический аспект // Мова і культура (Науковий щорічний журнал). — К.: Видавничий Дім Дмитра Бурого, 2005. — Вип.8. — Т. III. Ч. 1 Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. Мова сучасного мистецтва. — С. 66 – 70.
10. Руденко Н. С. Экологические термины-концепты с негативным значением: символическая интерпретация // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филология”. Том 18 (57) №2. — Симферополь, 2005. — С. 186 – 189.
11. Селиванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля-К, 2006. — 716 с.
12. Словарь-справочник по экологии / Сытник К. М., Брайон А. В., Городецкий А. В., Брайон А. П. — К.: Наук. думка, 1994. — 667 с.
13. Стиль автора и стиль перевода: Учебное пособие / М. А. Новикова, О. Н. Лебедь, М. Ю. Лукинова и др. — К.: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. — 84 с.
14. Manahan, Stanely E. Environmental Science and Technology. — New York: Lewis Publishers, 1997. — 641 p.
15. Poetry in English. An Anthology. — New York, Oxford: Oxford University Press, 1987. — P. 559 – 560.
16. Lochbaum David. Nuclear Plant Risk Studies: Failing the Grade. — Cambridge: UCS Publications, 2000. — 25 p.

Руденко Н. С. Екологічні концепти в дискурсах різного типу (на матеріалі науково-технічного та поетичного дискурсів).

У статті досліджуються особливості функціонування екологічних концептів з негативним значенням у дискурсах різного типу на матеріалі науково-технічного та поетичного дискурсів.

Ключові слова: дискурс, концепт, екологія, контекстуальний аналіз.

Rudenko N. S. Ecological concepts in different discourse types (scientific-technical and poetic discourse).

The article considers the way how ecological concepts with negative meaning function in different discourse types analyzing scientific-technical and poetic discourse.

Key words: discourse, concept, ecology, contextual analysis

Стаття поступила в редакцію 11 октября 2006 г.

УДК 81“1:81“246.3

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ПУТИ СЕЛЕКЦИИ И КОДИФИКАЦИИ

О. Д. Рустемов

В данной работе рассматриваются актуальные проблемы формирования юридической терминологии крымскотатарского языка на современном этапе. С точки зрения синхронии выделяется ряд лексико-семантических группировок, свойственных подязыку юридической сферы. С позиций диахронии рассматривается проблема исконности-заимствованности терминологии и определяются основные параметры языковой политики в обозначенной системе.

Ключевые слова: терминология юриспруденции, подязык права, языковая политика, лексико-семантическая группа, стандартизация терминологии.

Современные проблемы развития лингвистики обусловили приоритетность и **актуальность** коммуникативно-функционального аспекта исследования терминосистемы. Следует отметить, что в языкознании последнего десятилетия юридическая терминология до сих пор не нашла достаточно полного описания и поэтому остается важным объектом научного изучения. Это подтверждается сложной семантической природой термина и неоднозначностью его функционально-прагматического статуса, что и позволяет рассматривать термин в соотношении с текстом.

В любом юридическом тексте присутствуют специальные термины различных типов. К настоящему времени отсутствуют четкие, научно отработанные критерии классификации и стратификации юридических терминов с учетом их практической значимости. Одни юристы предлагают классифицировать термины на “вертикальные”, т. е. содержащиеся в Конституции и Основах законодательства и являющиеся общеправовыми, и “горизонтальные”, которые далее членят на “межотраслевые”, используемые в нескольких отраслях законодательства, и “отраслевые”, основывающиеся на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий. Такие термины отражают своеобразие конкретной узкой сферы правовых отношений. [1]. Другие употребляют обозначения “чужие” и “свой” для типов терминов, обозначающих соответственно понятия, заимствованные из определенных отраслей знания, и понятия, предполагающие объяснение именно в законе [4, с. 50]. Третьи различают термины, дефинированные и не дефинированные в законе [7, с. 70]. Так, в работе “Язык закона” авторы предлагают также классификацию терминов права на “общеупотребительные”, “общеупотребительные с более узким, специальным правовым значением, сугубо юридические и технические” [7, с. 70]. У истоков последней классификации лежит различение обыденных, технических и искусственных (специально созданных) терминов, предложенная П. И. Люблинским еще в 1917 году [5, с. 12]. Кроме того, выделяют термины точного значения, смысл которых полностью зависит от закона и определяется им, и термины, выражающие оценочные понятия, связанные с конкретными обстоятельствами дела и зависящие от них [3].

Ни одна из предложенных классификаций не устраивает в полной мере ни юристов,

ни филологов. Членение “вертикаль” — “горизонталь” вызывает вполне определенные лингвистические ассоциации, сливаясь с дихотомией “синхрония” — “диахрония” или же “вертикальный” — “горизонтальный” контекст, а с точки зрения правоведов оно еще и не является полным. Распределение терминов на “чужие” и “свои” неизменно заставляет лингвиста воспринимать такую типологию как классификацию терминов на исконные и заимствованные. Для юриста же они неприемлемы по той причине, что и “свои”, и “чужие” термины достаточно неоднородны по составу, поскольку в законе могут определяться и специальные юридические термины, и все иные. Четырехчленная классификация авторов издания “Язык закона” неудачна терминологически, а для филологов не несет никакого значения, поскольку лингвисты рассматривают все термины права именно как *юридические термины*. Что же касается распределения терминов правовой сферы на “точные” и “оценочные”, то следует отметить, что основной характеристикой любого термина является точность, а оценочность в лингвистическом смысле выступает нежелательной терминологической характеристикой; кроме того, категория оценочности в лингвистике понимается совсем иначе (в юридическом смысле значительно удобнее называть их, предположим, “объективными” и “ситуативными”).

Как нам представляется, с лингвистической точки зрения следует рассматривать термины с позиции истории и современности, исконности и заимствований, а также в теоретическом и прикладном аспектах. Кроме того, необходимо учитывать экстралингвистические и интралингвистические особенности терминов права, являющихся неотъемлемой составной частью подязыка юридической сферы.

Так, например, в юридической терминологии крымскотатарского языка можно выделять следующие лексико-семантические группировки:

1) названия разделов права: *adet* — адат, *biökriminologiya (biologiya baqışından suzluq sebeplerini araştıran bilim)* — биокриминология, *grafologiya (yazışbilim)* — графология, *qurşun izleri bilimi* — трассология, *devlet ve huquq aqqında ilim* — учение о государстве и праве, *cemiyet bilimi* — цивилистика;

2) названия правительственных учреждений, органов внутренних дел, прокуратур, адвокатур, пенитенциарных учреждений: *advokat dairesi* — адвокатура, *adyunktura* — адъюнктура, *akademiya* — академия, *yarğucı mahkemesi* — арбитраж, *arşiv* — архив;

3) названия основных правовых актов и законов, регулирующих правовую деятельность всех уровней, других юридических документов: *qararname* — акт, *bill* — билль, *Rim papazının emri* — булла, *huküm* — вердикт, *beyanname* — декларация (государственная), *dekret (qanun)* — декрет, *dava* — дело (судебное);

4) названия юридических должностей, специальностей, квалификаций: *advokat* — адвокат, *yarğucı* — арбитр, *asessor* — ассессор, *ataşe* — атташе, *ayditor* — аудитор, *getman* — гетман, *azıq* — гласный, *tellal* — глашатай, *Uluğ han* — государь, *başqaq* — градоначальник;

5) названия физических и юридических лиц или их совокупности: *agent* — агент, *agentlik (agent şübesi)* — агентство, *yibirgen* — адресат, *aləsə* — адресант, *qabul etken* — акцептант, *alkagolik* — алкоголик, *şikayet etici* — апеллянт, *kiracı* — арендатор, *mahpus* — арестант, *arşiv memurı* — архивариус, *ziamet (faktoriya)* — фактория, *ziftlik* — ферма, *şirket* — фирма, *mal yapqan şirket* —

фирма-изготовитель, *fond* — фонд, *sosiyal mesken sahibligi* — жилищно-коммунальное хозяйство;

6) наименования лиц по признаку родства, сродства или свойства: *qardeş* — брат, *qayın (kocanın ağası, qardeşi)* — деверь, *qız* — дочь, *qarı* — жена;

7) наименования преступлений, проступков, противоправных деяний: *cinayeli bala tüşermesi* — преступный аборт, *qanunsız bala tüşermesi* — незаконный аборт, *afera (dolandıruv)* — афера, *aydutsılıq* — бандитизм, *bekzilerden qazuv* — бегство (из-под стражи), *resmiy şahsnəñ araketsizligi* — бездействие (представителя власти);

8) наименования наказаний: *ateşte yaqma* — аутодафе, *cezağa zektirüv* — взыскание, *qaravul ellerine atəlv* — взятие под стражу, *tazminat* — возмещение (ущерба), *qənamə (cezası)* — выговор, *quvma* — выдворение, *cezanın soñki ölzüsi* — высшая мера наказания, *qovuluv* — высылка;

9) названия предметов, объектов и понятий правовой сферы: *avans vermesi* — авансирование, *avans olaraq* — авансом, *qaza* — авария, *akreditif* — аккредитив, *qabul* — акцепт, *bablə vergi* — акциз, *suzsuzluq isbatı* — алиби, *nafaqa* — алименты, *bağışlav* — амнистия, *aahlâksızlıq* — аморальность, *kezirlikten zıqaruv* — аннулирование, *balans* — баланс, *batma* — банкротство, *felaket* — бедствие, *vatandaşsızlıq* — безгражданство, *balasızlıq* — бездетность;

10) названия государственных наград и поощрений: *tuqafat* — вознаграждение, *unvan işaretleri* — знак отличия, *ücret* — гонорар, *medalya* — медаль, *nişan* — орден, *teşvik* — поощрение, *premiya ücretleri* — премиальные, *premiya* — премия, *premiya verme* — премирование;

11) названия действий и процедур правовых органов и субъектов права: *yoq ütv* — аболиция, *tamirat ve qurtaruv zalışmaları* — аварийно-спасательные работы, *iştiraq ettirüv* — вовлечение, *arzu bildiriş* — волеизъявление, *rey berüv* — голосование, *grafometriya* — графометрия, *daktiloskopiya etüv*, *parmaq izlerini zıqaruv* — дактилоскопирование, *bülme* — дележ, *sürgün* — депортация;

12) термины смежных областей знания (судебная баллистика, судебная медицина, судебная психиатрия, криминологическое экспертоведение и проч.): *agrafiya* — графия, *basqıncılıq* — агрессивность, *alkogolizm* — алкоголизм, *anormallıq* — аномальность, *ataksiya* — атаксия, *affekt, tesirli sinir burhanı* — аффект, *aqıldan azğanlıq* — безумие, *şuursızlıq* — бессознательность, *aqlı sağlam olğanı, öz yapqanına cevapkarlık ete bilüv* — вменяемость;

13) названия атрибутов основных правоведческих лиц, категорий, принципов, предметов, явлений, действий, имеющих юридически релевантное значение: *idarelik tutuqlav* — административный (арест), *huquqiy adres* — юридический (адрес), *alkollik sarhoşlandıruv* — алкогольное (опьянение), *qısmılə bağışlav* — частичная (амнистия), *istinaf (şikayet) mahkemesi* — апелляционный (суд), *kiralik, kira ödünzi* — арендная (плата), *tam aynılıq* — аутентичный;

14) названия действий юридических и физических лиц, имеющих правовое релевантное значение: *aksept etmek, qabul etmek* — акцептовать, *bağışlamaq* — амнистировать, *iptal etmek, kezirlikten zıqarmaq* — аннулировать, *kiralamaq, kirağa almaq* — арендовать, *vasıflandırmaq, diplom bermek* — аттестовать, *namussızlandırmaq, rezil etmek* — бесчестить, *emanet etmek* — вверять, *iştiraq ettirmek, areketlerine qatmaq* — вовлекать;

15) наименования документов юридических и физических лиц: *akreditif* — аккредитив, *diplom, atestat, şahadetname* — аттестат, *saylav varaqası* — бюллетень (избирательный), *vauzer* — ваучер, *cedvel* — ведомость, *veksel, senet* — вексель, *serbest berici vesika* — вольная, *tezkere, vesika, belge* — грамота, дарственная, *vergi beyannamesi* — декларация (налоговая), *diplom* — диплом, *vekaletname* — доверенность, *sözleşme* — договор, *kopiya, ikinci nusha* — дубликат.

Юридическая терминология крымскотатарского языка развивалась в зависимости от исторического процесса, общественно-политического и культурного роста самого крымскотатарского этноса. С динамикой его материальной культуры и духовных запросов, с формированием разветвленных институтов власти и права, с развитием цивилизации изменялась не только терминология юриспруденции, но и весь лексический состав крымскотатарского языка.

Юридическая терминология крымскотатарского языка не является гомогенным образованием, а представляет собой конгломерат исконно тюркских и заимствованных терминологических единиц. Как отмечает Э. В. Севортян, эта лексика, в своей основе кыпчакская, содержит значительное число элементов юго-западных языков, благодаря чему образовалось достаточно много синонимов. Таким образом, негомогенность юридической терминологии проявляется не только на уровне “тюркский — нетюркский”, но и на уровне “один тюркский — другой тюркский”, что, с одной стороны, упрощает, а с другой, наоборот, усложняет процесс и характер унификации и стандартизации терминологии, поскольку терминологические лексемы соотносимы с различными временными пластами (“куманский”, “ногайский”, “огузский” и т. п.).

В сфере юридической терминологии содержатся:

- 1) арабизмы, появление которых в крымскотатарском языке связано с принадлежностью крымских татар к мусульманскому суперэтносу;
- 2) многочисленные заимствования из греческого и итальянского языков;
- 3) персидские заимствования;
- 4) русизмы.

Такая разнородность требует:

— во-первых, установления общего корпуса юридической терминологии, начиная с древнейших источников;

— во-вторых, обоснования целесообразности/нецелесообразности использования тех или иных заимствованных либо исконных терминов;

— в-третьих, создания новых слов-терминов, поскольку типологически отмечено, что “совершенствование юридической терминологии в значительной степени происходит [...] благодаря замене многих арабских терминологических слов (имен и глаголов) [...] эквивалентами из числа обычных слов, входящих в основной словарный фонд” [2, с. 241 – 242].

Как исконные, так и заимствованные термины грамматически оформляются согласно законам крымскотатарского языка, а поэтому разнородность происхождения терминов не должна служить препятствием для унификации, стандартизации и кодификации данного терминологического поля.

В настоящее время тезис о возможности и необходимости языковой политики в области юридической терминологии крымскотатарского языка не вызывает никаких возражений. В самом общем смысле определение языковой политики дано Л. Б. Никольским: “... Мы предлагаем обозначать термином “языковая политика” всю прак-

тику сознательного регулирования стихийных языковых процессов в многонациональных и однопациональных странах, имеющую как перспективный, так и ретроспективный характер” [6, с. 112].

Параметрами языковой политики в области юридической терминологии крымскотатарского языка следует избрать такие категории:

- *перспективность*, которая обеспечит развитие этого пласта лексики с учетом изменяющихся социальных и политических условий без ущерба для нее самой. Это позволит кодифицировать новые нормы с учетом традиций и новаторства в области права, даст возможность изменить функциональное распределение крымскотатарского, украинского и русского языков в этой сфере;

- *демократичность*, которая предоставит возможность самым широким народным массам крымчан принимать полноправное участие в деятельности юридических институтов (и не только юридических, но и общественных, и политических) на родном языке;

- *интегративность*, которая, усиливаясь в результате сознательного влияния на подъязык права, приведет к осознанию крымскотатарской нацией своего реального равноправия с другими крупными нациями, проживающими на Украине. Именно последний параметр стимулирует функциональную значимость разработки юридической терминологии в крымскотатарском языке в настоящий период.

Список литературы

1. Бабаев В. К. Советское право как логическая система. — М., 1978.
2. Баскаков А. Н. Современная турецкая юридическая терминология и ее лексикографическое оформление // Тюркская лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1971.
3. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве // Правоведение. — 1976. — №1.
4. Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. — Алма-Ата, 1966.
5. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. — Пг., 1917.
6. Никольский Л. Б. Синхронная социоллингвистика. — М.: Наука, 1976.
7. Язык закона // Под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Юридическая литература, 1990.

Рустемов О. Д. Юридична термінологія кримськотатарської мови в синхронії та діахронії: шляхи селекції та кодифікації.

У пропонованій роботі розглядаються актуальні питання формування правничої термінології кримськотатарської мови на сучасному етапі. З боку синхронії вичленовується низка лексико-семантичних угруповань, притаманних субмові правничої сфери. У діахронічному плані розглядається проблема власних та запозичених термінолексем і визначаються параметри мовної політики в розглядуваній сфері.

Ключові слова: термінологія права, субмова права, мовна політика, лексико-семантична група, стандартизація термінології.

Rustemov O. D. The technical terms of law of Crimean Tatar language in synchronism and diachronism: the ways of selection and codification.

In this article is analyzed the actual problems of the Crimean Tatar terminology of law. It's proposed the view of the lexical groups of the Crimean Tatar terminology of law as the synchronic points of count. Diachronic analyses of the Crimean Tatar terminology of law is also described.

Key words: terminology of law, sublanguage of law, lingual politics, lexical group, terminological standards.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2006 г.

УДК 811.161.1' 373.2

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ЯЗЫКА

Ю. Л. Ситько

Статья посвящена введению в научный оборот данных о словах, которые функционируют в речи севастопольцев.

Ключевые слова: лексема, словник, топоним, метафорические преобразования, метонимические преобразования.

В последние годы активизировалось внимание исследователей русского языка к вопросам изучения языка города. Масса интересного материала размещена во Всемирной паутине по адресу <http://www.lingvo.ru/goroda/?id=43935>, на основании накопленных лингвистами материалов [1] уже издаются монографии [2]. Уже существуют достаточно подробные описания языка гг. Красноярска и Великого Новгорода, осуществленные под руководством и при непосредственном участии проф. Т. В. Шмелевой.

В этой связи особый интерес представляют языки русскоязычных городов, находящихся на Украине, поскольку они позволяют отследить изменения русского языка не только в метрополии и ее регионах (Россия), но и в русскоязычных анклавах (Крым). В этой статье мы попытаемся ввести в научный оборот несколько лексических единиц из языка жителей Севастополя.

Сбор и толкование приведенных ниже лексем проводился нами для путеводителя по Севастополю, изданному ЧП М. Г. Новиковым под торговой маркой “Библикс”. Жанр издания определил состав словника: мы отказались от большинства экспрессивно окрашенных лексем, лексем, распространенных лишь в отдельных районах города (например, *Высела, Кресты, Крокодил*) и т. д. В первую очередь мы отобрали наиболее употребительные и общераспространенные среди жителей Севастополя лексемы. Однако, несмотря на такой отбор у нас набралось 147 самостоятельных лексем, некоторые из которых омонимичны и объединены в словаре в одну статью. При толковании лексики мы стремились к отражению семантической структуры лексемы в словарной статье, а также к функционально-прагматическому, а не описательному толкованию лексем. С методологическими и теоретическими основаниями использовавшейся методики можно ознакомиться по адресу <http://www.pu.kielce.pl/strony/Oleg.Leszczak/raboty.htm>, а также в работе [3].

Предварительный анализ собранной лексики показывает, что одной из ярких черт языка севастопольцев является достаточно широкое использование аббревиатур как лексических единиц (на это наше внимание обратила проф. Т. В. Шмелева). Кроме того, нетрудно заметить, что основную часть словника составляют топонимы. При образовании топонимов основным способом выступают разного рода метафорические и метонимические преобразования значений слов. При этом

лексема часто получает суффиксы, свойственные разговорной речи, особенно в случаях, когда слово образуется от словосочетания или имени существительного в непрямом падеже.

Словарь

Аллея — Аллея, ведущая через сквер от Центрального рынка к ул. Ген. Петрова в *Центре*. Место мелкой торговли. Ранее считалась центром городской нелегальной торговли валютой.

Ближний пляж — Пляж между Балаклавой и м. Айя, располагается ближе к Балаклаве.

Близнецы — 1. Место у основания лестницы, ведущей от наб. Корнилова на пр. Нахимова между театром им. Луначарского и гостиницей “Севастополь” в *Центре*. 2. Два бара по бокам от основания лестницы, ведущей от наб. Корнилова на пр. Нахимова между театром им. Луначарского и гостиницей “Севастополь” в *Центре*.

Бэмэ (бээм) — ул. Большая Морская в *Центре*.

Вокзалы — Железнодорожный вокзал и автовокзал. Располагаются в непосредственном соседстве.

Воронцовка — Местность с располагающимися на ней сооружениями на Воронцовой горе между ул. Ген. Мельника и пр. Победы на *Корабельной стороне*.

Галоша — *Голландия*.

Гоголя (на Гоголях) — часть ул. Гоголя от пл. Ушакова до магазина “Горячий хлеб” в *Центре*.

Голландия — 1. Бухта и балка Голландия и прилегающая к ним местность с располагающимися на ней сооружениями на *Северной стороне*. 2. Севастопольский национальный институт ядерной энергии и промышленности (ранее Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище), находящийся на берегу бухты Голландия на *Северной стороне*.

Горка — Центральный городской холм. Находится между ул. Большая Морская и ул. Ленина в *Центре*.

Город — Центральная часть Севастополя.

Горпуха — Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к ул. Горпищенко на *Корабельной стороне*.

Горячка — Пляж недалеко от ГРЭС, куда сливается подогретая вода из охладителя на электростанции.

Грушевка — Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к ул. Репина. Ранее — поселок Грушевка.

Дальний пляж — пляж между Балаклавой и м. Айя. Располагается ближе к м. Айя.

Дворец пионеров — Дворец детства и юности, располагающийся на пр. Нахимова, 4 (в здании бывшего Института физических методов лечения им. Сеченова) в *Центре*. Ранее — Дворец пионеров.

Двухсотлетия — Спортивно-оздоровительный комплекс им. 200-летия Севастополя в Загородной балке.

Диалог — Комплекс баров и ресторанов на ул. Большая Морская, 23, напротив Покровского собора в *Центре*. В настоящее время на реконструкции.

ДКР — Украинский культурно-информационный центр (УКИЦ), располагающийся на ул. Павла Корчагина, 1 в *Камышах*. Ранее — Дворец культуры рыбаков (ДКР).

Дэпэ — *Дворец пионеров*.

Европа — Торговый центр на ул. Шевченко на Пятаках, остановка маршрутного такси №16.

Золотой пляж — *Дальний пляж*.

Ивушка — Вещевой рынок на наб. Корнилова в *Центре*. Ранее — танцплощадка “Ивушка”.

Историк — Исторический бульвар в *Центре*.

Казача (Казачка, Казуха) — 1. Бухта Казачья. 2. Местность с располагающимися на ней сооружениями и пляжами, прилегающая к бухте Казачья.

Камыши — Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к бухте Камышовая.

Кассы — Здание касс предварительной продажи билетов на поезда дальнего следования на *Корабельной стороне*. Часто используется как ориентир для остановки маршрутного такси.

Колоба — Местность с располагающимися на ней сооружениями восточнее пр. Окт. Революции, прилегающая к ул. Колобова на *Летчиках*.

Колобки — *Колоба*.

Кольцо (городское кольцо) — Местность с располагающимися на ней сооружениями, образуемая ул. Ленина, пл. Нахимова, пр. Нахимова, пл. Лазарева, ул. Большая Морская, пл. Ушакова.

Комплекс — 1. Остановка троллейбусов №2, 12, 14, 17, 20, 26 “Детский комплекс” на *Остряхах*. 2. Детский больничный комплекс на *Остряхах*. 3. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к Детскому больничному комплексу на *Остряхах*.

Консоль — Многоквартирный жилой дом по пр. Ген. Острякова, 1 на *Остряхах*. Часто используется как ориентир для остановки маршрутного такси.

Корабелка — *Корабельная сторона*.

Корабельная сторона — Район города, находящийся к востоку от Южной бухты. Место расположения основных судоремонтных заводов Севастополя и крупных жилых массивов.

Кошка — 1. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбусов №1, 3, 7, 9, 17, 20. 2. Памятник матросу Кошка на *Корабельной стороне*.

Крым — 1. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к гостинице “Крым”. 2. Ночной клуб “Цепелин”.

Кулики — *Куликово поле*.

Куликово поле — Местность с располагающимися на ней сооружениями между ул. О. Кошевого, ул. Н. Музыки и ТЦ “Океан” на *Остряхах*.

Кучмовский дом — *Титаник*.

Лазаревские казармы — Строения в районе ул. Лазаревской на Корабельной стороне. В двух из зданий Лазаревских казарм расположился Черноморский филиал МГУ.

Летчики — Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к пр. Окт. Революции.

Лужковские дома — Дома, построенные для офицеров ЧФ РФ на средства Московского правительства. Находятся в районе пр. Ген. Острякова и ул. Ген. Лебеда на *Остряках*.

Лягушатник — Плохой, неглубокий пляж с грязной водой.

Максимка — Максимова дача, живописные остатки парка при усадьбе А. Максимова. Место отдыха севастопольцев.

Малашка — 1. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к пл. Малахов курган, на *Корабельной стороне*. Частично застроена частными домами. 2. Парк с мемориальным комплексом на Малаховом кургане.

Масики — Монтажные блоки мола в порту в Камышовой бухте в *Камышах*.

Матюха — Местность с располагающимися на ней сооружениями в районе горы Матюшенко (ул. Матюшенко, Коммунистическая, Руднева). Застроена частными домами.

Маяк (херсонесский) — местность, прилегающая к маяку на м. Херсонес в *Казаче*.

Минка — Причал “Минная стенка” в Южной бухте, находящийся за Музеем истории ЧФ РФ в *Центре*. Место стоянки кораблей разных классов ЧФ РФ.

Мокрая — 1. Турбаза им. Мокроусова на *Северной стороне*. 2. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к турбазе им. Мокроусова на *Северной стороне*.

Москаль (москвич) — Слово, употребляемое с саркастической интонацией для выражения недовольства грубым, надменным или неприличным поведением человека, предположительно приехавшего из России.

Московский рынок (Москва) — 1. Остановка троллейбусов №2, 12, 20 “Кинотеатр «Москва»” 2. Кинотеатр “Москва” на *Остряках*. 3. Вещевой и продовольственный рынок возле кинотеатра “Москва” на *Остряках*.

Нахаловка — Остановка маршрутного такси №36, 52 “Любимовский мост” в пос. Любимовка на *Северной*.

Нахимка — Бывшее Высшее военно-морское училище им. П. С. Нахимова, ныне — Военно-морской институт им. П. С. Нахимова.

Нептун — 1. Торговый комплекс на пр. Нахимова, 9 в *Центре*. Ранее ресторан “Нептун”. 2. Дельфинарий, бары и дискотека, располагающиеся на территории водно-спортивной базы “Нептун” на берегу Артиллерийской бухты на наб. Корнилова, 2 в *Центре*.

Объездная — Автомобильная трасса от б. Камышова до 5-го км Ялтинского шоссе.

Одеколон — *Шарик*.

Омега — 1. пляж “Омега” на западном берегу Круглой бухты. Место расположения большого количества дискотек и ночных клубов на *Летчиках*. 2. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбусов №10, 14 “Пляж Омега” на *Летчиках*. 3. Бухта Круглая.

Орджоникидзе — Морской завод им. Серго Орджоникидзе на *Корабельной*.

Остряки — Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пр. Ген. Острякова.

Парасовка — Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к ул. Абрикосовой на *Корабельной* стороне.

Паровоз — Паровоз, поставленный на вечную стоянку в память о бронепоезде “Железняков” у автовокзала.

Первая гор — Городская больница им. Пирогова №1 на пл. Восставших, 19.

Переход — 1. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбусов №12, 14, 17, 20, 2 “Школа №7” на *Остряках*. Располагается возле подземного перехода. 2. Ларьки в подземном переходе на *Остряках*.

Пироговка — Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пл. Пирогова на *Матюхе*.

Победа — 1. Остановка троллейбусов №1, 2, 9, 13 “Кинотеатр «Победа»” в Центре. 2. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пр. Победы на *Корабельной* стороне.

Полтинник — Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пл. 50-летия СССР.

ПОР — Широко распространенная аббревиатура пр. Окт. Революции на *Летчиках*.

Почта — Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбуса и маршрутного такси №10 “пр. Гер. Сталинграда, 28” в *Камышах*. Получила название из-за располагающегося в непосредственной близости отделения почты.

Президентский дом — *Путинский дом*.

Приборка — 1. Севастопольский национальный технический университет (СевНТУ), бывший Севастопольский приборостроительный институт. 2. Учебные корпуса СевНТУ.

Примак — Приморский бульвар в *Центре*.

Примбуль — *Примак*.

Прэкс — Проспект в применении к пр. Окт. Революции или к пр. Победы.

Путинский дом — Дома офицеров ЧФ РФ, построенные на средства, переданные в дар президентом РФ В. В. Путиным. Отличаются специфическим оформлением фасадов.

Пятаки — Пятый микрорайон.

Пятый километр — 1. Пятый километр Ялтинского шоссе. 2. Название конечной остановки троллейбусов и маршрутного такси №2, 12, 14, 17, 20, 26. Располагается на 5-м километре Ялтинского шоссе. 3. Вещевые и продовольственные рынки, располагающиеся на 5-м километре Ялтинского шоссе. 4. Городское кладбище, примыкающее к поселку Кальфа.

Пятый — *Пятый километр.*

Ракушка — Открытая эстрадная площадка на Приморском бульваре в *Центре*. Имеет форму раковины.

Русь — Супермаркет “Сельпо” и расположенный в том же здании развлекательный комплекс с примыкающими к ним сооружениями на ул. Фадеева, 5 на *Летчиках*. Ранее — универсам “Русь”.

Самолет — памятник летчикам на пр. Ген. Острякова.

Северная сторона — часть Севастополя, располагающаяся к северу от Севастопольской бухты.

Северная — 1. *Северная сторона* города. 2. Бухта напротив Графской пристани. 3. Причал катеров на Северной стороне. 4. Район, находящийся на северном берегу Севастопольской бухты и примыкающий к бухте Северной на *Северной стороне*.

Серебряный пляж — *Ближний пляж.*

Смотровая — Смотровая площадка на шоссе Севастополь — Ялта над урочищем Ласпи, устроенная над крутым обрывистым склоном.

Солнечный — 1. Магазины, находящиеся на 1-м этаже дома №80 по пр. Ген. Острякова между кинотеатром “Москва” и ТЦ “Океан” на *Остряках*. Ранее — универсам “Солнечный”. 2. Пляж в Песочной бухте.

Соловьи — Торговый комплекс, располагающийся между туп. Соловьева и остановкой троллейбуса и маршрутного такси “ул. Токарева”, недалеко от *Остряков* на *Хрустальных*. Ранее — торговые склады.

СПИ — *Приборка.*

Сталинградский рынок — Рынок и прилегающая к нему местность на остановке троллейбусов и маршрутных такси №10 “ул. Гер. Сталинграда” в *Камышах*.

Степаняна — Местность, прилегающая к остановке троллейбусов и маршрутных такси №10 и 14 “ул. Степаняна” в начале пр. Окт. Революции с располагающимися на ней сооружениями на *Летчиках*.

Стометровка — Участок наб. Корнилова от Главного универмага до ул. Айвазовского в *Центре*, около Артбухты. На С. располагается большое количество баров. Место отдыха севастопольцев и гостей города.

Стрелецкая — 1. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к пр. Гагарина и ул. Меньшикова. 2. Стрелецкая бухта. 3. Местность, прилегающая к Стрелецкой балке, с располагающимися на ней сооружениями.

Стрелка — *Стрелецкая.*

Стройка — Ул. Строительная в Балаклаве.

Таблетка — Сквер между театром им. Луначарского и гостиницей “Севастополь” в Центре. Место сбора неформальной молодежи.

Титаник — Многоквартирный жилой дом около остановки троллейбусов и маршрутного такси №10, 14 “Пляж Омега” в *Омеге*.

Топик — Микроавтобус, выполняющий функции маршрутного такси в Севастополе.

Трусняк — Специфические “семейные” мужские трусы, как правило, на несколько размеров больше необходимого и надеваемые по несколько пар сразу для купания в море. Предназначены для предохранения органов нижней части туловища от удара при прыжках с большой высоты в воду.

Туча — Вещевой и оптовый продовольственный рынки, находящиеся на 5-м километре Ялтинского шоссе в конце *Остряков*.

Украина — 1. Название остановки троллейбуса и маршрутного такси №3, 5, 12, 17, 20 “Кинотеатр «Украина»” в *Центре*. 2. Гостиница “Украина” на *Ушаках*.

Ушаки — Пл. Ушакова и прилегающая к ней местность со стоящими на ней сооружениями в *Центре*.

Фиолент — Местность, прилегающая к дороге на м. Фиолент. Район дач. Изобилует обрывами и опасными спусками к небольшим галечным пляжам.

Флакон — *Шарик*.

Херсонес — 1. Пиццерия “Челентано” на пл. 50-летия СССР. Часто используется как ориентир для остановки маршрутного такси. Бывшее кафе “Херсонес”. 2. Местность с располагающимися на ней сооружениями, раскопками и пляжами, прилегающая к Херсонесскому историко-архитектурному музею-заповеднику. 3. Мыс Херсонес в *Казаче*.

Хрустали — Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к ул. Хрусталева, недалеко от *Остряков*.

Хрусталька — Пляж Хрустальный в *Центре*. Место расположения дискотек.

Хрюша — *Хрюшка*.

Хрюшка — 1. Рынок на пересечении пр. Ген. Острякова и ул. Ген. Хрюкина на *Остряках*. 2. Название остановки троллейбуса и маршрутного такси №2, 12, 14, 17, 20 “ул. Ген. Хрюкина” на *Остряках*. 3. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пересечению пр. Ген. Острякова и ул. Ген. Хрюкина на *Остряках*.

Хутор — Хутор Пятницкого, место расположения психиатрического, наркологического и туберкулезного диспансеров.

Центр — Центральная часть Севастополя.

ЦУМ — Центральный универмаг на пл. 50-летия СССР.

Цэ рынок — Центральный рынок в *Центре*.

Чайка — Продовольственный, сельскохозяйственный и вещевой рынок на пл. Восставших. Ранее — стадион “Чайка”.

Частника — Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к ул. Частника. Район частной застройки недалеко от Центра.

Шарик — Многоэтажное здание конструкторского бюро завода “Муссон” с большой пластиковой сферой на крыше.

Штык — Памятник “Штык и парус” на мысе Хрустальный и местность, прилегающая к нему, в *Центре*.

Юмашка — 1. Местность, прилегающая к остановке троллейбусов и маршрутного такси №10 и 14 “ул. Юмашева” на пр. Окт. Революции, с располагающимися на ней сооружениями на *Летчиках*. 2. Рынок (Юмашевский рынок), примыкаю-

щий к остановке троллейбусов и маршрутного такси №10 и 14 “ул. Юмашева” на пр. Окт. Революции, с располагающимися на нем сооружениями на *Летчиках*.

Юность — 1. Остановка троллейбуса и маршрутного такси №13, 14 “ул. Шабалина” на Хрустальных. 2. Торговый центр “Купи сам” на ул. Хрусталева, 33. Ранее — столовая “Юность”.

Список литературы

1. Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. — М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2004.
2. Колесов В. В. Язык города. — М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. Ситько Ю. Л. Бытование функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании 60-х годов XIX века I-ой половины XX века (на примере понятия части речи): Дис. к. филол. н.: 10.02.19. — Тернополь, 2004.
4. Ситько Ю. Язык туземцев (словарь севастопольского сленга) // Севастополь: путеводитель. — Севастополь: Библекс, 2005. — С. 171 – 177.

Ситько Ю. Л. Матеріали до словнику мови.

Цю статтю присвячено вводу у науковий обіг даних про слова, що функціонують в мовленні севастопольців.

Ключові слова: лексема, словник, топонім, метафоричні перевтілення, метонімічні перевтілення.

Sitko J. L. The material to the dictionary of the language.

The article is dedicated to the introduction of scientific circulation of data of the words functioning in the speech of citizens of Sevastopol.

Key words: a lexeme, list of words, toponym, metaphorical transformations, metonymical transformations.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2006 г.

УДК 800.72

ДОКУМЕНТНАЯ ЛИНГВИСТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

О. П. Сологуб

Целью настоящей работы является обоснование новой теоретической и прикладной дисциплины – документной лингвистики.

Ключевые слова: документная лингвистика, деловое общение, функциональный подход, субдисциплина.

Деловая речь в современных условиях стала занимать все более значимое положение в коммуникативной практике общества и отдельного человека, что связано с расширением и углублением деловых контактов как внутри страны, так и на международном уровне, с внедрением новых форм деловой коммуникации (особенно в сфере электронной коммуникации), с актуализацией вопросов эффективного речевого поведения в сфере деловой коммуникации для успешного решения производственных проблем.

Признание данной сферы деятельности нашло свое внешнее выражение. Во-первых, появилось огромное количество пособий, справочников, статей, содержащих практические рекомендации по оформлению документов (не только традиционных, но и электронных; как на русском, так и на иностранных языках). Также в последнее время стали публиковаться специализированные журналы (“Секретарское дело”, “Делопроизводство”, “Секретарь-референт” и др.). Все перечисленные издания содержат, помимо публикаций, посвященных специальным проблемам работы с документами, материалы о специфике деловой коммуникации в письменной и устной сферах. Во-вторых, во многих вузах страны открывается специальность “Документоведение и документационное обеспечение управления”¹; на некоторых смежных специальностях (“Регионоведение”, “Международные отношения”, “Управления персоналом” и др.) осуществляется обучение навыкам делового общения; для слушателей с разным уровнем подготовки проводятся многочисленные семинары, тренинги по деловому общению. В-третьих, появилась обширная литература методического характера, в которой предлагаются учебные планы специальности, программы учебных курсов, обсуждаются методики проведения занятий, посвященных вопросам работы с документами. **Указанные факторы экстралингви-**

---

¹ Такие специальности открыты, например, в Екатеринбурге, Томске, Иркутске и многих других городах в основном на исторических факультетах или факультетах управления. Известным нам примером объединения филологической и документоведческой подготовки специалистов является пример Волгоградского государственного университета, где готовят документоведов с углубленным знанием иностранных языков. Идея интеграции филологического и документоведческого образования заявлена также в такой форме подготовки, как специализация “Филологическое обеспечение документоведения”.

стического характера обусловили интерес и лингвистов к этой сфере речевой деятельности как лингвистическому феномену.

С другой стороны, интерес к проблемам деловой коммуникации обусловлен и **собственно лингвистическими факторами**, а именно, особенностями сложившейся современной научной парадигмы, предполагающей обращение к особенностям функционирования языка в различных условиях, постижение языка как антропологического феномена. Современная научная парадигма характеризуется многоаспектным подходом к изучаемому объекту, предполагающим рассмотрение языка в его отнесенности к человеку, в контексте его частной и социальной деятельности (в качестве одной из ее составляющих является и производственная, предпринимательская деятельность). Функциональный и антропоцентрический подходы к языку тесным образом связаны с широким выходом лингвистики в другие, смежные, отрасли знания, что создает основу для осуществления в широком масштабе междисциплинарных исследований. Эта тенденция обнаружила свое влияние и в сфере изучения деловой речи, в которой особо тесная связь установилась с такой смежной дисциплиной, как **документоведение**, что послужило в дальнейшем основой для формирования такой научной дисциплины, как документная лингвистика. Эта связь возникла и развивается на основе общих задач данных дисциплин — путем выявления сущностных свойств документа выработать пути эффективной деловой письменной коммуникации. С одной стороны, лингвисты опираются на результаты работы специалистов документоведения, разрабатывающих на основе принципа целесообразности и эффективности формы документов — они устанавливают состав реквизитов документа, их расположение, правила оформления, определяют порядок обработки документа. С другой стороны, разработки, создаваемые документоведами и содержащие, как правило, рекомендации по языковому оформлению документов, во многом опираются на лингвистические данные.

Полагаем, что результатом, с одной стороны, расширения подходов при изучении деловой речи, ее многостороннего исследования, а с другой стороны, “специализации” лингвистики в данной сфере, сохранения интереса к рассматриваемому функциональному слою языка (особенно в его письменном варианте), а также объединения усилий двух отраслей знания — лингвистики и документоведения — является становление очередной “сдвоенной” дисциплины — **документной лингвистики**. Считаем, что такая постановка проблемы возможна только сейчас, хотя сам термин “документная лингвистика” был введен в научный оборот, по всей видимости, еще в 70-х годах прошлого столетия² [Дюженко 1972; Веселов 1976].

Стимулом для формирования документной лингвистики явилось стремление государственных органов оптимизировать процессы управления в различных областях социальной жизни и в этих целях постоянно регулировать процессы деловой письменной коммуникации, устанавливая единообразие в языковом оформлении доку-

---

² По данным П. В. Веселова, термин “документная лингвистика” был предложен ведущим специалистом-документоведом профессором К. Г. Митяевым в связи с выходом в свет ряда практических и методических пособий по нормализации языка “канцелярской письменности” [1976: 234–235].

ментов. Иными словами, в обществе сложился определенный социальный заказ, который должна была удовлетворить дисциплина прикладного характера³. Такой заказ появился, строго говоря, с возникновением первых документов. Как полноценный государственный заказ он сформировался в тот момент, когда сформировалась государственная система с разветвленной системой функций, обслуживаемых посредством различных групп документов. Это произошло в период с XV по XVI вв., в эпоху становления русского централизованного государства, когда зарождается особый административный институт — приказы, а в их составе институты, обслуживающие письменную деловую коммуникацию — канцелярия, почта, архив (что определило эпоху приказного делопроизводства). Деятельность этих институтов должна была опираться на определенную систему работы с документами, и такая потребность вызвала необходимость разработки нормативно-методических актов, содержащих рекомендации по оформлению документов, в том числе и лингвистического характера. Таким образом начинает формироваться система работы с документами, система правил их оформления. Закреплению этих правил способствовали специальные “образцовые” книги, где помещались формуляры-образцы, также типы отдельных документов приводились в азбуках, которыми пользовались при составлении документов не только правительственных, но и частных. Подобные издания явились основой для формирования будущей прикладной дисциплины — документной лингвистики.

Новый этап в ее развитии связан с административной реформой Петра I, в ходе которой подверглась перестройке система центрального управления (приказы заменены коллегиями), что послужило началом эпохи коллегиального делопроизводства (1720 – 1802 гг.). В этот период продолжала совершенствоваться строгая система документоведения, что означало упорядочение актов деловой письменности, дальнейшую официализацию языка. Нормализация документальных текстов исходила от лица государственной власти и нашла свое выражение в многочисленных законодательных актах, прежде всего, в “Генеральном регламенте коллегий” 1720 г. — своде правил, содержащем цельную систему норм документирования, послужившем толчком к зарождению современных форм документов. В ходе реформы были усовершенствованы структура и формуляр традиционных документов и выработаны образцы новых документов, помещенные в “генеральных формулярах”, — все это вело к унификации документов и постепенному устранению личного начала в практике их написания. Также в новых правилах вводились новые этикетные нормы обращения к адресату с указанием чина, титула, звания.

В XIX в. нормализаторская деятельность еще более активизируется, что связано, прежде всего, с проводимой в начале века реформой государственного управления,

³ Как отмечают исследователи, основной предпосылкой для формирования прикладной дисциплины является наличие социального заказа со стороны общества, ср.: “основным условием рождения какого-либо направления прикладного лингвистического исследования является наличие долгосрочного социального заказа, формирующегося в определенной общественно-языковой ситуации. <...> Подобный социальный заказ может возникнуть как следствие различных социальных процессов, обуславливающих осознание государством общественной значимости какой-либо сферы функционального использования языка” [Новикова, Резанова 2004: 6].

формированием системы министерского делопроизводства и реформой литературного языка, связываемой с именем Н. М. Карамзина. Система документации была окончательно оформлена и закреплена в Своде законов Российской империи (1832 г.). Правила и формы письмоводства, приведенные в приложении к Своду, также получили силу закона и стали повсеместно применяться. В таком нормативном документе, как “Общее учреждение министерств” впервые регламентирована зависимость юридической силы документа от правил его оформления. В XIX в. существенные изменения произошли в формуляре документа: в нем ясно прослеживается стремление к формализации, определению четких правил расположения и оформления реквизитов. Это связано, прежде всего, с внедрением в процесс документирования бланков.

В первой половине XIX в. появляется обширная документоведческая литература (наиболее значимыми были сочинения М. Л. Магницкого и Н. В. Варадинова), в которой содержатся разработанные специалистами формуляры различных документов и рекомендации по их оформлению. Огромное влияние на закрепление унифицированной формы документа оказали широко распространенные в XIX в. “письмовники”, имеющие цель помочь чиновникам и частным лицам составить документ в соответствии с существующими правилами. В риторических руководствах (Н. И. Греча и М. М. Сперанского) большое внимание уделяется искусству деловой речи и описывается композиционное строение текста документа.

В результате реформы делопроизводства возникла необходимость реформы и канцелярского стиля, что стало осмысляться как задача государственной важности. Активно формируются характерные черты канцелярского стиля: формально-логическая организация текста, неличный характер высказывания, синтаксическая громоздкость, именной характер речи, морфологическое и лексическое однообразие (превалирование именительного и родительного падежей), складывание языковых клише. Большое влияние на процессы кодификации деловой речи XIX в. оказала также грамматика Н. И. Греча (особенно это касается объема предложения, порядка слов, порядка следования предложения в составе периода); эти свойства деловой речи выступают в виде правил и в документоведческих изданиях.

Таким образом, к концу XIX в. сложилась система документации, утвердилась национальная форма документа, сложилась система рекомендаций по оформлению делового текста. Однако в то время лингвистические разработки еще не имели характера самостоятельных исследований, они были включены как разделы в пособия документоведческого характера.

В послеоктябрьский период, наряду со ставшими уже традиционными нормативно-методическими пособиями документоведческого характера, стали появляться первые лингвистические исследования деловой письменной речи (см., напр., [Веховский 1931]), они также носили прикладной характер.

Окончательно прикладное направление сформировалась в 70-х гг. XX в., чему во многом способствовало и то, что к тому времени документоведение сложилось как самостоятельная дисциплина. Толчком этому послужил заказ от госаппарата на проведение практических работ по совершенствованию управления и дальнейшей унификации и стандартизации документов в связи с механизацией, а затем и авто-

матизацией процессов документооборота, что потребовало углубленного изучения документа, приведение его к единообразию и установления единого порядка работы с ним. Результатом такой работы должно было стать создание Единой государственной системы делопроизводства. Для выполнения поставленных задач необходимы были специального подготовленные кадры, и в 1964 г. в Московском государственном историко-архивном институте открывается факультет документоведения, а в 1965 г. — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, в структуру которого был включен и сектор документной лингвистики. В учебный план по подготовке документоведов стала включаться дисциплина под названием “Документная лингвистика”, программа которой содержала вопросы, касающиеся языкового оформления документов⁴. В 70-х гг. XX в. стали появляться работы, в которых осуществлялись попытки осмыслить статус этой дисциплины, ее цели и задачи. Так, Г. А. Дюженко провозглашает документную лингвистику “новой ветвью науки” (при этом исследователь относит ее к документоведческим дисциплинам, хотя она “должна включать в себя основные разделы языкознания и изучать их в той мере, какая необходима для правильного составления и оформления документов”), главной задачей которой является “изучение и совершенствование языка документации” [1972: 117]. П. В. Веселов, опираясь на программу курса “Документная лингвистика”, составленную специалистами МГУ, приводит следующее определение дисциплины: это “раздел прикладной стилистики⁵, изучающий текст документа, автором которого является коллективный субъект или юридическое лицо” [1976: 235]. Задачи документной лингвистики исследователь видит в разработке методов унификации текстов служебных документов, создании справочника по грамматике и правописанию для служащих, аббревиации слов и словосочетаний, словаря сочетаемости слов, разработке типовой методики унификации языка служебных документов [Там же]. Таким образом, на первых порах документная лингвистика развивалась в основном как прикладная дисциплина.

Серьезное теоретическое осмысление феномена деловой речи стало осуществляться в рамках функциональной стилистики. В период неофункционализма теоретическое исследование деловой речи получило новый импульс. Во-первых, происходит осмысление феномена деловой речи в русле направлений неофункционализма; во-вторых, мощный толчок в развитии получила деловая риторика, т. е. объектом научного внимания стали не только произведения письменной деловой речи, но и подготовленные виды устной деловой речи⁶; в-третьих, в последнее время происходит вовлечение в сферу исследовательского внимания, с одной стороны, письменных произведений полуофициального характера⁷, а с другой стороны, и

⁴ См., напр., программу курса “Документная лингвистика” в [Документоведение и документационное обеспечение управления... 2001].

⁵ Чуть ниже автор относит документную лингвистику к социолингвистике.

⁶ Заметим, что пока деловая риторика является преимущественно прескриптивной.

⁷ Этот новый объект лингвистического исследования пока еще не получил однозначного определения, произведения полуофициального характера обозначаются либо как произведения обиходно-официальной сферы общения (Н. И. Формановская), либо как “низовые” документы (Л. Г. Кыркунова), мы же определяем их как произведения естественной деловой письменной речи.

устных неподготовленных речевых произведений официального и полуофициального характера.

Таким образом, в заключении можно сделать следующий вывод: на сегодняшний день представляется возможным говорить о целом направлении по изучению деловой речи, имеющем собственный объект изучения — речевые произведения, продуцируемые в ходе устной и письменной деловой коммуникации. В рамках данного направления выделяются такие разделы (субдисциплины), как: 1) документная лингвистика — теоретическая и прикладная научная дисциплина, объектом изучения которой являются произведения деловой письменной речи разной степени официальности; 2) деловая риторика — теоретическая и прикладная научная дисциплина, объектом изучения которой являются подготовленные произведения устной деловой речи (считаем, что говорить о направлении по изучению устной неподготовленной деловой речи пока преждевременно).

Список литературы

1. Веселов П. В. Из истории становления документной лингвистики // Тр. ВНИИДАД. — 1976. — Т. 6. — Ч. 1.
2. Верховский П. В. Письменная деловая речь. Словарь, синтаксис и стиль. — М.–Л., 1931.
3. Документоведение и документационное обеспечение управления. Специальность 350800: Государственный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента. — М., 2001.
4. Дюженко Г. А. Предмет и задачи курса “Документная лингвистика” // Тр. Московского государственного историко-архивного ин-та. — 1972. — Т. 29.
5. Новикова Е. Г., Резанова З. И. Прикладная лингвистика в сфере инженерного образования: о формировании нового научного направления // Прикладная филология в сфере инженерного образования. Т.1: Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. — Нортхэмптон; Томск, 2004.

Сологуб О. П. Документна лінгвістика: становлення та розвиток нової наукової дисципліни.

Метою справжньої роботи є обґрунтування нової теоретичної і прикладної дисципліни – документарної лінгвістики.

Ключові слова: документарна лінгвістика, ділове мовлення, функціональний підхід, субдисципліна.

Sologub O. P. Document linguistic: the foundation and development of the new discipline.

The aim of this article is substantiation of a new theoretical and applied discipline – document linguistics.

Key words: documentary linguistics, business dialogue, the functional approach, subdiscipline.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2006 г.

УДК 070.41

ФОРМУВАННЯ ЛЕКСИЧНОГО СКЛАДУ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ НА СТОРІНКАХ ПРЕСИ ПОЧАТКУ ХХ СТОЛІТТЯ

Н. М. Фіголь

Статтю присвячено вивченню лексики періодичної преси початку ХХ століття, адже саме періодичні видання можуть об'єктивно засвідчити мовні процеси, що відбуваються в той час, дають змогу побачити певну лексему у функціонуванні.

Ключові слова: лексика, лексема, термін, суспільно-політична, військова, виробничо-професійна лексика.

Мова періодики на початку століття лише формувалася, випрацьовувався, зокрема, і її лексичний склад. Це помітно вже з перших сторінок „Ради”. Яким чином відбувався процес відбору лексичного матеріалу, яку лексику в результаті отримала преса, важливо простежити за аналізованим виданням. Лексичний шар мови цікавий та репрезентативний, оскільки тісно пов'язаний із суспільним життям, із змінами, що відбувалися. Цей матеріал характеризує мову в період її узаконення та витворення в багатьох стилях, дає змогу якнайглибше зрозуміти, яким чином відбувався цей процес, які мовні механізми спрацьовували для витворення літературної норми та які результати були отримані, отже — які наслідки маємо на сьогоднішній день.

На сторінках „Ради” якнайширше представлені різні групи лексики української мови, кожна з яких покликана досягти єдиної мети — сформуванню громадську думку, певним членом вплинути на читача, а це можливо лише завдяки вдалому поєднанню „логізації викладу з емоційно-експресивним забарвленням”.

Основа публіцистичного стилю становить загальноживана лексика, до якої додається спеціалізована (чітко тематизована) — з певних галузей знань, яких торкаються окремі публікації газети.

Як зазначають мовознавці, в кінці ХІХ — на початку ХХ століття відбувається загальний розвиток літератури, становлення нових жанрів, зародження і розвиток нових стилів літературної мови, зокрема публіцистичного та наукового, вироблення, перш за все, української суспільно-політичної, наукової, природничої, виробничої термінології [2; с. 529]. Виникнення термінології з різних галузей науки, суспільного, політичного життя було зумовлено стрімким розвитком наукової думки, активним суспільно-політичним життям країни. На думку М. Жовтобрюха, провідне місце у становленні соціально-економічної, науково-технічної, виробничої термінології належало пресі, що була одним з найактивніших засобів популяризації нових слів [1; с. 3].

Розглянувши публікації „Ради”, бачимо, що найуживанішою є суспільно-політична лексика, що зумовлено суспільною функцією періодичного видання — висвітлювати явища, події суспільного, політичного життя. Це можна підтвердити такими прикла-

дами з видання: „Українська національно-демократична партія, що одна тільки зі всіх українських партій й має своїх послів у парламенті, висловилося у своєму органі „Діло” за примусове голосовання, бо завдяки „Колу польському”, вигадані такі невідгідні умови голосовання для українського народу (про се було писано в попередній статті), що всі українські виборці стануть до голосовання хиба тоді, коли мусітимуть” (1906 р., №13, с. 1).

Наявна в газеті й військова лексика, адже висвітлює непевний військовий стан та пізніші воєнні події на початку ХХ століття. Широко військова лексика представлена в телеграмах, повідомленнях такого характеру: „Генерал-губернатор Скридлов віддав до воєнно-польового суду Савинкова, котрий тікав з гауптвахти, куди він був посажений за те, що хотів убити коменданта кріпості Неплюєва, потім начальника караула підпоручика Короткова, одного унтер-офіцера і шість рядових” (1906 р., №18, с. 3).

На сторінках „Ради”, звичайно, друкувалися й повідомлення юридичного, адміністративного характеру, що зумовлювало використання адміністративно-ділової лексики, юридичної термінології: „Палата признала підсуднього винуватим і приговорила його на 9 літ до каторги, але за малолітством підсуднього йому зменшено на 1/3 і присуджено на 6 рр. до каторги; прав позбавлено” (1906 р., №39, с. 3). „З наказу міністра доріг уперше внесено правило в положенні о служачих на залізницях, на підставі котрого буде видаватися служачим запомога у певних випадках: низшим служачим на випадок родин, смерти кого з членів сем’ї, скорочення штатів і увільнення з адміністративного наказу. До сього часу запомоги в таких випадках залежали од кредитів”. (1906., №17, с. 3).

Проаналізувавши публікації „Ради”, можна зробити висновок, що для цієї газети більш характерна термінологія загальноукраїнського вживання, на зразок: *вина, закон, порука, свідок, присуд, слідство, злочин*, ніж вузькодіалектна термінологія. Це ще раз говорить на користь того, що газета не лише за територіальною ознакою (місце видання), а й за лексичними особливостями належить до видань Східної України.

Скасування заборони українського слова, мови, дозвіл вільного культурного розвитку на початку ХХ століття пожвавив громадське, культурне життя в Україні. Цей процес знайшов свій відбиток і на сторінках нової українськомовної періодики: друкувалися повідомлення, телеграми, репортажі з приводу тих чи інших культурних заходів, публікувалися матеріали культурологічного, історичного плану, присвячені питанням культури, побуту, мови українського народу.

Номери „Ради” протягом всього існування рясніють повідомленнями про театральні події: це й анонси, афіші вистав, рецензії на театральні події тощо. Як вважають мовознавці, певна частина спеціальної лексики, пов’язаної зі сценічним мистецтвом, утверджувалася в ХІХ столітті, а також була відома ще в староукраїнській мові, проте іноді вживались слова в іншому значенні [2; с. 551]. Так, слова *актор*, *акторський* з ХVІІ ст. вживались як юридичні терміни, *бенефіциум* (*бенефіс*) — вистава, збір від якої надходить на користь одного або кількох акторів тощо.

Звичайно, публікації про театральне мистецтво, що знаходимо на сторінках „Ради”, вимагали застосування відповідної лексики на позначення мистецьких понять: „Український театр у Галичині. В Стрію українська трупа давала вистави, переїздом із Станіслава до Дрогобича. Виставляли опери й драми. З опер пройшли з великим успіхом ось які: „Катерина”, „Галька”, та „Продана наречена” (1906 р. №81, с. 3).

Як стверджують історики мови, на період другої половини ХІХ – початок ХХ століття припадає й становлення лексики образотворчих мистецтв, що пов’язано з художньою діяльністю Т. Г. Шевченка, входять в обіг лексеми: *акварель, візерунок, офорт, гравюра, живопис, маляр, малярство, мозаїка профіль, пензель, панорама, портрет, монументальний, митець* тощо. На сторінках „Ради” дана лексика менше вживана порівняно, наприклад, із театральною, тому що статті на образотворчу тематику з’являються досить рідко. Образотворча лексика на шпальтах видання вживається в більш загальному, ніж галузевому значенні: *панорама, митець, монументальний* тощо. Ця лексика представлена в основному в рекламних повідомленнях, анонсах, на зразок: „Товариство імені Т. Шевченка в Петербурзі оголошує до 25 лютого 1914 року передплати на розкішне ювілейне видання МАЛЮНКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. Т. П. Прекрасної роботи *артистичний альбом*. В ньому на 30 великого формату таблицях буде дано способом *авто-типії, дуплексі і в фарбах репродукцій найкращих картин* Т. Шевченка. Для всіх, хто шанує геній Тараса Григоровича „МАЛЮНКИ” будуть найкращою пам’яткою про столітній його ювілей” (1914 р., №10, с. 1).

Музична термінологія присутня на сторінках „Ради” знову ж таки в повідомленнях про музичні вечори, вистави, видання та інші культурні заходи. На зразок: „**Література, наука, умілість і техніка.** У Харькові накладом автора, вийшла серія нових *музичних творів українського композитора С. П. Дрімцова*. Найголовніші з них — *сцени з опери-думи „Настуся” („Іван Морозенко”)*, складеної за П. Кулішем. Перша з тих *сцен* — *весняний хор „Вже вечірня зіронька”* й „*Веснянка*” — видана для *співу з фортепіано, гармоніума та деяких інших інструментів* (ніби *скорочена партитура*) й коштує 95 коп. Друга сцена *лірницький хор „Тяжка година”* з третьої дії — видана для *співу з супроводом фортепіано, але з означінням оркестровки*, й коштує 60 коп.” (1914 р., №10, с. 4).

Таким чином, як свідчать сторінки „Ради” та вищенаведені приклади, завдяки розвитку українського та світового мистецтва на межі ХІХ-ХХ століття в українській літературній мові з’являються нові терміни — назви музичних творів (*арія, варіація, кантата, романс, fuga, інтермецо, симфонія* тощо), назви професійних музичних інструментів (*віола, гітара, камертон, кларнет, флейта, фортеп’яно, пюпітр*), назви виконавців музичних творів (*композитор, піаніст, кларнетист, мандолініст, лірник, регент*, тощо).

У кінці ХІХ – на початку ХХ ст. відбувалось формування і виробничо-професійної лексики. Основу її становила лексика староукраїнська на позначення промислів і ремесел, що існували з найдавніших часів, на зразок: *будинок, будувати, вал, мур, мурувати, муляр, палац* тощо. Разом з тим, активний розвиток

науки, техніки, виробництва вимагав оновлення відповідного виробничо-професійного словника. У „Раді” широко використовується і виробничо-професійна лексика, тому що часто порушуються проблеми різноманітних професійних груп, описуються виробничі процеси. Прикладом виправданого використання виробничо-професійної лексики може бути така публікація. „Скарга на трамвайні порядки. Громадяни печерського участку подали до думи скаргу на те безладдя, що повелося на городській залізниці, на колії меж Басарабкою та Печерськом. На цій колії ходять всього 5 вагонів; яких доводиться дуже довго дожидатись, а до того ще й треба чекати на розїздах, так що багато пасажирів мусять вилазити з вагонів і йти пішки. Громадяни з Печерська просять упорядкувати як-небудь цю справу”. (1906 р., №41, с. 3). У даній публікації бачимо нову професійну термінологію, що з’явилась із виникненням нових знарядь, пристроїв матеріалів, професій.

Рясніє виробничо-професійною лексикою рекламне оголошення, що пропонує будівельні матеріали та роботи: „Торговельно-промисловий дім М. К. Нагабчинський і Ко. пропонує до наступного сезону: *плитки пірогранітні, щоб вистилати долівку, пішоходи; плитки, щоб облицьовувати фасади й стіни по кухнях, ванних і інш., марсельську черепицю, цеглу для будівлі й огнеупорну, цемент, фарби масляні та лакові, лаки, залізо для покриття, а також толь, асфальтовий лак, паркет дубовий; гончарні труби, водопроводні та каналізаційні. Повний устрій і ремонт центрального парового й водяного опотлення, вентиляції, водопроводів, каналізації, правих пралень, сушень, бань і інш.*” (1906 р., №2, с. 4).

Не можна оминати й такої сфери професійної діяльності, як видавнича, адже саме на початок ХХ століття завдяки суспільним, політичним змінам припадає бурхливий розвиток видавництва, друкарства. Із розвитком видавничої діяльності пов’язана поява таких слів, як *видавати, видавець, видавництво, відбиток, одривний календар, гектограф, заголовок. Збірка, ілюстрація, каталог, книгарня, літограф, обкладинка, редактор, редакція, сторінках, текст, том* тощо. Усі ці терміни широко вживані на сторінках „Раді”, особливо в рекламних матеріалах нових видавництв, редакцій, книжок, яких у газеті безліч. Прикладом може бути рекламне оголошення: „Художня *фото-цинкограф. майстерня „Графік”* робить *клише для ілюстрован. Виданнів, часописів, прейс-курантів, географічних карт, портретів, листових карток й ін.*” (1914 р., №1, с. 6).

Отже, як бачимо з аналізованих матеріалів на початку ХХ століття відбувався активний процес формування лексичного складу мови, який об’єктивно відображений на сторінках газети „Рада”.

Тематичні шари лексики, представлені на сторінках газети, відбивають настанови видання — бути політичним, економічним, культурним часописом, що не стоїть осторонь нагальних питань українського суспільства.

Редактори активно та ретельно працювали над добором необхідного лексичного матеріалу. У виданні якнайширше представлені різні стилістичні шари лексики української мови. Найуживанішою є суспільно-політична лексика, що зумовлено функцією періодичного видання — висвітлювати явища, події суспільного, політичного

життя, а також військова лексика, що викликано революційними, пізніше — військовими подіями того часу. Найвні у газеті також юридична, філософська, медична, економічна, технічна термінологія, терміни з видавничо-поліграфічної галузі, лексика, пов'язана з міжнародними відносинами, що зумовлено тематичним спрямуванням окремих публікацій, а також активним розвитком цих галузей знань.

Список літератури

1. Жовтобрюх М. Мова української періодичної преси. (кінець XIX – початок XX ст.). — К., 1970. — 303 с.
2. Історія української мови. Лексика і фразеологія // Відпов. ред. В. Русанівський — К., 1983. — 742 с.
3. Сербенська О. Взаємодія української літературної мови і діалектів у галузі юридичної лексики // Питання взаємодії літературної мови і територіальних діалектів. — К., 1972. — С. 34.

Фиголь Н. Н. Формирование лексического состава украинского языка на страницах прессы начала XX века.

Статья посвящена изучению лексики периодической прессы начала XX века, так как именно периодические издания могут объективно засвидетельствовать языковые процессы, происходящие в то время, дают возможность увидеть конкретную лексему в функционировании.

Ключевые слова: лексика, лексема, термин, общественно-политическая, военная, производственно-профессиональная лексика.

Figol N. M. Formation of lexical structure of the Ukrainian language on pages of press of the beginning of XX century.

Article is devoted to the study of lexicon periodic press of beginning of a XX age. In fact exactly magazines can objectively witness linguistic processes which took place by then see a separate lexeme, certify the fitness of their use.

Key words: lexicon, a lexeme, the term, political, military, industrial - professional lexicon.

Статья поступила в редакцию 13 октября 2006 г.

УДК 811.161.2'367.622 + 81'37

ДИНАМІЧНІ ПРОЦЕСИ В СЕМАНТИЧНІЙ СТРУКТУРІ НЕВІДМІНЮВАНИХ ІМЕННИКІВ

В. М. Фурса

У статті проаналізовано активні процеси семантичного освоєння невідмінюваних іменників іншомовного походження у сучасній українській мові, зокрема розширення семантичної структури раніше запозичених невідмінюваних слів та детермінологізацію деяких лексем.

Ключові слова: невідмінювані іменники, лексико-семантичне освоєння, семантична структура, детермінологізація.

Освоєння невідмінюваних іменників іншомовного походження відбувається на всіх структурних рівнях сучасної української мови, причому лексико-семантичний регулює входження невідмінюваних слів, визначає їхній зміст і закріплює тільки ті значення таких одиниць, які пов'язані з новими й важливими для народу та певного періоду поняттями.

У процесі пристосування невідмінюваних іменників до лексико-семантичної системи української мови відбуваються зміни в їхній семантичній структурі, суть яких полягає у втраті деяких компонентів базової семантичної структури або звуженні семантичного обсягу. Причиною цього є те, що іншомовне слово на позначення „чужих” реалій мова-реципієнт запозичує лише для називання однієї конкретної реалії, з одним значенням. Згодом деякі з невідмінюваних іменників розширюють свої семантичні межі, набувають нових значень унаслідок метафоричних та метонімічних перенесень, оскільки їм, як і всім питомим лексемам, властива тенденція до розширення й поглиблення семантичної структури. У лінгвоукраїністиці бракує праць, присвячених саме цим питанням, що засвідчує актуальність нашого дослідження.

Належний ступінь семантичного освоєння невідмінюваних субстантивів засвідчує поява у них переносних значень, пов'язаних не з системою мови-джерела, а із словниковим складом української мови, тобто поява багатозначності.

Невідмінюваний іменник *резюме* на означення “короткого висновку з основними положеннями доповіді, промови, наукової праці” у сучасній українській мові сформував нове значення — “відомості про свою освіту, професійний досвід, наукові інтереси і т. ін., що їх повідомляє претендент на будь-яку роботу або особа, яка хоче вступити до вищого навчального закладу”. Пор.: *Якщо вас зацікавили наші вакансії, ми просимо надіслати ваше резюме англійською мовою (Метро); У резюме вказують професійні та особисті якості, обов'язково подають інформацію про вік, освіту, досвід роботи, навички в тій чи тій сферах, наприклад, вміння працювати на комп'ютері, володіння іноземними мовами (Порадниця).*

Слово *дербі* на основі знаної семантики — “кінні змагання для трирічних верхових або чотирирічних рисистих коней” набуло загальнішого значення — “будь-які

спортивні змагання”, пор.: *Натомість ЦСКА, задовольнившись нічиєю в столичному “дербі”, забезпечив собі віце-чемпіонські регалії (Вечірній Київ); У найближчі дні спарене “дербі” відбудеться в столиці. “Бекам” протистоятиме “Будівельник” (Вечірній Київ); Футбольний клуб “Реал Сосьєдад” у неділю зіграв у найзатятішому “дербі” з “Атлетиком” (Вечірній Київ).*

На основі значення “добровільний смертник” лексеми *камікадзе* утворено переносне значення “людина, здатна на самопожертву, на відчайдушний, ризикований вчинок”, яке вже кодифіковане в деяких словниках — “Великому тлумачному словнику сучасної української мови” [4, с. 412] та “Толковом словаре иноязычных слов” [5, с. 297], пор.: ... *чоловік, приставивши зброю до грудей, погрожував застрелитися. А вимагав “камікадзе” прибуття знімальної групи місцевої телекомпанії “САТ” (Україна молода).*

Лексема *ноу-хау* недавно ввійшла до української мови з англійської на означення поняття — “сукупність документованих технічних знань і досвіду, необхідних для здійснення виробничого процесу, для виготовлення якого-небудь виробу”, але дуже швидко адаптувалась на українськомовному ґрунті й розвинула своє нове значення — “щось нове, незвичайне”, пор.: *Ноу-хау полягало в тому, щоб не допустити колабораціоналізму “Нашої України” та “Регіонів України” (ПіК); В активі групи є кліп-шедевр, майстерно зміксований з барвістим світом фентезі, що є своєрідним ноу-хау в сучасній кліповій естетиці (Україна молода).*

Невідмінюваний іменник *шоу*, який означає “видовище, вистава”, широко функціонує в мові мас-медіа зі значенням “чій-небудь дії, заходи, розраховані на привернення до себе уваги” з іронічним відтінком, пор.: ... *учасниками шоу є не якісь там сірі й невиразні особистості, а достойні послідовники російського гуру політичної клоунади — Жириновського (ПіК).*

Невідмінювані іменники, утворені внаслідок усічення, так само зазнають семантичних змін. Зокрема, лексема *профі*, що мала значення “спортсмен-професіонал”, у сучасних засобах масової інформації широко вживається з новим значенням — “знавець, професіонал своєї справи”, пор.: *У розділі про освіту рекомендується розпочати в технічних вузах підготовку відповідних профі (Україна молода); ... сестри створювали такі образи і форми, які захоплювали вже визнаних профі пензлів і фарб (Україна молода).*

Активізація невідмінюваних іменників-термінів у літературному вжитку може завершуватися частковою або повною детермінологізацією внаслідок розширення сфери їх функціонування і залучення в неспеціальні жанри усного та писемного мовлення. Невідмінювані іменники-терміни, незважаючи на виразний іномовний та спеціальний характер своїх значень, дедалі активніше втягуються в процеси детермінологізації, яка належить до активних лексико-семантичних процесів. Термін “втрачає свою строгу концептуальність, системність, однозначність і набуває прагматичних властивостей, яких він раніше був позбавлений, з’являється нове слово з нетермінологічним значенням, яке вимагає уже не дефініції, а тлумачення” [1, с. 133], тобто це

процес перетворення терміна в звичайне слово внаслідок нейтралізації його дефінітивної функції. Розрізняють дві стадії детермінологізації: 1) уподібнення терміна до загальноновживаних слів у зв'язку з активним використанням його поза межами спеціальної термінологічної системи, зокрема в текстах засобів масової інформації, розрахованих на широку й різноманітну аудиторію; 2) розвиток нових значень відповідного слова на основі метафоричного вживання [2, с. 190]. Свою концептуальність й однозначність термін втрачає також у разі перенесення його в інше термінологічне поле, щоправда, в одній галузі знань він вживається в прямому значенні, а в іншій — у переносному.

Вживаючись у нових для себе функціональних сферах, терміни вступають у зв'язки з найрізноманітнішими мовними компонентами, від яких вони раніше у складі замкнутої терміносистеми були ізольовані. Унаслідок взаємодії з елементами публіцистичного стилю “відбувається своєрідна експресивна детермінологізація раніше нейтральних, “безпристрасних” термінів. Вони набувають більш чи менш яскраво вираженого емоційного і психологічного забарвлення” [3, с. 139].

Високою інтенсивністю переосмислення відзначається спортивна термінологія. Крім відомих широкому загалові власне термінологічних значень невідмінюваних іменників, з'явилися їхні нові переносні значення. Наприклад, *дербі*, що означає “кінні змагання для трирічних та чотирирічних рисистих коней”, широко вживається в мові засобів масової інформації зі значенням “передвиборні перегони”, пор.: *Партія протягом тривалого часу гадала, на кого поставити у “мерському дербі” і, нарешті, зробила невдалий, як виявилось, вибір (ПіК).* Спортивний термін *сумо* на позначення “одного з найпопулярніших видів боротьби, у якому перемагає зазвичай борець з великою вагою тіла”, розвинув похідне значення “протистояння впливових політиків”: *Два політичних ваговіки продовжують грати в сумо... (Україна молода).* Лексема *рефері*, крім відомого значення “суддя спортивних змагань з футболу, тенісу, хокею, боксу тощо”, набула нового — “спостерігач за дискусією”, пор.: *Студентська команда Інституту журналістики зустрілась з командою телеканалу “1+1”. Іван Драч за сумісництвом арбітр зустрічі цілком задовольняв чи не найпершу вимогу до рефері — не заважав “грати” (Журналіст України).* Слід зауважити, що ці похідні значення згаданих невідмінюваних іменників ще не стали узвичасними, узусними. Їх ще не подано в найновіших тлумачних словниках української мови. Саме це дає підстави вважати такі похідні значення оказіональними.

Семантичні зрушення характерні й для військової термінології. У мові мас-медіа нового значення — “урочиста хода” — набув такий термін, як *дефіле*, що позначав раніше лише “ущелину або вузький небезпечний прохід у важкопрохідній місцевості, який використовується найчастіше для затримання противника”, пор.: *Покази колекції одягу Олексія Залевського завжди продумані до останньої деталі, театралізація дефіле, загальна концептуальність... (Україна молода); До конкурсу дівчинку готувала її мама, фахівці відпрацьовували з нею дефіле... (Голос України); Дефіле нових моделей В'ячеслава Зайцева та Михайла Вороніна пройшло в Національному палаці “Україна” (Ук-*

раїна молода). Про певне пересування цього семантичного деривата на лінії від оказіонального до узуального вживання свідчить спільнокореневе з ним дієслово *дефілювати*, що вживається зі значенням “урочисто проходити (на параді, демонстрації тощо)”. Напр.: *Виходжу з метро і не поспішаючи дефілюю повз центральний вхід, з надією почути чиесь бабусин: “Кому квартиру”* (ПіК); ... *навпроти Пасажу народ забавлявся караоке, у темряві під деревами гомоніли компанії, дефілювали парочки* (ПіК). До того ж воно зафіксоване в тлумачних словниках [4, с. 217].

Військовий термін *піке* (фран. *picue* — кидатись головою вниз), що означав “стрімкий політ літака майже вертикально вниз”, у мові сучасних засобів масової інформації вживається з новим значенням — “занепад, падіння”, пор.: *Олексій Цибко (тренер): “Я знаю, як вивести українське регбі з піке”* (Україна молода).

У новітній період розвитку української літературної мови зазнали детермінологізації також деякі невідмінювані іменники спеціального призначення, зокрема конфесійної семантики. Первісно відомий термін *гуру* — в будизмі: “духовний наставник, учитель, голова релігійної спільноти сикхів” — набув переносного загальнішого значення — “учитель, наставник”: *На семінарі “Бізнес без правил” .. дехто блиснув ерудицією і вжив такі слова, як “лізинг” і “маркетинг”. Проте наш гуру тільки великодушно посміхався* (Урядовий кур’єр); *У кожного учасника добра нагода відвідати виставку “Мас-медіа та рекламні технології”, ... послухати майстер-класи відомих рекламних гуру* (ПіК).

Активно функціонуючи в мові мас-медіа, загальновідомими й загальноживаними ставали також нові значення деяких невідмінюваних слів: *табу* — “взагалі будь-яка заборона”; *зомбі* — “дивна, химерна людина”, напр.: *Із здобуттям Україною незалежності знято табу із засекречених архівів, тож є можливість видати енциклопедію “Історія міст і сіл України”, залучивши нові джерела, документи* (Вечірній Київ); *Мою увагу привернув один персонаж. Він стояв біля мікшерського пульта і нерухомо, як зомбі, дивився на сцену* (ПіК).

Детермінологізуються, розширюючи свою функціональну сферу за рахунок переносних значень, і невідмінювані субстантиви на позначення понять мистецтва, особливо музичного. Найактивніше вони побутують у мові засобів масової інформації, унаслідок чого стають відомими широкій громадськості. Терміноназви *контральто*, *сопрано* — відповідно “найнижчий за звучанням жіночий голос” та “найвищий жіночий голос” — часто використовують у порівняннях, напр.: *А електричка суне та й суне собі потихеньку, долаючи простори України. Вона скрикує не контральто, а деренчливим сопрано* (ПіК).

Невідмінюваний субстантив *тріо* запозичено з італійської мови з двома значеннями: “ансамбль з трьох музикантів-виконавців”; “музичний твір для трьох голосів або інструментів”. На українському ґрунті він розширив свою семантичну структуру внаслідок детермінологізації, набувши переносного значення — “про трьох осіб, що пов’язані між собою дружною або завжди бувають разом”, пор.: *П’ятниця стала*

днем відомого *тріо*: Фенді, Ферре та Каваллі (зірки дизайнерського мистецтва) (Вечірній Київ); ... ми побачили на полі стадіону "Ян Брейдель" Джуліуса, Андрія Воробєя та Чіпріска Маріку. Поки господарі поля міркували, що з цим *тріо* робити, по одному голу "робив" Звонимир Вукіч (Україна молода).

Отже, частина невідмінюваних іменників, адаптувавшись на українськомовному ґрунті, зазнала семантичних змін, зокрема розширила своє значеннєве поле, що зумовлено активним функціонуванням таких одиниць у сучасній українській мові та тенденцією до розширення й поглиблення семантичної структури. Активно забезпечуючи розвиток словникового складу української літературної мови, ця тенденція стимулює появу нових слів унаслідок якнайповнішого використання семантичних можливостей лексичних одиниць, тобто за рахунок переосмислення значень уже відомих слів. Це відповідає принципів мовної економії, який спонукає мову уникати інтенсивного приросту одиниць плану вираження і спрямовує номінативну діяльність у русло вторинної номінації.

Список літератури

1. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. — М.: Наука, 1989. — 246 с.
2. Сучасна українська літературна мова / За редакцією А. П. Грищенка. — К.: Вища школа, 2002. — 439 с.
3. Термін і художнє слово // Науково-технічний прогрес і мова. — К.: Наук. думка, 1978. — С. 137–149.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови. — К.; Ірпінь: ВТФ "Перун", 2001.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русский язык, 2003.

Фурса В. М. Динамические процессы в семантической структуре неизменяемых существительных.

Статья посвящена активным лексико-семантическим процессам освоения неизменяемых существительных иноязычного происхождения в современном украинском языке, в частности расширению семантической структуры раньше заимствованных неизменяемых слов и детерминологизации значений некоторых лексем.

Ключевые слова: неизменяемые существительные, лексико-семантическое освоение, семантическая структура, детерминологизация.

Fursa V. M. Dynamic processes in semantic structure of indeclinable nouns.

The article present a complex research the dynamic processes of lexical mastering of indeclinable foreign names of the modern Ukrainian language – extending of semantic structure of earlier borrowed indeclinable words and determinologization of meanings of some units in particular.

Key words: indeclinable nouns, lexical mastering, semantic structure, determinologization.

Статья поступила в редакцию 23 октября 2006 г.

УДК 802.0-73

СЛАВЯНСКАЯ КРИПТОГРАФИЯ: ФРЕЙМИНГ М. А. БУЛГАКОВА

Н. В. Халина

Статья посвящена рассмотрению романа М. А. Булгакова как текста, содержащего элементы славянской криптографии. Грамматика славянских смысловых отношений в романе облечена в форму фрейминга. Булгаковский фрейминг восстанавливает коммуникацию двух когнитивных культур – славянской и собственно русской. Первая – зафиксирована графической системой “кириллица”, вторая же представляет собой ментальные схемы, в соответствии с которыми русский народ располагает (закрепляет) себя в потоке истории.

Ключевые слова: художественный текст, фрейминг, смысловые отношения.

Во время русско-японской войны 1904 – 1906 годов Николай Рерих осознает необходимость заключения специального международного договора об охране памятников культуры во время войн. В 1920 году текст подобного договора, по просьбе Н. Рериха, был подготовлен юристом-международником профессором Г. Шклявером при проведении консультаций с членом Постоянной палаты международного правосудия в Гааге профессором Г. Лапраделем [1]. Таким образом, по заключению Г. Шклявера, идея Рериха была переведена на язык права, воплощена в правовые термины.

Славянская идеология и аксиология, дабы не быть потерянными в пространстве и времени, в конце первого тысячелетия была переведена в систему символических обозначений, именуемых кириллицей. Кириллица, как считает М. В. Арапов, в первом тысячелетии нашей эры стала третьей попыткой создать алфавит на основе греческого письма для перевода Библии. Возможно, к созданию кириллицы причастны ученики Кирилла, развившие во время правления болгарского царя Симеона (803 – 827 гг.), “в эпоху, когда болгарская культура испытывала сильное влияние Византии” [2], графические идеи своего учителя, составившего, как считает П. Шафарик, глаголицу. Будучи ориентированной на передачу славянской речи и символизируя православно-славность (непоколебимую верность постановлениям семи вселенских соборов), кириллица, по утверждению М. В. Арапова, стала средством сопротивления богатой и сложной византийской культуры “глобализму” и нивелирующему влиянию Рима, способом сохранения единого поля православной культуры” [2]. Отличительной особенностью православной культуры, по наблюдениям ученого, является отсутствие основы, “материальных” предпосылок, для конструирования новых алфавитов: в повседневной реальности православной культуры не было многообразия алфавитов, в отличие от западной (преимущественно католической) культуры, где алфавит “нормативной” латыни как языка культа, администрации, торговли, школы и пр. выступал в качестве постоянного оппонента многочисленных национальных алфавитов и национальных языков.

Однако отсутствие “материальных” предпосылок отнюдь не означает отсутствия латентных, или так называемых “слабых связей”, в кириллической графической сис-

теме, т. е. связей, по определению Н. Н. Леонтьевой, не востребованных лексическими единицами в составе предложения, источника нежелательного размножения связей при автоматическом синтаксическом анализе предложений [3].

“Слабые связи” в кириллической графической системе, по нашему мнению, свидетельствуют о возможности замещений-совмещений на множестве “славянских” семантических отношений многообразия виртуальных алфавитов — систем означивания реальных и рефлексий на них, свойственных различным славянским племенам.

Виртуальные алфавиты славянских племен означивали их мироощущение, или “мирочувствие” (А. Ф. Лосев) — систему интуитивных доказательств того, что мир есть некая, особым образом структурированная, цельность. Анализируя особенности мироощущения Эсхила, А. Ф. Лосев избирает в качестве момента, организующего рефлексивный образ мира — душевные переживания, в частности, психологию страха [4].

Славянская криптография представляет собой систему семантических узлов, определяющих когерентность мироощущения славянских племен, визуализированную в кириллице диакритикой (надписными значками), которую следует расценивать, по мнению М. В. Арапова, как “мимикрию” под греческий текст: в греческом тексте эти значки обозначали придыхание и ударение разного типа, сокращенное написание слов, в славянских же текстах иногда были чисто декоративным элементом, усиливающим сходство с греческим образцом [2]. В конце XIX в. Исаак Тейлор обратил внимание, что при удалении искусственно добавленных петель, часть ни на что не похожих букв глаголицы превращается в знакомые греческие буквы. “Петли” выступают в качестве семантического представления аксиологии и идеологии славянских племен в графической записи их мирозерцания, которое А. Ф. Лосевым вообще определяется как познание рассудочное, анализирующее, выводное, опосредованное. Н. Н. Леонтьева, исследуя смысловую неполноту в формуле слабой связи, выявляет “малые” единицы, составляющие любые структуры текста, — семантические узлы, которые, как правило, по наблюдениям ученого, не даются в готовом виде, — их надо собрать в ходе анализа любого текста [4], в нашем случае, славянской аксиологии и идеологии. Подобными “малыми” единицами, видимо, возможно признать криптограммы, тексты со скрытым смыслом [5].

Криптограммы, как утверждает Мэнли П. Холл, играют важную роль в литературе и философии, фиксируя посредством символов священные истины, позволяя мудрому разорвать завесу неизвестности, размышляя о реальности. “Формы являются символами бесформенных божественных принципов, а символизм является языком Природы” [6, с. 301].

Язык Природы, обнаруживающий себя в виртуальном алфавите славянских племен и визуализированный диакритикой в кириллице, дешифруется в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”. “Храмы древних Мистерий развили свой собственный священный язык, который был известен только посвященным и на котором никогда не говорили, кроме как в пределах святилища. Просвещенные жрецы считали святотатством обсуждение священных истин высших миров или божественных откровений вечной Природы на том же самом языке, который используется в спорах и ссорах. Священная наука нуждается в священном языке. Были также изобретены священные

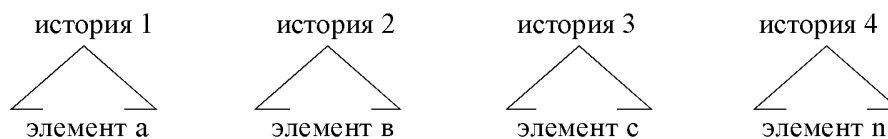
алфавиты, и всякий раз, когда секреты доверялись бумаге, для этого использовались непонятные для непосвященных буквы. Такие формы письма назывались священными герметическими алфавитами” [6, с. 302 – 303].

Созданный М. А. Булгаковым в романе “Мастер и Маргарита” герметический алфавит, с одной стороны, есть фиксация услышанного автором внутреннего смысла праксиологии и праидеологии, с другой стороны, это составляющие “Грамматики смысловых отношений”, позволяющие “слушать” внутренний смысл мироощущения славянских племен, проясненный их же мирозерцанием, которое укреплено было графической моделью мира кириллицы.

Сам же роман М. А. Булгакова в чем-то подобен пакту Рериха — договору о Ценностях всего человечества, заключенному 15 апреля 1935 года. В своем обращении в связи с пактом Н. Рерих писал: “Мы оплакиваем библиотеку Лувена и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смутений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто: “Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою”. Но все же пагубные множества памятников человеческих подвигов могут быть опять разрушены. Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленные меры. Даже в начале своем эти меры охранения дадут многие полезные следствия...” [1, с. 12]. Основная цель М. А. Булгакова — создать “ангельский”, виртуальный алфавит, позволяющий услышать язык Природы, обнаружить лингвистические структуры, обеспечивающие выход за пределы обыденной реальности к первотексту (священному языку) славянских племен и служащие “фундаментом”, несущими конструкциями для восстановления разрушенного человеческого заблуждением.

Слушание внутреннего смысла, видимо, довольно-таки занимательная, но обременительная для слушающего процедура: продвигаться по неизведанному миру приходится без каких-либо ориентиров, поскольку продвижение осуществляется не по собственной территории, а по бессознательному другого. Слушание внутреннего смысла — это особая слуховая стратегия, развитая и применяемая в области нейро-лингвистического программирования. Одна из составляющих подобного слушания, обнаруженная Гриндером и Бэндлером, — аналоговое подчеркивание [6]. Оно происходит в тех случаях, когда некоторый несловесный сигнал систематически связывается с особыми частями словесного сообщения. При соединении этих словесно отмеченных частей словесного сообщения образуется отдельное связное сообщение, которое направлено подсознанию слушающего клиента. Аналоговое подчеркивание может быть весьма простым — сдвиг тональности при произнесении “особой” части сообщения, физическое положение головы при разговоре с клиентом; а может быть весьма сложным, состоящим из историй, не связанных между собой, но содержащих части, отмеченные одинаковым образом. Подсознание, в случае сложного аналогового подчеркивания, должно соединить отмеченные части в единое сообщение (см. схему).

Для подсознания клиента отмеченные элементы (от (а) до (п)) составляют отдельную связную историю или ряд сообщений. Обнаружение аналогично подчеркнутых частей ряда историй позволяет на подсознательном уровне воспринимающе-

му открыть выраженное ими сообщение, принять его и отреагировать на него.

Сдвиг “тональности” возможно обнаружить в завершении Главы 18 романа “Мастер и Маргарита”, предшествующей явленности одной из составляющих основополагающей классификационной пары Инь-Ян — Маргариты (Глава 19. Маргарита), в следующем сегменте: “Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху будто стальным клювом клюнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94 года, разбил вдребезги и затем уже улетел в окно” [7]. Обращает на себя внимание прежде всего временная недифференцированность тысячелетия и века, что “поддерживается” и графическими сочетаниями, при озвучивании, а следовательно, слушании внутреннего смысла, порождающими аллюзии с польской культурой и временами (смутными) ее контактирования с культурой русской (воробу — шек же). Темпоральные мутации свидетельствуют о наличии исторической асимметрии. Каждой асимметрии соответствует ее собственная симметрия, именно такой вывод можно сделать, как считает В. А. Карпов, из начального пассажа статьи “Об асимметричном дуализме лингвистического знака” С. Карцевского: “... природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться лишь частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе” [8, с. 102]. Аналоговое подчеркивание позволяет рассматривать как образец собственно симметрии же тем / за/ тем же, или “любовь”, “женщина” и X. “Итак, мы оказываемся внутри новой области: речь уже идет не о простом добавлении предшествующих фонем, а скорее о построении эзотерических слов, объединяющих фонемы в конъюнктивном синтезе однородных, сходящихся и непрерывных серий — таково, в разбираемом Леклером примере, тайное имя “Poord’jeli”, создаваемое ребенком” [8, с. 277]. Таким образом, выделен элемент истории 1 — X, поверхностный эффект (остаемся в контексте “логики смысла” Ж. Делеза) в аспекте резонанса и зеркала, на уровне которого начинается речь: “она начинается, когда формативные элементы языка выделяются на поверхности из потока голоса, идущего с высоты” [9, с. 279] (ср. вставку “я не шучу” и “вставные конструкции” — за, у, дающие в совокупности первообразный составной дистантный предлог [10], тождественный (симметричный) по структуре за ... до (за неделю до отъезда), но асимметричный по содержанию: до может маркировать пространственные и временные контексты, у — только пространственные).

История 2 “Маргарита” открывается таким образом: “За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь! Нет!” При прочтении этого эпизода, непосредственно продолжающего ранее

рассмотренный, необходимо опираться на аналогичное подчеркивание в его сложном варианте. Особое внимание следует обратить на дистрибуцию компонента “у” составного дистантного предлога за ... у, в частности, контексты “ут” — “ун” — “ус”. В этих контекстах возможно обнаружить элементы предфилософского сознания (новой идеологии, порожденной диалектическим материализмом, или марксизмом-ленинизмом), строящегося, если исходить из индийской модели, путем “преломления” (деления) прямого речевого пения на категориальные (понятийные) и грамматические (языковые) единицы, в которых отражена динамика циклов природного и человеческого бытия [11]. Вместе с вертикальным делением рода и природы по уровням верха-центра-низа аналогично делятся зафиксированные в них сознание и язык. Среди всех категорий особо выделяются категории абстрактной всеобщности сознания и языка, который имеет отрицательную определенность: он задает понятийный (Т), мелодичный (Н), и грамматический ритм (С) сознания-песнопения. В истории 2 в качестве элемента оказались представленными Т, Н, С — микроконтексты “у”; прообразы миров, в которых актуализируется абсолютное начало.

История 3 берет свое начало в Главе 13 “Явление героя”, где четному числу (Инь) должно быть приведено в соответствие нечетное число (Ян), что возможно осуществить, опираясь на понятие аналогии, но в его раннем специально-математическом значении — “пропорции”, “равенства отношений”, “середины”, в частности среднего арифметического и среднего геометрического [12]. Если остановиться на арифметической пропорции, то пропорция представляет собой алгоритм, позволяющий вычислить по крайним членам пропорции ее средний член. Средний член Н пропорции-анalogии, обнаруженный в истории 2, соответствует речи, воздушному пространству, ветру, Яджурведе. “Итак, неизвестный погрозил Ивану пальцем и прошептал: “Тсс!”; “-Тсс, — шепнул гость и, выскочив на балкон, закрыл за собой решетку”; “Он шепотом сообщил Ивану...”. Вычислить средний член — значит приписать ему определенное значение в топологическом пространстве, не предполагая существование “родственных” пространств, а лишь существование одного, удовлетворяющего требуемому условию. Два пространства называются топологически эквивалентными, если каждое из них можно получить из другого с помощью непрерывного преобразования, т. е. без разрывов и разрезов [13]. Пространства графических знаков Н и Ш топологически эквивалентны, а следовательно, эквивалентны понятийные объемы, которые приписываются этим графемам как символическим буквам: Н (x) (напомним x в романе М. А. Булгакова — поверхностный эффект истории в аспекте резонанса и зеркала, некое эзотерическое слово) — средняя величина информации для полной системы x попарно взаимоисключающих событий, или энтропия системы (в случае с явлением героя — энтропия эзотерического слова (логоса). Энтропия в работе А. Кофмана определяется как математическое ожидание случайной величины, принимающей определенное значение [14]; Ш — буква, введенная в кириллицу для обозначения особенностей речи восточных славян, их воздушного пространства, возможно, карты-атласа их “Неба”, их “галактики воображаемых точек” (Г. Петрович) [15]. Н и Ш — это симметрия и асимметрия абсолютного начала объективного мира и начала, обеспечивающего жизнь человека и его познавательную деятельность, Брахмана и Атмана. Гибрид симмет-

рии и асимметрии, занимающий пространство между ними в романе М. А. Булгакова, — П П (Понтий Пилат) — диссимметрия. П. Кюри о важности диссимметрии писал следующее: “Необходимо, чтобы некоторые элементы симметрии отсутствовали. Это и есть та диссимметрия, которая создает явление” [16, с. 101]. Как считает В. А. Карпов, несложно доказать, что существование двух антиподов сохранения = симметрии и несохранения = асимметрии позволяет создать простейшее логическое обоснование существования диссимметрии, обозначив симметрию как S , а асимметрию как A . Итак, выяснив приписываемые вероятностные содержания H (ожидание случайной величины), S (симметрии = сохранения двуединой сущности, абсолютного начала и субъективного начала, лежащего за пределами умопостигаемого мира), не определили семантического объема T — своеобразного источника движения сущностей телесного и духовного бытия человеческой природы, жертвенной формулы. Элемент истории 3 — жертвенная формула T , темпоральность, или, в соответствии с концепцией В. Дильтея, переживание действительности [18].

История 4 развивается в Главе 24 “Извлечение мастера”: “Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, — сказала Маргарита, и лицо ее исказилось судорогой. Тут в комнату ворвался ветер, так что пламя свечей в канделябрах легло, тяжелая занавеска на окне отодвинулась, распахнулось окно, и в далекой высоте открылась полная, но не утренняя, а полночная луна. От подоконника на пол лег зеленоватый платок ночного света, и в нем.... лунный поток кипел вокруг него”. Образ, лежащий в основе ритуальной формулы, складывается из сегментов: *ветер* (сок растений, человек) — *огонь* [свечей] (сок речи, Рич) || *занавес* (занавеска) — *окно* — *луна* (полночная) — *столб света* (зеленоватый платок ночного света) (в совокупности эти компоненты создают модель кинопроектора; достигается состояние симбиоза театрального искусства, определяемого категорией катарсиса, и кинематографического, отличающегося присутствием особого кадра-окна, топологической структуры, “разграничивающей” поток событий на разные реальности, которые симметризируют действительный и воображаемый миры) поток||платок||решетка||решето Эратосфена ($H+Ш$: ожидание случайной величины + галактика воображаемых точек). Решето Эратосфена в теории чисел представляет собой общие формулы просеивания, или методы пересчета. “Принцип его прост: с любым свойством P можно связать его расщепление на некотором множестве A , в соответствии с которым A разбивается на две части: подмножество A , образованное элементами, не обладающими свойством P , и A , образованное элементами, обладающими свойством P , т. е. обладающими свойством P . Выбирая свойства подходящим образом, можно последовательным просеиванием пересчитать подмножества с положенными на них теми или иными ограничениями” [14, с. 60].

Фрейминг М. А. Булгакова (создание у воспринимающего нужной рамки переживаний) строится на создании особой алгебры отношений, в чем-то тождественной алгебре отношений Ч. Пирса, утверждавшего, что его алгебра отношений в большей степени относится к системе потенциальных графов и обладает способностью расширяться так, чтобы охватить все [18]. Под графом же, следуя Кёнигу и Бержу, необходимо понимать разбиение теоретико-множественного произведения некоторого счетного множества на себя на две части [14].

Список литературы

1. Богуславский М. М. Пакт Рериха // Мир через культуру. Сборник. Сост. Э. В. Балашов. — М., 1990. — С. 10 – 16.
2. Арапов М. В. Латиница и кириллица. — 2002. — arapov@online.ru.
3. Лосев А. Ф. О мироощущении Эсхила // Форма. Стиль. Выражение. — М., 1995. — С. 781 – 880.
4. Е. И. Рерих (Ж. Сент-Илер). Криптограммы Востока // Мир через культуру. Сборник. Сост. Э. В. Балашов. — М., 1990. — С. 123 – 160.
5. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. — Новосибирск, 1992. — Т.2. — 440 с.
6. Гриндер Дж., Бостик Сент-Клер К. Шепот на ветру. Новый код в НЛП. — СПб., 2005.
7. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — Барнаул, 1989.
8. Карпов В. А. Симметрия–асимметрия в польском языке // Польский язык среди других славянских языков. — Мн., 2004. — с. 101 – 111.
9. Делез Ж. Логика смысла. — М., 1995.
10. Всеволодова М. Грамматика славянского предлога. Первые результаты межнационального проекта “Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис” // Польский язык среди других славянских языков. — Мн., 2004. — С. 30 – 38.
11. Лукьянов А. Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). — М., 1992.
12. Крушельницкий А. А. Логика “И цзина”: Дедукция в Древнем Китае. — М., 1999.
13. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. — В 9 тт. — Т.1. Физический мир. — М., 2000.
14. Кофман А. Введение в прикладную комбинаторику. — М., 1975.
15. Петрович Г. Атлас, составленный небом // ИЛ. — №6. — 1997.
16. Кюри П. Избранные труды. — М.-Л., 1966.
17. Дильтей В. Описательная психология. — СПб., 1996.
18. Pieret C. S. Selected Writings ed Philip P. Wiener. Dover Publication, 1958. Извл. из: Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 2002.

Халіна Н. В. Слов’янська криптографія: фреймінг М. А. Булгакова.

Стаття присвячена розгляду роману М. А. Булгакова як тексту, що містить елементи слов’янської криптографії. Граматика слов’янських смислових відносин в романі вдягнеться у форму фреймінга. Булгаківський фреймінг відновлює комунікацію двох когнітивних культур – слов’янської і власне російської. Перша – зафіксована графічною системою “кирилиця”, друга ж є ментальними схемами, відповідно до яких російський народ розташовує (закріплює) себе в потоці історії.

Ключові слова: фреймінг, смислові відношення, художній текст.

Halina N. V. The Slav cryptography: framing of M. A. Bulgakov.

The article is devoted to the Bulgakov’s novel “The Master and Margorita”. It is analyzed as the text which contains the elements of slav kryptographia. The grammar of sense (slav sense) takes in the novel the form of framing. Bulgakov’s framing secures the communication of two cognitive cultures: the Slav culture and the Russian culture. The first has been fixed by graphic system “kirillitza”, the second is the mental schemes, according which the Russian people are disposing in traffic of the history.

Key words: art text, framing, sense (slav sense) takes.

Стаття поступила в редакцію 30 октября 2006 г.

УДК 811.161.1'373.611

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О СТРУКТУРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ

Ю. А. Шепель

В статье рассматриваются различные подходы к интерпретации понятия “словообразовательное значение” производных слов в связи с вопросом построения словообразовательного ряда как комплексной единицы словообразовательного уровня.

Ключевые слова: словообразовательное значение, синтаксический подход, асинтаксический подход, инвариантное значение, словообразовательный ряд, суммативное значение, разностное значение.

Семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия в дериватологии наиболее сильно отличались активной разработкой проблем словообразовательной и лексической семантики производных слов. Были определены общие тенденции в изучении словообразовательной семантики. Суть их в следующем.

1) Высказано представление об изоморфизме разных уровней и планов языка. Вместе с тем эта связь не всегда осознавалась, но чаще декларировалась.

2) Углубились, конкретизировались и материализовались не только “старые” связи с морфологией, лексикологией, синтаксисом, но и актуализировались новые связи с теорией номинации, семасиологией, а также активизировались новые аспекты “старых” связей.

3) Шире стали применяться количественные оценки наряду с качественными.

4) С проблемами словообразовательно-семантического анализа актуализировались вопросы словообразовательно-семантического синтеза.

5) Наряду с семантическим широко стали применять ономаσιологический принцип описания.

6) Совершенствование методов анализа привело к системному описанию связей в пределах более крупных объединений производных слов.

Однако вопросы изучения словообразовательного ряда, его структуры, роли в системе, семантики остались нетронутыми.

Основная задача, которую мы ставим перед данной статьёй, — показать имеющее место в дериватологии неоднозначное отношение к словообразовательному значению и очертить основные его признаки при моделировании словообразовательного ряда как комплексной единицы словообразовательного уровня.

Значения, называемые исследователями словообразовательными, не вполне однородны. Объясняется это тем, что они представляют различное по степени и направлению обобщение элементов значений производных слов, имеющих одинаковые словообразовательные аффиксы (= форманты), а также аффиксы одного семантического класса. Основное различие между многими определениями словообразова-

тельного значения сводится к тому, что оно практикуется как повторяющаяся семантическая “сумма” (“произведение”) производящего слова (базы) и словообразовательного аффикса или же как повторяющаяся семантическая “разность” производного и производящего. Исходя из этого, в дериватологии различают словообразовательные значения двухкомпонентные (суммарные, суммативные) и однокомпонентные (разностные). С этим отчасти связаны расхождения в характеристике формального выражения словообразовательного значения. Так, по В. В. Лопатину, словообразовательное значение есть “обобщенное значение, выявляемое в рамках словообразовательного типа и отличающее все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих (например, значение “единичности” в образованиях типа *снег* — *снежинка*) [1]. Учёным постулируется словообразовательное значение в объеме семантической разности. Вместе с тем, В. В. Лопатин выделяет и другой параметр: “Степень обобщенности словообразовательного значения определяется рамками типа” [там же]. В этом случае будто снимается вопрос о выделении и различении общих и частных словообразовательных значений. В соответствии с “разностным” словообразовательным значением его носителем является формант (в частном случае — аффикс).

“Разностная” трактовка словообразовательного значения применяется, по существу, и в монографии И. С. Улуканова “Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания” (М, 1977). Минимальной самостоятельной единицей словообразования исследователь признаёт формант, а словообразовательный тип (модель) рассматривает как его контекст. Вполне прав учёный, отмечая, что словообразовательное значение “помимо компонентов, входящих в его состав, всегда содержит указание на отношение мотивированного слова к мотивирующему, ср. *белеть*, *прочнеть* — “становиться (каким)”. На наш взгляд, более последовательным было бы считать, что подобное отношение выражается не “помимо”, а посредством компонентов, входящих в состав словообразовательного значения, и тем самым признать словообразовательным значением всю бинарную (“суммативную”) семантическую структуру ряда мотивированных слов, то есть значение типа (модели). Между словообразовательными типами и словообразовательными значениями существуют многозначные отношения. Вполне очевидно, что для описания синхронной системы словообразования одинаково важны эти обе единицы словообразовательного уровня.

Наша точка зрения близка позиции В. Н. Немченко. Под словообразовательным значением он понимает “общее, категориальное значение синхронно производных слов определенной формальной структуры (определенной словообразовательной модели), устанавливаемое на основании семантического соотношения данных производных слов с соответствующими производящими” [3]. Это определение и формулировки его конкретных словообразовательных значений (“состоящий из чего-либо” и т. п.), свидетельствуют о выделении “суммативного” значения. Но выразителем словообразовательного значения признается все же формант. Вместе с тем следует заметить, что словообразовательные форманты “в большинстве случаев не являются средством дифференциации словообразовательных значений...” [3, с. 17]. Последние за-

висят как от семантики, с одной стороны, так и от слов, сочетающихся с производными словами, — с другой. Таким образом, следует признать объективную возможность и принципиальную необходимость разграничения значения аффикса и значения модели.

Е. С. Кубрякова и З. А. Харитончик считают, что оба указанные нами типы значений можно именовать словообразовательными, деривационными [2, с. 229]. В смысловой структуре аффикса грамматические и не грамматические значения образуют неразрывное единство. Индивидуальные, конкретные значения, которые реализуют в языке категории частей речи и не совпадают с обязательными для данного языка грамматическими категориями, являются, по мнению Е. С. Кубряковой и З. А. Харитончик, словообразовательными значениями аффикса [2, с. 226]. Таким образом, обеими исследовательницами поддерживается концепция общего (инвариантного) значения в словообразовании.

Инвариантное значение обеспечивает единство словообразовательного ряда. Невозможность же выделения общего (инвариантного) значения словообразовательного ряда свидетельствует о присутствии омонимичных аффиксов [4:5].

К смысловой стороне языковых единиц с подачи П. А. Соболевой в дериватологии стало применимо употребление термина “структура” [5]. Иерархическая структура семантических признаков слова исследуется лингвистами разных направлений с двух точек зрения и с двумя различными целями. Во-первых, при изучении лексико-семантической системы языка и ее основной единицы — слова, во-вторых, при описании семантики синтаксических единиц и при семантическом моделировании (Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, И. В. Арнольд, А. В. Бондарко и др.).

Семантическая структура слова как знака, объединяет три основных компонента: семантику, прагматику и синтактику. Рассматривая словообразовательное значение, обычно выделяют два подхода к описанию его структуры: синтаксический (З. М. Волоцкая, П. А. Соболева, М. Д. Степанова, В. Н. Никитевич, Е. С. Кубрякова, Е. Л. Гинзбург, Л. В. Сахарный, Е. А. Карпиловская, И. В. Арнольд, Б. А. Абрамов, Г. Г. Поцепцов, R. Lees, N. Chomsky, H. E. Brekle, Z. Vendler и др) и асинтаксический, т. е. классификационный [АГ-70; ГРЯ-80; Е. А. Земская, И. С. Улуханов, В. Н. Хохлачева, П. А. Соболева, И. Г. Милославский, Р. С. Манучарян, П. М. Карашук, З. М. Волоцкая, А. Н. Тихонов, Е. Г. Городенская, Н. Ф. Клименко, О. П. Ермакова, Н. А. Янко-Триницкая и др.)

Структура семантики производного — это его *глубинная структура* и ее преобразования, которые минимальны и однозначно определяют место того или иного производного *в ряду перифрастических номинативных единиц*, в частности в словообразовательном ряде и, соответственно, в гнезде.

Асинтаксический подход к толкованию словообразовательного значения при построении словообразовательных рядов предусматривает объяснение значения через частеречные (категориальные) и лексические свойства производящего и производного слов. Например, производное с суффиксом =льн(ый) называет признак по действию — “то, что предназначено для выполнения действия, названного мотивирующим словом”. Мотивирующими для таких производных слов обычно выступают

глаголы несовершенного вида: *паять* — *паяльный*, *читать* — *читальный*, *рисовать* — *рисовальный*, *бурить* — *бурильный*, *шлифовать* — *шлифовальный*, *вязать* — *вязальный*, *стирать* — *стиральный*, *сушить* — *сушильный*, *копировать* — *копировальный*, *кипятить* — *кипяточный*, *красить* — *красильный*, *кодировать* — *кодировальный*, *танцевать* — *танцевальный*.

При синтаксическом подходе к анализу структуры словообразовательного значения при моделировании словообразовательных рядов деривационная история производных могут быть представлены в виде парадигматической трансформации, в ходе которой одни формы (производные) образуются от формы других частей речи*.

В заключение отметим следующее. Словообразовательное значение носит серийный характер, так как свойство обобщенности словообразовательного значения и его способность маркировать целые лексико-семантические разряды слов тесно связываются с его способностью служить показателем тождества значения у слов в этом разряде. Повторяемость значения у каждого члена однотипной со структурной точки зрения группировки слов позволяет говорить о таких объединениях как словообразовательный ряд и выделять последние по набору формальных и семантических признаков как особую единицу словообразовательной системы. Поэтому часто отмечают, что словообразовательное значение определяет / выражает тождество словообразовательного ряда. Само же тождество словообразовательного ряда может пониматься как следствие двух взаимосвязанных, но разных причин**.

Разделяя мнение о том, что словообразовательное значение действительно выражает тождество значений в одном словообразовательном ряду и что каждый член одного ряда передаёт одинаковое словообразовательное значение, мы связываем это обстоятельство с однотипностью отношений, складывающихся между производными одного ряда и их источником. Важнейшее свойство словообразовательного значения при этом мы видим в его связанности с направлением производности и с моделированием однотипных семантических отношений с исходными (мотивирующими) единицами.

В современной дериватологии обычно аффиксальным морфемам приписывается контекстное и системное значение словообразовательного форманта, т. е. единицы, что обладает иным функциональным статусом. Это может быть вызвано или неразграничением морфемы и словообразовательного элемента как двух разных единиц языковой структуры, или их непоследовательным разграничением, выявлением значения морфемы на основании закономерностей, определяющих функционирование словообразовательного форманта. Если выводить значение словообразовательного аффикса путём парадигматического отождествления, то оказывается, что в преобладающем большинстве случаев в словообразовательных рядах невозможно выделить единый, обобщённый инвариант значения, сколько-нибудь определённый набор семан-

* Учитывая рамки статьи, мы здесь не приводим примеров. Читатель может ознакомиться с этим явлением в монографическом исследовании: Никитина Ф. А. Влияние аналогии на словообразование. На материале родственных языков. — К.: КНУ, 1973. — 198 с.

** В одних концепциях оно понимается как следствие наличия у всех членов ряда одного и того же форманта (П. А. Соболева, Е. Л. Гинзбург, М. Д. Барченко, С. В. Емельянова и др.). В других концепциях акцентируется на том, что члены одного словообразовательного ряда выражают один и тот же тип отношений к своим производящим (О. В. Глебова, Е. С. Кубрякова, Э. А. Семирикова, Ю. А. Шепель).

тических признаков. Например, неопределимыми оказываются значения ряда словообразовательных аффиксов в словах с нестандартными лексическими значениями (ср. в РГ-80 аффиксы =н=, =ск=). При выделении неинвариантного типа значения словообразовательных аффиксов в пределах словообразовательных рядов слов со стандартными лексическими значениями мы сталкиваемся с рядом трудностей, и в целом для суффиксального словообразования русского языка такое значение оказывается нетипичным.

Список литературы

1. Лопатин В. В. Способы именного словообразования в современном русском языке (ноль суффиксации, субстантивация): Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к. филол. н./ 10.02.01 — русский язык. — М., 1966. — 20 с.
2. Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1978. — С. 211 – 242.
3. Немченко В. Н. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. — Горький, 1973. — 138 с.
4. Соболева П. А. Моделирование словообразования // Проблемы структурной лингвистики 1971. — М.: Наука, 1972. — С. 165 – 212.
5. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. — М.: Наука, 1980. — 294 с.

Шепель Ю. А. Вирішення питання про структуру словотвірного значення похідних слів при моделюванні словотвірних рядів.

У статті розглядаються різні підходи інтерпретації поняття “словотвірне значення” похідних слів у зв'язку з питанням побудови словотвірного ряду як комплексної одиниці словотвірного рівня.

Ключові слова: словотвірне значення, синтаксичний підхід, асинтаксичний підхід, інваріантне значення, словотвірний ряд, сумативне значення, різницеве значення.

Shepel Yu. A. Decision of question about the structure of word-formation value of derivatives at construction of word-formation rows.

The article is devoted to the analysis of word-formation value and different approaches to his interpretation in connection with construction of word-formation row as complex unit of word-formation level.

Key words: word-formation value, syntactic approach, asyntactic approach, invariant value, word-formation row, common (incorporated) value, value of difference.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2006 г.

УДК 811.161.1”373.46

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПРЕССИИ НАЗВАНИЙ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ПОДЪЯЗЫКЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Н. Ю. Яковишена

Исследуется природа языков для специальных целей, анализируются способы компрессии названий нормативных документов, частотность их употребления и прилагается список сокращений основных нормативных документов строительной отрасли.

Ключевые слова: язык для специальных целей, нормативный документ, компрессия, аббревиация.

Стремительное развитие научно-технической мысли и, как следствие этого, безусловная потребность в регламентации этих знаний, подработке уже имеющихся либо создании совершенно новых нормативных документов, становящихся основой деятельности каждой из специальных отраслей, диктуют естественную необходимость в более пристальном изучении языков для специальных целей и особенностей номинации специальной документации наиболее динамично развивающихся отраслей. Современное общество представляет собой довольно сложно организованную структуру, включающую огромное количество специальных сфер, обслуживающих потребности и направления деятельности современного человека. Каждая из этих сфер обслуживается специальным языком, призванным адекватно отражать картину отдельно взятой отрасли и покрывать нужды говорящих внутри определённой сферы. Несмотря на ряд имеющихся исследований [3, 5, 7, 8, 11, 13], отдельные аспекты изучения конкретных подъязыков всё же ещё нуждаются в более детальном рассмотрении.

В задачи нашей статьи входит определение природы языков для специальных целей и изучение особенностей компрессии названий нормативных документов в подъязыке строительства.

Термин «подъязык» появился в 60-е годы. Им стали обозначать совокупность языковых (преимущественно лексических) средств, используемых в текстах одной тематики. В 80-х годы термин «язык для специальных целей» уже широко применяется в работах российских учёных [1, 4, 5, 6, 8, 10].

Весомый вклад в изучение специальных подъязыков внесла теория языков для специальных целей. Она ведёт своё начало от идей Пражского лингвистического кружка (Б. Гаварнек) о функциональных языках и получила особенно широкое распространение с начала 70-х годов. Эта теория трактует языки для специальных целей как функциональные разновидности современных развитых национальных языков, как подсистемы этих языков, используемые в специальных сферах общественных отношений, которые противопоставляются неспециальному — бытовому

сфере, сфере семейных отношений, сфере отдыха человека и т. д. Тем не менее, как справедливо отмечает В. М. Лейчик, язык для общих целей и язык для специальных целей не являются двумя отдельно существующими системами [7, с. 5]. Они имеют единую основу — естественный язык и между ними происходит постоянный взаимообмен на различных уровнях.

Специфика языка науки вытекает из особенностей научного мышления, его обобщающего и абстрагирующего характера. По наблюдениям многочисленных исследователей, для научной речи свойственны объективность изложения, смысловая точность, отсутствие образности и эмоциональности. По мнению М. Н. Кожинной, эти черты находят своё отражение в чёткой нормированности, стандартизованности, точности, ясности и лаконичности в выражении мыслей [3, с. 165].

Все эти особенности чётко просматриваются и в названиях нормативных документов, которые становятся основой деятельности строительной отрасли. Само по себе название должно ёмко вмещать основное содержание документа. Даже на этом этапе как бы включается механизм сжатия всего текста до нескольких ключевых слов, которые и станут впоследствии названием конкретного документа. Однако высокая частота, с которой оперируют нормативными документами в строительной отрасли, диктует необходимость в ещё большем сжатии информации, а именно в компрессии самих названий.

Нами были проанализированы названия основных нормативных документов, содержащихся в электронной библиотеке нормативных документов по строительству. Из названий 41 нормативного документа 31 документ имеет свою сокращённую форму, что составляет 76% от общего числа. Таким образом, число сокращённых названий нормативных документов почти в 3 раза превышает число развёрнутых наименований. При этом компрессии подвергаются названия документов, содержащих от 2 (*ВН* — *Ведомственные нормы*) до 11 исходных компонентов (*ЕНиР* — *Единые нормы и расценки на строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы*). Среди 24% наименований, которые не были подвержены компрессии, только 5% имеют 2 или 3 компонента в исходном наименовании. Оставшиеся 19% названий состоят только из одного компонента, в связи с чем необходимость в компрессии этих номинативных единиц практически сведена к минимуму.

Анализ названий нормативных документов, которые подверглись компрессии, показал, что основным способом компрессии этих номинативных единиц является аббревиация. При этом наиболее распространена аббревиация инициального типа (буквенного подтипа (46%), звукового подтипа составляет 18%, буквенно-звукового — 10%) и только 2% исследуемых аббревиатур относятся к смешанному типу.

Анализ исследуемого материала показал, что в электронном каталоге, содержащем названия нормативных документов, используемом в сфере строительства, аббревиатуры употребляются 3453 раза. Всего в документе содержится 24 879 слов. Таким образом, доля аббревиатур составляет 14% от общего числа слов.

Среди всех аббревиатур, используемых в документе, самой частотной является *ГОСТ* (*Государственные стандарты* — 1026 раз), далее располагаются *СН*

(*Строительные нормы* — 613 раз), *СП* (*Своды правил* — 545 раз), *СНиПы* (*Строительные нормы и правила* — 281 раз), *ВН* (*Ведомственные нормы* — 268 раз) и т. д. Таким образом, доля использования аббревиатуры *ГОСТ* по отношению к общему числу использованных аббревиатур составляет 30%, *СН* — 18%, *СП* — 16%, *СНиП* — 8%, *ВН* — 7,8%.

Обилие аббревиатур инициального типа объясняется особенностями информативности языкового знака. По мнению учёных, именно первые буквы (звуки) в слове несут в себе максимальное количество информации. В связи с этим Р. Г. Пиотровский утверждает, что “в условиях естественного побуквенного и пословного развертывания письменного текста основная часть информации группируется в начале слова. Концы слов, а у длинных слов и средние участки, оказываются избыточными” [9, с. 103]. Эту тему продолжает и А. П. Журавлев. В своей известной формуле расчета фонетического значения слова исследователь обращает внимание на то, что первая звукобуква в слове передает в два раза больше информации, чем последующие неударные звукобуквы [2].

Интересно, что в исследуемом нами подъязыке строительства далеко не все компоненты исходного наименования сохраняют свои начальные буквы или звуки в конечной аббревиатуре. Наблюдается опущение от одного до нескольких компонентов исходного названия нормативного документа (*ГЭСНр* — *Государственные элементные сметные нормы на ремонтно-строительные работы*; *ЕНиР* — *Единые нормы и расценки на строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы*).

Особенностью компрессии названий нормативных документов подъязыка строительства является употребление рядом с аббревиатурой исходного наименования цифрового компонента, который замещает одну или несколько фраз, уточняющих название документа, его порядковый номер, последние цифры года его принятия и т. д. (*ВСН 01-82* — *Ведомственные строительные нормы (Инструкция по проектированию лесозаготовительных предприятий)*; *ВСН 01-89* — *Ведомственные строительные нормы (Предприятия по обслуживанию автомобилей)*; *ВСН 02-74* *Ведомственные строительные нормы (Инструкция по определению прочности бетонных сооружений)*; *ГОСТ 26433.0-85* — *Государственные стандарты (Система обеспечения точности геометрических параметров в строительстве. Правила выполнения измерений. Общие положения)*; *ГОСТ 26433.1-89* — *Государственные стандарты (Система обеспечения точности геометрических параметров в строительстве. Правила выполнения измерений. Элементы заводского изготовления)* и т. д. Таким образом, в подъязыке строительства наблюдается не только компрессия названий нормативных документов до уровня аббревиации, но и особый способ замещения словесно оформленной информации до цифрового кодирования.

Проведённое нами исследование показало, что компрессия названий нормативных документов в строительстве представляет собой широко распространённое явление. Подавляющее большинство названий, содержащих 2 и более компонента,

имеют свою краткую форму. Основным способом компрессии выступает аббревиация инициального типа. Отмечены случаи аббревиации исходного наименования с пропуском малозначимых компонентов. Одной из особенностей аббревиации наименований документов является использование рядом с аббревиатурой цифрового компонента, который способен замещать словесную информацию.

Приложение. Список сокращений основных нормативных документов в подъязыке строительства: **ВН** (Ведомственные нормы); **ВНП** (Ведомственные нормы проектирования); **ВНТП** (Ведомственные нормы технологического проектирования); **ВСН** (Ведомственные строительные нормы); **ВСП** (Ведомственные своды правил); **ГН** (Гигиенические нормы); **ГОСТ** (Государственные стандарты); **ГЭСНр-2001** (Государственные элементные сметные нормы на ремонтно-строительные работы); **ЕНиР** (Единые нормы и расценки на строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы); **МДС** (Методические документы в строительстве); **МУ** (Методические указания); **НПБ** (Нормы противопожарной безопасности); **НПРМ** (Нормативные показатели расхода материалов); **ОНТП** (Общесоюзные нормы технологического проектирования); **ОСТН** (Отраслевые строительно-технологические нормы); **ПБ** (Правила безопасности); **ПОТ** (Правила по охране труда); **ППБ** (Правила пожарной безопасности); **РД** (Руководящие документы); **РДС** (Руководящие документы в строительстве); **РНиП** (Реставрационные нормы и правила); **РСН** (Республиканские строительные нормы); **РСН на монтаж** (Сборники ресурсных сметных норм на монтаж оборудования); **РСН на ПНР** (Сборники ресурсных сметных норм на пусконаладочные работы); **СанПиН** (Санитарные правила и нормы); **СН** (Строительные нормы); **СНиП** (Строительные нормы и правила); **СНиП-91 Р** (Сметные нормы и расценки на ремонтно-строительные работы); **СП** (Свод правил); **ТСН** (Территориальные строительные нормы); **ТОИ** (Типовые инструкции по охране труда).

Список литературы

1. Волкова И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии. — М., Изд-во Стандартов, 1984. — 200 с.
2. Журавлёв А. П. Звук и смысл. — М., Просвещение, 1981. — 160 с.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. — М., Просвещение, 1983. — 222 с.
4. Котов Р. Г. Язык в реальной коммуникации как объект прикладной лингвистики // МФИД. — 1984. — Т. 9. — №4. — с. 17–21.
5. Лейчик В. М. Языки для специальных целей — функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. — М., 1986. — С. 28–34.
6. Лейчик В. М. Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1989. — 38 с.
7. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / Лейчик В. М., Бесекирска Л. — Uniwersytet w Białymstoku. Instytut Filologii Wschodniosiwiackiej. Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku. Белосток, 1998. — 182 с.

8. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. — М., Наука, 1987. — 144 с.
9. Пиотровский Р. Г. Информационные измерения языка. — Л., 1968. — 116 с.
10. Суперанская А. В. Литературный язык и терминологическая лексика//Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. — М.: Наука, 1983. — с. 81–90.
11. Тезисы Пражского лингвистического кружка//Пражский лингвистический кружок/Под. Ред. Н. А. Кондрашова. М., 1967. 559 с.
12. Электронная библиотека нормативных документов по строительству. Компакт диск. — Москва, 2000.
13. Savory Th. H. The language of science. Its growth, character and usage. — L.: A. Deutsch Ltd., 1953; Rev. Ed., 1967.

Яковишена Н. Ю. Про деякі особливості компресії назв нормативних документів у підмові будівництва.

Досліджується природа мов для спеціальних цілей, аналізуються способи компресії назв нормативних документів, частотність їх вживання й додається лист скорочень основних нормативних документів у галузі будівництва.

Ключові слова: мова для спеціальних цілей, нормативний документ, компресія, аббревіація.

Yakovyshena N. Y. Some peculiarities of compression of regulations' titles in sublanguage of civil engineering.

The nature of languages for specific purposes is searched, the methods of compression of regulations' titles and frequency of their usage are analysed, the list of abbreviations of main regulations' titles in the field of civil engineering is added.

Key words: Language for specific purposes, regulation, compression, abbreviation.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2006 г.

УДК 81'44=161.1=161.2=162.1

ТИПЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД *САЖАТЬ, САДИТИ И SADZIЖ*

Н. А. Ярошенко

Настоящая статья посвящена сопоставительно-типологическому изучению современных словообразовательных гнезд с вершинами *сажать*, *садити* и *sadzić* в русском, украинском и польском языках. Устанавливаются и анализируются типы лексико-семантических отношений между компонентами названных словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, лексико-семантические отношения, сопоставительная дериватология.

Одной из актуальных проблем современной дериватологии является сопоставительно-типологическое изучение словообразовательных систем нескольких языков как систем словообразовательных гнезд (далее — СГ). Несмотря на то, что теоретические предпосылки развития этого направления были заложены еще в 80-е – 90-е годы прошлого века (работы О. Н. Беляевской, М. П. Билоус, Т. И. Величко, В. И. Верещаки, В. В. Лопатина, А. А. Лукашанца, В. Ф. Нечаевой, Г. П. Нецименко, Е. С. Отина, Н. А. Павленко, И. С. Улуханова, Я. Чернецкой и др.), в настоящее время эта область словообразования находится еще на стадии формирования и поисков.

Среди многочисленных аспектов изучения СГ (в том числе и в сопоставительном плане) особого внимания заслуживает рассмотрение лексико-семантической структуры гнезда. Анализ лексико-семантической структуры СГ тесно связан с такой его особенностью, как сходство по некоторым признакам с семантическим полем (ср. [5, с. 3]). Как представляется, данная особенность СГ, как и многие другие, прежде всего обусловлена промежуточным характером словообразовательного уровня в целом. Компоненты СГ являются площадью проявления таких лексико-семантических категорий и явлений, как моно- и полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, множественность словообразовательной структуры (полимотивированность), поликоррелятивность производных.

В нашей предыдущей статье [6], сопоставив СГ глаголов *сажать*, *садити* и *sadziж* в аспекте реализации моно- и полисемии производных, а также относительно типов семантической соотносительности в паре “производящее > производное”, мы пришли к выводу о том, что при сопоставлении лексико-семантических структур СГ нескольких языков такой анализ целесообразно продолжить в русле контрастивной лексикологии. В связи с этим определим основные типы межъязыковых лексико-семантических отношений между компонентами (производными) современных СГ с вершинами *сажать*, *садити* и *sadziж* в русском, украинском и польском языках.

В работе опираемся на классификацию межъязыковых лексико-семантических коррелятов, предложенную В. Н. Манакиным [3, с. 122 – 149], уточняя данную классификацию с учетом особенностей изучаемого объекта, поскольку сопоставляемые лексемы рассматриваются прежде всего как компоненты словообразовательных гнезд.

Мощность сопоставляемых СГ, определяемая количеством производных лексем в их составе, составляет 1381 дериват, в том числе русское СГ — 736, украинское СГ — 380 и польское СГ — 265 производных лексем.

Как известно, “то, что в одном языке является безэквивалентным по отношению к другому языку, может существовать в каком-нибудь третьем языке” [3, с. 139]. Учитывая этот факт, при сопоставлении исследуемых СГ в данном аспекте подавляющее большинство лексем включаем в двойные сопоставительные ряды. В результате этого число, принятое за 100 %, возрастает до 2614 единиц.

Анализ фактического материала позволил выделить такие типы межъязыковых лексико-семантических коррелятов между компонентами (производными словами) СГ глаголов *сажать*, *садити* и *sadziж*:

1. Полное совпадение объемов значений сопоставляемых лексем (явление эквивалентности) — 13,8 %, в том числе для трех СГ — 3,9 %, для компонентов русск. и укр. СГ — 7 %, русск. и пол. СГ — 1,5 %, укр. и пол. — 1,5 %. Например: а) *высадок* — *висадок* — *wysadek*, *wysadka*, *садоводство* — *садівництво* — *sadownictwo*; б) *садово-парковый* — *садово-парковий*, *рассадосажалка* — *розсадосажалка*, *насаживать* III — *насаджувати* II; в) *всаживать* — *wsadzać*, *высадковый* — *wysadkowy*; г) *відсаджувати* — *odsadzać*, *осадничий* — *osadczy* II, *посада* — *posada* и др.

2. Отношение включения, т. е. наличие определенных общих значений при условии более широкого семантического объема одного из межъязыковых соответствий, реализовалось у 18,5 % лексем (7,4 % — русск. и укр. СГ, 5,3 % — русск. и пол. СГ, 5,8 % — укр. и пол. СГ). Например: а) *садиться* — *садитися*, *саженный* — *саджений*, *засада* — *zasada* I; б) *садиться* — *sadziж sik*, *садовый* — *sadowy* I, *осадить* II — *osadziж* II; в) *всадити* I — *wsadziж*, *засадничий* — *zasadniczy*, *засада* — *zasadzka*.

3. Пересечение (наложение) лексических значений, которое, по наблюдениям В. Н. Манакина, “не принадлежит к широко распространенным явлениям при межъязыковых сопоставлениях” [3, с. 134], в исследуемом материале составляет 1,1 % от общего количества единиц. Наиболее ярким примером отношения пересечения значений между лексико-семантическими соответствиями, которые “обозначают немного разные, но очень похожие по своей природе и функциям денотаты” [3, с. 133], является соотношение русск. *сад* I и укр. *сад* I, с одной стороны, и пол. *sad* I, с другой (частичные межъязыковые синонимы, по В. Н. Лейчику [2, с. 247]). В отношении пересечения значений с соответствующими компонентами русск. и укр. СГ находятся также такие лексемы пол. СГ, как *odsadziж sik*, *odsadzać sik*, *odsadzać*, *przesadziж*, *przesada*. Пересечением значений характеризуется соотношение русск. *пересада* I и укр. *пересада*, русск. *пересадчик*, *пересадчица* и укр. *пересадчик*, *пересадчиця* и др.

4. Собственно безэквивалентная лексика среди компонентов сопоставляемых СГ составляет 3,3 % единиц. В эту группу входят такие лексемы, как а) русск. СГ — по отношению к укр. и пол. СГ: *посадничать, посадчина, банка-самосадка, сада*, окказионализмы *дровонасаждение* и *лысонасаждение* и др.; б) русск. СГ — по отношению к пол. СГ: *посадница, посадницын, посадничий, посадский I, посадский II* и др.; в) укр. СГ — по отношению к русск. и пол. СГ: *сад-виноград, засадец, засадич, засадьок, насад I, насада, насадик, насадиць, міщанин-осадник* и др.; г) укр. СГ — по отношению к пол. СГ: *посадниця, посадництво, посадників, посадницький, посадський I, посадський II* и др.; д) пол. СГ — по отношению к русск. и укр. СГ: *osadnictwo, osadnikowаж*.

5. Следующую группу, которая в исследуемом материале составляет 18,6 % от общего числа межъязыковых коррелятов, образуют слова, относительно безэквивалентные на уровне СГ. Это те случаи, когда одно и то же значение в другом СГ или в двух из сопоставляемых СГ передается производными с другой словообразовательной структурой и/или морфемным составом относительно материального выражения служебных морфем (формантов), которые, однако, функционально эквивалентны. Например: русск. *садка I*, укр. *садка III* 'материалы, заложенные в металлургическую печь для обработки' — пол. *wsad* 'порция стального, чугунного лома, руды, чугуна, известняка и др., приготовленная для одноразовой загрузки в печь; садочный материал'; русск. *садчик I*, укр. *садчик* 'рабочий, который загружает печь (доменную и др.)' — пол. *wsadowy II* 'рабочий, который загружает печь'; укр. *посадчик* 'название одной из специальностей работников угольной промышленности, работающих в шахте' — пол. *podsadzkarz* 'шахтер, работающий при выполнении закладки (пол. *podsadzki*)'; русск. *садовщик* (наряду с *садовник*) — укр. *садівник*, пол. *sadownik*; пол. *wysadka* (наряду с *wysadek*) — русск. *высадок*, укр. *висадок*; русск. *засада*, укр. *засада I* 'укрытое место' — пол. *zasadzka* и др.

6. Относительно безэквивалентными на уровне языка являются те производные в составе сопоставляемых СГ, которые в другом языке, или в двух из сравниваемых СГ соотносятся со словами с другим корнем. Случаи вербализации определенного понятия словами с разными корнями в анализируемом материале составляют 20 %, в том числе для русск. и укр. СГ — 4,2 %, для русск. и пол. СГ — 10,1 % и для укр. и пол. СГ — 5,7 %. Например: укр. *засада II*, пол. *zasada* — русск. *принцип, правило, основа, начало*; укр. *засадний*, пол. *zasadniczy, zasadny* — русск. *принципиальный, основной*; русск. *древонасаждение, древосажание*, укр. *деревосадіння, деревонасаджування* — пол. *zadrzewienie*; пол. *obsadzka* — русск. *бордюр*, укр. *бордюр*; пол. *odsadnia* — русск. *крепление*, укр. *кріплення*; укр. *посадник II* — русск. *поселенец*, пол. *osidlenie*; русск. *подсад* — укр. *памолодь, памолодок*, пол. *zagajnik, miododrzew* и др.

7. Относительно безэквивалентные производные в аспекте разного способа передачи той же самой информации по признаку противопоставления явлений синтетизма и аналитизма между компонентами сопоставляемых СГ составляют 5,6 % (в том числе для русск. и укр. СГ — 0,7 %, для русск. и пол. СГ — 3,1 % и для укр. и

пол. СГ — 1,8 %): русск. *саживать* — укр. *часто, не раз садити, саджати*, пол. *czksto sadziж, sadzаж*; русск. *садовладелец* — укр. *власник саду*, пол. *wiańciciel sadu*; русск. *лесонасаждение*, укр. *лісонасадження* — пол. *działka leńna*; пол. *posadzina* — укр. *погана посада* и др.

8. Следом за В. Н. Манакиным как отдельную группу рассматриваем “существование в языках таких слов, значения которых, т. е. понятия, связанные с ними, в других языковых социумах хранятся на невербальном уровне, не имеют словесного обозначения и только при необходимости могут быть объяснены с помощью языка” [3, с. 148]. Вербальный/невербальный уровень представления об определенном понятии реализован в сопоставляемых СГ 4,2 % единиц. Например: русск. *рассадничать* ‘промышлять, торгуя рассадой’, *садовый* ‘такой, где много садов’, *посадно, посадом* ‘друг к другу, рядом по кругу, колосьями в середину (во время укладки снопов)’; укр. *садібня* ‘садовая грядка’, *садовище* ‘место, где был сад’, *присада* ‘ветка плодового дерева, которая была привита’, русск. *рассадина* ‘одно растение рассады’ и укр. *розсадина* ‘стебель рассады’; пол. *sadzonkowaж* ‘отделять часть саженца от материнского растения и сажать в землю, чтобы выросло новое растение’ и его дериват *sadzonkowanie, odsadek* ‘жеребенок, которого отделили от матери до того, как ему исполнился год’ и др.

9. Специфическую группу межъязыковых коррелятов, которая выделяется во время сопоставления СГ как единиц словообразовательного уровня образуют так называемые пустые клетки (14,8 % от общего количества анализируемых лексем). Рассматривая пустые клетки как особый тип межъязыковых коррелятов, опираемся, во-первых, на классификацию типовых и конкретных словообразовательных парадигм, полных и неполных конкретных словообразовательных парадигм Е. А. Земской [1, с. 17 – 25], а во-вторых, на то разграничение терминов *лакуна* и *пустая клетка*, которое предложено Т. И. Плужниковой на основании оппозиции по признаку “значимое отсутствие слова — незначимое отсутствие слова” [4, с. 11]. Итак, пустые клетки представляют собой незаполненные позиции конкретных словообразовательных парадигм в составе СГ такими словами, которые потенциально могли бы существовать и возможность существования которых подтверждается во время взаимного наложения сопоставляемых СГ по всем параметрам их структурно-семантической организации. Например: русск. *перенасаживать, пообсаживаться, поотсадиться* — по отношению к укр. и пол. СГ, русск. *садовницын, насадовничаться, садоводекоративный, досадка, безусадочный* — по отношению к укр. СГ, русск. *всаживаться, досаживаться, ссаживаться* — по отношению к пол. СГ; укр. *повсаджуватися, подосаджувати, поідсаджувати* — по отношению к русск. и пол. СГ, укр. *дитсадок-комбінат, новосаджений, повсаджувати I, позасаджувати, позсаджувати, осадкуватість, безрозсадний* — по отношению к русск. СГ, укр. *розсадницький, усаджуватися II, посадовець, посадитися* — по отношению к пол. СГ; пол. *podsadziж sik, przysadziж sik, przysadkowatońж, pozsadziж sik, zasadziж sik* — по отношению к русск. и укр. СГ, *poprzysadzaж, powsadzaж, pozsadzaж* — по отношению к русск. СГ, *dosadzanie, dosadzenie, nasadziж sik*,

osadka I, przesadność, zasadniczo, wysadkowy — по отношению к укр. СГ.

Таким образом, сопоставление анализируемых СГ на уровне рассмотрения типов межъязыковых коррелятов между компонентами в их составе выявило диалектическое соотношение общих и специфических признаков между ними на уровне плана содержания. Целесообразным представляется рассмотреть в этом же аспекте анализируемые СГ относительно реализации синонимии, антонимии, омонимии и др. категорий как на внутригнздовом, так и на межъязыковом уровнях, но это предмет отдельного исследования.

Список литературы

1. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. — 221 с.
2. Лейчик В. М. Типы лексико-семантических соответствий между словами двух родственных языков (на материале польской и русской лексики) // Язык: теория, история, типология. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 243–252.
3. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. — К.: Знання, 2004. — 326 с.
4. Плужникова Т. И. Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция. — К., 2002. — 256 с.
5. Соболева П. А. Синонимия в словообразовательном гнезде // Проблемы структурной лингвистики 1984. — М.: Наука, 1988. — С. 3–13.
6. Ярошенко Н. О. Зіставний аналіз лексико-семантичних структур словотвірних гнізд з вершинами *сажать, садити і sadzić* // Культура народів Причорномор'я. — Т. 3, №60. — Симферополь: "Крым", 2005. — С. 54–64.

Ярошенко Н. О. Типи лексико-семантичних відношень між компонентами словотвірних гнізд дієслів *сажать, садити і sadzić*.

Статтю присвячено зіставно-типологічному вивченню сучасних словотвірних гнізд з вершинами *сажать, садити і sadzić* у російській, українській і польській мовах. З'ясовуються й аналізуються типи лексико-семантичних відношень між компонентами зазначених словотвірних гнізд.

Ключові слова: словотвірне гніздо, лексико-семантичні відношення, зіставна дериватологія.

Yaroshenko N. A. The types of lexical-semantic relations between the components of derivational families with the base verbs *sazhat', sadyty and sadzić*.

The present article is devoted to the comparative analysis of present-day derivational families with the base verbs *sazhat', sadyty and sadzić* in the Russian, Ukrainian and Polish languages. The types of lexical-semantic relations between the components of mentioned derivational families have been established and described.

Key words: derivational family, lexical-semantic relations, comparative word-formation.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2006 г.

Раздел 3.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 81'243

ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЫ КРЫМА

Г. Ю. Богданович

Обучение языку как части этнической культуры является важным в подготовке грамотной, эрудированной, ответственной личности. Использование лексикографических источников, тщательно подобранных текстов из школьной программы по литературе, сквозного повторения теоретического и практического материала способствуют формированию языковой, речевой и культурной компетенции учащегося.

Ключевые слова: лингвокультурная компетенция, языковая личность, полилингвокультурная ситуация, лексикографические источники, текст.

Введение понятия *языковая личность* в лингвистику позволило аргументировать положение о том, что язык “присваивается” личностью, и предпринимать попытки описания процесса такого “присвоения”, расширяя наблюдения за речевой деятельностью в разнообразных лингво-культурных сообществах. Это значит, что именно личность учащегося, студента оказывается в центре внимания системы образования и учебного учреждения.

Язык — часть этнической культуры. “Этнокультурное ментальное пространство как совокупность этнических знаний в той или иной степени полноты присваивается индивидуальностью и, преломляясь через ее систему Ценностей, через ее мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл, задающий отношение индивидуальности к миру” [1].

Общее представление о личности в разных культурах имеет универсальный характер. Культурный код языковой личности, сформированный в ПЛКС (полилингвокультурной ситуации) и действующий в ней, имеет свою специфику. Он включает языковые стереотипы нескольких культур, имеет большую степень вариативности в самой картине мира, присущей субъекту, специфицируемость в восприятии признаков других национальных культур на фоне общих черт мировосприятия и общего речевого фонда.

Интегрирование самосознания человека в общество, постепенное осознание себя как части целого в ПЛКС идет, по сути, как освоение ценностей своей культуры, так

и мотивированных общим пространством жизнедеятельности заимствований из других культур. Эволюция ценностей системы языковой личности происходит по мере ее социологизации. В ПЛКС социологизация вбирает и культурологизацию на основе не одного, а нескольких кодов культуры.

Языковая личность в полилингвокультурном обществе может быть охарактеризована в целостности речевых и коммуникативных проявлений внутреннего содержания (переживаний, оценок и под.) и связей с внешним миром [2].

Несбалансированность языковой политики на государственном уровне дает основание политикам регулярно использовать язык как предмет манипуляций и различного рода спекуляций. Реальность такова, что в различных регионах Украины языковая доминанта варьируется.

Для Крыма доминирующими являются русский, украинский и крымскотатарский языки. По итогам Всеукраинской переписи населения 2002 года, сегодня в Крыму проживает 1 млн. 180,4 тыс. русских (58,5%), 492,2 тысячи украинцев (24,4%), 243,4 тысячи (12,1%) крымских татар.

77% крымчан считают русский язык родным языком. Крымскотатарский — родной для 11,4% крымчан, а украинский — для 10,1%. Но не всегда человек, относящий себя к какой-либо национальности, считает свой национальный язык родным, т. е. языком постоянного общения. Русский язык, по данным переписи населения 2002 года, — родной для 99,7% крымчан-русских, для 59,5% украинцев и для 5,9% крымских татар. Свой национальный язык считают родным 93 % крымских татар и только 40,4% украинцев.

Ситуация постоянной языковой интерференции предполагает заботу о чистоте каждого из названных языков. Поэтому одним из постоянных приоритетов лингвиста должно стать научно-методическое обеспечение сохранения, развития и бережного отношения к языку.

Учитывая современную коммуникативную направленность лингводидактики, а также потребности крымского региона в грамотном, эрудированном, ответственном, компетентном индивидууме, считаем целесообразным обратить внимание на лексикографическую деятельность.

Несмотря на современный лексикографический бум, потребности в словарях различных типов до сих пор актуальны. Думаю, в условиях Крыма полезными окажутся двух-, трехязычные источники или методические разработки.

В последнее время в СМИ все чаще появляются материалы, свидетельствующие о недостаточной языковой и культурологической компетенции учащихся средних общеобразовательных школ. Констатируют этот же факт также и на основании различных социолингвистических опросов. Заботит и учителей низкий уровень культуры учащихся. Однако одной констатации мало. Школьников и молодежь следует учить бережно относиться к слову. К слову, сказанному на любом языке.

Обучение невозможно без постоянной, кропотливой работы над словом. В этом учителю помогут разнообразные словари. Поэтому очень важно использовать известные лексикографические источники в адаптированном виде прямо на уроках, так как оригиналы не только этих словарей, но и специально изданных для средних школ многим учащимся просто недоступны. А различного рода задания с использованием

лексикографических источников заметно оживляют работу со словом, заставляют думать, анализировать, бережно относиться к своей устной и письменной речи.

В современную эпоху словари осознаются обществом как специфический и совершенно необходимый жанр справочной литературы. Поэтому полезно, чтобы уже со школьных лет дети получали достаточно полное представление о наличии разнообразных словарей и других лексикографических произведений. Наверное, не вызывает сомнения тот факт, что квалифицированного пользователя лексикографической литературы нужно воспитывать, последовательно прививая навыки правильного и рационального использования различного типа словарей и справочников. Именно в процессе обучения к школьнику должно прийти осознание важности словаря как источника многоаспектной информации о лексике изучаемого языка. Интерпретация словаря как средства обучения заставляет искать и наиболее эффективные пути включения его в учебный процесс. Это в свою очередь требует изыскания более адекватных в методическом отношении способов описания в словаре основных ценностных характеристик языковых единиц, поскольку имеющиеся учебные словари и другие произведения лексикографического жанра, которыми мы располагаем в настоящее время, покрывают далеко не все потребности обучения языку и как родному, и как неродному. Так, нельзя считать удовлетворенной потребность в учебных идеографических словарях, которые отражают лексический состав языка в виде систематизированных общим понятиям.

Особое место в системе идеографических словарей занимают двуязычные словари, обучающая роль которых определяется прежде всего тем, что посредством перевода можно быстро семантизировать изучаемые лексические единицы, подтягивая к ним, с учетом многозначности большинства слов русского языка, именно то значение, которое ориентировано одновременно на употребление слова в исходном языке и на соответствие его в языке перевода. А с другой стороны, такие словари группируют слова по темам, представляя и объясняя смысловое содержание лексических единиц, объединенных общим понятием, через описание совокупности слов, близких в смысловом отношении. Такое упорядочение лексической системы языка облегчает пользователю поиск наиболее подходящих средств для адекватного выражения мысли и позволяет формировать у них в целом навыки правильного и точного словоупотребления, что в целом обеспечивает активное владение языком как родным, так и неродным.

Однако культурно-языковая компетенция не может быть сведена к усвоению формальных правил и категорий. Язык — носитель социальной памяти, он определяет характер и глубину познавательной деятельности народа. Обучая языку, нужно формировать языковую личность, т. е. языковую, речевую и культурную компетенцию.

Культурно-языковая компетенция личности — это не сумма сведений о языке, а достигнутый речевой опыт, речевая (дискурсивная) деятельность как признаки социализации человека. Социализация как “процесс формирования личности, изменений в ее психике и сознании под целенаправленным влиянием воспитания, а также условий и образа жизни, освоение и усвоение культуры, ее норм и требований, идеалов и ценностей, интересов и потребностей, установок и позиций” [2] — включает и процесс “освоения и усвоения языка”. Речевое (коммуникативное) поведение личности детерминировано культурой (этнокультурой).

Социализация личности — это усвоение и статусного общения (с учетом норм отношений между старшими и младшими, близкими и далекими и т. д.), и ролевого (переключение с одного кода на другой, смена коммуникативной стратегии и тактики). Социализация личности — это и воспитание внимания к собеседнику: “говорящий должен считаться с уровнем знаний слушателя, учитывать, что ему известно и что неизвестно, и в зависимости от этого строить свою речь” [3]. Такого рода сведения в школьном образовании или отсутствуют вовсе, или слабо систематизированы. К сожалению, школьная программа курса литературы также не выстроена с позиций формирования разносторонней компетенции языковой личности.

Социализация человека — процесс, длящийся всю жизнь. Но начинается он со школьного образования и воспитания. И еще об одном. Дефицит родного языка в социализации человека в общеобразовательной системе не способствует формированию полноценного гражданина. А изучение русского языка как иностранного — не лучший путь воспитания любви к родине. Сокращение прав в отношении к какому-либо языку скажется на отношении к любому другому языку, в том числе к государственному. В Крыму отношение к языкам особое. И именно вдумчивой, сбалансированной, корректной, толерантной, методически выдержанной государственной программы на длительный период очень не хватает.

Список литературы

1. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. — СПб.: Алетейя, 2000. — С. 67.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. — Симферополь: Доля, 2002. — 396 с.
3. Шульга Н. А. Этническая самоидентификация личности. — К: Институт социологии НАН Украины, 1996. — 200 с.
4. Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. — 1984. — №4. — С. 7.

Богданович Г. Ю. Прийоми формування лінгвокультурологічної компетенції старшокласників в умовах поліетнічного середовища Криму.

Навчання мови як складовій етнічної культури є важливим у підготовці грамотної, ерудованої, відповідальної особистості. Використання словників, доцільно підібраних текстів із шкільної програми з літератури, постійного повторення теоретичного та практичного матеріалу сприяє формуванню мовної та культурної компетенції учня.

Ключові слова: лінгвокультурологічна компетенція, мовна особистість, полілінгвокультурна ситуація, словники, текст.

Bogdanovich G. The receptions of lingvocultural formation of competence the pupils of the senior school in conditions of poliethnic environment of Crimea.

The language training as parts of ethnic culture is important in preparation of the competent, erudite, responsible person. Using of lexicographic sources carefully picked up texts from the school program under the literature, through recurrence of a theoretical and practical material promote formation of the language, speech and cultural competence of the pupil.

Key words: lingvocultural the competence, language person, polilingvocultural situation, lexicographic sources, text.

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2006 г.

УДК82-84/82-92

ЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В. М. Шаклеин

В статье анализируются процессы социальной дифференциации в современном российском обществе и лингвокультуре. Автор констатирует наличие в российском обществе “разнокультурного синкретизма” и “культурного билингвизма”.

Ключевые слова: русский язык, лингвокультура, социолингвистика, литературный язык, синкретизм.

В известной комедии “Бриллиантовая рука” есть запомнившаяся многим зрителям и ставшая крылатым выражением фраза — “Стамбул — город контрастов”. Её смысл, очевидно, сводился не только к социальной характеристике этой страны, где богатство соседствовало с бедностью, но и к тому, что богатые слои населения были отделены от бедных слоев. Подобная социальная дифференциация наблюдалась на всех уровнях организации турецкого общества — территориальном (богатые и бедные кварталы), образовательном (учебные заведения для богатых и бедных), культурно-коммуникативном (социальные уровни общения) и т. д.

Социальная дифференциация постепенно становится отличительной чертой и современной российской культуры: появляются дома и кварталы для состоятельных граждан, школы и вузы начинают делиться по признаку материального благополучия учащихся. Соответственно, дифференцируется и институт коммуникации. Так, если бедные и состоятельные граждане пользуются примерно одними и теми же средствами массовой информации (телевидением, радио, газетами, журналами), то в процессе непосредственного общения они в значительной степени отделены друг от друга: большинство состоятельных людей, т. е. относящихся к элитам, предпочитают общаться с такими же, как и они, материально благополучными гражданами. Представители растущего среднего класса (средние предприниматели, менеджеры крупных компаний, брокеры, т. е. граждане, имеющие ежемесячный доход в несколько тысяч долларов) также общаются, в основном, с такими же, как они сами, мотивируя это схожестью жизненных интересов. Что касается мелких предпринимателей и “челночных” торговцев, то они обычно общаются в своем кругу, либо с людьми, близкими им по материальному достатку.

Подобная дифференциация по признаку материального благополучия коммуникантов, несомненно, имеет место в современной российской действительности: на это указывает Л. П. Крысин в предисловии к сборнику “Социальная дифференциация современного русского языка” [4, с. 6]. Тем не менее, авторы ряда исследований, посвященных социальной дифференциации коммуникативного процесса в современном русском языке, наталкиваются на необычное, на первый взгляд, явление: при

очевидной динамике социальных процессов в стране мало что меняется [1, с. 47 – 49].

Вопрос заключается здесь, очевидно, в том, что укрепляющиеся в современной России социальные слои пока ещё слишком малочисленны. Так, по данным Госкомстата РФ, лишь 9% населения страны совокупно можно отнести к разряду элиты, состоятельных людей и среднему классу. Всех остальных можно причислить к большому классу аутсайдеров, культурный уровень которых может лишь деградировать [3, с. 19, 22, 25].

Традиционно и отчасти справедливо большинство авторов при исследовании процессов коммуникации исходят из предположения о том, что социальная среда, в которой происходит общение, в той или иной степени однородна. Тем не менее, коммуникация нередко осуществляется представителями разных социальных слоев и групп. По-другому в России и быть не может, поскольку практически все население продолжает относиться к условному разряду аутсайдеров. Круг богатых людей настолько узок, что в коммуникативном отношении не может замкнуться сам на себя. По-прежнему богатые люди соседствуют как со средне и плохо обеспеченными, так и с необеспеченными гражданами (в среднестатистическом московском доме можно найти и тех, и других, и третьих). Правда, следует отметить появление в последнее время в российских городах новых жилых микрорайонов исключительно для состоятельных граждан.

Кроме того, наблюдаются и объективно существующие ситуации межклассового общения. Таково, например, общение судьи и подсудимого, посетителя и представителя власти, владельца дорогого автомобиля и служащего автозаправочной станции и т. п.

Так или иначе, общение представителей разных слоев общества имеет следствием попытку если и не наладить режим взаимопонимания (представителям класса богатых такое взаимопонимание и не нужно), то хотя бы приспособиться друг к другу в краткосрочном акте коммуникации. Подобное приспособление может касаться и набора языковых средств, и правил их использования в данной ситуации коммуникации, и тактик речевого общения, и невербальной коммуникации. Цель такого приспособления друг к другу, вероятно, состоит в установлении кратковременного акта взаимопонимания, без чего, если не думать только об информативной стороне вопроса, процесс коммуникации в целом теряет смысл и практическую направленность.

В процессе общения с человеком из той же социальной среды и при этом знакомом адресанту, последний более или менее свободен в выборе языковых средств. При общении с “чужим” происходит более тщательная селекция языковых средств, которая осуществляется как в виде переключения с нейтрального на более официальный стилистический регистр, так и в виде самоограничений языкового употребления (например, рабочий, общаясь с владельцем предприятия, избегает ненормативной лексики, которая может быть вполне обычной для его речевого поведения в общении со “своими”), а также в виде редукции сугубо индивидуальных речевых черт: например, слова и выражения, которые человек употребляет в общении с чле-

нами его семьи, едва ли уместны в разговорах с официальными лицами. Аналогичный отбор наблюдается и при общении взрослого с ребенком, подчиненного с начальником, солдата с командиром, учащегося с учителем и т. п. Эти и подобные им ситуации акта коммуникации находят непосредственное отражение в произведениях художественной литературы. В качестве примера можно привести диалоги чеховских персонажей “толстого” и “тонкого”, Очумелого, героя комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума” Молчалина.

Нормы использования языковых средств различаются в зависимости от того, происходит ли общение в обычной или, напротив, необычной для говорящего социальной среде. Первые наблюдения, касающиеся такого рода различий, сделал в свое время Л. П. Якубинский [8, с. 32]. В первом случае довольно часты отступления от нормативных форм речи. При общении в непривычной среде говорящий вынужден с большим вниманием следовать правилам употребления языковых средств, — в противном случае его ждет коммуникативная неудача (недоумение, непонимание, отказ от общения) или своего рода санкции со стороны тех, с кем он вступает в контакт (насмешки, осуждение, возмущение и т. п.).

Коммуникация в непривычной среде часто характеризуется тем, что её участники владеют разными субкодами, или подсистемами национального языка: одни, например, — исключительно или преимущественно литературной формой, другие — диалектом, третьи — просторечием или каким-либо социальным жаргоном и т. д.

Акт коммуникации может осуществляться с использованием каждой из этих подсистем: носитель диалекта использует местный говор, носитель просторечия — просторечные слова и обороты, носитель литературного языка — средства языка литературного. Однако при общем относительном взаимопонимании — поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат одному национальному языку, — возможны, своего рода, коммуникативные провалы, обусловленные, вероятно, тем, что внешне сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание: различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т. п.

Практически за каждым актом культурного непонимания стоят социальные различия коммуникантов. Характерно, что подобная ситуация типична для России не только как для страны, находящейся на конкретном историческом этапе развития.

Так, в рассказе А. П. Чехова “Новая дача” инженер Кучеров спрашивает живущих в деревне мужиков, почему они перекопали дорогу, запустили коров в его сад и огород, срубили деревья в лесу. Кучеров обращается к мужикам:

“ — Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом /.../ Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою...”

Мужики из речи Кучерова поняли только одно: надо “платить”:

“ — Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...” (Цит. по: Крысин Л. П. [5, с. 369]).

А. П. Чехов, конечно, утрировал ситуацию взаимного непонимания между разными социальными классами, однако нельзя не признать, что для России она, в некоторой степени, типична. Например, представителю низов рабочего класса крайне сложно понять банкира или финансового брокера. Рассуждения последних об их повседневном быте (современных компьютерах, качестве обслуживания и т. п.) могут лишь раздражать материально неустроенного человека. Правда, при этом он вряд ли выразит свое раздражение, скорее всего он примет в процессе диалога с руководителем позицию подчиненного. Иными словами, сосуществование на одной коммуникативной культурной территории разнородных культурных слоев в русской лингвокультуре было возможно всегда. Данное явление можно назвать разнокультурным синкретизмом.

Вместе с тем разнокультурный синкретизм традиционно был представлен в России недостаточно понимающими друг друга индивидами. Схождение подобного явления в одной личности встречалось крайне редко.

Ситуация изменилась с изменением общественных отношений в 1917 году, когда социальные слои — носители того, что обычно принято называть культурным слоем, культурой в целом, — в большинстве своем были изгнаны из страны или уничтожены, и когда их социальную нишу стали занимать так называемые интеллигенты в первом поколении. Именно тогда разнокультурный синкретизм начал проявляться в одной личности, нередко в массовом порядке.

Вспомним, например, культовый для советской лингвокультуры фильм “Весна на Заречной улице”, где главный герой — представитель культуры социального низа — вдруг проявляет желание учиться, влюбляется в интеллигентную девушку-учителя. В целом, с точки зрения режиссера, все реалистично. В реальной жизни выходцы из рабочих кварталов, пришедшие инженерами на производство или учеными в институты, как правило, представляли собой весьма противоречивые культурные феномены. В них, несомненно, проявлялся природный талант. Но расцветал он крайне редко. Зачастую на этот талант оказывало влияние воспитание, которое человек получал в детстве.

С этой точки зрения российское общество “устоялось” примерно к 70-м годам XX века, когда наметилась более или менее устойчивая тенденция к поддержанию семейных традиций в воспитании и образовании. Как правило, дети представителей интеллигенции, по сравнению с детьми рабочих, гораздо чаще получали высшее образование. Тем не менее явление разнокультурного синкретизма стало входить в обычное для России русло, т. е. проявлялось в непонимании разными социальными стратами друг друга и в одновременном тесном сосуществовании (тесном в буквальном смысле слова — в смысле одной лестничной площадки, одной коммунальной квартиры).

С распадом СССР разнокультурный синкретизм показал черты, сопоставимые с показателями 1917 года. С начала 90-х годов XX в. стал нарастать процесс нарушения устоявшейся социальной дифференциации российского общества: многочисленный слой писателей, журналистов, исследователей, преподавателей, т. е. непосредственных носителей русского литературного языка, неожиданно для себя из

разряда социальной элиты стал переходить в разряд аутсайдеров. Кроме того, само понятие элиты стало наполняться другим содержанием. Однако творческие профессии не утратили имиджа элитарности. Другой вопрос, что в состав творческой элиты стали проникать люди из семей, не имевших традиционного отношения к творчеству. Обычно это были дети, жены, родственники представителей бизнеса и чиновничества, а иногда и сами бизнесмены и чиновники, решившие пойти в политику, писать мемуары, стихи и научные труды.

Именно поэтому с начала 90-х в российские СМИ хлынул поток сниженной лексики. При этом всё-таки следует признать — эти просторечия не были банальными. Бизнесмены и чиновники, как правило, не позволяли себе употребление слов типа “ложить”. Между тем, в настоящее время сниженная лексика продолжает существовать и развиваться, мало реагирует на её негативную оценку с позиций носителей литературного языка (в том числе старой и новой элиты) и соответствующую этой оценке работу специалистов в области культуры речи. В сниженной лексике активно действуют свои тенденции, рождаются свои стилистические пласты, утверждаются “нормы”, эстетика, расширяется сфера проникновения просторечных элементов в систему языка — лексическую, морфологическую, синтаксическую, интонационную. Главное здесь состоит в том, что на литературный язык усиливается влияние языка социального дна.

Очевидно, закономерности укоренения современных просторечий в русском литературном языке проистекают из явления разнокультурного синкретизма. В потенциале язык при “благоприятных” условиях не мог не содержать проявления таких закономерностей. Как указывает Л. А. Капанадзе, “состав носителей просторечия за прошедшие полвека (или чуть более) существенно изменился. “Просторечник” помолодел, стал более образован, социально значим. В обыденном общении он постоянно контактирует с носителем литературного языка, но проявляет при этом стойкость” [2, с. 7]. В этой связи Л. П. Крысин даже говорит о новом просторечии (его термин — “просторечие 2”) [6, с. 56]. “Оно уже фактически порвало связи с диалектами, региональные приметы, если они и есть, для него несущественны” [6, с. 56].

Однако если мы признаем, что современное “литературное” просторечие арегионально, — а чтобы этот тезис утвердить окончательно, нужно изучить просторечие во многих городах России, — если это так, то правомерен вопрос: что объединяет новых интеллигентов-носителей просторечия — от Москвы до Владивостока?

Жизнестойкость сниженной лексики заставляет искать объективные данные, определяющие её языковую природу. Сам объект исследования предстает для нас в двух видах:

1. В виде набора отдельных (не окказиональных, а закрепившихся в лингвокультурном универсуме) языковых образований (слов, включая их акцентологические варианты, словоформ, конструкций), функционирующих как вкрапления в речь, реализующих систему литературного языка;

2. В виде определенных речевых (авторских) “манер” (см., например, описание просторечной манеры строить текст) [3, с. 156 – 182]. В последнем случае можно

констатировать, что даже среди вузовских преподавателей наблюдаются, своего рода, “культурные билингвы”, одновременно употребляющие и литературный, и сниженный язык. Владение подобной манерой речи все чаще входит в моду, служит определенной стилистической изюминкой для все расширяющегося круга людей.

В заключение можно сделать следующий вывод — явление “культурного билингвизма” со временем, по всей видимости, исчезнет. Российское общество снова культурно дифференцируется, каждая социальная страта вновь войдет в свою языковую нишу. Тем не менее, разнокультурный синкретизм, очевидно, останется в русской лингвокультуре в виде одной из ее традиционных особенностей.

Список литературы

1. Абрамова С. А. Социальные процессы и коммуникация в начале XXI века // Герменевтика культуры.
2. Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык. // Городское просторечие, Проблемы изучения.
3. Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного разговорного текста // Разновидности городской устной речи.
4. Крысин Л. П. Предисловие // Социальная дифференциация современного русского языка.
5. Крысин Л. П. Речевое отношение в социально-неоднородной среде // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация.
6. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка.
7. Россия в цифрах. Официальное издание/Госкомстат РФ.
8. Якубинский Л. П. О диалогической речи//Русская речь. Вып. 1.

Шаклеин В. М. Явище синкретизму в сучасній російській лінгвокультурі.

У статті аналізуються процеси соціальної диференціації у сучасному російському суспільстві і лінгвокультурі. Автор констатує наявність у російському суспільстві „різнокультурного синкретизму” і „культурного білінгвізму”.

Ключові слова: російська мова, лінгвокультура, соціолінгвістика, літературна мова, синкретизм.

Shaklein V. M. The syncretism in the contemporary Russian linguistic and culture.

The process of social differentiation in the contemporary Russian society and culture (based on linguistic research) is analyzed in this article. The author pointed out the existence of hetero “cultural syncretism” and “cultural bilinguism” in the Russian society.

Key words: the Russian language, sociolinguistic, the literary language, syncretism.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2006 г.

УДК 81.373.611

РЕАЛІЗАЦІЯ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТУ КОНОТАТИВНОГО ПЛАНУ ЛЕКСЕМ У ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЯХ

А. М. Барабуля

Стаття присвячена розгляду культурного компоненту лексико-семантичного поля як одного з факторів реалізації конотемного потенціалу лексем у фразеологічній сфері та можливої окремої одиниці міжмовного зіставлення. Встановлюються національні особливості функціонування культурного компоненту у фразеологічних одиницях близькоспоріднених та споріднених мов.
Ключові слова: конотація, культурний компонент, символ, фразеологічна одиниця.

Метою статті є розгляд ролі культурного компоненту лексем у процесі реалізації їх конотемного потенціалу у фразеологічній сфері мови.

Наукова проблематика статті пов'язана із проблемою максимально точного визначення ступеня активізації культурного компоненту у практиці перекладу, лінгвокультурологічного аналізу та міжкультурної комунікації.

Актуальність. Як відомо, слово є носієм не тільки актуальної інформації, яка передається в ході повсякденної мовної комунікації; воно також акумулює соціально-історичну, інтелектуальну, експресивно-емоційну, оцінну інформацію загальногуманістичного і конкретно національного характеру. Така інформація складає соціально-історичний, національно обумовлений культурний компонент змістової структури слова.

Семантика слова не є простою функцією його структури, а є віддзеркаленням позамовної дійсності в свідомості суспільства. Семантична сторона комплексу думок про світ формує психіку носія мови і його власну картину миру, яку він коректує, зіставляючи з індивідуальними плотськими образами дійсності [1, с. 125].

А. Вежбицька стверджує, що “при методі опису соціальної взаємодії, який використовує культурні сценарії, не передбачається, що культури є однорідними або що звичаї суспільства обов'язково описуються за допомогою суворих правил, яким підпорядковані дії якої-небудь людини. Цей метод виходить з того, що культури є різнорідними і що соціальна поведінка взагалі і мовна поведінка зокрема є дуже варіативними” [2, с. 124].

Символічне значення слова, метафоричний та метонімічний потенціал конотативних компонентів лексичних одиниць знаходять своє яскраве відображення у фразеологічних одиницях (далі — ФО). Це відбувається на основі того, що складні поняття, які висловлюються ФО, формуються на основі образу-уявлення, який виражається емоційно.

Конотації, за Ю. Д. Апресяном, “відображають пов'язані із словом культурні уявлення і традиції, практику використання відповідної речі, яка превалує в даному суспільстві і багато інших позамовних чинників” [3, с. 67]. Причому самі конотації

виникають на основі знань, які співвідносяться з культурно-історичним, світоглядним, повсякденно-емпіричним знанням як співтовариств, що розмовляють цією мовою, так і окремого індивіда. В процесі порівняння символізування за допомогою конотацій, присутніх в різних мовах можна виділити як загальні, так і відмінні риси. Наприклад, при символізуванні поняття “незрозуміле” укр. фразеологізму *китайська грамота* відповідає англ. *it's all Greek for me*. Спільною рисою є те, що для символізування незрозумілого в обох мовних картинах використовуються конотативно марковані лексеми, що означають інші народи, відмінною — те, що народи ці різні.

Наявність багатьох властивостей і якостей у різних предметів або явищ, які сприймаються людиною, надає їй можливість асоціативно пов'язувати ці предмети і поняття, а образ, що при цьому склався, відразу знаходить опору в семантиці слів. Разом з тим слова, будучи вторинними сигналами, тобто понятійними сигналами, які є заснованими на первинних сигналах — відчуттях, самі можуть викликати образні уявлення. За твердженням В. М. Телії, “накладання готових мовних значень на нові образи — це і є реальні процеси функціонування мови, в яких відбувається підгін і пристосування значень слів і синтаксичних конструкцій до того, що відбивається в даному вислові, а тим самим завжди існує можливість переосмислення значень” [4, с. 133].

Таким чином, асоціації служать основою для розвитку значень, які замінюють логічний порядок: імена предметів, їх властивостей відволікаються від наочно зорієнтованих ознак, залишаючи в значенні нагадування про них у вигляді постійних конотацій, які посилають до основи аналогії. Носій мови, зафіксувавши певну яскраву ознаку або ознаки одного предмету або явища, який далі вважатиметься референтом конотації, переносить ці ознаки на інший предмет або явище шляхом проведення аналогії. При цьому в лексемі виникає додаткова семема — семема переносного (найчастіше — метафоричного або метонімічного) значення — одного з основних варіантів реалізації конотеми. Так, *ФО н'ята графа*, якою за радянських часів називали національність на основі того, що у всіх офіційних документах графа “національність” знаходилася під п'ятим порядковим номером, породила метафоричний фразеологізм інвалід *н'ятої групи*, яким жартома називають євреїв; з розповсюдженням наркоманії пейоративної конотації набуло слово “голка”, а віддзеркалення цієї конотації краще всього простежується в ряді російських фразеологізмів-дериватів — *подсесть на иглу, быть (сидеть) на игле, соскочить с иглы* (пор. з англ. *to be on the needle* або укр. *сидіти на голці*).

Як відзначав Ю. М. Лотман, “пронизуючи товщу культур, символ реалізується в своїй інваріантній суті. У цьому аспекті ми можемо спостерігати його повторність. З іншого боку, символ активно корелює з культурним контекстом, трансформується під його впливом і сам його трансформує. Його інваріантна суть реалізується у варіантах. Саме у тих змінах, яких випробовує вічний сенс символу в даному культурному контексті, контекст цей найяскравіше виявляє свою змінність” [5, с. 242]. Якщо розглядати, наприклад, поняття “голуб” крізь призму культурного контексту, окрім денотативного потенціалу слова виявиться ще й ана-

логія з біблійним символом доброї звістки, миру, чистоти, що згодом утілюється в іконічному символі миру, а саме слово “голуб” придбає конотацію, яка утілиться в поняттях *голуб миру*, *dove of peace* або в переносному значенні англ. лексеми *dove* — “борець за мир”.

З вищенаведеного прикладу видно, що саме культурний контекст, з якого слово вбирає початковий культурний компонент, формує символічне значення слова — конотацію, мотивування якої не полягає всередині семеми, а визначається життям і побутом людей, в середовищі яких певний предмет, дія, ритуал або обряд починає виступати як символ якого-небудь іншого предмету або явища навколишньої дійсності.

Пізнаючи мир, людина сама наділяла певною сакральністю деякі явища навколишньої дійсності, найчастіше — об’єкти живої або неживої природи, після чого вони набували певного ступеня символізування. Згодом ця символічна сакральність, яка була результатом когнітивної діяльності людини, знайшла своє відображення в динаміці розвитку лексичної семантики, адже “розвиток семантики (слова) є деформацією його значення під впливом двох сил — знань про світ, які розвиваються і гносеології, тобто закономірностей пізнання світу” [6, с. 169].

Так, наприклад, в англ. фразеологізмі *under the rose*, що означає “таємно, крадькома”, реалізується символічна конотема ‘мовчання’, заснована на приналежності троянди до так званих “семафорних” квітів (у Стародавньому Римі вона вважалася символом суворої моралі, а фрейм “сувора мораль” містить в собі поняття “мовчання”). Ні рос. *роза*, ні укр. *троянда* не реалізують подібної символічної конотеми.

Інший приклад: символічне призначення в українській культурі гарбуза як рослини, яку дівчина дарує хлопцю, відмовляючи йому в заміжжі. Коннотема ‘відмова’ активізується в укр. **ФО** *піднести гарбуза, дістати гарбуза, піти з гарбузом, лишитися з гарбузом, наділяти гарбузом, годувати гарбузами* — “відмовляти тому, хто сватається”, *скуштувати гарбузової каші* — “дістати відмову”, навіть *пахне гарбузом* — “передбачається відмова”. Ні рос. *тыква*, ні англ. *pumpkin* не реалізують схожу образну конотему, що пояснюється наявністю обряду “підношення гарбуза” лише в українській культурі. Той факт, що в англійській культурі має місце схожий обряд, але з врученням іншої рослини — ріпи, пояснює існування корелята фразеологізму з використанням іншого фітоніма: *she has given him a turnip* (досл. “вона піднесла йому ріпу”).

Якщо ми виділимо в плані змісту **ФО** два аспекти: актуальне значення і образну складову, то побачимо, що образний складник конотації, як невід’ємна частина культурного компоненту слова, несе в собі енергію образу мислення певного мовного колективу (в даному випадку — нації). Що стосується актуального значення, то воно є значенням, яке реалізується в контексті, тобто значенням, в якому можна спостерігати активізацію конотемного потенціалу лексеми.

Так, рос. **ФО** *вставать с петухами* відповідає англ. *up with the lark*. У цій парі **ФО**, які в обох мовах позначають “вставати дуже рано” яскраво простежується важливість образної складової ядерних лексем **ФО** у вимальовуванні їх культурного

компоненту. Хоча концептуальна сфера конотемного потенціалу обох ядерних лексем є ідентичною і породжує ідентичну конотацію: ‘рано прокидається’, за рахунок культурного компоненту ці лексеми є різними: у російській мові це — *півень*, в англійській — *lark* (“жайворонок”).

У процесі реалізації конотацій у ФО спостерігається ефект протилежності між основним парадигматичним значенням форми та її синтагматичним значенням, набутим в результаті транспозиції. Відбувається своєрідне зіткнення сем, внаслідок чого семи основного значення “приглушуються”, але латентно присутні у всіх вживаннях форми. Так, наприклад, в англ. ФО *to recharge one's batteries* (букв. “перезарядити батарейки”), яка означає “відпочити” дійсно спостерігається перерозподіл контекстуальної важливості семного складу. На перший план висувається конотема ‘енергетика’, заміщаючи основну сему ‘джерело’. Схожий механізм можна спостерігати і в інших українсько-англійських корелятивних парах ФО: *цвях в труну — a nail in the coffin* (“те, що прискорює невдачу”), *шукати голку в стозі сіна — to look for a needle in a haystack* (“займатися важкою марною роботою”), *тримати порох сухим — to keep one's powder dry* (“бути готовим до несподіванок, неприємностей”) і т. п.

Культурний компонент, що утілюється у фразеологізмі, є показником спрямованості вектора національного мислення у сфері емпіричних переживань, які є основою метафоричного або метонімічного транспонування певних денотативних ознак у конотемний потенціал лексем, який згодом реалізується у фразеологічній сфері мови. Ці емпіричні переживання у сфері свідомості носія мови є базою виникнення нових знань, які “формується особою не тільки в процесі привласнення культурних предметів, але й у спілкуванні при сприйнятті мовних повідомлень, коли шляхом рекомбінації наявних образів свідомості, що асоціюються із словами цих повідомлень, утворюються можливості практично безмежного породження нових знань” [7, с. 36].

Так, наприклад англ. ФО *the grapes are sour* (букв. “виноград кислий”), яка є позначенням реакції удаваного презирства до чогось недосяжного, є англійським втіленням культурами, яка потрапила до загальноєвропейського культурного простору з класичного сюжету байки Езопа “Лиса й виноград” (пор., напр., з франц. *il trouve les raisins trop verts*). Її рос. корелят *зелен виноград* є результатом її проходження крізь призму російської культури (однойменна байка І. А. Крилова). Свого часу ця культура теж стала результатом алегоричного переосмислення ознак певного об’єкту навколишньої дійсності.

На емпіричній основі, але іншого характеру виникла така ФО, як *лаври Герострата*, де фітонім *лаври* хоч і активізує конотему ‘слава’ (як, наприклад в таких ФО, як *пожинати лаври, опочивати на лаврах, чужі лаври спати не дають*), але вона набуває негативного забарвлення під впливом іншої композиту ФО: онімастичної культурами *Герострат*, яка сама по собі має потужну пейоративну конотацію ‘ганебний’.

Емоції, як психічні переживання, душевні хвилювання, відчуття та експресія, як сила прояву цих переживань і відчуттів і складають експресивно-емотивну виразність, яка слугує категоріальною основою фразеології.

Будучи частиною значення ФО, експресивність указує на ступінь прояву того чи іншого оцінного компоненту семантики. Так, спостерігаємо однакову експресивну спрямованість і маніфестарність ФО-корелятивів української та англійської мов з абсолютно різними лексемами-складовими: *пнутися зі шкіри* — *to lean over backwards* (букв. “перегинатися через спину”), які однаково означають “дуже старатися”.

Висновки. У порівняльному аспекті видно, що культурний компонент значення фразеологізму акцентує ті ціннісно-сміслові відносини, які сформувалися в даному етнокультурному співтоваристві, адже значення фактів об’єктивної реальності із самого початку є культурно маркірованими, тобто вони мають певний ракурс образного сприйняття реальності згідно загальної схеми орієнтації в культурному просторі.

Результати дослідження та порівняння особливостей реалізації культурно маркованих конотем у фразеологічній сфері можуть бути застосовані при порівняльному вивченні лексикології споріднених та неспоріднених мов, у практиці перекладу та в галузі міжкультурної комунікації.

Список літератури

1. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. — М.: Издательство Московского университета, 1969. — 192 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 272 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды, Т. I. Лексическая семантика. — М.: Школа “Языки русской культуры”, Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1995. — 472 с.
4. Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация (Виды наименований). — М.: Наука. — 1977. — С. 129–221.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. — С.-Петербург: “Искусство — СПб”, 2001. — 704 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 284 с.
7. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: “Языки русской культуры”, 1999. — С. 34–37.

Barabulya A. N. Realization of the cultural component of connotative field of lexemes in phraseological units.

Статья посвящена рассмотрению культурного компонента лексико-семантического поля как одного из факторов реализации коннотативного потенциала лексем и как возможной отдельной единицы межъязыкового сопоставления. Устанавливаются национальные особенности функционирования культурного компонента во фразеологических единицах близкородственных и родственных языков. **Ключевые слова:** коннотация, культурный компонент, символ, фразеологическая единица.

Barabulya A. N. Realization of the cultural component of connotative field of lexemes in phraseological units.

The article is devoted to examination of cultural component of lexical-semantic field as one of factors for realization connotative potential of lexemes in phraseological sphere and as a possible separated unit of interlingual comparison. The national peculiarities of functioning of cultural component in phraseological units of the close-related and related languages are defined.

Key words: connotation, cultural component, symbol, phraseological unit.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2006 г.

УДК 811.161.1'367.625

ФОРМИРОВАНИЕ КОНВЕРГЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ “ПРЕФИКС В- + ГЛАГОЛ”

О. О. Башкатова

В статье рассматриваются типы конвергентных отношений, появляющиеся при присоединении префикса в- к различным мотивирующим основам. Акцентируется внимание на формировании синонимичных рядов вследствие появления дополнительных компонентов значения у мотивированных слов.

Ключевые слова: конвергентные отношения, мотиватор, мотиват, префикс, глагол.

Обращение к человеческому фактору в языке определило переход современной науки о языке к лингвистике антропоцентрической, где точкой отсчета является человек и связь его мышления с языком. Это дает возможность при описании словообразовательной системы конкретной части речи исходить не только “из формы”, но и учитывать значения, т. к. значение зависит от когнитивных представлений говорящего. Такое описание “от значений” является **актуальным** для современного этапа развития языкознания, поскольку позволяет сопоставить средства выражения полностью или частично тождественных значений, чего нет ни в одной из грамматик славянских языков [6, с. 128].

Префиксы широко используются в системе глагола как словообразовательные аффиксы. Они не способны изменять грамматическую словоизменительную характеристику слова, но могут существенно модифицировать семантику мотиватора. При префиксации возникает явление “сглаживания” семантических различий между мотивированными единицами, т. е. префиксальная конвергенция, что обуславливает **постановку проблемы** данной статьи.

Конвергентные отношения в сфере префиксальных глаголов возникают в результате присоединения одинаковых или синонимичных приставок к различным основам-мотиваторам и определяют семантическое сближение мотиватов. В зависимости от характера отношений между мотиваторами (синонимия, полисемия или омонимия) можно выделить следующие типы конвергентных отношений:

- 1) присоединение одного префикса к синонимичным основам-мотиваторам способствует формированию словообразовательных синонимов конвергентного типа;
- 2) синонимия приставок, присоединенных к синонимичным основам, приводит к синонимии производных образований;
- 3) присоединение одного префикса к несинонимичным основам-мотиваторам обуславливает принадлежность мотиватов к одной словообразовательной модели и (при условии высокой информативности приставки) возникновение синонимических отношений;

4) синонимичные приставки в сочетании с разными основами-мотиваторами объединяют слова по способу словообразования и по словообразовательному значению;

5) чистовидовые префиксы способов действия, присоединяясь к разным основам, объединяют производные основы в пределах одного способа действия;

6) присоединение одной приставки к ЛСВ глагола обуславливает отношения полисемии между мотиватами;

7) омонимия основ-мотиваторов обуславливает омонимию производных глаголов, даже если префиксы имеют одинаковое значение [5, с. 254 – 258].

Таким образом, присоединение одного префикса к любым основам-мотиваторам (синонимичным или несинонимичным) приводит к объединению мотиваторов в пределах "структурно-семантической схемы построения производных слов, которая обладает общностью частеречной принадлежности производящих слов, словообразовательного форманта и его значения" [3, с. 565], т. е. в пределах одной словообразовательной модели. Другими словами, словообразовательная функция глагольных префиксов связана с формированием определенной словообразовательной модели. Приставка, присоединяясь к слову, добавляет к нему некоторый оттенок значения. Этот оттенок, как правило, является временным, количественным или пространственным уточнителем протекающего процесса, действия [1, с. 22].

Префикс *в-* имеет 2 значения: 1) направление движения внутрь чего-либо; 2) направление движения вверх [7, с. 175]. Лексически информативным является значение "направление движения внутрь чего-либо". В словообразовательной модели "*в-* + глагол" конвергенция проявляется в том, что все производные слова независимо от семантики производящих основ получают значение "поместить(ся), проникнуть во что-нибудь, внутрь чего-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом" или "поместить в пространство, созданное с помощью этого действия" [2, с. 357].

Присоединение префикса *в-* к синонимичным глаголам способствует формированию словообразовательных синонимов коренного типа с общим значением проникновения действия внутрь. Синонимия в таком случае носит отраженный характер, конвергентные отношения способствуют сближению семантики мотиваторов по сравнению с мотиваторами. Это первый тип префиксальной конвергенции:

ввертеть, ввинтить, вкрутить, вворотить (устар., в значении "вращательным движением вставлять, укрепляя что в чем-либо");

вбить, вдолбить, вколотить, втолочь, втрамбовать;

вдавить, вжать, вкомкать, вмять, впахать, втеснить, втоптать;

вволочь, вворотить (в значении "втаскивать что-либо тяжелое");

вбросить, ввалить, всыпать; вбросать, вкидать.

Второй тип конвергентных отношений (синонимичные приставки + синонимичные основы) можно продемонстрировать на примере присоединения префикса *за-* в значении "направление движения внутрь" к синонимичным глаголам: *вовлечь* — *заманить; втолкать* — *запахать; втяпать* — *засадить* (в значении "резким

движением заставлять какой-либо остроконечный предмет вонзаться, втыкаться во что-либо”); *вдавить* — *запрессовать* (в значении “ставить, помещать что-либо, сильно вдавливая”); *вмешать* — *запутать* (в значении “вовлекать кого-либо в неприятное положение, состояние”); *вколотить* — *забить*. Возникающие при этом синонимические отношения следует считать словообразовательной синонимией, поскольку в таких мотиватах отраженная синонимия усиливается тождественным значением приставок, т. е. является синонимией префиксально-коренного типа [5, с. 256].

Третий тип префиксальной конвергенции предусматривает не только объединение производных в пределах одной словообразовательной модели, но и возникновение синонимичных отношений между мотивированными единицами, мотивирующие которых не являются синонимами. Такое проявление конвергентных отношений объясняется тем, что лексически информативный префикс подавляет, поглощает те или иные семантические компоненты глагольного мотиватора. Чем выше степень лексической информативности префиксов, тем сильнее они как лексические интеграторы [1, с. 23 – 24].

Так, например, синонимический ряд *вбросить*, *ввалить*, *всыпать* с общим значением “бросить, кинуть во что-нибудь” пополняется глаголом *вбухать* в значении “сразу в большом количестве всыпать, влить, ввалить во что-либо” (ср. значение мотивирующего глагола *бухать* “1. Колотить, стучать чем-либо тяжелым, производить густой, громкий звук. 2. Падать, бросаться”).

Другой пример возникновения префиксальной синонимии в этой словообразовательной модели — формирование ряда синонимов с общим значением “вовлекать, втягивать кого в неприятность, затруднительное положение”: *ввязать*, *вклепать*, *вмешать*, *вовлечь*, *вплести*, *впутать*, *втравить*. Новое, переносное значение “побить” возникает у синонимов типа *влепить*, *всыпать*, *вмазать*, *врезать*.

Такое значение невозможно вывести из суммарного значения мотивирующей и формантной части, здесь появляются дополнительные семантические компоненты, так называемое “приращенное” значение (термин И. Г. Милославского). Эти дополнительные компоненты могут быть индивидуальными, присущими только одному из слов с данным формантом, но могут и повторяться в семантике части слов с каким-либо формантом, образуя дополнительные лексические объединения в пределах этих слов [6, с. 96].

Вывод. В словообразовательной парадигме глагола важное место отводится глаголу-мотиватору и приставочному компоненту, который способен изменять семантику мотивирующего слова. Результаты проявления конвергентных отношений, возникающих в ходе префиксации глаголов, — сближение мотивированных единиц по сравнению с мотивирующими, а также формирование дополнительного значения, которое способно объединять мотиваты в синонимические ряды. Это “приращенное” значение проявляется в контексте и зависит от когнитивных представлений говорящего.

Список литературы

1. Богданович Г. Ю. Деривационная омонимия и полисемия глагола в языковой картине мира (лингво-когнитивный аспект). — Симферополь: Форма, 2002. — 120 с.
2. Русская грамматика: В 2-х томах, т.1. — М.: Наука, 1982. — 783 с.
3. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля — К, 2006. — 716 с.
4. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. — М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
5. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. — Київ: Наукова думка, 2003. — 283 с.
6. Удуганов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. — М.: Наука, 1977. — 256 с.
7. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. — К.: Рад. школа, 1982. — 240 с.

Башкатова О. О. Формування конвергентних відношень у межах словотвірної моделі "префікс в- + дієслово".

В статті розглядаються типи конвергентних відношень, які з'являються при приєднанні префікса в- до різних мотивувальних основ. Акцентується увага на формуванні синонімічних рядів як наслідку появи додаткових компонентів значення у мотивованих слів.

Ключові слова: конвергентні відношення, мотиватор, мотиват, префікс, дієслово.

Bashkatova O. O. Forming of convergence at the word-building pattern "prefix в- + verb".

The article examines the types of convergence, that appears with prefix в-joining to different first stems. The attention pays to forming of synonyms rows as a result of appearing additional meaning components in derived stems.

Key words: convergence, first stem, derived stem, prefix, verb.

Стаття поступила в редакцію 23 ноября 2006 г.

УДК 811.161.1

МЕТОДИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА ЖЕНЩИНА)

Л. В. Адонина

В исследовании представлена поэтапная иллюстрация методики концептуального анализа. Дается описание структуры и содержания концепта в когнитивном сознании на основе анализа языковых средств, объективирующих концепт “женщина” в русском языке. Итогом проведенной работы является моделирование указанного концепта.

Ключевые слова: методика концептуального анализа, когнитивная интерпретация, структура концепта, номинативное поле, моделирование концепта.

В современном языкознании накоплен большой экспериментальный материал по проблемам концептуального анализа (А. П. Бабушкин 2001; С. Г. Воркачев 1997, 2001 – 2002; В. И. Карасик 2001 – 2002; В. А. Маслова 2004; М. В. Никитин 2004; М. В. Пименова 2001 – 2002; З. Д. Попова 2001 – 2003; А. В. Рудакова 2004; И. А. Стернин 2001 – 2003; Л. А. Тавдгиридзе 2005 и др.).

При видимом многообразии работ, до сих пор в рамках концептуального подхода имеется множество нерешенных теоретических и практических вопросов. Основным является вопрос о методах, способах описания и моделирования концептов на основе языковых данных.

“Задача лингвокогнитивной концептологии: выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т. е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт, и описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования, смоделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии и определить место концепта в национальной концептосфере” [9:9].

Методика исследования концептов “заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов. Затем — на их основе — обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов...” [6:20]

Под когнитивной интерпретацией понимается “мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта” [10:13].

Актуальность работы обусловлена интересом современного языкознания к проблеме отражения в языке основных концептов национальной концептосферы; потребностью систематизировать имеющиеся в современной науке подходы и способы изучения концептов и их языковой фиксации; важностью разработки когнитивно-лингвистической методики исследования и описания языкового сознания (в том числе группового, позволяющего рассматривать половую и возрастную дифференциацию, которая относится к числу универсальных явлений, пронизывающую все сферы человеческого бытия в качестве основополагающей при изучении языка).

Цель данной работы — поэтапное описание методики концептуального анализа на примере концепта *женщина*.

Методологической основой работы послужили семантические и когнитивные концепции и методики концептуального анализа, представленные в работах С. А. Аскольдова 1997; А. П. Бабушкина 2001; Н. Н. Болдырева 2002; А. Вежбицкой 1997; В. В. Воробьева 1997; С. Г. Воркачева 1997, 2001 – 2002; Г. В. Гафаровой 1998; И. А. Зимней 1995; Т. Л. Калентьевой 1998; В. И. Карасика 2001 – 2002; Т. А. Кильдибековой 1998; А. В. Кириллиной 1999; В. В. Колесова 1999; Е. С. Кюбряковой 1997; Д. С. Лихачева 1997; С. Х. Ляпина 1997; В. А. Масловой 2004; М. В. Никитина 2004; М. В. Пименовой 2001 – 2002; З. Д. Поповой 2001 – 2003; О. Г. Почепцова 1990; А. В. Рудаковой 2004; И. А. Стернина 2001 – 2003; Н. В. Уфимцевой 1988, 1995, 2000; Н. В. Хохловой 2003; Р. М. Фрумкиной 1992; О. Н. Чарыкова 2000; методики исследования речеполовой дифференциации, речевого поведения языковой личности, грамматических и фонетических различий мужской и женской речи Е. М. Бакушевой 1995; Е. А. Горошко 1996, 1997; Е. А. Земской, М. М. Китайгородской, Н. Н. Розановой 1993; А. В. Кириллиной 1997, 1999, 2001; Т. Б. Крючковой 1975, 1976; Потапова 1997; И. А. Стернина 1996, 1997, 1998 1999; С. К. Табуровой 1999; В. Н. Телии 1996; Халесовой 1999; А. М. Холода 1997; методики проведения свободного ассоциативного эксперимента и обработки его результатов Е. А. Горошко 1997; Т. И. Доценко 2000; А. А. Залевской 1971; А. В. Кириллиной 1999; И. А. Стернина 2001; С. Г. Тер-Минасовой 2000; Р. М. Фрумкиной 1992.

Лингвокогнитивное исследование концепта “женщина” в русском языковом сознании осуществлено нами на основе методики изучения концептов З. Д. Поповой и И. А. Стернина [9], дополненной и переработанной нами, и включает несколько этапов:

1. Построение номинативного поля концепта “женщина”.
2. Выявление когнитивных признаков и когнитивных классификаторов, формирующих концепт “женщина” в русском языковом сознании.
3. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.
4. Моделирование содержания концепта как единства образа, информационного содержания и интерпретационного поля.
5. Словесное представление содержания концепта в виде полевой структуры.
6. Сравнительный анализ объективации концепта “женщина” в языковом сознании в зависимости от возраста и пола информантов с использованием математических и статистических методов.

Первый этап представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки. Номинативное поле концепта строится на основе выявления прямых номинаций концепта — ключевого слова

и его синонимов (как системных, так и окказиональных, индивидуально-авторских), номинаций разновидностей денотата концепта (гипонимов), устойчивых сравнений, фразеологических единиц, ассоциативного, паремиологического полей ключевого слова — репрезентанта концепта.

Например, концепт *женщина* в русском языке имеет достаточно сложную структурную организацию. Для обозначения “лица женского пола” используются тысячи лексических, фразеологических, паремийных, афористических, текстемных наименований. Основным способом языковой объективации концепта является родовое слово *женщина*, реже разг. *баба*, а также видовые формы, эксплицирующие половую зрелость женщины — *девочка*, *девушка*, родственные отношения — *мать (мама)*, *жена*, *бабушка (бабка)*, *дочь (дочка)*, *крестная мать*, *мачеха*, *невестка*, *падчерица*, *сестра*, *сноха*, *супруга*, *тетя (тетка)*, *золовка (золовица, золова)*, *теща*, *свекровь (свекровка)*, социальные отношения — *соседка*, *коллега* и т. д. Наиболее полно номинанты со значением “женщина”/ “баба” представлены в составе многоуровневой макросистемы “человек”, насчитывающей в Русском семантическом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой 15 тысяч единиц. Состав феминизмов (наименований, объединенных семой “лицо женского пола”) является важной составляющей макросистемы “лицо”, “человек” каждой из двенадцати ступеней ее членения и в целом представляет собою достаточно четко очерченную целостность, состоящую “из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию, разную степень открытости для пополнений, по определенным законам взаимодействующих друг с другом и в то же время подчиняющихся системе в целом” [8:7]. Так, параметр “по полу, а также по полу и возрасту” представлен следующими наименованиями женщины: *баба*, *бабец*, *бабенка*, *бабища*, *бабка*, *бабулька*, *бабуля*, *бабушка*, *дама*, *дева*, *деваха*, *девица*, *девица*, *девка*, *девочка*, *девушка*, *дивчина*, *жена*, *женщина*, *матрона*, *молодаяка*, *молодица*, *молодка*, *молодуха*, *молодушка*, *отроковица*, *пацанка*, *старуха*, *тетка*, *тетя*, *юбка* [8: 60 – 395].

Объемность номинативного поля концепта “женщина”, вербализация богатой и разнообразной ономасиологической парадигмой, широкая лексическая объективация свидетельствует о его коммуникативной релевантности для русского национального сознания.

Второй этап — выявление когнитивных признаков и когнитивных классификаторов, формирующих концепт “женщина” в русском языковом сознании.

Под когнитивным признаком понимается отдельный признак объекта, отраженный в структуре изучаемого концепта в рамках соответствующего когнитивного классификатора. Под когнитивным классификатором понимается компонент содержания концепта, отражающий какой-либо аспект осмысления явления, конкретизируемый в структуре концепта совокупностью однотипных когнитивных признаков [10:8].

Когнитивная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента осуществлена через когнитивную интерпретацию ассоциатов, как языковых репрезентаций определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта.

Так, в свободном ассоциативном эксперименте, отражающем русское языковое сознание, концепт *женщина* объективируется теми или иными языковыми единицами (ассоциатами), которые методом когнитивной интерпретации представлены нами в виде набора когнитивных признаков, расположенных в порядке убывания их частоты:

красивая 504; противостоит мужчине 450 (мужчина 316; и мужчина 134); мать 319 (мать 266, мать моих детей 12, мама 6, чья-то мать 1); относится к женскому полу 202 (слабый пол 124, я 30, баба 16, это женщина 9, леди 7, мадам 4, она 4, дама 3, баба как баба 1, как женщина 1, лицо женского пола 1, особь женского пола 1, женского пола 1); является человеком 156 (человек 153, это человек 1, тоже человек 1, человек, но чуть-чуть похуже мужика 1); имеет детей 100 (с ребенком 73, дети 18, ребенок 8, героиня 1 (женщина, имеющая орден "Мать-героиня")); ведет домашнее хозяйство 97 (дом 20, кухня 15, хранительница очага 5, очаг 5, хранительница домашнего очага 1); домашняя работа 17 (стирка 6, убирает 5, уборка 3, убирает дом 2, стирает 1); домохозяйка 17 (домохозяйка 15, домработница 2) хозяйка 16 (хозяйка 8, глава семьи 8); является предметом любви 97 (любимая 51, любовь 22, люблю 7, любить 2, влюбленность 1, целовать 1, носить на руках 1); является женой 81 (жена 76, супруга 2, супружница 2, спутница жизни 1); молодая 62 (молодая 37, девушка 18, молодость 4, юная 2, дева 1); производит очень хорошее внешнее впечатление 50 (шикарная 18, восхитительная 17, великолепная 10, исключительная 2, великолепие 1, вне конкуренции 1, королева 1); занимается работой 60 (врач 18; домохозяйка 17 (домохозяйка 15, домработница 2); коллега 8; учитель 7 (учительница 4, учитель 3); начальник 2 (директор 1, начальник 1); воспитатель 2; повар 2 (повар 1, повариха 1); медсестра 1; спортсменка 1; юрист 1; психолог 1); русская 46; привлекает цветом одежды 42 (в белом 31, в черном 5, женщина в белом 4, в голубом 1, в красном 1); типичная представительница 36 (эстрадная певица 18 (которая поет 12 <Алла Борисовна Пугачёва>, Мадонна 4, Алла Пугачева 1, Зыкина 1); историческое лицо 12 (Диана 9, Дашкова 1, Екатерина вторая 1, Елизавета 1); литературный персонаж 2 (Татьяна Ларина 1, Наташа Ростова 1); актриса 2 (Монро 1, Клара Лучко 1); политик 1 (Хакамада 1); библейский персонаж 1 (Ева 1); заботливая 36 (забота 9, заботливая 9, забота о детях 7, заботится о других 6, тепло 3, предупредительная 1, чуткость 1) и т. д. Всего проанализировано 3000 ассоциативных реакций, полученных методом свободного ассоциативного эксперимента, выделено 166 признаков. Анализ и обобщение близких по содержанию когнитивных признаков в структуре концепта «женщина» позволил выявить когнитивные классификаторы, которыми оперирует когнитивное сознание при концептуализации действительности (в данном случае, такого понятия как «женщина»).

Классификаторы приводятся в порядке уменьшения их яркости в категориальной структуре концепта, что позволяет выявить значимость того или иного классификатора для языкового сознания и осуществить описание категориальной структуры концепта: пол (645 — 21.5%); внешняя привлекательность (631 — 21.03%); репродуктивная функция женщины (415 — 13.83%); трудовая деятельность (208 — 6.9%); принадлежность к человеческому роду (167 — 5.57%); межличностные отношения (154 — 5.13%); семейный статус (107 — 3.57%); предмет любви (84 — 2.8%); возраст (71 — 2.37%); моральные качества (59 — 2%); национальная принадлежность (49 — 6,3%); поведение (43 — 1.43%); интеллектуальные качества (41 — 1.37%); известные женщины (36 — 1.2%); религиозная оценка (33 — 1.1%) и т. д.

Когнитивная интерпретация паремий заключается в том, “что на основе анализа их смысла формулируются соответствующие когнитивные признаки в виде утверждений о концепте. Паремии подвергаются когнитивной интерпретации в форме обобщения паремиологических смыслов (сведение близких смыслов к одному более обобщенному смыслу); определяется относительная частота выражения тех или иных смыслов в собранном паремиологическом материале — в скольких паремиях из их общего количества выражен тот или иной смысл; устанавливаются наиболее часто объективируемые паремиологические смыслы. Если не удастся сформулировать признак как утверждение, то такая паремия исключается из дальнейшей интерпретации как не несущая для современного носителя языка однозначной информации” [10:142].

После выявления когнитивных признаков и классификаторов производится их распределение по зонам и ранжирование по яркости.

Третий этап — верификация полученного когнитивного описания у носителей языка. Под верификацией понимается проверка полученных данных путем обращения к носителям языка. “Верификация — не обязательный, но желательный этап когнитивного исследования, поскольку многие результаты, получаемые традиционными лингвистическими методами, нуждаются в проверке на соответствие современному состоянию сознания носителей языка” [10:138].

Процедура верификации использовалась нами при описании паремий для определения их смысла, для выявления когнитивных признаков, объективируемых фразеологизмами, пословицами и поговорками и для прояснения ассоциативной связи стимула и ассоциата.

Для включения паремиологических когнитивных признаков в содержание концепта необходимо верифицировать выражаемые ими смыслы: необходимо проверить их известность носителям языка, их актуальность для современного национального сознания, их интерпретируемость носителями современного языка и степень согласия носителей языка с содержащимся в паремии утверждением.

Для этого паремии вместе со сформулированными исследователем их смыслами были предложены испытуемым, перед которыми ставится вопрос:

Например: *На торной тропе трава не растет.*

Можно ли сказать, что пословица имеет следующий смысл — распутная, выдавшая виды женщина не сможет родить ребенка? Согласны ли вы с выраженным смыслом?

Описывать когнитивные признаки концепта следует на основе только тех паремий, с которыми большинство опрошенных согласно. Таким образом можно определить сравнительную актуальность отдельных паремий и позиционировать их по яркости в структуре паремиологического поля и в структуре концепта. По результатам верификации паремиологические смыслы были упорядочены нами по принципу поля с учетом их яркости в когнитивном сознании.

Процедура верификации также использовалась для прояснения ассоциативной связи стимула и ассоциата, в случае, если эта связь не поддавалась интерпретации. Например, *какая связь: женщина — агентство ОБДС, женщина — тигра, женщина — кошка, женщина — машка* и т. д. Если в ответах испытуемых наблюдалась определенная согласованность (*агентство ОБДС (одна баба другой сказала) — женщины любят сплетничать; машка — девушка с прической в виде косичек, похожей на швабру, называемую моряками “маш-*

ка”), соответствующая интерпретация принималась, если согласованность отсутствовала — подобные ассоциативные пары исключались из когнитивной интерпретации.

Процедура верификации использовалась для определения смысла паремий, понимание которых могло вызвать затруднение, либо разногласие у носителей языка: *как вы полагаете, что имеется в виду, когда говорят: Семеро топоров под лавкой лежат, а две прялки врозь? Женщина — это кроссворд, где ничего не пересекается (Г. Малкин)?* и т. д.

Верификация также использовалась для выявления когнитивных признаков, объективируемых фразеологизмами (*юбки трепать — что делать? соломенная вдова — это какая?*) и т. д.

В целом, верификация является дополнительной процедурой семантико-когнитивного анализа, повышающей надежность и психологическую достоверность описания содержания и структуры концептов.

Четвертый этап представляет собой моделирование содержания концепта как единства образа, информационного содержания и интерпретационного поля.

Образный компонент в структуре концепта как единицы сознания является психофизиологической основой концепта: “любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой” — “определенный чувственный образ. Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), кодирующий данный концепт для мыслительных операций...” [9:8].

Образный компонент состоит из двух составляющих — перцептивного образа и когнитивного образа, которые в равной степени отражают образные характеристики концептуализируемого предмета или явления.

Перцептивный образ основан на зрительных, вкусовых, тактильных, звуковых и обонятельных ощущениях.

Когнитивный (метафорический) образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру [10:149].

Информационно-понятийный компонент включает наиболее существенные признаки предмета или явления — это “языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолировано, их важнейшее качество — голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта” [3:10].

Интерпретационное поле концепта составляет его периферию и содержит “оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием” [10:97].

Интерпретационное поле включает следующие зоны:

оценочная зона — объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку;

энциклопедическая зона — объединяет когнитивные признаки, характеризующие необязательные признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта и т. д.;

утилитарная зона — объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с

возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей;

регулятивная зона — объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать в сфере, “покрываемой” концептом;

социально-культурная зона — объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и др.

паремнологическая зона — совокупность когнитивных признаков концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом в национальных паремиях [8].

Например, образное содержание концепта “женщина” в русском языковом сознании включает перцептивные образы и когнитивные образы.

Перцептивные образы (404), входящие в образный компонент концепта “женщина”, возникают на основе визуальных, акустических, вкусовых и тактильных ощущений. **Зрительные образы 383**, акцентируют внимание на внешнем облике женщины — **красивая 328** — *красивая 296, красавица 9, привлекательная 7, симпатичная 3, хорошенькая 2, статуя 1, изумительная 1, как картинка 1, картина 1, красотка 1, кукла 1, милашка 1, миленькая 1, миловидная 1, раскрасавица 1, яркая 1*. Визуальные образы отражают внимание носителей русского языка к **женской одежде 8** — *юбка 1, лифчик 1, туфли (на шпильках 1), наряды 1, платье 1, платья 1, в платке 1, платок 1, ее цвету 42* — *в белом 31, в черном 5, женщина в белом 4, в голубом 1, в красном 1; ее отсутствию 3* — *в neglige 1, голая 1, обнаженная 1*.

В русском языковом сознании образы, основанные на визуальной модальности, свидетельствуют о внимании к женской **фигуре 9** — *стройная 2, фигура 1, статуя 1, полная 1, статная 1, тетеха 1, ладная 1, худая 1, отдельным частям женского тела: ногам 3* — *ноги 1, ноги от ушей 1, длинноногая 1, с крутыми бедрами 1, грудастая 1; лицу 1* — *лицо 1; глазам 3* — *глаза 1, синеглазка 1, красивые глаза 1; росту 1* — *высокая 1*.

Тактильные образы в структуре концепта “женщина” по данным свободного ассоциативного эксперимента немногочисленны, однако, в целом, они отражают устойчивые в обществе стереотипы типичного женского образа — *ласковая 7, тепло 3, нежная 1, нежность 1, мягкая 1(13)*.

Образ женщины вызывает различные **вкусовые образы 4**: от утонченных — *шоколад 1 и вино 1* до прозаического *украинского борща 1*. Данный тип ассоциаций является архаичным. Актуализация данного признака строится по следующей схеме: приятные вкусовые ощущения ассоциируются с положительными эмоциями, удовольствием, комфортом и т. п., тогда как неприятные вкусовые ощущения — с отрицательными эмоциями, дискомфортом и т. п. Все вкусовые образы, кроме обобщенного — *вкусная 1*, являются полимодальными и включают в себя также обонятельный компонент. **Обонятельные образы 2** — *аромат 1, французские духи 1* и **звуковые образы 2** — *крики 1, песня 1* также немногочисленны.

Когнитивные образы в структуре концепта “женщина” включают зооморфные обра-

зы, образы природных явлений, орнитологические образы, образы пресмыкающихся, ботанические образы. Наиболее сложными в структуре концепта “женщина” являются **зооморфные образы (16)**, отражающие различные характеристики женщины: ее **гордость, самостоятельность и независимость 2** от мужчины — *кошки 1, кошка 1*, ее **царственность, агрессивность, своенравие и грациозность 3** — *львица 2, тигра 1*, **хитрость 2** — *лиса 2*, **изящество 1** — *лебедь 1*.

Зооморфный образ *друг человека 8 (собака)* отражает древнее представление мужчин, отрицающих **человеческую сущность** женщины, к нему также примыкает **орнитологический образ (3)** — *курица 1* (курица — не птица, женщина — не человек). Данная группа образов также акцентирует внимание на различных ярких характеристиках женщины. Имеющиеся в обыденном сознании представления о **болтливости** женщины подчеркивает единичный когнитивный образ *сорока 1*, о ее **хрупкости** — *цыпочка 1*. Яркую отрицательную окраску имеют **образы пресмыкающихся (9)** — *змея 8, гадюка 1*, характеризующие женщину как злобное, ядовитое и хладнокровное существо. **К ботаническим образам (4)** относятся образ **цветка** — *цветок 2, роза 1* и образ **яблока** — *яблоко 1*.

Образы природных явлений (2) — *ураган 1, землетрясение 1* — подчеркивают непредсказуемость женского характера и его разрушительное воздействие.

Самым объемным в структуре концепта “женщина” является интерпретационное поле, демонстрирующее в своем содержании противоречивые характеристики: женщина концептуализируется как *верная и способная к измене*; как *молодая и пожилая*; как *непонятная, загадочная* и как *знакомая* и т. д. Это свидетельствует о том, что значительная часть признаков интерпретационного поля концепта варьирует в сознании носителей языка в зависимости от возрастных и гендерных факторов.

Пятый этап — это представление содержания концепта в виде полевой структуры: центральная ядерная зона, окооядерная зона, переходная зона, дальняя, ближняя и крайняя периферия.

Например, ядро концепта “женщина” включает преимущественно оценочные когнитивные признаки, составляющие также существенную часть периферии концепта, что свидетельствует об оценочном характере концепта “женщина” в русской концептосфере. Переходная зона включает признаки, имеющие меньшую насыщенность, но актуальные для языкового сознания. Самой обширной является периферия концепта “женщина”, содержащая как признаки, обладающие заметной яркостью, так и признаки отражающие субъектно-личностное восприятие женщины и являющие единичными в структуре концепта.

Заключительный этап представляет собой сравнительный анализ объективации концепта “женщина” в языковом сознании в зависимости от возраста и пола информантов: всего нами опрошено 3000 человек — 6 групп по 500 человек. Анализ макрокомпонентной структуры концепта женщина показал, что ядерная зона включает преимущественно оценочные когнитивные признаки, составляющие также существенную часть периферии концепта, что свидетельствует об оценочном характере концепта “женщина” в русской концептосфере (индекс оценочности концепта — 0,89). Индекс положительной оценочности концепта имеет достаточно высокий показатель (0,67) что обусловлено, прежде всего, общей национальной установкой на положитель-

ное восприятие образа женщины в русском языковом сознании. Периферийная зона концепта, содержащая как признаки, обладающие заметной яркостью, так и признаки отражающие субъектно-личностное восприятие женщины и являющиеся единичными в структуре концепта, является достаточно обширной.

Исследование концепта “женщина” в гендерном и возрастном аспекте позволило выявить и описать когнитивные особенности изучаемого концепта как принадлежности групповой концептосферы. Свободный ассоциативный эксперимент дает возможность исследования влияния пола и возраста индивида на его ассоциативное мышление, выявления, систематизации и описания особенностей языкового сознания различных половозрастных групп, проверки статистической значимости предполагаемых различий и валидности результатов исследования. Результаты, полученные при сопоставлении мужских и женских ассоциативных полей, показали, что мужчины и женщины владеют одним языком, который имеет собственные варианты проявления, связанные с гендерной окрашенностью. Мужское и женское сознание в равной мере представлены в национальном когнитивном сознании, но имеют видовую специфику, и, соответственно, демонстрируют заметные отличия.

В мужском языковом сознании концепт является более объемным, имеющим “размытую” ядерную зону и насыщенную периферийную зону, обладающую заметной яркостью, что свидетельствует о когнитивной релевантности концепта для мужского языкового сознания. В женском сознании концепт является более компактным, имеющим концентрированную ядерную зону и меньшую, чем в мужской объективации концепта, периферийную зону. Гендерные различия в ассоциировании чаще наблюдаются на периферии концепта.

В целом, мужское и женское концептуальные поля являются однородными: индекс однородности (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) $+0,618$, что подтверждает положительную корреляцию (более 60%) и однородность полей. Сходство мужских и женских реакций на слово-стимул определяется идентичной ранговой глубиной концептуальных полей, однако большая часть массива ядерных реакций является сопоставимой по значимости. Одни и те же качества и свойства женщины имеют различные количественные показатели, что обусловлено различием в ценностной ориентации полов. Вероятностно-количественные показатели свидетельствуют о разной психологической яркости слов-ассоциатов, входящих в ядерную зону концепта. Так, для мужчин всех возрастов актуальными женскими чертами являются внешняя привлекательность, сексуальность, болтливость, плаксивость, неумение хранить тайны, хозяйственность, стремление привлечь внимание фигурой, одеждой, отдельными частями тела, порочность, скандальность, эмоциональность, создание уюта и эмоционального настроения семьи, изменения после замужества в худшую сторону, тогда как для женщин — материнство, красота, принадлежность к человеческому роду, трудолюбие, коммуникабельность, умение дружить, соперничество с другой женщиной из-за мужчины и внешнего вида, обладание женскими чертами, боязнь ухудшения внешнего вида.

Святость женщины, ее связь с нечистой силой и вера в сверхъестественное, обладание женскими национальными чертами, увлеченность чисто женскими занятиями, принадлежность, занятие посторонними делами на работе, сравнение женщины с цветком, слабость женщины, — присутствуют только в мужской объективации кон-

цепта, способность содержать семью, самостоятельность, состоятельность, усталость — в женской объективации концепта.

При общей высокой оценочности концепта (0,47 — индекс оценочности в женском, 0,64 — в мужском АП), индекс положительной оценочности в мужском поле намного выше, чем в женском, что обусловлено неязыковыми причинами — более критичным восприятием особей того же пола, граничащим с соперничеством, и более лояльным отношением к полу противоположному, что в большинстве случаев является закономерным для биологических видов высших классов. Женщины чаще характеризуют других женщин как болтливых, злых, ревнивых, скандальных, корыстных, отвратительных, завистливых. Различия языкового сознания мужчин и женщин выявляются также в количественном и качественном составе когнитивных признаков и классификаторов. Незначительными являются возрастные особенности ассоциирования. Сравнение трех возрастных слоев объективации концепта *женщина* не зафиксировало существенных групповых отличий (индекс однородности +0,798), различия наблюдаются в ранговой корреляции когнитивных признаков и классификаторов. Так, для младшей возрастной группы (21 – 35) важными оказались внешняя привлекательность, сексуальность, скандальность, стремление привлечь внимание фигурой, одеждой, отдельными частями тела, эмоциональность женщины, плаксивость и болтливость, вмешательство женщины в чужую личную жизнь, стремление следовать моде; для средней (36 – 50) — материнство, хозяйственность, трудолюбие, коммуникабельность, умение дружить, соперничество с другой женщиной из-за мужчины и внешнего вида, экономическая независимость, темпераментность, и возможность содержать семью, уход за внешностью, принадлежность к человеческому роду, не умение хранить секреты, элегантность и наличие вкуса, стержневость; для старшей (51 – 75) — материнство, душевные качества женщины (доброта, сердечность, отзывчивость), эмоциональность, скандальность, болтливость, крикливость, боязнь ухудшения внешнего вида и возраст женщины. Возрастные различия языкового сознания выявляются в использовании стилистически маркированных/немаркированных средств. Часто возрастные отличия нивелируются гендерными особенностями. Так, индекс оценочности концепта в старшей и младшей возрастных группах является идентичным (близким). Однако индекс отрицательной оценки имеет высокие частотные показатели в младшей мужской и старшей женской группах, соответственно, положительной — в старшей мужской и младшей женской группах. Нерелевантными по этой же причине оказываются и отличия структуры концепта в разных возрастных группах. Когнитивная структура концепта “женщина” интегрирует в единую концептуальную структуру когнитивные признаки, различающиеся в сознании носителей языка в зависимости как от их половой, так и возрастной принадлежности и является единой структурной единицей мышления, эксплицирующей знания в русском языковом сознании.

Таким образом, данная методика не только позволяет с достаточной полнотой выявить структуру и содержание концепта, но и выявить его специфику в национальной и групповых концептосферах.

Список литературы

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж: ВГУ, 1996. — 104 с.

2. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. — Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2002. — 142 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
5. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики / М. В. Никитин. — Тамбов: 2004. — №1. — С. 53–64.
6. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия). Дисс... докт. филол. наук / М. В. Пименова. — СПб., 2001. — 497 с.
7. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. — Воронеж: Истоки, 2004. — 80 с.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: «Азбуковник», 1998. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова имеющиеся: имена существительные (Все живое. Земля. Космос.). М.: Азбуковник, 1998. — 807 с.
9. Попова З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Волгоград: Парадигма, 2005. — Т. 1. — С. 7–10.
10. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2006. — 191 с.
11. Попова З. Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Кемерово: ИПК «Графика», 2003. — С. 6–17.
12. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2005. — 60 с.
13. Попова З. Д. Языковое сознание и другие виды сознания // Язык. История. Культура / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. — С. 17–21.
14. Тавдгиридзе Л. А. Концепт “Русский язык” в русском языковом сознании. Автореферат дисс... канд. филол. наук. — Воронеж: Истоки, 2005. — 23 с.

Адо́нина Л. В. Методика концептуального аналізу (на прикладі концепту жінка).

У пропонованій розвідці представлена поэтапна ілюстрація методики концептуального аналізу. Подається опис структури і складової концепту в когнитивній свідомості на основі аналізу мовних засобів, що представляють концепт жінка в російській мові. Підсумком проведеної роботи є моделювання вказаного концепту.

Ключові слова: методика концептуального аналізу, когнитивна інтерпретація, структура концепту, номінативне поле, моделювання концепту.

Adonina L. V. Methods of conceptual analysis (on example of “a woman” concept).

The gradual illustration of the methods of conceptual analysis is presented in proposed research. On the basis of linguistic analysis presenting “a woman” concept in Russian language the description of the structure and concept constituent part in cognitive mentality is given. The result of developed investigation is a referred concept design.

Key words: methods of conceptual analysis, cognitive interpretation, concept structure, nominative field, concept design.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2006 г.

УДК 81 42:81.276.6:504

КОНЦЕПТ “ВОДА”: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ РАЗНОГО ТИПА)

К. А. Вислова

Автор рассматривает концепт “вода” с привлечением контекстуального анализа и символической интерпретации

Ключевые слова: концепт, лингвокультурная картина мира, вода, символическая интерпретация.

Актуальность. Современная цивилизация с многомиллиардным населением земли и огромным потреблением природных ресурсов вплотную столкнулась с проблемой нехватки и невозобновляемости некоторых ресурсов. Не секрет, что потребление воды растет необычайно быстро, и тенденции к снижению ее потребления цивилизованными странами нет, скорей наоборот. По мере развития промышленности и возникновения новых технологий нужда в воде все возрастает. Общеизвестно, что природные запасы, хоть и находятся на планете в значительном количестве, все же не безграничны. Однако человечество мало заботится о поисках путей возобновления и сохранения этих ресурсов. Несмотря на это локальная проблема нехватки воды является частью глобальных экологических проблем. Этим объясняется интерес к экологии в целом и к этой проблеме в частности. Поэтому экологическая тематика и проблематика затрагиваются в различных типах текста дискурса (научном, учебном, публицистическом, политическом, рекламном).

Цель данной работы — с помощью символической интерпретации с привлечением словарей разного типа проследить становление концепта “вода” и определить его место в картине мира на материале русскоязычной и англоязычной культур. Нашей задачей будет проследить путь этого концепта через два крупных исторических периода, соответствующих двум разным картинам мира: космоцентрической языческой архаике и теоцентрической эпохе мировых религий (христианство). Данное решение — начать от начала, вполне оправдано. Современное человечество наследует культуру предыдущих столетий и даже тысячелетий, то есть имеет довольно обширную культурную генеалогию. Поэтому нашей задачей будет понять, что человечество, во-первых, может взять из этого прошлого для пользы окружающей земли и его самого, а во-вторых, чтобы понять вместе с тем, что изменилось в хорошую сторону и в плохую.

Итак, говоря о самом начале человеческой истории, мы прежде всего обращаемся к этимологии. Этимологический анализ открывает перед нами следующую картину. Старославянские вода, водьнь, водьнин имеют родственные образования vudra (выдра), vedro (ведро) и латинские корни unda (волна), англосаксонские (wæter), древненемецкие (wassar), староготские (wato) и древнеиндийские (unatti) “бить ключом, орошать, поток” [17, с. 136]. Как видим, первоисток слова достаточно разнообразен, однако не выходит за рамки своей “водной” стихии. Иными словами, все производные

непосредственно связаны с водой в различных ее проявлениях (волна, поток, бить ключом, орошать, ведро). Очевидно, что такое разнообразие значений не случайно. Вода — первоначало, первооснова всего. Она присутствует во всех мировых культурах и в каждой имеет свое значение.

Однако прежде чем приступить к данному анализу, считаем нелишним еще раз сконцентрироваться на такой проблеме, как размежевание трех понятий “термин”, “концепт” и “символ”. В условиях последующего анализа данный этап необходим, поскольку может являться ключом для разрешения проблем перевода, обусловленных именно взаимоотношениями этих трех понятий. Таким образом, нашей целью с точки зрения теории будет являться разграничение понятий “термин”, “концепт” и “символ” и определение критериев их функционирования в текстах англоязычной и русскоязычной культур. Данная цель ставит перед нами следующие задачи: 1) кратко представить уже существующие определения этих понятий, 2) более подробно объяснить взаимосвязь между концептом и символом, 3) выявить их лингвокультурные особенности. Если взаимосвязи “концепта” и “символа” глубоки, и все еще представляют сложность и продолжают исследоваться и обсуждаться, то отделение этих двух понятий от “термина” вполне прозрачно. Если термин — это единица науки, то концепт — это единица культуры [7, с. 4]. Так же и символ требует привлечения национально-культурного контекста. Обширность проблематики данного исследования не позволяет нам в рамках данной статьи останавливаться на ней достаточно подробно. Поэтому на данном этапе в статье понятия “термин” и “символ” будут сопутствующими, а концепт “вода” основным. Если символ идет из глубины веков и поэтому не столь динамичен и изменчив, то концепт рождается в процессе познавательной деятельности и способен изменяться и пополняться новыми знаниями, уточняться [6, с. 108]. Как мы уже упоминали, вода имеет свои значения в каждой из культур. Именно на это необходимо обращать внимание при переводе этого концепта в частности и любого другого в целом. Ведь различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира [6, с. 112]. Объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа. Ю. С. Степанов пишет, что “в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.” [6, с. 116]. Поэтому в нашем исследовании мы в первую очередь обратились к словарям этимологическим, а затем мифологическим. Теперь обратимся к символу. По мнению Ю. Лотмана, символ никогда не принадлежит одному синхроничному срезу культуры — он всегда прорезает его по вертикали, выходя из прошлого и уходя в будущее [7, с. 265]. В этом сходство символа с мифом, который тоже отправляет каждое явление в стихию первоисточников и представляет таким образом целостный образ мира [7, с. 398]. Поэтому следующий словарь, к которому мы обратимся в нашем исследовании, именно словарь мифологический.

В мифах многих народов вода существует даже до сотворения мира и будет существовать после его гибели. Однако вода имеет двойственную природу и неоднозначна, поэтому обрастает многочисленными вторичными символическими значениями. Говоря о двойственности и неоднозначности воды, следует обратить внимание на

ее пространственную символику. В языческую эпоху вода в сознании людей занимала промежуточное положение: она являлась как бы переходом между посюсторонним и потусторонним мирами. То есть, следуя символике пространства, можно сказать, что вода может являться своего рода границей между миром человеческим и иномирием, миром нечеловеческим, обиталищем природных стихий, чудовищ и разной нечисти. Представители водяного иномирия часто встречаются во многих культурах. Заводи, полыньи, пруды рассматривались как места обитания духов природы: русалок, водяных или опасных демонов. Например, распространенный обычай бросать монеты в источник, очевидно, отголосок символической жертвы водяным божествам. Язычникам вода представлялась в виде незримой границы между "своим" и "чужим", чем-то таинственным, опасным и одновременно манящим.

Хотя вода по внешнему виду бесформенна, древние культуры проводили различие между "верхними водами" и "нижними водами". Первые соответствуют потенциальному или еще только возможному, вторые — актуальному или уже сотворенному. Вертикальный верх (надземье) был достигаем для человека с трудом и весьма ограничено. Иномирие верха символически формируется как пространство будущего, пространство возвышенное — сначала в прямом, физическом, потом в духовном, мета физическом плане [3, с. 27]. Часто "подземные воды" связываются в сознании с первобытным хаосом, напротив, падающие с неба дождевые воды — с благодатным оживлением. Соединение в мифологии воды мотивов рождения и плодородия с мотивами смерти находит отражение во встречающемся во многих мифологиях различении живой и мертвой воды, животворящей небесной и нижней, земной соленой, непригодной ни для питья, ни для орошения [8, с. 240]. С одной стороны, вода оживает и несет плодородие, с другой — таит угрозу потопления и гибели. В этом также проявляется двойственность воды в символике, характерной для языческой эпохи.

С наступлением теоцентрической эпохи восприятие мира изменилось, соответственно и компоненты мира получают другое значение. Тогда как погружение в воду имело в язычестве смысл смерти и уничтожения, в христианском восприятии мира это символ возрождения и восстановления. Символика крещения, тесно связанная с символикой воды, изложена св. Иоанном Златоустом ("Толкование евангелия от Иоанна"): "Оно представляет смерть и погребение, жизнь и воскресение из мертвых. В тот миг, когда мы восстаем из воды, появляется новый человек" [3, с. 56]. В данном конкретном аспекте общего символизма воды смерть затрагивает только природного человека, тогда как возрождается человек духовный. Аспект мифологемы воды, удержанный в христианской символике крещения — ритуальное омовение, как бы второе рождение, возвращающее человека к исходной чистоте. В христианских обрядах существует священнодействие, когда вино смешивается с водой, благодаря чему к пассивному элементу добавляется "огонь" вина, что указывает на две природы (божественную и человеческую в личности Иисуса). Иными словами, несмотря на столь священную функцию воды, христианство, как и язычество, не отрицает ее двойственности.

Подводя итоги, можно сказать, что в ценностной системе координат, как космоцентрической языческой, так и теоцентрической христианской, концепт "вода" займет место на пересечении горизонтальной и вертикальной полуосей. Однако мы уже упо-

минали, что грань между “своим” и “чужим”, верхом и низом, добром и злом, хорошим и плохим настолько тонка, что вода на любом уровне выступает скорее посредником между духовным и физическим, осознанным и подсознательным, божественным и человеческим. С течением времени концепт “вода” обрстал все новыми культурными признаками, эволюционируя от истоков язычества, проходя сквозь эпоху христианства, и найдя свое место в антропоцентрической картине мира. Анализ критериев функционирования концепта “вода” в этой картине мира может послужить перспективой для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. — К.: Дух и литера, 2000. — 450 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб: Норинт, 1998. — 1536 с.
3. Вихлянец В. П. Библиейский словарь: В 2т. — М.: Русский язык, 1989. — 234 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т.1-4. — М.: Русский язык, 1989.
5. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. — В 2-х книгах. — Кн.2. — Сост. Архимандр. Никифор. — Репринт.// М.: Изд-во СПМСИ, 1990. — 494 с.
6. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
7. Красных В. В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. — 375 с.
8. Мифы народов мира: В 2 т. Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. Энциклопедия, 1987, 1988.
9. Новикова М. А. Спецкурс. — Электронная версия. — 2005.
10. Новикова М. А., Шама И. Ю. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале “Вечеров на хуторе близ Диканьки” Н. В. Гоголя и их английских переводов). — Запорожье: СП “Верне”, 1996. — 172 с.
11. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. — М.: Конперн “Возрождение”, 1992. — Том I. — 2464 с.
12. Словарь русского языка: В 4х тт. — М.: Русский язык, 1981.
13. Словарь-справочник по экологии / Сытник К. М., Брайон А. В., Городецкий А. В. — К.: Наук. думка, 1994. — 667 с.
14. Словарь символов / Джек Тресиддер. — М.: Фаир. — Пресс, 2001. — 443 с.
15. Стиль автора и стиль перевода: Учебное пособие / М. А. Новикова, О. Н. Лебедь, М. Ю. Лукинова и др. — К.: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. — 84 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4х тт. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 3. — 576 с.

Вислова К. А. Концепт “вода”: лінгвокультурний аспект (на матеріалі словників різноманітного типу).

Автор розглядає концепт “вода” з залученням контекстуального аналізу та символічної інтерпретації.

Ключові слова: концепт, лінгвокультурна картина світу, вода, символічна інтерпретація.

Vislova K. A. Concept “water”: lingvocultural aspect (different types of dictionaries involved).

The author considers concept “water” applying context analysis and symbolic interpretation

Key words: concept, linguocultural worldview, water, symbolic interpretation.

Статья поступила в редакцию 23 октября 2006 г.

УДК 81'1:215

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЯЗЫК — ТЕОЛИНГВИСТИКА — ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. К. Гадомский

В настоящей статье идет речь о проблемах религиозного языка, теолингвистики, языкознания.
Ключевые слова: религиозный язык, теолингвистика, языкознание.

Существует ли религиозный язык?

Над этим вопросом задумываются ученые России, Украины, Белоруссии, Польши, Германии, Англии. Практически все они убеждены в том, что при помощи языка может быть описано все, что связано с Богом, религией, религиозной жизнью человека. Тем не менее, в современной научной литературе нам не удалось найти однозначный ответ на поставленный вопрос.

Одна группа лингвистов утверждает, что религиозного языка не существует. И то, что принято называть религиозным языком — это просто одна из многочисленных сфер функционирования языка.

Другая группа утверждает, что религиозный язык существует. Но само явление, о котором идет речь, не имеет единого обозначения. Называют его по-разному: “религиозный язык” [12, с. 19 – 20], “язык религии” [16, с. 7, 23], “сакральный язык” [16, с. 5], “язык веры” [14], “язык сакрум” [17], “религиозно-проповеднический стиль” [7], “конфессиональный стиль” [10], “библейский стиль” [13], “церковно-религиозный стиль” [8].

Безусловно, все перечисленные термины нельзя назвать синонимами. Скорее всего, это члены единой лексической группы терминов. Наиболее нейтральным и часто употребляемым является термин “религиозный язык”. Перечисленные термины имеют в некоторой степени различное смысловое наполнение. Однако роднит их, прежде всего, то, что авторы, использующие их, пытаются описать явления, связанные с Богом, религией, нашедшие отражение в языке. Это имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, бывает трудно пробиться сквозь многообразие терминов, но, с другой стороны, многообразие терминологии свидетельствует о том, насколько многоплановой является проблема “язык и религия”, и о том, что теолингвистика — раздел языкознания, разрабатывающий данную проблему, активно развивается.

Феномен религиозного языка, по нашему мнению, связан, прежде всего, с проблемой картины мира (концептуальной и языковой). Окружающий нас мир (универсум) складывается из множества миров: “мира биологии”, “мира химии”, “мира медицины”, “мира религии” и ряда других миров. Все эти миры отражены в общенаучной, концептуальной картине мира, которая также складывается из специальных картин мира. Каждый из этих миров отражается в языке. Поэтому языковая картина мира так же, как и концептуальная, научная картина мира, складывается из ряда языковых картин мира: “языковой картины мира биологии”, “языковой картины мира химии”,

“языковой картины мира медицины”, “языковой картины мира религии” и т. д. [4, с. 186 – 193].

Языковые средства “религиозной языковой картины мира”, используемые для отражения “религиозной картины мира”, по нашему мнению, и являются религиозным языком.

Мир религии неоднороден: поскольку в современном обществе нет единой религии, нет единобожия, нет единых обрядов, нет единого отношения ко всему этому, то неоднородна и “языковая религиозная картина мира”, границы местами ее нечетки, размыты и накладываются на границы других языковых картин мира. Неоднородны и языковые средства, которые используются человеком для описания мира религии. Отсутствие единого термина для обозначения того явления, которое многие ученые называют религиозным языком, объясняется именно этой неоднородностью. Эта же причина позволяет ученым говорить о религиозном языке в узком и широком понимании слова, о ядре и периферии религиозного языка [4, с. 186 – 193; 12]. Поэтому наиболее рациональным подходом в описании религиозного языка мы считаем описание его с учетом его многоплановости, многогранности. А проблема более тщательного анализа, описания ядра и периферии религиозного языка еще ждет своего решения.

Теолингвистика и религиозный язык

Появление языкознания как науки многие ученые объясняют религиозными потребностями. Достаточно вспомнить о языковедческих открытиях, сделанных в древней Индии (грамматика Панини) и фонетических и других открытиях арабов-мусульман, которые заботились о сохранности языка культа, который является частью религиозного языка.

Другими словами языкознание возникло как теозыкознание (теолингвистика) и только с веками приобрело светский характер. Однако об этом почему-то все забыли, как и забыли о том, что языкознание в первую очередь служило потребностям Церкви и занималось исследованием религиозного языка. И сегодня многие почему-то думают, что религиозный язык — это что-то, чего раньше не было, или вообще сомневаются в его существовании, а теолингвистика — наука сравнительно молодая. Это, пожалуй, не так. Чего нельзя сказать о самом термине “теолингвистика”, который сравнительно молод и которому в этом году исполнилось только двадцать пять лет. “Отцом” термина “теолингвистика” принято считать Jean-Pierre van Noppen [19, с. 1]*, который впервые употребил это слово в его современном значении в 1981 году.

По его мнению, теолингвистика — это наука, охватывающая “круг интересов, которые имеют такую же длительную и богатую историю, как и развитие человеческого языка с его средствами концептуализации и выражения. Это сфера понимания Бога человеком [...]; однако же, в первую очередь, этот термин имеет отношение к заинтересованности человека языком, корни которой уходят в столетия, и которая должна была вызвать в Церкви многочисленные дебаты на тему религиозного языка [...]. Вначале эта дискуссия не выходила за четко очерченные границы круга теологов и философов. Однако по мере нарастания интереса к этой проблеме в дискуссию

* Информацию о работах этого автора можно найти в Интернете на страницах <http://homepages.ulb.ac.be/~jpvannop/publications.html> (по состоянию на 25.11.2006).

включились лингвисты, психологи, антропологи и социологи. Интерес к религиозному языку, который впоследствии был назван революцией, очень быстро стал причиной продуктивных поисков, имеющих своей целью не столько решение фундаментальных и вечных проблем теологии, сколько положительную оценку (отдельных) явлений в сфере религиозного языка” [19, с. 1, цит. по: 18].*

Более подробную информацию о появлении и распространении (популяризации) этого термина можно найти в работах Э. Кухарской-Драйсс [18, с. 23 – 30] и А. Гадомского [6, с. 16 – 26]. Однако с полной уверенностью нельзя сказать, что этот термин принят полностью и безоговорочно, несмотря на то, что он употребляется германистами, англистами, полонистами и русистами, уже нашел отражение в некоторых энциклопедиях [15, с. 412]. И сегодня далеко не все языковеды согласны с тем, что можно его употреблять, и что существует такой раздел языкознания, как теолингвистика.

Объяснить это можно следующими как социально-религиозными, так и лингвистическими причинами.

Во-первых, далеко не все языковеды являются людьми верующими и ставят под сомнение существование самого Бога и анализ языка того, чего нет, считают бессмысленным.

Во-вторых, существует группа верующих, считающих анализ языка связанного с Богом, недопустимым. А если допускают такую возможность, то не в рамках лингвистики и не светскими людьми.

В-третьих, среди лингвистов, сталкивающихся с проблемой “язык и религия”, существуют разногласия. Многие из них ограничивают эту широкую многоплановую проблему до рамок одной из языковых проблем, например, стилистики, лексики, фразеологии. И проводят эти исследования в рамках названных разделов языкознания, тем самым игнорируя проблему существования такого явления, как “религиозный язык”, и отрицая при этом существование такого раздела языкознания, как теолингвистика.

Иллюстрацией к сказанному выше может служить эмпирический характер этих исследований. Работ общетеоретического плана по теолингвистике не так много.

---

* Цит. по Э. Кухарска-Дрейсс [10, с. 24]: J.-P. van Noppen (red.), *Theolinguistics* (= Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie Nr. 8). VUB, Brussels 1981, s. 1; русск.: “The new term covers an area of interest with history as old and respectable as Man’s attempt to voice, with the means of conception and expression at his disposal, his understanding of the divine [...]; but it is meant to refer more specifically to the interest in language whose origins can be traced back to the turn of the century, and which was to result in the church-wide debate over religious language [...]. Initially, the discussion remained confined within the theological and philosophical camps; but with growing public interest, it was joined by linguists, psychologists, anthropologists and sociologists alike, and the appraisal of religious language which was once called a reluctant revolution soon gave way to an enthusiastic and productive quest aiming not so much at solving the fundamental and traditional problems of theology as at reaching a more satisfactory assessment of the issues involved”.

В действительности термин *theolinguistics* появился в работах J.-P. van Noppена гораздо раньше – J.-P. van Noppen, *Alter Wein in neuen Schläuchen? Ein Beitrag zur empirischen Betrachtung von Kommunikationsproblemen in der Rede von Gottw: „Linguistica Biblica. Interdisziplinäre Zeitschrift für Theologie und Linguistik»* 37, 1976, s. 1 – однако он не связан ни с одной из приведенных здесь дефиниций (замечание Э. Кухарской – Драйсс, перевел А. Г.).

Другими словами, эти работы подчинены лингвистической, а не теолингвистической проблематике. Чего нельзя сказать, например, о работах по социолингвистике, психолингвистике.

В предыдущих работах нами было дано следующее определение теолингвистики: “теолингвистика (от греч. *theos* — Бог и лат. *lingua* — язык) — это наука, возникающая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке” [3, с. 164 – 167; 5, с. 33 – 38].

В настоящей статье хотелось бы сделать некоторые уточнения, внести некоторые дополнения к ранее сказанному: под теолингвистикой следует понимать также раздел языкознания, который занимается изучением религиозного языка в узком и широком понимании этого термина.

Другими словами, теолингвистика (от греч. *theos* — Бог и лат. *lingua* — язык) — это наука, возникающая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке; раздел языкознания, который занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина.

Теолингвистика и языкознание

“Языкознание (языковедение, лингвистика) — наука о естественном человеческом языке и обо всех языках мира как индивидуальных его представителях” [11, с. 618].

“Традиционно языкознание подразделяется на внешнее (Вильгельм фон Гумбольдт) и внутреннее (Ф. де Соссюр) ...” [20, с. 279].

“Учитывая тот факт, что языком занимаются также и другие науки (логика, философия, психология и др.), языкознание часто определяется как наука, для которой язык является главным предметом исследования. Следует обратить внимание на тот факт, что в исследованиях языка невозможно провести четкую границу между аспектами языковедческими и аспектами неязыковедческими. Особенно это трудно сделать в настоящее время, которое характеризуется тенденцией к интеграции наук” [20, с. 279].*

На переломе второго и третьего тысячелетий языкознание несколько изменило объект своего исследования: от “языка в себе” лингвистика постепенно переходит к изучению языка в более широком контексте. А идеи Вильгельма фон Гумбольдта не только дополняют идеи Фердинанда де Соссюра, но и являются своеобразной базой, платформой, основанием для развития новых направлений в лингвистической науке. Это социолингвистика и психолингвистика, антропологическая лингвистика и этнолингвистика, этнопсихолингвистика и социопсихолингвистика и т. д. [9, с. 7]. И в этом есть ряд позитивных моментов. Языкознание перестало быть наукой “самой в себе”.

Однако деление языкознания на внутреннее и внешнее несколько изменило и отношение к результатам исследований наук, перечисленных в предыдущем абзаце

* Цит. по: K. Polański (red.), 1999, *Encyklopedia jezykoznawstwa ogólnego*, Wrocław – Warszawa – Kraków: “Z uwagi jednak na to że język. zajmują się także inne dyscypliny naukowe (logika, filozofia, psychologia i inne), jezykoznawstwo często określa się jako naukę, dla której język jest głównym przedmiotem badań. Należy zaznaczyć, że ostrej granicy między aspektem jezykoznawczym a aspektami niejezykoznawczymi badań przeprowadzić się nie da, zwłaszcza w obecnych czasach, które charakteryzują się między innymi tendencją do integracji nauk.” [с. 279] (перевод – А. Г.)

настоящей статьи, и привело к тому, что исследования, проводимые в их границах, пытаются если не проводить, то рассматривать в отрыве от исследований над языковой системой. Это дает повод ряду ученых утверждать, что эти исследования исключительно интердисциплинарны и имеют столько же общего с лингвистикой, как и с культурологией, психологией, социологией, юриспруденцией и рядом других наук, и полностью лингвистическими назвать их нельзя, поскольку они практически не затрагивают языковой системы. И поэтому они менее ценны с лингвистической точки зрения. С таким мнением приходится сталкиваться на конференциях, в частных беседах, в процессе обсуждения проблем теолингвистики, которая не так давно была названа в ряду перечисленных выше наук.

Думается, что такое отношение следует изменить. И для этого есть основания. Нами была предпринята попытка анализа языковой системы с позиций теолингвистики с целью выявления языковых явлений и языковых единиц, появление и функционирование которых в языковой системе обусловлено религиозными факторами [1, с. 11 – 20; 2, с. 24 – 41]. Языковые факты позволили выделить языковую единицу теонему, которая представлена в виде языковых вариантов практически на каждом уровне языковой системы. При этом варианты теонемы, подобно другим языковым единицам языковой системы, находятся в парадигматических и синтагматических отношениях, что свидетельствует о том, что религиозный язык “пророс” в языковой системе, а теолингвистика, изучающая религиозный язык, является разделом не только внешнего, но и внутреннего языкознания.

Список литературы

1. Гадомский А. К. К вопросу о единицах теолингвистики // Восточнославянская филология // Восточнославянская филология: Сборник научных работ. Выпуск 11. Часть 1. Языкознание. — Горловка: изд-во ГПШИЯ, 2006. — С. 11 – 20.
2. Гадомский А. К. Некоторые направления исследований теолингвистики // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. Вип. 7. Серія філологічні науки: збірник наукових праць [Норми та парадокси свідомості й мислення, їх відображення в мовній картині світу]. — Луганськ: Альма-матер, 2006. — С. 24 – 41.
3. Гадомский А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. — №49. — Т.1. — 2004. — С. 164 – 167.
4. Гадомский А. К. Религиозный язык или стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета. — Т. 19 (58) №2 Филология. — Симферополь: ТНУ, 2006. — С. 186 – 193.
5. Гадомский А. К. Семантико-прагматические проблемы теолингвистики // Науковий вісник Луганського національного педагогічного університету. — №12 (80). — 2004. — С. 33 – 38.
6. Гадомский А. К. Теолингвистика: история вопроса // Ученые записки Таврического национального университета. — Т. 18 (57). №1. Филология. — Симферополь: ТНУ, 2005. — С. 16 – 26.
7. Гостеева С. А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. — Выпуск 2. — М., 1997.
8. Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000.
9. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие — М.: Наследие, 1997. — 208 с.

10. Шевченко Л. Л. Конфесійний стиль // Українська мова: енциклопедія. — К.: „Українська енциклопедія” ім. М. П. Бажана, 2000. — С. 252 – 253.
11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
12. I. Bajerowa, J. Puzynina, 2000, *Art. Język religijny. Aspekt filologiczny*, [w:] *Encyklopedia katolicka*, Lublin, t.8. s. 19 – 20.
13. D. Beńkowska, 2002, *Polski styl biblijny*, Łódź.
14. H. Cazalles, J. Deforme, 1975, *Język wiary w piśmie świętym i świecie współczesnym*, Warszawa.
15. D. Crystal, *Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhrich, Campus, Frankfurt a. M.-New York 1993* [оригинал: D. Crystal, *The Cambridge Encyclopedia of Language*, Cambridge University Press, Cambridge-New York-Melbourne 1987], s. 412.
16. M. Karpluk, J. Sambor (red.), 1988, *O języku religijnym. Zagadnienia wybrane*, Lublin, s. 5, 7, 23.
17. L. Kołakowski, 1991, *O wypowiedaniu niewypowiedzianego: język i sacrum*, [w:] Bartmiski J., R. Grzegorzczkowa (red.), *Język a kultura. T. 4. Funkcje języka i wypowiedzi*, Wrocław.
18. E. Kucharska-Dreiss, 2004, *Teolingwistyka — próba popularyzacji terminu*, [w:] S. Mikołajczak, T. Węclawski (red.), *Język religijny dawniej i dziś*, Poznań, s. 23 – 30.
19. J.-P. van Noppen (red.), *Theolinguistics* (= Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie Nr.8). VUB, Brussel 1981, s. 1.
20. K. Polański (red.), 1999, *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, Wrocław — Warszawa — Kraków.

Гадомський О. К. Релігійна мова – теолінгвістика – мовознавство.

У статті йдеться о проблемах релігійної мови, теолінгвістики, мовознавства.

Ключові слова: релігійна мова, теолінгвістика, мовознавство.

Gadomski A. Religious language – theolinguistics – linguistics.

In present clause there is a speech about the problems language, theolinguistics, linguistics.

Key words: religious language, theolinguistics, linguistics.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2006 г.

УДК 378.147:811.161.1“243

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ГЕОГРАФІЧНОГО ПРОСТОРУ УКРАЇНИ У КОНЦЕПТОСФЕРІ ОЛЕКСАНДРА ОЛЕСЯ

К. Ю. Голобородько

Стаття присвячена вербалізації географічного простору України у концептосфері Олександра Олеся.

Ключові слова: географічний простір, концепт “Україна”, топонім, ідіоконцепт.

У поезії О. Олеся значне місце належить категорії географічного простору, що загалом характеризується багатством і різноманітністю. Про простір стосовно поезій доцільно говорити не тільки як про моделі, що змінюються залежно від ідеологічних, філософських уявлень, але й як про індивідуальні, авторські образи світу. Географічний простір — це частка загального простору, і саме він створює специфіку просторового відчуття в Олесевої поезії.

Пріоритет географічного простору відносно інших образів у О. Олеся може бути пояснений як зовнішніми, логічними причинами, так і внутрішніми, зумовленими особливостями поетики цього митця.

Провідним у мовному образі світу Олександра Олеся є концепт “Україна”, який хоч узагальнено і виражається переважно топонімом “Україна”, але має у творах поета глибокий і глибинний зміст. Це знаходить вираження в простій лексичній палітрі значень, метафор, зумовлених багатим асоціативним полем. Він часто вживає топонім “Україна” та похідні від нього українські географічні назви, історичні назви, діалектизми, топоніми, антоніми, гідроніми, ойконіми. Різноманітним і різнобарвним є поетове сприйняття рідної землі під час перебування на Україні та за кордоном, на чужині. В його віршах відчутна наявність опозицій “Україна-Всесвіт”, “українське-планетарне”. Визначення сутнісних особливостей таких концептів як “Україна” та “Всесвіт” у їх співвідношеннях і взаємозв’язках дозволяє наблизитись до визначення місця геопростору України у творчості О. Олеся.

Україна — це концептуальний топонім, що постає у всебічних зв’язках із простором і духовним світом поета. Можна простежити, як в поетичному контексті О. Олеся мовне вираження концепту “Україна” поступово розгортається від конкретних зорових виражень до осягнення “духу України”.

У листі до П. Стебницького від 1909 року О. Олесю зізнається: “Я любив Україну, але над її становищем не задумувався і українські ідеали зоріли над моєю душею, як зоряють недосяжні зорі. Час ішов і українське питання стояло рубом перед моїми очима” [2, с. 154].

У характері Олесевого вираження концепту “Україна” наявна тенденція до узагальнення й абстрактності. Концепт “Україна” в поезії митця отримав онтологічний статус образу образів та символу символів. У творчості Олександра Олеся концепт

“Україна” виражається по-різному. Передусім цей концепт виражає ключове слово “Україна”, його контекстуальними синонімами виступають слова “край”, “країна”, “земля” та слова-епітети, що в контексті вказують на зв’язок з Україною, — “національний”, “державний”.

Дослідники Олесевої творчості визначили проблемні орієнтири, спрямовані на концептуалізацію України в художній площині митця. Р. Тхорук слушно стверджує, що в “ієрархії цінностей поета образ краю — України стоїть вище за образ народу, хоча обидва розгортаються у схожих мотивах та прийомах [6, с. 15] і вмотивовано відносить Україну до ключових концептів Олесевої поезії. О. Таран, розглядаючи ідіоконцепт “Україна” в поетичному світі Олеся, наголошує, що він (ідіоконцепт — термін О. Таран) виражає ставлення до рідної природи, землі, рідного народу, його історії, рідного краю з позицій митця-емігранта [5, с. 15].

Метою даної статті є аналіз засобів мовної репрезентації концепту “Україна” як елемента когніотипу “Всесвіт” у структурі концептосфери Олександра Олеся.

Перші вживання слова “Україна” пов’язані з суперечливою семантикою цього образу, що передає неоднозначність Олесевого ідіостилію. Це реалізується за допомогою антонімів, які виражають антитетичний смисл: “мертва, смішна, бідна, нещасна” — “прекрасна”, “волі сторона”. Такими конструкціями поет виражає сутність своєї лінгвоментальної свідомості. Україна для нього передусім прекрасна: “Для всіх ти мертва і смішна./Для всіх ти бідна і нещасна./Моя Україно прекрасна./Пісень і волі сторона” [4, с. 74]. Краса її виявляється для поета в цьому. Україна асоціюється переважно зі степом, з неосяжним простором, що відбито у таких рядках О. Олеся: “Хай на крилах полине вона//На широкі степи України//І повернеться, вільна й ясна./І волошки до ніг твоїх кине” [4, с. 431].

Простір України пов’язаний для поета з його улюбленими квітами — волошками, барвінками, маками та хлібом-житом. Ці назви набувають у поезіях Олександра Олеся символічного значення: “Сині волошки в житах України!” [4, с. 691]; “Мак наш рожевий в садах України” [4, с. 691]; “Наче барвінки в галях України!” [4, с. 691]; “Поглянеш в поле на жита” [4, с. 458]. Назви рослин у поета супроводжуються епітетами-кольороназвами, що виражають поетову палітру — сині, рожеві, червоні (сині волошки, рожевий мак).

Розвиваючи концепт “Україна”, поет метафоризує поняття, що пов’язані з українським простором. Так небо уявляється Олесеві прапором України: “Цвітуть в житах волошки сині./І небо — прапор України!” [4, 458].

Однією з визначальних рис України є її пісенність, що виражається відповідним епітетом-прикладкою: “Моя Україно прекрасна, пісень і волі сторона”, — так потрактовує поет образ рідної землі.

Крім геосоціальних і геополітичних виявів концепту “Україна”, О. Олесь як багатогранний митець бере до уваги також духовні й естетичні виміри. Незважаючи на пригноблений стан України, у поезії “Для всіх ти мертва і смішна...” за допомогою піднесеної та патетичної лексики, елементів “високого стилю” поет створює образ “духу України”, використовуючи прикметники-характеристики урочистого стилю: “О дух України! Орел!//Дух вільний, сміливий, високий...” [4, с. 74]. Базова ознака України символізує свободолобство й узагальнення самоствердження, виражається також

варіантом “духовної України”, який несе в собі естетичну та світоглядну сутність Олесеєвих творів.

Характерною ознакою образу України в поезії Олександра Олеся є персоніфікація її, наділення рисами людини. Виразними як у смисловому, так і в художньо-образному плані є в поета прикладка-епітет “мати”, що поєднується зі словом Україна та, як правило, становить звертання. Із допомогою цього іменника художник слова лаконічно, яскраво й проникливо передає силу почуттів ліричного героя. Наприклад: “О Україно-мати! Зжалься, заспокой, // Розвій мою страшну розлуку!” [4, с. 632].

Розвивається й розгортається образ України не тільки за допомогою самого топоніму, але й завдяки актуалізації лексеми “мати”, що у контексті ліричного твору відіграє метафоричну й символічну функції. Персоніфікація посилюється епітетом *рідна*, а також зв’язком із іменником *рабою-страдницею*, позначена сумом і болем: “А що, як інший час настане, // Коли застогнуть буруни, // І рідна Мати із труни // Рабою-страдницею встане?” [4, с. 264].

У поетичних реаліях цього твору автор посилює узагальнююче звучання слова “мати” й переосмислює його як образ — символ України. Такий прийом увиразнюється зв’язком з іменниками *душа*, *руки*, що є належністю людини, а також дієсловами *скрутують*, *закують*, *поведуть*, а також словами *глум і муки*, які виражають почуття, властиві людині: “І Україні скрутують руки, // В залізо знову закують, // Їй в саму душу наплюють // І поведуть на глум, на муки” [4, с. 264].

Називаючи Україну матір’ю, поет ставить себе в позицію сина, що вболіває за неї, створюючи духовну колізію “Україна (мати) — поет (син)”: “Прокльони кинув я тобі / І сам умру, як син, що матір // Не може бачити в ганьбі” [4, с. 632].

Слово *Україна* Олесь актуалізує і в історичному контексті, звертаючись до реалій давньокіївської доби. І знов Україну поет називає матір’ю, а воїнів Святослава — її синами: “Рідна мати Україно, // Що сини твої везуть?” [4, с. 352].

Мовомислення поета “прекрасну Україну” репрезентує персоніфікованою особою, живою та щасливою істотою, яка лежить, стікає кров’ю, приречена на страждання. Поетові нестерпно боляче і гірко за історичну долю України, за її майбутнє: “Вона в труні лежить, прекрасна Україна, // Лежить, немов жива, ще тепла на столі, // З стражданням на устах і кров’ю на чолі” [4, с. 136].

Продовжуючи персоніфікування України, наголошуючи на концептуальності образу України, поет підкреслює наявність у неї “серця”, яке хтось “на землі її розбив”: “Хто корали, хто рубіни // В чистім полі розгубив... // Хто це серце України // На землі її розбив?” [4, с. 249].

Усмісловому визначенні концепту “Україна” важливе місце належить словосполученню “серце України”, що постає цілком самодостатнім і частотним образом, який проходить крізь низку Олесеєвих віршів. Порівнюючи Україну з іншими країнами, поет пише: “Заблицать і в нас будинки, // Загудуть машини, // І своїм життям заб’ється // Серце України” [4, с. 652].

У поезії “Умер Кобзар, порвались струни...” (24. X.1912), присвяченій пам’яті М. В. Лисенка, також зустрічається “серце України”, що виступає вже ознакою і композитора. У цьому контексті зазначене словосполучення ретранслює інтонацію глибокого жалю, туги, проникливого болю: “Як в щемках, серце України, // В сумній жалобі сирота”.

Система поетичних текстів повно виражає лінгвоментальну модель Олесевого світу, в якій значне місце належить мотиву страждання України. Поетика ідіостилю сповнена слів із символічним значенням, що виражають пафос і глибину духовного страждання. Внаслідок цього мовний образ України збагачується ще й страдницькою ідіопоестиком, оскільки поет Україну уявляє Віт-чизною, розп'ятою на хресті: “Мерці одностайно зітхнули, // Скривили поблідлі уста. // Хтось крикнув: “Ні віримо більше: // Хто зніме Вітчизну з хреста?!” [4, с. 480]. Слова *мрець* як символ громадянської пасивності, *хрест* як символ страждання і навіть епітет *поблідлі* виражають крайній ступінь страждання.

На противагу образів України-страдниці в Олесевій картині світу важливим є мовний образ повсталі України, що зображує бурхливий період українського національного відродження, коли повстають перші українські військові частини. Мовний образ України в одному з віршів О. Олесея, наведеному П. Одарченком, доповнюється новими метасмисловими характеристиками, що пов'язані з бурхливою сучасністю і з історичними ремінісценціями: “Українське військо, мов з могили встало, // Загриміло в бубни, в сурмоньки заграло, // Розгорнуло прапор жовто-блакитний // Прапор України! Рідний, заповітний!” [4, с. 97]. Слова *військо*, *бубни*, *сурми* пов'язані асоціаціями з історичною звичаєм, створюють урочисто-піднесений тон, виражають поетичний захват подіями, а жовто-блакитний прапор у сполученні з піднесеним епітетом *заповітний* підкреслює захоплення сучасними поетові подіями.

Лінгвальна сфера найповнішою мірою презентує основні світоглядні доміанти поета, який із незалежною Україною пов'язує надії на здійснення своїх мрій. Надії на духовне та національне відродження України, яку О. Олесь сприймає не лише як географічний простір, а й як державу, репрезентовані у мовній картині світу поета. Для вираження концепту “Україна” митець уводить у поетичний текст слово *Держава*, яке сповнене глибинного змісту, сподівань і прагнень України. Держава — це і високий ідеал, і гордість поета, що виражається сполученням цього слова зі словами *щастя*, *“Слава!”* і разом із тим тривога, біль, що знаходить вияв у словах *загублена Держава*, у заклик до боротьби за державу, висловленому в ампліфікаційному нагнітанні слів *дим*, *вогонь*, *бій*, у яких відбувається синонімічне зближення: “З-під мертвих скель забило джерело // Потоком буйним летіє: “Слава!...” // О Боже! Щастя в нас було! // О Боже, в нас була Держава!... // Спокутуймо ж ганьбу свою. // З'єднаймось всі в єдину лаву. // Знайдім в диму, в огні, в бою // Свою загублену Державу” [4, с. 499].

Концепт “Україна” в Олесевій ліриці співвідноситься із концептом “Доля”. Нерідко ці концептуальні сфери поєднуються у синтезованому поєднанні “доля України”, що відбиває пріоритети лінгвоментальної сфери митця. Уболівання за долю “зруйнованого краю” прозора відчувається в лексичному ряді вірша “О краю незабутній” (“Заплачу я гірко, як часом згадаю // Останні руїни // І долю України!” [4, с. 566]), у якому за допомогою мовних засобів виражаються ціннісні орієнтири поета.

Концепт “України” корелює із концептом “Воля”. Концепти “воля” й “Україна” поєднуються в межах словосполучення “Вільна Україна”, що воно є необхідним для усвідомлення художньо-вербальної картини світу О. Олесея, у якій слову з негативним конотативним значенням “руїна” символічно протиставляються такі вербальні формули, як “вільна Україна” та “воля України”: “Від дощу, від грому оживе руїна, // Зацвіте

квітками вільна Україна”; “А тепер, коли упали // Ваших тюрем стіни, // З мурів вирвалася на волю // Воля України” [4, с. 761].

Такі словосполучення особливо частотні в поезії часів суспільних потрясінь, від яких чекали звільнення України. Для розуміння концепту “Україна” у мовній картині світу О. Олеся важливим є вживання порівнянь “святий великий храм” та його ознаки — престол, труна тощо: “Не присягайся, не падай на коліна, // Бо що для тебе Україна?... // Для тебе пустка Україна, // А не святий великий храм, // З святою кров’ю на престолі, // З труною рівності і волі” [4, с. 655]. Образ України постає у сполученні з такими ознаками страждань, як свята кров, труна рівності і волі. Особливо вражаючим є сполучення таких нібито зовсім несподіваних, протилежних за значенням слів, як, з одного боку, труна, а з другого — рівність і воля.

Концепт України значною мірою виформовується з допомогою семантичного протиставлення понять “рідна земля — чужина”. У лінгвоментальній структурі світу України виділяються національні символи, які ще гостріше сприймаються ліричним героєм у роки еміграції. У семантичній структурі символів Олеся на позначення рідної землі з’являється антитетична парадигма “там, на Україні” і “тут, на чужині”. Перебуваючи на еміграції, поет згадує Україну, але себе бачить на іншій, не рідній території: “Очі — дві волошки в житі // На Вкраїні там, у нас. // Коси — жмут ясний пшениці // На дорозі там, у нас. // На дорозі під колеса // Взяв і кинув квітку хтось, // Як у нас, на Україні, // Взяв і кинув квітку хтось” [4, с. 455]. У віршах, написаних на еміграції, концепт України постає відокремленим від поета географічним простором. Використовуючи лексичну форму “там”, Олесь підсвідомо викликає з пам’яті лексичну форму “тут”, що утворює характерну для емігрантського періоду лінгвоментальну антитетичність, акцентовану лінгвальними засобами репрезентації та зумовленими семантичними зв’язками. Поет змальовує, як “з цієї крові, що лилася”, “Вже посходили квітки, // Там, на любій Україні.” [4, с. 497]. У поезії “Товориш їм — знущаються, сміються...” передається туга вигнання за рідною землею в контексті актуалізації мовного образу “Вкраїни милої”: “Повій, вітре, на Вкраїну, // На безславную руїну, // Що сконала в лютих муках // І знайшла труну в онуках. // Між горами єсть долина, // В тій долині єсть хатина — // Пустка гола і похила — // То моя Вкраїна мила” [4, с. 517].

Лінгвопоетика Олесевої творчості періоду еміграції відрізняється відчуттям відокремленості від України. Змальовуючи Україну в цей період творчого розвою, поет нерідко виражає концепт “Україна” за допомогою займенників “Вона”, “Нею”, що позначається на розширенні метатекстової площини його лірики: “В’ються над Нею сови і круки, // Розривають білі груди на шматки, // А Вона безсила, кинута синами, // Обливає рани теплими слізьми” [4, с. 281].

Займенник “Вона”, використаний також у значенні власної назви, виступає фактичним синонімом топоніма Україна, що сприяє концептуалізації лінгвокогнітивного мислення поета. О. Олесь досягає ефекту граничної персоніфікації України, переводячи її з розряду геопростору в категорію живих, активних суб’єктів дії: “Але Вона?... Вона живе! // Її вже дужче голос чути! // І хто скує життя нове, // Вітрами й бурями розкуте?!” [4, с. 281].

Концепт “Україна” проходить провідним об’єктом поетового аналізу в різних жанрах творчості. В одній із публіцистичних статей О. Олесь тривожно роздумував над

долею країни, використовуючи слова із семантикою непевності, невпевненості, а то й невизначеності: “Приглядаючись до міжнародного і внутрішнього становища України, можна сказати одне: Україна не стоїть на твердих ногах, а крутиться в повітрі і кидається то в один, то в другий бік, в кожну хвилину готова то піднятися на височінь, то впасти на землю й розбитись” [1].

Лінгвоментальна репрезентація концепту “Україна” в площині художньої творчості Олександра Олеся засвідчує багатшарове його розуміння. У мовосвіті поета Україна постає як географічний та ландшафтний простір, як батьківщина близька та батьківщина далека (зокрема в період еміграції), як поруйнований край, біль поета, як духовний світ, як країна боротьби, волі й державності. Україна виконує функції концепту світоглядного мислення О. Олеся, який натхненно описує її природу, розповідає про її людей, досліджує й аналізує її історію. Україна є смисловим центром когнітипу “Всесвіт” Олесевої концептосфери, оскільки думки і прагнення автора, виражені у мовній картині поетичного світу, спрямовані до філософського та історичного осмислення долі України та її народу, перспектив її відродження. Дослідження співвідношення концептів “Україна” — “чужина” може стати метою подальших наукових розвідок.

Список літератури

1. Інститут рукописів ДНБ ім. Вернадського НАН України. Фонд XV, од. зб. 1001.
2. Лист О. Олеся до П. Я. Стебницького // Поет з душею вогняною. Олександр Олесь у спогадах, листах і матеріалах. — К.: Дніпро, 1999. — С. 154.
3. Одарченко П. Співець українського відродження // Одарченко П. Видатні українські діячі: Статті, нариси. / Передмова Р. Харчук. — К.: Смолоскип, 1999. — С. 83 – 100.
4. Олесь О. Твори: В 2 т. / Упоряд., авт. передм. та приміт. Р. П. Радішевський. — К.: Дніпро, 1990. — Т. 1.
5. Таран О. С. Семантика символів природи в поезіях Олександра Олеся: лінгвопоетичний та етнокультурний аспект: Автореф. дис... канд. філол. наук. — Х., 2002.
6. Тхорук Р. Л. Особливості поетики премодерністського віршу початку ХХ століття: рання лірика Олександра Олеся. Автореф. дис.... канд. філол. наук. — К., 1996.

Голобородько К. Ю. Вербалізація географічного пространства України в концептосфері А. Олеся.

Стаття посвячена вербалізації географічного пространства України в концептосфері А. Олеся
Ключевые слова: географіческое пространство, концепт “Украина”, топоним, идиоконцепт.

Goloborodko K. J. Verbalization of geographical space of Ukraine in the sphere of the concepts of A. Oles.

In article the attention pays to verbalization of geographical space of Ukraine in the sphere of the concepts of A. Oles.

Key words: geographical space, concept «Ukraine», toponym, idioconcept.

Стаття постуила в редакцію 17 октябрю 2006 г.

УДК 070:316.62

МАСОВА СВІДОМІСТЬ ЯК СКЛАДОВА МАСОВОЇ КОМУНІКАЦІЇ

С. В. Демченко

У статті аналізується співвідношення масової свідомості та масової комунікації. У зв'язку з трансформацією останньої у наш час масова комунікація впливає на неї у все більшій мірі.

Ключеві слова: масова комунікація, масова свідомість, реклама, політична комунікація, громадянське суспільство.

Проблема вивчення думок, поглядів, оцінок найрізноманітніших проблем навколишнього світу широкими верствами населення не нова. На Заході та США всю сукупність уявлень людських спільнот почали вивчати ще на початку ХХ століття і навіть в колишньому Радянському Союзі так звану „громадську думку” почали вивчати ще в 60-і роки минулого століття.

Актуальність. Проте лише на порубіжні ХХ і ХХІ століття вивчення „масової свідомості” все частіше поєднується з її взаємодією та впливом на неї масової комунікації. Відомий український вчений В. В. Різун у книзі виразно названої „Маси” центральним питанням масової комунікації вважає її вплив на психологічну масу як соціальний суб'єкт [8, 2]. До цієї проблеми звертається не менш відомий фахівець Г. Г. Почепцов [7], про неї пишуть відомі російські фахівці Д. В. Ольшанський [5] та С. Г. Кара-Мурза [1]. Підґрунтя для її вивчення заклали у своїх розвідках відомі іспанський філософ Ортега-і-Гасет [6], його німецькі колеги Ю. Габермас [11], Г. Маркузе [2] та німецька комунікативістка Е. Ноель-Нойман [4]. Однак в умовах швидкого, бурхливого, повного протиріч та конфліктів формування глобального інформаційного суспільства особливої ваги та значення набувають аспекти, пов'язані із співвідношенням масової свідомості та масової комунікації.

Постановка проблеми. Відразу вкажемо на те, що наявні в науковому обігу і нібито звичні терміни — „масове суспільство”, „масова свідомість”, „масова культура”, „масова комунікація”, „засоби масової комунікації” (mass media) попри свою розповсюдженість ще не стали чітко визначеними та системно пов'язаними між собою термінами науки, яку ми називаємо журналістикознавством. Вони вводились філософами, політологами, соціологами, комунікативістами і тому, коли йдеться про масову інформацію, де аналізована проблема важлива скоріше у практичній, ніж у теоритичній площині, не зовсім зрозуміло, що таке „маса” у структурі суспільства, у системі різного типу соціальних груп (класових, національних, конфесійних, професійних тощо) та інших соціальних спільнот. Тому можна погодитись з московською дослідницею Л. Г. Судас у тому, що існуючі погляди — це поки що концепції „обмеженого використання” [9, с. 33].

Відповіді і теоритичного, і практичного спрямування необхідно шукати, на нашу думку, у проясненні характеристики того, що ми маємо на увазі, коли використовує-

мо термін „маса/маси”. Саме на цьому шляху ми можемо вийти на співвідношення та взаємовплив „масової свідомості” і „масової комунікації”. Причому, якщо раніше ми виходили з того, що „масова комунікація” — це лише такий собі „медіум”, який віддзеркалює характерні для „масової свідомості” настрої, то сьогодні навпаки все більше говорять про залежність суспільної думки від маніпулятивного впливу ЗМК.

Одним із перших свій погляд на проблеми „мас” запропонував ще в кінці 20-х — на початку 30-х рр. XX століття Ортега-і-Гасет. У знаменитій книжці „Повстання мас” він протиставляє „маси” та „еліту”. До еліти відносяться ті, хто „вимагає від себе більшого та сам на себе покладає додаткові турботи та зобов’язання” [6, с. 19] і служить при цьому загальному благу. Маса ж, у його розумінні, — це „пересічна людина”, яка задоволена тим, що схожа на інших і нічим від них не відрізняється, „довіряється волі шлунка, а не розуму” [6, с. 81], прирівнює до сили закону „свої шинкові фантазії” [6, с. 21]. Ось чому, коли раніше така маса „передоручала” політику професіоналам із еліти, то це і була „справжня демократія”. Але при „гіпердемократії”, яку нав’язали людству „ліберали та демократи”, виникла ситуація, коли маса перестала бути слухняною, хоч пересічна людина в принципі не може ні керувати ходом цивілізації, ні навіть підтримувати існуючий порядок речей.

Безумовно концепція іспанського філософа складалась під впливом революції в Росії і подальшого розростання революційного руху в інших країнах. Звідси — трагічне протиріччя у підсумку: еліта деградує і тому втратила здатність до керівництва, а маса „від природи нездатна” до саморозвитку та соціальної творчості.

Подальші судження про масу, а відтак і про сутність масової свідомості вже не несуть такого трагічного та безвихідного пафосу. Хоча виявилось, що під поняттям „маси” західні філософи, соціологи, політологи вбачали цілу низку соціальних спільнот: клан, натовп, публіка, аудиторія тощо. Поступальний розвиток масової комунікації змушує багатьох її західних дослідників звернутись до проблеми безпосереднього і зворотнього зв’язку масової свідомості та масової комунікації. Американський дослідник С. Московічі у книжці, виразно названій „Вік натовпу”, саме у впливі масової комунікації вбачає причини соціальної деградації переважної більшості тих, кого віднесено до маси (до речі, у англійській мові цей термін доволі багатозначний і означає окрім „купи”, „множинності”, „скупчення” ще й таке: „The Masses” (народні маси), „The Great Mass of the People” (велика кількість людей), „The Nation in the Mass” (весь народ).

Оперуючи поняттям „The Masses” (народні маси), С. Московічі показує шлях перетворення їх у натовп під впливом масової комунікації: „Маси дозволяють перекопати себе не фактами, навіть не існуючими, а лише логічним зв’язком, що об’єднує систему, частиною якої вони ніби є” [3, 83]. І звідси висновок: будь-яка система масової комунікації здатна встановлювати прямі зв’язки з громадськістю, обходячи традиційні інститути соціалізації, такі як церква, сім’я чи політична система. Саме завдяки цій здатності до „прямого зв’язку” комунікація може не стільки формувати, скільки нав’язувати масовій свідомості свої власні цілі, незалежно від того, чи це рекламний агент, що намагається збути свій товар, чи політик, який таким чином „продає” свій політичний курс.

Говорячи про маси, що характерні для новітнього часу, науковці вказують на ситуативний характер їх існування, що залежить від формуючого фактору, а також їх гетерогенність, тобто неоднорідність складу, міжгрупову природу. Ось чому, на думку російського вченого Д. В. Ольшанського, „масова” — це така соціальна структура, у якій людина нівелюється, стає „гвинтиком”, „жертвою” соціального механізму [5, с. 17]. Більше того. Включаючись у масу індивід, „мусить розплачуватись відключенням раціональних компонентів психіки, зниженням критичного сприйняття, почуттям власного „я» [5, 37; 21]

Однак якщо подібна схема абсолютно точно відтворює функціонування тоталітарного суспільства, де „масовізація” свідомості, понять, ідеалів призводить до перетворення суспільства у безликий натовп, то у нормальному демократичному суспільстві ситуація принципово інша. Там ми маємо справу з нормальними (хоч і теж змінними) масами громадянського суспільства і відповідно сформований адекватно сучасності характер масової свідомості.

Зрозуміло, що у кожному з наведених вище варіантів міняється співвідношення масової свідомості і масової комунікації. У першому випадку ідеться про відверту пропаганду, брутальну маніпуляцію свідомості перетвореної на натовп маси. Вже цитований Ортега-і-Гасет констатує, що в такому суспільстві „більшість людей не має власної думки”, тому ті чи інші уявлення буквально „впресовують у людей під тиском ззовні, як технічне масло в машину” [6, с. 140]

Ще більш песимістично пише про ситуацію у такому суспільстві відомий німецький філософ К. Ясперс, що пережив її на прикладі власної країни у часи фашизму: „У суспільстві, яке не має надії, завжди виникає потреба в ілюзії, в пустелі особистісного існування — потреба в сенсації, в слабкості — потреба у її перебороти за рахунок приниження ще слабкішого” [12, с. 170 – 171]. Звідси — здатність людини у такому суспільстві до конформізму, легкості, з якою вона піддається маніпуляціям, що їх несе в собі комунікація: „Людина живе газетами та кіно, слухає повідомлення та дивиться фільми, з усім і усюди машинально погоджуючись” [12, с. 145]

У другому випадку масова комунікація належить до суспільних інституцій, займаючи серед них своє чітко визначене місце (не випадково у західному світі за мас-медіа закріпилось визначення „четверта влада”). Це означає, що той, хто адресує інформацію суспільству, не просто інституція, а саме така, у підґрунтя діяльності якої покладено систему правил і норм та створено розвинуту схему контролю за ними.

Як сторона, що приймає повідомлення, у такій системі виступає не безлика маса, а індивід, хоча він теж безумовно належить до певної соціальної спільноти. Зрозуміло, що і в такому суспільстві (особливо у період розповсюдження глобальних медіа) відбувається певна „масовізація” аудиторії та її реакції на інформацію. І все ж тут відсутнє (або зведене до мінімуму) навмисне відхилення масової свідомості від реальної дійсності, яке досягається завдяки цілеспрямованим та послідовним пропагандистським маніпуляціям.

Громадянське суспільство (а саме таке домінує у країнах з усталеною демократією) не є однорідним, в його структурі представлені різні соціальні прошарки, які можна віднести до так званих „розділених” мас. А це означає, що наші уявлення про

масову свідомість як про щось однорідно цілісне є помилковими, бо той же середній клас на Заході часто поділяє такі різні погляди, які носять майже антагоністичний характер. Тому масова комунікація кожного разу мусить визначатись зі свідомістю якої маси (внутрішньогрупової, міжгрупової чи унігрупової) їй доведеться мати справу. Зазначу, що йдеться не про аудиторію (жіночу, юнацьку, професійну тощо), а саме про якісні показники, які перетворюють аудиторію у масовидну групу з більш-менш стабільними устремліннями, поглядами, ідеями.

Разом з тим необхідно бачити навіть у „розподіленому” суспільстві ті реальні тенденції, які підтримують його цілісність, сприяють консолідації. Це можуть бути ідеї свободи особистості (як, наприклад, у США) чи конфесійна єдність (як у католицьких Іспанії, Італії або Польщі) інші аспекти. Не можна не погодитись з думкою Л. Г. Судас, яка підкреслює, що загальний суб’єкт масової свідомості — „все суспільство” як цілісна система соціальних груп, які його утворюють [9, с. 90]. І хоч суспільство відкрите, рухоме і не може бути монолітним, окрім об’єктивних соціальних факторів важливу консолідуючу роль можуть і повинні виконати ЗМК. Саме масова комунікація здатна зберегти всю барвистість уявлень різних прошарків суспільства і разом з тим спрямовувати їх у напрямку консолідації. Таким чином може бути забезпечена цілісна система життєвих орієнтирів, без яких важко уявити нормальне громадське життя.

Висновки. Знання про природу масової свідомості та її взаємозалежності від масової комунікації надзвичайно важливе в умовах інформаційного суспільства. Адже масова комунікація стає одним з найважливіших факторів, що забезпечує орієнтацію (чи дезорієнтацію) масової свідомості ззовні шляхом викладення своїх поглядів на суспільні процеси або через трансляцію (з коментарями чи без них) поглядів інших соціальних сил (державних інститутів, партій, профспілок, різного роду об’єднань тощо).

Ефективна взаємодія з масою і різними її прошарками може посприяти формуванню справжньої „масової журналістики”, тобто такої, що працює на загальне благо, а не грає з аудиторією в ім’я одержання високих прибутків. Цей процес для таких країн як Україна не менш важливий, ніж формування громадянського суспільства, бо сприяє і підвищенню освіти маси, і формуванню у неї громадянської відповідальності, і соціальної активності, без яких неможливі демократизація і гуманізація та духовний підйом в країні.

Як писав свого часу Е. Фромм, досягнувши „позитивної свободи” людина здатна реалізувати свою сутність повністю [10, с. 42]. Можливо тоді ми перестанемо протиставляти масі еліту, а масову свідомість вважати чимось низьким та протилежним елітарній свідомості і культурі.

Список літератури

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2000.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. — М; 2002.
3. Московичи С. Век толп. — М, 1996.
4. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. — М., 1996.
5. Ольшанский Д. В. Психология масс. — СПб., 2001.

6. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. — М., 2001.
7. Почепцов Г. Г. Информаия & Дезинформація. — К., 2001.
8. Різун В. В. Маса. Тексти лекцій. — К., 2003.
9. Судас Л. Г. Массовое сознание: в поисках новой парадигмы. — М., 1996.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 2004.
11. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001.
12. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. — München, 1949.

Демченко С. В. Массовое сознание как составная часть массовой коммуникации.

В статье анализируется соотношение массового сознания и массовой коммуникации. В связи с трансформацией последней в наше время массовая коммуникация оказывает на неё всё возрастающее влияние.

Ключевые слова: массовая коммуникация, массовое сознание, реклама, политическая коммуникация, гражданское общество.

Demchenko S. V. The mass consciousness as a part of the mass communication.

The interrelation between mass consciousness and mass communication is under study in the thesis, taking into account the level of influence of the latter one under contemporary transformations of mass information.

Key words: mass communication, mass consciousness, advertisement, civil society.

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2006 г.

УДК 81'42:822

СОВРЕМЕННЫЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ

И. П. Зайцева

В статье предложен один из возможных вариантов интерпретации современного драматургического произведения – с позиций коммуникативной стилистики художественного текста, – позволяющий более глубоко и многообразно истолковать своеобразие двух основных композиционно-речевых пластов пьесы; анализ проводится на материале произведения “Театральный роман-с” популярного драматурга Николая Коляды.

Ключевые слова: драматургический дискурс, коммуникативная стилистика, диалог, монолог, ремарка.

Одним из проявлений вновь утверждающейся в филологической науке рубежа XX – XXI веков антропоцентрической парадигмы безусловно можно считать повышенный интерес к проблемам речевой коммуникации. Стремительно развивается новая междисциплинарная область — *коммуникативная лингвистика*, “галузь мовознавства, спрямована на дослідження закономірностей, складників, чинників комунікативної діяльності, яка здійснюється на базі природної мови” [7, с. 234]. Экстраполяция многих идей и методов данной научной области на стилистику художественного текста и лингвистическую поэтику обусловила появление *коммуникативной стилистики художественного текста* — “нового направления современной функциональной стилистики, ... изучающего целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля” [1, с. 157]. При этом трактовка идиостиля приобретает в сфере коммуникативной стилистики художественного текста ряд характеристик, расширяющих содержание этой категории в сравнении с традиционным толкованием: “Новая интерпретация идиостиля связана с многоаспектностью данного понятия, способного интегрировать разные особенности языковой личности автора” [1, с. 159].

Представляется, что изучение с позиций лингвистической коммуникативистики художественных дискурсов различной жанровой принадлежности может быть весьма плодотворным в том числе и для расширения набора конститутивных признаков, которые отграничивают друг от друга литературные произведения, принадлежащие к разным литературным родам — тем более что нередко эта принадлежность оказывается предметом споров и дискуссий.

Следует отметить, что в XX веке неоднократно предпринимались попытки конкретизировать и дополнить перечень параметров, которые кладутся в основу разграничения произведений, репрезентирующих разные роды литературы, соотнести их с явлениями, детально изучаемыми в тех или иных (помимо литературоведения) гуманитарных сферах: *лингвистике* (первое, второе и третье грамматические лица, а также категория времени: прошлое — настоящее — будущее); *психологии* (воспоминание, представление, напряжение) и других.

Думается, что в связи с акцентами на коммуникативных особенностях художественных дискурсов особого внимания заслуживает концепция австрийского психолога и лингвиста Карла Бюлера — разработанная им в 30-е годы XX столетия теория речи [2]. Рассматривая любое речевое действие в широком коммуникативном контексте (с учетом влияния на речевой акт психологических, социальных и иных факторов), или, пользуясь современной терминологией, в качестве *дискурса*, К. Бюлер одним из первых обратил внимание на ряд особенностей *дискурса с явным творческим элементом* в сравнении с *дискурсом преимущественно практической целеориентированности* (по Бюлеру — разница между созданием языкового произведения, среди разновидностей которого и языковые произведения искусства, и осуществлением речевого действия). “В принципе творец языкового произведения говорит иначе, чем практически действующий человек. Существуют ситуации, в которых с помощью речи решается актуальная в данный момент жизненная задача, то есть осуществляются *речевые действия*. Но есть и другие обстоятельства, когда мы в поисках адекватного речевого выражения творчески работаем над данным материалом и создаем *языковое произведение*” [2, с. 54].

В высказываниях, или речевых актах, могут быть выделены, по Бюлеру, три аспекта: *репрезентация* (сообщение о предмете речи); *экспрессия* (выражение эмоций говорящего); *апелляция* (обращение говорящего к кому-либо, которое наделяет высказывание собственно действенностью). Будучи взаимосвязанными, эти аспекты по-разному соотносятся друг с другом в высказываниях различных типов, в том числе и в высказываниях художественных. Так, в лирике организующим началом, в значительной мере предопределяющим и все остальные свойства произведений лирических жанров, становится экспрессия. В драматургии же на первый план выдвигается *апеллятивная, собственно действенная*, сторона речи; исследователи неоднократно подчёркивали, что слово в произведении драматургии обладает особой действенностью, превращается в своего рода *поступок*, совершаемый персонажем в определенный момент коммуникации.

Опора на исследования по коммуникативной стилистике художественного текста, а также теории и практике речевой коммуникации в целом несомненно расширяет диапазон исследовательских возможностей интерпретирования драматургических произведений, которые, по общему мнению (см., например, одну из наиболее авторитетных работ по языку драматургии — работу Т. Г. Винокур [3]), всё ещё остаются наименее изученными среди художественных дискурсов. Подобный подход позволяет, в частности, более глубоко и многоаспектно осмыслить различия между *диалогом* и *монологом* (основными формами организации языкового материала в драматургическом произведении) в преимущественно практическом и эстетически осложнённом общении; дополнить перечень характеристик художественного драматургического сравнительно с диалогом в прозе и т. д. В свою очередь, результаты коммуникативно-лингвистического интерпретирования словесной ткани драматургических произведений могут оказаться полезными для создания более полного представления о феномене коммуникативно-речевой ситуации в целом (к примеру, расширить материал для описания типов коммуникативных ситуаций в конкретных национальных коллективах

в разные исторические периоды их существования) и отдельных её составляющих: *типов коммуникантов* — субъектов коммуникативно-речевого взаимодействия, *их коммуникативных стратегий и тактик* и др.

Особый интерес для рассмотрения с позиций как коммуникативной стилистики художественного текста, так и — шире — коммуникативной лингвистики в целом представляют, на наш взгляд, *современные* (появившиеся в последние 10 – 15 лет) драматургические дискурсы. С одной стороны, в связи с приближенностью современной пьесы к сфере непринуждённо-обиходного общения (и, как следствие, с ориентацией преимущественно на разговорные и иного рода сниженные речевые средства), изучение произведений драматургов последних лет позволяет составить более полное представление о типах и разновидностях коммуникативно-речевых ситуаций, наблюдающихся сегодня в обществе, определённым образом систематизировать их и т. д. — т. е. дополнить некоторыми сведениями теорию и практику речевой коммуникации новейшим, подчеркнуто актуальным материалом целом.

С другой стороны, типичные коммуникативно-речевые ситуации, художественно воссоздаваемые авторами пьес, служат фоном, на котором более “выпукло” оттеняются элементы индивидуально-авторского почерка, присущие отдельным драматургам (например, предпочтительная речевая характеристика персонажа с помощью монологизированных высказываний либо, напротив, сугубо лаконичных реплик; характер организации взаимодействия двух основных словесных пластов пьесы: высказываний персонажей во всей их совокупности и рамочного текста пьесы (ремарки и все другие композиционно-речевые структуры, в которых репрезентует себя автор, и т. д.).

К современным драматургам, пьесы которых демонстрируют означенные свойства наиболее явственно, вне всякого сомнения, принадлежит Николай Коляда, “один из самых репертуарных”, по выражению М. И. Громовой, авторов последних лет. Основу коммуникативно-речевого своеобразия пьес Н. Коляды (весьма часто, кстати, порицаемого критиками за натуралистически вульгарный, “чернушный” язык его произведений) закладывает прежде всего широта диапазона привлекаемого драматургом языкового материала — речь его персонажей содержит практически все разновидности национального языка: от множества вариаций “уличного говора” и современного фольклора до ориентированной исключительно на литературную норму богатой и разнообразной речи (как, например, речь Ларисы из пьесы “Куриная слепота”); хотя, справедливости ради, следует отметить, что действующих лиц, подобных этой героине, в пьесах Н. Коляды явное меньшинство).

Однако особое мастерство драматурга, на наш взгляд, проявляется в умении практически всегда структурировать речевые портреты своих героев таким образом, что действующие лица его пьес (при этом, строго говоря, персонажи драматурга вряд ли могут служить образцом для подражания, том числе — и как языковые личности) на протяжении всего развития драматургического действия остаются для читателя/зрителя интересными в качестве участников коммуникации: их речевые реакции, как правило, нестандартны и малопредсказуемы, что позволяет до конца пьесы сохранять интригу, вовлекать воспринимающую сторону в процесс авторских размышлений и

оценок происходящего. (Ср. мнение М. И. Громовой: “Одна из причин популярности пьес Н. Коляды — живые человеческие характеры, ярко индивидуализированные, “бенефисные” роли, подарок для актёров-исполнителей именно благодаря виртуозным языковым партитурам” [4, с. 196].) Вероятно, именно в этом (или, во всяком случае, и в этом также) проявляется талант драматурга, не только следующего при написании пьесы принципу жизненности, но и создающего при этом произведение словесного искусства, где взятый из реального общения языковой материал, какого бы качества он ни был, всегда подвергается эстетическому преобразованию.

В подтверждение сказанному остановимся на рассмотрении характерных особенностей одного из фрагментов (как представляется, весьма показательного в связи с заявленным аспектом исследования) произведения Н. Коляды — одноактной пьесы “Театральный роман-с” [5]. Действующих лиц в этой пьесе всего двое: *Вера* и *Леонид*; в списке, представляющем персонажей, у каждого из них имеется лишь одна характеристика (указание на возраст: обоим по 40 лет); таким образом, адресат (читатель/зритель) до знакомства с собственно содержанием пьесы не обладает практически никакой информацией о том, с какого рода личностями (в плане социального статуса, психологических и иных качеств) ему предстоит встретиться в этом произведении. При этом следует отметить, что драматургический диалог (непосредственно *высказывания персонажей*) предваряется весьма обширным фрагментом авторской речи, своего рода двухкомпонентной ремаркой: в первой её части наряду с введением в обстановку действия (описание фойе маленького провинциального театра) заключены авторские размышления, крайне важны для постижения содержащегося в произведении концептуально-авторского смысла, причём автор присутствует здесь абсолютно отчётливо; во второй части, значительно уступающей предыдущей по объёму, автор явно дистанцируется от драматургического действия, “прячется” за высказываниями персонажей — этот фрагмент представляет собой композиционно-речевую структуру куда более близкую (как по словесному оформлению, так и по функциям) к традиционному ремарочному пласту:

“За стойкой буфета Леонид моет посуду. Он в бабочке, белой рубашке, поверх которой тоненький аккуратный шерстяной свитер с открытым горлом, наглаженных брюках.

В гардеробе — Вера. Она в синем халате. Вера ест из банки капусту, смотрит на Леонида, который на свет разглядывает стаканы, их чистоту.
Молчание.

Вера надевает шубу, смотрится в зеркало” [5, с. 150].

Приведённый фрагмент представляет собой полифункциональную ремарку, сочетающую в себе такие типичные для подобных элементов драматургической структуры функции, как *характеристика обстановки, в которой протекает действие* (указание на место, элементы интерьера и т. д.); *описание внешности персонажей, участвующих в ближайшей мизансцене*; *характеристика действий персонажей* с одновременным сообщением информации об их *психологическом состоянии* в данный момент.

Однако, безусловно, основная нагрузка в выражении смысла (и событийного, и концептуально-эстетического) рассматриваемого произведения ложится на драматургический диалог: представление о рече-поведенческом своеобразии действующих лиц — об их речевых портретах; качествах, позволяющих отнести героев к определённым типам языковых личностей, и т. д. — формируется у читателя/зрителя прежде всего на основе восприятия и последующей интерпретации непосредственных речевых проявлений персонажей.

Учитывая ограниченный объём публикации, приведём лишь небольшую часть протекающего между *Верой* и *Леонидом* пространного диалога (его начальную часть, следующую непосредственно за приведённой ремаркой), который, собственно, и занимает всю пьесу, где действие ограничивается несколькими часами (временем представления спектакля). Именно об этом разговоре автор в предваряющей пьесу ремарке замечает: “*А тут, в фойе — своя жизнь идёт. Ну, если хотите — свой Театр*”:

“Леонид. Опять?

Вера. А что?

Леонид. Стыдно. Снять!

Вера. Нельзя? У них дома таких шуб “зэ” — завались. Я же не насовсем, а только померить и назад.

Леонид. Сапоги еще надень!

Вера. Правильно. Надену, чтоб в комплекте было. На ней не смотрелось я сразу “зэ” — заметила. Тоже приперлась в театр, жемчуга понавздевала бриллианты, чтоб показать. В подвале. Шубу в пол. А сама — как баба-яга в тылу врага. А на мне — во как сидит. У меня такой шубы не будет. Мне никто не купит. Я уже с ярмарки еду, а мне до такой шубы как до Китая вприсядку. Мне не купит. Где уж нам уж выйти замуж, мы уж так уж как уж накуж. (*Вертится у зеркала.*)

Леонид пришел в гардероб, снял с Веры шубу, выхватил сапоги.

(*Молчит, смотрит, как Леонид идет снова к мойке.*) Личико-то попроще, гражданин. Попроще, говорю. Слыхали? Не напрягайтесь. Не в театре. Нечего эдак-то вот драматично.

Леонид ушел к себе.

(*Села, ест капусту.*) Все равно там — твоя квартира. (*Тычет пальцем в потолок над гардеробом.*) А там — моя. (*Тычет пальцем в потолок над буфетом.*) Это — протечка. Я не буду платить.

Леонид. Вчера полезла в витрину.

Вера. Ты же не дал. Я хотела веером пообмахиваться.

Леонид. В шубе?

Вера. Я хотела проверить, как они дышали в таком. Грудью дышали, когда их целовали “вэ” — возлюбленные. Ромео ее целовал. А она дышала и дышала. И веером — мах-мах-тарарах. (*Пауза.*) Все равно достану, проверю. Не сегодня, так в следующий раз. Мне надо успевать. Я с ярмарки. Твоя протечка, сказала, твоя!

Леонид. Моя, моя. Заплачу.

Вера. Заплати. У тебя денег много. Все копит. Или маме лекарство покупает. Ну, покупай, покупай. (*Пауза.*) С ярмарки я. Вам — не понять. Которые в буфетах, им —

не ясно. Мойте стаканы, мойте. Мы про тех, кто в буфетах, — по телевизору слышали. По телевизору врать не станут. Снег, дождь. Солнце, луна. Небо, слова. Туман, ветер. Огонь, вода. Весна, зима. Осень, лето. Деревья, цветы. Земля, воздух. Звери, птицы. Хлеб, мама. Мама...

Леонид. Что ты сказала?

Вера. Ничего. Молюсь.

Молчание.

Леонид с остервенением моет стаканы.” [5, с. 150 – 151].

На первый взгляд, приведённый диалогический фрагмент — самая что ни на есть обычная беседа, возможная в подобной ситуации: два человека, оказавшиеся рядом на работе (Вера — гардеробщица, Леонид — бармен в небольшом провинциальном театре), говорят “обо всём и ни о чём”. Однако более тщательный анализ позволяет уже в самых первых репликах героев обнаружить ту особую действенность, “сквозную” диалогичность слова, которую исследователи пьес Н. Коляды уже заметили [см., например: 6, раздел “Драматургия Николая Коляды”].

Диалог, разворачивающийся в данной мизансцене, начинается с явного упрека Леонида Вере, которая, пользуясь случаем, примеряет сданные зрителями в гардероб шубы; ничего плохого она в этом не видит — “я же не насовсем а, только померить и назад”, отвечает она собеседнику. Большие возможности приведённый фрагмент диалогического взаимодействия персонажей предоставляет, безусловно, для выявления речевого своеобразия Веры — очевидно, что преимущественная часть словесного пространства в данном случае (как и во всей пьесе) принадлежит именно ей (при этом инициатором разворачивающегося разговора формально стал именно Леонид: им произнесена первая реплика в форме вопроса-упрека, адресованная Вере (начало диалога)).

Веру, безусловно, можно отнести к тому типу героев драматурга, которых Н. Лейдерман и М. Липовецкий назвали “артистами” (хотя черты типа “озлобленных” тоже просматриваются в образе героини): “Следуя нормам масскультуры, они стараются занять верхнюю ступеньку в его иерархии — они сами лицедействуют. ... И для этого им не надо никаких специальных приспособлений. Ибо они актёрствуют в том пространстве, которое не требует ни декораций, ни костюмов, которое всегда при тебе — они актёрствуют в пространстве речи” [6, с. 571]. Вначале ещё не особенно понятны причины такой страсти Веры к лицедейству (они выяснятся в дальнейшем и окажутся отнюдь не веселыми), но стремление реализовать себя подобным образом ощущается постоянно: высказывания героини изобилуют образными выражениями (“А сама — как баба-яга в тылу врага”, “... мне до такой шубы как до Китая впрысядку”), “юморными” формулами (“Личико-то попроще, гражданин. попроще, говорю. Слыхали? Не напрягайтесь. Не в театре. Нечего эдак-то вот драматично”); им свойственны диалогические сцепления даже на фонологическом уровне: “Где уж нам уж выйти замуж, мы уж так уж как уж накуж” (выделено мною. — И. З.) и другие приёмы речевого “лицедейства”.

Речь Веры, демонстрирующая весьма широкий диапазон привлекаемых средств языка (это убедительно подтверждается комплексным анализом её речевых проявле-

ний во всей совокупности), ориентирована по большей части на разговорное общение, что не мешает автору воплотить в речевом облике героини более глубокие, философски значимые аспекты человеческого бытия (необыкновенный исследовательский интерес в этом плане представляет, в частности, анализ “молитв” Веры).

Думается, что в принципе любой художественный драматургический дискурс последних лет может представить интерес в качестве объекта, исследуемого с позиций коммуникативистики, однако, конечно, среди этих произведений есть пьесы, которые заслуживают такого внимания в первую очередь, поскольку аспект коммуникативного (межличностного) контактирования персонажей отличается в них очевидным индивидуально-авторским своеобразием. Именно к таким произведениям и принадлежат пьесы Николая Коляды.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта; Наука, 2003. — С. 157 – 162.
2. Бюлер К. Теория языка. — М.: Прогресс, 1993.
3. Винокур Т. Г. О языке современной драматургии // Языковые процессы современной русской художественной литературы. — М.: Наука, 1977. — С. 130 – 197.
4. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учебное пособие. — М.: Флинта; Наука, 2005.
5. Коляда Н. Театральный роман-с // Драматург. — 1996. — №7. — С. 149 – 164.
6. Лейдерман Н. Л. и Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т.2: 1968 – 1990. — М.: Издательский центр “Академия”, 2003”
7. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля-К, 2006.

Зайцева И. П. Сучасний драматургічний дискурс в аспекті комунікативної стилістики.

У статті пропонується один з можливих варіантів інтерпретації сучасного драматургічного твору – з позицій комунікативної стилістики художнього тексту, – що дозволяє більш глибоко та різноманітно розтлумачити своєрідність двох основних композиційно-мовленневих пластів п'єси; аналіз здійснюється на матеріалі твору „Театральний роман-с” популярного драматурга Миколи Коляди.
Ключові слова: драматургічний дискурс, комунікативна стилістика, діалог, монолог, ремарка.

Zaitseva I. Modern Drama Discourse in the Aspect of Communicative Stylistics.

Actually, some possibilities of interpreting of the modern drama text are shown from the point of view of the problems of discourse analysis, thus, it lets deep, in detail comprehend artistic and aesthetic significance of two main compositional and speech areas of drama work and first and foremost drama dialogue. It is illustrated in play of the popular playwright Nicolay Koliada “Thearte Novel-s”.
Key words: drama discourse, communicative stylistics, dialogue, monologue, stage directions.

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2006 г.

УДК = 811.161.1:39:81'23

КОНЦЕПТ “ПОБЕДИТЕЛЬ” ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ

У. А. Карпенко

В статье рассматривается концепт “Победитель” итальянской культурно-языковой традиции в сопоставлении с русской и английской; отмечаются его универсальные и национально специфические свойства.

Ключевые слова: концепт, фрейм, культурно-языковая традиция, фреймовая позиция, концептосфера.

В современной науке весьма актуальным считается выявление типичных и национальных концептов. Сопоставление материала разных концептосфер позволит, с одной стороны, выявить общекультурные концепты, с другой стороны, — проследить, что же является специфически национальным в той или иной концептосфере.

В целях представления концептов в их взаимодействии, а также возможности их сопоставления в разных языках и выявления национальной специфики, разрабатывается фреймовое строение системы концептов. В данной статье ставится цель изучения концепта “Победитель” фрейма “Вооружённое противостояние”. Концепты, выделенные в процессе анализа поэзии основоположников и реформаторов литературных языков своих культур (А. С. Пушкина, Дж. Г. Байрона, А. Мандзони), изучаются также на материале этимологических и толковых словарей. Таким образом, концепт исследуется как в языке, который фиксируется в словарях, так и в речи ярчайших представителей своих культур.

Концепт “Победитель” в структуре фрейма “Вооружённое противостояние” А. Мандзони помещается в составе фреймообразующей позиции Актант-субъект.

Слово “vincitore”, вербализирующее концепт “Победитель” в итальянской культурно-языковой традиции, является производным (образованным при помощи суффикса — *to* (поэтический усечённый вариант — *tor*,) именем существительным мужского рода, называющим человека по признаку действия, (ср. *attore*, *autore*) от *vincere* — побеждать. *Побеждать имеет значение “одолевать, превосходить”*; *побить противника в вооружённом столкновении или же в словесном споре, мирном соревновании. В последнем значении впервые это слово было употреблено Данте в 1321 году (курсивом приводится наш перевод итальянских словарных статей и подстрочник поэтических текстов)* [2, с. 1819]. Анализ понятийных значений данного концепта в художественной речи позволит дополнить значения, приводимые в указанном толковании.

... i tre primieri Tra i vincitor piu' raro premio avranno, E andran di bionda oliva icoronati. Corsier di ricca bardatura al primo: Colma di Tracj dardi una faretra Amazonia al secondo, intorno a cui Larga e cospersa d'or fascia s'avvolge (“Traduzione da Virgilio”).

Это произведение “Перевод из Вергилия”, согласно комментарию Феруччо Уливи, относится к 1800 году [1, с. 229]. Речь в цитируемом отрывке идёт о наградах, которыми Эней собирается наградить лучших из лучших. Подстрочный перевод выглядит следующим образом: “... *три победителя первых получают редчайшие дары и увенчаны будут венцами серебристых оливок. Коня с драгоценною сбруей, Стрелы фракийской работы, Колчан амазонский на ленте золотой.*”

Таким образом, лучшие из лучших награждаются самыми главными воинскими атрибутами — боевым конём и оружием. Конь в фольклорных представлениях является волшебным помощником человека, а также существом, реально помогавшим бойцу в сражении. Оружие, предлагаемое в дар, оказывается не только драгоценным, но и редкостным, уникальным, происходящим из определённой местности. Этот факт соотносим с мифологическими представлениями о волшебном предмете, волшебном оружии в частности, которое герой добывал или получал в дар за подвиг. Ввиду общего фольклорного источника особая значимость коня и оружия совпадает в итальянских и русских представлениях, являясь универсальной.

Следовательно, в данном примере практическая необходимость коня и оружия бойцу сочетается с фольклорными представлениями об особой сакральной значимости этих предметов. Более того, во времена, описываемые Вергилием, произведение которого переводит Мандзони, вера в волшебную силу оружия была актуальна.

В указанном примере концепт “Vincitor” реализуется в своём понятийном значении “награждения победителя”, наградой выступают атрибуты, отражающие его основной род деятельности — военный (а не бытовые вещи), кроме того, получаемые в дар предметы наделяются волшебной силой и духовным смыслом. В русской культурно-языковой традиции “Воин” также представляется через его атрибуты, среди которых отмечаются конь и оружие:

На нём одежда славянина И на бёдре славянский меч. Славян вот очи голубые, Вот их и волосы золотые Волнами падшие до плеч... Косматым рубищем одетый. Огнём живительным согретый, (“Вадим”).

Как атрибут воина присутствует меч, свойства которого в мифологическом контексте соотносимы с волшебным предметом. Интересной подробностью является “косматое рубище”. С одной стороны, это историко-реалистическая деталь времён, когда воины одевались в шкуры. С другой стороны, лохматая шкура соотносима с обрядом волхования (ср. этимологию лохматый, волосатый, волохатый, волхв), во время которого посвящённый, шаман переодевался в звериную шкуру, что считалось либо его превращением в тотемное животное, либо проглатывание его этим животным, помещением человека в животное. Целью обряда была отправка в иной мир для получения необходимых знаний или умений от предков. Таким образом, в данном микротексте воин предстаёт как некто, обладающий сверхъестественной силой, кому открыт иной мир.

Однако в контекстах, в которых оттенок значения мифологизации отсутствует, воин выглядит беспомощным и слабым перед коварным и сильным врагом:

Vincitor! Siete deboli e pochi? Ma per questo a sfidarvi ei discende; E voglioso a quei campi v'attende Dove il vostro fratello perì’ (“Il Conte di Carmagnola”).

“Победитель!... Вы слабы, вас мало — потому вызвать вас он стремится, Он вас ждёт и победы желает В поле, где брат ваш погиб”.

Произведение А. Мандзони “Il Conte di Carmagnola” посвящено событиям войны между миланцами и венецианцами 1425 — 1432 гг. Данный отрывок представляет собой размышление о разделённой Италии (которая оставалась таковой в период, когда А. Мандзони писал это произведение). Автор подчёркивает абсурдность войны. Из данного микротекста следует, что победителем называется враг. Следовательно, слово “Vincitor”, в отличие от русского “победитель” (тяготеющего к положительной оценке), может иметь как положительную, так и отрицательную окраску. Более того, “Победитель” может быть полюсом в оппозиции “своё — чужое”: “погибший брат — победитель”.

Низость победившего врага проявляется не только в ситуации сражения, но и в его бытовых действиях:

E' ver, tributo non dicean costoro, Men turpe nome il vincitor foggiaua; (Aprile 1814).

“Правда, что “дань” они не говорили, менее гнусное имя подбирал победитель”.

Стихотворение является откликом А. Мандзони на миланские события между апрелем и маем 1814 года, в ходе которых была совершена попытка добиться свободы и независимости для Ломбардии. Канцона “Апрель 1814” была написана автором между 22 апреля и 12 мая. В этих строках речь идёт о подати, которая платилась завоевателю. Автор отмечает, что французское правительство деньги подати называло не конкретно контрибуцией завоёванной страны, а “платой на военные расходы”. Своё отношение к подобной субституции формы, но не содержания, автор выражает в приведённых поэтических строках.

Вновь слово победитель “Vincitor” имеет отрицательную окраску проявляющуюся в контексте притеснения народа, а также в непризнании своего низкого действия, которое не называется истинным именем.

Концепт “Vinto”/ “побеждённый” включает эмоционально окрашенный компонент значения несправедливости обиды завоёванного народа.

*Beata fu mai Gente alcuna per sangue ed oltraggio? Solo il vinto non toccano i guai;
Torna il pianto dall'empio il gioir (“Il Conte di Carmagnola”).*

“Счастливы бывал ли народ В крови и обидах? Побеждённому большей беды не видать, Плачем вернётся тирану жестокая слава”.

Размышляя о бессмысленности войны, автор представляет положение победителя и побежденного печальным, и тот и другой оказываются жертвой войны. Отсутствие противопоставления оправдывается на языковом уровне происхождением от общего корня — vin- (“vinto” и “vincitore”). Уравнивание побеждённого и победителя в обоюдоневыгодном положении не встречалось ни в английских, ни в русских текстах, в которых победитель и побеждённый чётко противопоставлены. Если в русских текстах положительной оценкой наделялся победитель, то на итальянском материале положителен побеждённый. В английских представлениях побеждённый враг продолжает вызывать испуг победителей.

Though the far shouting of the distant crowd,	Хотя звучат проклятия вокруг –
Their tremors o'er o'er, rose insolently loud,	Угрозы тех, кто мстит за свой испуг,
The better warriors who behold him near,	С ним лучшие почтительны: бойца
Insulted not foe who taught them fear	Всегда влечёт величье храбреца;
("The Corsair")	("Корсар")

Отметим, что при анализе воплощения концептов английской культуры в байроновском тексте, в качестве отражения, фона привлекается русский перевод Г. Шенгели, который признан в русском литературоведении одним из лучших.

В русском варианте отношение к пленному воину выглядит гораздо более почтительным и духовным, чем в английском оригинале: *лучшие воины, которые смотрят на него вблизи, не оскорбляют воина, который научил их страху* (приводится наш подстрочник). В этой фразе ощущается скорее не духовное уважение "влечёт величье храбреца", а простое отношение: смирение перед тем, кто может ударить. Свойство храбрости исходит от силы духа, страх — от слабости, и потому перевод ассоциируется с более высокими моральными ценностями, чем оригинал.

В русском варианте воин наделяется высоким свойством уважать противника за его высокие духовные качества, в английском оригинале воин скорее обладает инстинктом самосохранения — не нападать на более сильного, на того, кто вызывает страх.

"Проклятия, угрозы, месть за испуг" представляются некими интеллектуальными действиями, вызванными сильной эмоцией. В то время как "shouting, tremors, rose insolently loud" / *крики, трепет вырастают нагло и громко* более соотносятся с эмоциями, а не разумом.

Победа в сражении определяется активностью воинов, и участие в нём воспринимается как счастье.

O giornate del nostro riscatto! Oh dolente per sempre colui Che da lunge, dal labbro d'altrui, Come un uomo straniero, le udra'! Che a'suoi figli narrandole un giorno, Dovra' dir sospirando: io non c'era; Che la santa vittrice bandiera Salutata quel di' non avra' ("Marzo 1821").

"О, дни нашего освобождения! Как же несчастлив будет тот, кто издалека, из чужих уст, как чужой, услышит рассказ, тот, кто детям передаст, с сожалением, что не был с теми, кто приветствовал флаг святой победы".

В этом примере человек, который не участвовал в сражении, называется не причастным к победе. Данное видение отличается от русских представлений, когда за победу стоят всем миром и всем народом. Слово "straniero" — "чужой", использующееся также в значении "враг", в данном контексте включает сему "тот, кто не разделяет всеобщую радость освобождения". Победу символизирует "святой победитель флаг", который в итальянском женского рода ("bandiera"), что соотносимо с древним образом женщины-воительницы. Победитель — это не просто воин, а ещё и тот, кто непосредственно разделит чувство радости освобождения. Подобное воспри-

ятие характерно русской культуре, в которой со-участниками и со-творцами победы являются матери, жёны солдат, старики и дети.

Таким образом, концепт “vincitore” — “vinto” (“победитель” — “побеждённый”) реализуются в ситуациях войны и соревнования, что соответствует этимологическому толкованию слова “vincere” — “побеждать”. В ситуации соревнования реализуются следующие понятийные значения: победитель обязательно награждается, дары для него избранны, они соотносятся с мифологическими представлениями о волшебном предмете и волшебном помощнике; проигравший же “зарабатывает” “duol” (скорбь).

В ситуации сражения победитель является врагом и снабжается отрицательными коннотациями низкого поведения. Отрицательное восприятие врага совпадает с оценкой последнего как в русской, так и английской культурно-языковых традициях, являясь общекультурным. Побеждённый представляется слабым и обиженным, в отличие, например, от английского, в котором побеждённый-пленник наводит страх на победителей-врагов.

Одним из самых важных отличий в трактовке войны русскими и итальянцами является стремление к поднятию боевого духа русским поэтическим словом и обострение уныния, сожаления о бессмысленности войны и обиды побеждённого итальянским поэтом.

Список литературы

1. A. Manzoni, Poesie, Oscar classici Mondadori, a cura di Ferruccio Ulivi.
2. Il Nuovo Etimologico DELI — Dizionario Etimologico della Lingua Italiana di Manlio Cortelazzo e Paolo Zolli, Bologna, 1999.

Карпенко У. А. Концепт “Переможець” італійської культурно-мовної традиції у дзеркалі російської та англійської.

У статті вивчається концепт “Переможець” італійської культурно-мовної традиції у зіставленні з російською та англійською; зазначаються його універсальні та національно специфічні властивості.
Ключові слова: концепт, фрейм, культурно-мовна традиція, фреймова позиція, концептосфера.

Karpenko U. A. The concept “Vinner” in Italian linguistic and culture tradition compared with Russian and English.

The concept “Vinner” in Italian linguistic and culture tradition is studied in the article. During comparison of the concept with its realizations in Russian and English culture, the general and specific characteristics are distinguished and analyzed.

Key words: concept, frame, linguistic and culture tradition, frame position, concept sphere.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2006 г.

УДК 378.147:811.161.1“243

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Е. В. Клепач

В статье рассматриваются проблемы определения национальных стереотипов и национального характера. В качестве источников стереотипов называются и анализируются международные анекдоты, классическая художественная литература и фольклор. Главным доказательством наличия национального характера и его носителем признается национальный язык.

Ключевые слова: национальный язык, национальный характер, национальный стереотип, межкультурная коммуникация.

Сегодня невозможно найти такие нации и народности, которые не испытали бы на себе политическое, социальное и культурное влияние других народов. Это влияние осуществляется при помощи обмена достижениями культур, прямых контактов между государственными институтами, общественными движениями, а также посредством научного сотрудничества, торговли, туризма.

Однако технический прогресс и развитие международных контактов в настоящее время опережают развитие навыков коммуникации между представителями различных культур и исторически сложившихся культурных моделей. Поэтому не случайно, что в 1970-е годы актуальной стала тема диалога и взаимопонимания культур, в которой все большее значение приобретали вопросы специфики, самобытности и различий культур разных народов.

Обращаясь к теме межкультурной коммуникации, невозможно не затронуть вопрос о национальном характере.

Личность обнаруживает себя в характере. Характер может проявляться на вербальном уровне, а может проявляться невербально. В первом случае мы можем говорить о речевом проявлении характера, и, следовательно, о проявлении языковой личности.

Что такое национальный характер? Можно ли сказать, что народ составляют люди одного сорта? Или под национальным характером подразумевается стереотипный набор качеств, приписанных одному народу другими, часто не вполне дружественными?

“На уровне бытового сознания существование у каждого народа национально характера не вызывает сомнений... Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде, даже самого краткого. Оно укрепляет убеждения в том, что люди этой общности во многих отношениях сильно отличаются от нашей: об этом свидетельствуют черты их жизни и быта, порой даже облик людей, их поведение и т. п. У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия или они проистекают из одной общей и глубокой причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном характере? Может быть,

поняв этот характер, мы без труда поймем особенности данного народа? Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа и даже его истории” (Ерофеев, 1982, с. 12).

Некоторые исследователи считают, однако, что национальный характер существует только в бытовом, но не в научном сознании, что всякое обобщение на уровне “типичных черт” народа условно и натянуто.

Итак, есть ли все-таки национальный характер? Какие доказательства его существования можно считать объективными? Что можно считать источником, дающим объективные сведения о национальном характере?

Первое, что связано с набором специфических черт, формирующих национальный характер — это стереотипы. Стереотип определяется как “схематический, стандартизованный образ или представление о социальном явлении или объекте... Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта” [2, с. 447]. При всем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок.

Что является источниками стереотипных представлений о национальных характерах? С. Г. Тер-Минасова предлагает рассматривать в качестве источников стереотипов а) международные анекдоты; б) классическую художественную литературу и в) фольклор [4]. Рассмотрим их подробнее.

Одним из наиболее ярких источников являются так называемые международные анекдоты, т. е. анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с национальными чертами характера. Например, в русских международных анекдотах англичане обычно подчеркнута пунктуальны, немногословны, любят сигары, виски и т. п. Немцы практичны, дисциплинированы, организованы. Французы легкомысленны и гуляки, эпикурейцы, думающие только о женщинах и вине. Американцы богатые, щедрые, самоуверенные. Русские — бесшабашные рубахи-парни, неприхотливые алкоголики-драчуны. В русских анекдотах все они ведут себя соответственно этим стереотипам.

Другим источником можно считать национальную классическую художественную литературу. Если взять национальных литературных героев, то прежде всего поражает их контраст со стереотипными персонажами международных анекдотов. Действительно, легкомысленные французы, думающие о вине и женщинах, на уровне своей классической литературы мирового масштаба представлены драматическими героями Стендаля, Бальзака, Гюго, Мопассана, решающими сложные человеческие проблемы и не имеющие ничего общего с легкомысленными героями-любовниками.

Наоборот, чопорные и сдержанные до абсурда англичане из анекдотов создали литературу Свифта, Бернарда Шоу, Диккенса, Шекспира, наконец, у которого на 5 трагедий приходится 22 комедии. Ни в одной культуре юмор не ценится так высоко.

Немцы дали миру нежнейшую и глубочайшую поэзию Гете и Гейне.

Наконец, хулиганы и алкоголики — русские — внесли в сокровищницу мировой литературы драгоценный вклад: произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Достоевского. Герои этих произведений с их философскими исканиями и тонкими переживаниями — это интеллигенты среди персонажей мировой классической литературы.

Третий источник, где можно и нужно искать “душу народа”, — это фольклор, устное народное творчество.

Что же дает фольклор в плане раскрытия национального характера? Прежде всего, некоторое единообразие, потому что в центре эпических произведений народного творчества стоит герой, настоящий Герой: богатырь, могучий красавец, в современной терминологии — супермен, который защищает свой народ от всех зол: от драконов, чудовищ, стихийных бедствий и вражеских войск. Помимо сверхъестественных качеств и способностей, у него нередко имеется волшебный конь, волшебный меч или другой чудесный предмет. Он самый меткий стрелок из лука, как Робин Гуд, и обладает непревзойденной силой, как Илья Муромец. В таком герое воплощена вечная мечта народа о сильном и справедливом защитнике, который накажет обидчиков.

Безусловно, важнейшим, самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Краткий политический словарь. М., 1987.
3. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Клепач Е. В. Міжкультурна комунікація та національний характер.

У статті розглядаються проблеми визначення національних стереотипів та національного характеру. В якості джерел стереотипів називаються та аналізуються міжнародні анекдоти, класична та художня література і фольклор. Головним доказом наявності національного характеру та його носієм визнається національна мова.

Ключові слова: національна мова, національний характер, національний стереотип, міжкультурна комунікація.

Klepach E. V. Intercultural communication and the national character.

The article deals the problem of denoting the national stereotypes and the national character. As the sources of the stereotypes we call and analyze international anecdotes, classical literature and folklore. The main evidence of the existing of national character appears the language.

Key words: national language, national character, national stereotype, international communication.

Статья поступила в редакцию 2 октября 2006 г.

*Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Филология». Том 20 (59), №1. 2007 г. С. 319–324.*

УДК 811.161.1' 373.7 + 006.72

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ИХ РОЛЬ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на материале русского и немецкого языков)**

О. В. Колесникова

Статья посвящена проблеме изучения фразеологизмов в аспекте межкультурной коммуникации.
Ключевые слова: фразеологизм, межкультурная коммуникация.

Одной из наиболее важных современных задач лингводидактики является обучение иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных культур и народов. Причём обучение считается эффективным только тогда, когда языки изучаются в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Актуальность исследования обусловлена следующим. Поскольку любая человеческая деятельность, в том числе и коммуникация, имеет в своей основе эмоциональные переживания, преподавание иностранных языков должно подразумевать наличие у учащихся обширных знаний об эмоциях, их функциях, знание эмотивного фонда родного и изучаемого иностранного языков, средств номинации, выражения и описания своих эмоциональных переживаний в контекстах конкретного языка и культуры.

Предметом нашего исследования являются фразеологизмы со значением эмоционального состояния, обозначающие восхищение, восторг, радость, счастье (группа с положительным значением) и негодование, возмущение, гнев (группа с отрицательным значением). Общее количество исследуемых фразеологизмов составляет 130 единиц (77 — русских и 53 — немецких фразеологизма).

Цель работы: раскрыть природу фразеологизмов со значением эмоционального состояния человека в аспекте межкультурной коммуникации.

Материалом для исследования послужили такие словари и справочники по фразеологии: Ю. Ф Прайд. “Краткий русско-украинский и украинско-русский тематический словарь: эмоции человека”, Р. И. Яранцев “Словарь-справочник по русской фразеологии”, Duden. In 12 Bänden. B. 11. “Feste Redewendungen” и др.

Новизна работы выражается в следующем: была предпринята попытка найти для группы русских фразеологизмов со значением эмоционального состояния, состоящей из 77 единиц, немецкие аналоги с целью выявления национальных особенностей в лингвокультурном опыте.

Вопрос о классификации фразеологизмов со значением эмоционального состояния человека является дискуссионным. Этой проблемой занимается целый ряд учёных: Ю. Ф Прайд., А. М. Эмирова, Р. И Яранцев и др.

Наиболее подробную классификацию фразеологизмов со значением эмоционального состояния человека (которую мы примем в качестве рабочей в нашем исследовании) предлагает Ю. Ф. Прайд в “Кратком русско-украинском и украинско-русском тематическом словаре: эмоции человека”. Учёный рассматривает следующие группы ФЕ (фразеологических единиц): 1. *Отвращение, омерзение*; 2. *Удовольствие, радость*; 3. *Гнев, ярость*; 4. *Восторг, восхищение*; 5. *Любовь, страсть*; 6. *Страдание, мука*; 7. *Беспокойство, тревога*; 8. *Удивление, изумление*; 9. *Презрение, пренебрежение*; 10. *Смущение, стыд*; 11. *Страх, ужас*; 12. *Грусть, печаль*; 13. *Отчаяние, безысходность* [17, с. 11].

Фразеологизмы, являясь целостной единицей номинации, воспроизводимой в речи, отображают эмоции через свою образную основу.

Тем самым они представляют собой некий “сгусток” психической жизни человека. Например: немецкое предложение *Sie hat ihm einen Bären aufgebunden* (букв.: она привязала ему медведя, ср.: *она навешала ему лапши на уши*) непонятно, если пытаться понять значение буквально, т. е. из комбинации значений всех слов. Но если известно, что группа слов *j-m einen Bären aufbinden* (букв.: вешать кому-л. медведя) в целом имеет определённое значение, и если это общее значение знакомо, то предложение понимается правильно: *она заставила его поверить во что-то невероятное*).

Несмотря на свою универсальность и общечеловечность, эмоции в различных языковых культурах не всегда совпадают по форме, объёму и качеству эмотивных смыслов. Всё множество фразеологизмов конкретного языка, обозначающих эмоции, передаёт национальную картину чувств. Поэтому эти фразеологизмы представляют собой значительные трудности в межкультурной коммуникации, особенно в том случае, если в языке одного из коммуникантов нет аналогичной по смыслу ФЕ. Например, русские фразеологизмы: *рвать и метать* “раздражаться, неистововать, будучи в состоянии негодования, озлобления и т. п. на кого-л. или на что-л.” [20, с. 387]; *рыть (копать) яму кому, под кого* “строить козни, причинять неприятности, вредить” [20, с. 404]; *с сердцем* “в гневе, сердито” [20, с. 421]; *метать икру* “поднимать шум, ругаться, браниться, возмущаться и т. п. обычно по пустякам” [20, с. 247]; *стереть с лица земли* “жестоко расправиться с кем-л., совсем погубить кого-л.” [20, с. 456] и др. не имеют аналогов во фразеологии немецкого языка. Без объяснительного комментария смысл этих ФЕ остаётся для коммуниканта неясным.

Напрашивается вывод: коммуникативная значимость ФЕ обратно пропорциональна структурно-семантической эквивалентности немецких и русских фразеологизмов. Следовательно, чем ниже структурно-семантическая эквивалентность ФЕ, участвующих в межкультурной коммуникации, тем больше коммуникативная значимость фразеологизмов.

Таким образом, в межкультурной коммуникации выявляется не только общее, универсальное, но и специфическое, национальное, самобытное в языке и культуре коммуникантов, что нередко приводит к коммуникативным неудачам или даже “конфликту культур” (по С. Г. Тер-Минасовой [13, с. 26]).

Как указывает В. И. Шаховский, “эмоциональное сознание говорящего субъекта требует национальной рефлексии и её вербализации во фразеологизмах” [15, с. 49]. При этом эти фразеологизмы не семантизируются вообще или семантизируются не полностью коммуникативным партнёром из другой культуры.

Исследование русских и немецких фразеологизмов показывает, что лакунарными могут быть все семантические компоненты фразеологических единиц. Например: *сыт по горло* “вполне, сверх всякой меры удовлетворён, пресыщен чем-л.” [20, с. 468] — *j-nd hat die Nase voll* (букв.: у кого-л. полный нос); *надуть губы (губки) / надуть губы (губки)* “сердиться, обижаться, делая недовольное лицо; выражать недовольство, досаду и т. п.” [20, с. 262] — *die beleidigte / gekränkte Leberwurst spielen* (букв.: играть обиженную колбасу); *Дальше ехать / идти некуда!* “хуже того, что есть, не может быть” [20, с. 275] — *auf keine Kuhhaut gehen* (букв.: не подходить под коровью кожу) и др.

Расхождение в образах внутренней формы ФЕ приводит к смысловым различиям в их эмотивной семантике, которые варьируют общую денотативную семантику и вызывают у межъязыковых коммуникантов различные эмоциональные ассоциации, эстетические переживания в пределах общего понимания денотативного смысла.

Используя фразеологизмы в межкультурной коммуникации, следует помнить о том, что часто для коммуникантов остаются неизвестными точные эмоционально-оценочные характеристики ФЕ. Поэтому фразеологизмы в речи коммуникантов оказываются порой неуместными в определённом контексте. Знание того, к какому эмоционально-экспрессивному ряду относится та или иная ФЕ в нужной ситуации, и оттенки тех или иных эмоций, с одной стороны, закрепляются в сознании коммуникантов в точных фразеологических эквивалентах, а с другой стороны, сама ФЕ в сознании коммуникантов получает дополнительную эмоционально-экспрессивную характеристику.

Важную роль в процессе межкультурной коммуникации играют национально-специфические элементы культуры.

Если фразеологизм обладает культурно-национальной спецификой, то она должна, по нашему мнению, иметь своё средство воплощения в их знаковую организацию и свой способ указания на эту специфику. Таким средством воплощения культурно-национальной специфики ФЕ служит образное основание (в том числе включающее в себя культурно маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном “пространстве” данного языкового сообщества. Такого рода интерпретация составляет содержание национально-культурного компонента.

Разные типы ФЕ по-разному отражают культуру. Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект.

Культурная информация таких ФЕ тесно связана с параметром денотации, именно денотат в них является носителем культурной информации.

Однако при исследовании ФЕ в большинстве случаев обнаруживается иная прикреплённость культурной информации в большей части фразеологического массива.

Здесь имеются в виду образно-эмотивные по своей сути ФЕ, т. е. такие, в значении которых чрезвычайно важно образное основание. Именно к такого вида фразеологизмам мы относим ФЕ со значением эмоционального состояния. Для того, чтобы понять, что в таких ФЕ является носителем культурной информации, необходимо знать, как возникают эти ФЕ.

Возникновение ФЕ такого типа В. А. Маслова объясняет следующим образом: «Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т. е. ситуация, соответствующая “буквальному” значению фразеологизма. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т. е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова как бы оставляют в образе своё значение» [6, с. 42]. Таким образом возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой.

Как утверждают многие исследователи (В. Н. Телия, В. А. Маслова и др.) внутренние формы ФЕ образуют “промежуточный мир” [6, с. 43], который вбирает в себя все интерпретации образов, символов и т. д. Отсюда можно сделать вывод о том, что в самом формировании фразеологизмов, т. е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем снова как бы воскрешается в национально-культурных компонентах, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами). ФЕ, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры. Именно эта стереотипность, символичность и эталонизированность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику.

В первую очередь, это касается ФЕ, которые не имеют эквивалентов в другом языке. В таких случаях необходимо уделять большое внимание происхождению этих фразеологизмов. Например, русский фразеологизм *человек с большой буквы* “человек, достойный уважения, отличающийся высокими моральными качествами” [20, с. 51] возник, вероятно под влиянием орфографического правила, действовавшего до революции, по которому все нарицательные названия христианского бога писались с большой буквы; ФЕ *точить зубы* “замышлять или говорить недоброе против кого-л.” [20, с. 479] вероятно восходит к сказкам о бабе-Яге, которая точила зубы перед тем, как кого-н. съесть. Немецкая ФЕ *aus dem Hundischen geraten/ sein* (букв.: выйти из домика) имеет следующую этимологию: «кто-л. или чей-л. разум не в своём доме, и он оттого больше не узнаваем» [24, с. 85]; фразеологизм *auf keine Kuhhaut gehen* (букв.: не подходить под коровью кожу) восходит «к средневековому представлению о том, что чёрт является тем умирающим, чей список долгов занесён на пергамент из коровьей кожи. Чёрт свидетельствует об особенно плохих поступках, которые не могут найти себе места даже на большой коровьей коже. По правилам для изготовления пергамента использовалась кожа телёнка и овцы» [24, с. 254].

Соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание национально-культурного компонента. Именно национально-культурный компонент прида-

ёт культурно значимую маркированность не только значениям ФЕ, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются.

Выводы

1. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния представляют собой один из наиболее сложных аспектов межкультурной коммуникации.

2. Сфера фразеологизмов со значением эмоционального состояния в межкультурной коммуникации — это сфера лингвокультурных лакун за счёт специфики национально-культурных образов, варьирующих семантику универсальных эмоций.

3. Связь языка с национальной культурой во фразеологии реализуется через национально-культурный компонент. Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов со значением эмоционального состояния служит внутренняя форма.

Список литературы

1. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Лингвострановедение и текст. — М.: Рус. яз., 1987. — с. 89 – 98.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. — М.: Рус. яз., 1990. — 246 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980. — 396 с.
4. Гудков Д. Б., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. — М., 2001, №6. — с. 244 – 257.
5. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. — М.: Высш. шк., 1991. — 173 с.
6. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. — М.: Наследие, 2001. — 267 с.
7. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. — М.: Высш. шк., 1990. — 159 с.
8. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 277 с.
9. Петренко А. Д., Яценко Т. А. Сопоставительное изучение русских и немецких фразеологизмов с каузальным значением // Культура народов Причерноморья. — Симферополь: Изд-во ТНУ, 2003, №42. — с. 27 – 31.
10. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. — М.: Высш. шк., 1980. — 141 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. — 288 с.
12. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка // Фразеология в контексте культуры. — М., 1999. — с. 13 – 25.
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. — 260 с.
14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантическом аспекте. — М.: 1989. — 286 с.
15. Шаховский В. И. Эмотивность фразеологии как межкультурный феномен // Культурные слои во фразеологии и дискурсивных практиках. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — с. 46 – 52.
16. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. — Ташкент: Фан, 1988. — 90 с.

Словари

17. Прайд Ю. Ф. Краткий русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: эмоции человека. — Симферополь: Ресотд. Крыма ком. по печати, 1994. — 242 с.
18. Тихонов А. Н., Ковалёва Н. А. Учебный фразеологический словарь. — М.: ООО “Изд-во АСТ”: ООО “Изд-во Астрель”, 2001. — 468 с.
19. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русский фразеологический словарь. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 400 с.
20. Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А. И. Молоткова. — М.: Рус. яз., 1986. — 1335 с.
21. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. — М.: Рус. яз., 1987. — 240 с.
22. Шкляр В. Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. — М.: Рус. яз., 1997. — 567 с.
23. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. — М.: Рус. яз., 1985. — 436 с.
24. Duden. In 12 Bänden. B. 11. Feste Redewendungen. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Bibliographisches Institut, 1984. — 867 S.

Колесникова О. В. Фразеологізми зі значенням емоційного стану в міжкультурній комунікації (на матеріалі російської і німецької мов).

Статтю присвячено проблемі вивчення фразеологізмів у аспекті міжкультурної комунікації.

Ключові слова: фразеологізм, міжкультурна комунікація.

Kolesnykova O. V. Phraseological units with the value of the emotional state in intercultural communication (Russian and German languages as basic material).

The article illuminates the problems of research of phraseological units in the aspect of intercultural communication.

Key words: phraseological unit, intercultural communication.

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2006 г.

УДК 371.8.062

КРИТЕРІЇ ТА РІВНІ КУЛЬТУРИ ПЕДАГОГІЧНОГО СПІЛКУВАННЯ

О. П. Корольова

У статті розглядаються компоненти культури педагогічного спілкування (КПС), за їх допомогою виокремлюються показники КПС. Описуються рівні КПС на основі виокремлених критеріїв.

Ключові слова: культура педагогічного спілкування, компоненти, показники, критерії, рівні КПС.

Загальна постановка проблеми

Сучасний етап базової та повної шкільної освіти передбачає гуманізацію і демократизацію навчального процесу, що має двобічний характер: взаємодію вчителя та учня. Взаємодія у навчальному процесі реалізується за рахунок педагогічного спілкування. Якість педагогічного спілкування виявляється у професійній поведінці вчителя. У структурі культури професійної поведінки важливі всі показники для характеристики вчителя, хоча індивідуальність кожного вчителя, своєрідність його особистості, особливості характеру накладають відбиток на виявлення його культури. Тому виявлення критеріїв та оцінка рівнів культури педагогічного спілкування набувають актуальності.

Аналіз останніх досліджень та публікацій

На основі здійсненого аналізу психолого-педагогічної літератури можемо стверджувати, що питанню виокремлення критеріїв виявлення культури педагогічного спілкування не було приділено значної уваги. Це сталося через те, що поняття „культура педагогічного спілкування” визначалося описово, тому не було потреби оцінювати рівні даного явища. Але останнім часом в умовах гуманізації освіти культура педагогічного спілкування вчителів та рівні її оцінювання набули значущості. Учені-педагоги виокремлювали критерії та рівні умінь педагогічного спілкування (А. Москаленко), критерії та рівні сформованості стилю педагогічного спілкування (Є. Яфарова), характеризували та класифікували рівні спілкування як соціально-педагогічної взаємодії (В. Филипчук), критерії та рівні комунікативних вмінь викладачів (Т. Шепеленко), рівні культури педагогічного спілкування майбутніх учителів іноземної мови (С. Рябушко).

Метою даної статті є: 1) визначення показників культури педагогічного спілкування; 2) з'ясування критеріїв культури педагогічного спілкування; 3) виокремлення рівнів культури педагогічного спілкування за визначеними показниками.

Оскільки культура педагогічного спілкування є частиною професійно-педагогічної культури, то вважаємо, що за системно-структурним підходом, можемо взяти за основу структурні компоненти загальної професійно-педагогічної культури для визначення критеріїв діагностування рівнів культури педагогічного спілкування. Скори-

стуємося класифікацією компонентів професійно-педагогічної культури, яку розробили В. Сластьонін й І. Ісаєв у статті „Професійно-педагогическая культура”, де визначено такі компоненти: аксіологічний (сукупність педагогічних цінностей, створених впродовж століть), особистісний (специфічний спосіб реалізації індивідуально-суттєвих зусиль), технологічний (специфічний спосіб педагогічної діяльності), евристичний (прояв педагогічної творчості) [6;с. 117].

Аналогічно, виходячи зі структури культури педагогічного спілкування, виокремимо чотири відповідних критерії її сформованості: аксіологічний, особистісний, технологічний, евристичний. Очевидно, що розвиток культури педагогічного спілкування викладача повинен знаходитися в руслі загальнокультурної та й соціальної тенденції, але разом з цим критерії культури педагогічного спілкування необхідно розглядати у професійному контексті, крізь призму професійних вимог.

Як відомо, критерій виявляється на основі системи показників. Поняття „показник” не включає в себе всебічність виміру й не містить необхідних властивостей для повної характеристики того чи іншого явища[1;с. 838]. Показники відображають окремі властивості явища й служать засобом накопичення кількісних та якісних даних для критеріального аналізу. Спираючись на роботи вчених Є. Клімова, Н. Кузьміної, А. Реан, Л. Столяренка [3,5,7], інтегрувавши знання, вміння й особистісні ознаки найбільш вагомими для викладача, виокремимо 6 основних блоків показників культури педагогічного спілкування:

1. Спеціально-професійні знання (з психології, педагогіки, методики, спеціально наукових дисциплін) та дидактичні здібності й навички.

2. Науково-пізнавальні потреби, когнітивні здібності, гностичні вміння, потреба в самоосвіті й самовдосконаленні, інтелектуальність й логічна культура; володіння загальною методологією пізнання, мислення.

3. Комунікативні здібності, вміння й навички (здатність розуміти характер і міру свого впливу на учня, встановлювати педагогічно й психологічно адекватні форми стосунків з учнями, проявляти міру вимогливості в залежності від індивідуальних й групових особливостей учнів, створювати потрібний психологічний настрій під час навчального процесу.)

4. Організаційні здібності й навички (раціональна організація власного часу, навчального процесу взагалі й, зокрема, окремих видів і форм діяльності учня, вміння планувати; вміння організувати системний й систематичний контроль і корекцію самостійної пізнавальної діяльності учнів).

5. Соціально-моральні й естетичні властивості, емоційно-вольові, ціннісно-мотиваційні, нормативні.

6. Громадянські властивості (політико-правова грамотність, розуміння професійного обов'язку й відповідальності перед суспільством і державою).

Разом з тим, структура й критерії культури педагогічного спілкування вчителя іноземної мови, підпорядковуючись загальним закономірностям професійного розвитку вчителя, мають особливості, обумовлені діалектикою загального і часткового, специфікою предмета професійної діяльності. Це знаходить своє відображення як у змісті знань, так і в формах їх виявлення.

Вчитель іноземної мови, перш за все, повинен володіти, на думку Н. Гальської, здатністю ефективно здійснювати свою педагогічну діяльність. Зазначена здатність складається із сукупності професійних знань, вміння використовувати їх на практиці, переносити набуті знання та вміння у нові умови навчання, а також позитивне ставлення до своєї професійної діяльності [2; с. 17]. Тобто, вчений вважає, що вчитель іноземної мови має володіти знаннями предмета, вміннями його викладати, позитивною мотивацією викладацької діяльності й готовністю вдосконалювати свої професійні знання та вміння.

Тому на основі вимог до окремих структурних компонентів культури педагогічного спілкування ми відділяємо наступні критерії з притаманними їм показниками, а саме:

Аксіологічний критерій виявляється на основі наступних показників:

- наявність потреби й мотивації до комунікативної діяльності;
- рівень стабільності професійних інтересів;
- особистісні якості (емпатія, такт, співчуття, любов до дітей);
- здібності (загальні, професійно-педагогічні, емоційні, прогнозування).

Особистісний критерій виявляється на основі знань:

- вікових та індивідуальних властивостей учнів;
- прийомів взаємодії з колективом й окремою особистістю;
- основ іміджмейкерства (зовнішній вигляд вчителя);
- прийомів самовиховання й саморегуляції власної комунікативної діяльності.

Технологічний критерій виявляється на основі наступних умінь:

- моделювання кожної ситуації спілкування з учнями;
- керування спілкуванням дітей;
- знаходження адекватних засобів для передачі змісту спілкування;
- аналізу використаної системи спілкування й уточнення наступної ситуації спілкування.

Евристичний (творчий) критерій виявляється на основі таких вмінь та показників:

- прогнозування розвитку особистості дитини;
- гнучкість й нетрадиційність рішень та поведінки у професійній взаємодії;
- критичний розгляд інновацій через призму культурних норм;
- культурний розвиток власної індивідуальності та індивідуальності учня;

Однією з найважливіших умов успішного розвитку культури педагогічного спілкування є виявлення рівня його сформованості. Суть рівня визначається за ознакою присутності (кожний наступний рівень зароджується та має основу в попередньому) [1; с. 1032]. Тому у процесі переходу якості, що формується, на більш високий рівень ознаки якості попереднього рівня не зникають, а перевтілюються. Слід підкреслити, що в умовах гуманітаризації навчального процесу від учителя іноземної мови вимагається не тільки простий набір знань, вмінь, навичок, властивостей й індивідуальних властивостей педагога для викладання свого предмета. Кожен учитель має володіти культурою педагогічного спілкування, оскільки педагогічне спілкування — це інструмент педагогічної діяльності, а культура, в одному зі своїх значень — „найвищий рівень володіння будь-якою діяльністю” [1; с. 472]. Тому від рівня володіння інструментарієм педагогічної діяльності залежить якість викладання іноземної мови і рівень культури педагогічного спілкування. Дивись рис.

Взаємозв'язок критеріїв та рівнів КПС

Визначені критерії культури педагогічного спілкування покладено в основу виокремлення чотирьох рівнів розвитку культури педагогічного спілкування: високого, індивідуально-творчого; достатнього, професійно-творчого; середнього, професійно-адаптивного; низького, непрофесійно-репродуктивного. Виділеним чотирьом рівням сформованості культури педагогічного спілкування були розроблені певні якісні характеристики.

Учитель, який володіє високим, індивідуально-творчим рівнем культури педагогічного спілкування любить дітей, захищає їх права, проявляє доброту та повагу до кожного учня, має авторитет серед дітей і батьків; він розуміє психологію учня, використовує розумні вимоги до організації навчання і виховання, вміє аналізувати навчальну ситуацію; педагогічне спілкування такого вчителя обумовлюється з урахуванням особливостей суб'єкта виховання; в діяльності вчителя мають місце елементи своєрідності й новаторства, вчитель цікавиться наукою, вміє вибирати і розробляти оригінальні технології та індивідуальні програми навчання, має індивідуальний творчий почерк, вдосконалює систему власної діяльності, має авторські методичні розробки, бере участь у науково-дослідницькій діяльності.

Достатній, професійно-творчий рівень вчителя характеризується мотивами педагогічних ефективних дій; педагогічні дії професійно усвідомлені, але мають нагідний характер, при цьому має місце достатній рівень психологічної готовності до виконання педагогічних дій; професійну взаємодію такий вчитель виконує з використанням наукових знань й аналізу педагогічної ситуації, але наукова компетентність виявляється частково; особистісно-професійні якості відповідають загальним вимогам, але ство-

рення етичних і естетичних умов не завжди успішне; педагогічні дії мають своєрідність, але переважають стереотипні форми; вчитель домагається позитивних результатів у навчанні й вихованні, хоча у творчому пошуку бере участь несистематично, задовольняється тим, що досягнуто.

Учитель із середнім, професійно-адаптивним рівнем культури педагогічного спілкування відрізняється мотивами педагогічних дій, які несуть часткову спрямованість, педагогічні дії професійно слабо усвідомлені, має місце низький рівень психологічної готовності до виконання педагогічних задач; педагогічний вплив здійснюється без достатнього використання наукових джерел, аналіз педагогічної ситуації виконується частково через брак психолого-педагогічної наукової бази; педагогічне спілкування не завжди відповідає цілі; вчитель діє за аналогією, копіює звичний спосіб організації педагогічної взаємодії, відчуває брак у прогнозуванні реакції з боку учнів; вчитель не має потреби у творчому розвитку, отримує невеликі результати в навчанні й вихованні.

Низький, непрофесійно-репродуктивний рівень культури педагогічного спілкування вчителя характеризується мотивами педагогічних дій, які мають часткову спрямованість, педагогічні дії не усвідомлюються, має місце низький рівень психологічної готовності до здійснення педагогічного спілкування не тільки з учнями, але й з колегами; професійна взаємодія характеризується недостатнім рівнем наукових знань; педагогічне спілкування не завжди відповідає цілі; узагальнені комунікативні вміння у вчителя розвинені недостатньо, вміння організувати спілкування з учнями, в основному базуються на життєвому досвіді, виявляється невідповідність педагогічних дій педагогічній ситуації; вчитель не має достатньої опори на професійні знання, уникає творчого пошуку.

Висновки

На основі визначених показників та критеріїв культури педагогічного спілкування для досягнення високого, індивідуально-творчого рівня необхідно забезпечити у навчальному процесі:

- наявність суттєвої потреби у комунікативній діяльності;
- психолого-педагогічні знання закономірностей педагогічного спілкування;
- володіння індивідуальним стилем викладання;
- наявність індивідуальної творчої реалізації.

Культура педагогічного спілкування не є вродженою якістю особистості, а виявляється в результаті засвоєння професійного досвіду і відповідних знань, умінь і навичок. Зазначена якість властива вчителю іноземної мови як суб'єкту безпосередньо в педагогічній діяльності.

Резюмуючи сказане, маємо підкреслити, що саме система післядипломної педагогічної освіти має допомогти вчителям у розвитку культури педагогічного спілкування.

Список літератури

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови/ Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. — К.: Ірпінь: ВТФ „Перун”, 2004. — 1440 с.

2. Гальскова Н. Д., Ирисханова К. М., Стрелкова Г. В. Языковой портфель — инструмент оценки и самооценки уровня владения современными языками в XXI столетии // Дидакт. — 2000. — №3. — С. 14–29.
3. Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. — Казань: КГУ, 1969. — 27 с.
4. Коммуникативная деятельность педагога. Краткий курс: Учебное пособие в помощь студентам/ Сост. Е. В. Яфарова. — Балашов: Изд-во „Николаев”, 2004. — 60с.
5. Кузьмина Н. В., Реан А. А. Профессионализм педагогической деятельности. — СПб: Знамя, 1993. — 54 с.
6. Слостенин В. А., Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя высшей школы как объект теоретического исследования. — Теория и практика высшего педагогического образования: Межвузовский сборник научных трудов/ под ред. В. А. Слостенина. — М.: „Прометей”, 1993. — 389 с.
7. Столяренко Л. Д. Основы психологии. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 736 с.

Корольова О. П. Критерии и уровни культуры педагогического общения.

В статье рассматриваются компоненты культуры педагогического общения (КПО), с их помощью выделяются показатели КПО. Описываются уровни КПО на основе выделенных критериев.

Ключевые слова: культура педагогического общения, компоненты, показатели, критерии, уровни КПО.

Korolyova O. P. Criteria and levels of teacher's culture of communication.

The article studies the components of teacher's culture of communication (TCC), figures of TCC are detached with the help of them. The levels of TCC are described on the basis of the detached criteria.

Key words: teacher's culture of communication, components, figures, criteria, levels of TCC.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2006 г.

УДК 811.161.1

СУДЕБНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ (анализ стратегического материала)

О. В. Красовская

Показывается, как “притирка” представителей профессионально- и обыденно-правовой культур осуществляется на стратегическом уровне судебной коммуникации. В речевом поведении судей выделяются тактики преодоления межкультурного барьера.

Ключевые слова: судебная коммуникация, межкультурный барьер, речевое поведение, речевая стратегия, речевая тактика.

В современной лингвистической науке утвердилось мнение о том, что к межкультурной коммуникации относится общение не только представителей различных национально-этнических групп, но и любых иных групп, для которых характерны своя система ценностей, норм, правил речевого поведения.

В данной статье в межкультурном аспекте рассматривается судебная коммуникация (СК) — общение, которое протекает в ходе судебного разбирательства по гражданским делам. До сих пор, за исключением отдельных работ, в русскоязычной лингвистической литературе СК не становилась предметом отдельного исследования. Работы, в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы СК, как правило, посвящены искусству владения словом в профессиональной юридической деятельности, судебному красноречию (см., например: [2; 3]).

Изучение СК, с нашей точки зрения, может способствовать решению ряда вопросов, необходимых для создания теории общения. Кроме того, оно представляет интерес в практическом отношении — для обучения эффективному участию в судебном диалоге.

В своих предыдущих работах мы уже рассматривали СК в межкультурном аспекте: описывали социокультурный компонент в ее структуре и обусловленные им типы коммуникативных неудач, анализировали самое частотное средство приспособления судьи к правовой некомпетентности непрофессиональных участников судебного разбирательства [7; 8]. Продолжая изучение темы, в этой статье рассмотрим стратегические особенности речевого поведения судей, связанные с преодолением *социально-культурного барьера* (см.: [9, с. 21 – 22]) СК.

Исходными для указанного анализа являются следующие тезисы:

1. Суд — это социальный институт, функционирование которого опирается на конвенциональность (см.: [5]). За судебным разбирательством закреплена социально приемлемая последовательность речевых действий, жанровый сценарий, а также правила исполнения процессуальных ролей (судьи, истца, ответчика и т. д.).

2. СК между судьей и непрофессиональными участниками судебного процесса протекает в условиях социокультурной разобщенности, которую определяет уровень владения нормами судебной культуры. Для полноценного участия в судебном процессе у лиц, не имеющих специальной юридической подготовки, нет ни соответствующих

правовых знаний, ни тем более навыков поведения, так как исполнению конвенциональных ролей учатся путем участия в организованных группах (см.: [11]).

3. “Ответственным” за эффективность СК в первую очередь является судья: осуществляя судебское руководство, он должен создавать оптимальные условия для установления истины в деле, способствовать адаптации непрофессиональных участников правового конфликта к судебной культуре.

Итак, какие стратегическо-тактические ходы в речевом поведении судей используются для преодоления социально-культурного барьера СК? (Под речевыми стратегиями и тактиками понимаем соответственно общий план коммуникации и приемы его реализации.)

Общеизвестно, что речевое взаимодействие людей по своей стратегической направленности делится на кооперативное и некооперативное. Кооперативное взаимодействие основано на соблюдении прежде всего базовых коммуникативных постулатов, сформулированных П. Грайсом и Э. Личем, а также коммуникативных норм, специфичных для того или иного социального пространства. Одним из основных “показателей” кооперативного взаимодействия при межкультурной коммуникации является готовность коммуникантов преодолевать трудности, обусловленные столкновением социокультурных норм.

В речи судей о такой готовности свидетельствуют следующие речевые тактики:

1) **Тактика разъяснения**, т. е. дополнительного — не предусмотренного судебной процедурой — информирования сторон. Используется, когда судья встречается с тем, что участник судебного разбирательства не понимает сути процессуального действия, юридического термина и т. п.:

(Из апелляционного рассмотрения дела)

С. (заканчивая перечислять процессуальные права, которыми обладают участники гражданского судопроизводства) ... Понятно, да?

И. *А с ходатайствами обращаться сейчас или потом?*

С. *Если отложить дело, то сейчас. Если какие-то другие, то потом.*

И. Хорошо. Спасибо.

Разновидностью разъясняющей тактики является тактика “перевода” (по Т. Г. Винокур [1, с. 79 – 82]) судьей высказывания с юридического кода на “общий”:

С. (объявляет состав суда и разъясняет право заявлять отводы). Стороны могут заявить отвод судье или секретарю по причине родства, личной неприязни или какой-то другой веской причине.

И. У меня оснований для отвода данному составу суда нет.

С. Ответчица, у Вас.

О. (недоуменно) *А что это значит?*

С. (недовольно) *Доверяете данному составу суда?*

О. (после паузы) Доверяю.

2) **Тактика передачи функции говорящего** от непрофессионального участника к профессиональному. Тактика, разумеется, используется тогда, когда сторона, которая затрудняется в обосновании своей правовой позиции, участвует в судебном разбирательстве с профессиональным представителем:

С. (обращаясь к И.) *Пожалуйста, М., Ваши доводы по апелляционной жалобе.*

И. (молчит)

С. Почему Вы считаете решение (районного) суда неправильным?

И. (молчит)

С. Или, может, Ваш представитель?

И. Представитель.

3) **Тактика “наведения”** процессуального участника на адекватный судебному разбирательству речевой акт, адекватный ответ. Реализуется, как правило, цепью судебных вопросов, в том числе наводящих:

(Дело слушается в апелляционном суде)

С. (обращаясь к И.) Пожалуйста, Вам слово.

И. Я уже не знаю, что говорить.

С. О чем просите суд?

И. (молчит)

С. Что Вы просите с решением (районного суда) сделать?

И. (молчит)

С. Вашу жалобу удовлетворить?

И. Да.

С. И дальше что?

И. (молчит)

С. Отправить на новое рассмотрение?

И. Конечно, отправить на новое рассмотрение.

4) **Тактика контроля** точности восприятия услышанного от сторон. Наиболее часто реализуется в уточняющих “то есть” вопросах, которые могут одновременно “переводить” высказывания сторон, не пригодные к записи в протокол, в письменную протокольную форму:

(Из дела о взыскании сумм)

О. Мы имеем печать, но не имеем финансовой самостоятельности. Все деньги за платные услуги идут в область. У нас нет возможности оплатить, погасить человеку затраты, которые он понес, находясь у нас на работе.

С. То есть Вы согласны с решением районного суда?

О. Конечно;

И. Судья (районного суда) лишил меня права обращаться в суд за защитой.

С. Суд решил, что уже есть решение.

И. Решение есть на 1999-й год, а я прошу (сделать перерасчет) на момент обращения — декабрь 2002-го.

С. То есть по тому основанию, что разный срок, Вы имеете право обратиться в суд, да? Правильно мы Вас понимаем?

Итак, в речевом поведении служителей Фемиды мы выделили тактики, которые способствуют “гладкому” течению СК. Выражаясь в терпимости к процессуальным участникам без юридической подготовки, стремлении приспособиться к их недостаточному процессуальному опыту, эти стратеги-тактические ходы исключают из судебного диалога коммуникативные неудачи, обусловленные социокультурным компонентом СК.

Совершенно очевидно, что приведенные здесь тактики преодоления межкультурного барьера общения, их перечень и названия, не являются окончательными.

Следует также заметить, что речевое поведение отправителей правосудия не всегда кооперативно (об этом мы писали, например в: [6]). Наряду с перечисленными тактиками в судебной речи активно используются тактики противоположной направленности, обострения социокультурного контраста — отказа от дополнительного информирования сторон, отсылки к адвокату или закону, упрека в недостаточной правовой подготовке к судебному заседанию и др.

Однако мы не ставили перед собой задачу исчерпывающего описания тактик, типичных для судебного диалога. Цель была в другом — показать, что “притирка” представителей двух лингвокультурных общностей (в нашем случае — представителей профессионально- и обыденно-правовой культур) осуществляется на стратегическом уровне. Являясь недостаточно разработанной в современной лингвистике, эта проблема требует дальнейшего сбора фактического материала.

Список литературы

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
2. Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003.
3. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия. М., 2003.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
5. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. 2004. №6.
6. Красовская О. В. Следует ли бояться судью? (Заметки о речевом поведении служителей Фемиды) // Русская речь. 2006. №1.
7. Красовская О. В. Судебная коммуникация: межкультурный аспект (лингвокультурологические заметки) // Мова і культура. М., 2004. Вип.7. Т. V.
8. Красовская О. В. Судебная коммуникация: проблема эффективности // XII международная конференция по функциональной лингвистике “Функционализм как основа лингвистических исследований”. Симферополь, 2005.
9. Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб., 2003.
10. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. СПб., 2002.
11. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 2002.

Красовська О. В. Судова комунікація в міжкультурному аспекті (аналіз стратегічного матеріалу).

Показується, як “притирання” представників професійно- та повсякденно-правової культур здійснюється на стратегічно-тактичному рівні судової комунікації. У мовленнєвій поведінці суддів виділяються тактики подолання міжкультурного бар’єру.

Ключові слова: судова комунікація, міжкультурний бар’єр, мовленнєва поведінка, мовленнєва стратегія, мовленнєва тактика.

Krasovskaya O. V. Legal communication in the intercultural aspect (analysis of the strategic and tactical material).

It is shown how “the rubbing down” of the represents of professional and ordinary and juridical cultures is making on the strategic and tactical level. The tactics of getting over of the intercultural barrier are distinguishing at the judges’ speech behaving.

Key words: legal communication, intercultural barrier, speech behaving, speech strategy, speech tactic.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2006 г.

**ГРОМАДСЬКА ТА ІНФОРМАЦІЙНА УЧАСТЬ
У СУСПІЛЬНОМУ ЖИТТІ
(до визначення понять)**

Г. Е. Маркова

У статті розглядається проблема соціальної активності людини в громадянському суспільстві через засоби масової комунікації. Визначаються поняття „громадянської участі” та „інформаційної участі” і їх наповнення в нових умовах.

Ключові слова: громадянське суспільство, інформаційна участь, соціальна активність.

Актуальність. Формування громадянського суспільства розглядається сьогодні як фундаментальна проблема розвитку демократичних засад в Україні. Проте ми ще далеко не одностайні у тому, яким воно повинно бути, і тим більше у тому, яка ж роль засобів масової комунікації у цьому процесі. Бо якщо дати чітке і однозначне визначення поняття „громадянське суспільство” повинна наука, то донести ідеї науковців до суспільства, роз’яснити основні принципи та механізми функціонування громадянського суспільства, стимулювати соціальну активність наших співгромадян може лише журналістика.

Зрозуміло, що в різних аспектах проблема вже ставилась як в працях західних вчених (Ю. Хабермас, [10], П. Шампань [11]), так і в роботах науковців ближнього зарубіжжя (А. В. Дмитрієв та В. В. Латинов [5], М. М. Назаров [7]) і нашої країни (О. М. Гриценко [2], Ю. Е. Фінклер [9], В. І. Шкляр [12]). Проте проблема громадянського суспільства не вирішена не лише в Україні, де демократія перебуває в періоді становлення, але й в країнах з усталеною демократією, де вказана проблема все ще розглядається як насущна та актуальна. Ще більш зловідомими виглядають питання участі ЗМК у цьому процесі, бо частина західних вчених з тривогою пише про „медіатизацію” суспільних процесів та підміну принципів індивідуальної свободи і політичного самоуправління витонченими комунікаційними маніпуляціями [6, с. 13]

Постановка проблеми. Говорячи про проблему розбудови в країні громадянського суспільства, необхідно відійти від сприйняття його як якогось „фетишу”, кінцевої мети розбудови демократії. Інакше все зведеться до інерційного гасла, яке бере свій початок ще у 90-і рр. минулого століття, та до традиційних розмов про нереалізовані можливості. Натомість необхідно розглядати громадянське суспільство не як мету політичних устремлінь, а лише як механізм, котрий дозволяє суспільству співіснувати з державними інститутами і оберігати свої інтереси, коли держава вже не розглядає себе лише як політичний інститут і починає зловживати власною самодостатністю. Це призводить до самоусунення громадян від впливу на управління державою, соціальної їх апатії тощо. Натомість і ЗМК в цій ситуації вже не відігра-

ють роль контролюючого органу, перестають бути трибуною для постійного обміну думками, ідеями, поглядами та забезпечувати зворотній зв'язок громадян та власних інституцій.

Таким чином, становлення громадянського суспільства тісно пов'язане із становленням демократії, зміцненням правової держави, розвитком ринкової економіки і таке інше — тобто практично з усіма сферами життєдіяльності суспільства. Зацікавленість суспільства у розбудові саме такої форми самоорганізації пов'язують із змінами у соціальному мисленні, який характеризує утвердження інформаційної стадії його розвитку. В філософії такий поворот називають гуманістичним, антропологічним, бо головною метою і змістом цих змін служить людина.

У зв'язку з цим необхідне уточнення понять: „громадянське суспільство” не входить у відомий понятійний ряд політології („соціалістичне суспільство”, „демократичне суспільство”), бо цей термін означає не форму суспільного упорядкування чи певну стадію його розвитку, а зріз громадянського життя на певному витку його розвитку. Точніше, необхідно говорити про громадянські аспекти життя суспільства поряд з політичними, економічними тощо.

Однією з найбільш характерних ознак громадянського суспільства є можливість громадян безпосередньо впливати на соціальні процеси і тим самим поділяти відповідальність за все, що в ньому відбувається. Саме ця ознака має безпосереднє відношення до ЗМК. Відповідно до раціоналістичних концепцій (інформаційне суспільство, технологічний детермінізм, комп'ютерна футурологія тощо), які виникли на підґрунті теорії „постіндустріального суспільства” Д. Белла, сьогодні стимулом та джерелом соціального розвитку є засоби інформації, які у широкому сенсі сприймаються як культура. Американський дослідник А. Моль у зв'язку з цим підкреслює, що мас — медіа впливають на категорії сприйняття і на виділення вузлових моментів у процесі сприйняття. ЗМК визначають „чергу денну”, основні події та теми (*agenda setting hypothesis*). Всі інформаційні потоки, які обробляються засобами комунікації, проходячи при цьому певну фільтрацію, відбираються і певним чином представляються аудиторії, для якої це і є єдине джерело знань про навколишній світ. Читачі (слухачі, глядачі) можуть бути згодні чи не згодні з оцінками медіа, можуть дискутувати по темі повідомлення, але головне те, що тема вже поставлена, а значить і сама дискусія вже буде відбуватись у заздалегідь визначеному напрямку [6]

Таким чином, засоби масової інформації мають реальну можливість не лише оприлюднювати думки громадян з того чи іншого приводу, доводити відношення суспільства до різного роду подій до властей, але й безпосередньо впливати на ці процеси, формувати думку громадян і про самих себе, і про владу, і про їх взаємодію. І хоч оприлюднення думок чи поглядів ніби і не є засобом прямого впливу на соціальні процеси, на практиці воно відкриває широкі можливості не лише для їх формування чи корегування, а то й до маніпуляцій громадською думкою. Тим більше, що саме обговорювані в ЗМК точки зору окремих громадян та соціальних груп насправді і перетворюються у підсумку у громадську думку та позицію — силу, яка при певних політичних умовах здатна суттєво впливати на владу, соціальні та гро-

мадсько-політичні процеси. ЗМК, які володіють „капіталом публічності”, здатні не лише впливати, а й створювати тиск на всі сторони громадського життя, лобіюючи прийняття певних рішень.

Специфіка цього впливу і таких форм діяльності ЗМК полягає ще й у тому, що вони не причетні ані до розробки та прийняття законів, ані до політичних рішень, проте створюють інформаційно-ідеологічну, психологічну атмосферу у суспільстві, в умовах якої будь-яке рішення громадська думка може піддати не лише соціальної експертизі, але й сумніву аж до неприйняття. В цьому особливість мас-медіа як „четвертої влади”, яка не має легітимності перших трьох гілок влади, ніким не обирається і ні перед ким не звітує, залишаючись „дотичною” до існуючих державних інституцій і разом з тим тримаючи їх під постійним контролем та прицілом.

Говорячи про громадянське суспільство, зазначимо, що його суб’єкт може бути двох рівнів: індивідуальний та колективний. Засоби масової комунікації мають можливість взаємодіяти з суб’єктом такого суспільства відразу на двох рівнях. Наводячи приклади проведення різних громадянських акцій, розповідаючи про цілі та результати роботи різних незалежних спільнот, ЗМК можуть допомогти суспільству визначитись по відношенню до них, при потребі сформуванню позитивне (а інколи й негативне) відношення до цих проблем, захисту своїх інтересів як на рівні окремих соціальних груп, так і на рівні окремих громадян. Це надзвичайно важливий момент саме для українського суспільства, де протягом десятиліть складався стереотип людини, що відстоювала свою позицію, права як „сутяжника”, егоїста тощо.

Інший момент, пов’язаний з цим, — це зневіра у те, що громадянин здатен чогось досягти самотужки. І в цьому випадку, моделюючи ті чи інші ситуації, розповідаючи про причини невдач чи перемог, ЗМК теж здатні зламати існуючі у суспільстві кліше („моя хата скраю”) та потроху будити соціальну активність співгромадян.

Оскільки лише ЗМК мають можливість тиражувати та широко розповсюджувати інформацію, вони можуть надати відповідну допомогу різного роду громадським організаціям у розповсюдженні матеріалів про їх діяльність, а також підтримати їх начинання та ініціативи. Проте і суб’єкти громадянського суспільства теж можуть допомогти засобам масової комунікації у конфліктних ситуаціях, захищати їх інтереси як виразників громадянських настроїв та уподобань, об’єднатись з ними для партнерської співпраці. Наприклад, саме громадські організації здатні зібрати зацікавлену аудиторію для перегляду програм, що вимагають підтримки суспільства. Разом з тим через ЗМК суб’єкти громадянського суспільства можуть виступити як незалежні експерти з актуальних проблем життєдіяльності громади.

Комунікативна та інформаційна складові мають особливе значення і в тому, що вчені називають „громадянською участю” або „соціальною участю” [8]. Адже для участі у громадянській діяльності обов’язково необхідна „трибуна”, „майданчик”, тобто місце, де громадяни могли б публічно озвучити свою позицію, обмінялись думками з однодумцями, разом з ними сформуванню спільний погляд на шляхи вирішення тих чи інших проблем, донести його до інших співгромадян. Якщо говорити про невеликі спільноти, то тут досить і безпосереднього спілкування. Але коли мова

йде про цілі соціальні групи у межах регіону чи країни, то у цьому випадку кращої трибуни ніж ЗМК не знайти, тим більше, що вони можуть забезпечити оприлюднення усього спектру соціальних позицій. Завдяки залученню незалежних експертів, вони можуть не лише „примирити” полярні позиції, а й активно сприяти консолідації суспільства.

Ось чому одним з найважливіших атрибутів сучасної демократії вважають свободу слова. Вона є одним із суб’єктивних прав, вирізняючи людину серед інших істот як істоту мислячу, а з іншого боку, — саме завдяки їй здійснюється постійний соціальний контакт у сфері суспільних відносин. Тим самим наявність свобода забезпечує механізм функціонування всього громадянського суспільства.

Сьогоднішня практика існування демократичних відносин в Україні, де розбудова громадянського суспільства лише розпочалась, доводить, що ЗМК доволі часто виступають не лише як засіб комунікації, а й осередок створення нових структур. Вже чимало говорилось про роль медіахолдінгів, що почали виступати як ерзац-партії [3, с. 2], але можна вказати і на інші типи організацій. Дуже яскравим прикладом, на наш погляд, формування нових структур навколо ЗМК є випадки утворення стійких віртуальних співтовариств — *communities* — навколо Інтернет — видань. В останній час ці співтовариства почали виходити за межі віртуальних і проявляти себе в активній діяльності (акції *flash mob* з конкретних приводів, що вже відбуваються і на наших теренах).

Деякі дослідники взагалі вважають, що в момент розпаду радянської імперії та в перші роки незалежності молодих держав ЗМК взагалі взяли на себе функції громадянського суспільства. Як вважає І. М. Дзялошинський, „журналістське співтовариство узурпувало право віддзеркалювати цілі, інтереси, цінності, устремління громадян”. Узурпувало вимушено, бо не було ніяких інших механізмів чи структур, які могли б демократичним шляхом консолідувати погляди громади [4, с. 28]

Рецидиви цієї практики залишились і до сьогодні, бо коли преса від імені населення оприлюднює його інтереси, цінності чи уявлення, то вона ще доволі часто спирається на своє власне бачення цих проблем, або не маючи об’єктивної інформації про настрої у суспільстві, або, що набагато гірше, просто ігноруючи їх.

Висновки. Таким чином, участь у комунікації, інформаційному обміні стає одним з найважливіших аспектів громадянської участі у суспільному житті. Участь громадян у цьому обміні сама по собі стимулює розвиток інших форм громадянської активності. Саме з допомогою ЗМК, що дають допомогу людині оприлюднити свою позицію, громадяни можуть дізнатись, що той чи інший індивід не одинокий у притаманних йому поглядах на той чи інший предмет, явище, подію. А це в свою чергу породжує бажання обміняти думками з тими, хто поділяє ці погляди. При можливості отримати повну і аргументовану інформацію про протилежну позицію можна обговорити дискусійні моменти також з опонентами, спробувати зрозуміти позиції різних сторін та знайти „точки дотику”. Все це сприяє консолідації суспільства при наявності справжнього плюралізму в думках і поглядах, об’єднанню громадян навколо найважливіших для конкретного суспільства цілей і завдань.

Список літератури

1. Бодриар Ж. Реквием по масс — медиа // Поэтика и политика. — СПб, 1998.
2. Гриценко О. М. Мас — медиа у відкритому інформаційному суспільстві й гуманістичні цінності. — К., 2002.
3. Демченко С. В. Медіаполітична система в сучасній Україні (інтегрована комунікаційна модель). Авт... канд. політ. наук. — Дніпропетровськ, 2004.
4. Дзялошинский И. М. Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества. — М., 2001.
5. Дмитриев А. В., Латынов В. В. Массовая коммуникация: пределы политического влияния. — М., 1999.
6. Моль А. Социодинамика культуры. — М., 1973.
7. Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество. — М., 2004.
8. Сунгуров А. Общественное участие как условие формирования гражданского общества // <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/conf05/htm>
9. Фінклер Ю. Е. Мас-медіа та влада: технологія взаємин. — Л., 2003.
10. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001.
11. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. — М., 1997.
12. Шкляр В. І. Мас — медіа і виклики нового століття. — К., 2003.
13. Эко У. О прессе // Пять эссе на темы этики. — СПб., 1998.

Маркова Г. Е. Гражданское и информационное участие в общественной жизни (к определению понятий).

В статье рассматривается проблема социальной активности человека в гражданском обществе через средства массовой коммуникации. Определяются понятия „гражданского участия“ и „информационного участия“ и их наполнения в новых условиях.

Ключевые слова: гражданское общество, информационное участие, социальная активность.

Markova G. Y. Civil and informational activity in the social life (to the definition of the concept).

The problem of a person's social activity in the civil society in the context of mass communication is under study. The phenomena of "civil participation" and "informational participation" and their notions under contemporary transformations are defined.

Key words: civil society, informational participation, social activity.

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2006 г.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ (по материалам “Русского ассоциативного словаря”)

С. В. Мартинек

Когнитивный подход к изучению языковых явлений открывает новые возможности в исследовании концептуальных структур человеческого сознания. Однако большинство гипотез в этой области основываются на методе лингвистической интроспекции, требующей дополнительного подтверждения экспериментальными методами исследования. В данной работе использованы результаты ассоциативного эксперимента для подтверждения психологической релевантности существующих подходов к проблеме языковой концептуализации зрительного восприятия.
Ключевые слова: концептуализация, зрительное восприятие, ассоциативный эксперимент.

Последние годы развития лингвистической науки свидетельствуют о непрерывном возрастании интереса к проблеме связей между языком и когницией человека. Исследования в рамках когнитивной парадигмы ориентированы на поиски когнитивного аналога — соответствующей концептуальной структуры — для каждой языковой формы, что позволяет по-новому подойти к анализу многих языковых явлений. Однако в качестве едва ли не единственного исследовательского метода в рамках когнитивного направления используется лингвистическая интроспекция. Вне сомнения, это продуктивный метод исследования, позволяющий получать ценные результаты. Более того, применение любого метода на деле не свободно от осознанного или неосознанного акта интроспекции. Тем не менее, как отмечает Л. Талми, лингвистическая интроспекция, подобно любому методу научного исследования, должна соотноситься с требованием научной строгости, а результаты, полученные с ее помощью, должны коррелировать с результатами, добытыми экспериментальным путем, в частности — с применением психолингвистических методов [см.: 6, с. 5, 103 и др.].

Как представляется, методом, результаты которого соответствуют требованию психологической достоверности, является ассоциативный эксперимент (АЭ). Поскольку “отношения между лингвистической формой и функцией отражают концептуальные структуры и общие принципы когнитивной организации” [5, с. 4.], можно предположить, что ассоциативные реакции носят не случайный характер, а являются отображением гетерархических концептуальных структур человеческого сознания. Попытки классификации ассоциативных реакций предпринимались неоднократно [см. обзор классификаций в 11, с. 159 – 197], однако они не привели к сколь-нибудь заметному успеху, что дало Д. Слобину повод заметить: “Эти классификации очень остроумны, но не совсем ясно, к каким выводам они могут привести, как определяются их основы и каковы их пределы” [19, с. 141]. С нашей точки зрения, реакции, вызванные определенным стимулом, позволяют реконструировать соответствующие фрагменты концептуальной картины мира, что позволяет по-новому подойти к решению данной проблемы.

Однако дать исчерпывающую и непересекающуюся классификацию ассоциативных реакций практически невозможно. Во-первых, реакции могут быть связаны со стимулом более чем по одному основанию. Во-вторых, эти трудности обусловлены спецификой присущей человеческому мышлению "наивной" таксономии [ср. 2, с. 92 – 96]. Кроме того, поскольку многие из получаемых реакций многозначны и их сочетание со стимулом образует референциально непрозрачный [13, с. 87 – 108] минимальный контекст, их однозначная интерпретация не всегда возможна.

Предлагаемое исследование базируется на данных "Русского ассоциативного словаря" [12]. Объектом исследования являются особенности концептуализации зрительного восприятия, уже не раз привлекавшие внимание исследователей [см., в частности, 9; 7; 17]. Цель предпринимаемого исследования заключается в экспликации концептуальных структур, связанных с глаголом **видеть** в сознании современных носителей русского языка.

Так, глагол **видеть** [12 (1), с. 92] вызывает в качестве реакций ряд других глаголов, соотносительных с ним по тем или иным параметрам. В первую очередь, это глаголы зрительного восприятия, среди которых наиболее частотным является неопредельный соотносительный глагол *смотреть* 6,2%, а затем следуют *глядеть*, *созерцать* 0,6%; *зреть*, и *смотреть*, *не видеть* 0,4%; *вглядываться*, *глазеть*, *лицезреть*, *посмотреть*, *разглядывать*, *увидеть* 0,2%. Часть полученных реакций эксплицирует связь зрительного и слухового восприятия, при этом наиболее частотной реакцией является соотносительный член соответствующей семантической пропорции* *слышать* 4,7%, и *слышать* 0,2% (ср. реакция *слушать* 0,2%). Кроме того, получены реакции со значением осязательного (*ощущать* 0,4%) и воображаемого (*сниться* 0,2%) восприятия. К сфере восприятия относятся также реакции *наблюдать* 0,4%, *заметить*, *фиксировать* — по 0,2%. Причем для глагола *наблюдать* "не обязателен зрительный тип восприятия, восприятие может быть любое" [17, с. 214], а глагол *заметить* включается в тематический подкласс глаголов восприятия с акцентом на ментальном компоненте [17, с. 215], к которому, как представляется, можно отнести и глагол *фиксировать*. Появление реакции *представить* 0,2% — глагола "создания изображения" — объясняется тем, что в его актантную структуру, также как и в структуру глаголов восприятия, "входит участник Образ" [17, с. 91]. Зафиксирована также реакция *сниться* 0,2%, относимая Е. В. Падучевой к группе глаголов воображаемого восприятия, когда "Образ в сознании возникает при отсутствии участника Стимул" [17, с. 215].

Существенной является также связь данного стимула с ментальными предикатами: *знать*, *изучать* 0,4%; *думать*, *заметить*, *запомнить* 0,2%, поскольку

---

* По поводу данных глаголов Ю. Д. Апресян замечает: "Очевидно, например, что различие между *обонять* (= 'воспринимать обонянием') и *нюхать* (= 'вдыхать через нос для восприятия запаха') легче схватить и описать, если эти глаголы рассматриваются на фоне аналогично устроенных пар *видеть* (= 'воспринимать зрением') — *смотреть* (= 'направлять взгляд на что-л., чтобы увидеть') и *слышать* (= 'воспринимать слухом') — *слушать* (= 'направлять слух на что-л., чтобы услышать'): эти три пары образуют достаточно точную семантическую пропорцию" [9, с.103].

для глаголов зрительного восприятия характерен переход в класс ментальных предикатов [17, с. 44] (ср. также реакцию *осознание* 0,2%, представляющую собой отглагольный дериват). Кроме того, характерный семантический переход **видеть** > 'иметь' [17, с. 200] приводит к появлению реакции *владеть* 0,2%. Отмечена реакция, выявляющая сочетаемость данного слова с модальным глаголом *хочу* 0,4%; (ср. также *надоело* 0,2%), присущую ему, невзирая на то, что мы имеем дело с глаголом "пассивного" восприятия, квалифицируемого Е. В. Падучевой как состояние [17, с. 205], и свидетельствующую о том, что, хотя этот глагол не предполагает усилий, специально направленных на видение, то, во всяком случае, не исключает их.

Реакции *молчать* 0,2% и *немая* 0,2%, невзирая на общность отдельных семантических компонентов их значений, являются, по всей видимости, экспликацией различных концептуальных структур. В первом случае возможны как минимум две интерпретации, предполагающие у глагола **видеть** семантический сдвиг: либо не реагировать адекватно на какой-либо факт, либо скрывать увиденное. Во втором случае речь, скорее всего, идет об эмоциональной реакции на увиденное: *онеметь* можно от страха, от изумления и т. п.

Другие глагольные реакции эксплицируют знания, полученные в дискурсивной форме — при заучивании списка глаголов второго спряжения: **видеть** — *ненавидеть* 0,9%; *знать*, *обидеть* 0,2% (а также уже упоминавшиеся реакции *смотреть*, и *смотреть*; *слышать*, и *слышать*, более высокая частотность которых объясняется наличием тесных семантических связей со стимулом). Кроме того, стимул **видеть** вызвал ряд глагольных реакций (напр., *жить*, *плясать* и др. — по 0,2%), не поддающихся однозначной интерпретации в рамках минимального контекста стимул-реакция.

Следует отметить, что большинство полученных глагольных реакций соотносимо со стимулом **видеть** по виду, поскольку 19,1% реакций представляют собой глагольные формы несовершенного вида, и только часть — 1,3% — глагольные формы совершенного вида (см. примеры выше); кроме того, в качестве реакций получены двувидовые глаголы *травмировать*, *фиксировать* — по 0,2%. Глагольные реакции в форме несовершенного и совершенного вида связаны со стимулом **видеть** разнообразными семантическими отношениями. Так, глаголы "*смотреть* и *видеть* связаны как деятельность и результирующее состояние", а глагол *увидеть* входит в перфектную пару с *видеть*, поскольку "*видеть* имеет, помимо тривиального многократного значения, значение временного состояния" [17, с. 233 и 219]. Очевидно, что реакции *заметить*, *запомнить*, *посмотреть*, *представить* и другие также связаны в сознании носителей языка с **видеть** различными отношениями — причинности, результативности и т. д.

Как отмечает Е. В. Падучева, легкость перехода глаголов зрительного восприятия в тематический класс ментальных предикатов, а также "размытость границ класса восприятий... прямо следует из того, что восприятие лежит в основе любой физической и ментальной деятельности человека"; в свете лингвистических данных восприятие включает в себя два этапа: физиологический, на котором "возникает

зрительный образ предмета (ситуации), включающий форму, цвет, размер — все характеристики, которые можно наблюдать глазами” и второй этап, на котором “зрительный образ подвергается ментальной “обработке”; производится таксономическая идентификация” [17, с. 217, 219 – 220]. Более того, Е. В. Падучева считает, что компонент “создание ментального образа” не обязательный, поскольку “никакого существенного осмысления полученных зрительных ощущений может не происходить — тогда процесс закончится на первом этапе” [17, с. 221].

Иначе подходит к анализу данного явления Дж. Сёрл, который указывает, что “всякое восприятие есть восприятие *как*, и в более общем плане, всякое сознание чего-то (*consciousness of*) есть сознание *как*. ... *Сознательные восприятия поступают к нам структурированными, и эти структуры дают возможность воспринимать вещи в соответствии с определенными аспектами, но эти аспекты определяются нашим владением набором категорий, и категории, будучи нам знакомыми, создают для нас возможность в той или иной степени приспособлять свои восприятия, какими бы новыми они ни были, к уже знакомым восприятиям*” (курсив Дж. Сёрла) [18, с. 135].

Представляется, что сфера применимости первого из указанных подходов, допускающего изолированное существование чисто физиологического восприятия формы, цвета, размера без таксономической идентификации воспринимаемого объекта, в норме ограничивается этапом первичного формирования категорий (в онтогенезе). Однако в целом отмеченная связь восприятия и сознания является весьма существенным фактором для языковой концептуализации зрительного восприятия и ее связи с концептуализацией ментальной сферы.

Поскольку в актантную структуру **видеть** входит участник **Образ**, причем **Образ** может возникать в сознании и при отсутствии участника **Стимул**, “так что образ возникает в сознании независимо от стимула извне” [17, с. 200], стимул **видеть** вызывает реакции, обозначающие разного рода объекты. Однако ввиду референциальной непрозрачности минимального контекста, образуемого парой стимул-реакция, полученные реакции не всегда поддаются однозначной интерпретации. Так, морфологизированные и неморфологизированные реакции, обозначающие неживой предмет (*море* 1,3%; *окно* 1,1%; *небо, солнце, телевизор* 0,7%; *дерево, дом, лес, фигу* 0,7%; *город, зеркало, картину, лицо, реку* 0,4%; *береза, вино, даль, день, дно, доску, закат, зарю, звезду, звезды, землю, изображение, икона, картина, клюкву, книгу, корабль, корень, костер, кусок, лампу, лист, луну, огни, пейзаж, предмет, радио, радугу, силуэт, сок, старт, стол, цветок, шапку* и др. — по 0,2%) эксплицируют представления о потенциальных Объектах зрительного восприятия. Реакции *что-либо, что-то, это* — по 0,2% эксплицируют валентность Объект без конкретного заполнения соответствующей позиции (ср. также реакцию *предмет* 0,2%).

Реакции же, обозначающие живых существ, поддаются однозначной интерпретации только в том случае, если они морфологизированы: *себя* 2,2%; *его* 2,1%; *тебя* 1,5%; *человека* 0,9%; *кого-то* 0,7%; *друга, знакомого, людей* 0,7%; *девуш-*

ку, подругу 0,4%; больного, брата, врага, других, друзей, знакомых, маму, обезьяну, птицу, слона, собаку, только кого-то и др. — по 0,2%. Неморфологизированные реакции, обозначающие живых существ, могут быть экспликацией как Объекта, так и Субъекта зрительного восприятия: *девушка, девушка моя, знакомый, родственники, рыба, спортсмен* — по 0,2%. Неморфологизированная реакция *кто-то* 0,2%, которая частично конкретизирует соответствующую валентность, указывая на одушевленное существо, также является референциально непрозрачной. Следует отметить, что реакций, эксплицирующих Объект зрительного восприятия, в целом значительно больше, чем тех, которые предположительно могут быть экспликацией Субъекта, что объясняется действием принципа “цель важнее источника” (Goal-over-Source principle) [8, с. 79 – 105].

Реакции *фильм* 2,2%; *видео* 0,4%) *передачу по телевизору, премьеру* — по 0,2% эксплицируют не просто Объект зрительного восприятия, но выявляют также определенный семантический сдвиг, характерный для формы прошедшего времени глагола **видеть**. Поэтому не случайно доля аналогичных реакций для стимула, поданного в форме прошедшего времени, существенно возрастает (**видели** — *кино* 9,3%; *фильм* 4,7%; *видео* 2,3%; *кинофильм* 1,2% [12 (1), с. 92]), а для стимула в форме настоящего времени **вижу** [12 (1), с. 93] аналогичные реакции не зафиксированы. В данном случае не только форма прошедшего времени глагола, но и окончание множественного числа, предполагающее идею коллективного просмотра, выступает спецификатором фрейма, ср. долю аналогичных реакций на стимулы в форме единственного числа: **видел** — *спектакль, сцена, фильм* — по 1,1%; **видела** — *кино* 3% [12 (1), с. 91]. Данный пример является иллюстрацией высказанного М. Минским предположения о том, что любое понятие “может быть навечно всеми типами лингвистических представителей” [16, с. 281].

Выходом в исключительно важную “систему метафорических концептов и соответствующую им согласованную систему метафорических выражений” [14, с. 30] является реакция *свет* 1,9%. С одной стороны, как отмечает А. Вежбицкая, “ключом к раскрытию семантики слов *темный* и *светлый* служит понятие зрения” [10, с. 249], а с другой — зрительное восприятие тесно связано с сознанием. Связь указанных концептуальных областей служит основой для метафорической системы (подробнее об этом см. [15]), которая с легкостью выявляется в ходе АЭ: **свет** — *учение* 2%, *видеть, истины, науки, разума* 1%; **светлый** — *ум* 2%, *разум* 0,6%, *рассудок* 0,2% [12 (1), с. 572]; **темень** — *непроглядная* 7%, *голова* 4%, *не видно* 2%, *хоть выколи глаз, хоть глаза выколи* 1%; **темнота** — *непроглядная* 4%, *выбей глаз, глаз выколи, деревня, народ, не видно, непроглядно, хоть глаз выколи* 1%; **темный** — *человек* 4,1%, *непонятный, тупой* 0,4%, *мысли, неуч, неученый, ничего не видно, рассудок, ум, учение* и др. — по 0,2% [12 (1), с. 652 – 653]; **тьма** — *без глаз, непроглядная, неучей, учение, хоть глаз выколи* и др. — по 1% [12 (1), с. 672 – 673]; **знание** — *свет* 1%, **знания** — *свет* 1%; **знать** — *видеть* 0,2% [12 (1), с. 223] и бесконечного множества других. Таким образом, мы имеем дело с обширной метафорической системой бинарной структуры, которая получает вербальное выражение разнообразными способами.

Производное значение воображаемого зрительного восприятия, когда "в ситуации нет участника Стимул, так что образ возникает в сознании независимо от стимула извне" [17, с. 200], представляется тесно связанным с характерным для глагола **видеть** семантическим переходом — от восприятия к ментальному значению. Значение зрительного восприятия ментального Объекта эксплицировано целым рядом реакций: *все, мир* 4,5%; *цель* 1,3%; *красоту* 0,8%; *будущее, действительность, жизнь, разницу, себя со стороны, смысл, суть* 0,4%; *главное, добро, душу, красота, крах, любовь, необычайное, ошибки, перспективу, правда, пространство, результат, свою дорогу, хорошую жизнь* и др. — по 0,2%.

Другой важный фрагмент концептуальной картины мира, воплощенной в русском языке, эксплицируют реакции *сон* 2,4%; *сны* 0,7% (ср. реакцию *во сне* 0,2%, которая отличается по способу концептуализации). Стимул **сон** вызывает, соответственно, реакции *видеть, спать и видеть что-либо* — по 1%; ср. также реакции на стимул **сниться** — *видение**, *видеть во сне, видеться* — по 1% [12 (1), с. 612 и 603]. В толковом словаре русского языка приводятся следующие толкования: *сон* — 'наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором полностью или частично прекращается работа сознания' и др., а также 'то, что снится; сновидение'; соответственно, *сниться* — 'видеться во сне'; *сновидение* — 'образы, возникающие во время сна, то, что снится' (здесь и далее разрядка наша) [20, с. 194 и 166].

Данная особенность языковой концептуализации зрительного восприятия отнюдь не универсальна. Так, между английскими словами **see** и **dream** ассоциативная связь не обнаруживается [1]. В толковом словаре английского языка коррелятивное значение многозначного слова **dream** сформулировано следующим образом: 'a series of thoughts, images, and feelings that you experience when you are asleep', а общепринятым является выражение **have a dream**, приводимое в той же статье [3, с. 419]**. Таким образом, в русском языке сон — это, прежде всего, явление зрительного ряда, а значение английского коррелята охватывает более широкую концептуальную область.

Некоторые реакции эксплицируют не только объект восприятия / сцену, но и отношение к объекту / происходящему в той или иной форме: *прекрасное, ужас* 0,4%; *в розовом цвете, красота, не жалко, ужасное, хорошее, черт-те что* и др. — по 0,2%. Кроме того, Объект зрительного восприятия может вызывать ту или иную эмоциональную реакцию: *немая, травмировать* — по 0,2%. Как отмечает Дж. Сёрл, "в случае со зрительным опытом в целом скорее интенциональность, внутренняя по отношению к зрительному опыту, чем его чисто чувственные аспекты, является приятной или неприятной. ... Но в каждом случае источником приятного или неприятного характера оказывается нечто большее, чем чисто визуальные аспекты происходящего" [18, с. 129 – 130].

* Данная реакция не поддается однозначной интерпретации в связи с наличием омографов *вдение* и *видение*.

** Заметим, что в словаре В. В. Скита [4, с. 182.] указывается, что для раннего английского **dream** значение 'vision' не зафиксировано.

Морфологизированные реакции в форме творительного падежа *глазами* 0,8%; *своими глазами* 0,2% (ср. также *взгляд*, *взор* — по 0,2%) эксплицируют абсолютное употребление глагола **видеть**, которое Е. В. Падучева называет значением свойства: способность видеть “обусловлена наличием глаз и их нормальным функционированием”, а поскольку “участник ОРГАН связан с идеей способности, ... наличие способности — это свойство” [17, с. 228]. Однако в связи с интенциональным характером зрительного восприятия, более оправданным представляется говорить об инструментальной функции глаз в восприятии и, соответственно, о зрительном восприятии как о способности (ср. *видение**, *зрение* — по 0,2%). Реакция в форме творительного падежа *сердцем* 0,2%, обозначающая способность интуитивно чувствовать, диагностирует семантический сдвиг. Реакции *глаза* 0,9%; *глаз* 0,6% могут иметь двойное истолкование, поскольку могут обозначать как Объект, так и (если предположить, что они получены в неморфологизированной форме) Орган зрительного восприятия. Соответственно, часть реакций называет различные вспомогательные оптические приборы (*бинокль*, *очки* — по 0,2%).

Способность к зрительному восприятию может быть ограничена как субъективными факторами (реакция *слепой* 0,6% и допускающие множественную интерпретацию реакции *хорошо* 1,7%; *плохо* 0,8%), так и объективными трудностями: удаленность объекта (*далеко* 2,2%; *на горизонте* 0,2%), плохая освещенность (*сквозь ночь* 0,2%) и т. д. Поскольку “наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности” [21, с. 38], большинство реакций имплицитно подразумевает положение Наблюдателя как точку отсчета: *вокруг*, *впереди* 0,4%; *вдали*, *на горизонте* и др. 0,2%. Малочастотная реакция *издали* задает одновременно как положение Наблюдателя, так и положение Объекта; реакция *сидя на окне* 0,2% фиксирует положение Наблюдателя. Таким образом, в соответствии с принципом Цель важнее источника сохраняется та же “центробежная” тенденция, что и при экспликации Субъекта *vs.* Объекта зрительного восприятия (см. примеры выше).

Невзирая на то, что **видеть** — глагол восприятия, при нем возможны различные сирконстанты: *в окно* 0,9% (ср. референциально непрозрачную реакцию *окно* 1,1%); *в зеркало*, *в щелку*, *сквозь* — по 0,2%, которые эксплицируют представление о входе, через который к Наблюдателю “поступает” изображение. Это свойство зрительного восприятия, обозначаемого глаголом **видеть**, с нашей точки зрения, также не позволяет рассматривать его как состояние [17, с. 231]. Менее частотные реакции (*каждый день*, *мельком*, *раз*, *снова*, *тоже* — по 0,2%) демонстрируют заполнение валентностей, характеризующих различные временные аспекты зрительного восприятия, в частности его возможность употребляться в итеративном значении.

Кроме того, отмечены реакции, воссоздающие сирконстантную сочетаемость, диагностирующую семантический сдвиг в сторону ментального предиката: *насквозь* 2,1%; *себя со стороны* 0,4%; *вглубь*, *все насквозь*, *глубже*, *глубо-*

* См. выше о сложностях, связанных с интерпретацией данной реакции.

ко, *намного вперед, не дальше носа, сквозь стену, через стены* и др. — по 0,2%. Реакции *в упор* 0,4%; *в корень, пристально* 0,2%, по-видимому, опосредованы связью **видеть** со вторым членом данной семантической пары — глаголом **смотреть**.

Итак, результаты АЭ позволяют установить достоверность экспликаций, предложенных исследователями на основе лингвистической интроспекции и выявить особенности концептуальных структур, которые, как правило, остаются "за кадром", в частности, пронаблюдать влияние принципа "цель важнее источника" (Goal-over-Source principle) на ход ассоциативного реагирования. Экспериментальные данные эксплицируют важнейшие метонимически связанные значения глагола **видеть**: способность к зрительному восприятию и собственно зрительное восприятие. Кроме того, установление ассоциативных связей между единицами языка позволяет рассматривать семантические процессы системно и дает возможность объяснить взаимодействие различных концептуальных областей в процессе метафорической деривации.

Список литературы

1. Kiss G. R., Armstrong C., Milroy R., Piper J. <http://monkey.cis.rl.ac.uk/Eat/htdocs/eat.html>.
2. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What categories Reveal about the Mind*. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990.
3. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd, 2000.
4. Skeat W. W. *An Etymological Dictionary of the English Language*. — Oxford: Clarendon Press, 1991.
5. Sweetser E. *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge University Press, 1996.
6. Talmy L. Concept structuring systems // L. Talmy. *Toward a cognitive semantics*. In 2 v. — Cambridge (Mass.); London: A Bradford Book: The MIT Press, 2003. — V. 1.
7. Taylor J. R. Meaning and context. In: H. Cuyckens, Th. Berg, R. Dirven and K.-U. Panther (eds.). *Motivation in Language: Studies in Honor of Guenter Radden*. Benjamins, 2003, pp. 27 – 48.
8. Vespoor M., Dirven R., Radden G. Putting concepts together: Syntax // R. Dirven and M. Verspoor (eds.) *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. — P. 79 – 105.
9. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Апресян Ю. Д. *Избранные труды*. В 2 т. — Том I. — М.: Школа "Языки русской культуры", 1995.
10. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. — М.: Русские словари, 1997.
11. Горошко Е. И. "Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента". — Харьков: Изд. группа "РА — Каравелла", 2001.
12. Караулов Ю. Н., Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. *Русский ассоциативный словарь: В 2 т.* — М.: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2002.
13. Куайн У. О. Референция и модальность // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. — М., 1982. — С. 87 – 108.
14. Лакофф Дж., Дж. Марк. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Мартінек С. Експлікація бінарних опозицій в асоціативному експерименті // *Наукове видання „Лінгвістика”*. — №1 (4). — Луганськ: Альма-матер, 2005. — С. 12 – 20.

16. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. — М.: Мир, 1978.
17. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
18. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. — Москва: Идея-Пресс, 2002.
19. Слобин Д. Психолингвистика // Д. Слобин, Дж. Грин. Психолингвистика. — М.: Изд-во Прогресс, 1976.
20. Словарь русского языка: В 4 т. — М.: Русский язык, 1987. — Т. 3.
21. Шарден, де П. Т. Феномен человека. — М.: Главная редакция изданий для зарубежных стран изд-ва “Наука”, 1987.

Мартинек С. В. Концептуалізація зорового сприйняття (за матеріалами „Російського асоціативного словника”).

Когнітивний підхід до вивчення мови відкриває нові можливості в дослідженні концептуальних структур людської свідомості. Проте більшість припущень у цій галузі ґрунтуються на методі лінгвістичної інтроспекції, що вимагає додаткового підтвердження експериментальними методами дослідження. У цій праці використано результати асоціативного експерименту для підтвердження психологічної релевантності існуючих підходів до проблеми мовної концептуалізації зорового сприйняття.

Ключові слова: концептуалізація, зорове сприйняття, асоціативний експеримент.

Martinek S. V. Conceptualization of visual perception (based on the data of “Russian Associative Thesaurus”).

The cognitive approach to studying languages creates new opportunities for investigating conceptual structures of human consciousness. However, most of the assumptions within the field are based on the method of linguistic introspection which demands additional confirmation by the experimental methods of investigation. The method of an associative experiment is used here for the acknowledgement of psychological relevance of existing approaches to a problem language conceptualization of visual perception.

Key words: conceptualization, visual perception, associative experiment.

Стаття поступила в редакцію 26 октября 2006 г.

УДК 81“374

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

А. Я. Мартынюк

В статье рассматривается словарь как объект изучения и метод описания лексических единиц.
Ключевые слова: лексикография, словарь, лексикографируемый параметр, типология словаря.

“Язык — система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе” [12]. Слово как центральная и сложнейшая единица языка, органически воплощающая единство формы и содержания, предполагает многоаспектность описания. По словам Л. В. Щербы, “каждое мало-мальски сложное слово, в сущности, должно быть предметом научной монографии” [13, с. 285]. Сложившееся к настоящему времени многообразие лексикографических изданий позволяет отразить разные стороны словарного состава в целом и отдельных лексических единиц. Как пишет А. И. Смирницкий, “слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная узловая единица вообще языка”. Словарь — один из важнейших способов описания лексики языка. Лексико-семантический уровень русского языка содержит сотни тысяч единиц, которые находятся между собой в самых разнообразных отношениях. Один, даже самый полный словарь не в состоянии представить всю совокупность этих отношений. Русская лексикография на протяжении длительного пути своего развития стремилась к созданию системы словарей, в которой слово раскрывало бы все свои возможности и качества.

Словари русского языка систематизируют наши знания о языке и мире. Эти знания воплощаются в типе словаря, объеме словника, способе представления лексикографируемого материала, структуре и элементах словарной статьи.

С одной стороны, объектом описания в словарях являются внешне независимые друг от друга единицы, с другой — множество объектов образует систему. В этом противоречии и заключается сложность лексикографического описания: каждая лексическая единица должна раскрыть в словаре свои уникальные особенности и в то же время выступить как элемент системы. Э. Агрикола пишет о необходимости отражения в содержании словаря микро-, медио- и макроструктур в их взаимосвязи, при этом под микроструктурой понимается семантическая структура слова, под медиоструктурой — структура лексических группировок (тематических, семантических, ассоциативных полей), макроструктуры предполагают взаимосвязи единиц, составляющих “медиоструктуры” [1].

Сбор лексического материала — одна из основных задач лексикографа. Она заключается в четком выполнении избранных методов исследования и ограничении необходимой для словаря информации. На этапе отбора материала для анализа лексикограф должен определить, какие источники он будет использовать. Источниками

могут быть письменные тексты, устные высказывания носителей языка или диалекта, различного рода справочники и словари и т. п. Словник может быть ограничен кругом текстов. Критерием может стать частотность употребления слова. Ограничения накладывает тематический принцип отбора лексики.

Особое значение для читателей словаря имеют структура словарной статьи, набор ее компонентов, обеспечивающих достоверную информацию о слове, о разных видах его языкового окружения. В компонентах и структуре словарной статьи отражаются объективная сложность описываемых словарных единиц, своеобразие лексикографических жанров, совокупным объектом которых является практически открытое множество лексических единиц в их современном состоянии и исторической перспективе.

Индивидуальные и групповые отношения слова выявляются в той совокупной информации, которую представляет словарная статья, в наборе лексикографируемых параметров. “Под параметром понимается некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами — это особое словарное представление структурных черт языка” [9, с. 52]. Ю. Н. Караулов выделяет в словарях русского языка 68 лексикографируемых параметров. Например, выделяются в качестве лексикографических параметров язык(и), вход в словарь, хронологический параметр, количественный, орфографический, длина слова, морфологическое членение слова, иллюстрированный, стилистический, параметр заимствования, ассоциативный, библиографический и др. В зависимости от типа словаря меняется количество, соотношение параметров и глубина их разработки. К обязательным параметрам современного толкового словаря как основного вида лексикографических изданий относятся орфографический, акцентологический (для определенных категорий слов), грамматический (часть речи, категориальные характеристики слова как части речи и др.), стилистический, семантический, синтаксический, фразеологический, словообразовательный и ряд других. Факультативными являются этимологические, ассоциативные, паронимические, гиперонимические, тематические соответствия, лингвострановедческие, статистические, библиографические сведения. В других типах словарей набор лексикографируемых параметров может расширяться, давая возможность лексическим единицам раскрыть все свои грани. В то же время в повседневной жизни для “соблюдения литературных норм, исправления ошибок и достижения точности словоупотребления нет нужды... использовать фундаментальные словари, содержащие глубокую, подчас предельно полную, семантическую, грамматическую и стилистическую разработку слова. Подобную функцию справочного пособия частично выполняют мало- или даже однопараметровые (аспектные) словари, а также словари с минимальным числом параметров” [10, с. 52]. Количество лексикографируемых параметров и глубина их проработки определяют структуру словарной статьи.

Тип словаря в первую очередь определяется характером его источников и адресатом, в частности, возможны следующие виды отношений: 1). от текста — к словарю (например исторические словари); 2). от системы — к словарю (например, семантический словарь); 3). от коммуникативной задачи — к словарю (например, учебные

словари); 4). от лексикона человека — к словарю (например, словари лексических минимумов, ассоциативные словари) [10, с. 7]. Каждый тип словаря, имеющий свою центральную задачу, предполагает свою совокупность лексикографических решений [3, с. 44 – 46]. Задача создания типологии словарей диктуется практическими потребностями обобщения и систематизации имеющейся лексикографической продукции. В то же время проблема типологии является одной из важнейших в теории лексикографии, поскольку позволяет не только осмыслить уже осуществленное, но и прогнозировать создание новых типов словарей, определять характер лексикографических проектов, стимулировать усилия лексикографов в разных направлениях.

Полнота и характер лексикографической информации связаны с ее ориентированностью на определенного адресата. В теории прагматики словаря существует понятие “пользовательский запрос” — “указание на необходимый конкретной категории предполагаемых читателей словаря аспект рассмотрения той или иной языковой единицы, равно как и на целесообразную с точки зрения адресата глубину рассмотрения этого аспекта” [11, с. 33]. Ориентация на адресата — один из принципов современной лексикографии.

Для словарей различных типов и прежде всего для тех, которые описывают семантику слова, особое значение имеет иллюстративный материал. Он, с одной стороны, демонстрирует типичные условия функционирования лексических единиц, подтверждая их системные характеристики, с другой — дает как бы моментальный снимок реальной жизни слова, взятый из многообразия возможных ситуаций его использования. Именно поэтому Л. В. Щерба сформулировал “практическое требование к составителям словарей: не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров” [13, с. 285]. Подчеркивая значимость “оправдательных цитат” (типизированных контекстов), С. Г. Ильенко пишет: “Они как бы завершают естественный лингвистический круговорот, в котором толкование значения слова, вырастая из контекстов, вновь ими подкрепляется, возвращается “на круги своя”, копируя в определенном смысле путь индивидуального языкового сознания. Но главное не в этом. Типизированный контекст должен быть квалифицирован как жанровая составляющая словарной статьи наряду с презентацией слова-знака, его толкованием, системой стилистических и грамматических помет. Словарная статья интертекстуальна по своей сути, поскольку обусловлена в конечном счете взаимодействием множества текстов друг с другом внутри единства, целостность которого определяется презентацией слова” [7, с. 79].

Один из важнейших аспектов описания слова в словарях современного русского языка — его нормативно-стилистическая характеристика. Особенно нужны нормативно-стилистические ориентации в толковых словарях, словарях синонимов, паронимов, орфоэпических словарях, в словарях трудностей русского языка. Они проявляются и в специальных нормативно-стилистических пометах, и в образцовых текстах, служащих источником иллюстративного материала. Нормативно-стилистические характеристики — наиболее динамичные параметры слова, поэтому обращение к разным толковым словарям, а также к широкому кругу аспектных словарей позволяет характеризовать норму (орфоэпическую, грамматическую, лексическую, стилистическую) в ее динамике [10, с. 49].

Снижение общего уровня речевой культуры заставляет особенно остро осознавать роль словаря как самого важного и незаменимого пособия, формирующего навыки сознательного отношения к своей речи. Любой словарь является пособием по культуре речи. Словарь, как правило, отвечает на основные вопросы, которые ставит пользователь перед тем, как заглянуть в словарь: правильно ли я говорю, так ли употребляю слово или выражение, верен ли перевод данного слова на другой язык и т. п. Различные фрагменты языковой картины мира, все уровни языковой системы, разнообразные аспекты научного знания воплощаются в словарной форме. «Словарь — феномен культурно-исторический. Он не только отражает современную культуру, но и фиксирует её предшествующее состояние» [5, с. 14]. Словари, сосредоточивающие в относительно компактной форме лексическое богатство языка, аккумулируют историческую память народа — его носителя. Таким образом, словари выступают и в ипостаси барьера, препятствующего разрушению культурно-исторического времени, утрате духовности нации [2, с. 57]

Особое значение имеет прагматическая направленность словаря. В семантико-стилистической характеристике слова, в отборе иллюстративного материала отражается как своеобразие языковых личностей лексикографов, так и их представление о социальных, возрастных, профессиональных особенностях потребителей словаря. Состав словарного материала, структура словарной статьи, количество лексикографируемых параметров, метаязык словаря непосредственно связаны с его прагматической направленностью.

В последнее время перед лексикографией встает принципиально новая проблема: «человек и словарь», «словарь в личности и личность в словаре» [8, с. 27]. В каждом конкретном лексикографическом произведении эти проблемы описываются с большей или меньшей полнотой. Диалог «человек — словарь» выступает важной формой коммуникативной и познавательной деятельности. При этом необходимо учитывать, что у трех основных групп пользователей словарями — носители языка (прежде всего учащиеся), те, кто изучает иностранный язык, и лингвисты, исследующие язык, — в процессе диалога возникают принципиально разные задачи [10, с. 7].

Характеристика слова в различных словарях с учетом времени их создания, прагматической установки на адресата неразрывно связана с идеологией словаря, проявляющейся и в составе словника, и в характере дефиниций, и в оценочных пометах, и в иллюстративном материале. Словарь не просто описывает лексику, но обязательно отражает философию эпохи, совокупность этических представлений народа.

Ценность каждого словаря определяется способом решения в нем основной задачи — раскрыть форму и содержание слова в их исторической перспективе. Однако объем информации о слове и ценность каждого лексикографического издания возрастают в лексикографическом комплексе, слагаемом из этимологических, собственно исторических и диалектных словарей.

Слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, сегодняшнее его восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно-два десятилетия. Поэтому, стремясь отразить все особенности функционирования слова, лексикограф должен обладать способностью видеть будущего читателя словаря, должен разглядеть суще-

ственные характеристики за теми, которые проявляются при сиюминутном восприятии слова. Задача лексикографа — “смотреть на свой труд глазами будущих поколений, постоянно работать над проблемами “словарной геронтологии” [4, с. 17].

Достижениями лексикографии пользуется любая наука, а поскольку семантические определения терминов — необходимая часть ее аппарата. Каждый элемент словарной статьи является результатом большой экспериментальной работы. Любой авторитетный словарь строится на совокупности источников: предшествующих словарях, словарных картотеках, лингвистических экспериментах, электронных базах данных. Авторитет словаря служит дополнительным фактором, существенно повышающим научную достоверность и значимость исследования вне зависимости от его узкой тематики [2, с. 59]. Лексикография представляет слово в совокупности всех его свойств, поэтому словарь оказывается не только уникальным и незаменимым пособием по языку, но и важнейшим инструментом научных исследований.

Список литературы

1. Агрикола Э. Макро-, мезо- и микроструктуры как содержательная основа словаря // Вопросы языкознания. — 1984. — №2.
2. Васильев А. Д. Введение в историческую лексикологию русского языка — Красноярск, 1997.
3. Гак В. Г. О типологии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. — М., 1988.
4. Григорьев В. П. Поэт и слово. — М., 1977.
5. Дубичинский В. В. Искусство создания словарей: Конспекты по лексикографии. — Харьков, 1994.
6. Дубичинский В. В., Самойлов А. Н. Словари русского языка: Учебное пособие — Харьков, 2000.
7. Ильенко С. Г. Интертекстуальность на страницах толковых словарей советского периода в свете контекстуального принципа акад. В. В. Виноградова // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова: Тезисы докладов. — М., 1995
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
9. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981.
10. Козарев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография — М., 2004.
11. Морковкин В. В. О предпосылках системного лексикографирования // Прагматика словаря / Под ред. О. Ю. Богуславской. — М., 1993.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Рус. яз., 1984.
13. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., “Наука”, 1974.

Мартинюк Г. Я. Лексикографічне джерело як об'єкт описування культурології.

У статті розглядається словник як об'єкт вивчення і метод описування лексичних одиниць.

Ключові слова: лексикографія, словник, лексикографічний параметр, типологія словника.

Martinyuk A. Y. Lexicographical source as a description object culturological.

The article deals with the dictionary as a study object and lexical units description methods.

Key words: lexicography, dictionary, lexicographical parameter, typology of dictionaries.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2006 г.

УДК 811:37.02

ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА “ЮРОДСТВО” КАК САМОБЫТНОГО ФЕНОМЕНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Маслий

В статье представлены варианты бытования юродивого в обзоре многовековой исторической и культурной жизни России. Их многообразие парадигматически выявляет ценностную составляющую концепта и, тем самым, подтверждает значимость юродства как феноменального свойства русской культуры.

Ключевые слова: концепт, ценностная составляющая концепта, юродство, юродивый, русская культура.

Изучение концептов — актуальная область современной лингвистики. Теория и разностороннее описание концептов представлено в трудах С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева, В. В. Колесова, Ю. С. Степанова, Кубряковой Е. С., Т. В. Булыниной, А. Д. Шмелева, В. И. Карасика, Масловой В. А. и др. Предлагаемая статья находится в контексте антропологических исследований языка и представляет ценностный аспект исследования концепта “юрродство”, значимого для русской культуры, но практически оставшегося вне поля лингвистических исследований. Под концептом мы понимаем многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [4, с. 109]. Концептуальная природа феномена юродства обосновывается его ценностной составляющей, которая в современной литературе признается одним из оснований для присвоения явлению статуса концепта [4, с. 129]. Задача работы — реконструкция исторического и культурного материала, связанного с феноменом юродства; цель — доказательство важности и исключительности концепта “юрродство” в пространстве русской культуры.

Известно, что языковое пространство является частью пространства культурного. При этом язык — необходимое условие порождения и развития культуры и, одновременно, средство ее формирования и существования. Такая взаимообусловленность является предпосылкой для изучения исторического и культурного материала как генетической основы любого концепта.

М. Эпштейн, осмысляющий типологию русской культуры, утверждает, что одной из ее отличительных особенностей является апофатизм, который, в его интерпретации, предстает как “отрицательная теология и отрицательная эстетика, когда высший идеал может быть преподнесен только в отрицательной форме, как отступление от него или недостижение”. В этом контексте приобретает особую значимость юродство как таковое и то, что именно юродивый выступает “центральной фигурой русской святости”. Как отмечает философ, “грязь, косноязычие, непотребные слова, безобразное поведение и внешность” юродивого “служат “подобающим несоответствием” божественным вещам” [10].

Феномен юродства органически предопределен также национально-специфическими свойствами русской души, своеобразие которой, по мнению исследователей, проявляется в склонности к крайностям, морализаторству, эмоциональности, предельности, максимализму, пороговости, ощущению непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней [1, с. 481; 2, с. 33 – 34]. Все это обусловило, видимо, те облики святости, которые были поняты и приняты в Древней Руси. В. Н. Топоров указывает: "...на Руси святость легче и проще и уж, конечно, чаще достигалась на путях мученичества, страсотерпчества, аскезы в ее крайних формах, отшельничества, мистицизма, юродства и т. п., чем труженичества — постоянного, последовательного, целенаправленного, просвещаемого и освящаемого логосными смыслами" [7, с. 606].

Юродство — сложное, парадоксальное явление религиозной жизни Древней Руси, "сверхзаконный", не предусмотренный иноческими уставами подвиг Христианского благочестия. Заимствованные из Византии вместе с христианством разнообразные виды подвижничества, среди которых и юродство, попали на Руси на благодатную почву, о чем свидетельствуют данные энциклопедии "Христианство": "Ни одна страна не может представить такого обилия Ю. и примеров такого необыкновенного уважения к ним, как древняя Русь. В продолжение лишь 3 веков (XIV – XVI) на Руси насчитывается не менее 10 Ю. святых, тогда как в общем месяцеслове православной церкви в течение 5 веков (VI – X) не более 4 Ю. святых, принадлежащих различным странам" [9, с. 287]. А. М. Панченко, автор фундаментальной работы о русском юродстве, отмечает, что к XIV – началу XVII столетия "юрродство стало русским национальным явлением" [5, с. 73].

Церковный раскол конца XVII века способствовал некоторой ассимиляции юродства старообрядческой церковью, которая взяла на себя функцию обличения. Однако существенные изменения статуса блаженных связаны, как известно, с реформами Петра I, который "объявил всех юродивых своего времени притворно беснующимися" [5, с. 152]. Россия XVIII века знала имена только 4-х известных блаженных. XIX же век называют ренессансом русского юродства, отмеченным прежде всего потоком светской и церковной литературы, что свидетельствует о возрастающем или скорее неухающем интересе к юродивым. О них писали А. С. Пушкин, О. М. Сомов, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен, И. А. Бунин; публицисты, историки, психиатры, этнографы; не обходили вниманием административные органы, полиция, губернские управления. В свою очередь интенсивное развитие психиатрии способствовало внедрению в общественное сознание нового понятия "нормы", что со временем приводит и к появлению "ненормальных" (первое словарное употребление слова "нормальный" в значении "психически здоровый человек" относится к концу XVIII – началу XIX века [11]). В жизни общества начинает доминировать научно-позитивный тип производства истины, что становится переломным моментом в истории русского юродства. В статье "Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России" Л. Янгулова отмечает: "Борьба двух типов производства знания закончилась поражением старой системы. Чтобы новая

истина восторжествовала, старая должна замолчать, исчезнуть... практическая система (власти, знания и этики) нового времени сместила значение юродства от высшего христианского подвига к образу шутовского поведения и психической болезни" [11]. Тем не менее, Г. Федотов пишет о популярности юродства в России до начала XX века [8, с. 257]. Следующий исторический этап искоренения этой специфической формы русской святости приходится на эпоху глобального религиозного кризиса в России, связанного с революциями 20 века и приходом к власти большевиков. Не нуждается в комментариях тот факт, что идеологическая борьба со всем христианским, разрушенные храмы привели к мощной секуляризации народного сознания и постепенной утрате понимания символического языка, посредством которого происходило общение юродивого с народом. Несмотря на упоминания в течение всего XX столетия об отдельных блаженных, можно говорить о том, что этот религиозный феномен становится приметой исторического прошлого России. Вместе с тем юродство превращается из религиозного явления в явление духовной культуры, определяющее ее национальное своеобразие, чем утверждается непреходящая ценность "юродской составляющей" для русской культуры в целом. Обрисуем пунктирно этот путь.

Впервые традиционный тип блаженного был воплощен в древнерусской житийной литературе. По-видимому, он оказал значительное влияние на образ сказочного дурака, факт сравнительно позднего проникновения которого в волшебную-фантастическую сказку делает наше предположение более вероятным. Внешность сказочного героя; его "прикровенная" мудрость; парадоксальность его поведения, коренящаяся в противоположности между подлинной, т. е. магической мудростью и житейским здравым смыслом; "особенно близкая, даже родственная связь Иванушки с чудесными силами"; насмешки, издевательства, презрение и побои, переносимые им; дерзкое, непочтительное отношение к царям и вельможам; скрывание истинного лица героя — мотив "низкого героя", тайно совершающего подвиги, который сказочная логика, в отличие от житийной, никак не объясняет; эстетика низкого, царящая в сказке, — вот те ключевые моменты, которые сближают сказочного дурака и житийного юродивого. Т. о, можно говорить, что опосредованно через сказочные тексты, в частности, образ юродивого и модель юродского поведения входит в пространство современной культуры.

В русской классической литературе XIX века создаются образы блаженных, которых еще можно наблюдать в жизни (например, юродивые из "Бориса Годунова" А. Пушкина, "Детства" Л. Толстого, "Доктора Крупова" А. Герцена), или героев, неповторимость которых предопределяет мотив неявного юродства ("Шинель" Н. Гоголя, "Идиот" Ф. Достоевского). Затем образ блаженного в пространстве культуры трансформируется в своего, условно говоря, модернистского двойника, представляющего как бы новую ипостась классического юродивого. Наиболее показательной здесь становится эпоха рубежа XIX – XX столетий, когда многие авторы (А. Белый, В. Розанов, А. Ремизов, В. Хлебников, М. Волошин, Д. Хармс и др.) в бытовом поведении и, главное, в создании текста демонстрировали черты, навещающие на мысль о юродствовании. Ярким подтверждением этой тенденции является

ся сравнение поэта как такового с юродивым в статье В. Ходасевича "О Сирине", выход работ в творчестве М. Волошина и А. Ремизова. Тем самым в одном культурном пространстве сосуществуют представления о юродствующих и юродивых, наиболее яркие образы которых появляются в это время в художественном мире А. Платонова. Литературное наследие Ивана Грозного, творящего под псевдонимом Парфений Уродивый, демонстрирует, что явление литературного юродства не ново, однако в прошлом оно представляло скорее исключение из правил: "Для юродивого, пребывающего в подвиге, писательство исключено", "ибо юродство — это уход из культуры" [5, с. 76 – 77]. Юродствование как прием, воплощенный в художественной или частной жизни, наоборот пребывает в пространстве культуры. Это своего рода роль, маска, надеваемая в быту или в творчестве, постоянно или время от времени (потенциальная возможность выбора — главная черта, отличающая юродствование от юродства).

Новый всплеск активности "бытования образа" связан, безусловно, с постмодернизмом, развивающим традиции апофатической эстетики, в художественной системе которого просматриваются очевидные черты юродского поведения. Не случайно крайняя точка зрения Т. Горичевой, которая утверждает, что "постмодернистское искусство являет нам современную форму святости — юродства" [3]. При всех частностях рассматриваемым системам присущи общие черты: разрушение существующих социальных, земных иерархий; игровая деиерархизация культурного пространства, сопряженного с эстетикой безобразного; полемическая заостренность против общепринятых норм поведения; гротесковость героев; провокативность и агрессивность их поведения; пародирование и игровая амбивалентность; процесс постоянной перекодировки, переключения с одного культурного языка на другой: от низкого — к высокому, от святого — к профанному, грешному, от давно-известного — к откровению, новому, свежему взгляду на известное. Если обычная святость оставляет общество равнодушным, то агрессивный и провокационный характер юродского поведения взламывает это равнодушие. Поэтому общим для сопоставляемых систем является природа провокативного поведения, которое может быть охарактеризовано как акмеологическое, т. е. ценностно-созидающее (в противоположность конфликтологическому).

Современная культурная парадигма включает различные варианты и вариации образа юродивого, в которых утрачивается декларативное "Христа ради", уходящее в подтекст или превращающееся в: "свободы ради", "ради сохранения человека, человечности в себе в объюродившем мире". Такой модус юродства являют, например, В. Ерофеев в поэме "Москва-Петушки", Б. Евсеев в повести "Юрод", В. Пьецух в рассказе "Бич Божий" и др. Целеполагание "ради любви к человечеству, зашедшему в тупик", представленному, например, А. Тарковским в "Жертвоприношении", можно считать эвфемизмом утерянного "Христа ради". Утрата высокой цели, "юродствование ради юродствования", ради игры в творчестве постмодернистских авторов представляет, несмотря на омонимичность названия, совсем иное, "фиглярствующее", "паясничавшее" поведение и не имеет при этом религиозных аллюзий.

Современное массовое (бытовое) сознание, не просвещенное исторической и культурной памятью, акцентирует в “юродивом” в большей степени значение “сумасшедшего, безумного”, что подтверждают данные проведенного нами опроса. Второе значение, бывшее когда-то главным, отмечается не всеми респондентами, а если и упоминается, то в большинстве случаев определяется не столько знанием реалии, сколько интуицией. Подобная ситуация не случайна. Как известно, ценностная семантика является культурно обусловленной, а, по словам Ю. С. Степанова, “при реализации ценностных смыслов явно или неявно осуществляется отсылка к культурному контексту, с которым устанавливаются более или менее эксплицитные диалогические отношения” [6]. Поэтому в контексте исчезновения живого переживания юродства Христа ради лишь носители культурного сознания актуализируют в своем словоупотреблении феноменальность концепта “юродивый Христа ради” и его современную интерпретацию. Показательно, что в пространстве Интернета пребывает обширный массив текстов разного достоинства и жанровой принадлежности о юродивых и юродстве. Это может служить дополнительным свидетельством того, что из явления общенародной культуры юродство превратилось в культурный артефакт, востребованный отдельными социальными группами.

Таким образом, многовековое бытование юродивого в самом общем обзоре исторической и культурной жизни России предстает в вариантах реального исторического персонажа, персонажа житийной литературы, одного из возможных прототипов героя русских народных сказок о дураках, произведений русской классической литературы, модернистских и постмодернистских текстов, а также в феномене бытового и игрового, провокативного поведения отдельных личностей, как правило, имеющих то или иное отношение к культуре (писателей, композиторов и т. п.) или политике. Многообразие этих вариантов парадигматически выявляет ценностную составляющую концепта и, тем самым, подтверждает значимость юродства как феноменального свойства русской культуры. Изучение современной семантики слова “юродство” и особенностей его употребления в различных дискурсах — задача следующего этапа нашего исследования.

Список литературы

1. Булынина Т. В., Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение “русской души” // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.
2. Вежицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание. М., “Русские словари”, 1996.
3. Горичева Т. Цит. по: http://anthropology.ru/ru/texts/malenk/secular_13.html
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., Гнозис, 2004.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. — Л., 1984.
6. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М., Екатеринбург, 2001.
7. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси — М.: “Гнозис”, 1995.
8. Фёдоров Г. Святые Древней Руси. СПб., 1999.
9. Христианство. Энциклопедический словарь. — Т 3. Т-Я. — М., 1995.
10. Эшштейн М. Русская культура на распутье, гл. 8 Апофатизм — <http://www.emory.edu/INTELNET/cr8.html>

11. Янгулова Л. Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России. — www.ecsocman.edu.ru/db/msgmu/134062.html–38к.

Маслій О. В. Ціннісна складова концепту "юрродство" як самобутнього феномену російської культури.

У статті представлені варіанти буття юродивого в огляді багатівікового історичного і культурного життя Росії. Їхнє різноманіття парадигматично виявляє ціннісну домінанту концепту і, тим самим, підтверджує значимість юродства як феноменальної властивості російської культури.

Ключові слова: концепт, ціннісна складова концепту, юродство, юродивий, російська культура.

Masliy E. V. Value constituent the phenomenon of "yurodivity" as original characteristic of the Russian culture.

The review of both historical and cultural material connected with the phenomenon of "yurodivity" is presented in the article. The diversity of versions where "yurodivy" is shown, paradigmatically reveals the value constituent of the concept and thus confirms the significance of "yurodivity" as phenomenal characteristic of the Russian culture.

Key words: concept, value constituent of the concept, yurodivity, yurodivy, Russian culture.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2006 г.

УДК 378.147:811.161.1“243

**ОПИСАНИЕ ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ
И КУЛЬТУРЫ В БЕЛОРУССКОМ ПООЗЕРЬЕ
(XVI – середина XX века)**

С. В. Николаенко

Статья представляет собой очерк истории обучения и изучения разных языков в уникальном регионе Белоруссии - Белорусском Поозерье. Перечислены типы учебных заведений, которые существовали на территории данного региона, представлен опыт преподавания языков, названы имена ученых-лингвистов и учителей-языковедов.

Ключевые слова: братства и братские школы, иезуитские коллегии, базилианские школы, училищные дома, гимназии, методы преподавания, ученые-лингвисты, учителя-языковеды.

Белорусское Поозерье интересно исследователям и в плане его географического положения, и истории, социальной и политической жизни. Нас же интересует данный регион, прежде всего, как регион с богатейшими дидактическими традициями, опытом изучения и обучения на латинском, польском, еврейском, белорусском и русском языке и, наконец, как регион, в котором работали и преподавали в различных учебных заведениях ученые-лингвисты, чей вклад в различные области филологии уникален. В статье мы предлагаем описание существовавших от XVI до середины XX века учебных заведений на территории Поозерья, опыта преподавания в них языков, а также познакомим с выдающимися личностями учителей-языковедов.

Во второй половине XVI в. появились братства и братские школы на территории Поозерья (в г. Полоцке, Витебске, Орше), в которых впервые обучение велось на белорусском языке. Братства обычно при своих школах открывали типографии, где издавали церковные книги, учебники и учебные пособия на старославянском и белорусском языке, что способствовало при изучении таких предметов, как “свещенное писание”, церковный устав, славянский, греческий, латинский, польский язык, арифметика, риторика, диалектика.

Одними из ярких представителей этого времени является Василий Тяпинский (Васіль Цяпінскі). Василий Николаевич Амелянович-Тяпинский родился в местечке Тяпино около Лепеля. Являясь продолжателем гуманистических идей Ф. Скорины и С. Будного, он перевел на белорусский язык “Евангелие”, в “Предмове” которому он заявлял, что перевел “священнае пісьмо” на понятный народу язык с тем расчетом, чтобы его соотечественники и “их детки смыслы свои” не лишь бы как готовили, а делали “охотными и хутливыми ку можнейшим наукам в слове своем, ку статочному [здоровому] розсудку и ку умеетности” (1, 58).

Следующий этап — это создание иезуитских коллегий и базилианских школ монашеских католических орденов, возникших в Орше, Полоцке, Витебске, Ушачах, То-

лочино, Глубоком. Одним из первых такое училище возникло в Полоцке в начале 80-х годов XVI в. Базилианские учителя уделяли внимание немного больше, чем иезуиты, обучению на родном для учеников языке. В обучении языкам (а преобладающее значение всё же имел польский язык) “Статут, прадпісаны камісіяй народнай асветы для акадэміі і школ Рэчы Паспалітай” (1793 г.) предлагал такие методы обучения, которые, в первую очередь, способствовали развитию мышления учеников (например, альтернативой заучиванию предметов наизусть являлось формирование умений рассуждать; домашним заданиям предпочиталась такая организация урока, на котором учитель должен настойчиво добиваться понимания и усвоения нового материала, обязательное повторение на уроке ранее пройденного, применения наглядности в обучении и учет возрастных особенностей учеников при объяснении материала).

Объединение с Россией способствовало открытию с 1772 г. в Дриссе, Сураже, Витебске, Городке, Полоцке “вучылішчных дамоў”, преподавание в которых велось на русском языке и где изучалась грамматика русского языка. Однако учебные программы монастырских училищ были консервативными, поэтому и в самом процессе обучения языку отсутствовал творческий метод, преобладание зубрежки, частая смена учителей, которые ежегодно менялись, отсутствие стабильных учеников.

К этому периоду относится педагогическая деятельность Самуила Гавриловича Петровского-Ситниновича (уроженца г. Полоцка, известного под именем Симеон Полоцкий). Преподавая в Полоцкой братской школе (1656 г.) он ввёл изучение теории поэзии и риторики, русского и польского языков (русский язык он называл “чистой, славенской”, а польский — “приискрней” (т. е. родной) нашему славянскому языку. Свои требования он определил и для учителя языка. Они заключались в том, чтобы 1) “ученик бо истинны должен то даяти иным, от учителя что мог восприяти”; 2) “учитися и купно обучати”; 3) ...елма бо та иным ся общает, в уме учителя множенна бывает”; 4) “учитися и учити”. (1, 105 – 109). В этих советах нашли отражение составляющие методического мастерства учителя-языковеда: он должен владеть такими качествами, как умение и мастерство в обучении, в передаче знаний, которые могут помочь в дальнейшей деятельности.

В первой половине XIX столетия возникли и первые гимназии в Поозерье. К 1812 году в Александровскую гимназию реорганизовали Витебское пиарское училище, в 1834 г. открывается в Витебске семинария для подготовки учителей начальных классов (работала до 1839 г.). В Витебской Александровской гимназии в 1820 и 1823 году введены предмет “русский язык и литература”, а в 1836 году прекращено обучение на польском языке, преподавание на котором велось в первые годы существования гимназии. Для популяризации русского языка в учебном заведении стали проводиться публичные чтения лучших сочинений гимназистов, литературные беседы и чтения-соревнования (современные олимпиады) по предмету между учениками VI – VII классов (2, 7 – 11). Учителя-словесники гимназии, а среди них Фердинанд Карлович Петровский (преподавал латинский, греческий и польский языки), Павел Васильевич Шейн (преподавал русский язык), Николай Яковлевич Никифоро-

ровский, Алексей Парфёнович Сапунов (преподавал древние языки), понимали, что от них зависит, какое развитие получат заложенные в детях природные дарования и способности. Понимая это, языковеды гимназии считали, что изучение обоих языков (польского и русского) должно идти от теории к практике, от менее трудного к более трудному, к написанию сочинений и переводов. Однако преподаватели гимназии были обеспокоены низким уровнем знаний русского языка. Поэтому они последовательно искали те прогрессивные формы и методы обучения, разрабатывали такие методические рекомендации, которые развивали бы память учеников, помогали запоминать сложные языковые обороты, знакомили детей с особенностями, оттенками и тонкостями языка. И такие методы были предложены учителями гимназии. Так Ф. К. Петровский ввёл метод взаимного обучения; П. В. Шейн вместе с гимназистами собирал народный фольклор, приобщая их к умению наблюдать за живой разговорной речью; Н. Я. Никифоровский расширял кругозор учащихся через понимание значений предметов бытовой, материальной и звуковой культуры народа (то, что сейчас изучает новая наука лингвокультурология). Поэтому естественным является тот факт, что многие выпускники Витебской Александровской гимназии впоследствии стали учёными-филологами, чьи имена известны не только в Поозерье. Вот несколько из них. Каэтан Андреевич Коссович, языковед, переводчик, внёсший огромный вклад в исследование языка и литературы. Профессор санскриптологии Петербургского университета (среди его работ такие, как “Санскрито-русский словарь” (1854), “Греческо-русский словарь” (1847 – 1849), перевод на русский язык “Еврейской грамматики” (1874). Максимилиан Осипович Маркс, автор этнографического описания Витебской губернии. Александр Петрович Поцелуевский, языковед, учёный-тюрколог. Александр Адольфович Пальмбах, учёный-тюрколог, создатель тувинской филологии, автор русско-тувинского и тувинско-русского словарей.

Большое внимание уделялось совершенствованию методов преподавания русского языка как ведущего предмета обучения и в Витебской семинарии для подготовки учителей начальных классов, а затем и в начальных училищах, которые были созданы в период с 1871 – 1889 г. От учителя-языковеда требовалось при объяснении нового материала использовать наглядность, побуждать и поддерживать внимание учеников, проводить с ними собеседования и внимательно проверять все письменные работы, занимать детей самостоятельной работой. В основе обучения грамоте лежал четкий принцип: не ограничиваться в выборе методов, а следовать мысли, что каждая “метода” хорошая, если она достигает успеха. Приведём один яркий пример, подтверждающий данный принцип. До 1870 года обучение грамоте осуществлялось с помощью буквосоединительного метода, в результате чего многие ученики народных училищ не могли научиться читать на протяжении трёх лет. И лишь после 1870 г. основным методом обучения грамоте стал являться звуковой метод, параллельно с изучением букв проводилось и обучение письму. В народных училищах и школах преподавали те, кто работал в области филологической науки, изучал быт и культуру белорусского народа, его историю, собирал и издавал сказки, песни, пословицы, загадки и другие фольклорные произведения белорусского наро-

да и жителей Поозерья в частности. Работая учителем школ в Витебской губернии, Иван Иванович Носович на уроках требовал от своих учеников постоянно сопоставлять лексику, фразеологию и грамматику двух языков, давать объяснение и приводить примеры употребления белорусского наречия в народной речи.

В конце XIX начале XX столетия в Поозерье существовали церковноприходские школы, учительская гимназия, начальные училища. Важный вклад в развитие методики преподавания русского и белорусского языков внёс в это время учитель русского языка и истории Евдоким Романович Романов. Работая учителем начальной школы, Е. Р. Романов изучал историю, литературу и язык Поозерья. Свои научные исследования он начал с составления белорусского словаря и грамматики. Из-под его пера вышел «Учебник русской грамматики» (1881), специально предназначенный для белорусских детей, цель которого заключалась в том, чтобы облегчить изучение русского языка учащимися-белорусами, чтобы «скончыць з тымі каменнямі спатыкнення, якімі ўсыпан для іх шлях вывучэння рускай граматыкі» (1, 231).

Советский период характеризуется предоставленным правом получения образования на родном языке. Так, 21 марта 1919 г. СНК Белорусской (тогда Литовско-Белорусской) ССР принял постановление, в котором 5 языков (литовский, белорусский, русский, польский и еврейский) определялись общегосударственными языками как наиболее распространённые. Преподавание в школах вводилось на родном языке учащихся и изучался еще один из пяти языков по указанию органов образования. Более того, на изучение родного языка и литературы в учебном плане школ выделялось большое количество часов. Вот, например, как выглядел учебный план для школы (1, 305).

Название предметов	Класса							Всего часов
	1	2	3	4	5	6	7	
Природоведение (с биологией)	2	3	3	4	4	5	5	26
Математика	2	4	4	4	4	5	5	28
Родной язык и литература	6	5	5	4	4	4	4	32
Общественные науки и история	—	2	2	3	3	4	4	18
Искусство	3	3	3	3	3	3	3	21
Физическое воспитание	4	4	3	3	3	2	2	21
География	3	3	3	4	4	4	2	21
Физика	—	—	—	—	—	2	2	4
Не родная мова	—	—	—	3	4	4	4	15
Мовы заходнія	—	—	—	—	3	3	3	9

Как видно из плана, филологическому образованию был отведен самый большой процент. Это требовало от учителей-филологов поиска новых методических реше-

ний, создание собственных методических систем, включение методов и приемов, которые проверены временем и эффективны в новых условиях. В это время для активной познавательной деятельности школьников рекомендовалось теоретические положения базировать на фактах живого языка.

Послевоенный период методических достижений характеризуется политехнизацией школы, которая затрагивает преподавание белорусского и русского языка (к этому времени все остальные языки перестали быть государственными). Отметим наиболее важные методы и приемы, которые использовали учителя-языковеды в своей работе. Среди них 1) звуковой аналитико-синтетический метод; 2) разнообразие практических упражнений; 3) доступность грамматических правил; 4) преобладание письменных форм работы; 5) трудные правила и исторические справки опущены; 6) теоретический материал подан в объеме, необходимом для овладения навыками правильного письма и устной речи. Это, безусловно, не полный перечень достижений словесников. Однако близость языков породила и некоторые трудности в обучении правописанию, культуре речи. Поэтому в 50-х годах появляются учебники, учитывающие особенности изучения русского языка в белорусской школе, в которых предлагается необходимый материал для более глубокого усвоения фонетики, орфографии, грамматики. В итоге отмечалось качество знаний учащихся, улучшалась культура устной и письменной речи. Учителя старались воспитать любовь и заинтересованность к овладению языком, связать изучение его с жизнью, используя сравнение и сопоставление белорусского языка с русским и наоборот.

Обсуждение разработок по темам, взаимопосещение уроков с целью обмена опытом, обобщение передового опыта — все это содействовало творческому поиску учителей-словесников по совершенствованию методики преподавания языков.

В процессе изучения языков широко используются таблицы, схемы, картины, карточки, переносные доски, больше внимания уделяется дифференцированному подходу, привлекается краеведческий материал.

Таким образом, основными методическими задачами ведущих ученых и учителей-языковедов Белорусского Поозерья стали:

- 1) учет национально-культурной специфики познавательных процессов, рациональное использование привычных для учащихся видов учебной деятельности;
- 2) готовность учителя к компромиссу между дидактическими традициями двух национально-культурных общностей;
- 3) ознакомление учащихся с новыми для них формами и методическими приемами изучения языков, их комментирование и обоснование с позиций лингвистики, психологии, дидактики.

Список литературы

1. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. Рэд. калегія: С. А. Умрэйка, Г. Р. Сянькевіч, У. К. Андрэенка і інш. — Мінск, Нар. асвета, 1968. — 624 с.
2. Подлипский А. Витебская Александровская гимназия. — Витебск, 1994. — 61 с.

Николаенко С. В. Опис досвіду навчання і вивчення мов та культури в Білоруському Поозер'ї.

Стаття являє нарис історії навчання і вивчення різних мов в унікальному регіоні Білорусі – Білоруському Поозер'ї. Перелічені типи учбових закладів, які існували на території даного регіону, подан досвід викладання мов, були подані імена вчених-лінгвістів і вчителів-мовознавців.

Ключові слова: братство і братські школи, єзуїтські колегії, баземанські школи, училищні будинки, гімназії, методи викладання, вчені-лінгвісти, вчителя-мовознавці.

Nikolaenko S. V. The description of the experience of teaching and studying languages and culture in Belorussian Lake District (XVI- mid. XX centuries).

The article represents an essay on the history of teaching and studying different languages in the unique region of Belarus - Belorussian Lake District. The types of educational establishments existed on the territory of a given district are enumerated, the experience of teaching languages is introduced and teachers are given.

Key words: community and community schools, Jesuitical Board, Bazilian schools, schools-houses, methods of teaching, linguists, teachers of language.

Стаття поступила в редакцію 24 октябрю 2006 г.

УДК 008:316.7

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ

Н. Н. Овчинникова

В статье представлена попытка теоретической реконструкции содержания, структуры и типологии американской теории межкультурной коммуникации как ее базовых оснований, рассматриваемая в эмпирической перспективе как первичная стадия научно-философского анализа концептуальной базы межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: содержание, структура и типология межкультурной коммуникации; американская теория межкультурной коммуникации; теоретическая реконструкция.

Со второй половины 20 в. в гуманистике получило широкое распространение новое направление антропологических исследований, получившее название “межкультурная коммуникация”. Актуальность данного направления была обусловлена наметившимися в послевоенный период тенденциями повышения мировой социокультурной динамики и глобализации. В свете трансформационных процессов, ведущих к становлению постиндустриального общества как общества “без границ”, на передний план выдвинулись проблемы взаимодействия и сосуществования разных культур. В силу объективных исторических причин эти проблемы приобрели особое значение для Соединенных Штатов Америки, представляющих собой уникальный поликультурный регион. Этим объясняется факт возникновения межкультурной коммуникации как самостоятельной исследовательской дисциплины именно в рамках американской антропологической традиции. Эта же страна занимала и занимает ведущее место в процессе развития теории и практики межкультурной коммуникации (Э. Холл, Р. Брислин, Х. Триандис, Дж. Берри, Г. Хофстеде, У. Гудикунст, Д. Ландис, У. Лоннер, К. Кушнер, С. Тинг-Туми, Л. Самовар, Р. Портер, М. Асанте, Дж. Кондон, У. Лидз-Гурвиц, Р. Вайзман, Дж. Кестер, Ю. Ким, Т. Йошида и др.). И несмотря на то, что дисциплина быстро преодолела границы локальности по причине универсальности исследуемых проблем, американская кросс-культурная школа является признанным центром и основным разработчиком межкультурного направления в социогуманитарных науках. Поэтому, с началом активного освоения межкультурной проблематики на отечественной почве, возникает необходимость обращения к первоисточникам, реконструкции и концептуального осмысления накопленного в исходной традиции теоретического и практического опыта.

Решение данной задачи в условиях возрастающей интеграции межкультурных, межнациональных, межрасовых связей на межличностном, институциональном, межгосударственном и межцивилизационном уровнях позволит установить основные способы и формы представления межкультурной коммуникации как системного знания. Данное обстоятельство имеет большую значимость в системе выс-

шого профессионального образования и является приоритетным на современном этапе развития целого цикла гуманитарных наук, связанных с теорией и историей культуры.

Характер поставленной исследовательской проблемы предполагает рассмотрение американской теории межкультурной коммуникации с метатеоретических позиций в свете системного подхода. Первым и необходимым шагом при этом выступает ее реконструкция на эмпирическом уровне, в дальнейшем дающая возможность для проведения последующих этапов научной рефлексии над полученным первичным конструктом на этическом уровне. В статье приводятся результаты теоретической реконструкции в американской кросс-культурной традиции и намечаются перспективы выхода на качественно иные уровни осмысления проблемы.

Причина научного интереса к проблеме межкультурной коммуникации в американской антропологической традиции носит прагматический характер. Систематическое изучение процесса межкультурной коммуникации в США имеет своей исходной и конечной целью выявление условий для эффективного протекания межкультурных интеракций, создания в соответствии с этими условиями моделей и программ подготовки работников и работодателей к межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация как область знания включает в себя исследование тех элементов культуры, которые оказывают самое сильное влияние на взаимодействие между представителями разных культур (т. е. межкультурной коммуникации как феномена), а также исследование динамической стороны межкультурного взаимодействия (т. е. межкультурной коммуникации как процесса) с точки зрения их содержания, структуры и типологии. Данными категориями в американской кросс-культурной традиции определяются, соответственно, содержание, структура и типология отражающей их исследовательской дисциплины.

Реконструкция концептуальной базы межкультурной коммуникации, осуществляемая на основе репрезентативного корпуса аутентичных источников [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], позволяет выделить в содержании и структуре рассматриваемой конкретно-научной теории ряд основных направлений: 1) обоснование межкультурной коммуникации и межкультурной компетентности как важных составляющих перестройки социальных отношений в условиях глобализирующегося мирового и американского сообщества; 2) концептуализация понятия «межкультурная коммуникация» через исходные понятия культуры и коммуникации и их корреляцию; раскрытие центральных понятий процесса межкультурной коммуникации, его специфики, форм и принципов; 3) анализ основных факторов процесса межкультурной коммуникации; 4) рассмотрение отношений между языком и культурой посредством выявления кросс-культурных особенностей когнитивных и коммуникативных стилей, а также вербальных и невербальных сообщений и процессов их кодирования, декодирования, восприятия и атрибуции при непосредственном межкультурном взаимодействии; 5) объяснение процессов кросс-культурной адаптации, аккомодации, трансформации идентичности и становления межкультурной личности в межкультурном взаимодействии; 6) теоретико-прикладная разработка проблем меж- и транскультурной коммуникативной компетентности и эффективности.

Дальнейшее развертывание указанных компонентов теории позволяет выделить в содержании и структуре теории межкультурной коммуникации те основные элементы соответствующего процесса, которые в своей совокупности, взаимосвязях и кросс-культурных вариациях составляют его системную модель: предельные основания межкультурной коммуникации; потенциальные проблемы и барьеры при межкультурном взаимодействии; его культурные, социокультурные, психокультурные и контекстные факторы; процессы передачи и интерпретации сообщений; вербальные и невербальные сообщения; процесс кросс-культурной адаптации; межкультурные отношения (межличностные и межгрупповые); меж- и транскультурная коммуникативная компетенция (теоретический и прикладной аспекты); меж- и транскультурное становление (личности и общества).

Следует также отметить, что процесс межкультурной коммуникации за счет присущей ему динамической составляющей имеет, по мнению американских интеркультуралистов, более сложную структуру. Во-первых, структура процесса межкультурной коммуникации рассматривается ими с точки зрения субъектно-субъектных отношений. Во-вторых, она представлена в двух измерениях: 1) горизонтальном – как процесс коммуникации в его основных аспектах, и 2) вертикальном – как парадигма обще- и специфично-культурных составляющих (традиций, обычаев, ценностей, норм, верований, отношений и т. д.). При пересечении двух измерений специфика межкультурного взаимодействия высвечивается на всех этапах обмена сообщениями в культурно обусловленных когнитивных, языковых, коммуникативных, аффективных и поведенческих моделях, способных вызывать значительные затруднения для понимания и успешной коммуникации.

Для межкультурной коммуникации как исследовательской дисциплины в американской традиции характерна внутренняя типология по предмету исследования. Так, в зависимости от методологического подхода к изучению отношений между культурой и коммуникацией, выделяют следующие направления исследований [4, с. 17–19; 5, с. 38; 7, с. 59 – 62; 9, с. 46; 10, с. 16]: 1) *международная коммуникация*, изучающая поток коммуникаций между странами, нациями и их представителями, а также занимающаяся сопоставительным исследованием систем массовой коммуникации и взаимодействий между национальными правительствами; 2) *глобальная коммуникация*, которая изучает процесс переноса через границы информации, данных, мнений и ценностей группами, институтами и правительствами, а также вопросы, возникающие в результате такого переноса; 3) *кросс-культурная коммуникация*, которая занимается сопоставительным исследованием некоторых феноменов, идей и понятий в разных культурах; 4) *межкультурная коммуникация*, изучающая процесс непосредственного взаимодействия между представителями разных культур.

Типология межкультурной коммуникации как феномена и процесса производится в американской кросс-культурной традиции [7, с. 261; 9, с. 46 – 49] по формам в зависимости от характера субъекта межкультурного взаимодействия и включает: 1) *межличностную коммуникацию* – процесс коммуникации, включающий возможность прямого общения между двумя индивидуумами, в ходе которого они

могут адаптировать свои сообщения непосредственно друг к другу; 2) *личностно-групповую коммуникацию* – процесс коммуникации, при котором происходит взаимодействие между индивидуумом и группой, принадлежащими к разным культурам, при отсутствии и/или малой степени межличностного контакта индивидуума с каждым из членов данной группы; 3) *межгрупповую коммуникацию* – процесс коммуникации между разными группами людей. Межкультурная коммуникация в целом рассматривается в американской антропологической традиции как форма межгрупповой коммуникации, которая, вместе с тем, может осуществляться как на межличностном, так и на личностно-групповом уровнях.

В зависимости от характера групп, т. е. социокультурных общностей, составляющих человеческое социокультурное пространство, выделяют следующие типы межгрупповой коммуникации [4, с. 17 – 19; 5, с. 38; 7, с. 60 – 62; 9, с. 46 – 47]: а) *международная коммуникация* – процесс коммуникации между представителями разных наций; б) *межрасовая коммуникация* – процесс коммуникации между представителями разных рас, где раса есть группа биологически сходных людей; в) *межэтническая коммуникация* – процесс коммуникации между представителями разных этнических групп, где этническая группа есть группа людей, разделяющих общее культурное наследие и обычно базирующаяся на общности национального происхождения или языка; г) *межкультурная коммуникация* – процесс коммуникации между представителями разных культур; д) *субкультурная (со-культурная) коммуникация* – процесс коммуникации между представителями разных субкультур (со-культур). Здесь крайне важным для типологии межкультурной коммуникации, а также для ее содержания и структуры является положение о том, что “в основе всех форм межкультурной коммуникации лежат одинаковые процессы и элементы (ассоциации, перцепции, нормы, ценности, вербальные и невербальные коды и т. д.)” [9, с. 49], в силу чего “формы межкультурной коммуникации различаются не по своей сущности, а по степени проявленности переменных, влияющих на процесс коммуникации” [4, с. 18]. Поэтому в американской кросс-культурной традиции предпочтение отдается термину “межкультурная коммуникация” как наиболее общему.

Таким образом, метод реконструкции теории межкультурной коммуникации в американской антропологической традиции, реализуемый в рамках философско-культурологического анализа и с точки зрения системного подхода, дает возможность для моделирования ее содержания, структуры и типологии и открывает дорогу для их метатеоретического осмысления. Научно-философская рефлексия реконструированного теоретического объекта может далее осуществляться в терминах общей теории коммуникации, теории социального действия и теории деятельности на социально-философском, культурно-антропологическом, психологическом, лингвистическом и праксеологическом уровнях.

Список литературы

1. Bennet, M. J. (Ed.). (1998). Basic concepts of intercultural communication: A reader. Yarmouth, Maine: Intercultural Press.

2. Brislin, R. W. (1981). *Cross-cultural encounters: Face-to-face interaction*. Elmsford, NY: Pergamon Press.
3. Frederick, H. H. (1993). *Global communication and international relations*. Belmont, CA: Wadsworth.
4. Gudykunst, W. B., & Kim, Y. Y. (2003). *Communicating with strangers: An approach to intercultural communication*. 4th ed. New York, NY: McGraw-Hill.
5. Jandt, F. E. (2001). *Intercultural communication: An Introduction*. 3d ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
6. Landis, D. & Bhagat, R. S. (Eds.). (1996). *Handbook of intercultural training*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
7. Lustig, M. W., & Koester, J. (1999). *Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures*. 3d ed.
8. Orbe, M. P. (1998). *Constructing co-cultural theory: An explication of culture, power, and communication*. Thousand Oaks, CA: Sage.
9. Samovar, L. A., & Porter, R. E. (2001). *Communication between cultures*. 4th ed. Belmont, CA: Wadsworth.
10. Ting-Toomey, S. (1999). *Communicating across cultures*. New York: Guilford Press.

Овчинникова Н. М. Міжкультурна комунікація: зміст, структура, типологія.

У статті подана спроба теоретичної реконструкції змісту, структури і типології американської теорії міжкультурної комунікації як її базових основ, які розглядаються в емічній перспективі як первинна стадія науково-філософського аналізу концептуальної бази між культурної комунікації.

Ключові слова: зміст, структура і типології міжкультурної комунікації, американська теорія міжкультурної комунікації, теоретична реконструкція.

Ovchinnikova N. N. Intercultural communication: content, structure, and typology.

The article presents an attempt of theoretical reconstruction of the content, structure and typology of American intercultural communication theory as its basic foundations viewed in emic perspective at a primary stage of scientific-philosophical analysis of intercultural communication conceptual base.

Key words: content, structure and typology intercultural communication; American intercultural communication theory; theoretical reconstruction.

Стаття поступила в редакцію 25 октября 2006 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ РЕСУРСЕ “MAGNETICUM”

Е. В. Потапова

Рассматриваются вопросы создания образовательного Web-ресурса “MAGNETICUM” - электронного многоязычного (русский – украинский - английский) тезауруса на базе терминосистемы физики магнитных явлений. На основе когнитивного моделирования физических знаний разработан алгоритм описания терминов, позволяющий создавать графические интерактивные карты терминов.

Ключевые слова: электронное обучение, лингвистическая база данных, средство обучения, когнитивная машинная графика, когнитивное моделирование.

Актуальность проблемы

Современные сетевые технологии представляют обучаемым возможность изучения материала в интерактивном режиме, обеспечивают связь с любыми доступными информационными источниками. Термин «Электронное обучение» (Electronic Learning или сокращенное E-learning) интегрирует ряд терминологических понятий в сфере применения современных ИКТ (Информационных и Коммуникационных Технологий) в образовании, таких как мультимедиа, обучение на основе web-технологий, онлайн-обучение и т. п. [2]. Общей проблемой электронного обучения является создание и эффективное использование информационно-образовательной среды на основе ИКТ [1, 2]. Интегрированная обучающая среда (ИОС) объединяет интеллектуальные системы различной структуры. В общем случае в нее должны входить следующие системы: экспертная, обучающая и информационно-поисковая. [3, 4]

При проектировании ИОС отдельной предметной области первый этап в создании информационно-поисковой системы — это электронный тезаурус предметной области, который может представлять собой отдельный веб-ресурс. Тезаурусы, особенно в электронном формате, являются одним из действенных инструментов для описания отдельных предметных областей [5] и может использоваться в системах искусственного интеллекта, в том числе и в ИОС.

Информация в средствах электронного обучения, ориентированных, как правило, на самостоятельную работу обучаемых, часто сопровождается когнитивной компьютерной графикой. Когнитивно-информационная составляющая в постановке и решении новых научных и образовательных задач стала особенно актуальна еще в 90-х годах [6, 7]. Результатом визуализации моделей, данных и результатов когнитивного компьютерного моделирования являются когнитогаммы, способствующие активизации образно-интуитивных механизмов мышления [7].

Таким образом, электронный тезаурус на базе терминосистемы выбранной предметной области с расширенными когнитивными связями внутри терминосистемы словаря, где для каждого термина построена интерактивная когнитогамма, отража-

ющие его связи внутри терминосистемы, может являться каркасом образовательного Web-ресурса и служить основой для создания интегрированной обучающей среды [4].

Предметная область проектируемого веб-ресурса — физика магнитных явлений (ФМЯ), характерна тем, что в ней постоянно идет процесс возникновения новых терминов, имеющих разное языковое происхождение. В связи с этим электронный тезаурус ФМЯ должен представлять термин на нескольких языках. Обзор аналогов в русско- и украиноязычном Интернете показал, что на данный момент не найдено электронных словарей по ФМЯ.

Таким образом, представляется актуальным создание электронного многоязычного (русский — украинский — английский) тезауруса на базе терминосистемы физики магнитных явлений. Интерактивные когнитограммы терминов, отражающие связи термина внутри терминосистемы, сделают такой ресурс мощным средством обучения.

Постановка задачи

Веб-ресурс “MAGNETICUM” проектируется как электронный многоязычный (русский — украинский — английский) тезаурус на базе терминосистемы физики магнитных явлений, имеющий веб-интерфейс. Для каждого термина помимо семантических связей (синонимов, гипонимов, гиперонимов) с помощью когнитивного моделирования предметной области устанавливаются расширенные когнитивные связи внутри терминосистемы словаря. Совокупность всех связей термина визуализируется в виде интерактивной когнитивной карты термина. Приводятся ссылки на научную информацию, представленную в Интернете. Электронный словарь проектируется для работы в режиме он-лайн. Предусмотрен учет статистики не найденных запросов и создание форума, что позволит быстрее обновлять словарную базу.

Методика решения

За основу словарной базы “MAGNETICUM” была взята русско-английская словарная база Терминологического справочника “Магнетизм и магнитные материалы” под редакцией Ф. В. Лисовского и Л. И. Антонова [8].

На первом этапе работы была создана первичная словарная база украинской лексики по ФМЯ с использованием печатных словарей. В основном использовался “Русско-украинско-английский Научно-технический словарь” [9]. Из-за отсутствия специализированных в области ФМЯ украинских словарей украинский словник веб-ресурса “MAGNETICUM” на данном этапе меньше, чем русский и английский. Учет не найденных запросов на сайте “MAGNETICUM” и работа форума позволит быстрее дополнить украинскую часть словарной базы.

Электронный словарь реализован в виде базы данных MySQL с веб-интерфейсом (HTML /PHP). Схема ресурса представлена на Рис. 1.

Главная страница содержит общую информацию о словаре.

Поиск термина осуществляется тремя способами:

1) быстрый поиск — набрать искомый термин в поле для быстрого поиска и нажать кнопку “Поиск”.

2) поиск через Алфавитный указатель. Страница “Алфавитный указатель” предоставляет возможность выбора языка путем перехода на страницы с русским, украин-

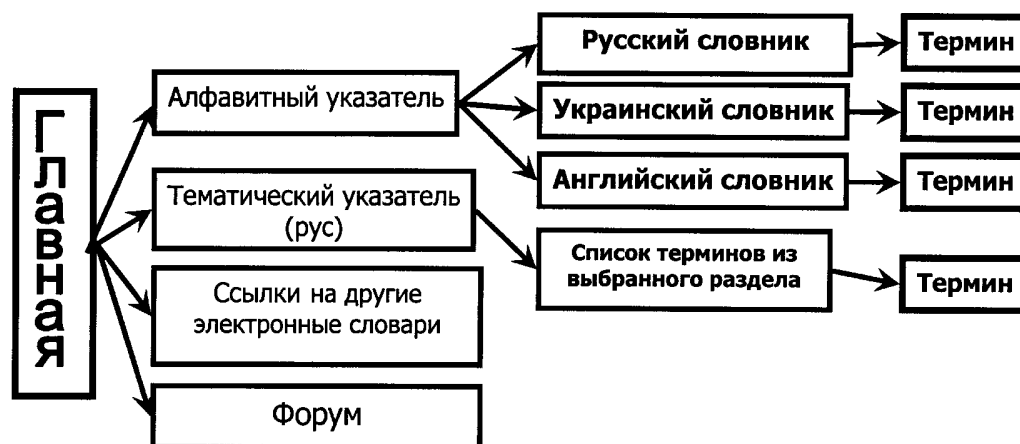

Рис 1. Схема Web-ресурса "MAGNETICUM"

ским или английским алфавитным указателем. После выбора нужной буквы отображается список терминов, начинающихся на эту букву в алфавитном порядке.

3) поиск через Тематический указатель. Страница "Тематический указатель" содержит список тематических разделов ФМЯ. После выбора нужного раздела отображается список терминов, отнесенных к этому разделу ФМЯ.

Списки терминов являются гиперссылками, при выборе мышью открывается страница с описанием выбранного термина. (Рис. 2).

Лексикографическое описание термина содержит эквиваленты концепта на русском, английском и украинском языках. Дается физическое определение термина (на русском), где приводится аналитический вид концепта (при необходимости) и содержатся гиперссылки на др. термины словаря.

Ссылки на внешние ресурсы с учебной, справочной и научной литературой, связанной с конкретным термином приводятся после определения термина. Кнопка "Карта термина" — запускает процедуру построения карты термина, которая отображается ниже.

На отдельную страницу "Ссылки на другие электронные словари" вынесены ссылки на Большую физическую энциклопедию, ряд электронных энциклопедий, включающих раздел "Физика", крупнейшие научные физические журналы.

Страница "Форум" находится в разработке. Цель создания Форума на сайте "MAGNETICUM" — обмен научной информацией по ФМЯ и уточнение терминологической лексикографической базы. Последнее особенно важно для пополнения и стандартизации украинского словаря "MAGNETICUM".

Для построения Карт терминов была разработана внутренняя классификация терминологической базы, в соответствии с которой каждый термин в базе данных описывается как объект определенного класса (Рис. 3). Подробнее алгоритм описания терминов изложен в работе [10].

В электронной словарной базе данных в отдельные поля записываются свойства термина и связи термина (запросы SQL). После того, как все термины в словарной базе были описаны подобным образом, была запущена процедура установления свя-

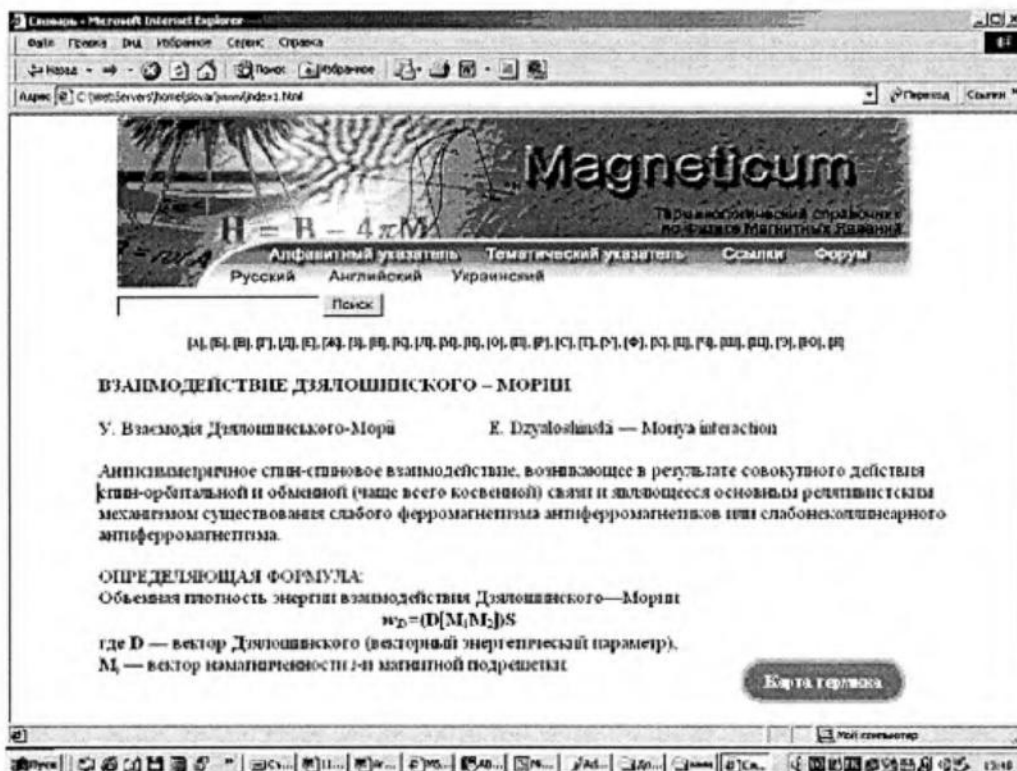

Рис. 2. Web-оболочка ресурса “MAGNETICUM”

Физическое явление	Структура	Константа
Физическая величина	Абстрактный объект	Коэффициент
Физический закон	Модель	Магнитный материал
Физический объект	Теория	Метод
		Прибор

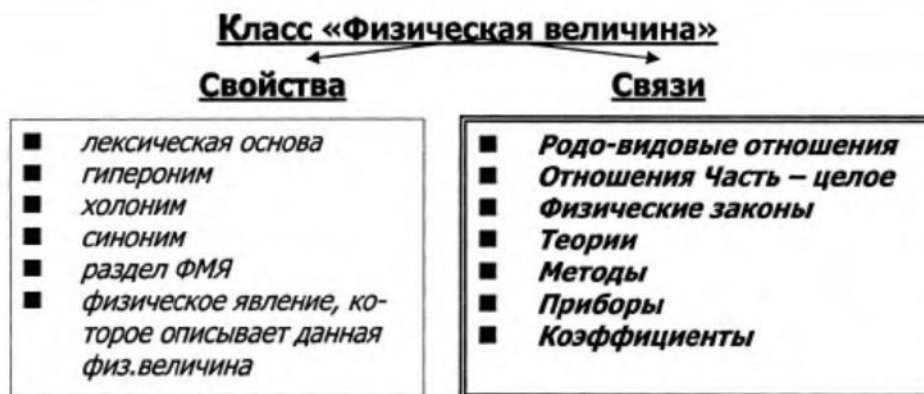

Рис. 3. Пример описания класса

зей, т. е. выполнения всех запросов SQL к базе данных. Результат для каждого термина сохранялся в базе данных. Такая предварительная установка связей необходима для уменьшения времени визуализации Карты термина. При добавлении в базу нового термина процедуру повторяют.

На странице описания термина после текстового определения расположена кнопка "Карта термина", по нажатию на которую визуализируется соответствующая Карта термина средствами Java-script.

В Карте термина изображения связей и названия терминов являются гиперссылками для перехода к описанию других терминов. Карта термина может иметь три вида: 1) когнитивная схема термина — показаны только связи термина; 2) на когни-

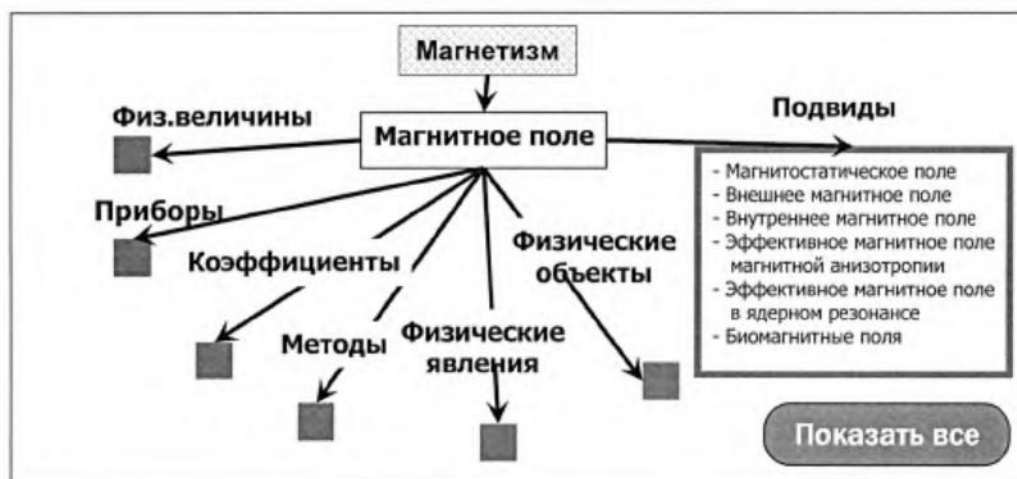

Рис. 4. Карта термина "Магнитное поле". Вид 2

Рис. 5. Карта термина "Магнитное поле". Вид 3(фрагмент)

тивной схеме “открыта” одна или несколько связей (Рис. 4); 3) отображаются все связи (Рис. 5).

Использование Карты термина позволяет осуществлять навигацию по онтологии, т. е. по дереву концептов предметной области. Вариативность графического отображения Карты термина позволяет пользователю применять разные сценарии изучения информации.

Заключение

На примере терминосистемы физики магнитных явлений разработан алгоритм описания терминов, в основу которого положена формализация когнитивных связей термина. Результат применения алгоритма — создание для каждого термина графической интерактивной карты термина (когнитограммы), содержащей все его концептуальные связи в рамках данной словарной базы. Для того чтобы сделать словарь ценным для переводчиков, в описание термина будут добавлены морфологические признаки слова.

Созданный таким образом Web-ресурс может быть положен в основу e-learning'a по выбранному предмету, а также служить универсальным справочным пособием и переводным словарем для студентов, преподавателей и научных работников.

Список литературы

1. Соловов А. В. Дидактический анализ проблематики электронного обучения // Труды Международной конференции «IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies». Казань: КГТУ, 2002. — С. 212 – 216.
2. Ширшов Е. В. Сетевые технологии в методике преподавания экономической информатики. Конференция “Информационные технологии в образовании 2001”. Публикация на сайте <http://www.ito.su/2001/ito/I/2/I-2-8.html>.
3. Новиков Д. В., Горбунов В. А. Особенности буферизации информационных потоков в интегрированной обучающей среде. Публикация на сайте Центра информатизации Вологодского государственного технического университета <http://ci.vstu.edu.ru/docum/10.htm>.
4. Дубров С. Н., Нечаев Ю. И. Интегрированная обучающая система на базе онтологии и формального концептуального анализа. XIII Всероссийская научно-методическая конференция «Телематика'2006» Санкт-Петербург, 5 – 8 июня 2006 г.
5. Нариньяни А. С. ТЕОН2: От тезауруса к онтологии и обратно // Труды международного семинара Диалог 2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». — Т.1. — Протвино, 2002: 307 – 313.
6. Палагин А. В. К проблеме проектирования системы активации научно-исследовательской деятельности / В кн. «Вопросы когнитивно-информационной поддержки постановки и решения новых научных проблем» Сб. научн. тр./ НАН Украины. Ин-т кибернетики им. В. М. Глушкова. — Киев, 1995, с. 4 – 16.
7. Аноприенко А. Я. От вычислений к пониманию: когнитивное компьютерное моделирование и опыт его практического применения на примере решения проблемы фestsкого диска // Научные труды ДонГТУ. Серия «Информатика, кибернетика и вычислительная техника» (ИКВТ-99). — Донецк: ДонГТУ. — 1999. — С. 36 – 47.
8. Терминологический справочник “Магнетизм и магнитные материалы” под редакцией Ф. В. Лисовского и Л. И. Антонова, М. “Вигриус” 1997.
9. “Русско-украинско-английский Научно-технический словарь” В. Я. Карачун, П. О. Бех, Г. Г. Гульчун и др. — издательство Техніка. — Киев, 1997. — 536 с.

10. Бержанский В. Н., Полулях С. Н., Погапова Е. В. Моделирование и визуализация когнитивных связей в терминосистеме физики магнитных явлений. // Труды международной научной конференции MegaLing'2006 Украина, Крым, Паргенит 20 – 27 сентября, журнал "Мовознавство" (в печати).

Потанова Е. В. Використання когнітивної комп'ютерної графіки в освітньому ресурсі "magneticum".

Розглядаються питання розробки освітнього Web-Ресурсу "MAGNETICUM" - електронного багатомовного (російсько-українсько-англійського) тезауруса на основі терміносистеми фізики магнітних явищ (ФМЯ). На основі когнітивного моделювання фізичних знань розроблено алгоритм опису термінів, що дозволяє створювати графічні інтерактивні карти термінів.

Ключові слова: електронне навчання, лінгвістична база даних, засіб навчання, когнітивне моделювання, когнітивна машинна графіка.

Potapova E. V. Cognitive computer graphics in the educational web-resource «magneticum».

The questions of development of the educational Web-resource «MAGNETICUM» – electronic multilingual (Russian – Ukrainian – English) thesaurus on the base of terminological system of physics of magnetic phenomena are considered. The algorithm of the description of the terms allowing creating graphic interactive maps of the terms is developed. The algorithm created on a basis of physical knowledge cognitive modeling.

Key words: Electronic Learning, linguistic database, tutorial, cognitive modeling, cognitive computer graphics.

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2006 г.

УДК 8Г25:81”373

НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОЦЕНКА СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. С. Соловей (Шепель)

Статья представляет собой исследование перевода новообразований с помощью калек разного типа, а также критериев оценки перевода в соответствии с типами политических текстов.

Ключевые слова: перевод, новообразование, калька, политический дискурс, тип текста.

Цель данной статьи — определить основные критерии оценки способов перевода новообразований в разных текстах политического дискурса.

Для этого необходимо решить ряд **задач**: 1) обобщить и систематизировать основные способы перевода новообразований в группе “калька”; 2) определить критерии оценки перевода с помощью калек разного типа; 3) установить обязательные и инвариантные для воспроизведения в переводе признаки политических заявлений и политических статей; 4) выдвинуть интегральные и дифференциальные критерии оценки способов перевода новообразований для документальных и не документальных типов политических текстов.

Изучение проблем перевода безэквивалентных единиц, к числу которых можно отнести и новообразования; нашли свое отражение в работах Зоривчак Р. П., Новиковой М. А., Влахова С., Флорина С. и др. [3; 4; 2]. Анализ данных исследований позволил разделить основные способы перевода новообразований на несколько групп: 1) калек разного типа, 2) соответствия, 3) перевод по аналогии, 4) смешанные способы перевода. Такие способы перевода новообразований, как замена, контекстуальный перевод и элиминация (пропуск) ведут к потере неологичности единицы.

Так как в данной публикации возможно осветить лишь ограниченный круг вопросов по проблемам перевода, подробно остановимся лишь на одной группе способов — группе “калька”. Калькирование, в широком смысле, означает, что переводчик, используя модели языка оригинала (ИЯ), копирует структуру иноязычной единицы средствами языка перевода (ПЯ). В зависимости от того, структуру какого уровня он копирует, возможны следующие виды калек: 1) калька фонетическая, или транскрипция; 2) калька графическая, или транслитерация; 3) калька морфологическая; 4) калька семантическая; 5) калька фразеологическая [4].

Обратимся к тому, как оценить возможности и ограничения каждого из способов перевода в группе “калька”. В качестве основы для критериев оценки способов перевода новообразований мы будем использовать общепринятые функции языка, а именно: информативную, эмотивную, экспрессивную, аксиологическую, апеллятивную, фатическую, или контактоустанавливающую, волюнтаривную, метасемиотическую, креативную, магическую (заклинательную) и эстетическую (поэтическую) функции [1; 6; 7]. Критерии основаны на сохранении (полном или частичном) либо

полной утрате вышеупомянутых функций при переводе. Кроме того, некоторые функции могут иметь критерий “возможность ложных реакций” (ложное понимание оригинала, ложная ориентация читателя и т. д.).

Так, информативная функция позволяет выдвинуть такие критерии как “сохранение информативности”, “утрата информативности”, “ложная информативность”. Сохранение данной функции предполагает, что переводимая единица коммуникации (лексема, фразеологизм, текст) будет понятна для адресата перевода. Соответственно, ее утрата повлечет за собой непонятность единицы перевода для читателя или слушателя. Информативность может вызвать ложную реакцию, если в процессе восприятия перевода возникают неверные ассоциации на основе звучания или написания.

Рассмотрим далее только те критерии, которые могут вызвать трудности при оценке способов переводов. Например, ложная эмотивность возникает либо при полной непонятности сообщения, либо при ложных ассоциациях. Таким образом, единица перевода вызывает не те эмоции, которые подразумевал автор оригинала. Чаще всего такими эмоциями могут быть смех или недоумение в связи с непонятностью формы или содержания. Аналогичный процесс происходит и с ложной оценочностью, когда непонятность или ошибочное понимание информации провоцируют возникновение ошибочных оценок той или иной единицы перевода.

Следует отдельно оговорить специфику некоторых функций при переводе новообразований. Во-первых, рассмотрим экспрессивную, апеллятивную и креативную функции. Перевод новообразований всегда подразумевает экспрессивность, креативность и привлекает внимание адресата, в силу необычности, нестандартности переводимых единиц. Что касается волюнтаривной функции, то применительно к ней не может быть единых стандартов при выделении критериев перевода. Это связано с тем, что побуждение адресата к действию может варьироваться от внушения в скрытой форме до прямого приказа. При этом внушение в большей степени основано на эмотивной функции, чем на информативной, а приказ требует четкого понимания, т. е. сохранения информативности. Поэтому мы предлагаем различать в рамках волюнтаривной функции признаки волюнтаривности и директивности. Волюнтаривность больше отвечает за внушение и эмоции, а директивность — за приказы, распоряжения и запреты. Таким образом, сохранение / утрата волюнтаривности будет связана с сохранением / утратой эмотивности, а сохранение / утрата директивности с соответствующими критериями на уровне информативности.

Кроме языковых критериев при оценке перевода необходимо применять собственно переводческие критерии, которые выделяются в рамках тех же общеязыковых функций: 1) сохранение / утрата национального и/или исторического колорита оригинала при переводе*; 2) развитие (обогащение) языка перевода / отсутствие развития (обогащения) языка перевода; 3) засорение / незасорение языка перевода; 4) необходимость переводческой изобретательности / отсутствие переводческой изобретательности. В связи со спецификой нашего материала переводчик неологии фактически всегда обогащает язык перевода. А засорение языка может происходить только в

* Далее в тексте – сохранение/ утрата колорита.

случаях неадекватного перевода. В дополнение ко всему сказанному, перевод неологии обязательно будет креативным (в большей или меньшей степени), что потребует переводческой изобретательности.

Рассмотрим, как связаны все вышеперечисленные критерии с политическим дискурсом и типами политических текстов. Корреляция политического дискурса с общеязыковыми функциями была представлена Шейгал Е. И., которая отметила, что наиболее актуальными для политического дискурса являются регулятивная (волюнтаристическая/ директивная), референтная (информативная), креативная и магическая функции языка [6, с. 33 – 42]. Принимая эту точку зрения, нам, тем не менее, необходим более развернутый анализ языковых функций и критериев оценки перевода, чтобы проследить, какие критерии являются доминантными при оценке переводов *разных* политических текстов. Для этого следует учитывать специфику понятия “политический”.

Понятие “политический” включает в себя определение предметов, явлений или процессов действительности, которые отвечают признакам соотнесенности с обществом, публичности, директивности, конфликтности и мифологичности [5]. Поскольку для политического дискурса ядерными и облигаторными признаками являются “соотнесенность с обществом” и “публичность”, то для перевода любых элементов политического дискурса эти же признаки являются главными критериями отбора. Следовательно, любой вариант перевода должен рассчитывать на употребление в широкой аудитории и на публичное, а не приватное или индивидуальное употребление. Если по каким-то общеязыковым или переводческим критериям нарушаются эти параметры, то такие варианты нельзя считать приемлемыми для политического дискурса. Кроме того, все типы политических текстов, имеющие отчетливую адресацию, сохраняют фатическую функцию. Из этого следует, что необходим учет облигаторных признаков каждого конкретного типа политического текста.

Проанализируем, как реализуется данное положение, на примере документальных и недокументальных типов политических текстов. Для этого были рассмотрены тексты двух типов: политические заявления и политические статьи. Документ определяется как письменный текст, обладающий фактичностью, официальностью, объективностью, нормативностью и эксплицитностью [5]. Поскольку политическое заявление — это документ, то ему присущи все вышеперечисленные признаки. Однако следует оговорить, как признаки документа соотносятся с функциями языка. То, что исследователи документа называют фактичностью, с точки зрения языковых функций может быть представлена как информативность. Нормативность — в языковедческих терминах обозначает стереотипность средств выражения. Итак, облигаторными критериями перевода политических заявлений будет сохранение информативности, колорита, а также директивность. Последний критерий связан с нормативностью и эксплицитностью политического заявления. Допустимой является утрата следующих признаков: эмотивности, экспрессивности, волюнтаристичности, утрата метасемиотической и магической функций. Нерелевантным признаком для оценки перевода политического заявления является эстетическое воздействие. Это связано со стереотипностью политического заявления.

Перейдем к облигаторным признакам политической статьи. Помимо отнесения текстов политических статей к политическому дискурсу, они могут считаться частью публицистического дискурса, или дискурса масс-медиа. Как отмечал Гальперин И. Р., текстам публицистического стиля присуща функция “промывки мозгов” (*brain-washing function*), которая означает воздействие на точку зрения адресата, используя преимущественно не логическую аргументацию, а эмоциональное внушение [7, р. 287]. Эта функция соотносится со следующими признаками: апеллятивностью, волюнтаристичностью, эмотивностью, экспрессивностью и оценочностью. Но политическая статья в равной мере служит цели информирования общества о политических событиях, поэтому информативность также является облигаторной. В тексте перевода политической статьи все эти признаки подлежат обязательному сохранению. Собственно переводческим критерием, облигаторным для воспроизведения в переводе, будет полное или частичное сохранение колорита.

Следует отметить, что не очень высокая степень ответственности и официальности в текстах политических статей ведут к тому, что при переводе могут допускаться ложные информативность, эмоциональность и оценочность. Это указывает на снижение качества перевода, но в целом такой перевод возможен. В дополнение к сказанному фатичность чаще всего может осуществляться графическими средствами при публикации статей (использование шрифтов, выделение цветом и т. д.). При переводе политических статей допускаются утрата директивности, а также метасемиотической и магической функций. К нерелевантным для перевода текстов политических статей относится критерий сохранения / утраты эстетического воздействия.

Сравнив критерии, применяемые для оценки переводов политических заявлений и политических статей, мы пришли к выводу, что на уровне обязательных критериев перевода полностью совпадает сохранение информативности, а критерий сохранения колорита совпадает только тогда, когда речь идет о его полном сохранении. Эти критерии будут интегральными при оценке возможностей и ограничений перевода этих типов текста. На уровне допустимых критериев совпадают утрата метасемиотической и магической функций, и нерелевантно для оценки перевода данных текстов сохранение / утрата эстетического воздействия.

Рассмотрим на примере, как можно оценить перевод новообразования в определенных типах политических текстов. В качестве единицы перевода возьмем новообразование *de-Baathification*. Оно может функционировать в текстах политического заявления и политической статьи. Это слово происходит от названия Партии арабского социалистического возрождения — *The Arab Socialist Baath Party* (*Baath* — *возрождение*), которую сокращенно называют партией Баас. Эта партия возникла на Ближнем Востоке в конце 40-х гг. и до настоящего времени действует в Сирии, Йемене, Ливане, Палестине и других арабских странах. Анализируемое новообразование обозначает процесс отстранения от власти в Ираке сторонников партии Баас [8]. Предложим возможные способы перевода *de-Baathification* с применением всех видов калек. Затем проанализируем все варианты переводов и представим результаты анализа в виде таблицы. По вертикали

обозначим признаки, по горизонтали отметим разные типы калек. Для тех случаев, когда признак сохраняется, ставим знак “+”. Если признак утрачивается, будем применять знак “-”. В случае ложной реакции будет использоваться знак “+/-”.

№	Признаки	Способы перевода в группе “калька”				
		Фонетич. (транскрипция)	Графическая (транслитеризация)	Морфологич.	Семантич.	Фразеологич.
		би- Баасификейшн	де- Баасификацион	де- Баасификация	вырождение- возрождения	“избавление от “Возрождения”
1	информативность	—	—	+	+/-	+/-
2	эмоциональность	+/-	+/-	+	+/-	+/-
3	экспрессивность	+	+	+	+	+
4	оценочность	—	—	+	+/-	+/-
5	волюнтаривность (директивность)	+/- (-)	+/- (-)	+	+ (-)	+ (-)
6	апеллятивность	+	+	+	+	+
7	фатичность	—	—	+	+	+
8	метасемиотич- ность	+	+	+	+	+
9	креативность	—	—	+ (частично)	+	+
10	магичность	—	—	—	—	—
11	эстетическое воздействие	—	—	—	+	+
12	сохранение колорита	+	+	+	+	+
		(частично)	(частично)		(частично)	(частично)
13	развитие языка перевода	—	—	+	+	+
14	засорение языка перевода	—	—	—	—	—
15	переводческая изобретательность	—	—	+	+	+
				(частично)		
	Тип текста			П. заявление/ п. статья	П. статья	П. статья

Данные таблицы показали, что способом перевода, применимым как к политическим заявлениям, так и к политическим статьям, является морфологическая калька. Семантическая и фразеологическая калька относятся к допустимым вариантам перевода новообразований для политической статьи, хотя такой перевод будет связан с частичной утратой информативности и колорита (национального и/или исторического) при сохранении эмоционально-экспрессивной и аксиологической окраске единицы.

Подводя итоги всему вышесказанному, обобщим выводы по статье. Общеязыковые функции служат для выдвижения критериев оценки перевода новообразова-

ний, которые уточняются: во-первых, облигаторными признаками политического дискурса, а во-вторых, облигаторными признаками типов текста, подвергающихся процессу перевода. Облигаторные и инвариантные для воспроизведения в переводе признаки политических заявлений: сохранение информативности и директивности, полное сохранение национального и/или исторического колорита оригинала. Облигаторные и инвариантные для воспроизведения в переводе признаки политических статей: сохранение информативности, апеллятивности, волонтерности, эмотивности, экспрессивности, оценочности, полное или частичное сохранение колорита. Для документальных и недокументальных типов политических текстов перевод с помощью морфологической кальки будет интегральным способом перевода в группе “калька”. Дифференциальными способами перевода оказались семантическая и фразеологическая кальки.

В перспективе исследования планируется применение данных критериев оценки перевода новообразований к способам перевода по аналогии и смешанным типам перевода, а также определение значения критериев оценки в периферийных и маргинальных типах политических текстов.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. 2-е изд., перераб.—Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1981.—294 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М: Изд-во “Международные отношения”, 1980. — 342 с.
3. Зорівчак Р. П. Реалія і переклад. — Львів: ЛДУ, 1989. — 212 с.
4. Новикова М. А. Политическая неология в переводе: материалы спецсеминара. — Симферополь, 2006. — Электронная версия.
5. Соловей А. С. Политический документ и другие типы текстов в политическом дискурсе: к проблеме перевода // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филология”. Том 19(58) №2. — Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2006. — С. 247 – 251.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: ИТДГК “Гнозис”. — 326 с.
7. Galperin I. R. Stylistics. — Moskow: Higher School, 1977. — 336 p.
8. Baath Party — Wikipedia, the free encyclopedia// [http: en. wikipedia. org/wiki/Baath Party](http://en.wikipedia.org/wiki/Baath_Party).

Соловей (Шепель) А. С. Новотвори у політичному дискурсі: оцінювання способів перекладу (методичний аспект).

Стаття є дослідженням перекладу новотворів за допомогою різних типів кальки, а також критеріїв оцінки перекладу з урахуванням типу політичного тексту.

Ключові слова: переклад, новотвір, калька, політичний дискурс, тип тексту.

Solovey (Shepel) A. S. Neologisms in Political Discourse: Ways of Translation Evaluation (the Methodical Aspect).

The article is an investigation of neologism translation by means of the loans and criteria of translation evaluation in accordance with the political text types.

Key words: translation, neologism, loan, political discourse, text type.

Статья поступила в редакцию 23 ноября 2006 г.

УДК 81'22:801.661:811.161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СИМВОЛОВ В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

Н. Н. Сыромля

В статье рассматривается лингвокультурологический подход к изучению символики стихии воды в лирике А. Блока.

Ключевые слова: лингвокультурология, А. Блок, символ “Вода”.

Лингвокультурологический подход к изучению русского языка в учебных заведениях является проявлением антропоцентрической парадигмы, в рамках которой язык рассматривается как “память народа”, вслед за Ф. И. Буслаевым, А. А. Потебней, И. И. Срезневским. Традиция преподавания русского языка в тесной связи с историей и культурой народа [5, с. 96], основными хранителями которой являются символы, продолжается многими современными учеными.

Особое внимание изучению символа как одному из способов хранения, передачи информации уделяется в работах Н. Д. Арутюновой, В. В. Колесова, А. Ф. Лосева, М. Ю. Лотмана, В. А. Масловой, М. А. Новиковой, Ю. С. Степанова и других ученых.

Исследованию символики стихий-первозлементов бытия посвящены многие работы последних лет: Н. В. Слухай (на примере творчества Т. Шевченко), О. А. Самусенко (на материале русских телевизионных текстов), О. А. Петриченко (в художественной речи Н. С. Гумилева и В. Хлебникова), Н. А. Афанасьевой (в языковой модели мира М. Цветаевой) и другие.

Целью нашего исследования является анализ языковых средств выражения символических значений стихии воды в лирике А. Блока периода расцвета символизма 1890-х – 1910-х годов.

Значения символа “Вода” в поэтической речи А. Блока обусловлены взаимодействием одноименного концепта с мифологемами славянского происхождения *Гамаюн*, *русалка* и греческого — *наяды*.

Мифологема *Гамаюн* вынесена в сильную позицию заглавия стихотворения, в авторской интерпретации “птица вещая” “вещает и поет” “На глядах бесконечных вод, Закатом в пурпур облеченных” [1, т.1, с. 19]. В славянской мифологии *Гамаюн* — посланник богов, их глашатай, “провещающий будущее тем, кто умеет слышать тайное” [3, с. 58].

“Бесконечные воды” соотносятся в данном контексте с предвещаемыми бедами и опасностями. Птица-пророчица в строфах поэта теряет традиционную амбивалентность и имеет явно мелиоративную окраску, в чем выражается авторское переосмысление мифологеми. Таким образом, символ “Вода” реализует значение **хранитель информации.**

Авторская интерпретация мифологемы *русалка* отличается пейоративной окраской, эксплицируется значение **опасности для человеческой жизни, несчастья**: “Прибежал я поведать жене молодой, Чтобы мужа она хоронила, Что его-де русалка порою ночной Приласкала и в воду сманила” [1, т.1, с. 418].

В приведенной строфе также восстанавливается архетип мужской — женский, в котором ярко проявляется амбивалентность женского начала, выраженная в его противоположных ипостасях русалки-разлучницы и женщины-жертвы.

В строках: “Внизу клокочут водопады, Точа гранит и корни древ; И на камнях поют наяды Бесполой гимн безмужних дев” [1, т.3, с. 75] мифологема *наяды* соотносит воду с поэзией и песней. Традиционно наяды покровительствовали заключению брака, умели лечить, вещать, плеск воды отождествлялся с их голосами [7, с. 147]. У А. Блока контекст, окружающий эту мифологему, описывает состояние **отсутствия любви**: “И в этом гуле вод холодных, В постылом крике воронья, Под рыбьим взглядом дев бесплодных Тихонько тлеет жизнь моя!” [1, т. 3, с. 75], что на языковом уровне эксплицировано двойным употреблением в пределах строки приставки без- / бес-, которая образует прилагательные и существительные со значением “не имеющий чего-либо” [6, с. 45].

Таким образом, мифологема *наяды* в результате авторской трактовки не связана с любовью между мужским и женским началом, подобное переосмысление способствует соответствующему наполнению символики “вод холодных”: двойственная мистико-эротическая природа женских образов обуславливает семантическое наполнение символа “Вода” **парадоксальными свойствами** (тишина и шумность). Перечисленная семантика способствует экспликации значения **амбивалентности** стихии воды.

В ближайшем окружении концепта “вода” выявлены следующие архетипы: 1) **огонь — влага**: “И семафор на дальнем берегу, В нем отразивший свой огонь зеленый — Как раз на самой розовой воде” [1, т. 2, с. 299]. Анализируя “переливы волн и пламени” в лирике А. Блока, исследователи отмечают раннюю соотнесенность этих мотивов с предчувствиями смерти: “Вот она — в налетевшей волне Распылалась последнею мезью, ... Догорающий факел закинь в безмятежные синие воды” [1, т. 1, с. 251]; 2) **сухой — мокрый** (экспликация семы): “Только бы посуше... Очень неприятно по воде ступать” [1, т. 2, с. 324]; а также: **близкий — далекий, верх — низ, светлый — темный**.

Ядро концепта “вода” эксплицировано прямыми значениями: 1) “прозрачная бесцветная жидкость... соединение водорода с кислородом” [2, с. 139]: “И длинное растянутое тело, С которого ручьем лилась вода, Втащили на берег и положили” [1, т. 2, с. 297 – 298; а также: сс. 115, 146, 249, 297, 324]; 2) “водное пространство, моря, реки, их поверхность и уровень” [2, с. 139]: “В ту ночь был белый ледоход, Разлив осенних вод” [1, т. 2, с. 130].

Ассоциативное поле объективировано адъективами со следующей семантикой: **цвет** — *розовая, зеленая, синие, синяя, черная*; **чувства и эмоции** — *безмятежные, злая*; **звук** — *тихая*; **неподвижность / грязная вода** — *ржавая, стоячая*; **температура** — *холодная*; **синестезия** — *пьяно-алая*;

время года — *осенние, весенние*; **свет** — *прозрачная*; **отсутствие предела** — *бесконечные*.

В поэтической речи А. Блока “стоячая”, “ржавая” вода — воплощение диаволического (лунного) мира “теней и демонов”, “нежити” и “немочи” вод, которые обитают в ее глубинах; напротив, ассоциативная связь с рекой, ключом символизирует реку времени, “текущую вечность” [8, с. 676].

Образные значения концепта “вода” эксплицированы переносными значениями лексемы и ее дериватов, глагольными и номинативными сочетаниями, синтаксическими конструкциями.

Производные лексемы эксплицируют символику стихии воды как **локуса мифологических сущностей** — “Пусть хранит от подводных чудовищ Электричество — наша звезда” [1, т.2, с. 55], **украшения женской одежды** — “И вот — ее глаза и плечи, и черных перьев водопад” [1, т.2, с. 137].

Лексема “вода” участвует в образовании имени для **небес как локуса Бога** — “А вверху, в водоеме твоём, Тихий господи, И не счесть светлых рос, Не заплесть желтых кос Тучки утренней” [1, т.3, с. 166]. По А. Ханзен-Леве, в мифопоэтике символизма вода земных глубин визуально и стихийно соединяет глаза земли — озера и водные поверхности — с небом и светилами [8, с. 661].

Номинативные сочетания лексемы “вода” актуализируют семантику по следующим грамматическим моделям:

1) $N_{N1}N_{N2}$ — **аниматичность/сопереживание природы**: “Им нужны человеческие вздохи, Мне нужны вздохи сосен и воды” [1, т. 2, с. 300]; **локус мифомира низших сущностей славянской демонологии**: “И сидим, мы, дурачки, — Нежить, немочь вод” [1, т. 2, с. 10]. Нежить — собирательное имя всякой темной потусторонней силы, приносящей вред человеку, всех недобрых духов и божеств [3, с. 205], следовательно, стихия воды в данном контексте имеет отрицательную коннотацию; **спящее существо** как метафора грязной, “мертвой”, воды: “Зачумленный сон воды, Ржавчина волны...” [1, т. 2, с. 10];

2) $N_{N6}N_{N2}$ — **информационное поле для предвестника бедствий**: “На глациях бесконечных вод, Закатом в пурпур облеченных, Она вещает и поет, не в силах крыл поднять смятенных” [1, т. 1, с. 19]; **звучащая стихия**: “И в этом гуле вод холодных, В постылом крике воронья...” [1, т. 3, с. 75] — “гул”, доносящийся их глубин земной воды, повторяет “довербальное гудение, присущее музыке сфер” [8, с. 663].

Как показывает анализ, наиболее активной является модель $N_{N1}N_{N2}$ (3 значения, 3 экспликации).

Глагольная парадигма образа представлена глаголами активного действия, при которых лексема “вода” выступает в роли:

1) агенса, реализуя значения: **возлюбленная** — “Как обнимала, целовала... вода” [1, т. 2, с. 114], **люди** — “В пустом переулке весенние воды Бегут, бормочут...” [1, т. 2, с. 146], **спящее существо** — “Ты помнишь? В нашей бухте сонной спала зеленая вода” [1, т. 3, с. 136], “В этих впадинах тихая дремлет вода” [1, т. 2, с. 18], а также: **цвет, рефлектор эмоционального состояния, источник звука и музыки, поющее существо**;

2) пациенса, эксплицируя значения: **локус метаморфозы** — “И я не знал, когда и где Явился и исчез — Как опрокинулся в воде Лазурный сон небес” [1, т. 1, с. 209], **эмоции, чувства, переживания** — “Я с мятежными думами Да с душою хмельной Полон вешними шумами, Залит синей водой” [1, т. 2, с. 330].

Результаты анализа свидетельствуют о преобладании позиции агенса, что характеризует стихию воды в поэзии А. Блока как активную, подвижную сущность.

В поэтической речи А. Блока выявлены сравнения, в которых слово “вода” в позиции субъекта сопоставления переосмысливается согласно артефактуальному коду: “Мы подошли — и воды синие, Как две расплеснутых стены” [1, т. 2, с. 94], антропоморфному (олицетворенное женское начало): “Как над тою дальней прорубью Тихий пар струит вода, Так своєю тихой поступью Ты свела меня сюда” [1, т. 2, с. 249]; в позиции объекта сопоставления образ “воды” реализует мотив единения стихий (взаимодействие воды и воздуха): “В бинокле, вскинута высоко, Лишь воздух — ясный, как вода” [1, т. 3, с. 33].

Процесс экспликации образных значений символа “Вода” в поэтической речи А. Блока включает в себя и использование прямых номинативных значений лексемы в контексте, прочитываемом, в целом, в образных интерпретациях. В этой связи В. М. Жирмунский отмечал, что А. Блок строит свои произведения “как бы на самой границе соприкосновения двух миров — реального и сверхреального — так что переход от мира реальностей в мир символов ускользает от читателя и самые обыкновенные предметы как бы просвечивают иным значением, не теряя вместе с тем своего вещественного смысла” [4, с. 33].

Так, слово “вода” у А. Блока взаимодействуя в контексте с наименованиями красного цвета и его оттенков, соотносится со **страстью**: “Красный дворник плещет ведра С пьяно-алою водой, Пляшут огненные бедра Проститутки площадной” [1, т. 2, с. 149].

Анализ языковых средств выражения значений символа “Вода” в лирике А. Блока периода 1890-х – 1910-х годов позволил эксплицировать традиционную и индивидуально-авторскую символику стихии.

К **традиционному наполнению** символа “Вода” в поэтических текстах А. Блока относятся значения: **живая, одухотворенная, амбивалентная стихия, символ жизни и смерти, символ женского начала, символ времени, локус метаморфозы, символ эмоционально-чувственного мира человека, движения, зеркала, любви, света, взаимодействия стихий, символ смирения, локус мифомира славянской мифологии.**

Авторские значения представлены экспликацией соотнесенности стихии воды с артефактами, несвободой, твердью, гармонией и музыкой, цветом, сном, человеком, Богом, небом, душой, опасностью, хранением информации.

Список литературы

1. Блок А. А. Собрание сочинений. В 8-ми т. Под общ. ред. В. Н. Орлова и др. Т.1 – 3. М.-Л., Гос. изд-во художественной литературы, 1960 – 1963.

2. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: “Норинт”, 1998. — 1536 с. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. — Н. Новгород: “Русский купец”, “Братья славяне”, 1995. — 368 с.
3. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. — Н. Новгород: “Русский купец”, “Братья славяне”, 1995. — 368 с.
4. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Избр. труды. — Л.: Наука 1977. — 407 с.
5. Иванова Л. П. О мотивации изучения русского языка и литературы в учебных заведениях Украины // Проблемы викладання й вивчення російської мови в школі й вузі на сучаснім етапі / Матеріали міжнародної науково-практичної конференції (20 – 22 жовтня 2003 р.) / Упоряд., заг. ред. Арват Н. М. — Ніжин: Видавництво НДПУ ім. М. Гоголя, 2003. — 181 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 22-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1990. — 921 с.
7. Словник античної міфології / Уклад. І. Я. Козовик, О. Д. Пономарів; вступ. стаття А. О. Білецького; відп. ред. А. О. Білецький. — 2-е вид. — К.: Наук. думка, 1989. — 240 с.
8. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М. Ю. Некрасова — СПб., “Академический проект”, 2003. — 816 с.

Сыромля Н. М. Лінгвокультурологічний аспект вивчення символів в ліриці **О. Блока**. У статті розглядається лінгвокультурологічний аспект вивчення символіки стихії води в ліриці О. Блока.

Ключові слова: лінгвокультурологія, О. Блок, символ “Вода”.

Syromlya N. N. Linguaculturological aspect of studying of symbolic meanings of the element of water in **A. Block's** poems.

The article deals with linguistic ways of creating meanings of symbol “Water” in A. Block's poems.

Key words: linguaculturology, A. Block, symbol “Water”.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2006 г.

УДК 811.111'27

СОЦІОКУЛЬТУРНА МОТИВАЦІЯ ВЖИВАННЯ ВИСЛОВЛЕНЬ-ПОДЯКИ В АНГЛІЙСЬКОМУ ДІАЛОГІЧНОМУ ДИСКУРСІ

І. В. Чарікова

Стаття висвітлює проблему соціокультурної мотивації вживання висловлення-подяки в англійському діалогічному мовленні. Почуття вдячності та принцип ввічливості визначені як основні складові етико-психологічного змісту висловлення-подяки. Вибір комунікативної стратегії зумовлюється конвенціями ввічливості, які відповідають соціокультурним нормам та правилам комунікації. Як одна з найбільш важливих етикетних формул, подяка зафіксована у типових соціокультурних ситуаціях і належить до стратегій позитивної ввічливості.

Ключові слова: комунікація, прагматика, авторська інтенція, висловлення-подяка, почуття вдячності, концепція ввічливості, об'єкт подяки.

Вивчаючи мову як засіб комунікації та її комунікативні функції, все більш очевидним стає усвідомлення того, що для досягнення успішної комунікації необхідно знайти механізми впливу мовлення на людину. Комунікативну функцію мови треба розглядати у двох аспектах: як засіб мислення та спілкування і як засіб взаємодії людини з природою та суспільством. Тексти, якими обмінюються люди як одиницями спілкування, не тільки виконують функцію повідомлення, але й одночасно регулюють поведінку комунікантів. Дослідженням регулятивної впливової сторони спілкування, як відомо, займається прагматика.

В останні роки велику увагу лінгвістів та філософів привертає саме прагматичний аспект мови. Прагматика описує факти мови (як і взагалі елементи мовних систем) в аспекті людської діяльності та, відповідно, вивчає мову в плані її вживання. Інтерес до прагматики, звертання до неї пояснюється багатьма факторами. У термінологічному значенні слово „прагматика” є запозиченим з філософських семантичних концепцій для позначення відношень між знаками та особами, які вживають знак у процесі спілкування. Ч. Морріс, основоположник теорії прагматики, в 1938 році запропонував назвати терміном „прагматика” вивчення знаків у їх відношенні до інтерпретаторів, потім у 1946 році він модифікував це визначення та позначив цим терміном вивчення, походження, вживання, створення та взаємодію знаків [13, с. 125]. Деякі дослідники відносять до прагматики поняття результату та ефективності комунікації. Н. Д. Арутюнова вважає [1, с. 362], що до прагматики відноситься оцінка ефективності дискурсу, при якій здійснюється стратегія спілкування за конкретних обставин. Г. В. Колшанський називає [4, с. 4] прагматично-комунікативний аспект мови, орієнтований на кінцевий результат, ефектом мовної комунікації. Проте, увага дослідників при роботі над прагматикою текстів зосереджена насамперед на закономірностях вибору мовних засобів для оптимального вираження думки і для максимального впливу на адресата.

О. О. Леонтьєв [6, с. 22] головним елементом будь-якої предметної діяльності вважає, з одного боку, мету, а з іншого — відповідні їй дії, засоби і способи їх реалізації. Ці складові елементи відображають два аспекти функції мови, виражені в мовленні, а саме комунікативний аспект „що” мовленнєвої діяльності і прагматичний аспект „як”, „якими засобами”. Враховуючи ці два аспекти, буде доцільним розмежувати комунікативну і прагматичну цілеспрямованість тексту. Якщо перше відповідає на питання, яку інформацію слід донести до адресата, то друге, за визначенням В. Л. Наєра, є „матеріалізованим у тексті усвідомленим конкретним наміром адресанта справити відповідний вплив на адресата” [7, с. 8].

Прагматичні установки автора — це передумови створення будь-якого тексту: відправник, починаючи створювати текст, добре знає, для чого та про що він висловлюється. З поняттям авторської інтенції пов'язуються уявлення лінгвістів про включення тексту та комунікативного акту в цілому до людської діяльності, до реальних зв'язків людей між собою та предметним світом.

Розглядаючи авторську інтенцію в межах теорії тексту багато сучасних лінгвістів підкреслюють особливе прагнення творця тексту до того, щоб своїм висловленням досягнути певної мети, певним чином вплинути на адресата. Вони підкреслюють, що комунікативний намір автора спрямований не просто на оптимальну побудову висловлення, він спрямований і на розуміння цього наміру адресатом.

„Будь-яка діяльність мотивована й цілеспрямована. Стосовно мовленнєвої діяльності це означає, що є якась немовленнєва задача, для виконання якої здійснюється мовленнєва діяльність і яка вирішується мовними засобами. Висловлення або текст — це процес вирішення такого завдання і лише у другу чергу — продукт або результат такого рішення” [6, с. 25 – 26].

Основними складовими етико-психологічного змісту висловлення-подяки, що мотивують функціонування цих висловлень в акті комунікації є: почуття вдячності та принцип ввічливості. Висловлюватиме людина подяку чи ні залежить від її почуття обов'язку, особистого відчуття заборгованості перед „об'єктом подяки”.

У класифікації мовленнєвих актів Дж. Серля подяка визначається як експресивний ілокутивний акт: він виражає психологічний стан мовця по відношенню до дії, здійсненої слухачем. Найбільш важливе значення тут має суб'єктивна природа даного мовленнєвого акту, тобто на перший план виступає скоріше суб'єктивна оцінка ситуації мовцем, ніж його об'єктивне судження. В ситуації вираження вдячності мовець сприймає вчинок, здійснений слухачем, як такий, що йому приємний. Саме ця суб'єктивна природа інколи може бути причиною виникнення непорозуміння між сприйняттям мовця та слухача певної специфічної події, що у мовленні виражається виразами типу „He should have thanked me“ — „Йому слід було мені подякувати”.

Висловлення-подяка включається у мовлення лише за умови наявності чотирьох факторів: мовець, слухач, вчинок, здійснений слухачем і оцінювач, який висловлює своє позитивне ставлення або оцінку через вдячність.

Ілокутивний акт подяки здійснюється на основі процесу в якому вчинок слухача оцінюється відносно мовця і вважається таким, що йому подобається. У цьому

відношенні ми можемо стверджувати, що вчинок — суб'єкт подяки, орієнтований на мовця. Слухач, що вручає подарунок, оцінюється як такий, що приносить задоволення мовцю тільки у випадку, коли подарунок призначений саме мовцю. Таким чином, вчинок такого типу можна було б назвати як „задовільняючий мовця” (далі ЗМ).

Пропонуємо схему уживання висловлення-подяки, що виникає у ситуації, де подяка висловлюється за ЗМ-вчинок; здійсненню ЗМ-вчинку передує прохання його здійснити. Наприклад:

*A: прохання здійснити
вчинок*

B: вчинок

C: подяка

*RW: Would you mind handing me the salt
and pepper.*

JR: Oh, sure. No problem.

RW: Thank you.

В даному прагматичному процесі відбувається переміщення фокусу оцінки від слухача до мовця; мовець розглядається як винуватець здійснення „ЗМ-вчинку”. Це переміщення фокусу може бути трактоване як емпатична подія, тому, що саме так її сприймає мовець оцінюючи вчинок на нього орієнтований. І, таким чином, визначаючи висловлення-подяку, як одну з конвенцій ввічливості, ми можемо стверджувати, що ця емпатична дія використовується як конвенціоналізований стратегічний засіб відновлення дисбалансу ввічливості між співрозмовниками. А саме це ми називаємо найбільш важливою соціальною функцією подяки. Схематично вищесказане може бути зображено наступним чином:

Отже, вдячність пов'язана з оцінкою мовцем вчинку, здійсненого слухачем, незалежно від того, як до цього вчинку могли б поставитися інші. Зміст емоційного стану вдячності характеризується з негативною самооцінкою, усвідомленням свого обов'язку оцінити вчинки інших, направлені на задоволення своїх потреб та бажань. Почуття вказаної емоції підвищує поступливість, що виражається у готовності мовця якомога експресивніше показати / висловити наскільки вдячним він відчувається. Вдячність активізує такі емоційні стани, як радість, самокритичність, задоволення, що вербально виражається у висловленні-подяці.

Уживання висловлення-подяки зумовлюється конвенціями ввічливості, або “штучними універсальними [2, с. 20], що є одним з найважливіших регуляторів людської діяльності. Саме вони є універсальним, а не побічним, і вирішальним аспектом практично будь-якого природного мовленнєвого спілкування. У контексті сучасної лінгвістичної парадигми ввічливість є невіддільним компонентом таких конвенціоналізованих мовленнєвих актів, як привітання, комплімент, вибачення та подяка [5, с. 14].

Аналіз лінгвістичної літератури з проблематики вивчення концепту ввічливості [3; 8; 9; 10; 12; та ін.] показав, що серед дослідників немає одностайної думки щодо його суті. Ш. Блам-Калка підкреслює, “що системи ввічливості демонструють культурологічне відфільтровану інтерпретацію взаємодії”, а соціальне розуміння ввічливості піддається значному впливові певних культурних понять, таких як відвертість і чесність [8, с. 270]. Серед культурних відмінностей, що зумовлюють відмінності лінгвістичні при реалізації “метапрагматичного концепту” ввічливості, А. Вежбицька виділяє такі домінуючі аспекти культури комунікації як спонтанність, близькість та симпатія в одних суспільствах проти ухильності, відчуженості та байдужості в інших [16, с. 145].

Центральним поняттям теорії ввічливості є концепт гідності, запропонований І. Гофманом і описаний ним як прилюдний вияв власної гідності індивіда [10, с. 44]. У концепції І. Гофмана члени будь-якого суспільства характеризуються двома видами гідності: негативною, що виступає як потреба в самоствердженні, самоізоляції, і позитивною, що є потребою особи бути схвально оціненою іншими. Комуніканти, за І. Гофманом, повинні прийняти за загальну стратегію взаємодії “фіктивне припущення образу” [там само, с. 138], тобто діючи гіпотезу про те, що у процесі комунікації гідність індивіда є постійно під загрозою, а отже, будь-який мовленнєвий акт, що зумовлений попереднім, потенційно погрожує гідності слухача.

Розвинувши запропоновані І. Гофманом ідеї, П. Браун та С. Левінсон [9] виділили низку мовленнєвих стратегій ввічливості — комунікативних кодів, що у кожному конкретному випадку залежно від контексту й учасників спілкування ретельно урівноважують потреби комунікантів в обох видах гідності [15, с. 166]. Вони варіюють від уникнення принижуючих гідність індивіда мовленнєвих актів до їхніх реалізацій різними способами. Дослідники також розділили стратегії ввічливості на позитивні — ті, що підкреслюють соціальну спільність між мовцем і слухачем на основі схожих рис між ними, і негативні, за допомогою яких соціальна відстань між мовцями та свобода від втручання стверджуються як цінні культурні домінуючі і передумови успішної комунікації.

Вважаємо, що для висловлення-подяки позитивні стратегії ввічливості проявляються в тому, що мовець намагається зменшити ступінь завданого слухачеві клопоту і якомога скоріше донести до слухача свою позитивну оцінку, виразити своє задоволення і підкреслити яке велике значення для нього мала попередня подія і заслугу у цьому слухача, тоді як негативні стратегії відбиваються у підсиленій самокритичності та наголошенні нездатності здійснити вчинок чи розв’язати проблему своїми силами. Оскільки, як підкреслює А. Вежбицька, в англо-саксонській культурі відстань як символ індивідуалізму є позитивною культурною цінністю, що асоціюється з повагою до автономності індивіда [16, с. 156], то основними для англійських комунікантів (здебільшого в офіційних умовах спілкування) є саме стратегії позитивної ввічливості: висловлюючи подяку, мовці частіше використовують її як найпростіший засіб задоволення внутрішніх потреб виразити вдячність і, як наслідок, викликати в адресата позитивні емоції, зробити приємне, принести радість. Дякуючи, мовець, перш за все, хоче показати, що він високо цінує, схвалює послугу, допомогу,

зроблене добро, виявлену увагу адресата і, таким чином, прагне позитивно вплинути на його емоційну сферу.

Під впливом принципу ввічливості та ступеня знайомства між комунікантами частотність вживання висловлень-подяки спостерігається в “обернено-опуклій” формі (якщо градацію відносин мовців за ступенем знайомства представити у формі континууму “intimates → colleagues → strangers”): більшість формул ввічливості виникає між знайомими (наприклад, між співробітниками і друзями). У комунікації між близькими людьми або між незнайомими частотність ввічливих мовленнєвих формул зменшується [3, с. 99].

Підсумовуючи вищезазначене, зауважимо, що кожен із складників етико-психологічного змісту висловлення-подяки впливає на мотивацію вживання функціонування цих висловлень у комунікативному процесі, при чому почуття вдячності виступає як їх емоційно-модальна домінанта, а принцип ввічливості — як домінанта соціально-культурологічна.

Список літератури

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР, Сер. Лит. и яз. — 1981. — №4. — Т. 49.
2. Богомил Н. Н. Речевые акты и культура речевого общения // Актуальні проблеми вивчення мови та мовлення міжособової та міжкультурної комунікації: Міжвуз. зб. наук. праць. — Харків: Константа, 1996. — С. 20 – 21.
3. Бузаров В. В. Формулы речевого этикета в английской диалогической речи (Социолингвистический аспект) // Социальная и стилистическая вариативность английского языка: Межвуз. сб. науч. тр. — Пятигорск: Пятигорск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1988. — С. 98 – 107.
4. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. — М.: Наука, 1980.
5. Кочерган М. П. Стан і перспективи сучасного мовознавства // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Сер. Філологія. — 2003. — Т. 6, №1. — С. 5 – 19.
6. Леонтьев А. А. Основа теории речевого действия. — М.: Наука, 1974.
7. Наер В. Л. Прагматика текста и ее составляющие // Прагматика и стилистика. Сб науч. Тр. МПТИИЯ. — М., 1985. Вып. 245. — С. 4 – 13.
8. Blum-Kulka Sh. The Metapragmatics of Politeness in Israeli Society // Politeness in Language Studies in Its History, Theory and Practice. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. — P. 255 – 280.
9. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 355 p.
10. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. — Harmondsworth: Penguin, 1971. — 311 p.
11. Grice H. P. Logic and Conversation // Speech Acts (Syntax and Semantics). — Eds. Cole P., Morgan J. — New York: Academic Press, 1975. — P. 41 – 58.
12. Kasper G. Politeness // Handbook of Pragmatics. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. — P. 1 – 14.
13. Morris Ch. Foundation of the theory of signs. — Paris: The Hague, 1971.
14. Olshtain E., Blum-Kulka Sh. Degree of Approximation: Nonnative Reactions to Native Speech Act Behaviour // Input in Second Language Acquisition: Series on Issues in Second Language Research. — Cambridge: Newbury House, 1985. — P. 303 – 325.

15. Scollon R., Scollon S. B. Face in Interethnic Communication // Language and Communication / Ed. by Richards J. C. & Schmidt R. W. — L. — N.-Y.: Longman, 1990. — P. 156 – 188.

16. Wierzbicka A. Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. — 1985. — No 9. — P. 145 – 178.

Чарікова І. В. Социокультурная мотивация употребления высказывания-благодарности в английской диалогической речи.

В статье рассматривается проблема социокультурной мотивации употребления высказывания-благодарности в английской диалогической речи. Чувство благодарности и принцип вежливости определены как основные составляющие этико-психологического содержания высказывания-благодарности. Выбор коммуникативной стратегии обуславливается конвенциями вежливости, которые соответствуют социокультурным нормам и правилам коммуникации. Будучи одной из наиболее важных этикетных формул, благодарность зафиксирована в типичных социокультурных ситуациях и относится к стратегиям положительной вежливости.

Ключевые слова: коммуникация, прагматика, авторская интенция, высказывание-благодарность, чувство благодарности, концепция вежливости, объект благодарности.

Charikova I. V. Socio-cultural Motivation of Thanks-Utterance Realisation in English Speech.

The article addresses socio-cultural motivation of realization of thanks-utterance in English speech. Feeling of gratitude and politeness principle are defined as the main components of ethic and psychological content of thanks-utterance. The choice of communicative strategies is determined by conventions of politeness that corresponds to socio-cultural norms and rules of communication. As one of the most important speech etiquette rituals, thanks-utterance is fixed in typical socio-cultural situations and belongs to positive politeness strategies.

Key words: communication, pragmatics, author's intention, thanks-utterance, feeling of gratitude, concept of politeness, object of thanks.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2006 г.

УДК 81: 004.55

ГИПЕРТЕКСТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Е. Ю. Ченик

В статье рассматривается гипертекст как способ представления лексики в компьютерной лингвистике. Приведен ряд параметров, с использованием которых организуется гипертекстовое пространство.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, гипертекст, электронный словарь.

Компьютерная лингвистика сегодня — это одно из важных направлений в конструктивном описании языка. Этим и определяется тот повышенный интерес к проблемам компьютерного моделирования функционирования языка и сферам его применения, который возник в лингвистике в последнее десятилетие. В данной статье рассматривается такой способ представления лексики в компьютерной лингвистике, как гипертекст. Идея гипертекста лежит в основе многих научных исследований, что связано, прежде всего, с успешным применением гипертекстовых систем во многих лингвистических системах, и, в частности, в лексикографических. В связи с этим одним из важных вопросов компьютерных исследований является разработка теории гипертекста, ее реализации в гипертекстовых технологиях, а также возможности использования их в лексикографии. Необходимость решения этих вопросов и обуславливает **актуальность** предлагаемого исследования.

Теория нелинейной организации информационных единиц, которые эксплицируются текстом, получила свое развитие в конце XX века. В современных научных дискуссиях все чаще звучат вопросы, связанные со способами организации электронного гипертекстового пространства, возможностями навигации внутри него [1], [3], [5], [8], [9]; а также обсуждаются технологии построения гипертекстов, описываются области применения гипертекстовых систем [6], [4]. Эти ключевые проблемы и определяют **научную новизну** работы.

В современной литературе встречаются различные толкования термина *гипертекст* и *гипертекстового пространства*. Приведем некоторые из них.

Определение гипертекста, данное J. Conklin в 1987 году, является важным и определяющим по своей сути: “Механизм, заключающийся в возможности связать отрывки текста, переходить от одного к другому, называется гипертекстом, или нелинейным текстом” [11].

А. Н. Баранов рассматривает гипертекст с нескольких позиций: “С одной стороны, это особый способ представления, организации текста, с другой — новый вид текста, противопоставленный по многим своим свойствам обычному тексту, сформированному в гутенберговской традиции книгопечатания. И, наконец, это новый способ, инструмент и новая технология понимания текста” [1, с. 31 – 32].

Определение гипертекстовой технологии Ю. И. Шемакина убедительно доказывает положение о том, что гипертекст является, прежде всего, системой ассоциативных

связей между элементами текста: “Гипертекстовая технология основана на такой машинной организации текстового материала, при которой лексические единицы представлены не только линейной последовательностью, но и ассоциативными связями между ними, определенными знаниями о предметной области. [...] При достаточно обширном материале с большим количеством связей возникает весьма сложное гипертекстовое пространство в виде своеобразной семантической сети, многомерно отражающей предметную область” [8, с. 104].

На наш взгляд, важным является тезис В. Л. Эпштейна о том, что “Гипертекст можно определить как нелинейную документацию, документацию, которая ветвится и взаимосвязывается, позволяя читателю исследовать содержащуюся в ней информацию, в последовательности, которую он сам выбирает” [9].

Принимая позицию Р. К. Потаповой, под гипертекстом мы понимаем “соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания и технической среды, технических средств, дающих человеку возможность осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами” [6, с. 149].

Теория гипертекста имеет свою историю, в разработку которой вносили свои идеи как лингвисты, так и программисты. Гипертексту в его нынешнем “компьютерном” понимании предшествует нелинейный текст “ручного” составления [2]. Одним из вариантов использования такого вида гипертекста являлись карточки, которые нумеровались и снабжались взаимными ссылками. Удобство таких карточек заключалось в разбиении больших записей на несколько более мелких, которые можно легко реорганизовать с учетом новой информации.

Другая форма представления “ручного” гипертекста — словари и энциклопедии, в которых статьи или определения содержат ссылки друг на друга. Следуя по этим ссылкам, читатель может получить более полную информацию.

Документы, где есть внутренние перекрестные ссылки и отсылки к другим документам, существуют уже много столетий. Таковы, например, сочинения Аристотеля и печатные издания Библии. Так, в современных изданиях Библии текст идет в сопровождении так называемых “параллельных мест”, ссылок, вынесенных на поля.

Таким образом, ценность гипертекста, заключающаяся в возможности предоставления дополнительной информации без отвлечения от “главной” темы повествования, была замечена не нашими современниками.

Термин *гипертекст* был введен в обращение Тедом Нельсоном (Ted Nelson) в 1965 г. для описания документов (например, представляемых компьютером), которые выражают нелинейную структуру идей, в противоположность линейной структуре традиционных книг, фильмов и речи. Более поздний термин “*гипермедиа*” близок к нему по смыслу, но он подчеркивает наличие в *гипертексте* нетекстовых компонентов, таких как анимация, записанный звук и видео [7].

Под “гипертекстом” Нельсон понимал непоследовательную запись:

“Обычно процесс письма осуществляется последовательно по следующим двум причинам. Во-первых, потому, что он является производным от речи [...], которая не может не быть последовательной (так как у нас для этого только один канал), и, во-вторых, потому, что книги неудобно читать иначе как последовательно. Однако мыс-

ли образуют структуры, которые не являются последовательными — они связаны многими возможными переходами” [12].

По нашему мнению, гипертекстовое пространство организуется с использованием следующих параметров:

- 1) нелинейность;
- 2) взаимосвязь между элементами гипертекста, маршрут движения по которым выбирает сам пользователь;
- 3) способность всех элементов быть доступными в равной степени;
- 4) координация нескольких дополняющих друг друга структурных элементов, связанных по содержанию.

Рассмотрим признаки гипертекстового пространства на примере фрагмента разрабатываемого нами “Электронного словаря политической лексики”.

Нелинейность — наиболее характерная черта гипертекста — в словаре реализуется в разветвленной системе гиперссылок, которая может быть проиллюстрирована следующей схемой:

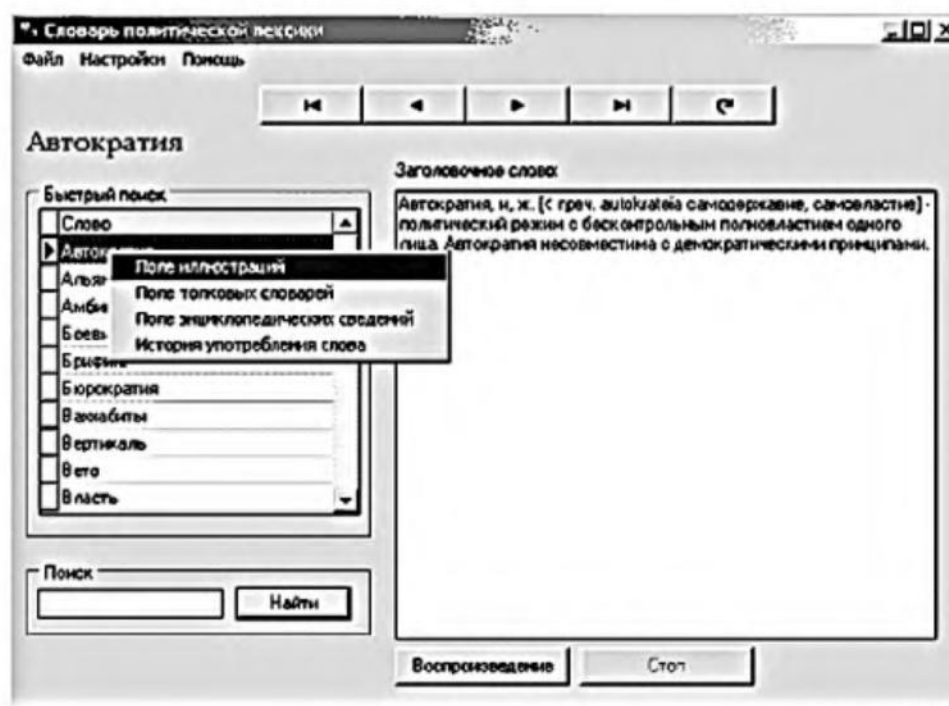
Нелинейность смысловых фрагментов обуславливает их *взаимосвязь*, навигационный путь, который пользователь может определять с помощью гиперссылок, являющихся названиями полей словаря и элементами его меню.

Способность всех элементов быть доступными в равной степени как один из важных организующих параметров реализуется в визуальном представлении каждого структурного элемента. Это показано на рисунке, иллюстрирующем интерфейс словаря (см. Рис.).

Четвертый параметр — *координация нескольких дополняющих друг друга структурных элементов, связанных по содержанию*, определяется в каждой лексеме. При этом фиксируются 5 полей, являющиеся структурными элементами словаря, например, в лексеме автократия (см. Рис) выделяются следующие поля:

- поле авторского толкования;
- поле иллюстраций;
- поле толковых словарей;
- поле энциклопедических сведений;
- поле истории слова.

Выводы

1. Одно из направлений современной лингвистики — это построение гипертекстовых систем, что является важным и актуальным не только для интерпретации текста, но и для лексикографического моделирования лексики.

2. Одной из перспектив современных гипертекстовых систем является развитие методов автоматического установления смысловых связей как внутри предметной области, так и вне ее, что позволяет пользователю отбирать релевантные для него смысловые связи.

3. Основными параметрами создания гипертекстового пространства являются его нелинейность, гибкая система переходов между элементами гипертекста, способность всех элементов быть доступными в равной степени и координация нескольких дополняющих друг друга структурных элементов, связанных по содержанию.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 360 с.
2. Зефирова В. Л., Челноков В. М. Современные гипертекстовые системы // <http://www.computer-museum.ru/histsoft/newsyst.htm>. — 8.10.06
3. Купер И. Р. Гипертекст как форма коммуникации // <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>. — 2.10.06.
4. Ованесбеков Л. Г. Технология построения гипертекстов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. — М., 1993.
5. Орехов С. И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности. // www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-21.pdf. — 8.10.06.
6. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика: Учебное пособие. Изд. 4-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2005. — 368 с.
7. Толковый словарь по вычислительной технике/ Пер. с англ. — М.:Издательский отдел «Русская редакция» ТОО «Channel Trading Ltd», 1995. — 496 с.
8. Шемакин Ю. И. Начала компьютерной лингвистики: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГОУ, А/О «Росвузнаука», 1992, 116 с.
9. Эпштейн В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы// <http://www.ru/publ/epstn.htm> — 8.10.06.
10. Bush V. As we may think // Atlantic monthly. 1945. V. 176. №1.
11. Conklin J. Hypertext: an introduction and survey // Computer. 1987. Vol.20. No 9.
12. Nelson, T. N. A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate // in: ACM 20th National Conference — Proceedings. Cleveland, Ohio, 1965. — pp. 84 – 100.

Ченик О. Ю. Гіпертекстові технології представлення лексики.

У статті розглядається гіпертекст як спосіб представлення лексики в комп'ютерній лінгвістиці. Приведений ряд параметрів, з використанням яких організовується гіпертекстовий простір.

Ключові слова: комп'ютерна лексикографія, гіпертекст, електронний словник.

Chepik E. Y. Hypertext technologies of lexis representation.

In article the hypertext is considered as a way of representation of lexicon in computer linguistics. A number of parameters which use the hypertext space will be organized is given.

Key words: a computer lexicography, hypertext, the electronic dictionary.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2006 г.

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ Т. А. ЯЩЕНКО
“КАУЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ”

(Ященко Т. А. Каузация в русском языковом сознании. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2005. — 476 с.)

Фундаментальная книга о причинности в языке

Монография Т. А. Ященко являет собой оригинальное и цельное исследование, посвященное актуальной проблеме русского языка – каузации. Она опубликована в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского в г. Симферополе в 2005 г.

В монографии предлагается новая концепция изучения как релятивной когнитивно ориентированной мегакатегории, включающей категории причины, следствия, условия, цели и уступки. Анализируя онтогенез каузации в русском языке, автор исследования приходит к выводу о необходимости учета при решении проблемы каузации как внутренней формы, так и этимологии данного концепта.

Отдельной главой монографии является исследование логико-философских аспектов изучения каузации, ее методологических основ, рассмотрение каузации в онтологическом плане и логическом аспекте.

Кроме того, Т. А. Ященко предлагает исследовать каузацию как концепт русского языкового сознания, который имеет полевую структуру. Центром поля, по мнению автора, является сама каузация, на периферии же данного концепта располагаются *причина, следствие, цель, условие и уступка*.

Автор глубоко и полно анализирует причину и целеполагание в мифологическом мышлении, рассматривает феномен двойничества как архетипическую проекцию каузации и сравнение как концептуальную базу каузативного генезиса, что представляется нам новым и интересным.

Особое исследование в рамках данного являет собой образное представление каузации в русском языковом сознании, которое рассматривается как стереотип национальной культуры. Образные основания каузации автор видит в архетипической проекции метафор каузации, а донорскими сферами метафоризации считает причинно-следственные отношения, что не вызывает наших возражений.

Специфика отражения каузации в русском языковом сознании выявляется в результате анализа обширных материалов текстов разных жанров – от фольклорных до текстов художественной литературы. Поражает особой тонкостью анализ данного концепта в творчестве Ф.И.Достоевского.

Данное монографическое исследование написано хорошим русским языком и имеет четкую структуру: состоит из предисловия, которое включает в себя фор-

мулирование целей, задач, статуса каузации в русском языковом сознании, семи глав с выводами в каждой, заключения, списка использованной литературы и списка источников, из которых черпается материал для исследования.

Таким образом, неоспоримым достоинством рецензируемой монографии является новаторский подход к проблеме каузации как когнитивно ориентированной мегакатегории.

Книга предназначена научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам филологических факультетов, а также всем, кто интересуется проблемами взаимосвязи языка и культуры, языка и логики, языка и мышления.

В. А. Маслова,
доктор филологических наук, профессор
Беларусь.

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ Л. Ф. КОМПАНЦЕВОЙ
“ГЕНДЕРНЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ”

(Компанцева Л. Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве. — Луганск: Альма Матер, 2006. — 392 с.).

Интернет-коммуникация — зона достаточно новая для лингвистических исследований, тем больший интерес представляет проблема, сформулированная автором — “Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве”. Л. Ф. Компанцева соединяет в одной монографии три дефиниции, осмысление которых славянскими учеными только началось: Интернет, гендер и постсоветское пространство. Подобное соединение возможно лишь в синтезе различных гуманитарных наук — лингвистики, лингвокультурологии, лингвогендерологии, социолингвистики, лингвокогнитологии, лингвопрагматики, т.е. всех наук, подразумевающих полипарадигмальность подходов и включающих в свое название корень *лингво-* как определяющий параметр научных подходов.

Представители современного гуманитарного знания стремятся к универсальности, и первым шагом на этом пути становится синкретизм научных направлений, отличающихся в отношении друг друга структурно-функциональным подобием, которое проистекает из изоморфизма предметов исследования определенных научных направлений. В лингвистике к одному из таких синкретических направлений относится лингвокультурологическое.

Сам термин лингвокультурология отражает лишь этап в закономерном синтезе уже существующих направлений лингвистики, например, этнолингвистики, социолингвистики, лингвогендерологии и т.д. Вместе с тем современная лингвокультурология выступает как новая самостоятельная парадигма исследовательского подхода, в рамках которой и выполнена монография Л. Ф. Компанцевой.

Автор определяет главный прагматический вектор Сети Интернет — направленность *к* и *от* личности. Антропоцентризм обуславливает психологическую привлекательность Интернет-коммуникации, определяет когнитивные условия для процессов самопредставленности и самопрезентации личности в Сети.

Определить параметры гендерной представленности личности в Интернете — задача весьма непростая, поскольку анонимность и отсутствие визуальных контактов затрудняют гендерную дифференциацию пользователей. Тем не менее, автор предлагает лингвистические параметры исследования гендера в виртуальной коммуникации: исследование ассоциативного тезауруса мужчин и женщин в Сети, дискурс-анализ их речевого поведения, определение гендерных имиджевых установок.

При всей новизне проблемы Л. Ф. Компанцева обращается к традиционным лингвистическим категориям, составляющим научный каркас исследования: *языковая личность, языковая картина мира, речевое поведение, речевой поступок, текст, дискурс* и др., но осмысливает и модифицирует их содержание в применении к инновационной коммуникативной среде — виртуальной.

Разработка Л. Ф. Компанцевой терминосистемы Интернет-коммуникации видится серьезным вкладом в развитие современной лингвистики. Автор обосновывает существование таких понятий, как *виртуальная языковая личность, виртуальное время, виртуальное пространство, виртуальный дискурс* и приводит их парадигмальные характеристики

Автор предлагает ряд новых методик исследования: изучение хронотопа виртуального мира сквозь призму грамматических категорий; определение когнитивно-прагматических составляющих виртуальной языковой личности; синтез ассоциативного эксперимента и ассоциативного анализа и др.

Монография Л. Ф. Компанцевой имеет лингвокультурологическую значимость для осознания современной языковой ситуации. Автор определяет лингвистические параметры типологии виртуальных языковых личностей и описывает эту типологию, соотнося речевое поведение типажей Рунета с их прообразами в реальном мире. Если такие виртуальные языковые личности, как *Масяня, Хакерша, Ведьма, Блондинка, Женщина-чайник* были описаны ранее (См. Е. Шерман. *Женщина в Сетях Интернет*), то образы *Женщины-коня-на-скаку-остановит, Хорошего семьянина и Виртуального мачо* описаны впервые Л. Ф. Компанцевой. Лингвокультурологическая ценность этого описания состоит в соотнесенности отмеченных типажей с социолингвистической ситуацией реальной действительности и их лингвокультурологической и прагматической интерпретации.

Обозначить механизмы взаимосвязи современной культуры и языка — задача весьма непростая. Использование традиционных лингвистических исследований для решения новых задач лингвокультурологии видится не совсем продуктивным. Л. Ф. Компанцева попыталась решить эту задачу, соединив в своей монографии как традицию, так и новацию.

Считаем, что предлагаемая читателям книга является одним из шагов для дальнейшего развития лингвокультурологии и осмысления нового феномена нового времени — Интернет-коммуникации.

В. М. Шаклеин,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАН,
Москва.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Адонина
Лариса Валерьевна** старший преподаватель кафедры русского языка и зарубежной литературы Севастопольского городского гуманитарного университета (Севастополь). E-mail: lar_sad@list.ru
- Андросюк
Наталья Владимировна** ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).
- Араева
Людмила Алексеевна** доктор филологических наук, профессор академии МАНВШ, зав. кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия).
- Балашова
Ирина Георгиевна** старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: irina_balashova@inbox.ru
- Барабуля
Антон Миколайович** викладач кафедри практики германських мов Кіровоградського державного педагогічного університету імені В. Винниченка (м. Кіровоград).
- Башкатова
Ольга Олеговна** аспирантка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).
- Бессонова
Людмила Ефимовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: lbessonova@home.cris.net
- Богданович
Галина Юрьевна** доктор филологических наук, профессор, директор Крымского научно-методического центра управления образованием АПНУ и ТНУ, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: bogdanovich@crimea.edu
- Бутко
Лариса Валентинівна** ст. викладач кафедри видавничої справи та редагування Кременчуцького університету економіки, інформаційних технологій і управління, аспірант кафедри української мови Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка (м. Кременчук).

- Вислова
Ксения Артуровна** старший преподаватель Севастопольского Национального Университета ядерной энергии и промышленности, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ им В. И. Вернадского (г. Севастополь). E-mail: visart@ukr.net
- Гадомский
Александр Казимирович** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: akazsimf@mail.ru
- Голобородько
Костянтин Юрійович** кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (м. Харків).
- Демченко
Сергій Володимирович** кандидат політичних наук, доцент, завідувач кафедри масової та міжнародної комунікації Дніпропетровського національного університету (г. Дніпропетровськ).
- Джиоева
Мария Гивиевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: gioevamg@hotmail.com
- Дубчак
Ирина Евгеньевна** аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко (г. Киев). E-mail: idubchak@ukr.net
- Жулинская
Анна Сергеевна** преподаватель русского языка и литературы традиционной школы (г. Севастополь) Julio@bk.ru
- Забашта
Роман Валентинович** аспирант кафедры русского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: zabrv@yandex.ru
- Заславская
Ирина Михайловна** аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко (г. Киев). E-mail: ireneglory@yahoo.com
- Зайцева
Ирина Павловна** доктор филологических наук, профессор русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко (г. Луганск). E-mail: zai2002@ukr.net
- Кагал
Елена Александровна** зав. архивом Института украинского языка НАН Украины (г. Киев).
- Карпенко
Ульяна Алексеевна** кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Академии муниципального управления (г. Киев).

- Клепач
Елена Викторовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия). E-mail: lena_klepach@zmail.ru
- Клипатская
Юлия Алексеевна** аспирант кафедры русского языка филологического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (г. Харьков).
- Колесникова
Ольга Вячеславовна** аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).
- Колибаба
Лариса Николаевна** кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института украинского языка НАН Украины (г. Киев).
- Компанцева
Лариса Феликсовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).
- Королёва
Ольга Петровна** старший преподаватель кафедры иностранной филологии Севастопольского городского гуманитарного университета (г. Севастополь). E-mail: inflotch@sevinfo.com.ua
- Красовская
Оксана Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Восточноукраинского национального университета им. В. И. Даля (г. Луганск) E-mail: rusistika@rambler.ru
- Лебедева
Надежда Михайловна** кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка Херсонского государственного университета (г. Херсон).
- Лобачёва
Наталья Александровна** ассистент кафедры русской филологии Крымского гуманитарного университета (г. Ялта). E-mail: lobachevana@ua.fm
- Маркова
Ганна Едуардівна** викладач кафедри масової та міжнародної комунікації Дніпропетровського національного університету (г. Дніпропетровськ).
- Машкова
Екатерина Евгеньевна** аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).
- Мартинек
Светлана Вадимовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Львовского национального университета им. Ивана Франко (г. Львов). E-mail: svetlana-martinek@yahoo.com

- Мартынюк
Анна Ярославовна** научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).
- Маслий
Елена Васильевна** аспирантка кафедры русского языка филологического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (г. Харьков).
- Маслова
Валентина Авраамовна** доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания учреждения образования Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (г. Витебск, Беларусь). E-mail: mvavit@tut.by
- Муратова
Елена Юрьевна** кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).
- Невойт
Валентина Ивановна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко (г. Киев) E-mail: valnev@ukr.net
- Николаенко
Сергей Владимирович** кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания учреждения образования Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).
- Николенко
Наталья Ивановна** ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: n-nikolja@yadex.ru
- Ничик
Нелли Никитична** кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь).
- Новикова
Татьяна Юрьевна** кандидат филологических наук, доцент Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).
- Овчинникова
Алла Николаевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Учреждения образования Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). E-mail: antonovasm@inbox.ru
- Овчинникова
Нелли Николаевна** преподаватель кафедры теории и практики английского языка Учреждения образования Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

- Петров Александр Владимирович** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). liza_nada@mail.ru
- Петрова Луиза Александровна** докторант Института русского языка им. А. С. Пушкина (г. Симферополь). liza_nada@mail.ru
- Плужникова Тамара Ивановна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (г. Киев). E-mail: natali@visti.com
- Посылина Екатерина Сергеевна** ассистент кафедры английского языка Херсонского государственного университета (г. Херсон). E-mail: posylina@gmail.com
- Потапова Елена Владимировна** научный сотрудник Крымского научного центра Национальной Академии наук Украины и Министерства образования и науки Украины E-mail: helenlpota@rambler.ru
- Прадід Юрій Федоровіч** доктор філологічних наук, професор, декан факультету української філології та українознавства, завідувач кафедри українського мовознавства Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського (м. Сімферополь).
- Пчелинцева Елена Эдуардовна** кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой украинского языка и общего языкознания Черкасского государственного технологического университета (г. Черкасы). E-mail: pchele@yandex.ru
- Руденко Наталья Сергеевна** старший преподаватель кафедры иностранных языков Севастопольского национального университета та ядерной энергии и промышленности, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Севастополь.
- Рустемов Олег Диляверович** аспирант Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко (г. Киев).
- Семиколенова Елена Ивановна** кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: esem@sf.ukrtel.net
- Ситько Юрий Леонидович** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и зарубежной литературы Севастопольского городского гуманитарного университета (г. Севастополь). E-mail: sitko1@pochta.ru

- Соловей (Шепель)
Анна Сергеевна** аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: Solovey05@mail.ru
- Соколова
Светлана Олеговна** доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и грамматики Института украинского языка НАН Украины (г. Киев). E-mail: a-senchuk@ukr.net
- Сологуб
Ольга Павловна** кандидат филологических наук, доцент, докторант Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).
- Сыромля Наталья
Николаевна** аспирант кафедры русского языка Киевского национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова (г. Киев).
- Титаренко
Елена Яковлевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: elenatit@mail.ru
- Фіголь
Надія Миколаївна** старший викладач кафедри видавничої справи та редагування Видавничо-поліграфічного інституту НТУУ „КПІ”. E-mail: vpi@vpf.ntu-kpi.kiw.ua
- Фурса
Валентина Николаевна** кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института украинского языка НАН Украины (г. Киев).
- Халина
Наталья Васильевна** доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия).
- Чарикова І. В.** старший викладач Національної академії СБ України.
- Чепик
Елена Юрьевна** аспирантка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).
- Шаклеин
Виктор Михайлович** доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия). E-mail: vmshaklein@ok.ru
- Шепель
Юрий Александрович** кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Днепродзержинского государственного технического университета, докторант Института языкознания им. А. А. Потемби НАН Украины (г. Днепродзержинск).

-
- Яковишена
Наталья Юрьевна** и.о. зав. кафедрой интенсивного обучения иностранным языкам Приднепровской государственной академии строительства и архитектуры, аспирант кафедры общего и русского языкознания Днепропетровского национального университета (г. Днепропетровск). E-mail: n_yakovyshena@mail.ru
- Ярошенко
Наталья Александровна** старший преподаватель кафедры общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета (г. Донецк). E-mail: nyaroshenko@yandex.ru
- Ярёменко
Татьяна Георгиевна** старший преподаватель кафедры украинского языка и литературы Киевского национального экономического университета им. Гетьмана (г. Киев).
- Ященко
Татьяна Антоновна** кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: T-Yashchenko@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА О. М. СОКОЛОВА И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

<i>Соколова С. О.</i> Творческое наследие О. М. Соколова и современные проблемы языкознания	5
<i>Бессонова Л. Е., Ничик Н. Н., Петров А. В., Петрова Л. А.</i> Преломление лексикологической концепции профессора О. М. Соколова в “Практической лексикологии русского языка”	15
<i>Пчелинцева Е. Э.</i> Исследование аспектуальности девербативов в свете теории имплицитной морфологии О. М. Соколова	26
<i>Невойт В. И.</i> Глаголы с приставкой РАЗ-/РАС- в лингвистическом и методическом аспектах	31
<i>Семиколонова Е. И.</i> От семантики ситуации к типу видового противопоставления русского глагола	36
<i>Титаренко Е. Я.</i> О семантической структуре глагольного слова и семно-семемной комбинаторике	45
<i>Андросюк Н. В.</i> Функционально ограниченные двувидовые глаголы в современном русском дискурсе	54
<i>Кагал О. О.</i> Особливості фазової характеристики дієслів з префіксом за-	62
<i>Колібаба Л. М.</i> Явище дивергенції у сфері віддієслівного іменникового словотвору сучасної української мови	68
<i>Яременко Т. Г.</i> Формально-семантические отношения между названиями месяцев, дней недели и их производными	73

Раздел 2.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ТЕРМИНОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ. СЕМАНТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Прадід Ю. Ф.</i> Перекладні фразеологічні словники в Україні	79
<i>Маслова В. А.</i> Синергетика и лингвистика: мода или новая парадигма знания?	85
<i>Муратова Е. Ю.</i> Специфика функционирования языкового знака в поэзии	91
<i>Яценко Т. А.</i> Дискурсивное исследование каузальных версий в плане эпистемической модальности	97

<i>Араева Л. А., Проскурина А. В.</i> Словообразовательный тип в аспекте его смысловой информативности.....	107
<i>Балашова И. Г., Новикова Т. Ю.</i> Учебная лексикография в полиэтничной среде Крыма: в поисках решения	113
<i>Бутко Л. В.</i> Неповнозначні лексичні комплекси (НЛК), співвідносні з єднальними сполучниками, в аспекті структурно-семантичних властивостей	119
<i>Гордей А. Н.</i> Семантика метасемантики	126
<i>Дубчак И. Е.</i> Болельщик как субъект спортивного дискурса (Поэтическое творчество в Интернет-коммуникации)	134
<i>Жулинская А. С.</i> Интертекстуальность и способы ее реализации в художественном тексте	140
<i>Забашта Р. В.</i> Принципы выделения лексического ядра в функциональной идеографии	147
<i>Заславская И. М.</i> Речевые жанры в современной лингвистике. Типология и особенности	153
<i>Клипатская Ю. А.</i> Функциональные особенности заимствований в современном русском политическом дискурсе	160
<i>Компанцева Л. Ф.</i> Гипертекст и виртуальный дискурс	165
<i>Лебедева Н. М., Посылина Е. С.</i> Детерминологизация в корпоративном дискурсе (на материале социальной лексики)	170
<i>Лобачева Н. А.</i> Диахронический и исторический аспекты исследования русской терминологии	174
<i>Николенко Н. И.</i> О функционировании украинских лексем “ПОМАРАНЧЕВЫЙ”, “МАЙДАН” в русском языке.....	179
<i>Овчинникова А. Н.</i> Знак и стереотип в структуре дефиниций русских производных слов.....	186
<i>Плужникова Т. И.</i> Семантика артионимов как единиц вторичной номинации	191
<i>Руденко Н. С.</i> Экологические концепты в разных типах дискурса (на материале научно-технического и поэтического дискурсов)	197
<i>Рустемов О. Д.</i> Юридическая терминология крымскотатарского языка в синхронии и диахронии: пути селекции и кодификации	202
<i>Ситько Ю. Л.</i> Материалы к словарю языка	207
<i>Сологуб О. П.</i> Документная лингвистика: становление и развитие новой научной дисциплины	215
<i>Фіголь Н. М.</i> Формування лексичного складу української мови на сторінках преси початку ХХ століття	221

<i>Фурса В. М.</i> Динамічні процеси в семантичній структурі невідмінюваних іменників	226
<i>Халина Н. В.</i> Славянская криптография: фрейминг М. А. Булгакова	231
<i>Шепель Ю. А.</i> Решение вопроса о структуре словообразовательного значения производных слов при моделировании словообразовательных рядов	238
<i>Яковишена Н. Ю.</i> О некоторых особенностях компрессии названий нормативных документов в подязыке строительства	243
<i>Ярошенко Н. А.</i> Типы лексико-семантических отношений между компонентами словообразовательных гнезд САЖАТЬ, САДИТИ и SADZIJ	248

Раздел 3.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

<i>Богданович Г. Ю.</i> Приемы формирования лингвокультурологической компетенции старшеклассников в условиях полиэтнической среды Крыма	253
<i>Шаклеин В. М.</i> Явление синкретизма в современной русской лингвокультуре	257
<i>Барабуля А. М.</i> Реалізація культурного компоненту конотативного плана лексем у фразеологічних одиницях	263
<i>Башкатова О. О.</i> Формирование конвергентных отношений в словообразовательной модели “префикс в- + глагол”	268
<i>Адонина Л. В.</i> Методика концептуального анализа (на примере концепта женщина)	272
<i>Вислова К. А.</i> Концепт “Вода”: лингвокультурный аспект (на материале словарей разного типа)	283
<i>Гадомский А. К.</i> Религиозный язык — теолингвистика — языкознание	287
<i>Голобородько К. Ю.</i> Вербалізація географічного простору України у концептосфері Олександра Олеся	293
<i>Демченко С. В.</i> Масова свідомість як складова масової комунікації	299
<i>Зайцева И. П.</i> Современный драматургический дискурс в аспекте коммуникативной стилистики	304
<i>Карпенко У. А.</i> Концепт “Победитель” итальянской культурно- языковой традиции в зеркале русской и английской	311
<i>Клепач Е. В.</i> Межкультурная коммуникация и национальный характер	316

<i>Колесникова О. В.</i> Фразеологизмы со значением эмоционального состояния и их роль в межкультурной коммуникации (на материале русского и немецкого языков)	319
<i>Корольова О. П.</i> Критерії та рівні культури педагогічного спілкування	325
<i>Красовская О. В.</i> Судебная коммуникация в межкультурном аспекте (анализ стратегического-тактического материала)	331
<i>Маркова Г. Е.</i> Громадська та інформаційна участь у суспільному житті (до визначення понять)	335
<i>Мартинек С. В.</i> Концептуализация зрительного восприятия (по материалам “Русского ассоциативного словаря”)	340
<i>Мартынюк А. Я.</i> Лексикографический источник как объект описания культурологии	349
<i>Маслий Е. В.</i> Ценностная составляющая концепта “юрродство” как самобытного феномена русской культуры	354
<i>Николаенко С. В.</i> Описание опыта обучения и изучения языков и культуры в Белорусском поозерье (XVI – середина XX века)	360
<i>Овчинникова Н. Н.</i> Межкультурная коммуникация: содержание, структура, типология	366
<i>Потапова Е. В.</i> Использование когнитивной компьютерной графики в образовательном ресурсе “magneticum”	371
<i>Соловей (Шепель) А. С.</i> Новообразования в политическом дискурсе: оценка способов перевода (методический аспект)	378
<i>Сыромля Н. Н.</i> Лингвокультурологический аспект изучения символов в лирике А. Блока	384
<i>Чарікова І. В.</i> Соціокультурна мотивація вживання висловлень-подяки в англійському діалогічному дискурсі	389
<i>Четик Е. Ю.</i> Гипертекстовые технологии представления лексики	395
Рецензия на монографию Т. А. Яценко	402
Рецензия на монографию Л. Ф. Компанцевой	404
Сведения об авторах	406